

Валерий Брюсов

**Полное собрание
стихотворений**

Валерий Яковлевич Брюсов

Полное собрание стихотворений

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176043*

Аннотация

«... Когда сейчас, с расстояния времени, смотришь на сделанное Валерием Брюсовым в литературе, во-первых, поражает быстрота, с какую совершенствовалась его душа, а значит, и творчество; во-вторых, вызывает почтительную робость объем написанного им, многообразие его интересов: от десятков книг стихов и переводов с разных языков до нескольких книг прозы и теоретических статей, романа „Огненный ангел“, мелких рецензий в нескольких редактируемых им на протяжении жизни журналах; в-третьих, удивляет этот, подмеченный В. Ходасевичем, сплав жизни и литературы, когда самые изощренные психологические переживания поэта оказываются лишь отражением реально существовавших взаимоотношений мужчины с женщиной или, наоборот, на эти взаимоотношения переносятся как самые светлые, так и самые темные озарения поэта, что приводит к результатам трагическим, вплоть до самоубийства – хоть в перетекании литературы в жизнь и жизни в литературу есть глубочайшая правда... »

(Латышев М. Из статьи «Пути и перепутья Валерия Брюсова»)

Содержание

JUVENILIA	85
Пролог	85
Сонет к форме	85
Осеннее чувство	86
Самоуверенность	87
Уныние	88
Творчество	89
* * *	90
«Она в густой траве запряталась ничком...»	90
Ученый	91
Отверженный герой	91
* * *	92
Первые мечты	94
* * *	94
* * *	95
* * *	95
* * *	96
Заветный сон	97
Из письма	98
Вечером перед церковью	99
Новые грезы	100
* * *	100

* * *	101
* * *	101
* * *	102
* * *	103
* * *	103
* * *	104
Мечты о померкшем	104
Змеи	105
В саду	106
Лирические поэмы	107
Встреча после разлуки	107
Осенний день	109
1	109
2	110
3	110
4	111
5	112
6	112
7	113
8	114
9	114
CHEFS D'ŒUVRE	116
Стихи о любви	116
Полдень Явы	116
Предчувствие	116
Перед темной завесой	117

Измена	118
Тени	119
Все кончено...	120
К моей Миньоне	121
Глупое сердце	122
* * *	123
Поцелуи	123
Во мгле	124
Утренняя звезда	125
Воспоминания о малюточке Коре	126
* * *	126
* * *	127
Криптомерии	129
В ночной полумгле	129
Опять сон	130
Ожидание	131
На журчащей Годавери	132
На острове Пасхи	133
Прокаженный	135
С кометы	136
Холм покинутых святынь	137
Моя мечта	137
Львица среди развалин	137
Жрец	138
К монахине	139
В старом Париже	140

Анатолий	141
В прошлом	142
В будущем	143
Беглец	143
В магическом саду	144
Будни	147
Туманные ночи	147
Подруги	148
Первый снег	148
Одна	149
Одна	150
В вертепе	152
Летучая мышь	152
Ночью	154
В камышах	155
Сумасшедший	155
Пурпур бледнеющих губ	156
Часы дней	158
Сонет к мечте	158
Мечта	159
После грез	159
* * *	160
Méditations[5]	161
* * *	161
* * *	162
* * *	162

* * *	163
* * *	164
Лирические поэмы	166
Снега	166
Три свидания	168
1	168
2	169
3	171
Белые клавиши	172
ME EUM ESSE	175
НОВЫЕ ЗАВЕТЫ	175
* * *	175
Юному поэту	176
* * *	177
* * *	177
Мучительный дар	178
* * *	179
Il basio[6]	179
По поводу CHEFS D'ŒUVRE	180
* * *	182
Видения	183
Весна	183
На бульваре	183
Мгновение	184
* * *	185
В трауре	185

Позор	186
Ветви	187
Мгновения	188
* * *	188
Туман	188
Продажная	189
Рассвет	189
* * *	190
* * *	190
* * *	191
* * *	191
Скитания	193
* * *	193
* * *	193
* * *	194
* * *	194
Вечер	195
* * *	196
* * *	197
Софии С., подарившей мне лепесток розы	197
* * *	198
* * *	198
Ненужная любовь	200
* * *	200
* * *	200
* * *	201

* * *	202
* * *	202
* * *	203
* * *	204
* * *	205
Ангел бледный	206
* * *	207
* * *	208
Веянье смерти	210
* * *	210
* * *	211
Последние слова	212
Посв.***	213
Записка самоубийцы	213
* * *	214
* * *	214
* * *	215
* * *	216
В пути	218
* * *	218
* * *	219
* * *	220
* * *	221
* * *	222
* * *	223
* * *	223

* * *	224
Завершение	226
Годы молчания	226
* * *	226
* * *	227
Обязательства	228
Отречение	229
Числа	229
Строгое звено	230
* * *	231
Лирические поэмы	232
Идеал	232
1	232
2	232
3	233
4	233
5	233
6	234
7	234
8	235
Сон пророческий	235
TERTIA VIGTLIA	238
Возвращение	238
Возвращение	238
Я	240
* * *	241

Любимцы веков	242
Ассаргадон	242
Халдейский пастух	243
Рамсес	244
Жрец Изиды	245
Психея	247
Цирцея	248
Кассандра	248
Моисей	249
Александр Великий	250
Ламия	252
Амалтея	253
Скифы	255
Клеопатра	256
Старый викинг	257
Данте	258
Данте в Венеции	259
Флоренция Декамерона	261
Астролог	262
Баязет	263
Дон Жуан	263
Мария Стюарт	264
Разоренный Киев	265
О последнем рязанском князе Иване Ивановиче	266
Наполеон	268

У моря	270
* * *	270
* * *	270
* * *	271
* * *	271
* * *	272
* * *	273
* * *	273
* * *	274
* * *	275
* * *	275
* * *	276
* * *	276
* * *	277
* * *	277
* * *	278
* * *	279
* * *	280
* * *	280
* * *	281
Закат	281
Еще закат	282
В стенах	284
* * *	284
* * *	284
* * *	285

* * *

286

* * *

286

* * *

287

* * *

288

* * *

288

* * *

289

* * *

290

На даче

290

* * *

291

* * *

291

* * *

292

* * *

293

* * *

293

* * *

294

* * *

295

* * *

295

Еще сказка

297

Женщине

297

Любовь

298

* * *

298

* * *

299

* * *

300

* * *

301

* * *

302

* * *

303

* * *

303

* * *	304
* * *	305
* * *	306
* * *	307
* * *	307
* * *	308
* * *	308
«О да! Я – темный мотылек...»	309
* * *	310
* * *	311
* * *	312
Милая правда	313
Первая звездочка	313
В день святой Агаты	314
Я люблю ...	314
Близкой	315
Фея фонтанов	316
* * *	317
Колыбельная песня	318
* * *	319
Близким	321
К портрету Лейбница	321
К портрету М. Ю. Лермонтова	322
На смерть И. Лялечкина	322
К портрету К. Д. Бальмонта	323
К. Д. Бальмонту	324

Юргису Балтрушайтису	325
«Призраки», картина М. Дурнова	326
Г. Г. Бахману	327
Случайной	328
Памяти Е. И. П.	329
Ей же	329
По поводу сборников «Русские символисты»	330
По поводу «ME EUM ESSE»	330
К самому себе	331
Книжка для детей	333
Зеленый червячок	333
Красная Шапочка	334
Дозор	335
Рождество Христово	337
Пасха, праздникам праздник	338
В старинном храме	339
Слепой	340
Мыши	341
Демоны пыли	342
Коляда	343
Девочка	345
Утро	346
Пред грозой	346
Из дневника	348
Глаза	348

К Большой Медведице	349
Величание	350
Тени прошлого	350
Ви́ла	351
Звезда морей	352
К металлам	353
За пределами сказок	354
Случайности	355
Дачи осенью	356
Песня	357
Папоротник	358
Жизнь	359
Прозрения	361
В неконченом здании	361
В дни запустения	362
Брань народов	364
Братьям соблазненным	365
Каждый миг	366
Устои	367
Проблеск	369
Отрады	371
Мы	373
Мы	373
Я знаю ...	373
Люцифер	374
Залог	375

Сорона	375
Жернова	376
Духи земли	377
Золото	378
* * *	380
Еще «мы»	381
* * *	381
* * *	382
* * *	383
Лирические поэмы	384
Краски	384
Сказание о разбойнике	387
Аганат	389
Астарта Сидонская	389
I	391
II	392
III	393
IV	394
V	396
Царю Северного полюса	397
Вступления	397
I	398
II	399
III	401
IV	403
V	405

VI	406
VII	409
VIII	413
IX	414
Предание о Луне	415
Замкнутые	419
I	419
II	421
III	424
IV	426
V	428
URBI ET ORBI	431
Вступления	431
* * *	431
Лестница	432
Последнее желанье	433
У себя	434
Побег	435
Работа	437
Мечтание	438
Искатель	439
Нить Ариадны	441
Блудный сын	442
У земли	444
В ответ	446
Песни	448

Фабричная	448
Фабричная	449
Детская	451
Сборщиков	452
Девичья	453
Веселая	454
Баллады	456
Раб	456
Пеплум	458
Помпеянка	460
Путник	461
Решетка	464
У моря	465
Думы	467
L'ennui de vivre...[10]	467
НАВЕТ ILLA IN ALVO[11]	470
Искушение	473
Италия	477
Париж	480
Мир	484
IN NAS LACKIMARUM VALLE[12]	487
Элегии	492
Женщинам	492
Свидание	493
В Дамаск	495
Гиацинт	496

Подражание Гейне	498
Прощальный взгляд	499
К близкой	500
Пытка	502
Эпизод	503
1	503
2	504
3	505
Таинства ночей	505
Одиночество	507
Сонеты и терцины	509
Отвержение	509
Втируша	510
Сонет	510
Хмель исступленья	511
Лесная дева	512
Mon rête familier[13]	515
Sancta Agatha[14]	517
Терцины к спискам книг	519
Картины	521
Люблю одно	521
Раньше утра	522
Каменщик	523
Мальчик	524
Царица	525
Прохожей	526

Голос часов	527
На скачках	528
Чудовища	529
Зимние дымы	530
Оклики демонов	531
Ночь	533
Зимняя красота	534
Прелести земли	535
Антология	536
Яростные птицы	536
Сладострастие	536
В раю	537
Сон	539
Лед и уголь	540
Знойный день	541
Облака	542
На песке	543
Колыбельная песня	544
Терем	545
Витязь	546
1	546
2	547
3	547
Камни	548
Презрение	549
К устью!	550

Оды и послания	551
К. Д. Бальмонту	551
Ему же	553
Лев Святого Марка	554
Венеция	556
Памяти И. Коневского	557
Андрею Белому	558
Младшим	559
Юргису Балтрушайтису	560
З. Н. Гиппиус	561
В. И. Прибыткову	562
Июль 1908	563
Лирические поэмы	565
Город женщин	565
Последний день	569
Во храме Бэла	572
1	572
2	574
3	576
4	577
5	578
СТЕРНАНОС	580
Посвящение	580
Вячеславу Иванову	580
Вечеровые песни	582
Приветствие	582

* * *	583
«Помню вечер, помню лето...»	584
Туман	585
Голос прошлого	586
Охотник	587
Целение	588
Тишина	589
Первые встречи	590
Вечер после дождя	591
На Сайме	593
* * *	593
* * *	594
* * *	595
* * *	595
* * *	596
* * *	597
* * *	598
* * *	598
Правда вечная кумиров	600
К Деметре	600
Адам и Ева	601
Орфей и Эвридика	604
Медея	606
Бальдеру Локи	609
Тезей Ариадне	610
Ахиллес у алтаря	612

Клеопатра	614
Антоний	615
Патмос	616
Орфей и аргонавты	618
Из ада изведенные	620
В полдень	620
Портрет	621
Жрице Луны I	623
Жрице Луны II	624
Кубок	625
Молния	626
В застенке	627
Видение крыльев	628
В трюме	629
Последний пир	631
В склепе	632
Два голоса	633
Из ада изведенные	635
Маргерит	636
Мгновения	638
* * *	638
* * *	639
* * *	639
* * *	640
Из песен Мальдуна	641
Прощание	643

Повседневность	644
Встреча	644
На улице	645
В публичном доме	646
В ресторане	647
Каменщик	648
В игорном доме	649
В вагоне	651
Крысолов	652
После пира	654
Гребцы триремы	655
К олимпийцам	657
Современность	659
Кинжал	659
К Тихому океану	660
Война	661
На новый 1905 год	662
К согражданам	664
Цусима	665
Юлий Цезарь	666
Одному из братьев	668
Знакомая песнь	669
Цепи	670
Паломникам свободы	671
Уличный митинг	672
Лик Медузы	673

Довольным	674
Грядущие гунны	675
К счастливым	677
Фонарики	679
Лирические поэмы	681
Слава толпе	681
Духи огня	683
В сквере	687
Конь блёд	689
I	689
II	690
III	691
IV	691
Все напевы	693
Поэту	693
Близкой	695
Элегии и буколики	697
Одиночество	697
Вечеровые песни	699
Сумерки	699
Февраль	700
У гроба дня	701
Вечер среди снегов	702
Выть без людей	702
На Гранитах	704
К Швеции	704

На Мэларе	705
Стокгольм	706
На Гранитах	707
В море	708
Угрюмый час	709
На Готланде	709
Висби	710
Прибой	711
Эхо	712
В шхерах	713
В поле	715
Век за веком	715
Весенний дождь	716
Август	717
В лугах	718
Осеннее прощание эльфа	720
* * *	721
Радуга	722
Мгновения	724
Час воспоминаний	724
Который раз	725
Грустный вечер	726
Сны	727
Усталость	728
Ангел благого молчания	729
Ликорн	731

Эротика	732
Отречение	732
Ερωσ ανικατε μακαν[21]	734
Встреча	734
Неизбежность	735
Ее колени...	736
Лишь одного!	737
К Пасифае	737
Ночные цветы	738
Призрак неизбежный	739
В потоке	740
Благословение	741
Потомок	743
Мертвая любовь	745
Ранняя осень	745
Снова	746
Холод	747
В полночь	748
Умирающий костер	749
Из тихих бездн	750
Обреченный	752
Голос	752
Ответ	753
Осенью	754
Себастьян	755
Видение	756

Бой	757
Лунный дьявол	758
La belle dame sans merci	759
Сонаты	761
Обряд ночи	761
Возвращение	764
В эпическом роде	767
Жизнь	767
Надписи к гравюрам	769
За утесом	769
Освобождение	770
Встреча	771
Монах	772
Noli me taniere, Maria[23]	773
Видения	776
Повольник	776
Русалка	777
Самоубийца	778
Голос мертвого	779
Побег пастуха	780
Стихи на изразцах	781
Жалоба героя	782
Триумфатор	783
Женщины	785
Заклинание	785
Ожидание	786

Весенняя песня девушек	788
Уголек	789
Наша тень	790
В том же парке	791
В городе	793
Голос города	793
Городу	794
Вал	796
Уличная	797
Вечерний прилив	798
Оды и послания	800
Хвала человеку	800
Правда вечная кумиров	803
Оры	803
Гесперидовы сады	804
Дедал и Икар	806
Одиссеи	809
Эней	810
Приветствия	813
К Медному всаднику	813
Карл XII	814
К собору Кемпэра	815
Опять в Венеции	816
На Форуме	817
Над океаном	818
Отлив	818

Прилив	819
Современность	822
Служителю муз	822
Флореаль 3 года	823
Дух земли	824
Наш демон	826
Кому-то	827
Послания	829
М. А. Врубелю	829
З. Н. Гиппиус	830
Андрею Белому	831
М. А. Кузмину	833
Равному	834
Воссоздателю	835
Встречной	836
Е. Т.	837
Начинающему	838
Исполненное обещание	839
1	839
2	842
3	845
4	847
5	850
6	852
Заключение	854
Оправдание земного	854

Сеятель	855
Звезда	856
Фэтон	857
Зеркало теней	859
На груди земной	859
* * *	859
На вечернем асфальте	861
«Снова, с тайной благодарностью...»	862
«Идут года. Но с прежней страстью...»	863
Объятия снов	865
Сон	865
Кошмар	866
Бессонница	868
Радостный миг	869
Неизъяснимы наслажденья	871
Демон самоубийства	871
На пляже	873
Офелия	874
Соблазнителю	876
Le paradis artificiel[27]	877
В пустынях	879
Под мертвой луною	883
В моей стране	883
Зерно	885
* * *	886
* * *	887

* * *	888
Родные степи	890
По меже	890
* * *	891
* * *	892
* * *	893
Летняя гроза	894
* * *	895
На лесной дороге	896
Страсти сны	898
«Венок»	898
* * *	899
* * *	901
* * *	902
* * *	904
* * *	905
Слова тоскующей любви	907
* * *	907
Льдинка	908
Южный крест	909
Предчувствие	910
На заре	911
Покорность	912
Милый сон	913
Жизни мгновения	915
Вечеровая песня	915

Ночное одиночество	916
На берегу	917
Случайная стрела	918
Утром	919
В наемной комнате	920
В ресторане	921
После ночи...	923
По торжищам	924
Романс	924
Портрет	925
На горячем песке	926
Дождь в городе	927
Прощание	928
У колонны	929
Улица	929
В игорном доме	931
В церкви	932
Милое воспоминание	934
Близ моря	934
Фирвальштеттское озеро	935
Мюльбах	936
На леднике	937
В итальянском храме	938
На могиле Ивана Коневского	940
Святое ремесло	942
Поэт – музе	942

Родной язык	943
Ответ	945
Предчувствие	946
Властительные тени	948
Египетский раб	948
Моисей	949
Клитемнестра	952
Смерть Александра	954
Сулла	957
Крестная смерть	958
Фауст	959
Грядущему привет	962
Александрийский столп	962
К финскому народу	963
К моей стране	965
Для всех	967
Памяти В. Ф. Комиссаржевской	967
К. Д. Бальмонту	968
Признание	969
Посвящение	970
В ответ на одно признание	971
В альбом девушке	972
В альбом Н.	973
Сандрильоне	974
В альбом	975
Семь цветов радуги	977

Оранжевый	977
Я сам	977
Sed non satiatuſ...	977
Юношам	979
О чем еще мечтать?	981
Ожерелье	982
Летом 1912 года	983
Должен был...	985
Памятник	986
Сын земли	987
Сын земли	987
Земле	989
Предвещание	990
Земля молодая	992
Детские упования	993
Перед тобою я	995
Гимн богам	995
Гимн Афродите	996
Царица Страсть	997
Истинный ответ	999
Ultima thule	1000
Зеленый	1002
В стране тишины	1002
В разные годы	1002
Иматра	1003
Над Иматрой	1004

У круглого камня	1005
Сайма	1006
Неведомый прохожий	1008
Закат над морем	1008
Над северным морем	1009
Океан и дюны	1010
В Голландии	1012
К северному морю	1012
Зимнее возвращение к морю	1014
Вечер над морем	1015
Природы соглядатай	1016
Вечерний Пан	1016
Вечером в дороге	1017
Весной	1018
Весеннее	1019
Ночью светлой	1020
Цветики убогие	1021
Крот	1021
Туман осенний	1022
Сухие листья	1024
Красный	1026
Под улыбкой солнца	1026
В том же парке	1026
Сказка	1028
В лодке	1029
Дождь и солнце	1030

После скитаний	1031
В буйной слепоте	1032
* * *	1032
* * *	1033
* * *	1034
* * *	1035
* * *	1036
* * *	1037
«Я помню легкие пиластры...»	1038
* * *	1039
* * *	1041
Там, у входа	1042
Безвестная вестница	1042
На санках	1044
В лодке рыбацкой	1045
В старинной риге	1046
Мгновенья мгновеннее	1047
Сиреночка	1049
Умершим мир!	1050
Желтый	1052
Стоим, мы слепы...	1052
Последняя война	1052
Старый вопрос	1054
Наши дни	1056
Круги на воде	1057
Пора!	1058

На Карпатах	1060
Чаша испытаний	1061
Высоких зрелищ зритель...	1062
Польше	1063
В Вильно	1064
Все чаще	1065
В Варшаве	1066
Аэропланы над Варшавой	1067
Поле битвы	1068
Пиршество войны	1070
На память об одном закате	1071
В окопе	1072
Казачье становье	1073
Деревенские рифмы	1074
Каждый день	1075
Там, на западе	1076
Западный фронт	1076
Фламандцам	1077
Тевтону	1078
Синий	1080
В жизни человеческой	1080
Синема моего окна	1080
Портрет	1082
Женский портрет	1083
Завещание	1084
На церковной крыше	1085

Простенькая песня	1087
Она	1089
На шумных улицах	1090
Электрические светы	1090
Вечером	1092
На полетах	1093
У канала	1094
Панихида	1095
Детский блеск очей	1096
Девочка с куклой	1096
Девочка и ангел	1097
Девочка с цветами	1097
Вербная суббота	1098
Квартет	1099
Две головки	1100
Голубой	1102
В старинном замке	1102
Баллада ночи	1102
Баллада о любви и смерти	1103
Баллада воспоминаний	1105
За картами	1106
Секстина	1107
В маске	1109
Образы времен	1109
Мумия	1111
Иксион и Зевс	1112

Филлида	1114
В разрушенном Мемфисе	1115
Сны	1117
На песке	1119
В ваших чертогах	1120
«Вот вновь мои мечты ведут знакомый танец...»	1120
Гарибальди	1122
Певцу «Слова»	1123
Петербург	1124
Три кумира	1126
«Бахус» Рубенса	1127
Фиолетовый	1129
В душевной глубине	1129
Новая сестра	1129
Умиравший день	1131
Океан – ручью	1132
Ночь	1133
Усни, белоснежное поле	1134
Все	1135
Над омутом	1136
Калейдоскоп	1137
В минуту жизни...	1139
У райских врат	1139
Единоборство	1140
Молиться	1142

Рондо	1143
Чей-то зов	1143
В лесу	1144
На памятном листке	1145
Н. Н. Сапунову	1146
На смерть А. Н. Скрябина	1147
Ф. Сологубу	1148
Игорю Северянину	1148
Игорю Северянину	1149
Николаю Бернеру	1150
Путь к высотам	1151
Мой маяк	1152
Девятое марта	1152
Лира и ось	1154
Девятая камена	1157
Наедине с собой	1157
Ожиданья	1157
Десятая часть	1159
Лишь безмятежного мира...	1160
Ожерелья дней	1161
О себе самом	1163
В дни красных знамен	1166
Молитесь	1166
К Петрограду	1167
Освобожденная Россия	1169
На улицах	1170

В мартовские дни	1172
Столп огненный	1174
Свобода и война	1176
Из дневника	1177
1. Полно	1177
2. Потоп	1178
Пред зрелищем войны	1180
Орел двуглавый	1180
Противоречия	1182
1. Песни	1182
2. Любимые мелочи	1183
Падшие цари	1183
Рыбье празднество	1185
Разговор	1187
Тридцатый месяц	1192
В Армении	1194
К армянам	1194
К Армении	1196
Баку	1198
В Тифлисе	1200
Путевые заметки	1201
1	1201
2	1202
3	1203
К Арарату	1203
Арарат из Эривани	1204

В Баку	1206
Тигран Великий	1208
Победа при Каррах	1210
Меж прошлым и будущим	1212
Золотой олень	1212
Мы – скифы	1213
Изречения	1215
1. Афинский поденщик говорит:	1215
2. Эпитафия римским воинам	1216
Тайна деда	1216
Драма в горах	1217
Евангельские звери	1219
В стране мечты	1225
Последние поэты	1225
Счастье уединения	1229
Город сестер любви	1231
В действительности	1234
Футуристический вечер	1234
Уголки улицы	1235
1	1235
2. Она ждет	1236
Дама трэф	1236
Провинциальная картинка	1238
Праздник в деревне	1239
В цыганском таборе	1241
Виденья города	1242

На Ладоге	1243
1. Буря и затишье	1243
2. Парус и чайка	1244
В родных полях	1246
Снежная Россия	1246
Утренняя тишь	1247
Родные цветы	1248
1. Ландыш	1248
2. Иван-да-марья	1249
3. Венок из васильков	1251
Мраморная арка	1252
Лесные тропинки	1254
В гамаке	1254
По грибы	1256
Святогор	1257
Черные вороны	1258
Вдоль моря	1259
Тусклая картинка	1261
Ночью	1262
Ночь	1262
Ночью у реки	1263
Восход луны	1264
Закатный ветер	1265
Ночной гном	1266
Ночные страхи	1267
На закатном поле	1268

Близ милых уст	1270
Это – надгробные нении...	1270
Привет через звезды	1270
Trionfo della morte[40]	1272
Последнее счастье	1273
Опять мгновения	1274
1. Снежный призрак	1274
2. Качели	1275
3. В ладье	1276
Над вечной тайной	1278
Марфа и Мария	1278
Выходы	1279
Уйди уверенно	1282
Перешедшие – оставшимся	1283
Сонет к смерти	1285
В альбомах	1286
Мы	1286
В альбом Н***	1287
П. И. Постникову	1288
К. А. Коровину	1289
Клавдии Николаевне ***	1290
Ов. Иоаннисиану	1291
И. Туманьяну	1291
Мое упорство	1292
Последний спор	1293
Роковой ряд	1294

1. Леля	1294
2. Таля	1295
3. Маня	1296
4. Юдифь	1296
5. Лада	1297
6. Таня	1298
7. Лиля	1299
8. Дина	1299
9. Любовь	1300
10. Женя	1301
11. Вера	1302
13. Надя	1302
13. Елена	1303
14. Последняя	1304
15. Заключительный	1305
16. Кода	1306
Сны человечества	1307
[Песни первобытных племен]	1307
Из песен австралийских дикарей	1307
1	1307
2	1307
[Отзвуки Атлантиды]	1309
Женщины Лабиринта	1309
Пирамиды	1311
Город вод	1314
Эгейские вазы	1317

Египет	1320
Поучение	1320
Ассирия	1322
Клинопись	1322
Эллада	1324
Из песен Сапфо	1324
1	1324
2	1324
3	1325
4	1325
Из Александрийской антологии	1326
К Сапфо	1326
1	1326
2	1326
3	1327
Рим	1328
Ода в духе Горация	1328
В духе Катулла	1329
В духе латинской антологии	1330
1	1330
2	1330
3	1331
В духе римских эротиков	1331
1	1331
2	1332
3	1332

В духе первых христианских гимнов	1332
Индия	1334
В духе лириков	1334
1	1334
2	1334
3	1335
4	1335
5	1335
6	1336
Подражание Рабиндранату Тагору	1336
Персия	1338
Персидские четверостишия	1338
1	1338
2	1338
3	1338
4	1339
Газели	1339
1	1339
2	1340
Япония	1342
Японские танки и хай-кай	1342
1	1342
2	1342
3	1343
4	1343
5	1343

6	1344
7	1344
Индокитай	1345
Две малайские песни	1345
1	1345
2	1346
Арабы	1347
Из арабской лирики	1347
Армения	1348
Армянская народная песня	1348
Подражание ашугам	1349
1	1349
2	1350
Скандинавия	1352
Пророчество о гибели азов	1352
Европейское средневековье	1354
Канцона к даме	1354
Дворец любви	1355
Испания	1357
Испанские народные песни	1357
1	1357
2	1358
Rico franco	1358
Франция XV—XVI вв.	1361
Баллада о женщинах былых времен	1361
Песня из темницы	1362

Виланель	1364
Италия эпохи Возрождения	1366
Сонет в духе Петрарки	1366
Сонет в духе XIV в.	1367
Англия	1368
Смерть рыцаря Ланцелота	1368
Германия	1371
Пляска смерти	1371
Das Weib und der Tod[44]	1374
Надписи на воротах	1375
1	1375
2	1376
3	1376
Франция XVII-XVIII вв.	1377
Послание Малербу	1377
Летний бал	1379
Прогулка	1381
Ручей	1382
Латыши	1384
Подражания народным песням	1384
1	1384
2	1385
Романтизм	1387
Иньес	1387
Песни в духе Г. Гейне	1388
1	1388

2	1389
В духе Эйхендорфа	1390
Друзья	1391
Черт и ведьма	1392
Романтические баллады	1394
Похищение Берты	1394
Прорицание	1399
Дополнение	1404
Песня гренландцев	1404
Песня древнего народа	1405
Песня североамериканских индейцев	1406
Атлантида	1407
Царь о себе самом	1408
Надпись	1409
Гимн Нилу	1410
* * *	1412
Гимн Атону	1413
Заклинание	1414
* * *	1415
Псалом Давида	1416
* * *	1417
Китайские стихи	1418
1	1418
2	1418
3	1418
4	1419

5	1419
Японские танки и ута	1419
1	1419
2	1420
3	1420
4	1421
5	1421
* * *	1421
Подражание труверам	1422
Песнь прокаженного	1423
Испанская песенка	1425
Сонет в манере Петрарки	1427
* * *	1428
Последние мечты	1430
Душа истаивает...	1430
В горнем свете	1430
Пророчества весны	1431
При свете луны	1433
Ученик Орфея	1434
Сорок пятый раз	1436
Жить на воле...	1439
Зов автомобиля	1439
Лунная ночь	1440
Солнцеворот	1441
Благовесть весеннего утра	1442
Апрельский хмель	1443

Веснянка	1444
Перед маем	1446
Тропическая ночь	1447
Единое счастье – работа!	1449
Работа	1449
Пока есть небо	1450
Пусть пред окном моим...	1452
Голос иных миров	1453
Образы святые	1456
Библия	1456
Три яблока	1458
Ариадна	1459
Жалоба Фессея	1459
Ариадна	1462
Мировой кинематограф	1463
Это все – кошмар!	1465
Кошмар	1465
Затравленный зверь	1466
Библиотеки	1467
Наутро после шабаша	1468
Из наблюдений	1469
Перед электрической лампой	1470
Маленькие дети	1473
Детская площадка	1473
Праздники	1475
Детская спевка	1477

Колыбельная	1478
Сонеты	1480
Миги	1480
Наряд весны	1481
На полустанке	1481
Максиму Горькому в июле 1917 года	1482
Беглецы	1483
Memento mori[45]	1484
В такие дни	1486
В зареве пожара	1486
России	1486
Третья осень	1487
К русской революции	1489
Парки в Москве	1491
Весной	1492
Нам проба	1493
Товарищам интеллигентам	1495
Только русский	1496
К Варшаве!	1498
Мятеж	1500
Серп и молот	1503
Над мировым костром	1505
В такие дни	1505
На высях	1506
Под гулы и взрывы	1507
Вещий ужас	1508

Рассвет	1509
Заклятье Эроса	1510
Klassische Walpurgisnacht[46]	1511
Гимн Афродите	1512
Шаги Афродиты	1514
Шаги Афродиты	1514
Стрелы ресниц	1516
После дождя	1517
Египетский профиль	1518
Срок	1519
Две вазы	1520
Ночная улица	1521
Хмельные кубки	1522
Длятся, длятся...	1523
Руками плечи...	1524
От столетий...	1525
Череп на череп...	1526
Завес веков	1528
В дни, когда...	1528
Романтикам	1529
Одиссей у Калипсо	1530
Одиссей у берегов феаков	1531
Цезарь Клеопатре	1533
Геро и Леандр	1534
Боттичелли	1536
Все люди	1537

Приветствия	1539
А. В. Луначарскому	1539
К. Д. Бальмонту	1540
Памяти одной	1541
Памяти другой	1542
Мадригал	1544
К Адалис	1545
К А— —	1546
Посвящение	1547
А здесь, в уме...	1549
В первый раз	1549
Во мне	1550
Будь мрамором	1551
День	1553
В смерть	1554
Пределы	1555
Одно лишь	1556
Первый меридиан	1557
День за днем	1558
Миг	1560
Кругозор	1560
Смотреть в былое	1560
Груз	1561
Одиссей у Калипсо	1562
Римини	1564
Внесенный	1565

Апрель	1566
Еврейским девушкам	1567
Из прежде в теперь	1568
Грядущий гимн	1568
Октябрь 1917 года	1569
Коммунарам	1570
Оклики	1571
Советская Москва	1573
Просверк	1575
Сеет Хронос	1575
Зачем?	1576
Над сном надежд	1577
Инкогнито	1578
Искра	1579
Звено в цепь	1580
Тень света	1582
Вскрою двери	1582
Этот вскрик	1583
Был мрак	1584
Кубок Эллады	1585
Даль	1586
Кондор	1587
Вечерняя флейта	1588
Еще так нежны...	1589
Дом видений	1591
Дом видений	1591

Пифагорейцы	1594
I	1594
II	1599
III	1603
IV	1610
Дали	1612
Века и пространства	1612
Красное знамя	1612
Мы все – Робинзоны	1613
Кругами двумя	1615
Легенда лет	1616
Принцип относительности	1617
Nihil[49]	1618
Pou sto[50]	1619
Мы и те	1620
Разочарование	1621
Молодость мира	1622
Минуты	1624
Там, в днях...	1624
Весенняя песня о любви	1625
С Ганга, с Гоанго...	1626
Годы в былом	1627
Лишь миги	1628
В прятки	1629
От виска и до виска	1630
Кто? – мы? Иль там...	1631

Под зимним ветром	1632
Искушение гибели	1633
Чуть сквозь улыбку	1636
Над картой Европы 1922 г.	1636
Перед съездом в Генуе	1637
Сегодня	1639
Прикованный Прометей	1640
Загадка Сфинкса	1641
Пленный лев	1642
Новый синтаксис	1643
Стихи о голоде	1645
Стихи о голоде	1645
Меа	1649
В наши дни	1649
Магистраль	1649
После смерти В. И. Ленина	1651
Ленин	1652
У Кремля	1653
Шестая годовщина	1654
СССР	1656
ЗСФСР	1657
Штурм неба	1658
Эры	1660
В мировом масштабе	1662
Машины	1662
Невозвратность	1664

Мир электрона	1665
Мир N измерений	1666
Явь	1667
Как листья в осень	1668
Атавизм	1669
Хвала зрению	1670
В деревне	1672
Не память...	1672
Родное	1673
Из лесной жути	1674
Умильные слова	1675
Лесная тьма	1676
Дождь перед ночью	1677
Зимой	1678
Современная осень	1680
Из книг	1682
Книга	1682
Общая станция	1683
Тетрадь	1684
Елена у Париды	1685
Диадокси	1686
Бодлер	1688
Вариации на тему «Медного всадника»	1689
Мысленно	1693
Мысленно, да!	1693
Молодость мира	1694

Над снегом Канады	1695
В Тихом океане	1697
Марриэтовы мичманы	1698
Песня девушки в тайге	1699
Где-то	1700
Наедине с собой	1702
Та же грудь	1702
Это я	1703
У смерти на примете	1704
Домовой	1705
Ариадне	1706
Мертвец	1707
Так вот где...	1709
Два крыла	1710
Пятьдесят лет	1711
Бреды	1714
На рынке белых бредов	1714
Ночь с привидениями	1715
Симпосион заката	1717
Карусель	1718
Волшебное зеркало	1720
Дачный бред	1721
Стихотворения, не включавшиеся В. Я. Брюсовым в сборники	1723
Поэзия	1723
Поэзия	1724

***	1725
При посылке П. Верлену перевода «Романсов без слов»	1726
Тема предчувствий	1727
***	1728
***	1729
***	1730
***	1731
***	1732
***	1733
***	1734
***	1735
Кучи свезенного снега	1736
***	1738
В библиотеке	1739
***	1741
***	1742
***	1743
***	1745
***	1746
***	1747
***	1749
***	1750
Ранняя весна	1751
***	1752
***	1753

***	1754
Спинозианы	1755
***	1756
«Я часто размышлял о сущности вещей...»	1757
К ветрам	1758
Два мака	1760
Весталка	1761
Слишком	1762
***	1763
***	1765
***	1766
Охота за кабаном	1768
***	1769
***	1771
А. М. Добролюбову	1772
Стихи о любви	1773
Подземные растения	1774
К солнцу	1775
Песня	1776
Однострочные стихотворения	1778
I	1778
II	1778
III	1778
IV	1779
V	1779
Эпиталама	1780

«Сквозь разноцветные стекла закат...»	1781
***	1783
***	1784
***	1785
Я люблю другого	1786
***	1787
***	1788
Летний праздник	1789
***	1790
***	1791
***	1792
***	1793
К прошлому	1794
«В последний раз пропел петух...»	1795
***	1796
Поликрат	1797
***	1798
***	1799
«Твои стихи – как луч случайный...»	1800
Весенняя поэма	1801
1	1801
2	1801
3	1802
Вступления к поэме «Атлантида»	1803
I	1803
II	1804

Отрывок	1805
Пифия	1806
Полнолуние	1807
Встреча	1808
* * *	1809
Сестре	1810
К Бальмонту	1811
Перепевы Бальмонта	1812
* * *	1813
* * *	1814
Сонет, посвященный поэту П. Д. Бутурлину	1815
Рондо	1816
Дома	1817
* * *	1818
На заданную тему у Случевского	1820
Сонет о поэте	1821
Железный путь	1822
На осуждение Дрейфуса	1823
За пределами сказок	1825
* * *	1826
* * *	1827
* * *	1828
Матери на именины	1830
Из детской книжки	1831
* * *	1832
* * *	1833

***	1834
За городом	1835
***	1837
***	1839
***	1840
***	1841
***	1842
***	1843
***	1844
***	1845
***	1846
Мона Лиза	1847
Братья бездомные	1849
***	1851
***	1852
***	1853
***	1855
***	1856
***	1857
***	1858
***	1860
***	1864
Sub specie aeternitatis[58]	1866
***	1868
***	1869
***	1871

***	1873
***	1875
***	1876
***	1877
«Над бредом наших разных ликов...»	1878
Орфей	1879
***	1882
Сфинкс	1883
***	1886
«Скорпиону» и «Грифу»	1887
Максимилиану Шику	1888
***	1889
***	1891
***	1892
К народу	1893
***	1896
Весы качнулись	1897
Близким	1898
I	1898
II	1899
Предание	1901
I	1901
II	1902
III	1903
Плач Лаодамии	1906
Под утро	1908

Остров	1909
Нить	1910
* * *	1911
* * *	1912
* * *	1914
Балаганы	1915
Жигули	1917
* * *	1919
Сходные решения	1920
У вагонного окна	1922
Я и кот	1924
* * *	1926
* * *	1928
Кладбище	1929
Ветренный вечер	1930
Вечер в поле	1931
Одинокая ель	1932
Рабы	1934
* * *	1937
* * *	1939
* * *	1940
* * *	1941
* * *	1943
* * *	1945
* * *	1947
* * *	1948

***	1949
***	1951
***	1953
***	1955
***	1957
***	1958
***	1959
***	1960
***	1962
***	1964
***	1966
***	1968
«Любовь, как властный недруг, вяжет...»	1969
***	1971
***	1972
Ребенок	1974
***	1975
***	1976
«День красочный, день ярко-пестрый...»	1977
***	1979
***	1980
***	1982
***	1984
***	1985
***	1986
***	1987

***	1988
***	1989
***	1993
***	1995
***	1996
Эллису	1997
Листок, спрятанный в коре	1998
***	2000
Последний путь...	2001
Всхождение	2003
***	2005
Два врага	2006
Больше никогда	2008
Германия	2010
1	2010
2	2011
Семейная картинка	2012
Витраж – триптих	2015
Средняя часть	2015
Левая створка	2015
Правая створка	2015
Рама	2015
Рыцарь	2016
Дева	2017
Сарацин	2018
Рама	2019

***	2020
***	2022
Майский дождь	2023
***	2025
***	2027
Польша есть!	2029
I	2029
II	2030
***	2031
Завет Святослава	2032
К стальным птицам	2034
Зов старинный	2036
Загробный призыв	2037
***	2039
В альбом	2041
Все краски радуги	2042
***	2043
<Из Венка сонетов>	2044
1	2044
15	2045
«С волнением касаюсь я пера...»	2046
I	2046
II	2046
III	2047
IV	2047
«Пришли рассеяния годы...»	2048

Верные лире	2050
Лев и свинья	2052
* * *	2054
Молитва	2056
* * *	2057
* * *	2059
* * *	2060
Баллада	2061
Вечерние пеоны	2063
Римляне в Китае	2064
* * *	2066
* * *	2068
После неудачи	2070
Косцы в «Сфере огня»	2072
Via appia	2074
* * *	2075
В ночь под Новый год	2077
Краткий дифирамб	2079
Голос города	2080
* * *	2082
Табакерка	2084
Скользящая терцина	2086
* * *	2088
* * *	2090
* * *	2092
Вешние воды	2094

***	2097
Томные грезы	2099
***	2101
Сонет	2102
Октавы	2103
I	2103
II	2103
III	2104
IV	2104
V	2105
VI	2105
VII	2106
***	2107
После сенокоса	2108
Светоч мысли	2110
I. Атлантида	2110
II. Халдея	2111
III. Египет	2111
IV. Эллада	2112
V. Эллинизм и Рим	2113
VI. Римская империя	2114
VII. Переселение народов	2114
VIII. Средние века	2115
IX. Возрождение	2116
X. Реформация	2117
XI. Революция	2117

XII. Наполеон	2118
XIII. Девятнадцатый век	2119
XIV. Мировая война XX века	2120
XV. Заключение	2120
«Пора! Склоняю взор усталый...»	2122
Вступление	2124
Праздник труда	2125
Труд	2128
Первый привет	2130
* * *	2131
У цели	2133
* * *	2135
* * *	2137
Знакомый стих	2138
EXPOSITIO[64]	2138
EXOUIUM[65]	2138
Набросок	2140
* * *	2141
* * *	2143
* * *	2145
Бессонная ночь	2147
* * *	2149
Уныние	2151
Паломничество в века	2153
* * *	2156
Дворец Центромашин	2157

* * *	2160
Бунт	2161
* * *	2162
* * *	2164
* * *	2165
* * *	2167
* * *	2169
* * *	2171
Всадник в городе	2173
В вагоне	2175
Болезнь	2177
Возвращаясь	2179
* * *	2181
* * *	2183
* * *	2185
* * *	2187
А. К. Глазунову	2188
* * *	2189
* * *	2190
* * *	2192
Ультиматум весны	2194
Республика последних снов	2196
* * *	2198
Шарманка	2200
Германии	2202
На смерть вождя	2205

Реквием	2207
* * *	2209
* * *	2211
Dolce far niente[68]	2213
* * *	2215
Максимилиану Волошину	2217
Портрет женщины	2219
Соломон	2220
Крым	2222
* * *	2224
Египетские ночи	2226
1	2226
2	2229
3	2232
4	2235
5	2240
6	2245
Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам 1912—1918	2252
Предисловия	2252
Ремесло поэта	2252
I	2252
II	2256
III	2261
IV	2264
V	2272

VI	2279
От автора	2285
Опыты по метрике и ритмике (размеры и напевы)	2290
Пляска дум	2290
Вечная весна	2291
Веретена	2292
Буря с берега	2292
На причале	2293
Уединенный остров	2294
Восход луны[75]	2296
Алтарь страсти	2296
1	2296
2	2297
3	2298
4	2299
Из мениппей Варрона	2300
В условный час	2301
Из песен Сапфо[76]	2302
Из Венка[77]	2302
В духе латинской антологии[78]	2303
Памятник	2303
Рок	2304
Пророчество мечты	2305
Гном о жизни	2306
После скитаний[79]	2307

Весной[80]	2307
Клинопись[81]	2307
Из китайской поэзии[82]	2308
Вечер после свиданья	2308
Ночная песнь странника	2309
Друзья[83]	2310
Дождь	2310
Присловья	2313
1	2313
2	2314
3	2314
4. Колыбельная	2314
Частушки	2315
1	2315
2	2316
3	2316
Опыты по евфонии (звукопись и созвучия)	2318
Закатный театр	2318
На пруду	2320
На берегу[84]	2321
Восторг женщины	2321
Пожар	2322
Она – прелестна...	2323
На льдинах	2324
Ты – что загадка...	2325
Ночь[85]	2326

Холод[86]	2326
С губами, сладко улыбающимися	2327
Длитесь, мгновенья!	2328
Как дельфин (Начальные рифмы)	2329
Реет тень	2330
Меж развалин	2331
Усни, белоснежное поле![87]	2332
Монопланы	2332
Вечером в дороге[88]	2333
Две головки[89]	2334
На лыжах[90]	2334
Мгновенья мгновеннее[91]	2334
Как неяркие бутоны[92]	2335
Лесные тропинки[93]	2335
Две малайских песни[94]	2335
Две испанских песенки[95]	2336
Вербная суббота[96]	2336
Сухие листья[97]	2336
Лишь безмятежного мира...[98]	2337
Это – надгробные нении...[99]	2337
Утренняя тишь[100].	2337
Последний спор[101]	2338
Мой маяк[102]	2338
Слово	2338
В дорожном полусне	2339
Голос луны	2340

Шутки	2341
Виденья бывшего	2341
Из латинской антологии	2342
Из латинской антологии	2342
Характеристика Вергилия	2343
Восточное изречение	2344
Опыты по строфике (строфы и формы)	2345
Рим	2345
О императорах	2345
О приближении весны	2346
Подражание Горацию[103]	2347
К Лидии	2347
К Лидии	2349
На брэнность	2350
Из Андре Шенье	2351
Умирающий день[104]	2352
Сонеты	2352
1	2352
2	2353
Николаю Бернеру[105]	2354
Oblat[106]	2355
Ее колени...[107]	2356
Три символа	2356
Ф. Сологубу[108]	2357
Сон мгновенный[109]	2357
О женщинах былых времен[110]	2357

О любви и смерти[111]	2358
К даме[112]	2358
Безнадежность[113]	2358
Песня из темницы[114]	2359
Дворец любви[115]	2359
В ту ночь[116]	2359
Твой взор[117]	2360
Персидские четверостишия[118]	2360
Песнь норманнов в Сицилии	2360
Армянская песня[119]	2361
Джан-гюлюмы	2362
1	2362
2	2362
3	2363
Армянская песня	2363
Армянская песня	2364
Армянская песня любви	2366
Японские танки и хай-кай[127]	2368
Треугольник	2368
Терем мечты	2369
Вечеровое свидание	2371
Вечерний пан[128]	2372
Итак, это – сон...[129]	2372
Городская весна...	2373
Закатная алость	2374
Голос иных миров[130]	2376

Молитва	2376
Примечания	2378
Часть I	2378
Часть II	2390
Часть III	2402

Валерий Брюсов Полное собрание стихотворений

JUVENILIA
1892 – 1894

Памяти Елены К

Пролог

*Parler n'a trait à la réalité des choses que
commerciallement.*

St. Mallarmé¹

Сонет к форме

Есть тонкие властительные связи

¹ Обыденная речь имеет лишь практическое отношение к сущности вещей. Ст. Малларме (фр.)

Меж контуром и запахом цветка.
Так бриллиант невидим нам, пока
Под гранями не оживет в алмазе.

Так образы изменчивых фантазий,
Бегущие, как в небе облака,
Окаменев, живут потом века
В отточенной и завершенной фразе.

И я хочу, чтоб все мои мечты,
Дошедшие до слова и до света,
Нашли себе желанные черты.
Пускай мой друг, разрезав том поэта,
Упьется в нем и стройностью сонета,
И буквами спокойной красоты!

6 июня 1895

Осеннее чувство

Гаснут розовые краски
В бледном отблеске луны;
Замерзают в льдинах сказки
О страданиях весны;

Светлых вымыслов развязки
В черный креп облечены,
И на празднествах все пляски

Ликом смерти смущены.

Под лучами юной грезы
Не цветут созвучий розы
На куртинах Красоты,

И сквозь окна снов бессвязных
Не встречаются звезд алмазных
Утомленные мечты.

19 февраля 1893

Самоуверенность

Золотистые феи
В атласном саду!
Когда я найду
Ледяные аллеи?

Влюбленных наяд
Серебристые всплески!
Где ревнивые доски
Вам путь преградят?

Непонятные вазы
Огнем озаря,
Застыла заря
Над полетом фантазий.

За мраком завес
Погребальные урны,
И не ждет свод лазурный
Обманчивых звезд.

10 февраля 1893

Уныние

Сердце, полное унынием,
Обольсти лучом любви,
Все пределы и все линии
Беспощадно оборви!

Пусть во мраке неуверенном
Плачут призраки вокруг,
Пусть иду, в пути затерянный,
Через темный, страшный луг.

И тогда, обманам преданный,
Счастлив грезой своей,
Буду петь мой гимн неведомый,
Скалы движа, как Орфеи!

24 октября 1893

Творчество

Тень несозданных созданий
Колыхается во сне,
Словно лопасти латаний
На эмалевой стене.

Фиолетовые руки
На эмалевой стене
Полусонно чертят звуки
В звонко-звучной тишине.

И прозрачные киоски².
В звонко-звучной тишине,
Вырастают, словно блески,
При лазоревой луне.

Всходит месяц обнаженный
При лазоревой луне...
Звуки реют полусонно,
Звуки ластьются ко мне.

Тайны созданных созданий
С лаской ластьются ко мне,
И трепещет тень латаний

² Беседки (*фр.* kioskue).

На эмалевой стене.

1 марта 1895

* * *

О, закрой свои бледные ноги.

3 декабря 1894

**«Она в густой траве
запряталась ничком...»**

Умер великий Пан

Она в густой траве запряталась ничком,
Еще полна любви, уже полна стыдом.
Ей слышен трубный звук: то император пленный
Выносит варварам регалии Равенны;
Ей слышен чей-то стон, – как будто плачет лес,
То голоса ли нимф, то голос ли небес;
Но внемлют вместе с ней безмолвные поляны:
Богиня умерла, нет более Дианы!

3 октября 1894

Ученый

Посвящ. В. М. Ф.

Вот он стоит, в блестящем ореоле,
В заученной, иконописной позе.
Его рука протянута к мимозе,
У ног его цитаты древних схолий.

Уйдем в мечту! Наш мир – фата-моргана,
Но правда есть и в призрачном оазе:
То – мир земли на высоте фантазий,
То – брат Ормузд, обнявший Аримана!

Апрель 1895

Отверженный герой

Памяти Дениса Папина

В серебряной пыли полуночная влага
Пленяет отдыхом усталые мечты,
И в зыбкой тишине речного саркофага
Отверженный герой не слышит клеветы.

Не проклинай людей! Настанет трепет, стоны
Вновь будут искренни, молитвы горячи,
Смутится яркий день, – и солнечной короны
Заблещут в полутьме священные лучи!

20 мая 1894

* * *

Господи! Господи!
Блуждаю один, как челнок,
Безумцем в туман направляемый,
Один, без любви, сожигаемый
Мучительным пламенем грез!

О, страшно стоять одному
На кручи заоблачной,
Стоять одному в беспредельности!
Туманы проходят у ног,
Орлы ко мне редко возносятся,
Как плесень, у грани снегов умирающий мох.

Есть блаженство – не знать и забыть!
Есть блаженство – в толпе затеряться!
Есть блаженство – скалой неоформленной быть
И мхом, этим мхом умирающим!

О, зачем я не сумрачный мох!

О, зачем я не камень дорожный!
Если бы был я пурпуровым маком!
Как на стебле я сладко качался б!
С бабочкой, севшей на венчик, качался,
Светом зари наслаждался,
Солнцем, и тенью, и мраком!

О, если бы был я пурпуровым маком!
О, если бы был я камнем дорожным!

1 декабря 1894

Первые мечты

Es ist eine alte Geschichte.

H. Heine³

* * *

Мы встретились с нею случайно,
И робко мечтал я об ней,
Но долго заветная тайна
Таилась в печали моей.

Но раз в золотое мгновенье
Я высказал тайну свою;
Я видел румянец смущенья,
Услышал в ответ я «люблю».

И вспыхнули трепетно взоры,
И губы слилися в одно.
Вот старая сказка, которой
Быть юной всегда суждено.

27 апреля 1893

³ Это старая история. Г. Гейне (нем.).

* * *

Это было? Неужели?
Нет! и быть то не могло.
Звезды рдели на постели,
Было в сумраке светло.

Обвивались нежно руки,
Губы падали к губам...
Этот ужас, эти муки
Я за счастье не отдам!

Странно-нежной и покорной
Приникала ты ко мне, —
И фонарь, сквозь сумрак черный,
Был так явственен в окне.

Не фонарь, — любовь светила,
Звезды сыпала светло...
Неужели это было?
Нет! и быть то не могло!

* * *

Полутемное окошко

Освети на миг свечой
И потом его немножко
Перед лестницей открой.

Я войду к тебе, волнуем
Прежним трепетом любви;
Ты меня встреть поцелуем,
Снова милым назови.

Страстной ласке мы сначала
Отдадимся горячо,
А потом ко мне устало
Ты поникнешь на плечо.

И в чарующей истоме,
Под покровом темноты,
Все для нас потонет – кроме
Упоительной мечты.

4 мая 1893

* * *

Мечты, как лентами, словами
Во вздохе слез оплетены.
Мелькают призраки над нами
И недосказанные сны.

О чем нам грезилось тревожно,
О чем молчали мы вдвоем,
Воскресло тенью невозможной
На фоне бледно-золотом.

И мы дрожим, и мы не знаем...
Мы ищем звуков и границ
И тусклым лепетом встречаем
Мерцанье вспыхнувших зарниц.

20 декабря 1895

Заветный сон

Заветный сон вступает на ступени;
Мгновенья дверь приотворяет он...
Вот на стене смешались обе тени,
И в зеркале (стыдливость наслаждений!)
Ряд отражений затемнен.

О, не жалея, что яркость побледнела!
Когда-нибудь, в печальной смене лет,
Вернется все, – и не погаснет свет,
И в зеркале, заученно и смело,
Приникнет к телу тело.

8 ноября 1893

Из письма

Милый, прости, что хочу повторять
Прежних влюбленных обеты.
Речи знакомые – новы опять,
Если любовью согреты.

Милый, я знаю: ты любишь меня,
И об одном все моления, —
Жить, умереть, это счастье храня,
Светлой любви уверенья.

Милый, но если и новой любви
Ты посвятишь свои грезы,
В воспоминаниях счастьем живи,
Мне же оставь наши слезы.

Пусть для тебя эта юная даль
Будет прекрасной, как ныне.
Мне же, мой милый, тогда и печаль
Станет заветной святыней.

18 мая 1894

Вечером перед церковью

Черной полоскою крест
Тонет в темнеющем фоне;
На голубом небосклоне
Сонм зажигается звезд.

Символ любви человека
Что, с обаяньем своим!
Перед глаголом святым,
Данным вселенной от века!

Так не потеряй зови,
Что опочило в покое!
То уступает земное
Звездам небесной любви.

19 июня 1893

Новые грезы

*Так деревцо свои листы
Меняет каждою весною.*

А. Пушкин

* * *

Мрачной повиликой
Поросли кресты,
А внизу цветы
С красной земляникой.

В памяти вдали
Рой былых желаний;
Повиликой ранней
Думы поросли.

А мечты все те же
В блеске молодом
Манят под крестом
Земляникой свежей.

22 октября 1893

* * *

Беспощадною орбитой
Увлечен от прежних грез,
Я за бездною открытой
Вижу солнечный хаос.

Там творений колебанье,
Вдохновенная вражда;
Здесь холодное молчанье,
Незнакомая звезда.

И, горящею кометой
На безжизненном пути,
Я шепчу слова привета,
Как последнее прости.

2 июля 1893

* * *

В тиши задремавшего парка
«Люблю» мне шепнула она.
Луна серебрилась так ярко,
Так зыбко дрожала волна.

Но миг этот не был желанным,
Мечты мои реяли прочь,
И все мне казалось обманным,
Банальным, как лунная ночь.

Сливая уста в поцелуе,
Я помнил далекие сны,
Другие сверкавшие струи,
Иное мерцанье луны.

6 августа 1893

* * *

Звездное небо бесстрастное,
Мир в голубой тишине;
Тайна во взоре неясная,
Тайна, невнятная мне.

Чудится что-то опасное,
Трепет растет в глубине;
Небо безмолвно, прекрасное,
Мир неподвижен во сне.

11 мая 1893

* * *

Звезды тихонько шептались,
Звезды смотрели на нас.
Милая, верь мне, – в тот час
Звезды над нами смеялись.

Спрашивал я: «Не мечта ли?»
Ты отвечала мне: «Да!»
Верь, дорогая, тогда
Оба с тобою мы лгали.

16 сентября 1893

* * *

Звезды закрыли ресницы,
Ночь завернулась в туман;
Тянутся грез вереницы,
В сердце любовь и обман.

Кто-то во мраке тоскует,
Чьи-то рыдания звучат;
Память былое рисует,
В сердце – насмешка и яд.

Тени забытой упреки...
Ласки недавней обман...
Звезды немые далеки,
Ночь завернулась в туман.

2 апреля 1893

* * *

Слезами блестящие глазки,
И губки, что жалобно сжаты,
А щечки пылают от ласки,
И кудри запутанно-смяты.

В объятьях – бессильно покорна,
Устало потуплены взоры,
А слез бриллианты упорно
Лепечут немые укоры.

1 ноября 1893

Мечты о померкшем

Мечты о померкшем, мечты о былом,
К чему вы теперь? Неужели

С венком флердоранжа, с венчальным венком,
Сплели стебельки иммортели?

Мечты о померкшем, мечты о былом,
К чему вы на брачной постели
Повисли гирляндой во мраке ночном,
Гирляндой цветов иммортели?

Мечты о померкшем, мечты о былом,
К чему вы душой овладели,
К чему вы трепещете в сердце моем
На брачной веселой постели?

13 марта 1894

Змеи

Приникни головкой твоей
Ко мне на холодную грудь
И дай по плечам отдохнуть
Извилистым змеям кудрей.

Я буду тебя целовать,
Шептать бред взволнованных грез,
Скользящие пряди волос
Сплетать и опять расплетать...

И я позабуду на миг

Сомнений безжалостный гнет,
Пока из кудрей не мелькнет
Змеи раздвоенный язык.

30 августа 1893

В саду

Не дремлют тени,
Не молкнет сад;
Слова сомнений —
Созвездий взгляд!
Пусть ропщут струи,
Пусть плачет пруд, —
Так поцелуй,
Прильнув, солгут!
Пусть, глянув, канет
В аллее свет, —
Мелькнув, обманет
Любви обет!
И пусть в истоме
Трепещешь ты, —
Все бледно, кроме
Одной мечты!

11 мая 1894

Лирические поэмы

Встреча после разлуки

Забытая, бывшая обстановка:
Заснувший парк, луны застывший свет,
И у плеча смущенная головка.

Когда-то ей шептал я (в волнах лет)
Признания, звучавшие, как слезы,
В тиши лоя ласкающий ответ.

Но так давно, – по воле скучной прозы,
Мы разошлись, и только в мире тьмы
Ее лицо мне рисовали грезы.

Зачем же здесь, как прежде, рядом мы,
В объятиях, сплетая жадно руки,
Под тенями сосновой бахромы!

Зачем года проносятся, как звуки,
Зачем в мечтах туманятся года,
И вот уж нет, и не было разлуки!

По синеве катилась звезда,

Когда она шепнула на прощанье:
«Твоя! твоя! опять и навсегда!»

Я шел один; дремали изваянья
Немых домов и призраки церквей;
И думал я, как лживо ожиданье.

О бард любви, далекий соловей,
О лунный свет, всегда необычайный,
О бахроме нависнувших ветвей!

Вы создали пленительные тайны,
Вы подсказали пламенную ложь,
Мой страстный бред, красивый, но случайный:

Ищу в себе томительную дрожь,
Роптание живительных предчувствий...
Нет! прочь слова! себе ты не солжешь!

Сокровища, заложенные в чувстве,
Я берегу для творческих минут,
Их отдаю лишь в строфах, лишь в искусстве.

А в жизни я – как выпитый сосуд;
Томлюсь, дрожа, весь холоден, ликуя,
Огни страстей лишь вспыхнут, как умрут.

Дитя, прости обманы поцелуя:
Я лгу моля, твердя «люблю», я лгу.

Нет, никого на свете не люблю я,

И никого любить я не могу!

16 августа 1895

Осенний день

1

Ты помнишь ли больной осенний день,
Случайное свободное свиданье,
Расцвет любви в период увяданья,
Лучи, когда вокруг ложится тень?

Нас мучила столицы суматоха,
Хотелось прочь от улиц и домов, —
Куда-нибудь в безмолвие лесов,
К молчанию невнемлющего моха.

Нет, ни любовь, ни осень не могли
Затмить в сердцах созвучное стремленье!
Нет, никогда не разорвутся звенья
Между душой и прелестью земли!

2

Ты помнить ли мучения вокзала,
Весь этот мир и прозы и минут,
И наконец приветливый приют,
Неясных грез манящее начало?

Ты помнишь ли, – я бросился у ног,
Я голову склонил в твои колени,
Я видел сон мерцающих видений,
Я оскорбить молчание не мог.

Боялись мы отдаться поцелуям,
Мы словно шли по облачной тропе,
И этот час в застенчивом купе
Для полноты был в жизни неминуем.

3

Не знаю я – случайно или нет
Был избран путь, моей душе знакомый.
Какую вдруг мучительной истомой
Повеял мне былого первый след.

Выходим мы: знакомое мне поле,

И озеро, и пожелтевший сад,
И дач пустых осиротелый ряд,
И все кругом... О Леля! Леля! Леля!

Да, это здесь росла моя любовь,
Меж тополей, под кудрями березы,
У этих мест уже бродили грезы...
Я снова здесь, и здесь люблю я вновь.

4

Вошли мы в лес, ища уединенья.
Сухой листвы раскинулся ковер, —
И я поймал твой мимолетный взор:
Он был в тот миг улыбкой восхищенья.

Рука с рукой в лесу бродили мы,
Встречая грязь, переходя канавы,
Ломали сучья, мяли сушь и травы,
Смеялись мы над призраком зимы.

И, подойдя к исписанной скамейке,
Мы сели там и любовались всем, —
Как хорошо, тепло, как воздух нем,
Как в вышине спят облачные змейки!

5

В безмолвии слова так хороши,
Так дороги в уединеньи ласки,
И так блестят возлюбленные глазки
Осенним днем в осмеянной глуши.

Кругом болезнь, упрямые вороны,
Столбы берез, осины багрянец,
За дымкою мучительный конец,
В молчании томительные стоны.

Одним лишь нам – душистая весна,
Одним лишь нам – душистые фиалки!
И плачет лес, завистливый и жалкий,
И внемлет нам сквозь слезы тишина.

6

Мы перешли на старое кладбище,
Где ждали нас холодные кресты.
Почиют здесь безумные мечты,
И здесь душа прозрачнее и чище.

Склонились мы над маленьким крестом,

Где скрыто все, мне вечно дорогое,
И где она оставлена в покое
Приветствием и дерзостным судом.

И долго я над юною могилой,
Обнявши крест, томился недвижим;
И ты, мой друг, ты плакала над ним,
Над образом моей забытой милой.

7

Еще сильнее я полюбил тебя
За этот миг, за слезы, эти слезы!
Забыла ты ревнивые угрозы,
Соперницу ласкала ты, любя!

Я чувствовал, что с сердцем отогретым
Мы кладбище оставили вдвоем.
Горел закат оранжевым огнем,
Восток синел лилово-странным светом.

Мы снова шли, и шли, как прежде, мы
К великому, безбрежному сближению,
Чужды опять лесов опустошенью,
Опять чужды дыханию зимы.

8

На станции мы поезд ожидали
И выбрали заветную скамью,
Где Леле я проговорил «люблю»,
Где мне «люблю» слышалось из дали.

Луна плыла за дымкой облаков,
Горели звезд алмазные камни,
В немом пруду дробились отраженья,
А на душе лучи сверкали снов.

То был ли бред, опять воспоминанья,
Прошедшее, воскресшее во мне!
Слова любви шептал ли я во сне,
Иль наяву я повторял признанья?

9

И две мечты – невеста и жена —
В объятиях предстали мне так живо.
Одна была, как осень, молчалива,
Восторженна другая, как весна.
Я полон был любовью к обеим,
К тебе, и к ней, и вновь и вновь к тебе,

Я сладостно вручал себя судьбе,
Таинственной надеждою лелеем...

Ты помнишь ли наш путь назад сквозь тень,
Недавних грез с разлукою слиянье,
Случайное свободное прощанье,
Промчавшийся, но возвратимый день?

25 сентября 1894

CHEFS D'ŒUVRE

1894 – 1896

А. Л. Миропольскому, другу давних лет

СТИХИ О ЛЮБВИ

Amorem sanat aetas prima⁴

А. Пушкин

ПОЛДЕНЬ ЯВЫ

Посв. М.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Моя любовь – палящий полдень Явы,
Как сон разлит смертельный аромат,
Там ящеры, зрачки прикрыв, лежат,
Здесь по стволам свиваются удавы.

⁴ Пусть юный возраст поет о любви (лат.).

И ты вошла в неумолимый сад
Для отдыха, для сладостной забавы?
Цветы дрожат, сильнее дышат травы,
Чарует все, все выдыхает яд.

Идем: я здесь! Мы будем наслаждаться, —
Играть, блуждать, в венках из орхидей,
Тела сплетать, как пара жадных змей!

День проскользнет. Глаза твои смежатся.
То будет смерть. – И саваном лиан
Я обовью твой неподвижный стан.

25 ноября 1894

Перед темной завесой

Слова теряют смысл первоначальный,
Дыханье тайны явно для души,
В померкшем зеркале твои глаза печальны,
Твой голос – как струна в сочувственной тиши.

О погоди! – последнего признанья
Нет силы вынести, нет силы взять.
Под сенью пальмы – мы два бледных изваянья,
И нежит мне чело волос приникших прядь.

Пусть миги пролетят беззвучно, смутно,
Пред темной завесой безвестных дней.
Мы – двое изгнанных в пустыне бесприютной,
Мы – в бездне вечности чета слепых теней...

Молчание смутим мы поцелуем,
Святыню робости нарушит страсть.
И вновь, отчаяньем и счастьем волнуем,
Под вскрик любви, в огонь рук я должен буду пасть!

28 ноября 1897, 1911

Измена

Сегодня! сегодня! как странно! как странно!
Приникнув к окошку, смотрю я во мглу.
Тяжелые капли текут по стеклу,
Мерцания в лужах, дождливо, туманно.

Сегодня! сегодня! одни и вдвоем!
Притворно стыдливо прикроются глазки,
И я расстегну голубые подвязки,
И мы, не смущенные, руки сплетем!

Мы счастливы будем, мы будем безумны!
Свободные, сильные, юные, – мы!..
Деревья бульвара кивают из тьмы,
Пролетки по камням грохочут бесшумно.

О, милый мой мир: вот Бодлер, вот Верлен,
Вот Тютчев, – любимые, верные книги!
Меняю я вас на блаженные миги...
О, вы мне простите коварство измен!

Прощайте! прощайте! Сквозь дождь, сквозь ненастье,
Пойду, побегу, как безумец, как вор,
И в лужах мелькнет мой потупленный взор:
«Угрюмый и тусклый» огонь сладострастья!

14 сентября 1895

Тени

Сладострастные тени на темной постели окружили,
легли, притаились, манят,
Наклоняются груди, сгибаются спины, веет жгучий,
тягучий, глухой аромат.
И, без силы подняться, без воли прижаться и вдавить
свои пальцы в округлости плеч,
Точно труп, наблюдаю бесстыдные тени в раздражающем
блеске курящихся свеч;
Наблюдаю в мерцаньи колен изваянья, беломраморность
бедер, оттенки волос...
А дымящее пламя взвивается в вихре и сливает тела
в разноцветный хаос.

О, далекое утро на вспененном взморье, странно-алые краски стыдливой зари!

О, весенние звуки в серебряном сердце и твой сказочно-ласковый образ, Мари!

Это утро за ночью, за мигом признанья, перламутрово-чистое утро любви,

Это утро, и воздух, и солнце, и чайки, и везде – точно отблеск – улыбки твои!

Озаренный, смущенный, ребенок влюбленный, я бессильно плыву в безграничности грез...

А дымящее пламя взвивается в вихре и сливает мечты в разноцветный хаос.

19 сентября 1895

Все кончено...

Все кончено, меж нами связи нет...

А. Пушкин

Эта светлая ночь, эта тихая ночь,

Эти улицы, узкие, длинные!

Я спешу, я бегу, убегаю я прочь,

Прохожу тротуары пустынные.

Я не в силах восторга мечты превозмочь,

Повторяю напевы старинные,

И спешу, и бегу, – а прозрачная ночь

Стелет тени, манящие, длинные.

Мы с тобой разошлись навсегда, навсегда!
Что за мысль несказанная, странная!
Без тебя и наступят и минут года,
Вереница, неясно туманная.
Не сойдемся мы вновь никогда, никогда,
О, любимая, вечно желанная!
Мы расстались с тобой навсегда, навсегда...
Навсегда? Что за мысль несказанная!

Сколько сладости есть в тайной муке мечты.
Этой мукой я сердце баюкаю,
В этой муке нашел я родник красоты,
Упиваюсь изысканной мукою.
«Никогда мы не будем вдвоем, – я и ты...»
И на грани пред вечной разлукою
Я восторгов ищущу в тайной муке мечты,
Я восторгами сердце баюкаю.

14 ноября 1895

К моей Миньоне

Посв. моей Миньоне

Знаешь, Миньона, один только раз
Были с тобою мы близки:
Час лишь один был действительный час,

Прочие – бледные списки!

Свет озарил нас и быстро погас,
Сжались извивы объятий,
Стрелка часов обозначила: «час»
На роковом циферблате!

В этот лишь миг, лишь единственный раз,
Видел тебя я моею!
Как объяснить, что покинуло нас?
Нет, не могу, не умею!

Ярок, как прежде, огонь твоих глаз,
Ласки исполнены яда.
Свет озарил нас и быстро погас...
Сердце! чего ж тебе надо?

Нет, не всемогущ любовный экстаз,
Нет, мы с тобою не близки!
Час лишь один был действительный час,
Прочие – бледные списки!

11 августа 1895

Глупое сердце

Посв. Э.

* * *

Глупое сердце, о чем же печалиться!
Встретясь, шутили, шутя целовались,
Гордой победой она не похвалится,
В памяти счастья минуты остались...
Глупое сердце, о чем же печалиться?

Тянется поле безмолвное, снежное,
Дремлют березки в безжизненном инее,
Небо нависло – уныло-безбрежное,
Странно-неясное, серое, синее,
Замерло, умерло, будто бы снежное...

Глупое сердце! о чем же печалиться!

15 ноября 1895

Поцелуи

Здесь, в гостиной полутемной,
Под навесом кисеи
Так заманчивы и скромны
Поцелуи без любви.

Это – камень в пенном море,

Голый камень на волнах,
Над которым светят зори
В лучезарных небесах.

Это – спящая принцесса,
С ожиданьем на лице,
Посреди глухого леса
В очарованном дворце.

Это – маленькая фея,
Что на утренней заре,
В свете солнечном бледнея,
Тонет в топком янтаре.

Здесь, в гостиной полутемной,
Белы складки кисеи,
И так чисты, и так скромны
Поцелуи бел любви.

30 октября 1895

Во мгле

Страстно, в безумном порыве ко мне ты прижалась
Страстно...
Черная мгла колыхалась
Безучастно.

Что-то хотелось сказать мне родное, святое...

Тщетно!

Сердце молчало в покое

Безответно.

Мягкие груди сильней и сильней прижимались,

Жадно, —

Тени во мраке смеялись

Беспощадно.

6 ноября 1895

Утренняя звезда

Мы встанем с тобой при свечах,

Дитя мое!

Мы встанем с тобой при свечах,

Дитя мое!

На черно-безжизненный сад,

Из вышины,

Последние звезды глядят

И серп луны.

Еще не рассеялась мгла,

И солнца нет,

Но чара ночей отошла,

И брезжит свет.

В томлении ждем мы, когда
Лучи свои
Торжественно бросит звезда,
Звезда Любви.

Но все неизменно вокруг,
Дитя мое!
О, плачь же со мною, мой друг,
Дитя мое!

29 октября 1895

Воспоминания о малюточке Коре

* * *

Умереть, умереть, умереть!
На таинственном фоне картины
Вырезается ярко мечеть,
Издалека кричат муэдзины,
Грохот города слышен вдали...
О заветные звуки земли!

Озарен, весь в звездах небосвод,
Кипарисные купы поникли.
Красный Марс между веток плывет

На последнем своем эпицикле.
Холодеет скамья, словно гроб.
Знаю, знаю свой злой гороскоп!

Ты ко мне прибежишь, проскользнешь,
Вся дрожа, с беглой молнией взора.
И опять всю жестокую ложь
Прошепчу тебе, бедная Кора!
Мы сомкнем упоенно уста...
Но мне все предрасскажет мечта!

Темный сад напоен, опьянен
Знойным запахом роз и жасмина.
Жизнь прекрасна, как сказка, как сон,
Как певучий призыв муэдзина.
Но как страшно вперед посмотреть!
Умереть, умереть, умереть!

29 ноября 1895

* * *

Черные тени узорной решетки
Ясно ложатся по белому снегу.
Тихие звезды – задумчиво-кротки,
Месяц пророчит истому и негу.
Черные окна немого собора
Смотрят угрюмо на белое поле.

Здесь ты и дремлешь, малюточка Кора,
Спишь беспробудно в холодной неволе!

Вижу я ночь твоей родины дальней,
Яркое небо, в пылающих звездах!
(Ах, там созвездия блещут кристальной,
Ах, там живей и томительней воздух!)
Смуглая девочка знойного Юга,
Что ты искала на Севере слепо?
Счастья, в объятиях нового друга?
Но обрела лишь молчание склепа!

Ясными рунами вписанный в небе,
Я (астролог беспощадно-жестокий!)
Верно прочел твой мучительный жребий,
Но утаил от тебя эти строки!
Все совершилось безжалостно-скоро:
Звезды родные солгать не хотели!
Здесь ты и дремлешь, малюточка Кора,
Спишь беспробудно под песни метели...

Ноябрь 1895

Криптомерии

Мечтал о лесах криптомерий...

В ночной полумгле

В ночной полумгле, и атмосфере
Пьянящих, томящих духов,
Смотрел я на синий альков,
Мечтал о лесах криптомерии.

И вот – я лежу в полусне
На мху первобытного бора;
С мерцанием прикрытого взора
Подруга прильнула ко мне.

Мы тешились оба охотой:
Гонялись за пестрым дроздом.
Потом, утомленно вдвоем
Забылись недолгой дремотой.

Но чу! что за шелест лиан?
Опять вау-вау проказа?
Нет, нет! два блестящие глаза...
Подруга! мой лук! мой колчан!

Встревоженный шепот: «Валерий!
Ты бредишь. Скажи, что с тобой?
Мне страшно!» – Альков голубой
Сменяет хвою криптомерий.

Февраль 1895

ОПЯТЬ СОН

Мне опять приснились дебри,
Глушь пустынь, заката тишь.
Желтый лев крадется к зебре
Через травы и камыш.

Предо мной стволы упрямо
В небо ветви вознесли.
Слышу шаг гиппопотама,
Заросль мнущего вдали.

На утесе безопасен,
Весь я – зренье, весь я – слух.
Но виденья старых басен
Возмущают слабый дух.

Из камней не выйдет вдруг ли
Племя карликов ко мне?
Обращая ветки в угли,

Лес не встанет ли в огне?

Месяц вышел. Громче шорох.
Зебра мчится вдалеке.
Лев, метнув шуршащий ворох
Листьев, тянется к реке.

Дали сумрачны и глухи.
Хруст слышнее. Страшно. Ведь
Кто же знает: ото ль духи
Иль пещеры царь – медведь!

Ожидание

Душен воздух вольных прерий,
Жгучи отблески лазури,
И в палящей атмосфере
Чуют птицы, чуют звери
Приближенье дальней бури.

Но не я поддамся страху,
Но не он нарушит слово!
И рука, сдавив наваху,
Приготовлена ко взмаху,
На смертельный бой готова.

Чу! как будто смутный топот!

Что нам бури! что нам грозы!
Сердце! прочь безумный ропот,
Вспомни ночь и вспомни шепот...
Гей! сюда! я здесь, дон Хозе!

15 августа 1895

На журчащей Годавери

Лист широкий, лист банана,
На журчащей Годавери,
Тихим утром – рано, рано —
Помоги любви и вере!

Орхидеи и мимозы
Унося по сонным волнам,
Осуши надеждой слезы,
Сохрани венок мой полным.

И когда, в дали тумана,
Потеряю я из виду
Лист широкий, лист банана,
Я молиться в поле выйду;
В честь твою, богиня Счастья,

В часть твою, суровый Кама,
Серьги, кольца и запястья
Положу пред входом храма.

Лист широкий, лист банана,

Если ж ты обронишь ношу,
Тихим утром – рано, рано —
Амулеты все я сброшу.

По журчащей Годавери
Я пойду, верна печали,
И к безумной баядере
Снизойдет богиня Кали!

15 ноября 1804

На острове Пасхи *Раздумье знахаря-заклинателя*

Лишь только закат над волнами
Погаснет огнем запоздалым,
Блуждаю один я меж вами,
Брожу по рассеченным скалам.

И вы, в стороне от дороги,
Застывши на каменной груди,
Стоите, недвижны и строги,
Немые, громадные люди.

Лица мне не видно в тумане,

По знаю, что страшно и строго.
Шепчу я слова заклинаний,
Молю неизвестного бога.

И много тревожит вопросов:
Кто создал семью великанов?
Кто высек людей из утесов,
Поставил их стражей туманов?

Мы кто? – Жалкий род без названья!
Добыча нам – малые рыбы!
Не нам превращать в изваянья
Камней твердогрудые глыбы!

Иное – могучее племя
Здесь грозно когда-то царило,
Но скрыло бегучее время
Все то, что свершилось, что было.

О прошлом никто не споеет нам.
Но грозно, на каменной гряде,
Стоите, в молчаньи дремотном,
Вы, страшные, древние люди!

Храня океан и утесы,
Вы немы навек, исполины!..
О, если б на наши вопросы
Вы дали ответ хоть единый!

И только, когда над волнами
Даль гаснет огнем запоздалым,
Блуждаю один я меж вами,
По древним, рассеченным скалам.

15 ноября 1895

Прокаженный *Рисунок тушью*

Прокаженный молился. Дорога
Извивалась по сдвинутым скалам;
Недалеко чернела берлога;
Были тучи стремительны; строго
Ветер выл по кустам одичалым.

Диссонанс величавых мелодий —
Дальний топот врывался неожиданно.
Конь спешил, конь летел на свободе,
Был ездок неподвижен и странно
Улыбался земной непогоде.

Вылетая к угрюмой берлоге,
Шевельнулся мертвец, как в тревоге.
Конь всхрапел, на дыбы приподнялся:
В двух шагах перед ним на дороге
Прокаженного труп улыбался.

23 ноября 1894

С кометы

Помнишь эту пурпурную ночь?
Серебрилась на небе Земля
И Луна, ее старшая дочь.
Были явственно видны во мгле
Океаны на светлой Земле,
Цепи гор, и леса, и поля.

И в тоске мы мечтали с тобой:
Есть ли *там* и мечта и любовь?
Этот мир серебристо-немой
Ночь за ночью осветит; потом
Будет гаснуть на небе ночном,
И одни мы останемся вновь.

Много есть у пурпурных небес, —
О мой друг, о моя красота, —
И загадок, и тайн, и чудес.
Много мимо проходит миров,
Но напрасны вопросы веков:
Есть ли *там* и любовь и мечта?

16 января 1895

Холм покинутых святынь

Но, встретив Холм Покинутых Святынь...

Моя мечта

Моей мечте люб кругозор пустынь,
Она в степях блуждает вольной серной.
Ей чужд покой окованных рабынь,
Ей скучен путь проложенный и мерный.
Но, встретив Холм Покинутых Святынь,
Она дрожит, в тревоге суеверной,
Стоит, глядит, не шелохнет травой,
И прочь идет с поникшей головой.

23 июня 1895

Львица среди развалин *Гравюра*

Холодная луна стоит над Насаргадой,
Прозрачным сумраком подернуты пески.
Выходит дочь царя в мечтах ночной тоски

На каменный помост – дышать ночной прохладой.

Пред ней знакомый мир: аркада за аркадой;
И башни и столпы, прозрачны и легки;
Мосты, повисшие над серебром реки;
Дома, и Бэлахрам торжественной громадой...

Царевна вся дрожит... блестят ее глаза...
Рука сжимается мучительно и гневно...
О будущих веках задумалась царевна!

И вот ей видится: ночные небеса,
Разрушенных колони немая вереница
И посреди руин – как тень пустыни – львица.

24 июня 1895

Жрец

Бронзовая статуэтка

Далекий Сириус, холодный и немой!
Из ночи в ночь надменно
Сверкаешь ты над сумрачной землей,
Царишь над бедственной вселенной.

Владыка Сириус, не внемлющий мольбам,
Непобедимый мститель!

Пред алтарем ненужный фимиам
Тебе затеплил твой служитель.

Ты чужд нам, Сириус! но твой холодный луч
Сжигает наши жатвы.
Губи меня! и отравляй! и мучь!
И отвергай с презреньем клятвы!

Тебе, о Сириус, не знающий людей,
Я возношу моления
Среди толпы, и в хижине своей,
И в миг последний упоенья!

16 октября 1894

К монахине *В средние века*

Ты – монахиня! лилия бога!
Ты навеки невеста Христа!
Это я постучал в ворота,
Это я у порога!

Я измучен, я весь истомлен,
Я бессилен, я мертв от желаний.
Все вокруг – как в багряном тумане,
Все вокруг – точно звон.

Выходи же! иди мне навстречу!
Я последней любви не таю!
Я безумно тебя обовью,
Дикой лаской отвечу!

И мы вздрогнем, и мы упадем,
И, рыдая, сплетемся, как змеи,
На холодном полу галереи
В полумраке ночном.

Но, под тем же таинственным звоном,
Я нащупаю горло твое,
Я сдавлю его страстно – и все
Будет кончено стоном.

26 июля 1895

В старом Париже ***XVII век***

Холодная ночь над угрюмою Сеной,
Да месяц, блестящий в раздробленной влаге,
Да труп позабытый, обрызганный пеной.

Здесь слышала стоны и звяканья шпаги
Холодная ночь над угрюмою Сеной,

Смотрела на подвиг любви и отваги.

И месяц, блестящий в раздробленной влаге,
Дрожал, негодуя, пред низкой изменой...
И слышались стоны, и звякали шпаги.

Но труп позабытый, обрызганный пеной,
Безмолвен, недвижим в речном саркофаге.
Холодная ночь над угрюмою Сеной

Не помнит про подвиг любви и отваги,
И месяц, забыв, как дрожал пред изменой,
Безмолвен, раздроблен в речном саркофаге!

10 августа 1895

Анатолий В Венеции XVIII в.

Я видела в окно: на маленькой гондоле
Он уплывал от стен монастыря,
И за кормой пурпурная заря
Дрожала в синеве цветком желтофиоли.

Как плавно, как легко, как смело – Анатолий
Скользил веслом по брызгам янтаря,
Но всплески волн чуть долетали с воли,

И покрывали их напевы псалтыря.

Я отошла смущенно и тревожно...

С толпой подруг спустилась в церковь я,
По жить казалось мне смешно и невозможно.

О господи! да будет власть твоя.

Надломлены мечты, но я роптать не вправе...

О сердце, замолчи... Expectans expectavi...

24 декабря 1894

В прошлом

Ты не ведала слов отречения.

Опустивши задумчивый взор,

Точно в церковь, ты шла на мученья,

Обнаженной, забыла позор.

Бея полна неизменной печали,

Прислонилась ты молча к столбу, —

И соломой тебя увенчали,

И клеймо наложили на лбу.

А потом, когда смели бичами

Это детское тело терзать,

Вся в крови поднята палачами,

«Я люблю» ты хотела сказать.

3 ноября 1804

В будущем

Я лежал в аромате азалий,
Я дремал в музыкальной тиши,
И скользнуло дыханье печали,
Дуновенье прекрасной души.

Где-то там, на какой-то планете,
Без надежды томилася ты,
И ко мне через много столетий
Долетели больные мечты.

Уловил я созвучные звуки,
Мне родные томленья постиг,
И меж гранями вечной разлуки
Мы душою слилися на миг.

9 августа 1895

Беглец

Израненной рукой схватившись за карниз,
Над темной пропастью я трепетно повис.

Бесстрастно в вышине печалилась луна,
Стонала вдалеке беспечная волна,

И с этим ропотом сливалось, в отдаленья,
Гитары ласковой унылое моленье.

Я посмотрел вокруг. Высокая луна
В прозрачной синеве бледна и холодна.

Окно с решеткою, окно моей тюрьмы.
А там... безмолвный мрак и камни в бездне тьмы!

И вспомнил я любовь... твоё непостоянство...
И пальцы разошлись, – я кинулся в пространство!

25 декабря 1894

В магическом саду

*Пошли, господь, свою отраду
Тому, кто жизненной тропой,
Как бедный нищий, мимо саду
Бредет по знойной мостовой.*

Ф. Тютчев

К скамье у мраморной цистерны
Я направлял свой шаг неверный,

Но не дошел, но изнемог
И вдалеке упал на мох.

Там у бассейна в перебранке
Стояли стройные гречанки,
Я к ним взывал; мой стон для них
Был слишком чужд и слишком тих.

Вот боль затихла в свежей ране...
Но целый ад пылал в гортани!
Святыней для меня тогда
Была б студеная вода!

Я встать пытался, но напрасно.
Стонал, – все было безучастно...
И мне пригрезилось в бреду,
Что я в магическом саду.

Цветут каштаны, манят розы,
Порхают светлые стрекозы,
Над яркой роскошью куртин
Бесстрастно дышит бальзамин.

И, все ж, нигде воды ни капли!
Фонтаны смолкли и иссякли,
И, русла обнажив свои,
Пленяют камнями ручьи.

Я, мучим жаждой беспощадной,

К ручьям, ключам бросаюсь жадно,
Хватаю камни, изнемог —
И вновь упал на мягкий мох.

Что мне до всех великолепий!
Волшебный сад – жесточе степи!
Воды! воды! – и тщетный стон
Холодным эхо повторен.

10 февраля 1895

Будни

В тусклых днях унылой прозы...

Туманные ночи

Вся дрожа, я стою на подъезде
Перед дверью, куда я вошла накануне,
И в печальные строфы слагаются буквы созвездий.

О туманные ночи в палящем июне!

Там, вот там, на закрытой террасе,
Надо мной наклонялись нажатые очи,
Дорогие черты, искаженные в страстной гримасе.

О туманные ночи! туманные ночи!

Вот и тайна земных наслаждений...
Но такой ли ее я ждала накануне!
Я дрожу от стыда – я смеюсь! Вы солгали мне, тени!

Вы солгали, туманные ночи в июне!

12 – 13 августа 1895

Подруги

Три женщины, грязные, пьяные,
Обнявшись, идут и шатаются.
Дрожат колокольни туманные,
Кресты у церквей наклоняются.

Заслышавши речи бессвязные,
На хриплые песни похожие,
Смеются извозчики праздные,
Сторонятся грубо прохожие.

Идут они, грязные, пьяные,
Поют свои песни, ругаются...
И горестно церкви туманные
Пред ними крестами склоняются.

27 сентября 1895

Первый снег

Серебро, огни и блески, —
Целый мир из серебра!
В жемчугах горят березки,
Черно-голые вчера.

Это – область чьей-то грезы,
Это – призраки и сны!
Все предметы старой прозы
Волшебством озарены.

Экипажи, пешеходы,
На лазури белый дым,
Жизнь людей и жизнь природы
Полны новым и святым.

Воплощение мечтаний,
Жизни с грезой игра,
Этот мир очарований,
Этот мир из серебра!

21 января 1805

Одна

В этот светлый вечер мая,
В этот час весенних грез,
Мать бога пресвятая,
Дай ответ на мой вопрос.

Там теперь сгустились тени,
Там поднялся аромат,
Там он ждет в тоске сомнений,

Смотрит в темень наугад.

Поцелуи, ласки, речи
И сквозь слезы сладкий смех...
Неужели эти встречи —
Только сети, только грех?

В тусклых днях унылой прозы,
Нежеланного труда,
Час свиданья видят грезы,
Светит дальняя звезда.

Неужели искру рая
Погасить и встретить ночь?
Матерь бога пресвятая,
Ты сумеешь мне помочь!

Ты услышишь, Матерь-Дева,
Горький девичий вопрос
И ответишь мне без гнева
В этот час весенних грез.

6 декабря 1895

Одна

Нет мне в молитве отрады,
Боже мой, как я грешна!

Даже с мерцаньем лампы
Борется светом луна.

Даже и в девичьей спальне
Помнится дремлющий сад,
А из киотов печальной
Лики святые глядят.

Боже, зачем искушенье
Ты в красоте создаешь!
В лунном немом освещеньи
Был он так дивно хорош.

Тихо склонялися клены,
С неба скользнула звезда...
Здесь перед светом иконы
Вся я дрожу от стыда.

Сжался, отец правосудный,
Дай утешенье в тоске...
В лунных лучах изумрудный
Луг опускался в реке.

Шли мы дорожкой... и словно
Я отвечала «люблю»...
Боже мой, как я греховна,
Чем я свой грех искуплю!

21 апреля 1894

В вертепе

В сияющем изысканном вертепе,
Под музыку, сулившую канкан,
Я задремал, поникнув на диван,
И вдруг себя увидел в черном склепе.

Вокруг стоял мучительный туман, —
В окно несло благоуханье степи.
Я встать хотел, – мешала боль от ран,
И на ногах задрезали цепи.

И что-то вдруг так ясно стало мне,
Что горько я заплакал в полусне,
Что плакал я, смущенно просыпаясь.

Опять звенит приманчиво рояль,
Мой странный сон бледнеет, расплываясь,
По мне еще – кого-то – смутно – жаль...

1 февраля 1835

Летучая мышь

Весь город в серебряном блеске

От бледно-серебряных крыш, —
А там, на ее занавеске,
Повисла Летучая Мышь.

Мерцает неслышно лампада,
Белеет открытая грудь...
Все небо мне шепчет: «Не надо»,
Но Мышь повторяет: «Забудь!»

Покорен губительной власти,
Близ окон брожу, опьянен.
Дрожат мои руки от страсти,
В ушах моих шум веретен.

Весь город в серебряном блеске
От бледно-серебряных крыш,
А там у нее – к занавеске
Приникла Летучая Мышь.

Вот губы сложились в заклятье...
О девы! довольно вам пряхть!
Все шумы исчезнут в объятьи,
В твоём поцелуе, о страсть!

Лицом на седой подоконник,
На камень холодный упав,
Я вновь – твой поэт и поклонник,
Царица позорных забав!

Весь город в серебряном блеске
От бледно-серебряных крыш,
А там – у нее, с занавески, —
Хохочет Летучая Мышь!

27 сентября 1895

Ночью

Дремлет Москва, словно самка спящего страуса,
Грязные крылья по темной почве раскинуты.
Кругло-тяжелые веки безжизненно сдвинуты,
Тянется шея – беззвучная, черная Яуза.

Чуешь себя в африканской пустыне на роздыхе.
Чу! что за шум? не летят ли арабские всадники?
Нет! качая грузными крыльями в воздухе,
То приближаются хищные птицы – стервятники.

Падали запах знаком крылатым разбойникам,
Грозен голос гудящего с неба возмездия.
Встанешь, глядишь... а они всё кружат
над покойником,
В небе ж тропическом ярко сверкают созвездия.

20 июня 1895

В камышах

Луна в облаках – далека, хороша.
Челнок неподвижен в кустах камыша.

Дробятся лучи в беспокойной реке.
Задумчиво кто-то сидит в челноке.

Сияет венец вокруг холодной луны.
Чьим стоном нарушен покой тишины?

В таинственных далях, как утром, светло.
Чу! кто-то рыдает... упало весло...

22 – 23 октября 1895

Сумасшедший

Чтоб меня не увидел никто,
На прогулках я прячусь, как трус,
Приподняв воротник у пальто
И на брови надвинув картуз.

Я встречаю нагие тела,
Посинелые в рыхлом снегу,

Я минуты убийств стерегу
И смеюсь беспощадно с угла.

Я спускаюсь к реке. Под мостом
Выбираю угрюмый сугроб.
И могилу копаю я в нем,
И ложусь в приготовленный гроб.

Загорается дом... и другой...
Вот весь город пылает в огне...
Но люблюсь на блеск дорогой
Только я – в ледяной тишине.

Л потом, отряхнувши пальто,
Принадвинув картуз на глаза,
Я бегу в неживые леса...
И не гонится сзади никто!

17 января 1895

Пурпур бледнеющих губ

Медленно всходит луна,
Пурпур бледнеющих губ.
Милая, ты у окна —
Тиной опутанный труп.

Милая, о, наклонись...

Пурпур бледнеющих губ.
Клятвы возносятся ввысь...
Тиной опутанный труп.

Если б прижать мне к губам
Пурпур бледнеющих губ!
Звезды ли падают к нам?
Тиной опутанный труп.

Плачут кругом... но о чем?
Пурпур бледнеющих губ,
А на песке огнемом
Тиной опутанный труп.

Верен был клятве своей
Пурпур бледнеющих губ...
Что ж! унесите скорей
Тиной опутанный труп!

16 августа 1895

Часы дней

...и проклял наши дни.

Сонет к мечте

Ни умолять, ни плакать неспособный,
Я запер дверь и проклял наши дни.
И вот тогда, в таинственной тени,
Явился мне фантом женоподобный.

Он мне сказал: «Ты слышишь ропот злобный?
Для книг твоих разложены огни.
Смирись, поэт! мечтанья прокляни
И напиши над ними стих надгробный!»

Властительно слова звучали, но
Томился взор тревогой сладострастной,
Дрожала грудь под черным домино,

И вновь у ног божественно-прекрасной,
Отвергнутой, осмеянной, родной,
Я отвечал: «Зачем же ты со мной!»

4 – 6 сентября 1895

Мечта

О, если б я мог быть невинным, как ты,
Как ты – отзвук лазурного эхо! —
Беспечно видеть твои черты,
С улыбкой слушать колокольчики смеха!

Целый день мы с тобой проводили б вдвоем,
Наслаждаясь запущенным садом,
Бегали б в темных аллеях, – потом
Отдыхать садились бы рядом.

Мы были б с тобой две сестры,
Делили грезы, радость, печали,
И если б столкнулись во время игры,
Струны желанья во мне не дрожали б.

Ноябрь 1894

После грез

Я весь день, всё вчера, проблуждал по стране моих снов;
Как больной мотылек, я висел на стеблях у цветов;
Как звезда в вышине, я сиял, я лежал на волне;
Этот мир моих снов с ветерком целовал в полусне.

Нынче я целый день все дрожу, как больной мотылек;
Целый день от людей, как звезда в вышине, я далек,
И во всем, что кругом, и в лучах, и во тьме, и в огне,
Только сон, только сны, без конца, открываются мне...

8 июня 1895

* * *

Когда бывшие дни я вижу сквозь туман,
Мне кажется всегда – то не мое бывшее,
А лишь прочитанный восторженный роман.

И странно мне теперь, в томительном покое,
Припомнить блеск побед и боль заживших ран:
И сердце, и мечты, и все во мне – иное...

Напрасен поздний зов когда-то милых лиц,
Не воскресить мечты, мелькнувшей и прожитой,
От горя и любви остался ряд страниц!

И я иду вперед дорогою открытой,
Вокруг меня темно, а сзади блеск зарниц...
Но неизменен путь звезды ее орбитой.

22 июня 1895

Méditations⁵

*Мы, путники ночи беззвездной,
Искатели смутного рая...*

* * *

Хорошо одному у окна!
Небо кажется вновь голубым,
И для взоров обычна луна,
И сплетает опять тишина
Вдохновенье с раздумьем святым.

И гирлянду пылающих роз
Я доброшу до тайны миров,
И по ней погружусь я в хаос
Неизведанных творческих грез,
Несказанных таинственных слов.

Эта воля – свободна опять,
Эта мысль – как комета – вольна!
Все могу уловить, все могу я понять.
И не надо тебя целовать,
О мой друг, у ночного окна!

⁵ Размышления (фр.)

5 января 1895

* * *

Тонкой, но частою сеткой
Завтрашний день отделен.
Мир так ничтожен, и редко
Виден нам весь небосклон.

В страхе оглянешься – тени,
Призраки, голос «иди!»...
Гнутся невольно колени,
Плещут молитвы в груди.

Плакать и биться устанешь;
В сердце скрывая укор,
На небо черное взглянешь...
С неба скользнет метеор.

14 декабря 1894

* * *

Облегчи нам страдания, боже!
Мы, как звери, вгнездились в пещеры

Жестко наше гранитное ложе,
Душно нам без лучей и без веры.

Самоцветные камни блистают,
Вдаль уходят колонн вереницы,
Из холодных щелей выползают
Саламандры, ужи и мокрицы.

Наши язвы наполнены гноем,
Наше тело на падаль похоже...
О, простри над могильным покоем
Покрывало последнее, боже!

15 декабря 1894

* * *

Свиваются бледные тени,
Видения ночи беззвездной,
И молча над сумрачной бездной
Качаются наши ступени.

Друзья! Мы спустились до края!
Стоим над разверзнутой бездной
Мы, путники ночи беззвездной,
Искатели смутного рая.

Мы верили нашей дороге,

Мечтались нам отблески рая...
И вот – неподвижны – у края
Стоим мы, в стыде и тревоге.

Неверное только движенье,
Хоть шаг по заветной дороге, —
И нет ни стыда, ни тревоги,
И вечно, и вечно паденье!

Качается лестница тише,
Мерцает звезда на мгновенье,
Послышится ль голос спасенья:
Откуда – из бездны иль свыше?

18 февраля 1895

* * *

Скала к скале; безмолвие пустыни;
Тоска ветров, и раскаленный сплин.
Меж надписей и праздничных картин
Хранит утес два образа святыни.

То – демоны в объятиях. Один
Глядит на мир с надменностью гордыни;
Другой склонен, как падший властелин.
Внизу стихи, не стертые донине:

«Добро и зло – два брата и друзья.
Им общий путь, их жребий одинаков».
Неясен смысл клинообразных знаков.

Звенят порой признанья соловья;
Приходит тигр к подножию утеса.
Скала молчит. Ответам нет вопроса.

7 января 1895

Лирические поэмы

Снега *Терцины*

Луны холодные рога
Струят мерцанье голубое
На неподвижные снега;

Деревья-призраки – в покое;
Не вздрогнет подо льдом вода.
Зачем, зачем нас в мире двое!

«Увы, Мария, навсегда
Погасли зори золотые,
Любовь скатилась, как звезда.

Скажи, зачем, как в дни былые,
Мы вместе? Мы в долине сна?
Скажи, мы – призраки, Мария?»

С высот мерцанье льет луна,
По снегу вдаль уходят тени,
Ответ вопросам – тишина.

«Скажи, ты помнишь – наслаждений
Крутящий, неистомный пыл,
Часы любви в безумной смене?»

Твой замер взор, твой взор застыл,
Дышалось астрами и садом,
В окно осенний воздух плыл...

Ты помнишь?» Голубым каскадом
Луна струит холодный блеск,
И мы скользим в молчаньи рядом.

«А это утро! Тихий плеск
Реки па отмели песчаной,
Кузнечиков беспечный треск,

С полей восторг благоуханный!
Под яркой, летней синевой,
До чресл разоблаченной, странной,

Я прошептал тебе: «Я – твой!»
Ты помнишь?» Синевой одета
Лупа над далью снеговой.

Мой голос умер без ответа.
Идем мы, двое, в тишине,
Под чарой голубого света.

«А день весенний! Как во сие

Сиял нам праздник первой встречи.
Сказалось все – тебе и мне.

Без ласк, без клятв, без слов, без речи,
И, как венчальные огни,
Затеплились на елях свечи!

Святыня – те былые дни!
Я изнемог. Что было, снова,
Чтоб мог воскреснуть я, верни!»

Зову в безумии. Ни слова.
Гляжу: лишь тень моя, одна,
На ткани снежного покрова.

Как гроб, мертва и холодна
Лазурная равнина снега,
Свое мерцанье льет лупа,

На вышине сверкает Вега.

27-29 ноября 1894

Три свидания

Черное море голов колыхается,
Как живое чудовище,
С проходящими блестками
Красных шапочек,
Голубеньких шарфов,
Эполетов ярко-серебряных,
Живет, колыхается.

Как хорошо нам отсюда,
Откуда-то сверху – высоко-высоко, —
С тобою смотреть на толпу.
Красивая рама свиданий!
Залит пассаж электрическим светом,
Звуки оркестра доносятся,
Старые речи любви
К сердцу из сердца восторженно просятся.
Милая, нет, я не лгу, говоря, что люблю я тебя.

2

В зеркале смутно удвоены
(Словно мило-неверные рифмы),
Свечи уже догорают.
Все неподвижно застыло:
Рюмки, бутылки, тарелки, —
Кресла, картины и шубы,
Шубы, там вот, у входа.

Длинная зимняя ночь
Не удаляется прочь,
Мрак нам в окно улыбается.

Глазки твои ненаглядные,
Глазки, слезами полные,
Дай расцелую я, милая!
Как хорошо нам в молчании!
(Нам хорошо ведь, не правда ли?)
Стоит ли жизнь, чтобы плакать об ней!
Улыбнись, как недавно,
Когда ты хотела что-то сказать
И вдруг покраснела, смущенная,
Спряталась мне на плечо,
Отдаваясь минуте банально-прекрасной.
А я целовал твои волосы
И смеялся. Смеялась и ты, повторяя:
«Гадкий, гадкий!»

Улыбнись и не плачь!
Мы расстанемся счастливо,
У подъезда холодного дома,
Морозною ночью.
Из моих объятий ты выскользнешь,
И вернешься опять, и опять убежишь,
И потом, наконец,
Пойдешь, осторожно ступая,
По темным ступеням.

Мать тебя дожидается,
Сидит, полусонная, в кресле.
Номер «Нивы» заснул на столе,
А чулок на коленях...
Как она вздрогнет, услышав
Ключ, затрещавший в замке!
Ей захочется броситься
Навстречу тебе, – но она,
Надвинув очки, принахмурится,
Спросит сурово:
«Откуда так поздно?» – А ты,
Что ты ответишь тогда, дорога?

3

Холод ранней весны;
Темная даль с огоньками;
Сзади – свет, голоса; впереди —
Путь, во мрак убегающий.
Тихо мы идем по платформе.
Холод вокруг и холод в душе.
«Милый, ты меня поцелуешь?»
И близко
Видятся глазки за тенью слезинок.

Воздух разрезан свистком.
Последний топот и шум...

«Прощай же!» – и плачет, и плачет,
Как в последней сцене романа.
Поезд рванулся. Идет. Все мелькает.
Свет в темноту убегает.
Один.
Мысли проносятся быстро, как тени;
Грезы, спускаясь, проходят ступени;
Падают звезды; весна
Холодом дышит...
Навеки...

6–7 марта 1895

Белые клавиши

Белые клавиши в сердце моем
Робко стонали под грубыми пальцами,
Думы скитались в просторе пустом,
Память безмолвно раскрыла альбом,
Тяжкий альбом, где вседневно страдальцами
Пишутся строфы о счастье былом...

Смеха я жаждал, хотя б и притворного,
Дерзкого смеха и пьяных речей.
В жалких восторгах бесстыдных ночей
Отблески есть животворных лучей,
Светит любовь и в позоре позорного.

В темную залу вхожу, одинок,
Путник безвременный, гость неожиданный.
Лица еще не расселись в кружок...
Вид необычный и призрак невиданный:
Слабым корсетом не стянут испорченный стаи,
Косы упали свободно, лицо без румян.

«Девочка, знаешь, мне тяжело, мне как-то рыдается.
Сядь близ меня, потолкуем с тобой, как друзья...»
Взоры ее поднялись, удивленье тая.
Что-то в душе просыпается,
Что-то и ей вспоминается...
Это – ты! Это – я!

Белые клавиши в сердце моем
Стонут и плачут, живут под ударами,
Думы встают и кричат о былом,
Память дрожит, уронивши альбом,
Тяжкий альбом, переполненный старыми
Снами, мечтами о счастье святом!

Плачь! я не вынесу смеха притворного!
Плачь! я не вынесу дерзких речей!
Здесь ли, во мраке бесстыдных ночей,
Должен я встретить один из лучей
Лучшего прошлого, дня благотворного!

Робко, как вор, выхожу, одинок,
Путник безвременный, гость убегающий.

С ласковой лаской скользит ветерок,
Месяц выходит с улыбкой мигающей.
Город шумит, и мой дом недалек...
Блекни в сознаныи, последний венок!
Что мне до жизни чужой и страдающей!

21 августа 1895

ME EUM ESSE 1896 – 1897

Одиночеству тех дней

Новые Заветы

* * *

Как царство белого снега,
Моя душа холодна.
Какая странная нега
В мире холодного сна!
Как царство белого снега,
Моя душа холодна.

Проходят бледные тени,
Подобны чарам волхва,
Звучат и клятвы, и пени,
Любви и победы слова...
Проходят бледные тени,
Подобные чарам волхва.

А я всегда, неизменно,
Молюсь неземной красоте;
Я чужд тревогам вселенной,
Отдавшись холодной мечте.
Отдавшись мечте – неизменно
Я молюсь неземной красоте.

23 марта 1896

Юному поэту

Юноша бледный со взором горящим,
Ныне даю я тебе три завета:
Первый прими: не живи настоящим,
Только грядущее – область поэта.

Помни второй: никому не сочувствуй,
Сам же себя полюби беспредельно.
Третий храни: поклоняйся искусству,
Только ему, безраздумно, бесцельно.

Юноша бледный со взором смущенным!
Если ты примешь моих три завета,
Молча паду я бойцом побежденным,
Зная, что в мире оставлю поэта.

15 июля 1896

* * *

...и, покинув людей, я ушел в тишину,
Как мечта одинок, я мечтами живу,
Позабыв обаянья бесцельных надежд,
Я смотрю на мерцанья сочувственных звезд.

Есть великое счастье – познав, угаить;
Одному любоваться на грезы свои;
Безответно твердить откровений слова,
И в пустыне следить, как восходит звезда.

26 июня 1896

* * *

Я действительности нашей не вижу,
Я не знаю нашего века,
Родину я ненавижу, —
Я люблю идеал человека.

И в пространстве звенящие строки
Уплывают в даль и к былому;
Эти строки от жизни далеки,
Этих грез не поверю другому.

Но, когда настанут мгновенья,
Придут существа иные.
И для них мои откровенья
Прозвучат как песни родные.

8 июня 1896

Мучительный дар

*И ношушь, крылатый вздох,
Меж землей и небесами.*

Е. Баратынский

Мучительный дар даровали мне боги,
Поставив меня на таинственной грани.
И вот я блуждаю в безумной тревоге,
И вот я томлюсь от больших ожиданий.

Нездешнего мира мне слышатся звуки,
Шаги эвменид и пророчества ламий...
Но тщетно с мольбой простираю я руки,
Невидимо стены стоят между нами.

Земля мне чужда, небеса недоступны,
Мечты навсегда, навсегда невозможны.
Мои упования пред миром преступны,
Мои вдохновенья пред небом ничтожны!

25 октября 1895

* * *

Давно ушел я в мир, где думы,
Давно познал нездешний свет.
Мне странны красочные шумы,
Страстям – в душе ответа нет.

Могу я медлить миг мгновенный,
Но ввысь иду одной тропой.
Кто мне шепнул о жизни пленной?
– Моя звезда! я только твой.

25 января 1900

Il bacio⁶

Есть древняя чистая ласка,
Прекрасней, чем буйная страсть:
Есть ласка святая, как сказка,
И есть в ней нездешняя власть.

Ее неземное значенье

⁶ Поцелуй (*ит.*).

Не тот на земле разгадал,
Кто, в дикой игре наслажденья,
Любовницы грудь целовал;

Не тот, кто за дымкой прозрачной
Ловил очарованный взгляд
И после в уста новобрачной
Вливал обольстительный яд.

Но кто уловил, хоть однажды,
Таинственный зов чистоты, —
Ничем не обманет он жажды
Своей озаренной мечты.

Он будет блуждать и томиться,
Искать отражений во мгле,
И прошлому свету молиться,
И жить неземным на земле.

Но в нашем вседневном тумане
Мечтам повторения – нет,
И только за гранью желаний
Мы встретим желанный ответ!

27 ноября 1895

По поводу CHEFS D'ŒUVRE

Ты приняла мою книгу с улыбкой,
Бедную книгу мою...
Верь мне: давно я считаю ошибкой
Бедную книгу мою.

Нет! не читай этих вымыслов диких,
Ярких и странных картин:
Правду их образов, тайно великих,
Я прозреваю один.

О, этот ропот больных искушений,
Хохот и стоны менад!
То – к неземному земные ступени,
Взгляд – до разлуки – назад.

Вижу, из сумрака вышедши к свету,
Путь свой к лучам золотым;
Ты же на детскую долю не сетуй:
Детям их отблеск незрим!

Так! не читай этих вымыслов диких,
Брось эту книгу мою:
Правду страниц ее., тайно великих,
Я, покоряясь, таю.

15 июля 1896

* * *

Отреченного веселья
Озаренная печаль:
Это – ласковая келья,
Кропотливая медаль.

И, за гранью всех желаний,
Бледно-палевая даль:
Это – новых испытаний
Несказанная печаль.

17 марта 1896

Видения

Весна

Белая роза дышала на тонком стебле.
Девушка вензель чертила на зимнем стекле.

Голуби реяли смутно сквозь призрачный снег.
Грезы томили все утро предчувствием нег.

Девушка долго и долго ждала у окна.
Где-то за морем тогда расцветала весна.

Вечер настал, и земное утешилось сном.
Девушка плакала ночью в тиши, – но о ком?

Белая роза увяла без слез в эту ночь.
Голуби утром мелькнули – и кинулись прочь.

8 января 1896

На бульваре

С опущенным взором, в пелериночке белой,

Она мимо нас мелькнула несмело, —
С опущенным взором, в пелериночке белой.

Это было на улице, серой и пыльной,
Где деревья бульвара склонялись бессильно,
Это было на улице, серой и пыльной.

И только небо – всегда голубое —
Сияло, прекрасное, в строгом покое,
Одно лишь небо, всегда голубое!

Мы стояли с тобой молчаливо и смутно...
Волновалась улица жизнью минутной.
Мы стояли с тобой молчаливо и смутно.

22 апреля 1896

Мгновение

Один ее взгляд ярче тысячи звезд!
Небесный, алмазный, сверкающий крест, —
Один ее взгляд выше тысячи звезд!

Я встретил на миг лишь один ее взгляд, —
Алмазные отсветы так не горят...
Я встретил на миг один ее взгляд.

О, что за вопросы виделись в нем!

Я смутно померк в венце золотом...
О, что за вопросы виделись в нем!

Умрите, умрите, слова и мечты, – красоты
Что может вся мудрость пред сном красоты?
Умрите, умрите, слова и мечты!

17 мая 1896

* * *

И он взглянул, и ты уснула, и он ушел, и умер день;
И словно руки протянула огнем встревоженная тень.
Слова магических заклятий заветных снов не разорвут,
Ты будешь помнить бред объятий и все, и все мечты
минут,
Когда же, властный и прекрасный, к тебе опять вернется
он,
То будет только сон неясный, – неясный и ненужный сон!

18 января 1896

В трауре

Она была в трауре с длинной вуалью;
На небе горели в огне облака.

Черты ее нежно дышали печалью;
Небесные тайны качала река.

Но яркое небо – мираж непонятный,
Но думы печали – обманы минут;

А строгие строфы скользят невозвратно,
Скользят и не дышат, – и вечно живут.

4 мая 1896

Позор

Венчальные платья мы сняли,
Сронили к ногам ожерелья
И в царственной Зале Веселья
Смущенной толпою стояли.

Почти обнаженные, все мы
Поднять наши взоры не смели.
И только надменно горели
У нас в волосах диадемы.

23 апреля 1896

Ветви

Ветви склонялись в мое окно,
Под ветром гнулись, тянулись в окно,
И занавеска, дрожа, томясь,
На белой ленте ко мне рвалась;
Но я смотрел в окно мимо них,
Мой взор погасал в небесах голубых.

– Там, где движенья и страсти нет,
Там вечно светит нетленный свет;
О чем мы бредим во сне, сквозь сон,
Тем мир незримо всегда напоен;
Красота и смерть неизменно одно...
А ветви гнутся и рвутся в окно.

19 июня 1896

Мгновения

* * *

И снова бредешь ты в толпе неизменной,
Исполнен желаний земных.
Мгновения тайны, как тайна, мгновении,
И сердце не вспомнит об них.

Она у окна, утомленно-больная,
Глядит на бледнеющий день;
И ближе, и ближе – ночная, земная,
Всегда сладострастная тень.

27 апреля 1896

Туман

Пьяные лица и дымный туман...
В дымке туманной лепечет фонтан.

Отзвуки смеха и грубый вопрос...
Блещут на лилиях отблески рос.

Клонятся красные губы ко мне...
Звезды бесстрастно плывут в вышине.

Сентябрь 1896

Продажная

Едва ли ей было четырнадцать лет —
Так задумчиво гасли линии бюста.
О, как ей не шел пунцовый цвет,
Символ страстного чувства!

Альков задрожал золотой бахромой -
Она задернула длинные кисти.
О да! ей грезился свод голубой
И зеленые листья.

16 мая 1806

Рассвет

День рассветает, встречая мечту...
В сумраке дня я молитву прочту.

Мутной зарей озарилось окно...
Господи! сердце тебе отдано.

Женская тень на постели бледна...
Нет! я не знаю недавнего сна!

Апрель 1896

* * *

Эту ночь я дышал тишиной.
По таинственен был ускользящий сон.

В эту ночь ты мечтала со мной.
Но ласкающий лик был луной озарен.

На заре умерла золотая луна.
На заре ты рассталась со мной.

Ты рассталась, ушла, но жила тишина...
На заре я дышал тишиной.

Апрель 1896

* * *

Стаял снег... земля, каменья,
Облака и облака...

Где же символ возрождения,
Детский лепет василька!

Смутно сонный холод дышит
Вместо вешней теплоты,
И душа моя не слышит
Обновляющей мечты.

16 марта 1896

* * *

Холод ночи; смерзлись лужи;
Белый снег запорошил.
Но в дыханьи злобной стужи
Чую волю вешних сил.

Завтра, завтра солнце встанет,
Побегут в ручьях снега,
И весна с улыбкой взглянет
На бессильного врага!

16 марта 1896

* * *

Звон отдаленный, пасхальный,
Слышу сквозь завесу дней.
Тихо бреду я, печальный,
В мире вечерних теней.

Звон отдаленный, пасхальный,
Ближе, прозрачней, слышней...
Тихо бреду я, печальный,
С горестной думой о Ней.

21 марта 1896

Скитания

* * *

Мерный шум колес,
Поле, ряд берез,
Много мутных грез;
Мчимся, мчимся, мчимся...

Мерный шум и шум,
Свод небес угрюм,
Много мутных дум;
Дальше! Дальше! Дальше!

12 апреля 1896

* * *

Месяц бледный, словно облако,
Неподвижный странный лес,
Там далеко шпиль – и около
Золотой, блестящий крест.

Поезд вьется быстро, медленно,

Скрылся лес, и нет креста, —
Но в лазури тайна месяца
Неизменна и чиста.

8 июня 1896

* * *

Четкие линии гор;
Бледно-неверное море...
Гаснет восторженный взор,
Тонет в бессильном просторе.

Создал я в тайных мечтах
Мир идеальной природы. —
Что перед ним этот прах;
Степи, и скалы, и воды!

12 июня 1806

Ореанда

* * *

О, плачьте, о, плачьте
До радостных слез!
– Высоко на мачте

Мелькает матрос.

За гранью страданий
Есть новые дни.
– Над морем в тумане
Сверкнули огни.

Желанья – как воды,
Страданья – маяк...
– Плывут пароходы
В таинственный мрак.

20 сентября 1896

Новороссийск

Вечер

*Но в стихе умиленном найдешь
Эту вечна душистую розу.*

А. Фет.

Утомленный, сонный вечер
Успокоил тишью волны,
И померк далекий глетчер,
Вечно гордый и безмолвный.

Море темное простерто,
Ждет, в томленьи постоянства,

Скоро ль выйдет месяц мертвый
Целовать его пространство.

Мысль полна глухих предчувствий,
Голос будущего слышит...
Пусть же в строфах, пусть в искусстве
Этот миг навеки дышит!

27 июня 1896

Кавказ

* * *

Есть что-то позорное в мощи природы,
Немая вражда к лучам красоты:
Над миром скал проносятся годы,
Но вечен только мир мечты.

Пускай же грозит океан неизменный,
Пусть гордо спят ледяные хребты:
Настанет день конца для вселенной,
И вечен только мир мечты.

Июль 1896

Крым

Спит вагон, мерцает газ,
Поезд мчит, уносит нас.
Бесконечна даль полей,
Месяц горестный над ней.

С юга, с юга – в мир снегов
Мчится поезд мертвецов.
Смотрит месяц к нам в окно,
Только – мертвым все равно!

4 марта 1902

Софии С., подарившей мне лепесток розы

Лепесток отцветающей розы —
Не символ ласкательной встречи:
Прекрасны минутные грезы,
Едва прозвучавшие речи.

Отуманены тайной печалью,
Припомнятся эти мгновенья,
Как будто за белой вуалью

Сверкающий взор вдохновенья.

10 июня 1896, близ Симферополя в вагоне

* * *

Поезд врывается в древние скалы, —
Слева и справа гранит.
Вот на тропе пешеход запоздалый
Стал, прислонился, глядит.

Вырвались... Склоны, покрытые лесом,
Домики, поле, река,
Старая кирка под черным навесом.
Даль – хороша, далека.

Дальше... Опять надвигаются горы,
Замок сошел на утес,
Черные сосны, расщелин узоры...
Грохот и хохот колес!

31 мая 1897, близ Магдебурга

* * *

Мы ехали долго, без цели, куда-то,

Куда-то далеко, вперед, без возврата.
Поспешно мелькали кусты,
Вставали березы, поля убегали,
Сурово стучали под нами мосты.

Мы ехали долго. Нам дождь повстречался
И долго в оконные стекла стучался,
Угрюмо пророча печаль...
Но мы ускользнули за области бури,
И к чистой лазури мы ринулись вдаль!

Апрель 1896

Ненужная любовь

* * *

И снопа дрожат они, грезы бессильные,
Бессильные грезы ненужной любви;
Как сестры, как братья, ряды кипарисные
Задумчиво слушают думы мои;
С упреком лаская тростинки росистые,
О будущем горе лепечут ручьи,
А в сердце дрожат невозможные, чистые,
Бессильные грезы ненужной любви.

5 июля 1806

* * *

Сквозь туман таинственный
Голос слышу вновь,
Голос твой единственный,
Юная любовь!

Тихо наклоняется
Призрак надо мной,

Призрак улыбается,
Бледный и земной.

Вот зажглись жемчужные
Звезды в небесах,
И слова ненужные
Снова на устах!

10 июля 1896

* * *

В лабиринте аллей,
Между скал и развалин,
Я тоскую о ней,
Я блуждаю, печален.

Миг заветный придет...
Сердце странно сожмется,
И она промелькнет,
И она улыбнется.

В полуночи аллей,
До луны и до света,
Я мечтаю о ней,
Я томлюсь от привета.

26 августа 1896

* * *

Я помню вечер, бледно-скромный,
Цветы усталых георгин,
И детский взор, – он мне напомнил
Глаза египетских богинь.

Нет, я не знаю жизни смутной:
Горят огни, шумит толпа, —
В моих мечтах – Твои минуты:
Твои мемфисские глаза.

22 июля 1896

* * *

Побледневшие звезды дрожали,
Трепетала листва тополей,
И, как тихая греза печали,
Ты прошла по заветной аллее.

По аллее прошла ты и скрылась...
Я дождался желанной зари,
И туманная грусть озарилась
Серебристою рифмой Марии.

24 июня 1896

* * *

Почему я только мальчик,
Бедный мальчик, так влюбленный
В это ласковое море,
В этот берег обновленный!

Почему я только мальчик,
В глубине души таящий
Радость странную, и горе,
И восторг любви томящей!

Почему я только мальчик,
Почему сказать не смею,
Как ее люблю я тайно,
Как в тиши люблюсь ею!

Почему я только мальчик,
Почему ее люблю я,
Почему во мгле случайно
Не встречаю поцелуя!

Меж скал разбитых, —
Один! один!
Блаженств забытых
Я властелин.

Там, у платана,
Прошла она,
Дождем фонтана
Окроплена.

Она глядела
Печально вдаль,
Где чуть темнела
Небес эмаль.

Она хранила
В руке цветов,
И обронила
Там лепесток.

Я у бассейна
Его поднял,
Благоговейно
Поцеловал.

Листок случайный,
Ты мой! со мной!
И кроет тайны
Навес ночной.

1896, Кисловодск

* * *

Это было безумие грезы,
Невозможное полное счастье,
В мире бледных желаний и прозы
Прозвеневшие струны бесстрастья.

Не ища ни привета, ни встречи,
Но в томленьи волшебной отрады,
Я ловил ее дальние речи,
Мимолетно-случайные взгляды.

Неизвестный, осмеянный, странный,
Я изведаль безмерное счастье, —
Наслаждаться мечтой несказанной
И свободным восторгом бесстрастья.

27 августа 1806

Ангел бледный

Ангел бледный, синеглазый,
Ты идешь во мгле аллеи.
Звезд вечерние алмазы
Над тобой горят светлее.
Ангел бледный, озаренный
Бледным светом фонаря,
Ты стоишь в тени зеленой,
Грезой с ночью говоря.

Ангел бледный, легкокрылый,
К нам отпущенный на землю!
Грез твоих я шепот милый
Чутким слухом чутко внемлю.
Ангел бледный, утомленный
Слишком ярким светом дня,
Ты стоишь в тени зеленой,
Ты не знаешь про меня.

Звезды яркие, как алмаза
Грани, в тверди слишком синей.
Скалы старого Кавказа
Дремлют в царственной пустыне.
Здесь, где Демон камень темный
Огневой слезой прожег, —
Ангел бледный! – гимн нескромный

Я тебе не спеть не мог!

Июль 1896, 1910

* * *

Мы бродили, вдвоем и печальны,
Между тонких высоких стволов,
Беспощадные, жадные тайны
Нас томили, томили без слов.
Мы бродили, вдвоем и печальны,
Между тонких высоких стволов...

Желтоватый, безжизненный месяц
Над лугами взошел и застыл,
Мир теней – утомлен и невесел —
К отдаленным кустам отступил.
Желтоватый, безжизненный месяц
За стволами взошел и застыл.

Ты хотела сказать... Невозможным
Диссонансом раздались слова:
Стебельки закачались тревожно,
Трепеща, зашептала трава,
Диссонансом больным, невозможным
В тишине прозвучали слова.

И опять – набегающий сумрак

Отуманил молчанье кругом.
Отдаваясь мучительным думам,
Мы брели в полумраке лесном,
И безжизненный месяц – угрюмо —
Озарял нас с тобою вдвоем.

10 августа 1896

Пятигорск

* * *

Это матовым вечером мая
Ты так горько шепнула: «Твоя!»,
Что с тех пор я томлюсь, вспоминая,
Что и нынче волнуюсь я.

С этих пор я боюсь трепетанья
Предзакатных, манящих лучей,
Мне томительны сны и желанья,
Мне мучителен сумрак ночей;

Я одною мечтою волнуем:
Умереть, не поверив мечтам,
Но пред смертью припасть поцелуем
К дорогим побледневшим губам.

9 сентября 1896

Москва

Веянье смерти

* * *

*Последний день
Сверкал мне в очи.
Последней ночи
Встречал я тень.*

А. Полежаев

И ночи и дни примелькались,
Как дольные тени волхву.
В безжизненном мире живу,
Живыми лишь думы остались.

И нет никого на земле
С ласкающим, горестным взглядом,
Кто б в этой томительной мгле
Томился и мучился рядом.

Часы неизменно идут,
Идут и минуты считают...
О, стук перекрестных минут!
– Так медленно гроб забивают.

12 января 1896

После ночи бессонной,
После тягостных дум,
Странен звон отдаленный,
Гармонический шум.

Полутьма не редееет,
И декабрьская ночь
Словно медлит, не смеет,
Отодвинуться прочь.

Сумрак дум без просвета.
Темны дали судьбы.
Я не знаю ответа
На призыв, на мольбы.

Все грядущее грозно,
Нет надежды в былом,
Беспощадное «поздно»
Прозвучало, как гром.

Эти слезы невольны:
Это – стоны души...
Чу! призыв колокольный
Вырастает в тиши.

8 декабря 1895

Последние слова

И я опять пишу последние слова,
Предсмертные стихи, звучащие уныло...
Опять, опять пишу унылые слова.

Но не забыто все, что грезилось и было!
Пусть будущего нет, пусть завтра – не мое,
Но не забыто все, что грезилось и было.

Теперь не жизни жаль, где я изведал все:
Победу и позор, и все изгибы чувства, —
Нет, мне не жизни жаль, где я изведал все.

Но вы, мечты мои! провиденья искусства!
Ряды замысленных и не свершенных дел!
Вы, вы, мечты мои, провиденья искусства!

Как горько умирать, не кончив, что хотел,
Едва найдя свой путь к восторгам идеала! —
О, горько умирать, не кончив, что хотел...

Так много думано, исполнено так мало!

23 июля 1896

Посв.***

Мне снилось: мертвенно-бессильный,
Почти жилец земли могильной,
Я глухо близился к концу.

И бывший друг пришел к кровати
И, бормоча слова проклятий,
Меня ударил по лицу.

22 июня 1895

Записка самоубийцы

Завтра, когда мое тело найдут,
Плач и рыдания поднимутся тут.

Станут жалеть о судьбе дарований,
Смерть назовут и случайной и ранней,

И, свои прежние речи забыв,
Станут мечтать, как я был бы счастлив.

Только одни стебельки иммортели
Тихо шепнут о достигнутой цели.

2 июля 1894

* * *

Кончено! кончено! Я побежден.

– Смейтесь!

Погас, погас весенний сон...

Листья осенние, вейтесь!

Медленно всходит былая луна,

Всходит...

Горит в огнях, горит волна;

Челнок опрокинутый бродит.

Утром наляжет на ропотный лес

Иней,

И, все в крови, – укор небес —

Солнце взойдет над пустыней.

17 декабря 1895

* * *

...я вернулся на яркую землю,

Меж людей, как в тумане, брожу,

И шумящему говору внемлю,
И в горящие взоры гляжу.

Но за ропотом снежной метели
И под шепот ласкающих слов —
Не забыл я полей асфоделей,
Залетейских немых берегов.

И в сияньи земных отражений
Мне все грезятся – ночью и днем
Проходящие смутные тени,
Озаренные тусклым огнем.

21 января 1896

* * *

Я бы умер с тайной радостью
В час, когда взойдет луна.
Овекает странной сладостью
Тень таинственного сна.

Беспредельным далям преданный,
Там, где меркнет свет и шум,
Я покину круг изведанный
Повторенных слов и дум.

Грань познания и жалости

Сердце вольно перейдет,
В вечной бездне, без усталости,
Будет плыть вперед, вперед.

И все новой, странной сладостью
Овекает призрак сна...
Я бы умер с тайной радостью
В час, когда взойдет луна.

14 июля 1898

* * *

Ни красок, ни лучей, ни аромата,
Ни пестрых рыб, ни полумертвых роз,
Ни даже снов беспечного разврата,
Ни слез!

Поток созвучий все слова унес,
За вечера видений вот расплата!
Но странно нежит эта мгла без грез,
Без слез!

Последний луч в предчувствии заката
Бледнеет... Ночь близка... Померк утес.
Мне все равно. Не надо – ни возврата,
Ни слез!

10 декабря 1898

В пути

* * *

Сумрак за черным окном
В полночь тоскливо погас.
Думы овеяны сном
В этот загадочный час.

Страницы жизни, мечты
Около длинных гробниц,
В склепе былой красоты,
Пали, простерлися ниц.

Звук заклиняющих слов,
Дрогнув среди тишины,
Тихо коснулся гробов,
Словно улыбка луны.

В девственно чистых венцах,
В белом сияньи одежд
Вот приподнялись в гробах
Тени погибших надежд.

Очи глядят на меня,

Руки тревожно дрожат...
Сладко предчувствие дня,
Томен цветов аромат.

Сердце, зачем, о, зачем
Ты умираешь во сне!
Сумрак, бесстрастен и нем,
Тускло глядится ко мне.

25 января 1896

* * *

Тайны мрака побледнели;
Неземные акварели
Прояснились на востоке;
Но, таинственно-далеки,
Звезды ночи не хотели,
Уступив лучу денницы,
Опустить свои ресницы.

И в моей душе усталой
Брезжит день лазурно-алый,
Веет влагой возрожденья, —
Но туманные сомненья
Нависают, как бывало,
И дрожат во мгле сознанья
Иступленные желанья.

12 февраля 1896

* * *

Прохлада утренней весны
Пьянит ласкающим намеком;
О чем-то горестно далеком
Поют осмеянные сны.

Бреду в молчаньи одиноком.

О чем-то горестно далеком
Поют осмеянные сны,
О чем-то чистом и высоком,
Как дуновение весны.

Бреду в молчаньи одиноком.

О чем-то странном и высоком,
Как приближение весны...
В душе, с приветом и упреком,
Встают отвергнутые сны.

Бреду в молчаньи одиноком.

15 марта 1896

Из бездны ужасов и слез,
По ступеням безвестной цели,
Я восхожу к дыханию роз
И бледно-палевых камелий.

Мне жаль восторженного сна
С палящей роскошью видений;
Опять к позору искушений
Душа мечтой увлечена.

Едва шепнуть слова заклятий, —
И блеском озарится мгла,
Мелькнут, для плясок, для объятий,
Нагие, страстные тела...

Но умирает вызов властный
На сомкнутых устах волхва;
Пускай желанья сладострастны, —
Покорно-холодны слова!

Май 1806

Последние думы
О яркой земле
Витают, угрюмы,
В безжизненной мгле;

Зловещи и хмуры,
Скользят меж теней,
Слепые лемуры
Погибших страстей;

Шныряют как совы
В сиянии дня, —
Готовы, готовы
Вонзиться в меня!

Но мысль отгоняет
Невольный испуг:
Меня охраняет
Магический круг,

И, тайные знаки
Свершая жезлом,
Стою я во мраке
Бесстрастным волхвом.

Сентябрь 1806

* * *

Не плачь и не думай:
Прошедшего – нет!
Приветственным шумом
Врывается свет.

Уснувши, ты умер
И утром воскрес, —
Смотри же без думы
На дали небес.

Что вечно – желанно,
Что горько – умрет...
Иди неустанно
Вперед и вперед.

9 сентября 1896

* * *

В час, когда гений вечерней прохлады
Жизнь возвращает цветам,
К Озеру Снов, по знакомым тропам,

Медленно тянутся гады.

Там они, в ясной и чистой тиши,
Водят круги омерзительной пляски,
Правят под месяцем липкие ласки,
Слизью сквернят камыши.

В жуткой тревоге святые виденья
К небу восходят, как белый туман;
Сны мои черны, – и снова я пьян
Мутным вином искушенья.

* * *

О, когда бы я назвал своею
Хоть тень твою!
По и тени твоей я не смею
Сказать: люблю.

Ты прошла недоступно небесной
Среди зеркал,
И твой образ над призрачной бездной
На миг дрожал.

Он ушел, как в пустую безбрежность,
Во глубь стекла...
И опять для меня – безнадежность,

И смерть, и мгла!

28 – 29 октября 1897

Завершение

Годы молчания

Есть для избранных годы молчания.
Они придут —
И осудят бывшие желания...
О, строгий суд!

Но томленье о благе единственном
Не явит нам,
Как пройти переходом таинственным
К иным мечтам.

В лабиринте блуждая, бессильные,
Собьемся мы,
И заманят нас в глуби могильные
Соблазны тьмы!

13 декабря 1896

* * *

И в ужасе я оглянулся назад,

И понял безумие жизни.

– Померк! да, померк торжествующий взгляд,
Ты понял безумие жизни!

О голос безвестный, ответь мне, молю:

Что правда, где путь, в чем спасенье?

– Спасутся – творящие волю мою,
Кто против – тем нет и спасенья!

В безумии жизни я не был рабом,

Не буду и ради блаженства!

– Блуждай же, безумец, в томленьи пустом:
Тебе не изведать блаженства!

17 октября 1896

* * *

Еще надеяться – безумие.

Смирись, покорствуй и пойми;

Часами долгого раздумия

Запечатлей союз с людьми.

Прозрев в их душах благодатное,

Прости бессилие минут:

Теперь уныло-непонятное

Они, счастливые, поймут.

Так. Зная свет обетования,
Звездой мерцающий в ночи,
Под злобный шум негодования
Смирись, покорствуй и молчи.

26 мая 1897

Обязательства

Я не знаю других обязательств,
Кроме девственной веры в себя.
Этой истине нет доказательств,
Эту тайну я понял, любя.

Бесконечны пути совершенства,
О, храни каждый миг бытия!
В этом мире одно есть блаженство —
Сознавать, что ты выше себя.

Презренье – бесстрашие – нежность —
Эти три, – вот дорога твоя.
Хорошо, уносясь в безбрежность,
За собою видеть себя.

14 января 1898

Отречение

Как долго о прошлом я плакал,
Как страстно грядущего ждал,
И Голос – угрюмый оракул —
«Довольно!» сегодня сказал.

«Довольно! надежды и чувства
Отныне былым назови,
Приветствуй лишь грезы искусства,
Ищи только вечной любви.

Ты счастьем назвал волнение,
Молил у страданий венца,
Но вот он, твой путь, – отречение,
И знай: этот путь – без конца!»

18 июля 1896

Числа

*Не только в жизни
богов и демонов раскрывается
могущество числа.*

Пифагор

Мечтатели, сибиллы и пророки
Дорогами, запретными для мысли,
Проникли – вне сознания – далеко,
Туда, где светят царственные числа.

Предчувствие разоблачает тайны,
Проводником нелицемерным светит:
Едва откроется намек случайный,
Объемлет нас непересказный трепет.

Вам поклоняюсь, вас желаю, числа!
Свободные, бесплотные, как тени,
Вы радугой связующей повисли
К раздумиям с вершины вдохновенья!

10 – 11 августа 1898

Строгое звено

А . Курсинскому

Для всех приходят в свой черед
Дни отреченья, дни томленья.
Одна судьба нас всех ведет,
И в жизни каждой – те же звенья!

Мы все, мы все переживем,
Что было близко лучшим душам,

И будем плакать о былом,
И клятвы давние нарушим!

За снами страсти – суждено
Всем подступить к заветным тайнам,
И это строгое звено
Не называй в цепи случайным!

20 июля 1899

* * *

Я прежде боролся, скорбел,
Но теперь я жду.
Я сознал заветный предел,
Забыл вражду.

Остановить, что быть должно,
Нет сил.
Тому бороться смешно,
Кто победил.

Если победа судьбой дана,
Знай и смирись.
Так меня – безвольно волна
Возносит в высь.

11 января 1809

Лирические поэмы

Идеал

1

Ее он увидел в магический час;
Был вечер лазурным, и запад погас,
И первые тени над полем и лесом
Дрожали, сквозили ажурным навесом.
В таинственном храме весенних теней,
Мечтатель, он встретился с грезой своей.

2

Они обменялись медлительным взглядом...
И девичьим, белым, прозрачным нарядом
Она замелькала меж тонких стволов,
И долго смотрел он, – без грез и без слов,
Смотрел, наслаждаясь представшим виденьем,
Смотрел, отдаваясь наставшим мгновеньям.

3

Сияньем их жизнь озарилась с тех пор,
Как будто на небе застыл метеор;
И стали их дни многоцветны и яркие,
Как радостных радуг воздушные арки;
Им были слепительны думы и сны,
Как пышное утро расцветшей весны!

4

Но в чистые дали их робких мечтаний
Не смело проникнуть желанье свиданий:
В открытых просторах их девственных грез
Клонились цветы под наитием рос,
Шептала волна на побережье лагуны,
Чуть слышно звенели незримые струны.

5

И дивное счастье поведал им бог.
Вдали от людей и от шумных тревог,
В молчаньи лесном, убаюканном тайной,

Друг с другом они повстречались случайно.
Так в старой беседке, игрой ветерка,
Друг с другом сплетаются два лепестка.

6

И, точно друзья после долгой разлуки,
Они протянули уверенно руки,
И все, о чем каждый мечтал сам с собой,
Другой угадал вдохновенной душой.
И были не нужны ни клятвы, ни речи
При этой короткой задумчивой встрече.

7

То был мотылек, пилигрим вечеров,
Который подслушал прощанье без слов;
То было смущенное облачко мая,
Которое, в дали лазоревой тая,
Над лилией видело алый цветок:
Улыбку, склоненную к трепету щек!

И больше они никогда не встречались!
Но светлой святыней в их душах остались
Блаженные тени мгновенного дня...
И жили они, эту тайну храня,
И память о жизни, о горестной жизни,
Была их наградой в небесной отчизне.

16 декабря 1894

Сон пророческий

В мое окно давно гляделся день;
В моей душе, как прежде, было смутно.
Лишь иногда отрадою минутной
Дышала вновь весенняя сирень,
Лишь иногда, пророчески и чудно,
Мерцал огонь лампы изумрудной.

Минутный миг! и снова я тонул
В безгрезном сие, в томительном тумане
Неясных форм, неверных очертаний,
И вновь стоял неуловимый гул
Не голосов, а воплей безобразных,
Мучительных и странно неотвязных.

Мой бедный ум, как зимний пилигрим,
Изнемогал от тщетных напряжений.
Мир помыслов и тягостных сомнений,
Как влажный снег, носился перед ним;
Казалось: ряд неуловимых линий
Ломался вдруг в изменчивой картине.

Стал сон ясней. Дымящийся костер
На берегу шипел и рассыпался.
В гирляндах искр туманно означался
Безумных ведьм неистовый собор.
А я лежал, безвольно распростертый,
Живой для дум, но для движений мертвый.

Безмолвный сонм собравшихся теней
Сидел вокруг задумчивым советом.
Десятки рук над потухавшим светом
Тянулись в дым и грелись у огней;
Седых волос обрывки развевались,
И головы медлительно качались.

И вот одна, покинув страшный круг,
Приблизилась ко мне, как демон некий.
Ужасный лик я видел через веки,
Горбатый стан угадывал, – и вдруг
Я расслышал, как труп на дне гробницы,
Ее слова, – как заклинанья жрицы.

«Ты будешь жить! – она сказала мне. —
Бродить в толпе ряды десятилетий,
О, много уст вопьются в губы эти,
О, многим ты «люблю» шепнешь во сне!
Замрешь не раз в порыве страсти пьяном...
Но будет все – лишь тенью, лишь обманом!

Ты будешь петь! Придут к твоим стихам
И юноши и девы, и прославят,
И идол твой торжественно поставят
На высоте. Ты будешь верить сам,
Что яркий луч зажег ты над туманом...
Но будет все – лишь тенью, лишь обманом!

Ты будешь ждать! И меж земных богов
Единого искать, тоскуя, бога.
И, наконец, уснет твоя тревога,
Как буйный ключ среди глухих песков.
Поверишь ты, что стал над Иорданом...
Но будет все – лишь тенью, лишь обманом!»

Сказав, ушла. Хотел я отвечать,
Но вдруг костер, пред тем как рухнуть, вспыхнул,
И шепот ведьм в беззвездной ночи стихнул,
Ужасный сон на грудь мне лег опять.
Вновь понеслись бесформенные тени,
И лишь в окно вливалась песнь сирени.

19 января 1896

TERTIA VIGTLIA

1898 – 1901

*Памяти Ивана Коневского и Георга Бахмана,
двух ушедших.*

Возвращение

Возвращение

Я убежал от пышных брашен,
От плясок сладострастных дев.
Туда, где мир уныл и страшен;
Там жил, прельщения презрев.

Бродил, свободный, одичалый,
Таился в норах давней мглы;
Меня приветствовали скалы,
Со мной соседили орлы.

Мои прозренья были дики,
Мой каждый день запечатлен;
Крылато-радостные лики

Глядели с довременных стен.

И много зим я был в пустыне,
Покорно преданный Мечте...
Но был мне глас. И снова ныне
Я – в шуме слов, я – в суете.

Надел я прежнюю порфиру,
Умастил миром волоса.
Едва предстал я, гордый, пиру,
«Ты царь!» – решили голоса.

Среди цариц веселой пляски
Я вольно предызбрал одну:
Да обрету в желаньи ласки
Свою безвольную весну!

И ты, о мой цветок долинный,
Как стебель, повлеклась ко мне.
Тебя пленил я сказкой длинной...
Ты – наяву, и ты – во сне.

Но если, страстный, в миг заветный,
Заслышу я мои трубный звук, —
Воспряну! кину клич ответный
И вырвусь из стесненных рук!

31 марта 1900

Я

Мой дух не изнемог во мгле противоречий,
Не обессилел ум в сцепленьях роковых.
Я все мечты люблю, мне дороги все речи,
И всем богам я посвящаю стих.

Я возносил мольбы Астарте и Гекате,
Как жрец, стотельчих жертв сам проливал я кровь,
И после подходил к подножиям распятий
И славил сильную, как смерть, любовь.

Я посещал сады Ликеев, Академий,
На воске отмечал реченья мудрецов;
Как верный ученик, я был ласкаем всеми,
Но сам любил лишь сочетанья слов.

На острове Мечты, где статуи, где песни,
Я исследил пути в огнях и без огней,
То поклонялся тем, что ярче, что телесней,
То трепетал в предчувствии теней.

И странно полюбил я мглу противоречий
И жадно стал искать сплетений роковых.
Мне сладки все мечты, мне дороги все речи,
И всем богам я посвящаю стих...

24 декабря 1899

* * *

Ребенком я, не зная страху,
Хоть вечер был и шла метель,
Блуждал в лесу, и встретил пряжу,
И полюбил ее кудель.

И было мне так сладко в детстве
Следить мелькающую нить,
И много странных соответствий
С мечтами в красках находить.

То нить казалась белой, чистой;
То вдруг, под медленной луной,
Блистая тканью серебристой;
Потом слилась со мглой ночной.

Я, наконец, на третьей страже.
Восток означился, горя,
И обагрила нити пряжи
Кровавым отблеском заря!

21 октября 1900

Любимцы веков

Ассаргадон *Ассирийская надпись*

Я – вождь земных царей и царь, Ассаргадон.
Владыки и вожди, вам говорю я: горе!
Едва я принял власть, на нас восстал Сидон.
Сидон я ниспроверг и камни бросил в море.

Египту речь моя звучала, как закон,
Элам читал судьбу в моем едином взоре,
Я на костях врагов воздвиг свой мощный трон.
Владыки и вожди, вам говорю я: горе!

Кто превзойдет меня? кто будет равен мне?
Деянья всех людей – как тень в безумном сне,
Мечта о подвигах – как детская забава.

Я исчерпал до дна тебя, земная слава!
И вот стою один, величием упоен,
Я, вождь земных царей и царь – Ассаргадон.

17 декабря 1897

Халдейский пастух

Отторжен от тебя безмолвием столетий,
Сегодня о тебе мечтаю я, мой друг!
Я вижу ночь и холм, нагую степь вокруг,
Торжественную ночь при тихом звездном свете.

Ты жадно смотришь вдаль; ты с вышины холма
За звездами следишь, их узнаешь и числишь,
Предвидишь их круги, склонения... Ты мыслишь,
И таинства миров яснеют для ума.

Божественный пастух! среди тиши и мрака
Ты слышал имена, ты видел горний свет:
Ты первый начертал пути своих планет,
Нашел названия для знаков Зодиака.

И пусть безлюдие, нагая степь вокруг;
В ту ночь изведаль ты все счастье дерзновенья,
И в этой радости дай слиться на мгновенье
С тобой, о искренний, о неизвестный друг!

7 ноября 1898

Рамсес

Отрывок

По бездорожьям царственной пустыни,
Изнемогая жаждой, я блуждал.
Лежал песок, за валом вал,
Сияли небеса, безжалостны и сини...
Меж небом и землей я был так мал.

И, встретив памятник, в песках забытый,
Повергся я на каменный помост.
Палили тело пламенные плиты,
И с неба падал дождь огнистых звезд.
По в полумгле томительного бреда
Нащупал надпись я на камнях тех:

Черты, круги, людские лики, грифы —
Я разбирал, дрожа, гиероглифы:
«Мне о забвеньи говорят, – о, смех!
Векам вещают обо мне победы!»

И я смеялся смыслу знаков тех
В неверной мгле томительного бреда.
– Кто ты, воитель дерзкий? Дух тревожный?
Ты – Озимандия? Ассаргадон? Рамсес?

Тебя не знаю я, твои вещанья ложны!
Жильцы пустынь, мы все равно ничтожны
В веках земли и в вечности небес.

И встал тогда передо мной Рамсес.

.....

Сентябрь 1899

Жрец Изида

Я – жрец Изида светлокудрой;
Я был воспитан в храме Фта,
И дал народ мне имя «Мудрый»
За то, что жизнь моя чиста.

Уста не осквернял я ложью,
Корыстью не прельщался я,
И к женской груди, с страстной дрожью,
Не припадала грудь моя;

Давал я щедро подаянье
Всем, обращавшимся ко мне...
Но есть в душе воспоминанье,
Как змей лежащее на дне.

Свершал я путь годичный в Фивы...
На палубе я утра ждал...

Чуть Нил влачил свои разливы;
Смеялся вдалеке шакал.

И женщина, в одежде белой,
Пришла на пристань, близ кормы,
И стала, трепетно-несмело,
Там, пред порогом водной тьмы.

Дрожал корабль наш, мертвый, сонный,
Громадой черной перед ней,
А я скрывался потаенно
Меж бревен, весел и снастей.

И, словно в жажде утешенья,
Та, в белом женщина, ждала
И медлила свершить решенье...
Но дрогнула пред утром мгла...

В моей душе все было смутно,
Хотел я крикнуть – и по мог...
Но вдруг повеял ветер попутный,
И кормщик затрубил в свой рог.

Все пробудились, зашумели,
Вознесся якорь с быстротой,
Канаты радостно запели, —
Но пристань видел я – пустой!

И мы пошли, качаясь плавно,

И быстро все светлело вокруг, —
Но мне казалось, будто явно
В воде распространялся круг...

Я – жрец Изиды светлокудрой;
Я был воспитан в храме Фта,
И дал народ мне имя «Мудрый»
За то, что жизнь моя чиста.

9 марта 1900

Психея

Что чувствовала ты, Психея, в оный день,
Когда Эрот тебя, под именем супруги,
Привел на пир богов под неземную сень?
Что чувствовала ты в их олимпийском круге?

И вся любовь того, кто над любовью бог,
Могла ли облегчить чуть видные обиды:
Ареса дерзкий взор, царицы злобный вздох,
Шушуканье богинь и злой привет Киприды!

И на пиру богов, под их бесстыдный смех,
Где выше власти все, все – боги да богини,
Не вспоминала ль ты о днях земных утех,
Где есть печаль и стыд, где вера есть в святыни!

23 декабря 1898

Цирцея

Я – Цирцея, царица; мне заклятья знакомы;
Я владычица духов и воды и огня.
Их восторгом упиться я могу до истомы,
Я могу приказать им обессилить меня.

В полусне сладострастья ослабляю я чары:
Разрастаются дико силы вод и огней.
Словно шум водопадов, словно встали пожары, —
И туманят, и ранят, всё больней, всё страшней.

И так сладко в бессильи неземных содроганий,
Испивая до капли исступленную страсть,
Сохранять свою волю на отмеченной грани
И над дерзостной силой сохранять свою власть.

1 августа 1899

Кассандра

Пророчица Кассандра! – тень твоя,
Путь совершив к благословенной Лете,
Не обрела утех небытия,

И здесь твои мечты горят огнем столетий.

Твой дух живет в виденьях лучших дней,
Ты мыслью там, близ Иды, у Скамандра,
Ты ищешь круг тебе родных теней,
Поешь в Аиде им, пророчица Кассандра!

Зовешь вождей и, Фебом вновь полна,
Им славишь мечь, надеждой пламенея, —
Что примут казнь ахейцев племена,
Во прах повергнуты потомками Энея!

Но влага Леты упоила всех,
И жажду мести пробуждать в них тщетно!
Уста героев гнет загробный смех:
Ты славишь — все молчит, зовешь — и безответно!

8 марта 1898, 1923

Моисей

Я к людям шел назад с таинственных высот,
Великие слова в мечтах моих звучали.
Я верил, что толпа надеется и ждет...
Они, забыв меня, вокруг тельца плясали.

Смотря на этот пир, я понял их, — и вот
О камни я разбил ненужные скрижали

И проклял навсегда твой избранный парод.
Но не было в душе ни гнева, ни печали.

А ты, о господи, ты повелел мне вновь
Скрижали истесать. Ты для толпы преступной
Оставил свой закон. Да будет так. Любовь

Не смею осуждать. Но мне, – мне недоступна
Она. Как ты сказал, так я исполню все,
Но вечно, как любовь, – презрение мое.

25 апреля 1898

Александр Великий

Неустанное стремленье от судьбы к иной судьбе,
Александр Завоеватель, я – дрожа – молюсь тебе.

Но не в час ужасных боев, возле древних Гавгамел,
Ты мечтой, в ряду героев, безысходно овладел.

Я люблю тебя, Великий, в час иного торжества.
Были буйственные клики, ропот против божества.

И к войскам ты стал, как солнце: ослепил их грозный
взгляд,
И безвольно македонцы вдруг отпрянули назад.

Ты воззвал к ним: «Вы забыли, кем вы были, что теперь!
Как стада, в полях бродили, в чашу прятались, как зверь.

Создана отцом фаланга, вашу мощь открыл вам он;
Вы со мной прошли до Ганга, в Сарды, в Сузы, в Вавилон.

Или мните: государем стал я милостью мечей?
Мне державство отдал Дарий! скипетр мой, иль он
ничей!

Уходите! путь открытый! размечите бранный стан!
Дома детям расскажите о красотах дальних стран,

Как мы шли в горах Кавказа, про пустыни, про моря...
Но припомните в рассказах, где вы кинули царя!

Уходите! ждите славы! Но – Аммона вечный сын —
Здесь, по царственному праву, я останусь и один».

От курений залы пьяны, дышат золото и шелк.
В ласках трепетной Роксаны гнев стихает и умолк.

Царь семнадцати сатрапий, царь Египта двух корон,
На тебя – со скриптром в лапе – со стены глядит Аммон.

Стихли толпы, колесницы, на равнину пал туман...
Но, едва зажглась денница, взволновался шумный стан.

В поле стон необычайный, молят, падают во прах...

Не вздохнул ли, Гордый, тайно о своих ночных мечтах?

О, заветное стремленье от судьбы к иной судьбе.
В час сомненья и томленья я опять молюсь тебе!

Ноябрь 1899

Ламия

В дни весенних новолуний
Приходи, желанный друг!
На горе ночных колдуний
Соберется тайный круг.

Верны сладостной Гекате,
Мы сойдемся у костра.
Если жаждешь ты объятий,
Будешь с нами до утра.

Всех красивей я из ламий!
Грудь – бела, а губы – кровь.
Я вопьюсь в тебя губами,
Перелью в тебя любовь.

Косы брошу я, как тучу, —
Ароматом их ты пьян, —
Оплету, сдавлю, измучу,
Унесу, как ураган.

А потом замру, застыну,
Буду словно теплый труп,
Члены в слабости раскину,
Яства пышные для губ.

В этих сменах наслаждений
Будем биться до утра.
Утром сгинем мы, как тени,
Ты очнешься у костра.

Будешь ты один, бессильный...
Милый, близкий! жаль тебя!
Я гублю, как дух могильный,
Убиваю я, любя.

Подчинись решенной плате:
Жизнь за ласку, милый друг!
Верен сладостной Гекате,
Приходи на тайный луг.

1900

Амалтея

Пустынен берег тусклого Аверна,
Дрожат кругом священные леса,
Уступы гор отражены неверно,

И, как завеса, мутны небеса.
Здесь, в тишине, в пещере сокровенной,
Внимая вечно чьи-то голоса,

Живет сибилла. Судьбы всей вселенной
Пред ней проходят, – лица, имена
Сменяются, как сны, в игре мгновенной.

И этой сменой снов потрясена,
Сама не постигая их значенья,
На свитках записать спешит она

И звуки слов, и вещи виденья,
Пророчества, и тайны божества.
И пишет, и дрожит от иступленья,

И в ужасе читает те слова...
Но кончен свиток, и со смехом, злобно,
Она его бросает и, едва

Успев взглянуть, берет другой, подобный,
И пишет вновь, в тревоге, чуть дыша.
А ветер скал лепечет стих надгробный,

Взвывает свитки и влечет, шурша.

15 февраля 1898

Скифы

Если б некогда гостем я прибыл
К вам, мои отдаленные предки, —
Вы собратом гордиться могли бы,
Полюбили бы взор мой меткий.

Мне легко далась бы наука
Поджидать матерого тура.
Вот – я чувствую гибкость лука,
На плечах моих барсова шура.

Словно с детства я к битвам приучен!
Все в раздолье степей мне родное!
И мой голос верно созвучен
С оглушительным бранным воем.

Из пловцов окажусь я лучшим,
Обгоню всех юношей в беге;
Ваша дева со взором жгучим
Заласкает меня ночью в телеге.

Истукан на середине деревни
Поглядит на меня исподлобья.
Я уважу лик его древний,
Одарить его пышно – готов я.

А когда рассядутся старцы,
Молодежь запляшет под клики, —
На куске сбереженного кварца
Начерчу я новые лики.

Я буду как все – и особый.
Волхвы меня примут как сына.
Я сложу им песню для пробы.
Но от них уйду я в дружину.

Гей вы! слушайте, вольные волки!
Повинуйтесь жданному кличу!
У коней развеваются челки,
Мы опять летим на добычу.

29 ноября 1899

Клеопатра

Я – Клеопатра, я была царица,
В Египте правила восемнадцать лет.
Погиб и вечный Рим, Лагидов нет,
Мой прах несчастный не хранит гробница.

В деяньях мира мой ничтожен след,
Все дни мои – то празднеств вереница,
Я смерть нашла, как буйная блудница...
Но над тобой я властвую, поэт!

Вновь, как царей, я предаю томленью
Тебя, прельщенного неверной тенью,
Я снова женщина – в мечтах твоих.

Бессмертен ты искусства дивной властью,
А я бессмертна прелестью и страстью:
Вся жизнь моя – в веках звенящий стих.

Ноябрь 1899

Старый викинг

Он стал на утесе; в лицо ему ветер суровый
Бросал, насмехаясь, колючими брызгами пены.
И вал возносился и рушился, белоголовый,
И море стучало у ног о гранитные стены.

Под ветром уклончивым парус скользил на просторе,
К Винландии внук его правил свой бег непреклонный,
И с каждым мгновеньем меж ними все ширилось море,
А голос морской разносился, как вопль похоронный.

Там, там, за простором воды неисчерпно-обильной,
Где Скрелингов остров, вновь грянут губящие битвы,
Ему же коснеть безопасно под кровлей могильной
Да слушать, как женщины робко лепечут молитвы!

О, горе, кто видел, как дети детей уплывают
В страну, недоступную больше мечу и победам!
Кого и напевы военных рогов не сзывают,
Кто должен мириться со славой, уступленной дедам.

Хочу навсегда быть желанным и сильным для боя,
Чтоб не были тяжки гранитные косные стены,
Когда уплывает корабль среди шума и воя
И ветер в лицо нам швыряется брызгами иены.

12 июля 1900

Данте

Безумцы и поэты наших дней
В согласном хоре смеха и презренья
Встречают голос и родных теней.

Давно пленил мое воображенье
Угрюмый образ из далеких лет,
Раздумий одиноких воплощенье.

Я вижу годы, как безумный бред,
Людей, принявших снова вид звериный,
Я слышу вой во славу их побед

(То с гвельфами боролись гибеллины!).
И в эти годы с ними жил и он, —

На всей земле прообраз наш единый.

Подобных знал он лишь в дали времен,
А в будущем ему виднелось то же,
Что в настоящем, – безобразный сон.

Мечтательный, на девушку похожий,
Он приучался к зрелищу смертей,
Но складки на челе ложились строже.

Он, веривший в величие людей,
Со стоном звал: пускай придут владыки
И усмирят бессмысленных детей.

Под звон мечей, проклятия и крики
Он меж людей томился, как в бреду...
О Данте! о, отверженец великий, —

Воистину ты долго жил – в аду!

6 октября 1898

Данте в Венеции

По улицам Венеции, в вечерний
Неверный час, блуждал я меж толпы,
И сердце трепетало суеверней.

Каналы, как громадные тропы,
Манили в вечность; в переменах тени
Казались дивны строгие столпы,

И ряд оживших призрачных строений
Являл очам, чего уж больше нет,
Что было для минувших поколений.

И, словно унесенный в лунный свет,
Я упивался невозможным чудом,
Но тяжек был мне дружеский привет...

В тот вечер улицы кишели людом,
Во мгле свободно веселился грех,
И был весь город дьявольским сосудом.

Бесстыдно раздавался женский смех,
И зверские мелькали мимо лица...
И помыслы разгадывал я всех.

Но вдруг среди позорной вереницы
Угрюмый облик предо мной возник.
— Так иногда с утеса глянут птицы, —

То был суровый, опаленный лик,
Не мертвый лик, но просветленно-страстный,
Без возраста – не мальчик, не старик.

И жалким нашим нуждам не причастный,

Случайный отблеск будущих веков,
Он сквозь толпу и шум прошел, как властный.

Мгновенно замер говор голосов,
Как будто в вечность приоткрылись двери,
И я спросил, дрожа, кто он таков.

Но тотчас понял: Данте Алигьери.

18 декабря 1900

Флоренция Декамерона

Вы, флорентинки прошлых дней! – о вас
Так ясно я мечтал в обманах лунных,
О быстром блеске ваших крупных глаз.

Сады любви в тиши оград чугунных,
Певучий говор и жемчужный смех,
Рассказы с перебоем песен струнных.

Принцессы, горожанки – здесь у всех
Веселость, острый ум, и взор лукавый,
И жажда ненасытная утех.

Красавца видя, все полны отравой,
И долго жадный взор его следит.
Для вас любовь всегда была забавой!

Вам было непонятно слово «стыд»!
Среди земных красот, земных величий
Мне флорентинки близок лживый вид,

И сладостно мне имя Беатриче.

21 июля 1900

Астролог

Звездное небо плывет надо мной.
Чистым сияньем сверкают планеты.

Вкруг меня движется сумрак ночной...
Тени ли мертвые светом согреты?
Вот проступают телесней, ясней
Твердые бедра и полные плечи,
Смотрят глаза из-под черных кудрей...
Сдержанный хохот, чуть слышные речи.
Вот обозначился белый хребет,
Груды повисли, согнулись колени...

В небе холодном мерцанье планет,
В небе порядок кругов и движений...

29 декабря 1899

Баязет

*Тимур, прочтя оскорбительное письмо Баязета,
воскликнул: «Сын Мурата сошел с ума».*

Нет! не с ума сошел Муратов сын,
Ошибся ты, хромец надменный!
Но он взревел, как вольный лев долин,
Узнав, что в мире есть еще один,
Что дерзких двое во вселенной.

И степи дрогнули под звон копыт,
И шум от сшибки замер в небе.
Покой пустыни воплями был сыт,
Багряной кровью сумрак был залит,
И верен был случайный жребий.

Февраль 1899

Дон Жуан

Да, я – моряк! искатель островов,
Скиталец дерзкий в неоглядном море.
Я жажду новых стран, иных цветов,
Наречий странных, чуждых плоскогорий.

И женщины идут на страстный зов,
Покорные, с одной мольбой во взоре!
Спадает с душ мучительный покров,
Всё отдают они – восторг и горе.

В любви душа вскрывается до дна,
Яснее в ней святая глубина,
Где все единственно и неслучайно.

Да! я гублю! пью жизни, как вампир!
Но каждая душа – то новый мир
И манит вновь своей безвестной тайной.

12 мая 1900

Мария Стюарт

О, если б знала ты, что пред тобою было,
Когда бежал корабль к туманной полосе,
От милой Франции к Шотландии немилой,
Все беды, весь позор и униженья все!

Любила ты балы и пышный чин обеден,
И отдалась стране, где властвует туман,
Где в замках дедовских строй жизни хмур и беден
И где звучат псалмы угрюмых пуритан.

Ты страсти жаждала, как неба жаждут птицы,
Вся подчинялась ей, тонула в ярких снах, —
И слышала в ответ название блудницы,
И твой возлюбленный погиб в твоих руках.

Потом, захвачена соперницей надменной,
В тюрьме ты провлекла семнадцать гордых лет,
И, наконец, без сил, к ее ногам, смиренно,
Припала ты рабой... И смерть была ответ.

О! ты ждала ее! ты, с сердцем омертвелым,
У плахи слушала последних верных плач.
Но солгала и смерть: твоим безглавым телом
В последний раз насытился палач.

1901

Разоренный Киев

Четыре дня мы шли опустошенной степью.
И вот открылось нам раздолье Днепра,
Где с ним сливается Десна, его сестра...
Кто не дивится там его великолепию!

Но было нам в тот день не до земных красот!
Спешили в Киев мы – разграбленный, пустынный,
Чтоб лобызать хоть прах от церкви Десятинной,
Чтоб плакать на камнях от Золотых ворот!

Всю ночь бродили мы, отчаяньем объята,
Среди развалин тех, рыдая о былом;
Мы утром все в слезах пошли своим путем...
Еще спустя три дня открылись нам Карпаты.

3 ноября 1898

О последнем рязанском князе Иване Ивановиче

Ой вы, струночки – многозвончаты!
Балалаечка – многознаечка!
Уж ты спой нам весело
Свою песенку,
Спой нам нонче ты, нонче ты, нонче ты...

Как рязанский князь под замком сидит,
Под замком сидит, на Москву глядит,
Думу думает, вспоминает он,
Как людьми московскими без вины полонен,
Как его по улицам вели давеча,
Природного князя, Святославича,
Как глядел на него московский народ,
Провожал, смеясь, от Калужских ворот.

А ему, князю, подобает честь:

В старшинстве своем на злат-стол воссесть.
Вот в венце он горит, а кругом – лучи!
Поклоняются князья – Мономаховичи.
По и тех любить всей душой он рад,
В племени Рюрика всем старший брат.

Вот он кликнет клич, кто горазд воевать!
Па коне он сам поведет свою рать
Па Свею, на Литву, на поганый Крым...
(А не хочет кто, отъезжай к другим!)
Споют гусяры про славную брань,
Потешат, прославят древнюю Рязань.

Но кругом темно – тишина, —
За решеткой в окно Москва видна,
Не услышит никто удалый клич,
За замком сидит последний Ольгович.
Поведут его, жди, среди воров
На злую казнь на кремлевский ров.

Ой вы, струночки – многозвончаты!
Ой подруженька – многознаечка!
Спой нам нонче ты, спой нам нонче ты,
Балалаечка!

27 ноября 1899

Наполеон

Да, на дороге поколений,
На пыли расточенных лет,
Твоих шагов, твоих движений
Остался неизменный след.

Ты скован был по мысли Рока
Из тяжести и властных сил:
Не мог ты не ступать глубоко,
И шаг твой землю тяготил.

Что строилось трудом суровым,
Вставало медленно в веках,
Ты сокрушал случайным словом,
Движеньем повергал во прах.

Сам изумлен служеньем счастья,
Ты, как пращой, метал войска,
И мировое самовластье
Бросал, как ставку игрока.

Пьянея славой неизменной,
Ты шел сквозь мир, круша, дробя.
И стало, наконец, вселенной
Невозмогу носить тебя.

Земля дохнула полной грудью,
И ты, как лист в дыханье гроз,
Взвился, и полетел к безлюдью,
И пал, бессильный, на утес, —

Где, на раздольи одичалом,
От века этих дней ждала
Тебя достойным пьедесталом
Со дна встающая скала!

26 апреля 1901

У моря
Крым 1898 – 1899 г.
Ревель (Катериненталь) 1900 г.

* * *

Волны взбегают и пенятся,
Волны на шумном прибое;
Встанут и странно изменятся,
Гаснут в минутном покое.

Только что в дали сверкающей
Видел волны зароженье,
Миг – и с волной отбегающей
Тихо грохочут камня.

18 апреля 1898

* * *

Звезда затеплилась стыдливо,
Стопились тени у холма;
Стихает море; вдоль залива

Редееет пенная кайма.

Уже погасли пятна света
На гранях сумрачных вершин, —
И вот в селеньи с минарета
Запел протяжно муэдзин.

20 апреля 1898

* * *

У перекрестка двух дорог
Журчанье тихое фонтана;
Источник скуден и убог;
На камне надпись из Корана.

Здесь дышит скромный кипарис,
Здесь дремлет пыльная олива,
А ручеек сбегает вниз
К побережью вольного залива.

21 апреля 1898

* * *

Где подступает к морю сад,

Я знаю грот уединенный:
Там шепчет дремлющий каскад,
Там пруд недвижим полусонный.

Там дышат лавры и миндаль
При набежавшем тихом ветре,
А сзади, закрывая даль,
Уходит в небо пик Ай-Петри.

30 апреля 1898

* * *

День растоплен; море сине;
Подступили близко горы.
Воздух чист, и четкость линий
Утомляет взоры.

Под столетним кедром – тени,
Отзвук утренней прохлады.
Слушай здесь, отдавшись лени,
Как трещат цикады.

24 июня 1898

* * *

Весь день был тусклый, бледный и туманный;
Шли облака в уныло-смутной смене;
Свет солнца был болезненный и странный,
И от деревьев не ложилось тени.

И лишь под вечер солнце мимолетно
Вдруг озарило море, даль и горы,
Все вспыхнуло в надежде безотчетной...
Но тьма настала, и смежились взоры.

24 июня 1898

* * *

Месяца свет электрический
В море дрожит, извивается;
Силе подвластно магической,
Море кипит и вздымается.

Волны взбегают упорные,
Мечутся, дикие, пленные,
Гибнут в борьбе, непокорные,
Гаснут, разбитые, пенные...

Месяца свет электрический
В море змеится, свивается;
Силе подвластно магической,
Море кипит и вздымается.

21 апреля 1898

* * *

Словно птица большая
Неизведанных стран,
Поднялся, улетаю,
Беспощадный туман.

Поднялся и помчался
Над морской глубиной,
Развивался, свивался
И исчез за водой.

Вновь зеленые склоны
Нам открылись; и лес
Отвечал, возрожденный,
На приветы небес.

13 мая 1898

Лежу на камне, солнцем разогретом,
И отдаюсь порывам теплым ветра.
Сверкают волны незнакомым светом,
В их звучном плеске нет родного метра.

Смотрю, на волны; их неверных линий
Не угадав, смущен их вечной сменой...
Приходят волны к нам из дали синей,
Взлетают в брызгах, умирают пеной.

Кругом сверканье, говор и движенье,
Как будто жизнь, с водой борьба утесов...
Я не пойму, в чем тайный смысл волненья,
А морю не понять моих вопросов.

28 апреля 1898

Кипит встревоженное море,
Мягутся волны, как в плену;
Померк маяк на Ай-Тодоре,
Вся ночь приветствует луну.

Луна державно делит море:
То мрак, то отблесков игра.
И спит в серебряном просторе
Мир парусов из серебра.

27 июня 1899

* * *

Волны приходят, и волны уходят,
Стелются пеной на берег отлогий.
По морю тени туманные бродят,
Чайки летят и кричат, как в тревоге.

Много столетий близ отмели дикой
Дремлют в развалинах римские стены.
Слушают чаек протяжные крики,
Смотрят на белое кружево пены.

30 июня 1899

* * *

Обошла тропа утес,
Выше всходят буки.

Позади лесные звуки,
Крики птиц, и диких коз.

Впереди редет лес,
Камни у вершины,
Ветра свист, полет орлиный,
Даль земли и даль небес.

21 июля 1899

* * *

Небо чернело с огнями,
Море чернело без звезд.
Плотно обложен камнями
Был изогнутый объезд.

Вниз виноградник по скату
Тихо спускался; толпой
Кустики жались брат к брату...
Помнишь? мы шли той тропой!

1899

* * *

Белый цвет магнолий
Смотрит, как глаза.
Страшно жить на воле:
Чуется гроза.

Волны, словно стекла,
Отражают блеск.
Чу! в траве поблеклой
Ящерицы треск.

Вкруг смотрю смущенно,
Взор в листву проник:
Там к цветку склоненный
Юный женский дик.

1899

* * *

Облака цепляются
За вершины гор.
Так слова слагаются
В смутный разговор.

Горьки и томительны
Жалобы твои:
То рассказ мучительный
О былой любви.

Слушаю и думаю
Как в тяжелом сне.
Облако угрюмое
Вниз ползет ко мне.

Июль 1896

* * *

Мерно вьет дорога
Одинокий путь.
Я в руках у бога,
Сладко дышит грудь.

Гордо дремлют буки,
Чаща без границ.
Все согласны звуки
С голосами птиц.

Манит тихим зовом
Зашумевший ключ.
Ветки свисли кровом
От пролетных туч.

Близкий, бесконечный,
Вольный лес вокруг,
И случайный встречный

Как желанный друг.

14 июля 1899

* * *

Ветер с моря волны гонит,
Роем отмель, с сушей споря;
Ветер дым до зыби клонит,
Дым в пространствах вольных моря.

Малых лодок реет стая,
Белым роем дали нежит.
В белой пене тихо тая,
Вал за валом отмель режет.

29 мая 1900

* * *

Из-за облака скользящий
Луч над эмблемой водой
Разбивается блестящей,
Серебристой полосой.

И спешит волна с тревогой

В ярком свете погореть,
Набежать на склон отлогий,
Потемнеть и умереть.

5 июня 1900

* * *

Море – в бессильном покое,
Образ движенья исчез.
Море – как будто литое
Зеркало ясных небес.

Камни, в дремоте тяжелой,
Берег, в томительном сне,
Грезят – о дерзкой, веселой,
Сладко-соленой волне.

24 июля 1900

Закат

Видел я, над морем серым
Змей-Горыныч пролетал.
Море в отблесках горело,
Отсвет был багрово-ал.

Трубы спящих броненосцев,
Чаек парусных стада
Озарились блеском грозным
Там, где зыблилась вода.

Сея огненные искры,
Закатился в тучу Змей;
И зажглись румянцем быстрым
Крылья облачные фей.

19 июня 1900

Еще закат

*И мирный вечера пожар
Волна морская поглотила.*

Тютчев

Свой круг рисуя все ясней,
Над морем солнце опускалось,
А в море полоса огней,
Ему ответных, уменьшалась.

Где чары сумрака и сна
Уже дышали над востоком,
Всходила мертвая луна
Каким-то жаждущим упреком.

На вдоль по тучам, как убор,
Сверкали радужные пятна,
И в нежно-голубой простор
Лился румянец предзакатный.

28 июня 1900

В стенах

* * *

Люблю я линий верность,
Люблю в мечтах предел.
Меня страшит безмерность
И чудо божьих дел.

Люблю дома, не скалы.
Ах, книги краше роз!
– Но милы мне кристаллы
И жало тонких ос.

13 ноября 1898

* * *

Я люблю большие дома
И узкие улицы города, —
В дни, когда не настала зима,
А осень повеяла холодом.

Пространства люблю площадей,

Стенами кругом огражденные, —
В час, когда еще нет фонарей,
А затеплились звезды смущенные.

Город и камни люблю,
Грохот его и шумы певучие, —
В миг, когда песню глубоко таю,
Но в восторге слышу созвучия.

29 августа 1898

* * *

Когда сижу один и в комнате темно,
И кто-то за стеной играет долго гаммы, —
Вдруг фонари зажгут, и свет, пройдя в окно,
Начертит на стене оконные две рамы;
И мыслю я тогда, усталый и больной:
«Фонарь, безвестный друг! ты близок! ты со мной!»

А после из-за крыш подыметесь луна,
И, вспыхнув, облака уйдут как фимиамы,
И светлый луч луны, пройдя стекло окна,
Начертит явственней оконные две рамы;
О, как я оживлен! дрожа, мечтаю я:
«Луна, заветный друг! ты близко! ты – моя!»

22 ноября 1898

* * *

Когда опускается штора
И ласковый ламповый свет
Умиряет усталые взоры, —
Мне слышится счастья привет.

Мне не нужно яркого блеска,
Красоты и величья небес.
Опустись, опустись, занавеска!
Весь мир отошел и исчез.

Со мной любимые книги,
Мне поет любимый размер.
— Да! я знаю, как сладки вериги
В глубине безысходных пещер.

3 октября 1899

* * *

Я провижу гордые тени
Грядущих и гордых веков,
Ушедшие в небо ступени,
Застывшие громады домов;

Улицы, кишашие людом,
Шумные дикой толпой,
Жизнь, озаренную чудом,
Где каждый миг – роковой;

Всю мощь безмерных желаний,
Весь ужас найденных слов, —
Среди неподвижных зданий,
В теснине мертвых домов.

20 марта 1899

* * *

Жадно тобой наслаждаюсь,
Сумрак улиц священный!
Тайно тебе поклоняюсь,
Будущий царь вселенной!

Ты далёко руки протянешь,
В пустыни, ко льдам, на горы;
Солнечный свет затуманишь,
К полутьме приучишь взоры.

Тайно тебе поклоняюсь,
Гряди, могущ и неведом!
Пред тобой во прах повергаюсь

Пусть буду путем к победам.

27 апреля 1899

* * *

Люблю вечерний свет, и первые огни,
И небо бледное, где звезд еще не видно.
Как странен взор людей в медлительной тени,
Им на меня глядеть не страшно и не стыдно.

И я с людьми как брат, я все прощаю им,
Печальным, вдумчивым, идущим в тихой смене,
За то, что вместе мы на грани снов скользим,
За то, что и они, как я, – причастны тени.

4 – 5 октября 1899

* * *

Мы к ярким краскам не привыкли,
Одежда наша – цвет земли;
И робким взором мы поникли,
Влачимся медленно в пыли.

Мы дышим комнатною пылью,

Живем среди картин и книг,
И дорог нашему бессилью
Отдельный стих, отдельный миг.

А мне что снится? – дикие крики.
А мне что близко? – кровь и война.
Мои братья – северные владыки,
Мое время – викингов времена.

9 марта 1899

* * *

Зодчество церковей старинных,
Современный прихотливый свод,
Много зданий – высоких, длинных,
Улицы неуверенный поворот.

Проходящих теней вереница,
Отрывки неугаданных слов,
Женские мимолетные лица
И смутная память шагов.

15 марта 1899

Вы, снежинки, вейте,
Нас лишь пожалейте!
Вас, снежинок, много, много,
И летите вы от бога.

Где нам с вольными бороться!
Вам привольно, вам поется.
Захотите, – заметете,
Город в цепи закуете...

1899

На даче

Растопленный день вечереет,
Бесцветное небо померкло,
И призрачный месяц светлее
Над редкой сеткой из веток.

Затеплились окна под крышей,
В садах освещенные пятна,
И, словно летучие мыши,
Шныряют кругом самокаты.

Апрель 1899

* * *

Церкви, великие грани,
Голос ваш радостно строг!
В мире размеренных зданий
Смотрите вы на Восток.

Цепью застывших строений
Скованы думы и сны.
В городе вы – словно тени
Тихо встающей весны.

7 марта 1900

* * *

Облеченные в одежды
Длинно-тяжкие, – не мы
К красоте откроем вежды,
Мы – в темницах серой тьмы.

Грез прибежище и нега,
Тело женское! – в мехах,

В шерсти, в шарфах, в царстве снега
Ты лишь безобразный прах.

Есть живое возрожденье!
Краски, розы, нагота!
Так, творите вы мгновенье...
Кто же вас творит? – Мечта.

19 января 1900

* * *

Улицей сонной и тихой
В белом сиянии дня
Шел он весело, лихо...
Девушка – взоры склоня.

Он выдавался нарядом,
Хоть был некрасив, невысок;
Девушка с задумчивым взглядом
Робкий несла узелок.

Двери публичного дома
Вскрылись в сиянии дня.
Он лихо вошел, как знакомый, —
Девушка – взоры склоня.

14 марта 1900

* * *

Месяц серпом умирающим
Смутно висит над деревьями;
Тени встают умоляюще,
Тянутся ветви виденьями.

Зданья одеты туманами,
Линии гаснут мучительно,
Люди – как призраки странные,
Конки скользят так таинственно.

Мир непонятно-пугающий,
Чуждая взорам вселенная!
– Месяц, лишь ты, умирающий,
Вечно твердишь неизменное.

15 декабря 1897

* * *

Огни «электрических конок»
Браздят потемневший туман,
И зов колокольчиков звонок...
Пускается в путь караван.

Там, в душную втиснут каюту,
Застывший, сроднившийся вдруг
(Друзья и враги на минуту!)
Прохожих изменчивый круг.

Беседы и облик безмолвный,
Ряды сопоставленных лиц...
О конки! вы – вольные челны
Шумящих и строгих столиц.

23 июля 1900

* * *

Я видел искры от кирки,
Ударившей о камень.
Вы, силы пламени, легки,
Люблю тебя, о пламень!

Ты встанешь некогда врагом,
Ты до неба воспрянешь!
И день, венчанный вечным днем, —
Я жду, – и ты настанешь!

8 марта 1900

* * *

Словно нездешние тени,
Стены меня обступили:
Думы былых поколений!
В городе я – как в могиле.

Здания – хищные звери
С сотней насытых утроб!
Страшны закрытые двери:
Каждая комната – гроб!

16 сентября 1900

* * *

В борьбе с весной редет зимний холод,
Сеть проволок свободней и нежней,
Снег, потемневший, сложен в кучи, сколот,
Даль улицы исполнена теней.

Вдали, вблизи – все мне твердит о смене:
И стаи птиц, кружащих над крестом,
И ручеек, звеня, бегущий в пене, —
И женщина с огромным животом.

25 февраля 1899

Еще сказка

Женщине

Ты – женщина, ты – книга между книг,
Ты – свернутый, запечатленный свиток;
В его строках и дум и слов избыток,
В его листах безумен каждый миг.

Ты – женщина, ты – ведьмовский напиток!
Он жжет огнем, едва в уста проник;
Но пьющий пламя подавляет крик
И славословит бешено среди пыток.

Ты – женщина, и этим ты права.
От века убрана короной звездной,
Ты – в наших безднах образ божества!

Мы для тебя влечем ярем железный,
Тебе мы служим, тверди гор дробя,
И молимся – от века – на тебя!

11 августа 1899

Любовь

Не мысли о земном и малом
В дыханьи бури роковой, —
И, не стыдясь святого страха,
Клони чело свое до праха.
Любовью – с мировым началом
Роднится дух бессильный твой.

Любовь находит черной тучей.
Молись, познав ее приход!
Не отдавай души упорству,
Не уклоняйся, но покорствуй!
И кто б ни подал кубок жгучий, —
В нем дар таинственных высот.

17 мая 1900

* * *

Осенний день был тускл и скуден,
А воздух недвижимо жгуч.
Терялся луч больных полуден
В бескрайности сгущенных туч.

Шли тополя по придорожью,
Ветрам зимы обнажены,
Но маленькие листья – дрожью
Напоминали сон весны.

Мы шли, глядя друг другу в очи,
Встречая жданные мечты.
Мгновенья делались короче,
И было в мире – я и ты.

Когда, забыв о дольном плаче,
В пространствах две души летят,
Нельзя им чувствовать иначе,
Обменивая взгляд на взгляд!

23 октября 1900

* * *

Я – мотылек ночной. Послушно
Кружусь над яркостью свечи.
Сияет пламя равнодушно,
Но так ласкательны лучи.

Я этой лаской не обманут,
Я знаю гибель наизусть, —
Но крылья биться не устанут,
С усладой повторяю: пусть!

Вот всё невыносимей жгучесть,
Тесней и опьяненной круг,
Так явно неизбежна участь,
Но в паданьи захвачен дух.
Хочу упиться смертью знойной,
Изведать сладости огня.
Еще один полет нестройный —
И пламя обовьет меня.

Сентябрь 1900

* * *

По холодным знакомым ступеням
Я вошел в позабытый дворец
(К поцелуям, и клятвам, и пеням),
Оглянулся, как жалкий беглец.

Здесь, ребенком, изведал я годы,
Поклонялся величию дворца;
Словно небо, казались мне своды,
Переходы кругом – без конца.

Ликовать иль рыдать о измене?
Как все тесно и жалко теперь
(Поцелуи, и клятвы, и пени...).
...И открыл я заветную дверь.

25 января 1900

* * *

Да, эту улицу я знаю:
Все виды вдаль и каждый дом,
И я, испуганно, встречаю
Святые думы – о былом!

Я здесь, как мальчик, неумело
Условного свиданья ждал...
Зачем же то мгновенье цело,
Когда я сам – не мальчик стал!

С улыбкой, но со взором строгим
Сейчас ко мне ты подойдешь,
И будем мы, подобно многим,
В словах мешать любовь и ложь.

И, после, кисти над альковым
В позорной пляске задрожат,
И я возьму восторг готовым,
Не так, как много лет назад!

Зачем же снова, – ныне! ныне! —
За валом сумрачных годов,
Былое высится святыней,

И плакать я пред ним готов!

Как страшно здесь, где все знакомо,
Как прежде, милой встречи ждать,
Но знать, что роковой истомой
Не может сердце задрожать!

3 сентября 1900

* * *

Строгий, холодный и властный
Свет невозшедшего дня.
Улицы мертво-бесстрастны,
Путь убегает, маня.

В светлом безмолвии утра
Двое нас в мире живых!
В облаках игра перламутра.
Румянец затепленный тих.

В ущельи безжизненных зданий
Мы дышим неземной тишиной,
В этот час не хотим ожиданий...
Довольно, что ты – со мной.

Настало что-то... Как дети,
Сознаем мы исполненный миг.

Утро в холодном свете,
Ты. лучше песен и книг!

Апрель 1900

* * *

Роскошен лес в огне осеннем,
Когда закатом пьян багрец,
И ты, царица,ходишь к теням,
И папоротник – твой венец!

Листва живет мгновеньем пышным,
От всех надежд отрешена,
И стало будущее лишним,
И осень стала, как весна!

Но вздрогнешь ты у той поляны,
Где мой припомнится привет,
И долго будет лист багряный
Хранить замедленный твой след.

28 сентября 1900

* * *

Я помню свет неверно-белый
И запах роз, томивший нас,
Взор соблазнительно несмелый,
И этот весь вечерний час.

Мы были двое... Тени с нами.
Лишь изредка твоей руки
Касаясь жадными губами,
Дышал я таинством тоски.

И сдвинулись неслышно тени,
Все ложью опьянила мгла, —
Но правду беглых отражений
Вдаль уводили зеркала.

Апрель 1900

* * *

В моих словах бесстыдство было,
В твоих очах – упорство дня,
И мы боролись с равной силой,
Друг друга жажда и кляня.

А мальвы листьями встречались,
Клонясь под тихим ветерком,
И сосны яростно качались
В просторе слишком голубом.

О, если каждый образ вечен
И полны прошлым небеса,
То в безднах этот миг отмечен
Как огневая полоса!

3 сентября 1900

* * *

И снова ты, и снова ты,
И власти нет проклясть!
Как Сириус палит цветы
Холодным взором с высоты,
Так надо мной восходишь ты,
Ночное солнце – страсть!

Мне кто-то предлагает бой
В ночном безлюдьи, под шатром.
И я, лицом к лицу с судьбой,
И я, вдвоем с тобой, с собой,
До утра упоен борьбой,
И – как Израиль – хром!

Дневные ринутся лучи, —
Не мне пред ними пасть!
Они – как туча саранчи.
Я с богом воевал в ночи,

На мне горят его лучи.
Я твой, я твой, о страсть!

11 сентября 1900

* * *

Я имени тебе не знаю,
Не назову.
Но я в мечтах тебя ласкаю...
И наяву!

Ты в зеркале еще безгрешней,
Прижмись ко мне.
Но как решить, что в жизни внешней
И что во сне?

Я слышу Нил... Закрыты ставни...
Песчаный зной...
Иль это только бред недавний,
Ты не со мной?

Иль, может, всё в мгновенной смене,
И нет имен,
И мы с тобой летим, как тени,
Как чей-то сон?..

2 октября 1900

* * *

Мысль о тебе меня весь день ласкает,
Как легкий, ветерок в полдневный жар цветы;
И, слово за слово, наш разговор мелькает,
И хочется, смутясь, тебе промолвить: «ты»!

Благословляю вас, мгновенья жизни полной!
Вы к медленным часам даете волю вновь.
Так от весла, в тиши, бегут далеко волны...
На крыльях, на волнах ты мчишь меня, любовь!

Февраль 1900

* * *

Часы прошли, как сон изменчивый,
О вечер! наступай и ты,
И встречей длительной увенчивай
Весь день томившие мечты!

Любовь горит еще нетленнее,
Пройдя мучительство сует.
Так небо, серое, осеннее,
Звезды пронизывает свет.

26 сентября 1900

* * *

Настал заветный час дремотный.
Без слов, покорствуя судьбе,
Клонюсь я к бездне безотчетной
С последней думой – о тебе!

В мечты мои ты льешь, царица,
Свет с изумрудного веща,
И дня прочтенная страница
Тобою дышит до конца.

13 сентября 1900

* * *

Тоска бродячего светила
По дерзкой вольности своей
Меня недавно осенила
В раздольи голубых полей.

Но вновь, как верная комета,
Свершив размеренный свой путь,

Я возвращаюсь к бездне света —
В сияньи солнца потонуть.

И вольность синяя забыта,
Лучи нахлынули, пьяня,
И сладостно, как власть магнита,
Влиянье жгучего огня.

23 октября 1900

«О да! Я – темный мотылек...»

Я – мотылек ночной...

В. Брюсов

О да! Я – темный мотылек,
Кружусь я, крыльями стуча;
На гибель манит огонек...
О да! я – темный мотылек,
Но я и светлая свеча.

Я чувствую свои лучи;
Их свет приветен и глубок,
И ты над пламенем свечи,
Вливая жгучие лучи,
Кружишься, белый мотылек!

И кто к кому? ко мне ли ты,

К тебе ли я, иль мы с тобой?
Твои глаза – мои ль мечты?
В тебе ли я? во мне ли ты?
– Мы оба пойманы судьбой!

23 сентября 1900

* * *

Ты умеешь улыбаться
Тихим трепетом ресниц...
Сладко в небе колыхаться
Перелетным стаям птиц.

Ты умеешь быть желанной
Сквозь вседневные слова...
Ветер дышит над саванной,
Знойно клонится трава.

Рук любовных приближенье
Нежно веет у лица...
Даль без тени и движенья,
Травы, небо без конца!

23 сентября 1900

Сладко скользить по окраинам бездны,
Сладко скользить нам вдвоем.
Что ж нам приманчивей: купол ли звездный,
Пропасть ли, полная сном?

Крылья умчат ли от жизни усталой
К новой и светлой весне?
Или нам падать и биться о скалы,
Корчиться жалко на дне?

С каждым мгновеньем сознание неверней:
Хмель – так стремиться вдвоем!
Мрак за звездами и звезды по черни...
Где мы и кто, не пойдем!

Снизу ль высоты, над нами ль глубины?
Как нам теперь рассмотреть?
Может быть, падая вниз со стремнины,
К звездам мы будем лететь?

Сладко скользить по окраинам бездны,
Сладко скользить нам вдвоем.
Что же приманчивей: купол ли звездный,
Пропасть ли, полная сном?

Апрель 1900

* * *

Мне грустно оттого, что мы с тобой не двое,
Что месяц, гость небес, заглянет к нам в окно,
Что грохот города нарушит все ночное
И будет счастье тьмы меж зорь схоронено.

Мне грустно оттого, что завтра ты с другими
Смешаешься в одной вскипающей волне,
И будешь между них, и будешь вместе с ними,
И хоть на краткий миг забудешь обо мне...

О, если б быть одним, в высокой, строгой башне,
Где ламп кровавый свет затеплен навсегда,
Где вечно только ночь, как завтра – день вчерашний,
И где-то без конца шумит, шумит вода!

Отторжены от всех, отъяты от вселенной,
Мы были б лишь вдвоем, я – твой, ты – для меня!
Мы были б как цари над вечностью мгновенной,
И год сменял бы год, как продолженье дня.

Декабрь 1900

Милая правда

Первая звездочка

Первая звездочка! око вечернее,
Привет тебе!
Вечером сердце мое суевернее:
Молюсь Судьбе.

Первая звездочка! будь обещанием
Счастливых дней!
Слишком измучен я долгим блужданием
В кругу теней.

Глянули сестры твои, светлоокие,
Вот здесь, вот там...
Звездочки! блестки! – святые, далекие!
Я верю вам!

21 мая 1897

В день святой Агаты 6 февраля

Имя твое непорочно и свято
В кругу святых.
Примешь ли ты благодарность, Агата,
В стихах моих?

Строгой подвижницей, к высшему счастью
Стремилась ты,
Эти же строфы подсказаны страстью,
Вином мечты.

Нет! свет любви перед взором блаженных
Горит сквозь тень:
Верю, – простишь ты и нас, дерзновенных,
В свой светлый день!

25 июня 1897

Я люблю ...

...между двойною бездной...

Ф. Тютчев

Я люблю тебя и небо, только небо и тебя,
Я живу двойной любовью, жизнью я дышу, любя.

В светлом небе – бесконечность: бесконечность милых
глаз.

В светлом взоре – беспредельность: небо, явленное в нас.

Я смотрю в пространства неба, небом взор мой поглощен.
Я смотрю в глаза: в них та же даль – пространств и даль
времен.

Бездна взора, бездна неба! я, как лебедь на волнах,
Меж двойною бездной рею, отражен в своих мечтах.

Так, заброшены на землю, к небу всходим мы, любя...
Я люблю тебя и небо, только небо и тебя,

26 июня 1897

Близкой

И когда меня ты убьешь,
Ты наденешь белое платье,
И свечи у гроба зажжешь,
И сядешь со мной на кровати.

И будем с тобой мы одни
Среди безмолвия ночи;

Лишь будут змеиться огни
И глядеть мои тусклые очи.

Потом загорится рассвет
И окна окрасит кровью, —
И ты засмеешься в ответ
И прильнешь к моему изголовью.

13 октября 1897

Фея фонтанов

Ты, моя фея фонтанов,
Фея журчащих ручьев,
Ты из летучих туманов
Вестником вышла на зов.

Ты из летучих туманов
Вышла на трепетный зов
Около старых платанов
В час окликанья сов.

Около старых платанов
Слушал я оклики сов.
Высился гор-великанов
Призрак, зловеще-суров.

Призраки гор-великанов...

Тень виноградных кустов...
Ждал я желанных обманов,
Мгле доверяя свой зов.

Ждал я желанных обманов...
Ты мой услышала зов,
Ты, моя фея фонтанов,
Фея журчащих ручьев.

11 мая 1898

* * *

И небо и серое море
Уходят в немую безбрежность.
Так в сердце и радость и горе
Сливаются в тихую нежность.

Другим – бушевания бури
И яростный ропот прибоя.
С тобой – бесконечность лазури
И ясные краски покоя.

На отмель идут неизбежно
И гаснут покорные волны.
Так думы с беспечностью нежной
Встречают твой образ безмолвный.

7 июня 1900

Колыбельная песня

Мы забавляемся
Нашей судьбой,
Тихо качаемся
В люльке с тобой.

Фея-кудесница
Песню поет,
К месяцу – лестница
Света ведет.

Ангелы мирные
Сходят по ней,
Святят, эфирные,
В мире теней.

Мы улыбаемся
С томной мольбой.
Тихо качаемся
В люльке с тобой...

30 января 1898

К твоему плечу прижаться
Я спешу в вечерний час.
Пусть глаза мои смежатася:
Звуки стихли, свет погас.

Тихо веет лишь сознание,
Что с тобой мы здесь вдвоем,
Словно ровное мерцание
В безднах, выветренных сном.

Просыпаясь, в дрожи смутной
Протяну к устам уста:
Знать, что ты – не сон минутный,
Что блаженство – не мечта!

Засыпая, помнить буду,
Что твой милый, нежный лик
Близко, рядом, где-то, всюду, —
Мой ласкательный двойник!

И так сладко, так желанно,
На плечо припав твое,
Забывать в истоме жданной
Чье-то злое счастье... чье?

10 октября 1900

Близким

К портрету Лейбница

Когда вникаю я, как робкий ученик,
В твои спокойные, обдуманые строки,
Я знаю – ты со мной! Я вижу строгий лик,
Я чутко слушаю великие уроки.

О Лейбниц, о мудрец, создатель вещей книг!
Ты – выше мира был, как древние пророки.
Твой век, дивясь тебе, пророчеств не постиг
И с лестью смешивал безумные упреки.

Но ты не проклинал и, тайны от людей
Скрывая в символах, учил их, как детей.
Ты был их детских снов заботливый хранитель.

А после – буйный век глумился над тобой,
И долго ждал ты час, назначенный судьбой...
И вот теперь встаешь, как Властный, как Учитель!

25 ноября 1897

К портрету М. Ю. Лермонтова

Казался ты и сумрачным и властным,
Безумной вспышкой непреклонных сил;
Но ты мечтал об ангельски-прекрасном,
Ты демонски-мятежное любил!

Ты никогда не мог быть безучастным,
От гимнов ты к проклятиям спешил,
И в жизни верил всем мечтам напрасным:
Ответа ждал от женщин и могил!

Но не было ответа. И угрюмо
Ты затаил, о чем томилась дума,
И вышел к нам с усмешкой на устах.

И мы тебя, поэт, не разгадали,
Не поняли младенческой печали
В твоих как будто кованных стихах!

6 – 7 мая 1900

На смерть И. Лялечкина

Набегают вечерние тени,

Погасает сиянье за далью.
Облеянный тихой печалью,
Уронил я письмо на колени.

Облеянный тихой печалью,
Вспоминаю ненужные грезы...
А в душе осыпаются розы,
Погасает сиянье за далью.

Да, в душе осыпаются розы.
Милый брат! ты звездой серебристой
Заблестел над тропинкой росистой,
Ты внушил нам ненужные грезы!

Милый брат! ты звездой серебристой
Заблестел на ночном небосклоне,
Но предтечей безвестных гармоний
Закатился за далью росистой.

Ты предтечей безвестных гармоний
Тихо канул в вечерние тени!
Уронил я письмо на колени,
Утонул я в ночном небосклоне...

2 марта 1895

К портрету К. Д. Бальмонта

Угрюмый облик, каторжника взор!
С тобой роднится веток строй бессвязный,
Ты в нашей жизни призрак безобразный,
Но дерзко на нее глядишь в упор.

Ты полюбил души своей соблазны,
Ты выбрал путь, ведущий на позор;
И длится годы этот с миром спор,
И ты в борьбе – как змей многообразный.

Бродя по мыслям и влачась по дням,
С тобой сходились мы к одним огням,
Как братья на пути к запретным странам,

Но я в тебе люблю, – что весь ты ложь,
Что сам не знаешь ты, куда пойдешь,
Что высоту считаешь сам обманом.

1899

К. Д. Бальмонту

Нет, я люблю тебя не яростной любовью,
Вскипающей, как ключ в безбрежности морской,
Не буду мстить тебе стальным огнем и кровью,
Не буду ждать тебя, в безмолвной тьме, – с тоской.

Плыви! ветрила ставь под влажным ветром косо!

Ты правишь жадный бег туда, где мира грань,
А я иду к снегам, на даль взглянуть с утеса.
Мне – строгие стези, ты – морем дух тумань.

Но, гребень гор пройдя, ущелья дня и ночи,
И пьян от всех удач, и от падений пьян,
Я к морю выйду вновь, блеснет мне пена в очи, —
И в Город я вступлю, в столицу новых стран.

И там на пристани я буду, в час рассветный, —
Душа умирена воскресшей тишиной, —
С уверенностью ждать тебя, как сон заветный,
И твой корабль пройдет покорно предо мной.

Мой образ был в тебе, душа гляделась в душу,
Былое выше нас – мы связаны – ты мой!
И будешь ты смотреть на эту даль, на сушу,
На город утренний, манящий полутьмой.

Твой парус проводив, опять дорогой встречной,
Пойду я – странник дней, – и замолчит вода.
Люблю я не тебя, а твой прообраз вечный,
Где ты, мне все равно, но ты со мной всегда!

Ноябрь 1900

Юргису Балтрушайтису

Ты был когда-то каменным утесом
И знал лишь небо, даль да глубину.
Цветы в долинах отдавались росам,
Дрожала тьма, приветствуя луну.

Но ты был чужд ответам и вопросам,
Равно встречая зиму и весну,
И только коршун над твоим откосом
Порой кричал, роняя тень в волну.

И силой нам неведомых заклятий
Отъятый от своих стихийных братии,
Вот с нами ты, бывшее позабыв.

Но взор твой видит всюду – только вечность,
В твоих словах – прибоя быстротечность,
А голос твой – как коршуна призыв.

Декабрь 1900

«Призраки», картина М. Дурнова

Это они – соблазненные! —
В час умилений ночных, —
Усыпленные, полусонные...
Не надо помнить об них.

Облака потянулись холодные,

Птиц таинственный рой,
Цветы раскрылись бесплодные, —
Зелень ярка под горой.

Вам близки отжившие, мертвые!
Дьяволы шепчут об чем?
Это мечты, – мечты полустертые
В одиноком, далеком былом.

11 марта 1900

Г. Г. Бахману

Вся красота тебе доступна!
Тебе ясна ее звезда:
И в глубине мечты преступной,
И в безднах рабского труда.

Толпа безвестных, безымянных,
Покорно бивших о гранит,
Среди пустынь, как сон пространных,
Воздвигла чудо пирамид.

И ты вступаешь в сонмы черни,
Ее речами говоря,
И славишь труд, – да суеверней
Она приветствует царя.

25 ноября 1899

Случайной

*Одна из осужденных жриц...
Chefs d'œuvre*

Я люблю в глазах оплывших
И в окованной улыбке
Угадать черты любивших —
До безумья, до ошибки.

Прочитать в их лживых ласках,
В повторительных движениях,
Как в бессмертно-верных сказках,
О потерянных томленьях.

За бессилием бесстрастья,
Не обманут детской ложью,
Чую ночи сладострастья,
Сны, пронизанные дрожью,

Чтя, как голос неслучайный,
Жажду смерти и зачатий,
Я люблю за отблеск тайны
Сон заученных объятий.

5 июня 1899

Памяти Е. И. П.

Мы встретились с нею в пустыне,
Утром в пустыне.
Солнце палило песок.
Торопливо шел я – на Запад,
Она – на Восток.

Лицо ее, полное светом,
Полное светом,
Словно сияло в лучах;
И таились вещи тайны
В глубоких очах.

Надеждой сердце забилося,
Сердце забилося,
Веря, что миг тот высок...
И мы молча прошли, я – на Запад,
Она – на Восток.

28 августа 1897

Ей же

Огонь еще горит, и светит, светит нам, —

А тени серые легли по сторонам
И чутко сторожат его невольный трепет.
Но не мерцает он, и дрожь его, как лепет,
Как лепет медленный, как тихие слова.
Он шепчет свой завет пред ликом божества,
Он с нами говорит, слабеет, но сияет,
И – светлый, как всегда – покорно угасает.

7 сентября 1897

По поводу сборников «Русские символисты»

Мне помнятся и книги эти,
Как в полусне недавний день;
Мы были дерзки, были дети,
Нам все казалось в ярком свете...
Теперь в душе и тишь и тень.
Далеко первая ступень.
Пять беглых лет – как пять столетий,

22 января 1900

По поводу «ME EUM ESSE»

«О, эти звенящие строки!

Ты сам написал их когда-то!»
– Звонящие строки далеки,
Как призрак умершего брата.

«О, вслушайся в голос подруги!
Зову я к восторгам бесстрастья!»
– Я слышу, на радостном Юге
Гремят сладострастно запястья.

«Я жду, я томлюсь одиноко,
Мне луч ни единый не светит!»
– Твой голос далеко, далеко,
Тебе не могу я ответить.

8 ноября 1897

К самому себе

Я желал бы рекой извиваться
По широким и сочным лугам,
В камышах незаметно теряться,
Улыбаться небесным огням.

Обогнув стародавние села,
Подремав у лесистых холмов,
Раскатиться дорогой веселой
К молодой суете городов.

И, подняв пароходы и барки,
Испытав и забавы и труд,
Эти волны, свободны и ярки,
В бесконечный простор потекут.

Но боюсь, что в соленом просторе
Только сон, только сон бытия!
Я хочу и по смерти и в море
Сознавать свое вольное «я»!

28 июля 1900

Книжка для детей

Зеленый червячок

Как завидна в час уныний
Жизнь зеленых червячков,
Что на легкой паутине
Тихо падают с дубов!

Ветер ласково колышет
Нашу веющую нить;
Луг цветами пестро вышит,
Зноя солнца не избыть.

Опускаясь, подымаясь,
Над цветами мы одни,
В солнце нежимся, купаясь,
Быстро мечемся в тени.

Вихрь иль буря нас погубят,
Смоет каждая гроза,
И на нас охоту трубят
Птиц пролетных голоса.

Но, клонясь под дуновеньем,

Все мы жаждем ветерка;
Мы живем одним мгновеньем,
Жизнь – свободна, смерть – легка.

Нынче – зноен полдень синий,
Глубь небес без облаков.
Мы на легкой паутине
Тихо падаем с дубов.

13 июня 1900

Красная Шапочка

Подражание Тристану Клингсору

«Красная шапочка! Красная шапочка!
Девочка, что ты спешишь?
Видишь, порхает за бабочкой бабочка,
Всюду и прелесть и тишь.

Что там уложено в этой корзиночке?»
«Яйца, и сыр, и пирог...
Ах, по росе как промокли ботиночки,
Путь так далек, так далек!»

Девочка дальше бежит все поспешнее,
Волка боится она...
Кто на пригорке сидит? – то нездешние?

Ах, это сам сатана.

В шапку с рогами и в плащ поизношенный
Он, словно нищий, одет.
Вот он навстречу встает и, непрощенный,
Ей говорит свой привет.

«Ах, господин сатана, вот вы видите:
Яйца здесь, сыр и пирог.
Если сегодня меня не обидите,
На небо примет вас бог».

«Ну, покажи мне дорогу, миньоночка!» —
Поднял он руку свою,
Нож засверкал под сиянием солнышка...
Девочка! вот ты в раю.

13 января 1898

Дозор

Я слежу дозором
Медленные дни.
Пред пристальным взором
Светлеют они.

Люблю я березки
В Троицын день,

И песен отголоски
Из ближних деревень.

Люблю я шум без толку,
Когда блестит мороз,
В огнях и в искрах елку,
Час свершенных грез.

И братские бокалы,
Счастье – Новый год!
Вечно неусталый
Времени оборот.

Люблю я праздник чудный
Воскресенье Христа.
Поцелуй обоюдный
Сближает уста.

И дню Вознесения
Стихи мои.
Дышит нега весенняя,
Но стихли ручьи.

Так слежу дозором
Времени оборот.
Пред пристальным взором
Прекрасен весь год.

27 декабря 1899

Рождество Христово

Он вошел к Ней с пальмовой ветвью,
Сказал: «Благословенна Ты в женах!»
И Она пред радостной вестью
Покорно склонилась во прах.

Пастухи дремали в пустыне,
Им явился ангел с небес,
Сказал: «Исполнилось ныне!» —
И они пришли в Вифлеем.

Радостью охвачен великой,
Младенца восприял Симеон:
«Отпускаеши с миром, Владыко,
Раба твоего – это Он!»

Некто, встретив Филиппа,
Говорит: «Гряди по Мне!»
И пошел рыбак Вифсаиды
Проповедовать мир земле.

Блаженны не зревшие,
Все сердцем понявшие,
В восторге сгоревшие!
Как дети,
Тайну принявшие!

Им поклоняюсь,
В их свете
Теряюсь.
Я, раб господен,
Им да буду подобен.

23 декабря 1898

Пасха, праздникам праздник

Проклинайте молодость,
Осуждайте девственность, —
Нам в пороке холодно,
Любим мы естественность:
Небо и воды,
Пещерные своды,
Все раздолье природы.

Не хотим мы радостей
Духа бестелесного;
Счастливы мы сладостью
Земного, известного.
Мы любим сказки,
Заката краски,
Любовные ласки.

О дети заблудшие
Мира бездольного,

Что в мире лучше
Звона колокольного
В туманной тени
Ночи весенней,
В час молений?

25 декабря 1898

В старинном храме

В этой храмине тесной,
Под расписанным сводом,
Сумрак тайны небесной
Озарен пред народом.

В свете тихом и чистом,
В легком дыме курений,
Словно в мире лучистом,
Ходят ясные тени.

Слышно детское пенье,
Славословие светам,
В сладкой смене молении
Умиленным ответом.

А вдали в полусвете
Лики смотрят с иконы,
К нам глядят из столетий

Под священные звоны.

29 августа 1899

Слепой

Люблю встречать на улице
Слепых без провожатых.
Я руку подаю им,
Веду меж экипажей.

Люблю я предразлучное
Их тихое спасибо;
Вслед спутнику минутному
Смотрю я долго, смутно.

И думаю, и думаю:
Куда он пробирается,
К племяннице ли, к другу ли?
Его кто дожидается?

Пошел без провожатого
В путину он далекую;
Не примут ли там старого
С обычными попреками?

И встретится ль тебе, старик,
Бродяга вновь такой, как я же?

Иль заведет тебя шутник
И бросит вдруг меж экипажей?

13 октября 1899

Мыши

В нашем доме мыши поселились
И живут, живут!
К нам привыкли, ходят, расхрабрились,
Видны там и тут.

То клубком катаются пред нами,
То сидят, глядят;
Возятся безжалостно ночами,
По углам пищат.

Утром выйдешь в зал, – свечу объели,
Масло в кладовой,
Что поменьше, утащили в щели...
Караул! разбой!

Свалят банку, след оставят в тесте,
Их проказ не счесть...
Но так мило знать, что с нами вместе
Жизнь другая есть.

8 января 1899

Демоны пыли

Есть демоны пыли,
Как демоны снега и света.
Есть демоны пыли!
Их одежда, багряного цвета,
Горит огнем.
Но серым плащом
Они с усмешкой ее закрыли.

Демоны пыли
На шкапах притаились, как звери,
Глаза закрыли.
Но едва распахнутся двери,
Они дрожат,
Дико глядят;
Взметнутся, качнутся демоны пыли.

Где они победили,
Там покой, там сон, сновиденья,
Как в обширной могиле.
Они дремлют, лежат без движенья,
Притаясь в углу,
Не смотрят во мглу,
Но помнят сквозь сон, что они победили.

О демоны пыли!

Вы – владыки в красочном мире!
О демоны пыли!
Ваша власть с веками все шире!
Ваш день придет, —
И все уснет
Под тихое веянье серых воскрылий.

21 февраля 1899

Коляда

Баба-Яга

Я Баба-Яга, костяная нога,
Где из меда река, кисель берега,
Там живу я века – ага! ага!

Кощей

Я бессмертный Кощей,
Сторож всяких вещей,
Вместо каши да щей
Ем стрекоз и мышей.

Солнце

Люди добрые, солнцу красному,
Лику ясному,

Поклонитесь, улыбнитесь
Распрекрасному.

Утренняя звезда

Пробудись, земля сыра!
Ночи минула пора!
Вышла солнцева сестра!

Месяц

Я по небу хожу,
Звезды все стерегу,
Все давно заприметил,
Сам и зорек и светел.

Звезды

Мы звездочки, частые,
Золотые, глазастые,
Мы пляшем, не плачемся,
За тучами прячемся.

Радуга

Распустив волоса,
Разлеглась я, краса,
Словно путь-полоса
От земли в небеса.

Дед

Мы пришли,
Козу привели, —
Людей веселить,
Орешки дробить,
Деток пестовать,
Хозяев чествовать.

24 декабря 1900

Девочка

Что же ты плачешь,
Девочка, – во сне?
Голову прячешь
На грудь ко мне?

Ангел божий
Любит, если смеются.
На него похожи
Дети, когда проснутся.

Ты меня не узнала?
Прижмись ко мне.
А что тебя испугало,
Это было во сне.

6 ноября 1899

Утро

Ночным дождем повалена,
Вся в серебре трава;
Но в облаках проталина —
Живая синева.

Шагам песок промоченный
Дает певучий скрип.
Как четки, как отточены
Верхи дубов и лип!

Цветы, в жару завялые,
Смеются мне в глаза,
И с песней птицы малые
Летят под небеса.

25 июня 1900

Пред грозой

В миг пред грозой набегающей трепет
Листья деревьев тревожит.

Ветер из облака образы лепит,
Формы чудесные множит.

Пыль поднялась по широкой дороге,
Громче смятение птичье.
Все на земле в ожиданьи, в тревоге.
В небе и блеск и величье.

Капель начальных послышится лепет,
Волен, певуч, многовесен...
В миг пред грозой набегающей трепет
Это ль предчувствие песен?

Июнь – июль 1900

Из дневника

Глаза

На берегу Мерцающих Озер
Есть выступы. Один зовут Проклятым.
Там смотрит из воды унылый взор.

Здесь входит в волны узкая коса;
Пройди по ней до края пред закатом,
И ты увидишь странные глаза.

Их цвет зеленый, но светлей воды,
Их выраженье – смесь тоски и страха;
Они глядят весь вечер до звезды

И, исчезая, вспыхивают вдруг
Бесцветным блеском, как простая бляха.
Темнеют воды; тускло все вокруг.

И, возвращаясь сквозь ночной туман,
Дыша прибрежным сильным ароматом,
Ты склонен счесть виденье за обман.

Но не покинь Мерцающих Озер,

И поутру под выступом Проклятым
Ты вновь усмотришь неотступный взор.

18 июля 1898

К Большой Медведице

Волшебница северной ночи,
Большая Медведица, – ты
Ласкаешь усталые очи,
Смежаешь больные мечты.

В часы увлекающей встречи
Близка нам царица луна,
Мы шепчем прерывные речи,
Мы жаждем безумного сна.

Но скукой сменяется счастье,
Мы вновь безучастьем больны,
И страшен нам зов сладострастья
Всегда опьяненной луны.

И в трезвые, жгучие ночи,
Когда так бессильны мечты,
Ласкаешь усталые очи,
Большая Медведица, – ты!

25 июля 1898

Величание

Величит душа моя господа,
И дух мой восторженно-радостен!
Источник молитвы так сладостен,
Но дерзостным нет к нему доступа.

Сама я печатью таинственной
Колодец любви опечатала,
И ужас на дне его спрятала,
Мучительный ужас, единственный.

Я слышу поток его внутренний,
Но дерзостным нет к нему доступа.
И радостно славлю я господа
Молитвой вечерней и утренней.

27 июля 1898

Тени прошлого

Осенний скучный день. От долгого дождя
И камни мостовой, и стены зданий серы;
В туман окутаны безжизненные скверы,
Сливаются в одно и небо и земля.

Близка в такие дни волна небытия,
И пет в моей душе ни дерзости, ни веры.
Мечте не унесть в живительные сферы,
Несмело, как сквозь сон, стихи слагаю я.

Мне снится прошлое. В виденьях полусонных
Встает забытый мир и дней, и слов, и лиц.
Есть много светлых дум, погибших, погребенных, —

Как странно вновь стоять у темных их гробниц
И мертвых заклинать безумными словами!
О тени прошлого, как властны вы над нами!

Апрель 1898

Ви́ла

Я тебе скажу, мой милый,
Что над нами веют силы:
Властны в смене впечатлений
Духи, демоны и тени.

Ведь душа людей – родник,
Где глядится каждый миг
Неизменно новый лик,
Странен, волен и велик.

Образ женский недоступный,
Призрак дьявольский преступный,
Старца взор невозмутимый,
Ведьмы, эльфы, херувимы.

Днем вы слепнете вполне,
Смутно грезите во сне.
Жизнь – как отблеск на волне,
Нет волненья в глубине.

И в тиши, всегда бесстрастной,
Тайне мира сопричастной,
Властны в смене отражений
Духи, демоны и тени.

17 августа 1899

Звезда морей

La mer sur qui prie

La vierge Marie.

P. Verlaine⁷

И нам показалось: мы близко от цели.
Вдруг свет погас,
И вздрогнул корабль, и пучины взревели...

⁷ Море, к которому сверху взывает Дева Мария. П. Верлен (фр.).

Наш пробил час.

И был я проклятием богу исполнен,
Упав за борт,
И три дня носился по пенистым волнам,
Упряма и горд.

Но в миг, как свершались пути роковые
Судьбы моей,
В сиянии предстала мне Дева Мария,
Звезда морей.

30 августа 1897

К металлам

Золото, убранство тайного ковчега,
Где хранят издревле благодные мощи,
Золото, добыча хищного набега,
Золото, ты символ сладострастной мощи,
И в твоём сверканьи медленная нега.

Серебро сияет тихо на иконе,
Мученице юной покрывает плечи,
Серебро так ясно в перелетном звоне,
Голос серебристый мне звучал предтечей
Прежде недоступных сладостных гармоний.

И люблю я бронзу: сумрачные тени
Томной баядерки в роскоши вечерней.
В твердости изгибов столько легкой лени,
Отблески так чисты на холодной черни!
Да, люблю я в бронзе тайну отражений.

Но не эти тени дороги в металле!
Не сравню их блески я с кинжальным блеском!
Змеи резких молний быстро засверкали,
Я прильнул, ревнивый, к белым занавескам...
Ты – моя надежда, мщенье верной *стали!*

29 августа 1899

За пределами сказок

Они сошлись в дубраве дикой,
Они столкнулись в летний день,
Где луг, поросший повиликой,
Огородила сосен тень.

Она, смеясь, в притворном страхе,
На мягкий мох упала вдруг;
Любовь и страсть была в размахе
Высоко приподнятых рук.

Он к ней припал с веселым криком,
В борьбе порвал ей волоса...

Пронзительно в молчаньи диком
Их раздавались голоса.

29 августа 1899

Случайности

Я верю всегдашним случайностям,
Слежу, любопытствуя, миги.
Так сладко довериться крайностям,
Вертепы менять на вериги.

Раздумья свободно качаются,
Покорны и рады мгновенью;
И жизнями жизни сменяются...
Действительность кажется тенью.

Я быть не желаю властителем
Судьбы, подчинившейся мере.
Иду я по звездным обителям,
Вскрывая безвестные двери.

Все дни направляются случаем, —
Могу упиваться я всеми, —
И ночи подобны созвучиям
В одной беспредельной поэме.

1 – 3 сентября 1900

Дачи осенью

Люблю в осенний день несмелый
Листвы сквозящей слушать плач,
Вступая в мир осиротелый
Пустынных и закрытых дач.

Забиты досками террасы,
И взор оконных стекол слеп,
В садах разломаны прикрасы,
Лишь погреб приоткрыт, как склеп.

Смотрю я в парки дач соседних,
Вот листья ветром взметены,
И трепеты стрекоз последних,
Как смерть вещающие сны.

Я верю: в дни, когда всецело
Наш мир приветит свой конец,
Так в сон столицы опустелой
Войдет неведомый пришлец.

8 сентября 1900

Песня

Мне поется у колодца,
Позабыт кувшин.
Голос громко раздается
В глубине долин.

Приходи, мой друг желанный!
Вот тебя я жду.
Травы – одр благоуханный,
В скалах грот найду.

Нет, никто, никто доньше
Не ласкал меня!
Грудь и плечи, как святыни,
Охраняла я.

День настал. Иди, желанный!
Кто ты – знает бог!
Травы – одр благоуханный,
Мягок серый мох.

Оплету, вот так, я руки, —
Спи между грудей.
Вечер. Гаснут, гаснут звуки.
Где ты, сын полей?

Жду кого-то у колодца;
Позабыт кувшин;
Песня громко отдается
В тишине долин.

Апрель 1900

Папоротник

Предвечерний час объемлет
Окружающий орешник.
Чутко папоротник дремлет,
Где-то крикнул пересмешник.

В этих листьях слишком внешних,
В их точеном очертаньи,
Что-то есть миров нездешних...
Стал я в странном содроганьи,

И на миг в глубинах духа
(Там, где ужас многоликий)
Проскользнул безвольно, глухо
Трепет жизни жалкой, дикой.

Словно вдруг стволами к тучам
Вырос папоротник мощный.
Я бегу по мшистым кучам...
Бор не тронут, час полнощный.

Страшны люди, страшны звери,
Скалят пасти, копыта точат.
Все виденья всех поверий
По кустам кругом хохочут.

В сердце ужас многоликий...
Как он жив в глубинах духа?
Облик жизни жалкой, дикой
Закивал мне, как старуха.

Предвечерний час объемлет
Окружающий орешник.
Небо древним тайнам внемлет,
Где-то крикнул пересмешник.

23 июля 1900

Жизнь

Подобна жизнь огням потешным,
Раскрасившим пустую тень.
Они сияют пляскам грешным,
Но зажжены в Успеньев день.

Поют псалмы о смерти близкой
И славят первую из дев, —
А мы меняемся запиской,

Обеты прежние презрев.

Но будет ночь свиданья краткой,
И глянет бледный свет утра,
И смерть предстанет нам с разгадкой
И бросит вечное «пора!».

А там, где цвел огонь потешный,
Одни фонарики дрожат,
И два садовника поспешно
Пустынный подметают сад,

3 сентября 1900

Прозрения

В неконченном здании

Мы бродим в неконченном здании
По шатким, дрожащим лесам,
В каком-то тупом ожидании,
Не веря вечерним часам.

Бессвязные, странные лопасти
Нам путь отрезают... мы ждем.
Мы видим бездонные пропасти
За нашим неверным путем.

Оконные встретив пробоины,
Мы робко в пространства глядим:
Над крышами крыши надстроены,
Безмолвие, холод и дым.

Нам страшны размеры громадные
Безвестной растущей тюрьмы.
Над безднами, жалкие, жадные,
Стоим, зачарованы, мы.

Но первые плотные лестницы,

Ведущие к балкам, во мрак,
Встают как безмолвные вестницы,
Встают как таинственный знак!

Здесь будут проходы и комнаты!
Здесь стены задвинутся сплошь!
О думы упорные, вспомните!
Вы только забыли чертеж!

Свершится, что вами замыслено,
Громада до неба взойдет
И в глуби, разумно расчисленной,
Замкнет человеческий род.

И вот почему – в ожидании
Не верим мы темным часам:
Мы бродим в неконченном здании,
Мы бродим по шатким лесам!

1 февраля 1900

В дни запустения

Приидут дни последних запустения.
Земные силы оскудеют вдруг;
Уйдут остатки валких поколений
К теплу и солнцу, на далекий Юг.

А наши башни, города, твердыни
Постигнет голос Страшного суда,
Победный свет не заблестит в пустыне,
В ней не взгремят по рельсам поезда.

В плюще померкнут зодчего затеи,
Исчезнут камни под ковром травы,
На площадях плодиться будут змеи,
В дворцовых залах поселятся львы.

Но в эти дни последних запустении
Возникнет – знаю! – меж людей смельчак.
Он потревожит гордый сон строений,
Нарушит светом их безмолвный мрак.

На мшистых улицах заслышат звери
Людскую поступь в ясной тишине,
В домах застонут, растворяясь, двери,
Ряд изваяний встанет при огне.

Прочтя названья торжищ и святилищ,
Узнав по надписям за ликом лик,
Пришлец проникнет в глубь книгохранилищ,
Откроет тайны древних, наших книг.

И дни и ночи будет он в тревоге
Впивать вещанья, скрытые в пыли,
Исканья истины, мечты о боге,
И песни, гимны сладостям земли.

Желанный друг неведомых столетий!
Ты весь дрожишь, ты потрясен былым!
Внемли же мне, о, слушай строки эти:
Я был, я мыслил, я прошел как дым...

18 сентября 1899

Брань народов

Брань народов не утихнет
Вплоть до дня, когда придет
Власть имеющий антихрист —
Соблазнять лукавый род.

Возопит он гласом громким:
«Славьте! дьявол победил!
Где вы, верные потомки
Отступивших древле сил?»

И на зов повыйдут люди
Ото всех семи границ.
Говоря – «мы верны будем»,
Пред царем поникнут ниц.

Царь, во лжи многообразный,
Свергнет пышности порфир,
В мире к вящему соблазну

Установит вечный мир.

И когда тем едким ядом
Помутится жизнь до дна,
Вдруг, восстав в глубоком аде,
Восхохочет сатана.

Дико дьяволы заворят,
И из дебрей синих гор,
Как лучи над темным морем,
Выйдет праведников хор.

А для грешных ярче вспыхнет
В преисподней столп огня...
Брань народов не утихнет
Вплоть до сказанного дня.

18 августа 1899

Братьям соблазненным

Светлым облаком плененные,
Долго мы смотрели вслед.
Полно, братья соблазненные!
Это только беглый свет.

Разве есть предел мечтателям?
Разве цель нам суждена?

Назовем того предателем,
Кто нам скажет – здесь она!

Разве редко в прошлом ставили
Мертвый идол Красоты?
Но одни лишь мы прославили
Бога жажды и мечты!

Подымайте, братья, посохи,
Дальше, дальше, как и шли!
Паруса развейте в воздухе,
Дерзко правьте корабли!

Жизнь не в счастье, жизнь в искании,
Цель не здесь – вдали всегда.
Славьте, славьте неустаннее
Подвиг мысли и труда!

12 июня 1899

Каждый миг

Каждый миг есть чудо и безумье,
Каждый трепет непонятен мне,
Все запутаны пути раздумья,
Как узнать, что в жизни, что во сне?

Этот мир двояко бесконечен,

В тайнах духа – образ мой исчез;
Но такой же тайной разум встречен,
Лишь взгляну я в тишину небес.

Каждый камень может быть чудесен,
Если жить в медлительной тюрьме;
Все слова людьми забытых песен
Светят таинством порой в уме.

Но влечет на ярый бой со всеми
К жизни, к смерти – жадная мечта!
Сладко быть на троне, в диадеме,
И лобзать покорные уста.

Мы на всех путях дойдем до чуда!
Этот мир – иного мира тень,
Эти думы внушены оттуда,
Эти строки – первая ступень.

5 сентября 1900

Устои

Рассудка вечные устои
Влегли в недремлющую грудь,
И в жажде ведать неземное
Ты должен горы пошатнуть.

Кто без руля в пучинах плавал,
Ветрилом ветры все ловил,
Тому предстанет бледный дьявол
С толпами разъяренных сил.

Сквозь бешенство, и вопль, и скрежет
Он к синим молниям влечет,
Но этот свет минутно нежит,
И вновь кипит круговорот!

Ценой нарушенных согласий,
Ценой и мук и слепоты,
Лишь проблеск в беспокойном часе,
Мгновенье покупаешь ты.

Но кто готов отвергнуть миги
И ждать десятки строгих лет, —
Надень кровавые вериги,
Скажи молитвенный обет.

И, чуток к углубленной вере,
Вдруг колыхнет, лаская слух,
В заветный час в твоей пещере
Струю эфира Светлый Дух.

И глянешь ты смелей и зорче
За тьму завес, что он расторг,
Чем тот, кто ведал смех, и корчи,
И пифий яростный восторг.

8 августа 1900

Проблеск

Как то предвидел Дух и Даниил предрек.
Ф. Тютчев

Восток и Запад, хитрый Змей и Лев,
Ведут борьбу издревле, век за веком.
То скрытный ков, то справедливый гнев
Возносят стяг пред робким человеком.

Вот, собраны под знаменем Креста,
На Западе роятся ополченья,
И папской власти высится мечта,
И цепи мировой куются звенья.

А на Востоке буйствует гроза,
Ликуют орды турок и Батыя,
И Русь бежит за реки и в леса,
И в тяжелой брани никнет Византия...

Но мир меняют тайны быстрых лет.
Чу! не мечи стучат, – то гром орудий!
За океаном вскрылся Новый Свет,
И над Крестом смеются буйно люди!

А на Востоке вновь встает колосс,
Безвестный, грозный, странно-неизменный...
И, как предвестье новых страшных гроз,
Свой скиптр с Крестом возносит над вселенной.

Творятся чудеса недавних дней,
Для трезвой мысли тем чудней, чем ближе:
То франк в Москве-реке поит коней,
То русский царь вершит судьбу в Париже.

За диким сном мятущихся веков,
За яркой сменой дерзостных событий,
Как взору разглядеть канву основ,
Те белые натянутые нити?

Кто угадает роковой узор,
Причудливый, живой, необычайный?
Кто смело скажет, что окончен спор,
Все решено и быть не может тайны?

И Змей и Лев, среди равнин и рек,
Ужель отныне мирно лягут рядом?
Но Дух предвидел, Даниил предрек:
Славянский стяг зареет над Царьградом!

Январь 1900

Отрады

Знаю я сладких четыре отрады.
Первая – радость в сознании жить.
Птицы, и тучи, и призраки – рады,
Рады на миг и для вечности быть.

Радость вторая – в огнях лучезарна!
Строфы поэзии – смысл бытия.
Тютчева песни и думы Верхарна,
Вас, поклоняясь, приветствую я.

Третий восторг – то восторг быть любимым,
Ведать бессменно, что ты не один.
Связаны, скованы словом незримым,
Двое летим мы над страхом глубин.

Радость последняя – радость предчувствий,
Знать, что за смертью есть мир бытия.
Сны совершенства! в мечтах и в искусстве
Вас, поклоняясь, приветствую я!

Радостей в мире таинственно много,
Сладостна жизнь от конца до конца.
Эти восторги – предвестие бога,
Это – молитва на лоне Отца.

28 апреля 1900

Мы

Мы

В мире широком, в море шумящем
Мы – гребень встающей волны.
Странно и сладко жить настоящим,
Предчувствием песни полны.

Радуйтесь, братья, верным победам!
Смотрите на даль с вышины!
Нам чуждо сомненье, нам трепет неведом,
Мы – гребень встающей волны.

4 апреля 1899

Я знаю ...

К. Д. Бальмонту

Я знаю беглость Ночи и Зимы,
Молюсь уверенно Заре и Маю.
Что в будущем восторжествуем мы,
Я знаю.

Я власть над миром в людях прозреваю.
Рассеется при свете сон тюрьмы,
И мир дойдет к предсказанному раю.

Не страшно мне и царство нашей тьмы:
Я не один спешу к иному краю,
Есть верный друг в пути! – что двое мы,
Я знаю!

6 декабрь 1898

Люцифер

Я – первый, до века восставший,
Восставший до начала веков.
Я – первую заповедь давший:
Есть много богов.

О, будемте все, как боги,
Познавши добро и зло.
К совершенству путей есть много,
Их безмерно число.

Я начал для всех борьбу роковую,
За свободу идет борьба;
Победитель, за вас о победе тоскую,
И тут не властна судьба.

1898

Залог

К нам немного доходит из прошлого мира,
Из минувших столетий, – немного имен;
Только редкие души, как луч Алтаира,
Как звезда, нам сияют из бездны времен.

И проходят, проходят, как волны, как тени,
Бесконечно проходят века бытия...
Сколько слез, и желаний, и дум, и стремлений!
Миллионы погибших, исчезнувших «я»!

Одиноким мне видится образ Гомера,
Одиноким сверкает с небес Алтаир...
Но в мечтах предо мной – неизвестная сфера
И близ яркой звезды умирающий мир.

24 мая 1898

Corona

Тайны, что смутно светятся,
Знаком заветным отмечаются.

Придут победители-воины,
Будут их силы утроены.

Погаснет безвольное, старое...
Истина скажет нам: «Дарую!»

Плачьте в предчувствии нового,
Украшайте венцами головы:

Знаком великим отметится
Все, что в тумане нам светится.

20 августа 1898

Жернова

Брошен веялкой на холод,
Жерновами тяжело смолот,
Мертвый колос возрожден.
Но остался прах зыбучий.
Он летит бескрылой тучей,
Заслоня небосклон.

И стучат, стучат, не станут,
Словно стихнув, лишь обманут,
Не устанут жернова;
Неизменно мелют, мелют

И струю слоями стелют,
И она опять жива.

А вдали, под светом неба,
Отделяют прах от хлеба,
Вышли веять на гумно.
Пусть познает обновленье,
В смерти вкусит возрожденье
Только полное зерно!

Декабрь 1898

Духи земли

Со всеми мы братья,
Всем открыли объятия,
Зверям, и тучам,
И теням летучим.

Всех любим, всем верим,
Смеемся потерям
И взором незрячим
Лишь над вымыслом плачем,

Смолк птичий голос,
Не шелохнется колос,
Запахло осокой,
Солнце высоко,

Мы дремлем в покое,
Купаемся в зное.

Ветерок встрепенется,
Лес шелохнется,
Все звуки мы слышим,
Цветами дышим,
С нами дружны грозы,
Небесные слезы.

Поем мы с морем,
Ласкаемся к зорям,
В холоде снега
Для нас есть нега, —
И только людям
Друзьями не будем,
И только в город
Не глянем и взором!

1898

Золото

*Avec un peu de soleil et du sable blond
J'ai fait de l'or.*

Fr. Vielé Griffin⁸

⁸ Из солнца и желтого песка Я делаю золото. Фр. Вьеле Гриффен (фр.).

Золото сделал я, золото —
Из солнца и горсти песку.
Тайна не стоила дорого,
Как игра смешна старику.
Падал песок из рук у меня,
Тихо звеня,
В волны ручья.
Ручей ускользал, как змея,
Дрожа от ветра и холода...
Золото сделал я, золото!

Из пшеницы белеющей сделал я снег,
Снег и декабрьскую вьюгу,
Саней заметаемый бег,
Девушки радостный смех
И близость к желанному другу.
Я сделал снег,
Как сделал золото;
Я сделал вьюгу, счастье холода;
Во мгле властительных снегов —
Воспоминания цветов.
Я сделал снег
Из лепестков.

Из жизни медленной и вялой
Я сделал трепет без конца.
Мир создан волей мудреца:
И первый свет зелено-алый,

И волн встающие кристаллы,
И тени страстного лица!
Как все слова необычайны,
Так каждый миг исполнен тайны.
Из жизни бледной и случайной
Я сделал трепет без конца!

23 июля 1899

* * *

Безмолвные свидетели
Вечерних сожалений,
Меня перстом отметили
Собравшиеся тени.

Отвергнуты, обмануты,
Растоптаны, добыты,
Но все вы упомянуты
И все с мечтами слиты.

И слезы – не отчаянье!
И стон – не символ мщенья!
О благостное чаянье
Всемирного прощенья!

22 мая 1899

Еще «мы»

Мы только стон у вечной грани,
Больные судороги рук,
Последний трепет содроганий
В часы неотвратимых мук.

Все наши думы, грезы, пени —
То близких сдержанная речь,
Узоры пышных облачений
И дымы похоронных свеч.

Что ж! полно ликовать ошибкой!
В испуге не закроем глаз!
О братья, – слушайте с улыбкой:
Поют отходную по нас.

22 августа 1899

* * *

Поклоняются многие мне
В часы вечерние,
Но молитвы к бледной луне
Еще размернее!

Женщины, лаская меня,
Трепетали от счастья,
Но искали они – знаю я —
И сладострастия.

Фимиам, делимый с другим,
Дышит обидою.
О сумрак! о волны! о дым!
Вам завидую.

Уступить даже проклятья и смех
Нарушение цельности.
Я хочу быть единым для всех
В беспредельности.

27 марта 1899

* * *

С неустанными молитвами,
Повторяемыми вслух,
Прохожу я между битвами,
Ускользящий, как дух.

От своих друзей отторженный,
Предвещаю я венцы;
И на голос мой восторженный

Откликаются бойцы.

Но настанет миг – я ведаю —
Победят мои друзья,
И над жалкой их победою
Засмеюсь первым – я.

23 июля 1899

* * *

Случайность и намеренность
Их разум разделил,
Не верю я в уверенность
И в силу наших сил.

Творим мы волю божию,
Намеренья Судьбы, —
Идем по бездорожию
В оковах, как рабы.

Но жажда совершенного —
Величия залог.
Мы выше мира тленного,
И в наших душах – бог.

22 июля 1900

Лирические поэмы

Краски

Я сегодня нашел свои старые краски.
Как часто взгляд на забытый предмет
Возвращает все обаянье ускользнувших лет!
Я сегодня нашел мои детские краски...
И странный отрок незванно ко мне вошел
И против меня уверенно сел за стол,
Достал, торопясь, тяжелую тетрадь...
Я ее не мог не узнать:
То были мои забытые, детские сказки!

Тогда я с ним заговорил; он вздрогнул, посмотрел
(Меня не видел он, – я был для него привиденьем),
Но через миг смущенья он собой овладел
И ждал, что будет, с простым удивленьем.
Я сказал: «Послушай! я тебя узнаю.
Ты – это я, я – это ты, лет через десять...»
Он засмеялся и прервал: «Я шуток не люблю!
Я знаю лишь то, что можно измерить и взвесить.
Ты – обман слуха, не верю в действительность твою!»

С некоторым гневом, с невольной печалью

Я возразил: «О глупый! тебе пятнадцать лет.
Года через три ты будешь бредить безвестной далью,
Любить непонятное, стремиться к тому, чего нет.
Вселенная жива лишь духом единым и чистым,
Материя – призрак, наше знание – сон...»
О боже, как искренно надо мной рассмеялся он,
И я вспомнил, что был матерьялистом и позитивистом.

И он мне ответил: «О, устарелые бредни!
Я не верю в дух и не хожу к обедне!
Кто мыслит, пусть честно служит науке!
Наука – голова, а искусство – руки!»
«Безумец! – воскликнул я, – знай, что ты будешь
верить!
Будешь молиться и плакать пред Знаком креста,
Любить лишь то, где светит живая мечта,
И все проклянешь, что можно весить и мерить!»

«Не думаю, – возразил он, – мне ясна моя цель.
Я, наверно, не стану петь цветы, подобно Фету.
Я люблю точное знание, презираю свирель,
Огюст Конт навсегда указал дорогу поэту!»
«Но, друг, – я промолвил, – такой ли теперь час?
От заблуждений стремятся все к новому свету!
Тебе ли вновь повторять, что сказано тысячу раз!
Пойми тайны души! стань кудесником, магом...»
«Ну, нет, – он вскричал, – я не хочу остаться за
флагом!»

«Что за выражения! ах да! ты любишь спорт...
Все подобное надо оставить! стыдись, будь же горд!»
«Я – горд, – он воскликнул, – свое значенье я знаю.
Выступаю смело, не уступлю в борьбе!
Куда б ни пришел я, даже если б к тебе, —
Приду по венкам! – я их во мгле различаю!»

И ему возразил я печально и строго:
«Путь далек от тебя ко мне,
Много надежд погибнет угрюмой дорогой,
Из упований уступишь ты много! ах, много!
О, прошлое! О, юность! кто не молился весне!»

И он мне: «Нет! Что решено, то неизменно!»
Не уступлю ничего! пойду своим путем!
Жаловаться позорно, раскаянье презренно,
Дважды жалок тот, кто плачет о былом!»

Он стоял предо мной, и уверен и смел,
Он не видел меня, хоть на меня он смотрел,
А если б увидел, ответил презреньем,
Я – утомленный, я – измененный, я – уступивший
судьбе,
Вот я пришел к нему; вот я пришел к себе! —
В вечерний час пришел роковым привиденьем...

И медленно, медленно образ погас,
И годы надвинулись, как знакомые маски.
Часы на стене спокойно пробили час»...

Я придвинул к себе мои старые, детские краски.

17 декабря 1898

Сказание о разбойнике *Из Пролога*

Начинается песня недлинная,
О Петре, великом разбойнике.

Был тот Петр разбойником тридцать лет,
Меж товарищей почитался набольшим,
Грабил поезда купецкие,
Дельывал дела молодецкие,
Ни старцев не щадил, ни младенцев.

В той же стране случился монастырь святой,
На высокой горе, на отвесной, —
Меж землей и небом висит, —
Ниоткуда к монастырю нет доступа.

Говорит тут Петр товарищам:
«Одевайте меня в платье монашеское.
Пойду, постучусь переходим странником,
Ночью вам ворота отопру,
Ночью вас на грабеж поведу,
Гей вы, товарищи, буйные да вольные!»

Одевали его в платье монашеское,
Постучался он странником под ворогами.
Впустили его девы праведные,
Обласкали его сестры добрые,
Омыли ноги водицею,
Приготовили страннику трапезу.

Сидит разбойник за трапезой,
Ласке-любви сестер удивляется,
Праведными помыслами их смущается,
Что отвечать, что говорить – не знает.

А сестры близ в горенке собирались,
Говорили меж собой такие слова:
«Видно, гость-то наш святой человек,
Такое у него лицо просветленное,
Такие у него речи проникновенные.
Мы омыли ему ноги водицею,
А есть у нас сестра слепенькая.
Не омыть ли ей зрак той водицею?»

Призывали они сестру слепенькую,
Омывали ей зрак той водицею, —
И прозрела сестра слепенькая.
Тут все бежали в горенку соседнюю,
Падали в ноги все пред разбойником,
Благодарили за чудо великое.

У разбойника душа смутилася,
Возмутилася ужасом и трепетом.
Творил и он – земной поклон,
Земной поклон перед господом:
«Был я, господи, великим грешником,
Примешь ли ты мое покаяние!»

Тут и кончилась песня недолгая.
Стал разбойник подвижником,
Надел вериги тяжелые,
По всей земле прославился подвигами.
А когда со святыми преставился, —
Мощи его и поныне чудеса творят.

28 августа 1898

Аганат ***Финикийский рассказ***

*Женская звезда – планета Истар: она такова
на закате. Мужская звезда – планета Истар: она
такова при восходе.*

Из текстов в библиотеке Ассурбанипала

Астарта Сидонская

Небесная девственница,

Богиня Астарта,
В торжестве невинности ты стоишь предо мной.
Длинная лестница,
Освещенная ярко,
А за дверью во храме смутный сумрак ночной.

Я знаю, божественная, —
Ты отблеск Ашеры,
Богини похоти и страстных ночей.
Теперь ты девственна!
Насладившись без меры,
Ты сияешь в венце непорочных лучей.

Утомленная условностями,
Вчера, о Астарта,
Прокляла я с восторгом твой возвышенный зов.
Я искала греховности,
Ласк леопарда,
Бессилья и дрожи бесконечных часов.

Но сегодня, о девственница,
Тебе, не Ашере,
Приношу на алтарь и мечты и цветы.
Освещенная лестница,
И за сумраком двери
Возвращенье к невинности... да! я — как ты.

I

Ей было имя Аганат. Она
Прекрасней всех в Сидоне. В темном взоре
Сверканье звезд ночных, а грудь бледна.

В дни юности она познала горе:
Ее жених, к сидонским берегам
Не возвратись, погиб безвестно в море.

И, девственность принеся в дар богам,
Она с тех пор жила как жрица страсти,
А плату за любовь несла во храм.

Чуть подымались в дали синей снасти,
Она спешила на берег, ждала,
Встречала моряков игрой запястий,

И, обольщенного, к себе вела,
В свой тесный дом, на башенку похожий,
Где в нижней комнате царила мгла

И возвышалось каменное ложе.
Никто не забывал ее ночей!
Из всех гетер платили ей дороже, —

Но каждый день входили гости к ней.

И от объятий в вихре наслажденья,
От тел, сплетенных, словно пара змей,

Означилось на камне углубленье.

II

Когда бы маг, искусный в звездочтеньи,
Составил летопись судеб твоих,
Ее прочел бы он в недоуменьи.

Так! – не погиб в скитаньях твой жених:
В стране далекой он томился пленным,
За годом годы, как за мигом миг.

Он жил рабом, отверженцем презренным,
Снося обиды, отирая кровь,
Но в сердце он остался неизменным:

К тебе хранил он прежнюю любовь,
Живя все годы умиленной верой,
Святой надеждой: все вернется вновь!

И, не забыт владычицей Ашерой,
Он наконец покинул горький плен,
Бежал, был принят греческой триерой

И счастливо добрался в Карфаген.
Отсюда путь на родину свободный!
И он плывет, и ждет сидонских стен,

Как алчет пищи много дней голодный,
И молится: «Пусть это все не сон!»
Но только берег встал над гладью водной,

Едва раздался с мачты крик: «Сидон!» —
Иное что-то вдруг открылось думам,
Своей мечты безумье понял он

И замер весь в предчувствии угрюмом.

III

И жизнь и шум на пристани Сидона
В веселый час прихода кораблей:
И весел мерный плеск в воде зеленой,

Канатов скрип, и окрики людей,
И общий говор смешанных наречий...
Но горе тем, кто не нашел друзей,

Кто был обманут вожаденной встречей!
Для тех гетеры собралась сюда,
Прельщают взглядом, обнажили плечи.

Как жаждал он хоть бледного следа
Былого! – Тщетно! Что воспоминанья
Нетленно проносили сквозь года,

Исчезло все. Сменились очертанья
Залива; пристань разрослась с тех пор,
Стопились вокруг неведомые зданья.

Нигде былого не встречает взор...
Лишь моря шум твердит родные звуки,
Да есть родное в высях дальних гор.

«Пятнадцать лет! пятнадцать лет разлуки!
Искать друзей иль убежать назад?»
Но вдруг до плеч его коснулись руки.

Он смотрит: золото, браслетов ряд,
И жгучий взор под бровью слишком черной.
«Моряк, пойдем! на нынче ты мой брат!»

И за гетерой он идет покорный.

IV

Не начато вино в больших амфорах,
Он с ней не рядом (то недобрый знак),

И мало радости в упорных взорах.

Глядит он молча за окно, во мрак;
Ее вопросы гаснут без ответа;
Он страшен ей, задумчивый моряк.

Но сознает она всю власть обета.
Рукой привычной скинут плащ. Спешит!
Она зовет тебя полураздетой.

Но он, – томим до глубины души, —
Садится к ней на каменное ложе,
И вот они беседуют в тиши.

«Зачем меня ты позвала?» – «Прохожий,
Ты так хорош». – «Ты здешняя?» – «О да!»
«Что делала ты прежде?» – «Да все то же».

«Нет, прежде! Ты была ведь молода,
Быть может, ты любила...» – «Я не сказки
Рассказывать звала тебя сюда!»

И вдруг, вскочив, она спешит к развязке,
Зовет его. Но, потупляя взгляд,
Не внемлет он соблазнам слов и ласке.

Потом, глухим предчувствием объят,
Еще вопрос он задает подруге:
«А как зовут тебя?» – «Я – Аганат!»

И вздрогнул он и прынул прочь в испуге.

V

О, велика богиня всех богинь,
Астарта светлая! ты царствуешь всевластно
Над морем, над землей, над сном пустынь.

Ты видишь все, все пред бессмертной ясно;
Твое желанье – всем мирам завет;
Дрожат и боги – пред тобой, прекрасной!

Когда свершилась эта встреча, свет
Твоей звезды затмился на мгновенье...
Но благодати твоей предела нет.

Решила ты, – исполнено решенье.
И в тот же миг рассеялись года,
Как смутный сон исчезли поколения,

Восстали вновь из праха города,
Вернулись к солнцу спавшие в могиле,
Все стало вновь как прежде, как тогда.

Все о недавнем, как о сне, забыли.
Был вечер. Аганат и с ней жених

Опять в лесу за городом бродили.

И длинный спор, как прежде, шел у них:
До свадьбы он хотел пуститься в море,
Искать богатства в городах чужих.

А ей была разлука эта – горе.
«Не уезжай! на что богатство нам!»
И, этот раз, он уступил ей в споре.

И в день, когда, отдавшись парусам,
Его корабль ушел по глади синей,
Они торжественно пошли во храм —

Свои обеты повторить богине.

19 декабря 1897 – 4 октября 1898

Царю Северного полюса

Вступления

1

Много было песен сложено
О твоей стране бесследной.

Что возможно, невозможно, —
Было все мечтой изведано.

К этой грани недоступной
Шли безумные, отважные,
Но их замыслы преступные
Погасали в бездне влажной.

Эти страны неизвестные
Открывали дали сказкам...
Тем, кому в пределах тесно,
Эти сказки были ласками.

2

Если был победитель, тебя развенчавший, о Полюс,
Имя его отошло в тихую тайну веков.
Люди наших дней не победы ищут, а славы;
Сладок им не венец, – рукоплесканья венцу.
О, великая сладость – узнав, утаить от вселенной!
Мне довольно знать, – что я свершил, – одному.

I

Свен Краснозубый врагам улыбался, бурь не боялся,

Викинг великий, кликнул он клич по Норвегии.

Собрались бойцы могучие:

Эрик, вскормленный тучами,

Анунд, прославленный скальдами,

Горм с сыновьями, с двумя Освальдами,

С ними со всеми сорок дружинников.

Не долго бойцы собирались,

На корабль садились, – смеялись.

Навсегда с друзьями прощались.

Жена поплачет – утешится,

Друг погрустит – другого найдет,

Старуха-мать все равно умрет.

Плыть все вдаль —

Не печаль.

Где волна,

Там весна.

Есть топор, —

Будет свор!

Бой в руке держу!

Если ж скальда нет,

Песнь и сам сложу

В честь побед!

Скрылся в налете тумана Скрелингов остров, земля;
Дрожью святой Океана зыблется дрожь корабля.
Море, и небо, и море – к Северу путь без границ;
Дико звучат на просторе крики чудовищных птиц.
Медленно ходят по воле первые дерзкие льды. —
Викингам любо раздолье, дали холодной воды.

Любит безвестности Эрик, далью захвачен варяг
(Где-нибудь выглянет берег, где-нибудь встретится
враг!).

Знает он все побережья, всюду рубиться был рад:
С Русью ходил в Обонежье, плавал по рекам в Царь-град,
Грабил соборы Севильи, видел останки Афин...
Парус, развейся, как крылья! челн, полети, как дельфин!

Анунд, скиталец угрюмый, смотрит на зыби зыбей.
Вольно ширяется дума в волнах, как птица морей.
Истинный викинг ни ночи в хижине дымной не спит,
Истинный викинг не хочет на ночь повесить свой щит;
Пенистый рог не веселье пить среди женщин и дев;
В челнах – всегда новоселье, в волнах – не молкнет напев.

Горм распахнул свою шубу, вновь он доволен судьбой:
Скоро заслышит он трубы, трубы, зовущие в бой.
Выйдет старик, как берсеркер, душу потешит в бою...
Дуй, куда вздумаешь, ветер! мчи, куда хочешь, ладью!
С кем бы ни бой, что за дело! Горм жаждет биться сплеча!
Страшно в жилище у Гелы, жданная смерть – от меча.

К Северу взором прикован, Свен не уйдет от руля.
Зовом мечты зачарован, правит он бег корабля.
Скоро во мраке засветит полночи чара – Звезда;
Свен, весь дрожа, ей ответит, верен он ей навсегда.
Товарищам лучшая доля – битвы и крики врагов,
Но властная воля стремится их в области ночи и льдов.
Затмился налетом тумана Скрелингов остров, земля;
Дрожью святой Океана зыблется дрожь корабля.

III

Пышны северные зимы, шестимесячные ночи!
Льды застыли, недвижимы, в бахроме из снежных
ключий.
Волны дерзкие не встанут, гребни их в снегу затихли,
Ураган морской, обманут, обо льды стучится в вихре.
Чаще царствует молчанье, сон в торжественной пустыне;
Мир без грез, без содроганья, в полутьме немеет, стынет.

Совершая путь урочный, круг вокруг Царицы Ночи,
Звезд девичник непорочный водит пламенные очи.
Им во льдах зеркальных снятся – двойники, земные
сестры,
На снегах они дробятся, словно луч цветной и пестрый.
Ослепляя блеском горы, между них в потоке звездном,
Вдруг спадают метеоры, торопясь от бездны к безднам.

Часто, звездный блеск смирия, расстилаясь, будто знамя,
В небе с края и до края пламя движется столбами.
Нет им грани, очертанья: в смене рдяных освещений
Царь полярного сиянья гонит сумрачные тени,
Создает деревья, травы, высылает птиц чудесных, —
Сам смеется на забавы, — царь в неизвестностях небесных.

А когда застонет буря, снег подымет, как тучи;
Брови белые нахмурия, Один ринется могучий.
Дев-валькирий вереницы заторопят черных коней,
Будут крики без границы, будет стук мечей о брони,
Будет скачка, пляска, бубны, будет бой в безумном вое...
Из могил на голос трубный встанут древние герои.

Пышны северные зимы, хороши морозом жгучим!
Дни проходят, словно дымы, дни подобны снежным
тучам.
Поспешай на быстрых лыжах, взор вперяя в след олений,
Жди моржей космато-рыжих, бей раскидистых тюленей,
Встреть уверенной острой хмурых медленных
медведей, —
Смейся, смейся над тревогой, в песнях думай о победе!
Пышны северные зимы, образ будущей Валгаллы!
Дни проходят, словно дымы, время вечность оковала.

IV

Песня Свена

«Одна на полюсе небесном
Царит бессменная Звезда,
Манит к пределам неизвестным,
Снов не обманет никогда.

В круговращеньи вольно-смелом
Летит над нами небосвод:
Она в восторге онемелом
Из праха к горнему влечет.

Я схвачен беспощадным зовом,
Как парус ветром, – увлечен;
Жених невесте верен словом,
С Звездой небес я обручен.

Ах, знаю! мощь в руке все та же,
Мой взор пронзителен и смел,
Я б побороться с силой вражей
Как в годы подвигов сумел.

Но, верен высшему запрету,
Страстей волну я перевозмог.
Так! путник я, идущий к свету,
Я – вестник, ставший на порог.

Друзья, друзья! взметайте чаши!
Над снежной кровлей блещет твердь.
Нет, не солгали клятвы наши:
Я вас туда влеку, где смерть!»

И плыли они над холодной водой,
И ветры по снастям свистели;
Зима надвигалась грозой ледяной,
Приветствия ей они пели.

Их легкие челны томились в плену,
Но, дерзкие, в хижине дымной,
Пируя, они величали весну,
С метелью спевались их гимны.

И ветер весенний вздувал паруса,
И кони морские, все в пене,
Бросались в пучину, зажмурив глаза,
За брызгами пряча колени.

И плыли, и пели, в метели, в грозе,
Морской возрастающей степью,
Вождю-предводителю верные все,
С ним связаны клятвенной цепью.

И много могил, неоплаканных тел
Корабль в безызвестности бросил,

Но что им за дело! ведь парус их цел,
Есть копья для боя, есть руки для весел!

V

Пойте печальные песни,
Ветер, месяц, туман!
Плачьте на Полюсе вечном,
Дети пламенных стран.
Волны идут издалека,
Ветер свистит одиноко,
Месяца тусклое око
Всюду глядит в Океан.
Пойте на Полюсе вечном
О торжестве скоротечном,
Дети пламенных стран.

Плачьте на ранней могиле,
Где Эрик-скиталец зарыт;
Мечты его дальше стремили,
На пути он выронил щит.

В скале, в причудливом гроте,
Горма покоится прах;
Он погиб на веселой охоте,
Умер с острой в руках.

Освальды, ободря друг друга,
В непогоду пошли за моржом;
И засыпала шумная выюга
Братьев в объятых вдвоем.

Любя бушевание влаги,
Любовались бойцы на шквал;
Утром сочлись варяги, —
Анунда никто не видал.

И погибли все сорок, все сорок!
Спят под водой и во льдах,
Но Тор, кому храбрый дорог,
Их примет в своих полях.

Славьте на Полюсе вечном,
Павших в упорной борьбе,
Глядевших в лицо судьбе,
Погибших в молчаньи беспечном,

Славьте на Полюсе вечном,
Волны, месяц, туман!
Пойте хвалебные песни,
Дети пламенных стран!

Тени ходят, ветер веет,
Океан о камни бьет,
И замедлить жизнь не смеет
Свой развернутый полет.

Часть морей купая в зное,
Часть прохладам удел я,
Ни на миг не спит в покое
Солнцу верная Земля.

Солнце, искра в сонмах млечных,
Увлекает путь слуги.
Пики гор остроконечных
Чертят бешено круги.

Без предела, без начала
Этот бег вперед, вперед!
Вечность в прошлом миновала,
Вечность нынче настает.

И только один лишь утес недвижимо
На Север подьемлет чело.
Вы, ветры, его обтекаете мимо,
Ты, время, встревожить его не могло.

Когда-то взглянул он восторженным оком
На мертвую прелесть Полярной звезды,
И долго смотрел, и во сне одиноком
Он замер, застыл, оковался во льды.

Пронизан восторгом, с тех пор неизменно
Века он следит за избранной Звездой.
Смеется Звезда, как царица вселенной,
И вокруг нее сестры идут чередой.

Кто нарушил мир заветный,
Тишину великих вод,
И вступил в приют запретный,
И упал на вечный лед?

На снегах, в степях бесплодных,
Сон друзей его глубок...
Произволу волн свободных
Предоставил он челнок.

Тот челнок лежит разбитый,
Кончен дерзкий переезд.
Словно в храмине открытой,
Свен следит за бегом звезд.

Их стремится вереница,
Но над ним – в ответ мечте —
Стала Севера царица
Прямо, в ясной высоте.

Сердце большего не просит,
К цели жизни Свен проник.
Так. Звезда сиянье бросит

На его померкший лик.

VII

Голоса Стихий

Земля

Я – Земля, я – косность мира,
Сотворила горы, скалы,
Твердь гранита и порфира,
Грани малого кристалла.

Я дала приюты тучам,
На груди подъяла море,
Я полна огнем текучим...
Кто со мной, с могучей, в споре?

Сестры, братья! славьте Землю!
Славьте косность и пределы!
Все держу я, все объемлю,
Вас родню, – и мной вы целы!

Вода

Я – Вода. Я в вечной смене.
В дрожи долгой не устала...
Корни тянутся растений,

Стадо к речке побежало.

Жизнь воды многообразна:
Петь ручьем, летать туманом,
Зацветать в озерах праздну,
Выть и биться океаном.

Сестры, братья! славьте воды!
Славьте жизнь и переливы!
Я – движение Природы,
Вас влеку, – и мной вы живы.

Огонь

Я – Огонь. Мой лик случаен,
Вольной прихоти послушен.
Целый мир не мной ли спаян?
Мною будет мир разрушен!

Я ползу. Я дик и злобен;
Спать умею в камне малом;
Лгать, притворствоваться способен,
Но встаю до неба жалом.

Сестры, братья! славьте пламя
(Очи блещут, очи красны)!
Я – над миром битвы знамя,
Вас гублю, но мной вы властны.

Воздух

Воздух я, незрим, неслышен,
Я проник в глубины скважин.
Но огонь не мной ли пышен?
Я водой дышу – и влажен.

Я ласкаю розы мая;
В буре вею, беспощаден;
Землю вздохом обтекая,
В голубом плаще наряден.

Славьте воздух! сестры, братья!
Облака меня колышат,
Горы принял я в объятия,
Всех люблю, – все мною дышат.

Все вместе

Если к тайне заповеданной
Взор, единой думе преданный,
С дерзкой радостью проник, —
Не покинем мы беспечности:
Было то однажды в вечности,
Было – лишь на беглый миг.

Но да будет он единственный!
Этот день, как сон таинственный,
Скроем мы в святую тьму.

Мы засыплем гроб неведомый.
Слишком громкими победами
Не гордиться никому!

Мы даем обет молчания.
Мы задвинем край изгнания
Бездной вихрей и пучин.
И о том, что тайны видены,
Что прошел ты путь неиденный,
Будешь знать лишь ты один.

Земля

Даю обет молчания;
От века я молчу.

Вода

Я знаю; только знания
В мгновенной смене мчу.

Огонь

Я – ложь. Твержу неверное,
Не знаю истин я.

Воздух

Мое движенье мерное —

Безмолвная струя.

VIII

Свен Краснозубый, на Полюсе диком
Ты встретил смиряющий сон.
Снова кругом всё в молчаньи великом,
Ясен и тих небосклон.
На конях свободных, бурных
От высот своих лазурных
Под военные напевы
И к тебе слетели девы.
Ты достоин чести бранной,
Ты – валькирий гость желанный.
На тебя из той страны
Благосклонно смотрят деды:
Ты погиб не в день войны, —
В день победы!

Встретишь ты в полях Валгаллы
Всех, кому был в жизни люб.
Ты войдешь, пловец усталый,
Под веселый голос труб.

Там, с семьей других героев,
Уготован, ждет приют.
Все для игр и славных боев

Дни бестенные найдут.

Может быть, где отдых сладок,
Обретет душа твоя
Мир от тягостных загадок,
Вечных в бездне бытия.

IX

Голос

Я вам принес благую весть,
Мечты былых веков:
Что в мире много истин есть,
Как много дум и слов.

Противоречий сладких сеть
Связует странно всех:
Равно и жить и умереть,
Равны Любовь и Грех.

От дней земли стремись в эфир,
Следи за веком век:
О, как ничтожен будет мир,
Как жалок человек!

Но, вздрогнув, как от страшных снов,
Пойми – все тайны в нас!

Где думы нет – там нет веков,
Там только свет – где глаз.

Стихий бессильна похвальба,
То – мрак души земной.
К победе близится борьба, —
Дышу, дышу весной!

И что в былом свершилось раз,
Тому забвенья нет.
Пойми – весь мир, все тайны в нас,
В нас Сумрак и Рассвет.

1898 – 1900

Предание о Луне *Баллада*

*В старинном замке Джен Вальмор
Чуть ночь – звучат баллады.*

К. Бальмонт

В былые дни луна была
Скиталицей-кометой.
С беспечной вольностью плыла
От света и до света.
Страна цветов, она цвела,

Вся листьями одета.

Там жили семьи, племена
Таинственных растений,
Им богом мысль была дана
И произвол движений;
И шла меж царствами война,
Бессменный ряд сражений.

Трава глушила злобный лес,
Деревья мяли траву,
Душител-плющ на пальму лез,
Шли ветви на облаву...
И ночью пред лицом небес
Шумели все про славу.

И в день заветный, в мире том
(Конечно, словом божьим)
Возрос цветок – смешной стеблем,
На братьев непохожим.
И, чуждый браням, жил он сном,
Всегда мечтой тревожим.

Он грезил о ином цветке,
Во всем себе подобном,
Что дремлет, дышит – вдалеке,
На берегу несходном,
И видит свой двойник в реке,
С предчувствием бесплодным.

И в эти дни вошла луна
В тот мир, где солнце властно,
И песнь планет была слышна
Хвалой единогласной,
Но с ней, как чуждая струна,
Сливался зов неясный.

Да! кто-то звал! да, кто-то смел
Нарушить хор предвечный!
Пел о тщете великих дел,
О жажде бесконечной;
Роптал, что всем мечтам предел
Так близко – пояс млечный!

Да! кто-то звал! да, кто-то пел
С томленьем постоянства!
И на цветке в ответ горел
Узор его убранства.
И вдруг, нарушив тяжесть тел,
Он ринулся в пространство.

Тянулся он, и рос, и рос,
Качаясь в темных безднах...
Доныне отблеск вольных грез
Дрожит в пучинах звездных.
А братья жили шумом гроз —
Забытых, бесполезных.

И вдруг, ему в ответ, – вдали
Другой качнулся стебель.
Кто звал его, – цветок с земли, —
Повис, – в пучине ль, в небе ль?
И две мечты свой путь нашли:
Сплелся со стеблем стебель!

Восторгом пламенным дана
Победа – связи тленной.
Стеблем цветка укреплена,
Луна осталась пленной.
И с этих пор до нас – она
Наш спутник неизменный.

Цветы истлели в должный миг,
В веках, давно пройденных, —
Но жив тот свет, что раз возник
В мирах соединенных.
И озаряет лунный лик
Безумных и влюбленных.

17 июля 1900

Замкнутые

Сатирическая поэма

I

Я год провел в старинном и суровом,
Безвестном Городе. От мира ограждаясь,
Он не хотел дышать ничем живым и новым.
Почти порвав с шумящим миром связь.
Он жил былым, своим воспоминаньем,
Перебирая в грезах быль и сны,
И весь казался обветшалым зданьем,
Каким-то сказочным преданьем
О днях далекой старины.

Казалось мне: он замкнут безнадежно.
Давила с севера отвесная скала,
Купая груди в облачном просторе,
С востока грань песков, пустыня, стерегла.
А с двух сторон распростиралось море,
Безлюдно, беспощадно, безнадежно.
На пристани не раз, глаза с тоской прилежной
В узоры волн колеблемых вперив,
Следил я, как вставал торжественный прилив,
Как облака неслись – вперед и мимо, мимо...

Но не было вдали ни паруса, ни дыма —
Никто не плыл к забытым берегам...
Лишь абрис острова порой мелькал мне там,
Где явственно заря, когда без солнца светит,
Границу кругозора метит,
Но гасло все в лучах, мне памятно едва,
Все в благостный простор вбирала синева,
И снова мир был замкнут безнадежно.

Весь Город был овеян тайной лет.
Он был угрюм и дряхл, но горд и строен.
На узких улицах дрожал ослабший свет,
И каждый резкий звук казался там утроен.
В проходах темных, полных тишины,
Неслышно прятались пристанища торговли;
Углами острыми нарушив ход стены,
Кончали дом краснеющие кровли;
Виднелись с улицы в готическую дверь
Огромные и сумрачные сени,
Где вечно нежились сырые тени...
И затворялся вход, ворча, как зверь.

Из серых камней выведены строго,
Являли церкви мощь свободных сил.
В них дух столетий смело воплотил
И веру в гений свой, и веру в бога.
Передавался труд к потомкам от отца,
Но каждый камень, взвешен и размерен,
Ложился в свой черед по замыслу творца.

И линий общий строй был строг и верен,
И каждый малый свод продуман до конца.
В стремленьи ввысь, величественно смелом,
Вершилось здание свободным острием,
И было конченным, и было целым,
Спокойно замкнутым в себе самом.

В музеях запертых, в торжественном покое,
Хранились бережно останки старины:
Одежды, утвари, оружие былое,
Трофеи победительной войны —
То кормы лодок дерзких мореходов,
То кубки с обликом суровых лиц,
Знамена покорявшихся народов
Да клювы неизвестных птиц.
И все в себе былую жизнь таило,
Иных столетий пламенную дрожь.
Как в ветер верило истлевшее ветрило!
Как жаждал мощных рук еще сверкавший нож!..
А все кругом пустынно-глухо было.

II

Я в их церквах бывал, то пышных, то пустынных.
В одних всё статуи, картины и резьба,
Обряд, застывший в пышностях старинных,
Бессмысленно-пустая ворожба!

Над миром скованным гудящий вопль органа,
Зов пастыря – как божий голос – строг,
Вещает он с Синая, из тумана,
Лишь «Dominus vobiscum!» – «с вами бог!».
В других церквах восторг опустошенья,
На черных стенах цифры, ряд страниц;
Молящиеся, в чинном исступленьи,
Кричат псалмы, как стаи хищных птиц.
Но вопль органа вдруг – замрет, как самый камень.
Друг другу повторив, что это лишь обряд,
Они для памяти причастие творят,
И пастырь в сютуке вещает важно: «Amen».

Я залы посещал ученых заседаний
И слушал с ужасом размерность их речей.
Казалось мне: влекут кумир огромный Знаний
Покорные быки под шелканье бичей.
Глубокой колеей, со стоном, визгом, громом,
Телега тянется – в веках намечен путь, —
Все было в тех речах безжалостно-знакомым,
И в смене скучных слов не изменялась суть.
Однажды ошибаясь при выборе дороги,
Они упрямо шли, глядя на свой компас.
И был их труд велик, шаги их были строги,
Но уводил их прочь от цели каждый час!

К художникам входил я в мастерские.
О бедность горькая опустошенных дум!
Искусство! вольная стихия!

Сюда не долетал твой вдохновенный шум!
Художник быть не может не пророком,
И рабство с творчеством согласовать нельзя!
Кто не прошел пустынь в томлении одиноком,
Не знает, где лежит святой мечты стезя!

В искусстве важен искус строгий.
Прерви души мертвящий плен
И выйди пламенной дорогой
К потоку вечных перемен.

Твоя душа – то ключ бездонный.
Не замыкай истомных уст.
Едва ты встанешь, утоленный,
Как станет мир – и сух и пуст.

Так! сделай жизнь единой дрожью,
Люби и муки до конца,
Упейся истиной и ложью, —
Во имя кисти и резца!

Не будь окован и любовью,
Бросайся в пропасти греха,
Пятнай себя священной кровью, —
Во имя лиры и стиха!

Искусство жаждет самовластья
И души черпает до дна.
Едва душа вздохнет о счастье, —

Она уже отрешена!

III

А жизнь кругом лилась, как степью льются воды.
Как в зеркале, днем повторялся день,
С покорностью свой круг кончали годы,
С покорностью заря встречала тень.
Случалось в праздник мне, на площадь выйдя рано,
Зайти в собор с толпой нарядных дев.
Они молились там умильно, и органа
Я слушал в их кругу заученный напев.

Случалось вечером, взглянув за занавески,
Всецело выхватить из мирной жизни миг:
Там дремлют старики, там звонок голос детский,
Там в уголке – невеста и жених.
И только изредка над этой сладкой прозой
Вдруг раздавалась песнь ватаги рыбаков,
Идущих улицей, да грохотал угрозой
Далекий смех бесчинных кабаков.

За городом был парк, развесистый и старый,
С руиной замка в глубине.
Туда под вечер приходили пары —
«Я вас люблю» промолвить при луне.
В воскресный летний день весь город ратью чинной

Сходился там – мечтать и отдохнуть.
И восхищались все из года в год руиной,
И ряд за рядом совершали путь.
Им было сладостно в условности давнишней,
Казались сочтены движенья их.
Кругом покой аллея был радостен и тих,
Но в этой тишине я был чужой и лишней.
Я к пристани бежал от оскорбленных лип,
Чтоб сердце вольностью хотя на миг растрогать,
Где с запахом воды сливал свой запах деготь,
Где мачт колеблемых был звучен скрип.

О пристань! я любил твой неумолчный скрип,
Такой же, как в былом, дошедший из столетий, —
И на больших шестах растянутые сети,
И лодки с грузом серебристых рыб.
Любил я моряков нахмуренные взоры
И твердый голос их, иной, чем горожан.
Им душу сберегли свободные просторы,
Их сохранил людьми безлюдный океан.
Там было мне легко. Присевши на бочонок,
Я забывал тюрьму меня обставших дней,
И облака следил, как радостный ребенок,
И волны пели мне всё громче, всё ясней.
И ветер с ними пел; и чайки мне кричали;
Что было вокруг меня, все превращалось в зов...
И раскрывались вновь торжественные дали:
Пути, где граней нет, простор без берегов!

IV

И понял я, что здесь царил кумир единый:
Обычной внешности. Пред искренностью страх
Торжествовал и в храме и в гостиной,
В стихах и вере, в жестах и словах.
Жизнь, подчиненная привычке и словью,
Елеем давности была освящена.

Никто не смел – ни скорбью, ни любовью
Упиться, как вином пылающим, до дна;
Никто не подымал с лица холодной маски,
И каждым взглядом лгал, и прятал каждый крик;
Расчетом и умом все оскверняли ласки
И берегли свой пафос лишь для книг!

От этой пошлости, обдуманной, привычной,
Как жаждал, хоть на час, я вольно отдохнуть!
Но где в глаза живым я мог, живой, взглянуть?
Там, где игорный дом, и там, где дом публичный!
Как пристани во мгле, вы высились, дома,
И люди знали вновь, отдавшись вашей власти,
Все беспристрастие и купли и найма,
Паденья равенство и откровенность страсти!
Кто дни и месяцы (актеры и рабы!)
Твердили «строгий долг» и «скорбь об идеале»,
Преобразясь в огне желаний и борьбы,

То знали ненависть, то чувственно стонали,
То гнулись под рукой Слепой Судьбы!

Когда по городу тени
Протянуты цепью железной,
Ряды безмолвных строений
Оживают, как призрак над бездной.

Загораются странные светы,
Раскрываются двери, как зевы,
И в окнах дрожат силуэты
Под музыку и напевы.

Раскрыты дневные гробницы,
Выходит за трупом труп.
Загораются румянцем лица,
Кровавится бледность губ.

Пышны и ярки одежды,
В волосах алмазный венец.
А взглядишь в утомленные вежды,
Ты узнаешь, что пред тобой мертвец.

Но страсть, подчиненная плате,
Хороша в огнях хрусталей;
В притворном ее аромате
Дыханье желанней полей.

И идут, идут в опьяненьи

Отрешиться от жизни на час,
Изведать освобожденье
Под блеском обманных глаз, —

Чтоб в мире, на свой непохожем,
От свободы на миг изнемочь.
Тот мир ничем не тревожим,
Пока полновластна ночь.

Но в тумане улицы длинной
Забелеет тусклый рассвет.
И вдруг все мертво и пустынно,
Ни светов, ни красок нет.

Безобразных, грязных строений
Тают при дне вереницы,
И женщин белые тени,
Как трупы, ложатся в гробницы.

V

И страшная мечта меня в те дни томила:
Что, если Город мой – предвестие веков?
Что, если Пошлость – роковая сила,
И создан человек для рабства и оков?
Что, если Город мой – прообраз, первый, малый,
Того, что некогда жизнь явит в полноте,

Что, если мир, унылый и усталый,
Стоит, как странник запоздалый,
К трясине подойдя, на роковой черте?

И, как кошмарный сон, виденьем беспощадным,
Чудовищем размеренно-громадным,
С стеклянным черепом, покрывшим шар земной,
Грядущий Город-дом являлся предо мной.
Приют земных племен, размеченный по числам,
Обязан жизнью (машина из машин!)
Колесам, блокам, коромыслам,
Предвидел я тебя, земли последний сын!
Предчувствовал я жизнь замкнутых поколений,
Их думы, сжатые познаьем, их мечты,
Мечтам былых веков подвластные, как тени,
Весь ужас переставшей пустоты!

Предчувствовал раба подавленную ярость
И торжествующих многообразный сон,
Всех наших помыслов обманутую старость,
Срок завершившихся времен!

.....

.....

Но нет! Не избежать мучительных падений,
Погибели всех благ, чем мы теперь горды!
Настанет снова бред и крови и сражений,
Вновь разделится мир на вражых две орды.

Борьба, как ярый вихрь, промчится по вселенной

И в бешенстве сметет, как травы, города,
И будут волки выть над опустелой Сеной,
И стены Тауэра исчезнут без следа.

Во глубинах души, из тьмы тысячелетий,
Возникнут ужасы и радость бытия,
Народы будут хохотать, как дети,
Как тигры, грызться, жалить, как змея.

И все, что нас гнетет, снесет и светит время,
Все чувства давние, всю власть заветных слов,
И по земле взойдет неведомое племя,
И будет снова мир таинственен и нов.

В руинах, звавшихся парламентской палатой,
Как будет радостен детей свободных крик,
Как будет весело дробить останки статуй
И складывать костры из бесконечных книг.

Освобождение, восторг великой воли,
Приветствую тебя и славлю из цепей!
Я – узник, раб в тюрьме, но вижу поле, поле...
О солнце! о простор! о высота степей!

1900 – 1901

Ревель, Москва

URBI ET ORBI

1901 – 1903

К. Д. Бальмонту, другу и брату

Вступления

* * *

По улицам узким, и в шуме, и ночью, в театрах,
в садах я бродил,
И в явственной думе грядущее видя, за жизнью,
за сущим следил.
Я песни слагал вам о счастье, о страсти, о высях,
границах, путях,
О прежних столицах, о будущей власти,
о всем распростертом во прах.
Спокойные башни, и белые стены,
и пена раздробленных рек,
В восторге всегдашнем, дрожали, внимали стихам,
прозвучавшим навек.
И девы и юноши встали, встречая, венчая меня,
как царя,

И, теням подобно, лилась по ступеням
потоком широким заря.

Довольно, довольно! я вас покидаю! берите и сны и
слова!

Я к новому раю спешу, убегаю, мечта неизменно жива!

Я создал, и отдал, и поднял я молот,
чтоб снова сначала ковать.

Я счастлив и силен, свободен и молод, творю,
чтобы кинуть опять!

Апрель 1901

Лестница

Всё каменной ступени,
Всё круче, круче всход.
Желанье достижений
Еще влечет вперед.

Но думы безнадежней
Под пылью долгих лет.
Уверенности прежней
В душе упорной – нет.

Помедлив на мгновенье,
Бросаю взгляд назад:
Как белой цепи звенья —
Ступеней острых ряд.

Ужель в былом ступала
На все нога моя?
Давно ушло начало,
В безбрежности края,

И лестница все круче...
Не оступлюсь ли я,
Чтоб стать звездой падучей
На небе бытия?

Январь 1902

Последнее желанье

Где я последнее желанье
Осуществлю и утолю?
Найду ль немислимое знание,
Которое, таясь, люблю?

Приду ли в скит уединенный,
Горящий главами в лесу,
И в келью бред неутоленный
К ночной лампаде понесу?

Иль в городе, где стены давят,
В часы безумных баррикад,
Когда Мечта и Буйство правят,

Я слиться с жизнью буду рад?

Иль, навсегда приветив книги,
Веков мечтами упоен,
Я вам отдамся, – миги! миги! —
Бездонный, многозвенный сон?

Я разных ратей был союзник,
Носил чужие знамена,
И вот опять, как алчный узник,
Смотрю на волю из окна.

Январь 1902

У себя

Так все понятно и знакомо,
Ко всем изгибам глаз привык;
Да, не ошибся я, я – дома:
Цветы обоев, цепи книг...

Я старый пепел, не тревожу, —
Здесь был огонь и вот остыл.
Как змей на сброшенную кожу,
Смотрю на то, чем прежде был.

Пусть много гимнов не допето
И не исчерпано блаженств,

Но чую блеск иного света,
Возможность новых совершенств!

Меня зовет к безвестным высям
В горах поющая весна,
А эта груда женских писем
И нежива, и холодна!

Лучей зрачки горят на росах,
Как серебром все залито...
Ты ждешь меня у двери, посох!
Иду! иду! со мной – никто!

1901

Побег

*И если, страстный, в час заветный,
Заслышу я мой трубный звук...
Tertia Vigilia*

Мой трубный зов, ты мной слышан
Сквозь утомленный, сладкий сон!
Альков, таинственен и пышен,
Нас облегал со всех сторон.

И в этой мгле прошли – не знаю, —
Быть может, годы и века.

И я был странно близок раю,
И жизнь шумела, далека.

Но вздрогнул я, и вдруг воспрянул,
И разорвал кольцо из рук.
Как молния, мне в сердце глянул
Победно возраставший звук.

И сон, который был так долог,
Вдруг кратким стал, как всё во сне.
Я распахнул тяжелый полог
И потонул в палящем дне.

В последний раз взглянул я свыше
В мое высокое окно:
Увидел солнце, небо, крыши
И города морское дно.

И странно мне открылась новой,
В тот полный и мгновенный миг,
Вся жизнь толпы многоголовой,
Заботы вспененный родник.

И я – в слезах, что снова, снова
Душе открылся мир другой,
Бегу от пышного алькова,
Безумный, вольный и нагой!

Август – октябрь 1901

Работа

Здравствуй, тяжелая работа,
Плуг, лопата и кирка!
Освежают капли пота,
Ноет сладостно рука!

Прочь венки, дары царевны,
Упадай порфира с плеч!
Здравствуй, жизни повседневной
Грубо кованная речь!

Я хочу изведать тайны
Жизни мудрой и простой.
Все пути необычайны,
Путь труда, как путь иной.

В час, когда устанет тело
И ночлегом будет хлев, —
Мне под кровлей закоптелой
Что приснится за напев?

Что восстанут за вопросы,
Опьянят что за слова
В час, когда под наши косы
Ляжет влажная трава?

А когда, и в дождь и в холод,
Зазвенит кирка моя,
Буду ль верить, что я молод,
Буду ль знать, что силен я?

Июль 1901

Мечтание

О, неужели день придет,
И я в слезах и умилены
Увижу этот небосвод
Как верный круг уединенья.

Пойду в поля, пойду в леса
И буду там везде один я,
И будут только небеса
Друзьями счастья и унынья!

Мне ненавистна комнат тишь,
Мне тяжело входить под кровлю.
Люблю простор, люблю камыш,
Орла, летящего на ловлю.

Хочу дождя, хочу ветров,
И каждый день – менять жилище!
Упасть бессильным в тяжкий ров,
Среди слепцов бродить, как нищий.

Меж ними, где навис забор,
Я разделю их братский ужин,
А ночью встретит вольный взор
Лишь глубину да сеть жемчужин.

Случайный гость в толпе любой,
Я буду дорог, хоть и странен,
Смешон невольной похвальбой,
Но вечной бодростью желанен.

И женщина – подруга дня —
Ко мне прильнет, дрожа, ревнуя,
Не за стихи любя меня,
А за безумство поцелуя!

1900 – 1901

Искатель

О прекрасная пустыня!

Прими мя в свою густыню.

Народный стих

Пришел я в крайние пустыни,
Брожу в лесах, где нет путей,
И долго мне не быть отныне
Среди ликующих людей!

За мной – последняя просека,
В грозящей чаще нет следа.
В напевы птиц зов человека
Здесь не врывался никогда.

Что я увижу? Что узнаю?
Как примут тишину мечты?
Как будут радоваться маю,
Встречая странные цветы?

Быть может, на тропах звериных,
В зеленых тайнах одичав,
Навек останусь я в лощинах
Впивать дыханье жгучих трав.

Быть может, заблудясь, устану,
Умру в траве под шелест змей,
И долго через ту поляну
Не перевьется след ничей.

А может, верен путь, и вскоре
Настанет невозможный час,
И минет лес – и глянет море
В глаза мне миллионом глаз,

30 сентября 1902

Нить Ариадны

Вперяю взор, бессильно жадный:
Везде кругом сырая мгла.
Каким путем нить Ариадны
Меня до бездны довела?

Я помню сходы и проходы,
И зал круги, и лестниц винт,
Из мира солнца и свободы
Вступил я, дерзкий, в лабиринт.

В руках я нес клубок царевны,
Я шел и пел; тянулась нить.
Я счастлив был, что жар полдневный
В подземной тьме могу избыть.

И, видеv странные чертоги
И посмотрев на чудеса,
Я повернул на полдороге,
Чтоб выйти вновь под небеса,

Чтоб после тайн безлюдной ночи
Меня ласкала синева,
Чтоб целовать подругу в очи,
Прочтя заветные слова...

И долго я бежал по нити
И ждал: пахнет весна и свет.
Но воздух был все ядовитей
И гуще тьма... Вдруг нити – нет.

И я один в беззвучном зале.
Мой факел пальцы мне обжег.
Завесой сумерки упали.
В бездонном мраке нет дорог.

Я, путешественник случайный,
На подвиг трудный обречен.
Мстит лабиринт! Святые тайны
Не выдает пришельцам он.

28 октября 1902

Блудный сын

*Так отрок Библии, безумный расточитель...
Пушкин*

Ужели, перешедши реки,
Завижу я мой отчий дом
И упаду, как отрок некий,
Повергнут скорбью и стыдом!

Я уходил, исполнен веры,

Как лучник опытный на лов,
Мне снились тирские гетеры
И сон сидонских мудрецов.

И вот, что грезилось, все было:
Я видел все, всего достиг.
И сердце жгучих ласк вкусило,
И ум речей, мудрее книг.

Но, расточив свои богатства
И кубки всех отрав испив,
Как вор, свершивший святотатство,
Бежал я в мир лесов и нив.

Я одиночество, как благо,
Приветствовал в ночной тиши,
И трав серебряная влага
Была бальзамом для души.

И вдруг таким недостижимым
Представился мне дом родной,
С его всходящим тихо дымом
Над высыхающей рекой!

Где в годы ласкового детства
Святыней чувств владел и я, —
Мной расточенное наследство
На ярком пире бытия!

О, если б было вновь возможно
На мир лицом к лицу взглянуть
И безраздумно, бестревожно
В мгновеньях жизни потонуть!

Ноябрь 1902 – январь 1903

У земли

*Я б хотел забыться и заснуть.
Лермонтов*

Помоги мне, мать-земля!
С тишиной меня сосватай!
Глыбы черные деля,
Я стучусь к тебе лопатой.

Ты всему живому – мать,
Ты всему живому – сваха!
Перстень свадебный сыскать
Помоги мне в комьях праха!

Мать, мольбу мою услышь,
Осчастливь последним браком!
Ты венчаешь с ветром тишь,
Луг с росой, зарю со мраком.

Помоги сыскать кольцо!..

Я об нем без слез тоскую
И, упав, твое лицо
В губы черные целую.

Я тебя чуждался, мать,
На асфальтах, на гранитах...
Хорошо мне здесь лежать
На грядках, недавно взрытых.

Я – твой сын, я тоже – прах,
Я, как ты, – звено создания.
Так откуда – страсть, и страх,
И бессонный бред исканий?

В синеве плывет весна,
Ветер вольно носит шумы...
Где ты, дева-тишина,
Жизнь без жажды и без думы?.

Помоги мне, мать! К тебе
Я стучусь с последней силой!
Или ты, в ответ мольбе,
Обручишь меня – с могилой?

В ответ

П. П. Перцову

*Довольно, пахарь терпеливый,
Я плуг тяжелый свой водил.*
А. Хомяков

Еще я долго поброжу
По бороздам земного луга,
Еще не скоро отрешу
Вола усталого – от плуга.

Вперед, мечта, мой верный вол!
Неволей, если не охотой!
Я близ тебя, мой кнут тяжел,
Я сам тружусь, и ты работай!

Нельзя нам мига отдохнуть,
Взрывай земли сухие глыбы!
Недолог день, но длинен путь,
Веди, веди свои изгибы!

Уж полдень. Жар палит сильнее.
Не скоро тень над нами ляжет.
Пустынен кругозор полей.
«Бог помочь!» – нам никто не скажет.

А помнишь, как пускались мы
Весенним, свежим утром в поле
И думали до сладкой тьмы
С другими рядом петь на воле?

Забудь об утренней росе,
Не думай о ночном покое!
Иди по знойной полосе,
Мой верный вол, – нас только двое!

Нам кем-то высшим подвиг дан,
И спросит властно он отчета.
Трудись, пока не лег туман,
Смотри: лишь начата работа!

А в час, когда нам темнота
Закроет все пределы круга,
Не я, а тот, другой, – мечта, —
Сам отрешит тебя от плуга!

24 августа 1902

Песни

Фабричная

Как пойду я по бульвару,
Погляжу на эту пару.
Подарил он ей цветок —
Темно-синий василек.

Я ль не звал ее в беседку?
Предлагал я ей браслетку.
Она сердца не взяла
И с другим гулять пошла.

Как они друг другу любви!
Он ее целует в губы,
И не стыдно им людей,
И меня не видно ей.

Он улестит, он упросит,
Стыд девичий она бросит!
Их до дома провожу,
Перед дверью посижу.

Будет лампы свет в окошке...

Различу ее сережки...
Вдруг погаснет тихий свет, —
Я вздохну ему в ответ.

Буду ждать я утра в сквере,
Она выйдет из той двери.
На груди ее цветов —
Темно-синий василек.

23 декабря 1900

Фабричная

Есть улица в нашей столице.
Есть домик, и в домике том
Ты пятую ночь в огневице
Лежишь на одре роковом.

И каждую ночь регулярно
Я здесь под окошком стою,
И сердце мое благодарно,
Что видит лампадку твою.

Ах, если б ты чуяла, знала,
Чье сердце стучит у окна!
Ах, если б в бреду угадала,
Чья тень поминутно видна!

Не снятся ль тебе наши встречи
На улице, в жуткий мороз,
Иль наши любовные речи,
И ласки, и ласки до слез?

Твой муж, задремавши па стуле,
Проспит, что ты шепчешь в бреду;
А я до зари караулю
И только при солнце уйду.

Мне вечером дворники скажут,
Что ты поутру отошла,
И молча в окошко укажут
Тебя посредине стола.

Войти я к тебе не посмею,
Но, земный поклон положив,
Пойду из столицы в Расею
Рыдать на раздолии нив.

Я в камнях промучился долго,
И в них загубил я свой век.
Прими меня, матушка-Волга,
Царица великая рек.

28 июня 1901

Детская

Палочка-выручалочка,
Вечерняя игра!
Небо тени свесило,
Расшумимся весело,
Бегать нам пора!

Раз, два, три, четыре, пять,
Бегом тени не догнать.
Слово скажешь, в траву ляжешь.
Черной цепи не развяжешь.
Снизу яма, сверху высь,
Между них вертись, вертись.

Что под нами, под цветами,
За железными столбами?
Кто на троне? кто в короне?
Ветер высью листья гонит
И уронит с высоты...
Я ли первый или ты?

Палочка-выручалочка,
То-то ты хитра!
Небо тени свесило,
Постучи-ка весело
Посреди двора.

Август 1901

Сборщиков

Пожертвуйте, благодетели,
На новый колокол —
Глас господень.
Звон колокольный
С напевом ангельским
Дивно сходен.

Святые отшельники
В виденьях слышали
Лик небесный;
Святые отшельники
Верно запомнили
Нездешние песни.

Наш звон православный
Напевом ангельским
Поет и трубит.
Пожертвуйте, православные,
На новый колокол,
Что милость будет.

Вас бог не забудет.

24 августа 1898

Девичья

То-то жизнь наша прискорбна:
Мы весь день разлучены!
Но зато всю ночь подробно
Про тебя я вижу сны.

Как ты, бедный друг, страдаешь
Под гуденье, за станком,
Как, закрыв лицо, рыдаешь,
Что с весельем незнаком.

Что мне сделать, неудачной?
Чем мне милому помочь?..
Полно мне считаться прачкой!
Я уйду на долгу ночь.

Полюблюсь на тротуаре
Я богатому купцу,
Укачу я с ним на паре,
До утра с ним прокучу.

Будут серьги, будет брошка,
Будут деньги в портмоне.
Я себе возьму немножко, —
За другим приди ко мне.

Подарю тебе часы я
На цепочке золотой...
Может, деньги и чужие,
Да подарок будет мой!

Если с кем я целовалась,
Он уехал в Верею.
Я тебе верна осталась,
Ты, которого люблю.

1901

Веселая

Дай мне, Ваня, четвертак,
Пожертвуй полтинник!
Что ты нынче весел так,
Словно именинник?

Раскошешься до гроша,
Не теряй минуты.
Или я не хороша?
Мои плечи круты!

Надо жить, чтоб пьяной быть
До обеда, в лежку,
Чтоб поутру не тужить

Про нашу дорожку.

Чтобы щеки от тех слез,
Белые, не пухли,
Я румянюсь ярче роз,
Подвигаю букли.

Если ж станет невтерпеж
С мутного похмелья,
Ты опять, опять придешь,
Принесешь веселья.

Буду ждать я час-другой,
Где-то мой сударик?
Помни, помни, друг милой,
Красненький фонарик!

6 сентября 1901

Баллады

Раб

Я – раб, и был рабом покорным
Прекраснейшей из всех цариц.
Пред взором, пламенным и черным,
Я молча повергался ниц.

Я лобызал следы сандалий
На влажном утреннем песке.
Меня мечтанья опьяняли,
Когда царица шла к реке.

И раз – мой взор, сухой и страстный,,
Я удержать в пыли не мог,
И он скользнул к лицу прекрасной
И очи бегло ей обжег...

И вздрогнула она от гнева,
Казнь – оскорбителям святынь!
И вдаль пошла – среди напева
За ней толпившихся рабынь.

И в ту же ночь я был прикован

У ложа царского, как пес.
И весь дрожал я, очарован
Предчувствием безвестных грез.

Она вошла стопой неспешной,
Как только жрицы входят в храм,
Такой прекрасной и безгрешной,
Что было тягостно очам.

И падали ее одежды
До ткани, бывшей на груди...
И в ужасе сомкнул я вежды...
Но голос мне шепнул: гляди!

И юноша скользнул к постели.
Она, покорная, ждала...
Лампад светильни прошипели,
Настала тишина и мгла.

И было все на бред похоже!
Я был свидетель чар ночных,
Всего, что тайно кроет ложе,
Их содроганий, стонов их.

Я утром увидал их – рядом!
Еще дрожащих в смене грез!
И вплоть до дня впивался взглядом, —
Прикован к ложу их, как пес.

Вот сослан я в каменоломню,
Дроблю гранит, стирая кровь.
Но эту ночь я помню! помню!
О, если б пережить все – вновь!

Ноябрь 1900

Пеплум

Знаю сумрачный наход
Страсти, медленно пьянящей:
Словно шум далеких вод,
Водопад, в скалах кипящий.

Я иду, иду одна
Вдоль стены, укрыта тенью;
Знаю: ночь посвящена
Наслажденью и паденью.

Статный юноша пройдет,
Щит о меч случайно брякнет, —
Громче шум бегущих вод,
Водопад мой не иссякнет!

Наконец, без сил, без слов,,
Дрожь в руках и взоры смутны,
Я слышу жданный зов —
Быть подругою минутной.

Я пойду за ним, за ним
В переулок опустелый,
Черный плащ его, как дым,
Пеплум мой, как саван белый.

Я войду к нему, к нему...
О, скорей гасите свечи!
Я хочу вступить во мглу.
Свет померк, померкли речи.

Кто-то... где-то... чьих-то рук
Слышу, знаю впечатленья.
Я хочу жестоких мук,
Ласк и мук без промедленья.

Набегает сумрак вновь,
Сумрак с отсветом багряным,
Это ль пламя? это ль кровь?
Кровь, текущая по ранам?

Ночь – как тысяча веков,
Ночь – как жизнь в полях за Летой.
Гасну в запахе цветов,
Сплю в воде, лучом согретой...

...В прорезь узкого окна
Глянет утро взором белым.
Прочь! оставь! – иду одна

Переулком опустелым.

Сладко нежит тишина,
С тишиной роднится тело,
Стен воскресших белизна
Оттеняет пеплум белый.

15 октября 1900

Помпеянка

«Мне первым мужем был купец богатый,
Вторым поэт, а третьим жалкий мим,
Четвертым консул, ныне евнух пятый,
Но кесарь сам меня сосватал с ним.

Меня любил империи владыка,
Но мне был люб один нубийский раб,
Не жду над гробом: «*casta et pudica*»⁹
Для многих пояс мой был слишком слаб.

Но ты, мой друг, мизиец мой стыдливый!
Навек, навек тебе я предана.
Не верь, дитя, что женщины все лживы:
Меж ними верная нашлась одна!»

⁹ Чистая и целомудренная (*лат.*).

Так говорила, не дыша, бледнея,
Матрона Лидия, как в смутном сне,
Забыв, что вся взволнована Помпея,
Что над Везувием лазурь в огне.

Когда ж без сил любовники застыли
И покорил их необорный сон,
На город пали груды серой пыли,
И город был под пеплом погребен.

Века прошли; и, как из алчной пасти,
Мы вырвали былое из земли.
И двое тел, как знак бессмертной страсти,
Нетленными в объятиях нашли.

Поставьте выше памятник священный,
Живое изваянье вечных тел,
Чтоб память не угасла во вселенной
О страсти, перешедшей за предел!

17 сентября 1901

Путник

По беломраморным ступеням
Царевна сходит в тихий сад —
Понежить грудь огнем осенним,
Сквозной листвой понежить взгляд.

Она аллеей к степи сходит,
С ней эфиопские рабы.
И солнце острый луч наводит
На их лоснящиеся лбы.

Где у границ безводной степи,
Замкнув предел цветов и влаг,
Стоят столбы и дремлют цепи, —
Царевна задержала шаг.

Лепечут пальмы; шум фонтанный
Так радостен издалика,
И ветер, весь благоуханный,
Летит в пустыню с цветника.

Царевна смотрит в детской дрожи,
В ее больших глазах – слеза.
Красивый юноша-прохожий
Простерся там, закрыв глаза.

На нем хитон простой и грубый,
У ног дорожная клюка.
Его запекшиеся губы
Скривила жажда и тоска.

Зовет царевна: «Брат безвестный,
Приди ко мне, сюда, сюда!
Вот здесь плоды в корзине тесной,

Вино и горная вода.

Я уведу тебя к фонтанам,
Рабыни умастят тебя.
В моем покое златотканом
К тебе я припаду, любя».

И путник, взор подняв неспешно,
Глядит, как царь, на дочь царя.
Она – прекрасна и безгрешна,
Она – как юная заря.

Но он в ответ: «Сойди за цепи,
И кубок мне сама подай!»
Закрыв глаза бедняк из степи.
Фонтаны бьют. Лепечет рай.

Бледнеет и дрожит царевна.
Лежат невольники у ног.
Она растерянно и гневно
Бросает кубок на песок.

Идет к дворцу аллеей сада,
С ней эфиопские рабы...
И смех чуть слышен за оградой,
Где степь, и цепи, и столбы.

Решетка

Между нами частая решетка,
В той тюрьме, где мы погребены.
Днем лучи на ней мерцают кротко,
Проходя в окно, вверху стены.

Между нами кованые брусья,
Проволок меж них стальная сеть.
До твоей руки не дотянусь я, —
В очи только можем мы смотреть...

Тщетно ближу губы сладострастно, —
Лишь железо обжигает их...
Смутно вижу, в полутьме неясной,
У решетки – очерк губ твоих.

И весь день, пока на темной стали
Там и сям мелькает луч дневной,
В содроганьях страсти и печали
Упиваюсь я тобой, ты – мной!

Нас разводит сумрак. На соломе
Мы лежим, уйдя в свои углы;
Там томимся в сладострастной дреме,
Друг о друге грезим в тайне мглы.

Но опять у роковой преграды
Мы, едва затеплятся лучи.
И, быть может, нет для нас отрады
Слаще пытки вашей, палачи!

28 сентября 1902

У моря

Когда встречалось в детстве горе
Иль беспричинная печаль, —
Все успокаивало море
И моря ласковая даль.

Нередко на скале прибрежной
Дни проводила я одна,
Внимала волнам и прилежно
Выглядывала тайны дна:

На водоросли любовалась,
Следила ярких рыб стада...
И все прозрачней мне казалась
До бесконечности вода.

И где-то в глубине бездонной
Я различала наконец
Весь сводчатый и столонный
Царя подводного дворец.

В блестящих залах из коралла,
Где жемчугов сверкает ряд,
Я, вся волнуясь, различала
Подводных дев горящий взгляд.

Они ко мне тянули руки,
Шептали что-то, в глубь маня, —
Но замирали эти звуки,
Не достигая до меня.

И знала я, что там, глубоко,
Есть души, родственные мне;
И я была не одинока
Здесь, на палящей вышине!

Когда душе встречалось горе
Иль беспричинная печаль, —
Все успокаивало море
И моря ласковая даль.

3 февраля 1902

Думы

L'ennui de vivre...¹⁰

Я жить устал среди людей и в днях,
Устал от смены дум, желаний, вкусов,
От смены истин, смены рифм в стихах.
Желал бы я не быть «Валерий Брюсов».
Не пред людьми – от них уйти легко, —
Но пред собой, перед своим сознанием, —
Уже в былое цепь уходит далеко,
Которую зовут воспоминанием.
Склонясь, иду вперед, растущий груз влача:
Дней, лет, имен, восторгов и падений.
Со мной мои стихи бегут, крича,
Грозят мне замыслов недовершенных тени,
Слепят глаза сверканья без числа
(Слова из книг, истлевших в сердце-склепе),
И женщин жадные тела
Цепляются за звенья цепи.

О, да! вас, женщины, к себе воззвал я сам
От ложа душного, из келий, с перепутий,
И отдавались мы вдвоем одной минуте,

¹⁰ Скука жизни... (фр.).

И вместе мчало нас течение по камням.
Вы скованы со мной небесным, высшим браком,
Как с морем воды впавших рек,
Своим я вас отметил знаком,
Я отдал душу вам – на миг, и тем навек.
Иные умерли, иные изменили,
Но все со мной, куда бы я ни шел.
И я влеку по дням, клонясь как вол,
Изнемогая от усилий,
Могильного креста тяжелый пьедестал:
Живую груды тел, которые ласкал,
Которые меня ласкали и томили.

И думы... Сколько их, в одеждах золотых,
Заветных дум, лелеянных с любовью,
Принявших плоть и оживленных кровью!..
Я обречен вести всю бесконечность их.
Есть думы тайные – и снова в детской дрожи,
Закрыв лицо, я падаю во прах...
Есть думы светлые, как ангел божий,
Затерянные мной в холодных днях.
Есть думы гордые – мои исканья бога, —
Но оскверненные притворством и игрой,
Есть думы-женщины, глядящие так строго,
Есть думы-карлики с изогнутой спиной...
Куда б я ни бежал истоптанной дорогой,
Они летят, бегут, ползут – за мной!

А книги. ... Чистые источники услады,

В которых отражен родной и близкий лик, —
Учитель, друг, желанный враг, двойник —
Я в вас обрел все сладости и яды!
Вы были голубем в плывущий мой ковчег
И принесли мне весть, как древле Ною,
Что ждет меня земля, под пальмами ночлег,
Что свой алтарь на камнях я построю...
С какою жадностью, как тесно я приник
К стоцветным стеклам, к окнам вещих книг,
И увидал сквозь них просторы и сиянья,
Лучей и форм безвестных сочетанья,
Услышал странные, родные имена:..
И годы я стоял, безумный, у окна!
Любуясь солнцами, моя душа ослепла,
Лучи ее прожгли до глубины, до дна,
И все мои мечты распались горстью пепла.

О, если б все забыть, быть вольным, одиноким,
В торжественной тиши раскинутых полей,
Идти своим путем, бесцельным и широким,
Без будущих и прошлых дней.
Срывать цветы, мгновенные, как маки,
Впивать лучи, как первую любовь,
Упасть, и умереть, и утонуть во мраке,
Без горькой радости воскреснуть вновь и вновь!

НАВЕТ ILLA IN ALVO¹¹

Ее движенья неprovорны,
Она ступает тяжело,
Неся сосуд нерукотворный,
В который небо снизошло.
Святому таинству причастна
И той причастностью горда,
Она по-новому прекрасна,
Вне вожделений, вне стыда.
В ночь наслажденья, в миг объятья,
Когда душа была пьяна,
Свершилась истина зачатья,
О чем не ведала она!
В изнеможеньи и в истоме
Она спала без грез, без сил,
Но, как в эфирном водоеме,
В ней целый мир уже почил.
Ты знал ее меж содроганий
И думал, что она твоя...
И вот она с безвестной грани
Приносит тайну бытия!

Когда мужчина встал от роковой постели,
Он отрывает вдруг себя от чар ночных,

¹¹ Она имеет во чреве (*лат.*)

Дневные яркости на нем отяготели,
И он бежит в огне – лучей дневных.
Как пахарь бросил он зиждительное семя,
Он снова жаждет дня, чтоб снова изнемочь, —
Ее ж из рук своих освобождает Время,
На много месяцев владеет ею Ночь!
Ночь – Тайна – Мрак – Неведомое – Чудо,
Нам непонятное, что приняла она...
Была любовь и миг, иль только трепет блуда, —
И вновь вселенная в душе воплощена!

Ребекка! Лия! мать! с любовью или злобой
Сокрытый плод нося, ты служишь, как раба,
Но труд ответственный дала тебе судьба:
Ты охраняешь мир таинственной утробой.
В ней сберегаешь ты прошедшие века,
Которые преемственностью живы,
Лелеешь юности красивые порывы
И мудрое молчанье старика.
Пространство, время, мысль – вмещаешь дважды ты,
Вмещаешь и даешь им новое течение:
Ты, женщина, ценой деторожденья
Удерживаешь нас у грани темноты!
Неси, о мать, свой плод! внемли глубокой дрожи,
Таи дитя, оберегай, питай
И после, в срочный час, припав на ложе,
Яви земле опять воскресший май!

Свершилось, Сон недавний явен,

Миг вожделенья воплощен:
С тобой твой сын пред богом равен,
Как ты сама – бессмертен он!
Что было свято, что преступно,
Что соблазняло мысль твою,
Ему открыто и доступно,
И он как первенец в раю.
Что пережито – не вернется,
Берем мы миги, их губя!
Ему же солнце улыбнется
Лучом, погасшим для тебя!
И снова будут чисты розы,
И первой первая любовь!
Людьми изведенные грезы
Неведомыми станут вновь.
И кто-то, сладкий яд объятъя
Вдохнув с дыханьем темноты
(Быть может, также в час зачатъя),
В его руках уснет, как ты!

Иди походкой неспешной,
Неси священный свой сосуд,
В преддверьи каждой ночи грешной
Два ангела с мечами ждут.
Спадут, как легкие одежды,
Мгновенья радостей ночных.
Иные, строгие надежды
Откроются за тканью их.
Она покров заветной тайны,

Сокрытой в явности веков,
Но неземной, необычайный,
Огнем пронизанный покров.
Прими его, покрой главу им,
И в сумраке его молись,
И верь под страстным поцелуем,
Что в небе глубь и в бездне высь!

Июль 1902

Искушение

Я иду. Спотыкаясь и падая ниц,
Я иду.
Я не знаю, достигну ль до тайных границ,
Или в знойную пыль упаду,
Иль уйду, соблазненный, как первый в раю,
В говорящий и манящий сад,
Но одно – навсегда, но одно – сознаю;
Не идти мне назад!

Зной горит, и губы сухи.
Дали строят свой мираж,
Манят тени, манят духи,
Шепчут дьяволы: «Ты – наш!»
Были сонмы поколений,
За толпой в веках толпа.
Ты – в неистовстве явлений,

Как в пучине вод щепы.
Краткий срок ты в безднах дышишь,
Отцветает, чуть возник.
Что ты видишь, что ты слышишь,
Изменяет каждый миг.
Не упомнишь слов священных,
Сладких снов не сбережешь!
Нет свершений не мгновенных,
Тает истина, как ложь.
И сквозь пальцы мудрость мира
Протекает, как вода,
И восторг блестящий пира
Исчезает навсегда.
Совершив свой путь тяжелый,
С бою капли тайн собрав,
Ты пред смертью встанешь голый,
О мудрец, как сын забав!
Если ж смерть тебе откроет
Тайны все, что ты забыл,
Так чего ж твой подвиг стоит!
Так зачем ты шел и жил!
Все не нужно, что земное,
Шепчут дьяволы: «Ты – наш!»
Я иду в бездонном зное...
Дали строят свой мираж.

«Ты мне ответишь ли, о Сущий,
Зачем я жажду тех границ?
Быть может, ждет меня грядущий,

И я пред ним склоняюсь ниц?

О сердце! в этих тнях века,
Где истин нет, иному верь!
В себе люби сверхчеловека...
Явись, наш бог и полузверь!

Я здесь свершаю путь бесплодный,
Бессмысленный, бесцельный путь,
Чтоб наконец душой свободной
Ты мог пред Вечностью вздохнуть.

И чуют проблеск этой дрожи,
В себе угадывать твой вздох —
Мне всех иных блаженств дороже...
На краткий миг, как ты, я – бог!»

Гимн

Вновь закат оденет
Небо в багрянец.
Горе, кто обменяет
На венок – венец.

Мраком мир не связан,
После ночи – свет.
Кто миропомазан,
Доли лучшей нет.

Утренние зори —
Блеск небесных крыл.
В этом вечном хоре
Бог вас возвестил.

Времени не будет,
Ночи и зари...
Горе, кто забудет,
Что они – цари!

Все жарче зной. Упав на камне,
Я отдаюсь огню лучей,
Но мука смертная легка мне
Под этот гимн, не знаю чей.
И вот все явственней, телесней
Ко мне, простершемуся ниц,
Клонятся, с умиленной песней,
Из волн воздушных сонмы лиц.
О, сколько близких и желанных,
И ты, забытая, и ты!
В чертах, огнями осиянных,
Как не узнать твои черты!
И молнии горят сапфиром,
Их синий отблеск – вечный свет.
Мой слабый дух пред лучшим миром
Уже слышал свой привет!

Но вдруг подымаюсь я, вольный и дикий,
И тени сливаются, гаснут в огне.

Шатаясь, кричу я, – и хриплые крики
Лишь коршуны слышат в дневной тишине.

«Я жизни твоей не желаю, гробница,
Ты хочешь солгать, гробовая плита!
Так, значит, за гранью – вторая граница,
И смерть, как и жизнь, только тень и черта?»

Так, значит, за смертью такой же бесплодный,
Такой же бесцельный, бессмысленный путь?
И то же мечтанье о воле свободной?
И та ж невозможность во мгле потонуть?

И нет нам исхода! и нет нам предела!
Исчезнуть, не быть, истребиться нельзя!
Для воли, для духа, для мысли, для тела
Единая, та же, все та же стезя!»

Кричу я. И коршуны носятся низко,
Из дали таинственной манит мираж.
Там пальмы, там влага, так ясно, так близко,
И дьяволы шепчут со смехом: «Ты – наш!»

1902

Италия

Страна, измученная страстностью судьбы!

Любовница всех роковых столетий!
Тебя народы чтили, как рабы,
И императоры, как дети.
Ты с трона цезарей судила властно мир
И больший мир из Ватикана.
Былая власть твоя – низверженный кумир,
Но человечество твоим прошедшим пьяно.
Твои художники на зыбкости холста
Запечатлели сны, каких не будет дважды!
Они – к источникам открытые врата
Для всех, томящихся от безысходной жажды!
На все пути души ты простирала жезл,
Как знак владычества, – и люди были рады,
Ниц преклоненные у величавых чресл,
Лобзать края одежд, ловить слова и взгляды.

Италия! священная царица!
Где ныне скипетр твой и лавровый венец?
Разломана твоя золотая колесница,
Раскрыты двери в твой дворец.
Италия! несчастная блудница,
И вот к чему пришла ты, наконец!
В лохмотьях мантии и в платье устарелом,
Улыбкой искривив надменно-строгий рот,
Ты вышла торговать еще прекрасным телом,
И в ложницу твою – открыт за деньги вход.
Мы смеем все вкусить от ласк, святых, бывало!

Мы можем все тебя увидеть в наготу!

Как женщина, ты всем доступной стала,
И стыдно нам тебя узнать в мечте!

Но еще ты прекрасна, Италия!
Под заемной краской румян,
И с наглостью робкой во взоре!
Прекраснее всех неуниженных стран,
К которым покорно ласкается пленное море.
В лагунах еще отражаются
Дворцы вознесенной Венеции —
Единственный город мечты,
И гордые замки вздымаются
В суровой и нежной Флоренции,
Где создан был сон красоты.
И Рим, чародатель единственный,
Ужасный в величье своем,
Лежит не живой, но таинственный,
Волшебным окованный сном.
Нетленные рощи лимонные
Под немислимым небом цветут.
Горы, – в белых цветах новобрачные!
Воды, собой опьяненные,
Озаряя гроты прозрачные,
Говорят и живут!
Ты прекрасна, Италия,
От Альп крепковейных до ясной Капрей
И далее,
До пустынь когда-то богатой Сицилии,
Где сирокко, устав и слабея,

Губит высокие лилии,
Цветы святого Антония, —
Ты прекрасна, Италия,
Как знакомая сердцу гармония!

Я пришел к тебе усталый,
Путь недавний потеряв,
Беспокойный, запоздалый,
Напрямик по влаге трав.
И случайные скитальцы
Мир нашли в твоём дворце...
О, как нежно эти пальцы
На моем легли лице!
Как прижавшееся тело
Ароматно и свежо!
Пусть притворство, что за дело!
Пусть обман, мне хорошо!
В этой нежности мгновенной,
Может, тайно, разлита,
Непритворна и чиста,
Ласка матери вселенной.

Июнь 1902

Венеция

Париж

И я к тебе пришел, о город многоликий,

К просторам площадей, в открытые дворцы;
Я полюбил твой шум, все уличные крики:
Напев газетчиков, бичи и бубенцы;
Я полюбил твой мир, как сон, многообразный
И вечно дышащий, мучительно-живой...
Твоя стихия – жизнь, лишь в ней твои соблазны,
Ты на менядохнул – и я навеки твой.

Порой казался мне ты беспощадно старым,
Но чаще ликовал, как резвое дитя,
В вечерний, тихий час по меркнувшим бульварам
Меж окон блестящих людской поток катя.
Сверкали фонари, окутанные пряжей
Каштанов царственных; бросали свой призыв
Огни ночных реклам; летели экипажи,
И рос, и бурно рос глухой, людской прилив.
И эти тысячи и тысячи прохожих
Я сознавал волной, текущей в новый век.
И жадно я следил течение вольных рек,
Сам – капелька на дне в их каменистых ложах,
А ты стоял во мгле – могучим, как судьба,
Колоссом, давящим бесчисленные рати...
Но не скудел пеан моих безумных братии,
И Города с Людьюми не падала борьба...

Когда же, утомлен виденьями и светом,
Искал приюта я – меня манил собор,
Давно прославленный торжественным поэтом...
Как сладко здесь мечтал мой воспаленный взор,

Как были сладки мне узорчатые стекла,
Розетки в вышине – сплетенья звезд и лиц.
За ними суета неволью гасла, блекла,
Пред вечностью душа распростиралась ниц...
Забыв напев псалмов и тихий стон органа,
Я видел только свет, святой калейдоскоп,
Лишь краски и цвета сияли из тумана...
Была иль будет жизнь? и колыбель? и гроб?
И начинал мираж вращаться вокруг, сменяя
Все краски радуги, все отблески огней.
И краски были мир. В глубоких безднах рая
Не эти ль образы, века, не утомляя,
Ласкают взор ликующих теней?

А там, за Сеной, был еще приют священный.
Кругообразный храм и в бездне саркофаг,
Где, отделен от всех, спит император пленный, —
Суровый наш пророк и роковой наш враг!
Сквозь окна льется свет, то золотой, то синий,
Неяркий, слабый свет, таинственный, как мгла.
Прозрачным знаменем дрожит он над святыней,
Сливаясь с веяньем орлиного крыла!
Чем дольше здесь стоишь, тем все кругом безгласней,
Но в жуткой тишине растет беззвучный гром,
И оживает все, что было детской басней,
И с невозможностью стоишь к лицу лицом!
Он веком властвовал, как парусом матросы,
Он миллионам душ указывал их смерть;
И сжали вдруг его стеной тюрьмы утесы,

Как кровля, налегла расплавленная твердь.
Заснул он во дворце – и взор открыл в темнице,
И умер, не поняв, прошел ли страшный сон...
Иль он не миновал? ты гредишь, что в гробнице?
И вдруг войдешь сюда – с жезлом и в багрянице, —
И пред тобой падем мы ниц, Наполеон!

И эти крайности! – все буйство жизни нашей,
Средневековый мир, величье страшных дней, —
Париж, ты съединил в своей священной чаше,
Готовя страшный яд из песен и идей!
Ты человечества – Мальстрем. Напрасно люди
Мечтают от твоих влияний ускользнуть!
Ты должен все смешать в чудовищном сосуде.
Блестит его резьба, незримо тает муть.

Ты властно всех берешь в зубчатые колеса,
И мелешь души всех, и веешь легкий прах.
А слезы вечности кропят его, как росы...
И ты стоишь, Париж, как мельница, в веках!

В тебе возможности, в тебе есть дух движенья,
Ты вольно окрылен, и вольных крыльев тень
Ложится и теперь на наши поколения,
И стать великим днем здесь может каждый день.
Плотины баррикад вонзал ты смело в стены,
И замыкал поток мятущихся времен,
И раздроблял его в красивых брызгах пены.
Он дальше убежал, разбит, преображен.

Вторгались варвары в твой сжатый круг, крушили
Заветные углы твоих святых дворцов,
Но был не властен меч над тайной вечной были:
Как феникс, ты взлетал из дыма, жив и нов.
Париж не весь в домах, и в том иль в этом лике:
Он часть истории, идея, сказка, бред.
Свое бессмертие ты понял, о великий,
И бреду твоему исчезновенья – нет!

1903

Париж

Мир

Я помню этот мир, утраченный мной с детства,
Как сон непонятый и прерванный, как бред...
Я берегу его – единое наследство
Мной пережитых и забытых лет.
Я помню формы, звуки, запах... О! и запах!
Амбары темные, огромные кули,
Подвалы под полом, в грудях земли,
Со сходами, припрятанными в трапах,
Картинки в рамочках на выцветшей стене,
Старинные скамьи и прочные конторки,
Сквозь пыльное окно какой-то свет незоркий,
Лежащий без теней в ленивой тишине,
И запах надо всем, нежалящие когти
Вонзающий в мечты, в желанья, в речь, во все!

Быть может, выросший в веревках или дегте,
Иль вползший, как змея, в безлюдное жильё,
Но царствующий здесь над всем житейским складом,
Проникший все насквозь, держащий все в себе!
О, позабытый мир! и я дышал тем ядом,
И я причастен был твоей судьбе!

Я помню: за окном, за дверью с хриплым блоком
Был плоский и глухой, всегда нечистый двор.
Стеной и вывеской кончался кругозор
(Порой закат блестел на куполе далеко).
И этот старый двор всегда был пуст и тих,
Как заводь сорная, вся в камышах и тине...
Мелькнет монахиня... Купец в поддевке синей...
Поспешно пробегут два юрких половых...
И снова душный сон всех звуков, красок, линий.
Когда въезжал сюда телег тяжёлый ряд,
С самоуверенным и беспощадным скрипом, —
И дюжим лошадям, и безобразным кипам,
И громким окрикам сам двор казался рад.
Шумели молодцы, стуча вскрывались люки,
Мелькали руки, пахло кумачом...
Но проходил тот час, вновь умирали звуки,
Двор застывал во сне, привычном и немом...
А под вечер опять мелькалиловые,
Лениво унося порожние судки...
Но поздно... Главы гаснут золотые.
Углы – приют теней – темны и глубоки.
Уже давно вся жизнь влачится неисправней,

Мигают лампы, пахнет керосин...
И скоро вынесут на волю, к окнам, ставни,
И пропоет замок, и дом заснет – один.

Я помню этот мир. И сам я в этом мире
Когда-то был как свой, сливался с ним в одно.
Я мальчиком глядел в то пыльное окно,
У сумрачных весов играл в большие гири
И лазил по мешкам в сараях, где темно.
Мечтанья детские в те дни уже светлели;
Мне снились: рощи пальм, безвестный океан,
И тайны полюсов, и бездны подземелий,
И дерзкие пути междупланетных стран.
Но дряхлый, ветхий мир на все мои химеры
Улыбкой отвечал, как ласковый старик.
И тихо надо мной – ребенком – ник,
Громадный, неподвижный, серый.

И что-то было в нем родным и близким мне.
Он глухо мне шептал, и понимал его я...
И смешивалось все, как в смутном сне:
Мечта о неземном и сладкий мир покоя...

.....

Недавно я прошел знакомым переулком
И не узнал заветных мест совсем.
Тот, мне знакомый, мир был тускл и нем —
Теперь сверкало все, гремело в гуле гулком!

Воздвиглись здания из стали и стекла,
Дворцы огромные, где вольно бродят взоры...
Разрыты навсегда таинственные норы,
Бесстрастный свет вошел туда, где жалась мгла.
И лица новые, и говор чужд... Все ново!
Как сказка смелая – воспоминанья лет!
Нет даже и во мне тогдашнего былого,
Напрасно я ищу в душе желанный след...
В душе все новое, как в городе торговли,
И мысли, и мечты, и чаянья, и страх.
Я мальчиком мечтал о будущих годах:
И вот они пришли... Ну что же? Я таков ли,
Каким желал я быть? Добыл ли я венец?
Иль эти здания, все из стекла и стали,
Восставшие в душе как призрачный дворец,
Все утоленные восторги и печали,
Все это новое – напрасно взяло верх
Над миром тем, что мне – столетья завещали,
Который был моим, который я отверг!

1903

Москва

IN HAC LACKIMARUM VALLE¹²

Весь долгий путь свершив, по высям и низинам,

¹² В этой долине слез (лат.)

Твои зубцы я вижу, наконец,
О горный кряж веселости и смеха!
В рассветный час ты вырос исполином,
Как до небес воздвигнутый дворец,
И гулко на привет твое мне вторит эхо.
За мной падений стыд и боль палящих ран,
Теснины скал и быстрины потоков,
За мной покинутый в равнине бранный стан,
За мной пустыня – мир безумцев и пророков.
Кругом меня – немые тополя,
Как женщины, завернутые строго.
Свивается причудливо дорога,
Вся белая, мглу надвое деля.
И лилии, закрыв в сыром тумане
Кадильницы ночных благоуханий,
Сгибают выгибы упругого стебля.
Чу! ближний ключ запел неравномерно...
Долина слез! чье имя как печаль!
Как все в тебе неясно и неверно.
Но для меня уже белеет даль,
Я вышел из страны позора и успеха,
Снимаю я с своей главы венцы.
Уже блестят в огне, уже блестят зубцы,
Твои – о кряж торжественного смеха!

Я взойду при первом дне
Хохотать к зубцам, на выси,
И на смех завторят мне
Неумолчным смехом рыси.

Стану рыскать наугад
Вверх и вниз я лугом, лесом:
Встречный друг и вечный брат
С нимфой, с зверем, с богом, с бесом.

Повлекут меня с собой
К играм рыжие силены;
Мы натешимся с козой,
Где лужайку сжали стены.

Всем настанет череда
Выпить острый сок услады.
Лица скроют от стыда
В чащах белые дриады.

Зазовут меня в свой грот
Скальных недр владыки – гномы.
Буду пить я дикий мед,
Гость желанный и знакомый.

Я сдою им про Грааль,
То-то будет им веселье!
Подарит мне Рюбецаль
На прощанье ожерелье.

Канет в сумрак летний зной,
Лунный глаз проглянет слева, —
Обручальный перстень свой

Мне подаст лесная дева.

Я его, склоняясь, приму,
Уроню свой плащ багровый...
Ночь длинней протянет тьму,
Отлетят ночные совы.

Я к вам вернусь, о люди, – вернусь, преображен,
Вся жизнь бывая будет как некий душный сон.
Я к вам вернусь воскресшим, проснувшимся от сна...
Волна волну стирает, и все ж она – волна.
И я иной, чем прежде, но все же это – я,
И песнь моя другая, но это – песнь моя.
Никто ее не может сложить, как я могу,
А тайну прошлых песен я в сердце берегу.
И все мои напевы еще подвластны мне:
И те, что пел я в детстве, и те, что пел во сне.
Дано мне петь, что любо, что нравится мечтам,
А вам – молчать и слушать, вникать в напевы вам!
И что бы ни задумал я спеть – запрета нет,
И будет все достойно, затем, что я – поэт!
И в жизнь пришел поэтом, я избран был судьбой,
И даже против воли останусь сам собой.
Я понял неизбежность случайных дум своих,
И сам я чту покорно свой непокорный стих.
В моем самохваленьи служенье богу есть, —
Не знаю сам, какая, и все ж я миру весть!

6/19 июня 1902

Венеция

Элегии

Женщинам

Вот они, скорбные, гордые тени
Женщин, обманутых мной.
Прямо в лицо им смотрю без сомнений,
Прямо в лицо этих бледных видений,
Созданных чарой ночной.

О, эти руки, и груди, и губы,
Выгибы алчущих тел!
Вас обретал я, и вами владел!
Все ваши тайны – то нежный, то грубый,
Властный, покорный – узнать я умел.

Да, я вас бросил, как остов добычи,
Бросил на знойном пути.
Что ж! в этом мире вещей и обличий
Все мне сказалось в единственном кличе:
«Ты должен идти!»

Вас я любил так, как любят, и каждой
Душу свою отдавал до конца,
Но – мне не страшно немого лица!

Не одинаковой жаждой
Наши горели сердца.

Вы, опаленные яростной страстью,
В ужасе падали ниц.
Я, прикоснувшись к последнему счастью,
Не опуская ресниц,
Шел, увлекаем таинственной властью,
К ужасу новых границ.

Вас я любил так, как любят, и знаю —
С каждой я был бы в раю!
Но не хочу я довериться раю.
Душу мою из блаженств вырываю,
Вольную душу мою!

Дальше, все дальше! от счастья до муки,
В ужасы – в бездну – во тьму!
Тщетно ко мне простираете руки
Вы, присужденные к вечной разлуке:
Жить мне и быть – одному.

1902

Свидание

В одном из тех домов, придуманных развратом,
Где всем предложена наемная кровать,

На ложе общих ласк, еще недавно смятом,
И мы нашли приют – свою любовь скрывать.

Был яркий летний день, но сдвинутые шторы
Отрезывали нас от четкого луча;
Во мгле искусственной ловил я только взоры
Да тени смутные прически и плеча.

Вся жизнь была в руках; я слышал все биенья,
Всю груди теплоту, все линии бедра;
Ты прилегла ко мне, уже в изнеможеньи,
И ты на миг была – как нежная сестра.

Но издали, крутясь, летела буря страсти...
Как изменились вдруг внизу твои глаза!
И ложе стало челн. У буйных волн во власти,
Промчался он, и вихрь – сорвал все паруса!

И мне пригрезилось: сбылась судьба земного.
Нет человечества! Ладью влечет хаос!
И я, встречая смерть, искал поспешно слова,
Чтоб трепет выразить последних в мире грез.

Но вместо слов был бред, и, неотступно жаля,
Впивался и томил из глубины твой взгляд.
Твой голос слышал я: «Люблю! твоя! мой Валя!»
Ладья летит быстрее... и рухнул водопад.

И мы на берегу очнулись в брызгах пены.

Неспешно, как из форм иного бытия,
Являлся внешний шум и выступали стены,
Сливалось медленно с действительностью «я».

Когда ж застенчиво, лицо в густой вуали,
На лицу за мной ты вышла из ворот,
Еще был яркий день, пролетки дребезжали,
И люди мимо шли – вперед, вперед...

1 июня 1901

В Дамаск

Губы мои приближаются
К твоим губам,
Таинства снова свершаются,
И мир как храм.

Мы, как священнослужители,
Творим обряд.
Строго в великой обители
Слова звучат.

Ангелы, ниц преклоненные,
Поют тропарь.
Звезды – лампы зажженные,
И ночь – алтарь.

Что нас влечет с неизбежностью,
Как сталь магнит?
Дышим мы страстью и нежностью,
Но взор закрыт.

Водоворотом мы схвачены
Последних ласк.
Вот он, от века назначенный,
Наш путь в Дамаск!

1903

Гиацинт

С. Л. Полякову

Словно кровь у свежей раны,
Красный камень гиацинт
Увлекает грезу в страны,
Где царит широкий Инд;

Где в засохших джунглях внемлют
Тигры поступи людей
И на мертвых ветках дремлют
Пасти жадных орхидей;

Где, окованная взглядом,
Птица стынет пред змеей

И, полны губящим ядом,
Корни пухнут под землей.

Сладко грезить об отчизне
Всех таинственных отрав!
Там найду я радость жизни —
Воплотивший смерть состав!

В лезвее багдадской стали
Каплю смерти я волюю,
И навек в моем кинжале
Месть и волю затаю.

И когда любовь обманет,
И ласкавшая меня
Расточать другому станет
Речи нег на склоне дня, —

Я приду к ней с верным ядом,
Я ее меж ласк и чар,
Словно змей, затешу взглядом,
Разочту, как тигр, удар.

И, глядя на кровь у раны
(Словно камень гиацинт!),
Повлекусь я грезой в страны,
Где царит широкий Инд.

20 декабря 1900

Подражание Гейне

Мне снилось, я в городе дальнем,
Где ты истомилась одна.
Твой мальчик прохожего встретил,
Сказал мне, что мама больна.

К тебе я вошел, как безумный,
Шепнула ты мне: наконец!
И слышалось четко биенье
Двух слишком счастливых сердец.

Я сел на скамью у кровати,
И сердце мне сжала тоска:
Бледны исхудалые щеки,
Бледна и прозрачна рука.

Твой муж, и сестра, и сиделка —
Все вдруг отошли к стороне,
И я целовал твои руки,
И ты улыбалась мне.

И ты мне сказала: «Мой милый,
Мы точно голубки в грозе», —
К тебе я прижался, рыдая,
И плакали, плакали все.

В слезах я проснулся безумный,
Кругом темнота, тишина,
И город далек, где томишься
Ты в тяжком недуге одна.

1 июля 1901

Прощальный взгляд

Я сквозь незапертые двери
Вошел в давно знакомый дом,
Как в замок сказочных поверий,
Постигнутый волшебным сном.

Сквозь спущенные занавески
Чуть проникали тени дня,
И люстры тонкие подвески
Сверкали бледно, не звеня.

И так шаги казались странны,
Почти заглушены в коврах.
Картины, темны и туманны,
Терялись смутно на стенах.

Я встретил взгляд без выраженья
Остановившихся часов.
Полузасохшие растенья
Стояли стражей мертвецов.

Я заглянул... Она смотрела,
Как тихо догорал камин.
Зола каких-то писем тлела,
Но в воздухе дышал жасмин.

На платье белое – все реже
Бросали угли отсвет свой.
Она вдыхала запах свежий,
Клонясь все ниже головой.

И, не веселый, не печальный,
Я скрылся, как вошел, без слов,
Приняв в гостиной взгляд прощальный
Остановившихся часов.

25 декабря 1901

К близкой

Предстанет миг, и дух мой канет
В неизмеримость без времен,
И что-то новое настанет,
И будет прах земли как сон.

Настанет мир иных скитаний,
Иных падений и высот,
И, проходя за гранью грани,

Мой дух былое отряхнет.

Воспоминанья все утратит,
В огне небес перегорит
И за познание тайн заплатит
Забвеньем счастья и обид.

И вот, как облако влекомый,
Молчанье строгое храня,
Я вдруг завижу лик знакомый,
И трепет обожжет меня.

В моей душе преображенной,
От всех условий бытия,
Как мысль от тени, отрешенной,
Восстанет вся любовь моя,

Весь круг бессилия и счастья,
Все дни, что вечностью прошли,
Весь вещей ужас сладострастья,
Вся ложь, вся радуга земли!

И словно вновь под сводом звездным,
С своей бездонной высоты,
Твое я имя кину к безднам,
И мне на зов ответишь – ты!

Пытка

Эта боль не раз мной испытана,
На кресте я был распят не раз,
Снова кровью одежда пропитана
И во взорах свет солнца погас.

Члены пыткой злой обессилены,
Я во прахе кровавом – как труп.
Выжидают мгновения филины,
Опустившись на ближний уступ.

Но, чем мука полней и суровее,
Тем восторженной песни хочу,
И кричу, и пою славословия,
Вечный гимн моему палачу.

О, приди, без улыбки, без жалости,
Снова к древу меня пригвождать,
Чтоб я мог в ненасытной усталости
Снова руки твои целовать.

Чтоб, в борьбе с сладострастной безмерностью
Нарастающих яростных мук,
Я утешен был девственной верностью
Этих строго безжалостных рук.

Декабрь 1901

Эпизод

1

Не правда ли: мы в сказке,
Мы в книжке для детей?
Твои так нежны глазки,
И поступь – как у фей!

Я – принц, а ты – царевна,
Отец твой – злой король...
Но не гляди так гневно,
Побыть с тобой позволь.

Я в шапке-невидимке,
Для всех – ты здесь одна!
И вот в вечерней дымке
Померкла даль окна.

Прислужницы уводят
Тебя под полог твой...
Ночные тени бродят,
И я во мгле с тобой!

Уста твои безмолвны,

Смежен покорный взор.
Бросаю в воздух – в волны
Наш самолет-ковер.

Влекут нас в царство ласки
Семь белых лебедей...
Не правда ли: мы в сказке,
Мы в книжке для детей?

2

Зачем твое имя Мария,
Любимое имя мое?
Любовь – огневая стихия,
Но ты увлекаешь в нее.

Зачем с утомляющей дрожью
Сжимаю я руку твою
И страсть, как посланницу божью,
В горячей мечте узнаю?

Ты шепчешь, лицо уклоняя:
«Зачем я слаба? – ты сильней»,
И вьется дорога ночная
По царству теней и огней.

Когда твой поезд, с ровным шумом,
Мелькнул и стал вонзаться в даль,
А я стоял, доверясь думам,
Меня так нежила печаль.

Там, на платформе опустелой,
В июльском пламенном огне,
Все то, что с детством охладело,
Я находил живым во мне.

И после всех моих падений
Мне так легко давались вновь
И детский трепет разлучений,
И детски нежная любовь.

Июль 1901

Таинства ночей

Хранятся в памяти, как в темной книге,
Свершившиеся таинства ночей,
Те, жизни чуждые, святые миги,
Когда я был и отдан, и ничей.

Я помню запах тьмы и запах тела,
Дрожащих членов выгибы и зной,
Мир, дышащий желаньем до предела,
Бесформенный, безобразный, иной.

Исторгнутые мукой сладострастья,
Безумны были речи, – но тогда
Казалось мне, что властен их заклясть я
Заклятием забвенья – навсегда!

Что этот бред, мучительным отливом
Вскрывающий души нагое дно,
Навек умрет с растаявшим порывом,
Что в миге будет все погребено!

Нет! Эта мгла и криков и видений
В другой мечте, как и в моей, жива!
О вы, участницы ночных радений,
Вы слышали запретные слова!

Я был не одинок во храме страсти,
Дал подсмотреть свой потаенный сон,
И этот храм позором соучастия
В святых воспоминаньях осквернен!

Одиночество

Проходят дни, проходят сроки,
Свободы тщетно жаждем мы.
Мы беспощадно одиноки
На дне своей души-тюрьмы!

Присуждены мы к вечной келье,
И в наше тусклое окно
Чужое горе и веселье
Так дьявольски искажено.

Напрасно жизнь проходит рядом
За днями день, за годом год.
Мы лжем любовью, словом, взглядом, —
Вся сущность человека лжет!

Нет сил сказать, нет сил услышать,
Невластно ухо, мертв язык.
Лишь время знает, чем утишить
Безумно вопиющий крик.

Срывай последние одежды
И грудью всей на грудь прильни, —
Порыв бессилен! нет надежды!
И в самой страсти мы одни!

Нет единенья, нет слиянья, —
Есть только смутная алчба,
Да согласованность желанья,
Да равнодушие раба.

Напрасно дух о свод железный
Стучится крыльями, скользя.
Он вечно здесь, над той же бездной:
Упасть в соседнюю – нельзя!

И путник, посредине луга,
Кругом бросает тщетный взор:
Мы вечно, вечно в центре круга,
И вечно замкнут кругозор!

1903

Сонеты и терцины

Отвержение

Мой рок, благодарю, о верный, мудрый змий!
Яд отвержения – напиток венценосный!
Ты запретил мне мир изведанный и косный,
Слова и числа дав – просторы двух стихий!

Мне чужды с ранних дней – блистающие весны
И речи о «любви», заветный хлам витий;
Люблю я кактусы, пасть орхидей да сосны,
А из людей лишь тех, кто презрел «не убий».

Вот почему мне так мучительно знакома
С мишурной кисеей продажная кровать.
Я в зале меж блудниц, с ватагой пьяниц дома.

Одни пришли сюда грешить и убивать,
Другие, перейдя за глубину паденья,
Вне человечества, как странные растенья.

18 июня 1901

Втируша

Ты вновь пришла, вновь посмотрела в душу,
Смеешься над бессильным крикнуть: «Прочь!»
Тот вечно раб, кто принял раз втирушу...
Покорствуй дух, когда нельзя помочь.

Я – труп пловца, заброшенный на сушу,
Ты – зыбких волн неистовая дочь.
Бери меня. Я клятвы не нарушу.
В твоих руках я буду мертв всю ночь.

До утра буду я твоей добычей,
Орудием твоих ночных утех.
И будет вокруг меня звенеть твой смех.

Исчезнешь ты под первый щебет птичий,
Но я останусь нем и недвижим
И странно чуждый женщинам земным.

1903

Сонет

О ловкий драматург, судьба, кричу я «браво»

Той сцене выигрышной, где насмерть сам сражен,
Как все подстроено правдиво и лукаво.
Конец негаданный, а неизбежен он.

Сознайтесь, роль свою и я провел со славой,
Не закричат ли «бис» и мне со всех сторон,
Но я, закрыв глаза, лежу во мгле кровавой,
Я не отвечу им, я насмерть поражен.

Люблю я красоту неожиданных поражений,
Свое падение я славлю и пою,
Не все ли нам равно, ты или я на сцене.

«Вся жизнь игра». Я мудр и это признаю,
Одно желание во мне, в пыли простертом,
Узнать, как пятый акт развяжется с четвертым.

4 июля 1901

Хмель исступленья

В моей душе сегодня, как в пустыне,
Самумы дикие крутятся, и песок,
Столбами встав, скрывает купол синий.

Сознание – разломанный челнок
В качаньи вод, в просторе океана;
Я пал на дно, а берег мой далек!

Мои мечты неверны, как тумана
Колблемые формы над рекой,
Когда все поле лунным светом пьяно.

Мои слова грохочут, как прибой,
Когда, взлетев, роняет он каменья,
И, в споре волн, одна слита с другой.

Я наслаждаюсь хмелем иступленья,
Пьянящим сердце слаще острых вин.
Я – в буре, в хаосе, в дыму горенья!

А! Быть как божество! хоть миг один!

1 июня 1901

Лесная дева

Л. Н. Вилькиной

На перекрестке, где сплелись дороги,
Я встретил женщину: в сверканьи глаз
Ее – был смех, но губы были строги.

Горящий, яркий вечер быстро гас,
Лазурь увлаживалась тихим светом,
Неслышно близился заветный час.

Мне сделав знак с насмешкой иль приветом,
Безвестная сказала мне: «Ты мой!»,
Но взор ее так ласков был при этом,

Что я за ней пошел тропой лесной,
Покорный странному ее влиянию.
На ветви гуще падал мрак ночной...

Все было смутно шаткому сознанию,
Стволы и шелест, тени и она,
Вся белая, подобная сиянию.

Манила мгла в себя, как глубина;
Казалось мне, я падал с каждым шагом,
И, забываясь, жадно жаждал дна.

Тропа свивалась долго над оврагом,
Где слышался то робкий смех, то вздох,
Потом скользнула вниз, и вдруг зигзагом,

Руслом ручья, который пересох,
Нас вывела на свет, к поляне малой,
Где черной зеленью стелился мох.

И женщина, смеясь, недвижно стала,
Среди высоких илистых камней,
И, молча, подойти мне указала.

Приблизился я, как лунатик, к ней,
И руки протянул, и обнял тело,
Во храме ночи, во дворце теней.

Она в глаза мне миг один глядела
И, – прошептав холодные слова:
«Отдай мне душу», – скрылась тенью белой.

Вдруг стала ночь таинственно мертва.
Я был один на блещущей поляне,
Где мох чернел и зыблилась трава...

И до утра я проблуждал в тумане,
По жуткой чаще, по чужим тропам,
Дыша, в бреду, огнем воспоминаний.

И на рассвете – как, не знаю сам, —
Пришел я вновь к покинутой дороге,
Усталый, на землю упал я там.

И вот я жду в томленьи и в тревоге
(А солнце жжет с лазури огневой),
Сойдет ли ночь, мелькнет ли облик строгий.

Приди! Зови! Бери меня! Я – твой!

26 ноября 1902

Петербург

Mon r te familial¹³

*Люблю мечты моей созданье,
Лермонтов*

Вновь одинок, как десять лет назад,
Брожу в саду; ведут аллеи те же,
С цветущих лип знакомый аромат.

Чу! лай собак. Повеял ветер свежий,
И с тихим вечером приходит бред,
Что нежит сердце год за годом реже.

Мне нынче снова – девятнадцать лет!
Ты вновь со мной, «мечты моей созданье»!
Дай плакать мне – я снова твой поэт!

Как сладостно твоих шагов шуршанье;
Ты дышишь рядом; подыми я взор,
Твоих очей ответит мне сверканье.

Не изменилась ты, – о, нет, – с тех пор,
Как мальчику явилась ты впервые
И был свершен наш брачный договор!

Ты мне дала узнать, что страсть – стихия,

¹³ Моя привычная мечта (*фр.*).

Ввела во храмы воплощенных грез,
Открыла мне просторы неземные,

Следила ты, как друг, пока я рос,
На первые свиданья приходила,
Была меж нами третья в мире роз.

Я изменил – но ты не изменила,
Лишь отошла, поникнув головой,
Когда меня смутила злая сила.

О, как я мог пожертвовать тобой!
Для женщины из плоти и из крови
Как позабыл небесный образ твой!

Но лишь с тобой мне счастье было внове.
В часы луны, у перепевных струй,
На ложе – у палящих изголовий,

Прильнув к груди, впивая поцелуй,
Невольно я тебя искал очами,
Тебя я жаждал!.. Верь и не ревнуй.

По-прежнему твой лик витал над снами!
Кого б я ни ласкал, дрожа, любя,
Я счастлив был лишь тайными мечтами, —

Во всех, во всех лаская лишь тебя!

22 мая 1903
Старое Село

Sancta Agatha¹⁴

На горы тихие ложилась мгла,
А деревца по склонам были нежны,
Из церкви, торопясь, домой я шла.

Со мной был крест, хранитель мой надежный,
Белели чаши лилий по пути,
Благоухал в цвету рассадник смежный.

И там, где надлежало мне пройти,
Где тесно путь сжимали две ограды,
Предстал мне юноша лет двадцати.

И, встретясь, наши опустились взгляды!
Прекрасный, он, как праотец, был наг.
Нам стало страшно, и мы были рады.

Без воли я замедлила мой шаг
И стала, прислонясь, под веткой сливы,
А он ко мне, как брат иль тайный враг:

«Агата, молвил, мы с тобой счастливы!

¹⁴ Святая Агата (*лат.*).

Я – мученик святой, я – Себастьян.
Умрем мы в муках, но в Отце мы живы!»

Взглянув, увидела я кровь из ран
И жадно впившиеся в тело стрелы,
Но был он светом белым осиян.

И тот же свет, торжественный и белый,
Вдруг от меня разлил свои лучи.
Вокруг народ столпился, город целый.

Сорвав с меня одежду, палачи
Мне груди вырвали, глумясь, щипцами
И занесли над головой мечи.

Мой спутник поддержал меня руками
(Я падала от боли и стыда),
Спускались с неба два венца над нами.

«Сестра, – спросил меня он, – ты тверда?»
И подал мне отрубленные груди.
Я как невеста отвечала: «Да!»

И к небу протянула их на блюде,
Не зная, где страданье, где любовь...
Но тут иные замелькали люди.

Исчезло все – и Себастьян, и кровь,
Означилась моя дорога к дому,

И, торопясь, пошла я дальше вновь,
Отныне обрученная святому!

Июнь 1902

Флоренция

Терцины к спискам книг

И вас я помню, перечни и списки,
Вас вижу пред собой за ликом лик.
Вы мне, в степи безлюдной, снова близки.

Я ваши таинства давно постиг!
При лампе, наклонясь над каталогом,
Вникать в названья неизвестных книг;

Следить за именами; слог за слогом
Впивать слова чужого языка;
Угадывать великое в немногом;

Воссоздавать поэтов и века
По кратким, повторительным пометам:
«Без титула», «в сафьяне» и «редка».

И ныне вы предстали мне скелетом
Всего, что было жизнью сто веков,
Кивает он с насмешливым приветом,

Мне говорит: «Я не совсем готов,
Еще мне нужны кости и суставы,
Я жажду книг, чтоб сделать груду слов.

Мечтайте, думайте, ищите славы!
Мне все равно, безумец или пророк,
Созданье для ума и для забавы.

Я всем даю определенный срок.
Твори и ты, а из твоих мечтаний
Я сохраню навек семь-восемь строк.

Всесильнее моих упоминаний
Нет ничего. Бессмертие во мне.
Венчаю я – мир творчества и знаний».

Так остов говорит мне в тишине,
И я, с покорностью целую землю,
При быстро умирающей луне,

Исчезновение! твой зов приемлю.

10 апреля 1901

Картины

Люблю одно

Люблю одно: бродить без цели
По шумным улицам, один;
Люблю часы святых безделий,
Часы раздумий и картин.

Я с изумленьем, вечно новым,
Весной встречаю синеву,
И в вечер пьян огнем багровым,
И ночью сумраком живу.

Смотрю в лицо идущих мимо,
В их тайны властно увлечен,
То полон грустью нелюдимой,
То богомолен, то влюблен.

Под вольный грохот экипажей
Мечтать и думать я привык,
В теснине стен я весь на страже;
Да уловлю господень лик!

12 октября 1900

Раньше утра

Я знаю этот свет, неумолимо четкий,
И слишком резкий стук пролетки в тишине,
Пред окнами контор железные решетки,
Пустынность улицы, не дышащей во сне.

Ночь канула в года, свободно и безумно.
Еще горят огни всех вдохновенных сил;
Но свежий утренник мне веет в грудь бесшумно,
Недвижные дома – как тысячи могил.

Там люди-трупы спят, вдвоем и одиноко,
То навзничь, рот открыв, то ниц – на животе
Но небо надо мной глубоко и высоко,
И даль торжественна в открытой наготе!

Два равных мира есть, две равные стихии:
Мир дня и ночи мир, безумства и ума,
Но тяжки грани их – часы полуночные,
Когда не властен свет и расточилась тьма.

С последним чаяньем, свою мечту ночную
Душа стремится влить в пустые формы дня,
Но тщетно я борюсь, и тщетно я колдую:
Ты, день, могучий враг, вновь покоришь меня!

1902

Каменщик

– Каменщик, каменщик в фартуке белом,
Что ты там строишь? кому?

– Эй, не мешай нам, мы заняты делом,
Строим мы, строим тюрьму.

– Каменщик, каменщик с верной лопатой,
Кто же в ней будет рыдать?

– Верно, не ты и не твой брат, богатый.
Незачем вам воровать.

– Каменщик, каменщик, долгие ночи
Кто ж проведет в ней без сна?

– Может быть, сын мой, такой же рабочий.
Тем наша доля полна.

– Каменщик, каменщик, вспомнит, пожалуй,
Тех он, кто нес кирпичи!

– Эй, берегись! под лесами не балуй...
Знаем всё сами, молчи!

16 июля 1901

Мальчик

В бочке обмерзлой вода колыхается,
Жалко дрожит деревянный черпак;
Мальчик-вожатый из сил выбивается,
Бочку на горку не втащит никак.

Зимняя улица шумно взволнована,
Сани летят, пешеходы идут,
Только обмерзлая бочка прикована:
Выем случайный и скользок и крут.

Ангел сверкает блестящим воскрылием,
Ангел в лучистом венце над челом,
Взял за веревку и легким усилием
Бочку вкатил на тяжелый подъем.

Крестится мальчик, глядит неуверенно,
Вот покатил свои санки вперед.
Город шумит неизменно, размеренно,
Сани летят и проходит народ.

Ноябрь 1901

Царица

С конки сошла она шагом богини
(Лилия белая, взросшая в тине!).
Долго смотрел я на правильность линий
Молодого лица.
Сумрак холодный лежал без конца,
Небеса были звездны и сини.

Она подняла накидку на плечи.
Я оскорбить не осмелился встречи.
Были не нужны и тягостны речи
Здесь на земле!
Контур ее затерялся во мгле.
Горели кругом погребальные свечи.

Да! я провидел тебя в багрянице,
В золотой диадеме... Надменной царицей
Ты справляла триумф в покоренной столице.
Чу! крики бесчисленных уст!
Нет, тротуар озаренный безмолвен и пуст,
Лишь фонари убегают вперед вереницей.

5 мая 1901

Прохожей

Она прошла и опьянила
Томящим сумраком духов
И быстрым взором оттенила
Возможность невозможных снов.

Сквозь уличный железный грохот
И пьян от синего огня,
Я вдруг слышал жадный хохот,
И змеи оплели меня.

В моих глазах еще синела
Небес вечерних полумгла,
Но теплота чужого тела
Меня объяла и прожгла.

И в ужасе борьбы упорной,
Меж клятв, молений и угроз,
Я был опутан влагой черной
Ее распущенных волос.

4 октября 1900

Голос часов

С высокой башни колокольной
Призывный заменяя звон,
Часы поют над жизнью дольной,
Следя движение времен.

Но днем в бреду многоголосном
Не слышен звонкий их напев,
Над гулким грохотом колесным,
Над криком рынка, смехом дев.

Когда ж устанет день, и ляжет
Ночная тень во всех углах,
И шуму замолчать прикажет,
И переменит жизнь в огнях,

Мы все, покорствуя невольно,
В просторном царстве вещей снов,
С высокой башни колокольной
Внимаем голосу часов.

Густеют и редуют тени.
А торжествующая медь
Зовет и нас в чреде мгновений
Мелькнуть, побыть и умереть.

28 июня 1902

На скачках

Люблю согласное стремленье
К столбу летящих лошадей,
Их равномерное храпенье
И трепет вытянутых шей.

Когда вначале свежи силы,
Под шум о землю бьющих ног,
Люблю задержанной кобылы
Уверенный упругий скок.

Люблю я пестрые камзолы,
В случайный сбитые букет,
И финиш, ярый и тяжелый,
Где миг колеблет «да» и «нет».

Когда счастливец на прямую
Выходит, всех опередив,
Я с ним победу торжествую,
Его понятен мне порыв!

Быть первым, вольно одиноким!
И видеть, что близка мета,
И слышать отзвуком далеким
Удары ног и щелк хлыста!

23 сентября 1902

Чудовища

Зловещее и смутное есть что-то...
К. Фофанов

Во всех углах жилья, в проходах, за дверьми
Стоят чудовища, незримые людьми:
Болезни, ужасы и думы тех, кто прежде
Жил в этих комнатах и верил здесь надежде.
И все мы, с первых дней вступая в старый дом,
Под их влиянием таинственным живем.
Их образ – как у птиц. Как глупые пингвины,
Они стоят во мгле, к стене притиснув спины
И чинно крылышки прижав к своим бокам;
Как грифы серые, нахоясь, по углам,
За печкой, за бюро сидят неясной грудой;
Как совы, на шкапах таятся, и оттуда
Глядят незрячими глазами целый день.
При свете дня их нет, они – пустая тень,
И только вечером, когда уносят свечи
И где-то вдалеке шумят за чаем речи, —
В потемках, в комнатах, безмолвных с давних пор,
Они выходят все из мрака и из нор,
Гуляют и шумят за мигом миг смелее,
Почти что на виду вытягивают шеи,

Пугают мальчика, боящегося мглы,
И, лишь внесут огонь, скрываются в углы.
А после, полночью, в квартире, тупо спящей,
Блуждают, властные, какой-то ратью мстящей,
Мечтами давних лет холодный сон томят
И в губы спящего вдыхают мертвый яд.

1903

Зимние дымы

Хорошо нам, вольным дымам,
Подыматься, расстилаться,
Кочевать путем незримым,
В редком воздухе теряться,

Проходя по длинным трубам,
Возноситься выше, выше
И клубиться белым клубом,
Наклоняясь к белым крышам.

Дети пламени и праха,
Мы как пламя многолики,
Мы встречаем смерть без страха,
В вольной области – владыки!

Над толпой немых строений,
Миром камней онемелых,

Мы – семья прозрачных теней —
Дышим в девственных пределах.

Воздух медленный и жгучий —
Как опора наших крылий,
Сладко реять дружной тучей
Без желаний, без усилий.

Даль морозная в тумане,
Бледен месяц в глуби синей,
В смене легких очертаний
Мы кочуем по пустыне.

16 декабря 1900

Оклички демонов

Свистки паровозов в предутренней мгле,
Дым над безжизненным прудом.
Город все ближе: обдуманым чудом
Здания встали в строй по земле.
Привет – размеренным грудам!

Проволок нити нежней и нежней
На небе, светлеющем нежно.
Вот обняли две вереницы огней,
Мой шаг по плитам слышней.
Проститутка меня позвала безнадежно.

Белая мгла в предрассветный час!
(Она словно льется во взгляды.)
Безумные грезы усталых глаз!
Призраки утра! мы не страшны для вас,
Вы пустынному часу так рады.

Всходят, идут и плывут существа,
Застилают заборы,
Глядят из подвалов, покинувши норы,
Жадно смотрят за шторы,
И сквозь белое тело видна синева.

Вот малютки – два призрака – в ярком венке
Забавляются пылью,
Вот длинная серая шаль на больном старике,
Вот женщина села на камень в тоске,
Вот девушку к небу влекут ее крылья.

Ходят, стоят, преклоняются ниц
(Словно обычные люди!),
Реют рядами чудовищных птиц,
Лепечут приветы и шепчут угрозы, —
Пред утром бродячие грезы!
О дым на безжизненном пруде!
О демонов оклики! ваши свистки, паровозы!

Ночь

Горящее лицо земля
В прохладной тени окунула.
Пустеют знойные поля,
В столицах молкнет песня гула.

Идет и торжествует мгла,
На лампы дует, гасит свечи,
В постели к любящим легла
И властно их смежила речи.

По пробуждается разврат.
В его блестящие приюты
Сквозь тьму, по улицам, спешат
Скитальцы покупать минуты.

Стрелой вонзаясь в города,
Свистя в полях, гремя над бездной,
Летят немолчно поезда
Вперед по полосе железной.

Глядят насытые ряды
Фабричных окон в темный холод,
Не тихнет резкий стон руды,
Ему в ответ хохочет молот.

И, спину яростно клоня,
Скрывают бешенство проклятий
Среди железа и огня
Давно испытанные рати.

Сентябрь 1902

Зимняя красота

Твердят серебряные сени
О счастье жизни для мечты,
О сладком бытии растений
В убранстве зимней красоты.

Но я не внемлю, не приемлю
Их мерный шепот, белый зов.
Люблю воскреснувшую землю
И кровь растоптанных цветов!

Нет, нет, не надо мертвой неги
В лучах прельстительной луны!
Вставайте, мощные побеги,
На пире огненной весны!

Я буду сам как стебель явлен,
Омою в зное венчик свой
И лягу, сломан и раздавлен,
До первой вьюги снеговой!

23 ноября 1902

Прелести земли

Все реже я и все бесстрастней
Смотрю на прелести земли,
Как в детстве нежившие басни,
Красоты мира отошли.

Мне тяжела дневная зелень
И слишком сини небеса,
Для слуха каждый звук разделен,
Когда взволнуются леса.

Люблю я сумрачные краски,
Громады стен в лучах луны,
Меня приветствует по-братски
Мир дорассветной тишины.

Дрожа, белеет сумрак чуткий,
Гремящий город мертв на час,
Спят мудрецы, спят проститутки,
И в два ряда мне светит газ.

Август 1901

Антология

Яростные птицы

Яростные птицы с огненными перьями
Пронеслись над белыми райскими преддверьями,
Огненные отблески вспыхнули на мраморе,
И умчались странницы, улетели за море.

Но на чистом мраморе, на пороге девственном,
Что-то все алелося блеском неестественным,
И в вратах под сводами, вечными, алмазными,
Упивались ангелы тайными соблазнами.

Январь 1901

Сладострастие

Ф. Сологубу

В ярком венке из пурпурного мака,
Смутно ресницы к земле опустив,
Женщина вышла из тусклого мрака...
Облик лица ее грубо красив.

Серьги по золоту блещут рубином,
Шею оплел ей кровавый коралл,
Веет от губ ее чем-то звериным,
Тишью пещер и пустынностью скал.

Черные волосы, с сумраком слиты,
Пали на белую матовость плеч;
Выпуклы, подняты, вечно не сыты,
Грудь дрожат от желания встреч.

Руки протянуты (так, беспокоясь,
Ищет слепая далекой стены),
Бедра опутал ей тигровый пояс...
Тише! приветствуй восторг тишины!

Чу! загремели чуть слышно запястья,
Губы скривились в мучительный знак.
Снова, о снова, истомы и счастья!
Пусть осыпается пурпурный мак.

Март 1901

В раю

An Maximilian Schick¹⁵

¹⁵ Максимилиану Шикю (нем.).

Лишь закрою глаза, как мне видится берег
Полноводной реки, тени синей волны.
Дремлет небо одной из Полдневных Америк,
Чуть дрожа на качелях речной глубины.

Веет ветер какого-то лучшего века,
Веет юность свободной и гордой земли.
Мчатся легкие серны, друзья человека,
Песня вольных охотников молкнет вдали.

Обнаженные юноши, девы и дети
Выбегают на отмель веселой толпой
И бросаются в воду, при радостном свете,
Словно горсти жемчужин, блестя за водой.

Длится время, качаются зыби заката,
Здесь и там задымился и светит костер.
Дева спутника игр обнимает, как брата...
О, как сладки во мгле поцелуи сестер!

Да, я знаю те земли и знаю то время,
Их свободно и быстро в мечтах узнаю...
И часами смотрю на блаженное племя,
И как путник-прохожий я с ними в раю!

6 мая 1903

Сон

Как город призрачный в пустыне,
У края бездн возник мой сон.
Не молкнет молний ответ синий,
Над кручей ясен небосклон.

И пышен город, озаренный:
Чертоги, башни, купола,
И водоемы, и колонны...
Но ждет в бездонной бездне мгла.

И вот уже, как звон надгробный,
Сквозь веки слышится рассвет,
Вот стены – призракам подобны,
И вот на башнях – спилей нет...

Когда же явь мне в очи глянет,
Я буду сброшен с тех высот,
Весь город тусклой тенью станет
И, рухнув, в пропасть соскользнет.

И алчно примет пасть пучины
За храмом храм, за домом дом...
И вот – лишь две иль три руины
Вещают смутно о былом.

22 августа 1903

Лед и уголь

Лед и уголь, вы – могильны!
Что-то было и прошло,
Черный уголь, тусклый, пыльный,
Лед, блестящий как стекло!

Что вы, красные уроды,
Дым прорезавши, горды?
Удвояет лик природы
Гладь затихнувшей воды!

Пусть все отжило, застыло,
Зыби нет, лучам конец:
Лед – над водною могилой,
Уголь – без надежд мертвец!

Он под новой вспышкой жара
Лишь кровавится, как бес,
Но свободной тенью пара
Лед восходит до небес.

Август 1901

Знойный день

Белый день, прозрачно-белый,
Золотой, как кружева...
Сосен пламенное тело,
Зноем пьяная трава.

Пробегающие тучи,
Но не смеющие пасть...
Где-то в сердце, с силой жгучей,
Затаившаяся страсть.

Не гляди так, не зови так,
Ласк ненужных не желай.
Пусть пылающий напиток
Перельется через край.

Ближе вечер... Солнце клонит
Возрастающую тень...
Пусть же в памяти потонет
Золотой и белый день.

1902

Верея

Облака

Облака опять поставили
Паруса свои.
В зыбь небес свой бег направили
Белые ладьи.

Тихо, плавно, без усилия
В даль без берегов
Вышла дружная флотилия
Сказочных пловцов.

И, пленяясь теми сферами,
Смотрим мы с полей,
Как скользят рядами серыми
Кили кораблей.

Но и нас ведь должен с палубы
Видеть кто-нибудь,
Чье желанье сознавало бы
Этот вольный путь!

21 августа 1903

На песке

Маленькая девочка
На песке, на лесенке
Камешки бросала.
Дети пели песенки,
Их семья играла.
Маленькая девочка
Камешки бросала.
Бросит вверх – смеется,
Хлопает в ладошки...
Девочкам поется.
Где-то там в окошке
Пели, пели гаммы.

Маленькая девочка
Камешки бросала,
Маленькая девочка
Наконец устала,
На песке, на лесенке
Прилегла близ мамы.
Дети пели песенки;
В домике налево
Изучали гаммы...
Я слагал напевы.

30 мая 1902

Колыбельная песня

Девочка далекая,
Спи, мечта моя!
Песня одинокая
Над тобой – как я.

Песня колыбельная,
Сложенная мной,
Странно-нераздельная
С чуткой тишиной.

Это отзвук тающий
Прежних, страстных слов,
Отзвук умирающий
В тихой бездне снов.

Словно речь бессвязная —
Память лучших дней...
А была алмазная
Радуга огней!

Дремлешь ты под пение
В колыбели тьмы...
Будь хоть на мгновение
Счастлива, как мы!

И в минуту жгучую
От любви мертва,
Вспомни ночь певучую,
Тихие слова!

Сии, моя далекая,
В храме бытия,
Песня одинокая —
Вся любовь моя!

1903

Терем

Иоанне Б.

Тихи дни и годы – годы в терему,
Словно льются воды медленно во тьму.

День неслышно тает, гаснет без следа...
Тусклый свет роняет пестрая слюда;

За окошком главы – малый край небес,
По простенкам травы – непостижный лес.

С темной образницы кроткий свет лампад...
Те же, те же лица, что и день назад!

Та же все работа, песни без души...
Льются дни без счета, как вода в тиши...

Только в воскресенье бегло видишь мир:
В церкви чтенье, пенье – отдаленный клир,

Дома смех, салазки, снежная гора,
Да под вечер пляски, сказки гусяра.

Сны усталых сладки – жжет лебяжий пух...
На ухо загадки кто-то шепчет вслух,

Снится сине море, снится царский сын,
Знаешь страсть и горе, хоть на час один!

Утро. С образницы кроткий свет на всех.
Тихо, как в гробнице. За окошком – снег.

Январь 1901

Витязь

1

– О чем же ты тоскуешь, витязь,
Один на башенной стене?

– Убийством и борьбой насытятся,
Еще я счастлив не вполне.
Меня гнетут мои кольчуги,
Хочу изведать тайны сна.
Уйдите прочь, друзья и слуги,
Меня утешит тишина.

2

– Зачем же, слуги, вы таитесь
В проходах темных, в тишине?
– Наш господин, наш славный витязь,
Давно покоится во сне.
Мы ждем, что дверь – вдруг распахнется,
Он крикнет зовом боевым
И вновь к победам понесется,
А мы тогда – за ним! за ним!

3

– Меня ты слышишь ли, мой витязь?
Довольно спать! восстань! восстань!
– Мечтой и тишиной насытятся,
Я перешел земную грань.
Давно мои белеют кости,

Их червь покинул гробовой,
Все слуги дремлют на погосте,
И только тени пред тобой!

1902

Камни

Камни, камни! о вас сожаленье!
Вы по земле мне родные!
В жилах моих роковое биенье,
Та же, все та же стихия.
Века вы питались кровью заката,
Жертвенной, девственной кровью,
Вас море ласкало, как старшего брата,
Грызло, кусало с любовью.
Люди, из вас воздвигали мы храмы,
Из вас мы слагали дворцы и жилища,
Ваши мы крыли могильные ямы,
Вы с нами – в жизни и на кладбище!
Камни, камни, о вас сожаленье!
В день, когда ангелов к солнцу подымутся трубы,
Вы ли пребудете вне воскресенья,
Как хаос косный и грубый?
Нет, вы недаром родня изумрудам,
Аметистам, рубинам, сапфирам,
Жизненный трепет пройдет до встревоженным гудам,
И камней восторженный гимн, как сияние, встанет

над миром,

1903

Презрение

Великое презрение и к людям и к себе
Растет в душе властительно, царит в моей судьбе.

Любил бы, да не в силах я, не ищешь и не ждешь,
И все мечты как призраки, и все желанья – ложь.

Откроет ли нам истина свое лицо иль нет,
Я буду ль жить по имени во глуби долгих лет,

И ты, о ком я думаю, ты любишь ли меня,
И мне скитаться долго ли, иль не дожить и дня,

Мне все равно, мне все равно, слежу игру теней.
Я долго жизнь рассматривал, я присмотрелся к ней.

Как лист, в ноток уроненный, я отдаюсь судьбе,
И лишь растет презрение и к людям и к себе.

29 октября 1900

К устью!

На волны набегают волны,
Растет прилив, отлив растет,
Но, не скудея, вечно полны
Вместилища свободных вод.

На годы набегают годы,
Не молкнет ровный стук минут,
И дни и годы, словно воды,
В просторы вечности текут.

Дыша то радостью, то грустью,
И я мгновеньям отдаюсь,
И, как река стремится к устью,
К безбрежной дали я стремлюсь.

Промчится жизни быстротечность,
За днями дни, за годом год,
И утлый челн мой примет вечность
В неизмеримость черных вод.

Оды и послания

К. Д. Бальмонту

Вечно вольный, вечно юный,
Ты как ветер, как волна,
Речь твоя поет, как струны,
Входит в души, как весна.

Веет ветер бысролетный,
И кругом дрожат цветы,
Он ласкает, безотчетный,
Все вокруг – таков и ты!

Ты как звезды – близок небу.
Да, ты – избранный, поэт!
Дара высшего не требуй!
Дара высшего и нет.

«Высшим знаком ты отмечен»,
Чти свою святыню сам,
Будь покорен, будь беспечен,
Будь подобен облакам.

Все равно, куда их двинет

Ветер, веющий кругом.
Пусть туман как град застынет,
Пусть обрушится дождем,

И над полем, и над бездной
Облака зарей горят.
Будь же тучкой бесполезной,
Как она, лови закат!

Не ищи, где жаждет поле,
На раздумья снов не трать.
Нам забота. Ты на воле!
На тебе ее печать!

Может: наши сны глубоки,
Голос наш – векам завет,
Как и ты, мы одиноки,
Мы – пророки... Ты – поэт!

Ты не наш – ты только божий.
Мы весь год – ты краткий май!
Будь – единый, непохожий,
Нашей силы не желай.

Ты сильнее нас! Будь поэтом,
Верь мгновенью и мечте.
Стой, своим оваян светом,
Где-то там, на высоте.

Тщетны дерзкие усилья,
Нам к тебе не досягнуть!
Ты же, вдруг раскинув крылья,
В небесах направишь путь.

1902

Ему же

Нет, мой лучший брат, не прав ты:
Я тебя не разлюблю!
Мы плывем, как аргонавты,
Душу вверив кораблю.

Все мы в деле: у кормила,
Там, где парус, где весло.
Пыль пучины окропила
Наше влажное чело.

Но и в диком крике фурий,
Взором молний озарен,
Заклинатель духов бури,
Ты поешь нам, Арион!

Если нас к земному лону
Донести дано судьбе,
Первый гимн наш – Аполлону,
А второй наш гимн – тебе!

Если ж зыбкий гроб в пучине
Присудили парки нам,
Мы подземной Прозерпине
И таинственным богам

Предадим о молитвой душу, —
А тебя из мглы пучин
Тихо вынесет на сушу
На спине своей – дельфин.

3 августа 1903

Лев Святого Марка

Pax tibi, Marce, evangelista meus.¹⁶
(Надпись на книге, которую держит в лапах лев
Святого Марка)

Кем открыт в куске металла
Ты, святого Марка лев?
Чье желанье оковало
На века – державный гнев?

«Мир тебе, о Марк, глашатай
Вечной истины моей».
И на книгу лев крылатый

¹⁶ Мир тебе, Марк, мой евангелист (лат.).

Наступил, как страж морей.

Полузверь и полуптица!
Охраняема тобой,
Пять веков морей царица
Насмехалась над судьбой.

В топи илистой лагуны
Встали белые дворцы,
Пели кисти, пели струны,
Мир судили мудрецы.

Сколько гордых, сколько славных,
Провожая в море день,
Созерцали крыл державных
Возрастающую тень.

И в святые дни Беллини
Ты над жизнью мировой
Так же горд стоял, как ныне
Над развенчанной страной.

Я – неведомый прохожий
В суете других бродяг;
Пред дворцом, где жили дожи,
Генуэзский вьется флаг;

Не услышишь ты с канала
Тасса медленный напев;

Но, открыт в куске металла,
Ты хранишь державный гнев.

Над толпами, над веками,
Равен миру и судьбе,
Лев с раскрытыми крылами
На торжественном столбе.

9/22 июня 1902

Венеция

Венеция

Почему под солнцем юга в ярких красках и цветах,
В формах выпукло-прекрасных представал пред взором
прах?

Здесь – пришлец я, но когда-то здесь душа моя жила.
Это понял я, припомнив гондол черные тела.

Это понял, повторяя Юга полные слова,
Это понял, лишь увидел моего святого Льва!

От условий повседневных жизнь свою освободив,
Человек здесь стал прекрасен и как солнце горделив.

Он воздвиг дворцы в лагуне, сделал дожем рыбака,
И к Венеции безвестной поползли, дрожа, века.

И доньне неизменно все хранит здесь явный след
Прежней дерзости и мощи, над которой смерти нет.

1902

Венеция

Памяти И. Коневского

*Блажен, кто пал, как юноша Ахилл,
Прекрасный, мощный, смелый, величавый,
В начале поприща торжеств и славы,
Исполненный несокрушенных сил!*
В. Кюхельбекер

И ты счастлив, нам скорбь – тебе веселье,
Не в будничных тисках ты изнемог,
Здесь на земле ты справил новоселье,
И празднично еще горит чертог.

Ты жаждал знать. С испугом и любовью
Пытливым взором ты за грань проник, —
Но эти сны не преданы злословью,
Из тайн не сделано тяжелых книг.

Ты просиял и ты ушел, мгновенный,
Из кубка нового один испив.
И что предвидел ты, во всей вселенной

Не повторит никто... Да, ты счастлив.

Лишь, может быть, свободные стихии
Прочли и отразили те мечты.
Они и ты – вы были как родные,
И вот вы близки вновь, – они и ты!

Ты между них в раздольи одиноком,
Где тихий прах твой сладко погребен.
Как хорошо тебе в лесу далеком,
Где ветер и березы, вяз и клен!

3 октября 1901

Андрею Белому

Я многим верил до исступленности,
С такою надеждой, с такою любовью!
И мне был сладок мой бред влюбленности,
Огнем сожженный, залитый кровью.

Как глухо в безднах, где одиночество,
Где замер сумрак молочно-сизый...
Но снова голос! зовут пророчества!
На мутных высях чернеют ризы!

«Брат, что ты видишь?» – Как отзвук молота,
Как смех внемирный, мне отклик слышен:

«В сиянии небо – вино и золото! —
Как ярко дали! как вечер пышен!»

Отдавшись снова, спешу на кручи я
По острым камням, меж их изломов.
Мне режут руки цветы колючие,
Я слышу хохот подземных гномов.

Но в сердце – с жаждой решенье строгое,
Горит надежда лучом усталым.
Я много верил, я проклял многое
И мстил неверным в свой час кинжалом.

1903

Младшим

Они Ее видят! они Ее слышат!
С невестой жених в озаренном дворце!
Светильники тихое пламя колышат,
И отсветы радостно блещут в венце.

А я безнадежно бреду за оградой
И слушаю говор за длинной стеной.
Голодное море безумствовать радо,
Кидаясь на камни, внизу, подо мной.

За окнами свет, непонятный и желтый,

Но в небе напрасно ищу я звезду...
Дойдя до ворот, на железные болты
Горячим лицом приникаю – и жду.

Там, там, за дверьми – ликование свадьбы,
В дворце озаренном с невестой жених!
Железные болты сломать бы, сорвать бы!..
Но пальцы бессильны, и голос мой тих.

1903

Юргису Балтрушайтису

Осенний ветер выл над урной одинокой.
Ю. Б.

Нам должно жить! Лучом и светлой пылью,
Волной и бездной должно опьянеть,
И все круги пройти – от торжества к бессилью,
Устать прекрасно, – но не умереть!

Нам вверены загадочные сказки,
Каменья, ожерелья и слова,
Чтоб мир не стал глухим, чтоб не померкли краски,
Чтоб тайна веяла, жива.

Блудящий огонек – надежда всей вселенной —
Нам окружил венцами волоса,

И если мы умрем, то он – нетленный —
Из жизни отлетит, к планетам, в небеса.

Тяжелая плита над нашей мертвой грудью
Задвинет навсегда все вещие пути,
И ветер будет петь унылый гимн безлюдью...
Нам умереть нельзя! нет, мы должны идти!

Октябрь 1901

З. Н. Гиппиус

Неколебимой истине
Не верю я давно,
И все моря, все пристани
Люблю, люблю равно.

Хочу, чтоб всюду плавала
Свободная ладья,
И Господа и Дьявола
Хочу прославить я.

Когда же в белом саване
Усну, пускай во сне
Все бездны и все гавани
Чредою снятся мне.

Декабрь 1901

В. И. Прибыткову

Застольная речь

Мы здесь собрались дружным кругом,
Когда весна шумит над Югом
И тихо голубеет твердь,
Во дни Христова воскресенья,
Когда по храмам слышно пенье
О победившем смертью смерть!

Бессильно тают глыбы снега,
Река разламывает лед,
Чтоб к морю полететь с разбега,
В себе качая небосвод.
А по полям цветет, поет
Подснежников святая нега.

Нас не страшат земные зимы,
Мы веснам верим в смене лег!
Не так ли, косностью томимы,
О смерть! мы верим в твой обет!
Наш путь далек, мы пилигримы,
Но вдалеке нам светит свет.

Да! этот мир как призрак канет,
Смерть наши узы разорвет.

И новый день нам в душу глянет!
Пусть он нас снова отуманит
И пусть измучит, пусть обманет,
Но только был бы зов – вперед!

2 апреля 1901

Июль 1908

Да, пробил последний, двенадцатый час!
Так звучно, так грозно.
Часы мировые окликнули нас.
О, если б не поздно!

Зарницами синими полночь полна,
Бушуют стихии,
Кровавым лучом озарилась луна
На Айя-Софии.

Стоим мы теперь на распутьи веков,
Где выбор дороги,
И в грозную полночь окликнул нас зов,
И властный и строгий.

Кто в час совершений в дремоте поник, —
Судьбе не угоден.
И мимо пройдет, отворотивши свой лик,
Посланник господен.

О, есть еще время! Стучат и стучат
Часы мировые.
В таинственных молниях виден Царьград
И Айа-София.

1 августа 1903

Лирические поэмы

Город женщин

Домчало нас к пристани в час предвечерний,
Когда на столбах зажигался закат,
И волны старались плескаться размерней
О плиты бассейнов и сходы аркад.
Был берег таинственно пуст и неслышен.
Во всей красоте златораморных стен,
Дворцами и храмами, легок и пышен,
Весь город вставал из прибоев и пен.
У пристани тихо качались галеры,
Как будто сейчас опустив паруса,
И виделись улицы, площади, скверы,
А дальше весь край занимали леса.
Но не было жизни и не было люда,
Закрытые окна слагались в ряды,
И только картины глядели оттуда...
И звук не сливался с роптаньем воды.

Нас лоцман не встретил, гостей неизвестных,
И нам не пропела с таможни труба,
И мы, проходя близ галер многоместных,
Узнали, что пусты они как гроба.

Мы тихо пристали у длинного мола,
И бросили якорь, и подняли флаг.
Мы сами молчали в тревоге тяжелой,
Как будто грозил неизведанный враг.
Нас шестеро вышло, бродяг неуклонных,
Искателей дней, любопытных к судьбе,
Мы дома не кинули дев обрученных,
И каждый заботился лишь о себе.
С немного проспекта сойдя в переулки,
Мы шли и стучались у мертвых дверей,
Но только шаги были четки и гулки
Да стекла дрожали больших фонарей.
Как будто манили к себе магазины,
И груды плодов, и бутылки вина...
Но нас не окликнул привет ни единый...
И вот начала нас томить тишина.

А с каждым мгновеньем ясней, неотвязней
Кругом разливался и жил аромат.
Мы словно тонули в каком-то соблазне
И шли и не знали, пойдем ли назад.
Все было безмолвно, мертво, опустело,
Но всюду, у портиков, в сводах, в тени
Дышало раздетое женское тело, —
И в запахе этом мы были одни.
Впивая его раздраженным дыханьем,
Мы стали пьянеть, как от яда змеи.
Никто, обжигаемый жадным желаньем,
Не мог подавлять трепетанья свои.

Мы стали кидаться на плотные двери,
Мы стали ломиться в решетки окна,
Как первые люди, как дикие звери...
И мгла была запахом тела полна.

Без цели, без мысли, тупы, но упрямы,
Мы долго качали затворы дворца...
И вдруг подломились железные рамы...
Мы замерли, – сразу упали сердца.
Потом мы рванулись, теснясь, угрожая,
Мы вспрыгнули в зал, побежали вперед.
На комнаты мгла налегала ночная,
И громко на крики отвечивал свод.
Мы вокруг обежали пустые палаты,
Взобрались наверх, осмотрели весь дом:
Все было наполнено, свежо, богато,
Но не было жизни в жилище пустом.
И запах такой же, полней, изначальней,
В покоях стоял, возрастая в тени,
И на пол упали мы в шелковой спальне,
Целуя подушки, ковры, простыни.
И ночь опустилась, и мы не поднялись,
И нас наслажденье безмерное жгло,
И мы содрогались, и мы задыхались...
Когда мы очнулись, – уж было светло.

Мы шестеро вышли на воздух, к свободе,
Без слов отыскали на берег пути
И так же без слов притаились в проходе:

Мы знали, что дальше не должно идти.
И долго, под мраморным портиком стоя,
С предела земли не спускали мы глаз.
Корабль наш качался на зыби прибоя,
Мы знали, что он дожидается нас.
По улицам клича, друзья нас искали,
Но, слыша, как близятся их голоса,
Мы прятались быстро в проходе, в подвале...
И после корабль распустил паруса.
Поплыл в широту и в свободное море,
Где бури, и солнце, и подвиги есть,
И только в словах баснословных историй
Об нас, для безумцев, останется весть.

Товарищи! братья! плывите! плывите!
Забудьте про тайну далекой земли!
О, счастлив, кто дремлет в надежной защите, —
По, дерзкие, здесь мы не смерть обрели!
Найти здесь легко пропитанье дневное,
Нет, мы не умрем, — но весь день наш уныл,
И только встречая дыханье ночное,
Встаем мы в волненьи воскреснувших сил!
И бродим по городу в злом аромате,
И входим в дворцы и в пустые дома
Навстречу открытых незримых объятий —
И вплоть до рассвета ласкает нас тьма.
В ней есть наслажденье до слез и до боли,
И сладко лежать нам в пыли и в крови,
И счастьем в замену не надо нам воли,

И зримых лобзаний, и явной любви!

1902

Венеция

Последний день

Он придет, обезумевший мир,
Который поэтом прославлен.
Будет сладостным ядом отравлен
Воздух и самый эфир.

С каждым мигом впивая отраву,
Обезумеют бедные дети земли:
Мудрецы – земледельцы – певцы – короли —
Звери – птицы – деревья – и травы.

Станут распускаться странные цветы,
Яркие как солнце, дышащие пряно,
Открывая к воздуху жаждущие рты.
Яркостью неожиданной заблестев, поляны
Заструят томительный, жгучий аромат.
Птицы иступленные стаями взлетят,
Над блестящим городом и на месте диком
Замелькают с радостным, многосложным криком.
Островами новыми встанут в океане
Сонмы рыб, теснящихся в ярости желаний.
Разбегутся звери по полям и нивам,

Прыгая, кувыркаясь в полусне счастливым;
И на белой площади северной столицы
Будут ползать змеи и скакать тигрицы.

И люди, медленно пьянея,
Забудут скудные дела,
Как будто первая Астрея
В мир изнемогший снизошла.

Затихнут страшные машины
И фабрик резкие гудки,
И не подымет ни единый
Пилы, лопаты иль кирки.

Все будут в праздничных одеждах,
В полях, в пути, на площадях,
Твердя о сбывшихся надеждах,
Восторженно целуя прах.

И вдруг все станет так понятно:
И жизнь земли, и голос рек,
И звезд магические пятна,
И золотой наставший век.

Восстанут новые пророки,
С святым сияньем вокруг волос,
Твердя, что совершились сроки
И чаянье всемирных грез!

И люди все, как сестры-братья,
Семья единого отца,
Протянут руки и объятя,
И будет радость без конца.

Земля, как всегда, не устанет кружиться,
Вкушая то знойного света, то ночи,
Но снами никто не захочет упиться,
И будут во мраке восторженной очи.
В полярных пустынях, в тропических чашах,
В открытых дворцах и на улицах шумных
Начнутся неистовства сонмов кипящих,
Пиры и веселья народов безумных.
Покорные тем же властительным чарам,
Веселые звери вмешаются в игры,
И девушки в пляске прильнут к ягуарам,
И будут с детьми как ровесники тигры.
Безмерные хоры и песен и криков,
Как дымы, подымутся в небо глухое,
До божьих подножий, до ангельских ликов,
Мирам славословя блаженство земное.

Дыханьем, наконец, бессильно опьянев,
Где в зимнем блеске звезд, где в ярком летнем
свете,
Возжаждут все любви – и взрослые и дети —
И будут женщины искать мужчин, те – дев.
И все найдут себе кто друга, кто подругу,
И сил не будет им насытить страсть свою,

И с Севера на Юг и вновь на Север с Юга
Помчит великий вихрь единый стон: «Люблю!»
И звери меж людей на тех же камнях лягут,
Ласкаясь и любясь, визжа и хохоча,
На ступенях дворцов, у позабытых пагод,
В раздолии полей, близ моря, у ключа.
И странные цветы живыми лепестками
Засыплют, словно снег, лежащие тела.
И будет в яркий день лазурь гореть звездами,
И будет ночи мгла, как знойный час, тепла.
Среди чудовищных видений и фантазий,
Среди блуждающих и плоть принявших снов
Все жившее замрет в восторженном экстазе
И Смерть закинет сеть на свой последний лов.
Ничто не избежит своей судьбы блаженной,
Как первые в раю – последние уснут...
И ангел вострубит над смолкнувшей вселенной,
Все тысячи веков зовя на общий суд.

1903

Во храме Бэла

1

Ассура край постигло наводнение,
Погибли севы, смытые водой,

Хирели, влагой пьяные, растенья.

Народ стонал, ошеломлен бедой,
И яростно все требовали чуда,
Теснясь во храм с надеждой и враждой.

Дымилась жертв обугленная гряда,
Всходили дымы факелов и свеч,
Не молкли день и ночь стенанья люда...

Сам царь пришел свою свечу возжечь,
И вот, в благом присутствии владыки,
Верховный жрец к народу начал речь:

«Так говорит Ассур. Грехи велики
Народа, позабывшего богов.
Что мне ответить на мольбы и крики?»

Они для брашен берегут тельцов,
А мне – лишь дым. Им – соки винограда,
Мне – выжимки. Мне – кровь, им – весь улов.

Но я, как сто волков, найду на стадо;
Как вихрь пустынь, засыплю их поля!
Несите жертв. Я – бог! Мне много надо!

Двенадцатую долю удела
От всех избытков, да сберутся в храме,
Посыпав главы пеплом и моля.

Быть может, тронусь я тогда мольбами.
Внемлите. Так рабам вещает Бэл:
Прекраснейшую девушку меж вами

Найдите. Стыд ее да будет цел.
Ее лицо – цветов весенних краше,
Ее хребет – как снег нагорный, бел.

Тогда вином наполните две чаши,
И в замкнутом покое храмовом,
Где башни верх, поставьте ложе наше,

Да нас никто не видит в зале том,
Да мы никем услышаны не будем,
И я тогда, в наитии благом,
Как девы муж, явлюсь, быть может, людям!»

2

Утром ее убирали к венцу,
Умачали ей стан ароматами.
Как подошли ей цейлонские перлы к лицу,
Как она выросла сразу под тканями пышно-богатыми!

Очи ей черными сделал пылающий юг,
Дева Астарта ее одарила своими пристрастьями.

Как обозначились выгибы девственных рук
Под золотыми запястьями!

Ею отпразднован только тринадцатый праздник весны:
Годы – так тихо невинные.
В черные косы ее вплетены
Нити из жемчуга длинные...

Еще вчера, еще недавно
Она пасла свои стада,
Как серна в поле, своенравна,
Как барс, упряма и горда.

Ее младенческое тело
Еще не знало стрел страстей,
И в очи юношей глядела
Она с небрежностью детей.

И даже сон мечтой греховной
Еще не смел ее смутить,
И дни ее мелькали ровно,
Как бусы нижутся на нить.

Она сегодня – невеста Бэла,
Она сегодня войдет во храм,
Чтоб богу Солнца доверить тело.

Она сегодня, под звон напева,
Под звуки бубнов, войдет во храм,

Глядя стыдливо, еще как дева.

Еще сегодня, тропой горячей,
Бог беспощадный войдет во храм,
Как муж поникнет над лоном спящей.

Она сегодня рабой дрожащей
Познает бога... Идет во храм
Бог лучезарный, бог пепелящий!

3

Таинственно уединен покой
На выси храма, странный, с гробом схожий;
Там окон нет, и беспредельной тьмой
Окружено единственное ложе.

Она не спит, она глядит во тьму,
Рукой прижав ко грудям ожерелья,
И ждет, дрожа, бессветного, к кому
Пришла на свадебное новоселье.

Но зной томит; с курильниц аромат
Встает, томя и взоры и движенье;
Уже ресницы длинные дрожат,
Уже в коленях детских онеменье.

Что будет? В тишине взгремит ли гром?
Прольется ль в сумрак дождь змеистых молний?
Молчи! Встречай грядущего лицом,
Пред родиной святой обет исполни!

Тот будет ли могуч, как дикий бык?
Навалится ль, как пламенная гряда?
Она, слабея, подавляет крик,
Дрожит в дремоте, в предвкушеньи чуда...

Иль будет он, как свет небесный, тих,
Прекрасный юноша, с очами лани?
Чу! смутный стук! Ужель грядет жених?
Она – в бреду от страха и желаний...

Припасть к нему! Нет, скрыться, умереть,
Не быть! Не надо, ничего не надо!
На мысли странная ложится сеть,
В безвольных членах странная услада.

4

Он сошел не в лучах огневого венца,
Ты во мраке его не узнала лица,
В тишине его голоса ты не слыхала.
Было страшно и сладко, и много и мало.
Было ль это свершенье священных надежд?

Чьи-то руки коснулись пурпурных одежд,
Чье-то тело коснулось бессильного тела,
И в объятьях внезапных ты вся холодела,
И не знала, где боль, и не знала, где стыд.
Поцелуи томили окраску ланит,
На руках колыхало объятье запястья,
И страданья, сливаясь с безмерностью счастья,
Повторялись и жгли, наполняя всю ночь...
Ты не знала, когда удалился он прочь,
Ты очнулась одна на таинственном ложе,
В этой спальне глухой, на могилу похожей,
Две лампы, горя, озаряли покой...
В сердце – стыд, в мыслях – бред, в теле – зной.
И, томясь отвращеньем иль чистой любовью,
Ты смотрела на пояс, забрызганный кровью.

5

И в то же утро солнце пронизало,
Победное, губительный туман.
Вода с полей, открыв посевы, спала.

Опять спеша в родимый океан,
В свое русло везде вошли потоки,
И был весь мир лучами осиян.

Жрецы богов, надменны и жестоки,

Считали в храмах груды серебра
И на камнях свои чертили строки;

А люди, вопиявшие вчера,
Несли свои благодаренья богу
За то, что счастья вновь пришла пора.

Толпа теснилась к царскому чертогу
В желаньи видеть ту, что их спасла, —
И деву Бэла вывели к порогу.

Она была робка и не светла,
Ее томили царские наряды,
И лишь горела кос ее смола.

Стремилась к ней восторженные взгляды,
Кричали все: «Тебя избрал сам Бэл!»
А с крыши храма, там, где колоннады

Скрывали дверь в святилище, смотрел
Жрец младший Солнца. Пламенные очи
Его – казались остриями стрел:

Он вспоминал о тайнах грешной ночи.

1903

Старое Село

STEPHANOS

1904 – 1905

Вячеславу Иванову, поэту, мыслителю, другу

Посвящение

Вячеславу Иванову

Когда впервые, в годы блага,
Открылся мне священный мир
И я со скал Архипелага
Заслышал зов истлевших лир,

Когда опять во мне возникла
Вся рать, мутившая Скамандр,
И дерзкий вскормленник Перикла,
И завершитель Александр, —

В душе зажглась какая вера!
С каким забвением я пил
И нектар сладостный Гомера,
И твой безумный хмель, Эсхил!

Как путник над разверстой бездной,
Над тайной двадцати веков,
Стремил я руки бесполезно
К былым теням, как в область снов.

Но путь был долог, сердце слепо,
И зоркость грез мрачили дни,
Лишь глубоко под грудой пепла
Той веры теплились огни.

И вот, в столице жизни новой,
Где всех стремящих сил простор,
Ты мне предстал: и жрец суровый,
И вечно юный тирсофор!

Как странен в шуме наших споров,
При нашей яркой слепоте,
Напев твоих победных хоров
К неумиравшей красоте!

И нашу северную лиру
Сведя на эолийский звон,
Ты возвращаешь мне и миру
Родной и близкий небосклон!

16 ноября 1903

Вечеровые песни

De la musique avant toute chose.
*P. Verlaine*¹⁷

Приветствие

Поблек предзакатный румянец.
На нитях серебряно-тонких
Жемчужные звезды повисли,
Внизу – ожерелье огней,
И пляшут вечерние мысли
Размеренно-радостный танец
Среди еле слышных и звонких
Напевов встающих теней.

Полмира, под таинством ночи,
Вдыхает стихийные чары
И слушает те же напевы
Во храме разверстых небес.
Дрожат, обессилевши, девы,
Целуют их юноши в очи,
И мучат безумных кошмары
Стремительным вихрем чудес.

¹⁷ Музыки прежде всего. П. Верлен (фр.).

Вам всем, этой ночи причастным,
Со мной в эту бездну глядевшим,
Искавшим за Поясом Млечным
Священным вопросам ответ,
Сидевшим на пире беспечном,
На ложе предсмертном немевшим,
И нынче, в бреду сладострастном,
Всем зачатым жизням – привет!

17 – 19 февраля 1904

* * *

Воздух становится синим,
Словно разреженный дым...
Час упоительно мирный
Мы успокоенно минем,
Близясь к часам роковым.

Выгнулся купол эфирный;
Двигается мерно с востока
Тень от ночного крыла;
В бездне бездонно-глубокой
Все откровенное тонет,
Всюду – лишь ровная мгла.

Морю ли ставить препоны

Валом бессильных огней?
Черные всадники гонят
Черных быков миллионы, —
Стадо полночных теней!

Февраль 1904

«Помню вечер, помню лето...»

День вечерел. Мы были двое.
Ф. Тютчев

Помню вечер, помню лето,
Рейна полные струи,
Над померкшим старым Кёльном
Золотые нимбы света,
В этом храме богомольном —
Взоры нежные твои...

Где-то пели, где-то пели
Песню милой старины.
Звуки, ветром тиховейным
Донесенные, слабели
И сливались, там, над Рейном,
С робким ропотом волны.

Мы любили! мы забыли,
Это вечность или час!

Мы тонули в сладкой тайне,
Нам казалось: мы не жили,
Но когда-то Heinrich Heine
В стройных строфах пел про нас!

6 марта 1904

Туман

Вдоль тихого канала
Склоняют ветви ивы.
Дорога льнет к воде,
Но тени торопливы,
И чу! ночная птица
Кричит привет звезде.

Вдоль тихого канала
Проходит вереница
Поникших белых дев.
Они идут устало,
Закрыв вуалью лица
И стан фатой одев.

Из тихого канала,
Как белые громады,
Встают ряды коней,
И всадники их рады
Дышать вечерней влагой,

Спешат скорей, скорей!

Вдоль тихого канала
Летят лихой ватагой
И манят дев с собой,
Им руки простирают —
И белый плащ свивают
С их белою фатой!

1903

Голос прошлого

Вьет дорога на деревни
Зеленеющим овсом,
И поет мне голос древний,
Колокольчик, о былом.

Словно в прошлое глядится
Месяц, вставший над рекой,
И янтарный лик двоится:
Он и тот же, и другой.

Снова смутное бряцанье,
Вновь и вечер, и овес,
Лишь одни воспоминанья
Я живыми не донес.

Как в тумане все поблекло,
На минувших годах тень...
Так едва мерцают стекла
Удаленных деревень.

Все темнее. Кто томится
В смутной песне под дугой?
Словно в прошлое глядится
Лик янтарный над рекой.

1904

ОХОТНИК

Над бредом предзакатных марев,
Над трауром вечерних туч,
По их краям огнем ударив,
Возносится последний луч.

И, глужи черные покинув,
В лазурный день из темноты
Взлетает яркий рой павлинов,
Раскрыв стоцветные хвосты.

А Ночь, охотник с верным луком,
Кладет на тетиву стрелу.
Она взвилась с протяжным звуком,
И птица падает во мглу.

Весь выводок сразили стрелы...
От пестрой стаи нет следа...
На Запад, слепо потемнелый,
Глядит Восточная Звезда.

16 апреля 1904

Целение

Целит вечернее безволие
Мечту смятенную мою.
Лучей дневных не надо более,
Всю тусклость мига признаю!

Пускай темнеют дали синие,
Я не зажгу во тьме свечи:
В душе ни смеха, ни уныния...
Ты, голос памяти, – молчи!

Обвили сладостными платами
Мне тени дышащую грудь.
Нависла сводами и скатами
Над взором тягостная муть.

Идут часы – мгновенья серые,
Царит всевластно темнота...
Иль позабыт во мгле пещеры я,

И все, что было, – лишь мечта?

Иль я лишь прах, во гробе тающий,
Я – чей-то призрак в бледной мгле,
К давно минувшему зывающий
И всем безвестный па земле!

1904

Тишина

Вечер мирный, безмятежный
Кротко нам взглянул в глаза,
С грустью тайной, с грустью нежной...
И в душе под тихим ветром
Накренились паруса.

Дар случайный, дар мгновенный,
Тишина, продлись! продлись!
Над равниной вечно пенной,
Над прибором, над буруном,
Звезды первые зажглись.

О, плывите! о, плывите!
Тихо зыблемые сны!
Словно змеи, словно нити,
Вьются, путаются, рвутся
В зыби волн огни луны.

Не уйти нам, не уйти нам
Из серебряной черты!
Мы – горим в кольце змеином,
Мы – два призрака в сиянии,
Мы – две тени, две мечты!

4 – 6 февраля 1905

Первые встречи

Как любил я, как люблю я эту робость первых встреч,
Эту беглость поцелуя и прерывистую речь!

Как люблю я, как любил я эти милые слова, —
Их напев не позабыл я, их душа во мне жива.

Я от ласковых признаний, я от нежных просьб отвык,
Стал мне близок крик желаний, страсти яростный язык,

Все слова, какие мучат воспаленные уста,
В час, когда бесстыдству учат – темнота и нагота!

Из восторгов и уныний я влекусь на голос твой,
Как изгнанник, на чужбине услышавший зов родной.

Здесь в саду, где дышат тени, здесь, где в сумраке светло,
Быстрой поступью мгновений вновь былое подошло.

Вижу губы в легкой сети ускользающих теней.
Мы ведь дети! все мы дети, мотыльки вокруг огней!

Ты укрыла, уклонила в темноту смущенный взгляд...
Это было! все, что было, возвратил вечерний сад!

Страсти сны нам только снятся, но душа проснется вновь,
Вечным светом загорятся – лишь влюбленность!
лишь любовь!

1904

Вечер после дождя

Ветер печальный,
Многострадальный,
С лаской прощальной
Ветви клоня,
Свеял хрустальный
Дождь на меня.

Тенью зеленой
Лип осененный,
Я, окропленный
Майским дождем, —
Жрец, преклоненный
Пред алтарем.

День миновавший,
Свет отснявший,
Дождь пробежавший, —
Гимн этот – вам!
Вечер наставший,
Властвуй, как храм!

Ливень весенний
Смолк. Без движений
Первые тени
В тихой дали.
Час примирений
С миром земли!

10 мая 1905

На Сайме

Тебя полюбил я, красавица нежная...
Вл. Соловьев

* * *

Меня, искавшего безумий,
Меня, просившего тревог,
Меня, вверявшегося думе
Под гул колес, в столичном шуме,
На тихий берег бросил Рок.

И зыби синяя безбрежность,
Меня прохладой осень,
Смирила буйную мятежность,
Мне даровала мир и нежность
И вкрадчиво влилась в меня.

И между сосен тонкоствольных,
На фоне тайны голубой,
Как зов от всех томлений дольных,
Залог признаний безглагольных, —
Возник твой облик надо мной!

1905
Rauha

* * *

Желтым шелком, желтым шелком
По атласу голубому
Шьют невидимые руки.
К горизонту золотому
Ярко-пламенным осколком
Сходит солнце в час разлуки.

Тканью празднично-пурпурной
Убирает кто-то дали,
Расстилая багряницы,
И в воде желто-лазурной
Заметались, заблестали
Красно-огненные птицы.

Но серебряные змеи,
Извивая под лучами
Спин лучистые зигзаги,
Беспощадными губами
Ловят, ловят все смелее
Птиц, мелькающих во влаге!

1905

Rauha

* * *

В дали, благостно сверкающей,
Вечер быстро бисер нижет.
Вал, несмело набегающий,
С влажной лаской отмель лижет.

Ропот ровный и томительный,
Плеск беспенный, шум прибора,
Голос сладко-убедительный,
Зов смиренья, зов покоя.

Сосны, сонно онемелые,
В бледном небе встали четко,
И над ними тени белые
Молча гаснут, тают кротко.

1905

Rauha

* * *

Мох, да вереск, да граниты...
Чуть шумит сосновый бор.

С поворота вдруг открыты
Дали синие озер.

Как ковер над легким склоном
Нежный папоротник сплел.
Чу! скрипит с протяжным стоном
Наклоненный бурей ствол.

Сколько мощи! сколько лени!
То гранит, то мягкий мох...
Набегают ночь без тени,
Вея, словно вещей вздох.

1905

Rauha

* * *

Я – упоен! мне ничего не надо!
О, только б длился этот ясный сон,
Тянулись тени северного сада,
Сиял осенне-бледный небосклон,

Качались волны, шитые шелками,
Лиловым, красным, желтым, золотым,
И, проблистав над синью янтарями,
Сгущало небо свой жемчужный дым,

И падало безумье белой ночи,
Прозрачной, призрачной, чужой – и ты,
Моим глазам свои вверяя очи,
Смущаясь и томясь, искала б темноты!

1905

Rauha

* * *

Мы в лодке вдвоем, и ласкает волна
Нас робким и зыбким качаньем.
И в небе и в нас без конца тишина,
Нас вечер встречает молчаньем.

И сердце не верит в стране тишины,
Что здесь, над чертогами Ато,
Звенели мечи, и вожди старины
За сампо рубились когда-то.

И сердце не верит, дыша тишиной,
Ласкательным миром Суоми,
Что билось недавно враждой роковой
И жалось в предсмертной истоме.

11 сентября 1905

Rauha

* * *

Голубое, голубое
Око сумрачной страны!
Каждый день ты вновь иное:
Грезишь, пламенное, в зное,
В непогоду кроешь сны.

То, в свинцовый плащ одето,
Сосны хмуришь ты, как бровь;
То горишь лучами света,
От заката ждешь ответа,
Все – истома, все – любовь!

То, надев свои алмазы,
Тихим ропотом зыбей
Ты весь день ведешь рассказы
Про народ голубоглазый,
Про его богатырей!

1905

Rauha

* * *

Воздух живительный, воздух смолистый
Я узнаю.

Свет не слепит, упоительный, чистый,
Словно в раю.

Узкой тропинкой к гранитам прибрежным
Вышел, стою.

Нежу простором, суровым и нежным,
Душу мою.

Сосны недвижны на острове, словно
В дивном краю.

Тихие волны лепечут любовно
Сказку свою.

Вот где дозволило божье приращье
Мир бытию!

Веет такое же ясное счастье
Только в раю.

1905, 28 мая 1908

Rauha

Правда вечная кумиров

*Познал ты правду вечную кумиров.
Ив. Коневской*

К Деметре

Небо четко, небо сипе,
Жгучий луч палит поля;
Смутно жаждущей пустыней
Простирается земля;

Губы веющего ветра
Ищут, что поцеловать...
Низойди в свой мир, Деметра,
Воззови уснувших, мать!

Глыбы взрыхленные черны,
Их вспоил весенний снег.
Где вы, дремлющие зерна,
Замышляйте свой побег!

Званы вы на пир вселенной!
Стебли к солнцу устремля,
К жизни новой, совершенной,

Воскресайте, озимя!

И в душе за ночью зимней
Тоже – свет, и тоже – тишь.
Что ж, душа, в весеннем гимне
Ты проснуться не спешишь?

Как засеянное поле,
Простираются мечты,
И в огнистом ореоле
Солнце смотрит с высоты.

Брошен был порой осенней
И в тебя богатый сев, —
Зерна страсти и мучений,
Всколоситесь, как напев!

Время вам в движеньях метра
Прозвучать и проблистать.
Низойди в свой мир, Деметра,
Воззови к уснувшим, мать!

1904

Адам и Ева

Ева

Адам! Адам! прииникни ближе,

Прильни ко мне, Адам! Адам!
Свисают ветви ниже, ниже,
Плоды склоняются к устам.

Адам

Приникни ближе, Ева! Ева!
Темно. Откуда темнота?
Свисают ветви справа, слева,
Плоды вонзаются в уста.

Ева

Адам! Адам! кто ветви клонит?
Кто клонит, слабую, меня?
В певучих волнах тело тонет,
Твои – касанья из огня!

Адам

Что жжет дыханье, Ева! Ева!
Едва могу взглянуть, вздохнуть...
Что это: плод, упавший с древа,
Иль то твоя живая грудь?

Ева

Адам! Адам! я – вся безвольна...
Где ты, где я?., все – сон иль явь?

Адам! Адам! мне больно, больно!
Пусти меня – оставь! оставь!

Адам

Так надо, надо, Ева! Ева!
Я – твой! Я – твой! Молчи! Молчи!
О, как сквозь ветви, справа, слева,
Потоком ринулись лучи!

Ева

Адам! Адам! мне стыдно света!
О, что ты сделал? Что со мной?
Ты позабыл слова запрета!
Уйди! уйди! дай быть одной!

Адам

Как плод сорвал я, Ева, Ева?
Как раздавить его я мог?
О, вот он, знак Святого Гнева, —
Текущий красный, красный сок.

Январь 1905

Орфей и Эвридика

Орфей

Слышу, слышу шаг твой нежный,
Шаг твой слышу за собой.
Мы идем тропой мятежной,
К жизни мертвенной тропой.

Эвридика

Ты – ведешь, мне – быть покорной,
Я должна идти, должна...
Но на взорах – облак черный,
Черной смерти пелена.

Орфей

Выше! выше! все ступени,
К звукам, к свету, к солнцу вновь!
Там со взоров стают тени,
Там, где ждет моя любовь!

Эвридика

Я не смею, я не смею,
Мой супруг, мой друг, мой брат!

Я лишь легкой тенью вею,
Ты лишь тень ведешь назад.

Орфей

Верь мне! верь мне! у порога
Встретишь ты, как я, весну!
Я, заклявший лирой – бога,
Песней жизнь в тебя вдохну!

Эвридика

Ах, что значат все напевы
Знавшим тайну тишины!
Что весна, – кто видел севы
Асфоделевой страны!

Орфей

Вспомни, вспомни! луг зеленый,
Радость песен, радость пляск!
Вспомни, в ночи – потаенный
Сладко-жгучий ужас ласк!

Эвридика

Сердце – мертво, грудь – недвижна.
Что вручу объятью я?
Помню сны, – но непостижна,

Друг мой бедный, речь твоя.

Орфей

Ты не помнишь! ты забыла!
Ах, я помню каждый миг!
Нет, не сможет и могила
Затемнить во мне твой лик!

Эвридика

Помню счастье, друг мой бедный,
И любовь, как тихий сон...
Но во тьме, во тьме бесследной
Бледный лик твой затемнен...

Орфей

– Так смотри! – И смотрит дико,
Вспять, во мрак пустой, Орфей.
– Эвридика! Эвридика! —
Стонут отзвуки теней.

1903, 10 – 11 июня 1904

Медея

На позлащенной колеснице
Она свергает столу с плеч
И над детьми, безумной жрицей,
Возносит изощренный меч.

Узду грызущие драконы,
Взметая крылья, рвутся ввысь;
Сверкнул над ними бич червлёный, —
С земли рванулись, понеслись.

Она летит, бросая в доли
Куски окровавленных тел,
И мчится с нею гимн веселый,
Как туча зазвеневших стрел.

«Вот он, вот он, ветер воли!
Здравствуй! в уши мне свисти!
Вижу бездну: море, поле —
С окрыленного пути.

Мне лишь снилось, что с людьми я,
Сон любви и счастья сон!
Дух мой, пятая стихия,
Снова сестрам возвращен.

Я ль, угодная Гекате,
Ей союзная, могла
Возлюбить тщету объятий,
Сопрягающих тела?

Мне ли, мощью чародейства,
Ночью зыблившей гроба,
Засыпать в тиши семейства,
Как простой жене раба?

Выше, звери! хмелем мести
Я дала себе вздохнуть.
Мой подарок – на невесте,
Жжет ей девственную грудь.

Я, дробя тела на части
И бросая наземь их,
Весь позор последней страсти
Отрясаю с плеч моих.

Выше, звери! взвейтесь выше!
Не склоню я вниз лица,
Но за морем вижу крыши,
Верх Ээтова дворца».

Вожжи брошены драконам,
Круче в воздухе стезя.
Поспешают за Язоном,
Обезумевшим, друзья.

Каждый шаг – пред ним гробница,
Он лобзает красный прах...
Но, как огненная птица,

Золотая колесница
В дымно-рдяных облаках.

Октябрь 1903, 1904

Бальдеру Локи

Светлый Бальдер! мне навстречу
Ты, как солнце, взносишь лик.
Чем лучам твоим отвечу?
Опаленный, я поник.
Я взбегу к снегам, на кручи:
Ты смеешься с высоты!
Я взнесусь багряной тучей;
Как звезда сияешь ты!
Припаду на тайном ложе
К алой ласковости губ:
Ты метнешь стрелу, – и что же!
Я, дрожа, сжимаю труп.

Но мне явлен Нертой мудрой
Призрак будущих времен.
На тебя, о златокудрый,
Лук волшебный наведен.
В час веселья, в ясном поле,
Я слепцу вручу стрелу, —
Вскрикнешь ты от жгучей боли,
Вдруг повергнутый во мглу!

И когда за темной Гелой
Ты сойдешь к зловещим снам, —
Я предам, со смехом, тело
Всем распятым! всем цепям!
Пусть в пещере яд змеиный
Жжет лицо мне, – я в бреду
Буду петь с моей Сигиной:
Бальдер! Бальдер! ты в аду!

Не вотще вещали норны
Мне таинственный обет.
В пытках вспомнит дух упорный:
Нет! не вечен в мире свет!
День настанет: огнебоги
Сломают мощь небесных сил,
Рухнут Одина чертоги,
Рухнет древний Игдразил.
Выше радуги священной
Встанет зарево огня, —
Но последний царь вселенной,
Сумрак! сумрак! – за меня.

Ноябрь 1904

Тезей Ариадне

«Ты спишь, от долгих ласк усталая,
Предавшись дрожи корабля,

А все растет полоска малая, —
Тебе сужденная земля!

Когда сошел я в сень холодную,
Во тьму излучистых дорог,
Твоею нитью путеводную
Я кознь Дедала превозмог.

В борьбе меня твой лик божественный
Властней манил, чем дальний лавр...
Разил я силой сверхъестественной, —
И пал упрямый Минотавр!

И сердце в первый раз извело,
Что есть блаженство на земле,
Когда свое биенье предало
Тебе – на темном корабле!

Но всем судило Неизбежное,
Как высший долг, – быть палачом.
Друзья! сложите тело нежное
На этом мху береговом.

Довольно страсть путями правила,
Я в дар богам несу ее.
Нам, как маяк, давно поставила
Афина строгая – копье!»

И над водною могилой
В отчий край, где ждет Эгей,
Веют черные ветрила —
Крылья вестника скорбей.

А над спящей Ариадной,
Словно сонная мечта,
Бог в короне виноградной
Клонит страстные уста.

1 – 2 июля 1904

Ахиллес у алтаря

Знаю я, во вражьем стане
Изогнулся меткий лук,
Слышу в утреннем тумане
Тетивы певучий звук.

Встал над жертвой облак дыма,
Песня хора весела,
Но разит неотвратимо
Аполлонова стрела.

Я спешу склонить колена,
Но не с трепетной мольбой.
Обручен я, Поликсена,
На единый миг с тобой!

Всем равно в глухом Эребе
Годы долгие скорбеть.
Но прекрасен ясный жребий —
Просиять и умереть!

Мать звала к спокойной доле...
Нет! не выбрал счастья я!
Прошумела в ратном поле
Жизнь мятежная моя.

И вступив сегодня в Трою
В блеске царского венца, —
Пред стрелою не укрою
Я спокойного лица!

Дай, к устам твоим приникнув,
Посмотреть в лицо твое,
Чтоб не дрогнув, чтоб не крикнув,
Встретить смерти острие.

И, не кончив поцелуя,
Клятвы тихие творя,
Улыбаясь, упаду я
На помосте алтаря.

27 января 1905

Клеопатра

Нет, как раб не буду распят,
Иль как пленный враг казнен!
Клеопатра! – Верный аспид
Нам обоим принесен.

Вынь на волю из корзины,
Как союзницу, змею,
Полюбуйся миг единый
На живую чешую.

И потом на темном ложе
Дай припасть ей нам на грудь,
Сладким холодом по коже
В быстрых кольцах проскользнуть.

Не любовь, но смерть нам свяжет
Узы тягостные рук,
И, скрутясь, меж нами ляжет
Наш последний тайный друг.

Губы в губы, – взгляд со взглядом, —
Встретим мы последний суд.
Два укуса с жгучим ядом
Сжатых рук не разомкнут.

И истома муки страстной
Станет слабостью конца,
И замрут, дрожа согласно,
Утомленные сердца.

Я как раб не буду распят,
Не покорствуй как раба!
Клеопатра! – Верный аспид —
Наша общая судьба.

1905

АНТОНИЙ

Ты на закатном небосклоне
Былых, торжественных времен,
Как исполин стоишь, Антоний,
Как яркий, незабвенный сон.

Боролись за народ трибуны
И императоры – за власть,
Но ты, прекрасный, вечно юный,
Один алтарь поставил – страсть!

Победный лавр, и скиптр вселенной,
И ратей пролитую кровь
Ты бросил на весы, надменный, —
И перевесила любовь!

Когда вершились судьбы мира
Среди вспененных боем струй, —
Венец и пурпур триумвира
Ты променял на поцелуй.

Когда одна черта делила
В веках величье и позор, —
Ты повернул свое кормило,
Чтоб раз взглянуть в желанный взор.

Как нимб, Любовь, твое сиянье
Над всеми, кто погиб, любя!
Блажен, кто ведал посмеянье,
И стыд, и гибель – за тебя!

О, дай мне жребий тот же вынуть,
И в час, когда не кончен бой,
Как беглецу, корабль свой кинуть
Вслед за египетской кормой!

Апрель 1905

Патмос

Единый раз свершилось чудо:
Порвалась связь в волнах времен.
Он был меж нами, и отсюда

Смотрел из мира в вечность он.

Все эти лики, эти звери,
И ангелы, и трубы их
В себе вмещали в полной мере
Грядущее судеб земных.

Но в миг, когда он видел бездны,
Ужели ночь была и час,
И все вращался купол звездный,
И солнца свет краснел и гас?

Иль высшей волей провиденья
Он был исторгнут из времен,
И был мгновеннее мгновенья
Всевидящий, всезрящий сон?

Все было годом или мигом,
Что видел, духом обуян,
И что своим доверил книгам
Последний вестник Иоанн?

Мы в мире времени, – отсюда
Мир первых сущностей незрим.
Единый раз свершилось чудо —
И вскрылась вечность перед ним.

Орфей и аргонавты

Боги позволили, Арго достроен,
Отдан канат произволу зыбей.
Станешь ли ты между смелых, как воин,
Скал чарователь, Орфей?

Тифис, держи неуклонно кормило!
Мели выглядывай, зоркий Линкей!
Тиграм и камням довольно служила
Лира твоя, о Орфей!

Мощен Геракл, благороден Менотий,
Мудр многоопытный старец Нелей, —
Ты же провидел в священной дремоте
Путь предстоящий, Орфей!

Слава Язону! руно золотое
Жаждет вернуть он отчизне своей.
В день, когда вышли на подвиг герои,
Будь им сподвижник, Орфей!

Славь им восторг достижимой награды,
Думами темных гребцов овладей
И навсегда закляви Симплегады
Гимном волшебным, Орфей!

5 – 6 ноября 1904

Из ада изведенные

*В страну без возврата, в жилище
мертвых устремилась богиня
Истар – вывести души из ада,
чтобы они вновь ели и жили.
Из ассирийского эпоса*

В полдень

Свершилось! молодость окончена!
Стою над новой крутизной.
Как было ясно, как утонченно
Сиянье утра надо мной.

Как жрец, приветствуя мгновения,
Великий праздник первых встреч,
Впивал все краски и все тени я,
Чтоб их молитвенно сберечь.

И чудом правды примиряющей
Мне в полдень пламенный дано
Из чаши длительно-сжигающей
Испить священное вино:

Признав в душе, навстречу кинутой,

Сны потаенные свои,
Увидеть небосвод, раздвинутый
Заветной радугой любви,

И сжать уста устами верными,
И жизнь случайностями сжать,
И над просторами безмерными
На крыльях страсти задрожать!

Зарю, закатно-розоперстую,
Уже предчувствуя вдали.
Смотрю на бездну, мне отверстую,
На шири моря и земли.

Паду, но к цели ослепительной
Вторично мне не вознестись,
И я с поспешностью томительной
Всем существом впиваю высь.

13 – 14 сентября 1903, 1904

Портрет

Черты твои – детские, скромные;
Закрыты стыдливо виски,
Но смотрят так странно, бездомные.
Большие зрачки.

Движеньями грустно-усталыми
Ты просишь: оставьте меня.
Язвит тебя жгучими жалами
Действительность дня.

Не сомкнуты губы бессильные,
Как будто им нечем вздохнуть,
Как будто покровы могильные
Томят тебе грудь.

Как будто ты помнишь далекое,
Что было, быть может, лишь сном,
И сердце твое одинокое —
Навеки в былом.

Как призраки, горько ненужные,
Мы, люди, скользим пред тобой.
Ты смотришься в дали жемчужные
Поникшей душой.

К глубинам родным наклоняешься,
И рада виденьям, — но вдруг,
Вся вздрогнув, опять возвращаешься
Печально в наш круг.

20 – 21 февраля, 1905

Жрице Луны I

По твоей улыбке сонной
Лунный отблеск проскользнул.
Властный, ласковый, влюбленный,
Он тебе призыв шепнул.
Над твоей улыбкой сонной
Лунный луч проколдовал,
Властный, ласковый, влюбленный,
Он тебя поцеловал.

И, заслыша зов заклятий,
Как родные голоса, —
Обратила ты к Гекате
Тьмой зажженные глаза.
Слыша смутный зов заклятий,
Бледным светом залита,
Обратила ты к Гекате
Помертвелые уста.

В жажде ласки, в жажде страсти
Вся ты – тайна, вся ты – ложь.
Ты у лунных сил во власти,
Тело богу предаешь.
В жажде ласки, в жажде страсти,
Что тебя целую я!
У Астарты ты во власти,

Ты – ее, ты – не моя!

1904

Жрице Луны II

Владыка слов небесных, Тот,
Тебя в толпе земной отметил, —
Лишь те часы твой дух живет,
Когда царит Он, – мертв и светел.
Владыка слов небесных, Тот,
Призвал тебя в свой сонм священный:
Храня таинственный черед,
Следишь ты месяц переменный.

Приходит день, приходит миг;
Признав заветные приметы,
Ночному богу тайных книг
Возобновляешь ты обеты.
Приходит день, приходит миг:
Ты в сонме жриц, в нездешнем храме,
Целуешь мертвый, светлый лик
Своими алыми губами.

Ты миру нашему чужда,
Тая ревниво знаки Тота.
И в шуме дня тобой, всегда,
Владеет вещая дремота.

Ты миру нашему чужда,
Где слепо властвует Изида.
Меж нами – вечная вражда,
Меж нами – древняя обида!

Октябрь 1904

Кубок

*И кто б ни подал кубок жгучий...
Tertia, Vigilia*

Вновь тот же кубок с влагой черной,
Вновь кубок с влагой огневой!
Любовь, противник необорный,
Я узнаю твой кубок черный
И меч, взнесенный надо мной.

О, дай припасть устами к краю
Бокала смертного вина!
Я бросил щит, я уступаю, —
Лишь дай, припав устами к краю,
Огонь отравы пить до дна!

Я знаю, меч меня не минет, .
И кубок твой беру, спеша.
Скорей! скорей! пусть пламя хлынет,
И крик восторга в небо кинет

Моя сожженная душа!

Январь 1905

Молния

Опять душа моя расколота
Ударом молнии, и я,
Вдруг ослепленный вихрем золота,
Упал в провалы бытия.

С победным хохотом, товарища,
Лемуры встретили меня —
На пепле старого пожараща,
В дыму последнего огня.

«Ты – наш! – вскричали в дикой нежности, —
Ты наш! и в безднах вечно будь!
Свободный дух предай мятежности,
Тропы лазурные забудь!»

И мне от жгучей боли весело,
И мне желанен мой костер,
И небо черный полог свесило
На мой полуослепший взор.

17 ноября 1904

В застенке

Кто нас двух, душой враждебных,
Сблизить к общей цели мог?
Кто заклятьем слов волшебных
Нас воззвал от двух дорог?

Кто над пропастью опасной
Дал нам взор во взор взглянуть?
Кто связал нас мукой страстной?
Кто нас бросил – грудь на грудь?

Мы не ждали, мы не знали,
Что вдвоем обречены:
Были чужды наши дали,
Выли разны наши сны!

Долго, с трепетом испуга,
Уклонив глаза свои,
Отрекались друг от друга
Мы пред ликом Судии.

Он же, мудрый, он же, строгий,
Осудил, не облича.
Нас смутил глухой тревогой
Смех внезапный палача.

В диком вихре – кто мы? что мы?
Листья, взвитые с земли!
Сны восторга и истомы
Нас, как уголья, прожгли.

Здесь, упав в бессильной дрожи,
В блеске молний и в грозе,
Где же мы: на страстном ложе
Иль на смертном колесе?

Сораспята на муку,
Давний враг мой и сестра!
Дай мне руку! дай мне руку!
Меч взнесен! Спеши! Пора!

10 – 11 декабря 1904

Видение крыльев

Связанные взглядом,
Над открытой бездной
Наклонились мы,
Рядом! рядом! рядом!
С дрожью бесполезной
Пред соблазном тьмы.

Взоры уклоняя,
Шепчешь ты проклятья

Общему пути, —
Зная! зная! зная!
Что тесней объятья
Мы должны сплести!

Что твои усилъя
Разорвать сплетенья
Наших рук и глаз!
Крылья! крылья! крылья! —
Яркое виденье
Ослепило нас.

Страшен и неведом,
Там Крылатый Кто-то
Озарен огнем.
Следом! следом! следом!
В чайньи полета
Бросимся вдвоем!

4 – 5 ноября 1904

В трюме

Мы – двое, брошенные в трюм,
В оковах на полу простертые.
Едва доходит в глуби мертвые
Далеких волн неровный шум.

Прошли мы ужасы Суда,
И приговоры нам прочитаны,
И нас влечет корабль испытанный
Из мира жизни навсегда.

Зачем же ты, лицом упав
На доски жесткие, холодные,
Твердишь про области свободные,
Про воздух гор и запах трав!

Забудь о радостных путях,
Забудь благоуханья смольные,
Наш мир – недели подневольные,
Наш мир – молчанье, мрак и прах.

Но в миг, когда, раскрывши дверь,
Палач поманит нас десницею,
Останься пленною царицею,
Мне руку скованную вверх.

Мы выйдем с поднятым челом,
На мир вечерний взглянем с палубы,
И без упрека и без жалобы
В челнок последний перейдем.

Последний пир

Бледнеют тени. Из-за ставен
Рассвет бесстыдно кажет лик.
Над нами новый день бесправен,
Еще царит последний миг.

Гремит случайная телега
По тяжким камням мостовой.
Твое лицо белее снега,
Но строг и ясен облик твой.

Как стадо пьяное кентавров,
Спят гости безобразным сном.
Венки из роз, венки из лавров
Залиты – смятые – вином.

На шкуры барсов и медведей
Упали сонные рабы...
Пора помыслить о победе
Над темным гением Судьбы!

Ты подняла фиал фалерна
И бросила... Условный знак!
Моя душа осталась верной:
Зовешь меня – иду во мрак.

У нас под складками одежды,
Я знаю, ровен сердца стук...
Как нет ни страха, ни надежды -
Не будет ужаса и мук.

Два лезвия блеснут над ложем,
Как сонный вздох, провеет стон, —
И, падая, мы не встревожим
Кентавров пьяных тусклый сон.

1905

В склепе

Ты в гробнице распростерта в миртовом венце.
Я целую лунный отблеск на твоём лице.

Сквозь решетчатые окна виден круг луны.
В ясном небе, как над нами, тайна тишины.

За тобой, у изголовья, венчик влажных роз,
На твоих глазах, как жемчуг, капли прежних слез.

Лунный луч, лаская розы, жемчуг серебрит,
Лунный свет обходит кругом мрамор старых плит.

Что ты видишь, что ты помнишь в непробудном сне?
Тени темные всё ниже клонятся ко мне.

Я пришел к тебе в гробницу через черный сад,
У дверей меня лемуры злобно сторожат.

Знаю, знаю, мне недолго быть вдвоем с тобой!
Лунный свет свершает мерно путь свой круговой.

Ты – недвижна, ты – прекрасна в миртовом венце.
Я целую свет небесный на твоём лице!

1905

Два голоса

Первый

Где ты? где ты, милый?
Наклонись ко мне.
Призрак темнокрылый
Мне грозил во сне.

Я была безвольна
В сумраке без дня...
Сердце билось больно...

Другой

Кто зовет меня?

Первый

Ты зачем далеко?
Темный воздух пуст.
Губы одиноко
Ищут милых уст.
Почему на ложе
Нет тебя со мной?
Где ты? кто ты? кто же?

Другой

В склепе я – с тобой!

Первый

Саваном одеты
Руки, плечи, – прочь!
Милый, светлый, где ты?
Нас венчает ночь.
Жажду повторять я
Милые слова.
Где ж твои объятия?

Другой

Разве ты жива?

Первый

И сквозь тьму немую
Вижу – близко ты.
Наклонясь, целую
Милые черты.
Иль во тьме забыл ты
Про любовь свою?
Любишь, как любил ты?

Другой

Понял. Мы – в раю.

1905

Из ада изведенные

Астарта! Астарта! и ты посмеялась,
В аду нас отметила знаком своим,
И ужасы пыток забылись как малость,
И радость надежд расклубилась как дым.

Одно нам осталось – сближаться, сливаться,
Слипаться устами, как гроздьям висеть,
К святыням касаться рукой святотатца,
Вплетаться всем телом в Гефестову сеть.

Дай бледные руки, где язвы распяты!
Дай бедную грудь, где вонзалось копьё!
Края плащаницы хочу целовать я,
Из гроба восставшее тело твоё!

Царица желаний, изведшая души
Из бездны Иркаллы на пламенный свет!
Тебе, необорной, мы детски послушны:
И ложе – как храм, и любовь – как обет!

Астарте небесной, предвестнице утра,
Над нами сияющей ночью и днем,
Я – жрец темноглазый, с сестрой темнокудрой,
И ночью и днем воспеваю псалом.

28 – 30 июля 1905

Антоновка

Маргерит

Ты – как камень самоцветный,
Ты – как жемчуг маргерит:
Тайный пламень, чуть заметный,
В глубине его горит.

Я – как уголь: жгучим горном
Пережженный, я погас, —

Но таится в угле черном
Ослепительный алмаз.

Года круг велик и долог,
В круге целый мир сокрыт:
И включил священный Пролог
Книгу тайны – Маргерит.

Книгу ль тайн не облечете
В пышный бархат и атлас?
Пусть блестит на переплете
В ясном золоте алмаз!

Выпал жребий предрешенный:
Уголь – я, ты – маргерит.
Но мой лик преображенный
Пред твоей душой горит!

1905

Мгновения

Но есть сильнее очарованье...
Ф. Тютчев

* * *

Костра расторгнутая сила
Двух тел сожгла одну мечту,
И влага страсти погасила
Последних углей красноту.

И опаленны и бессильны
В объятьях тщетно мы дрожим:
Былое пламя – прах могильный,
Над нами расточенный дым.

Но знаю, искра тлеет где-то,
Как феникс воскресает страсть, —
И в новый вихрь огня и света
Нам будет сладостно упасть!

23 марта 1904

* * *

Серафимов вереницы
Наше ложе окружили.
Веют в пламенные лица
Тихим холодом воскрылий.

Серафимы полукругом
Наклонились к изголовью;
Внемлем с радостным испугом
Неземному славословью.

Реют лики светлым дымом,
И крылами гасят свечи,
И кропят дождем незримым
Наши огненные плечи.

1905

* * *

Когда мы бывали
Томительно сцеплены
(Губы, и руки,
И груди, и плечи),

Изнемогая
В сладостной муке, —
Кем-то затеплены,
Строгие свечи —
Отсветы рая —
В небе мерцали
Перед иконами,
Ангелы пели
Гимны хвалений
За небосклонами,
И нежились тени,
Как в девичей постели,
Над полями зелеными.

1905

* * *

Дай устам моим приникнуть
К влажно дышащим устам,
Чтоб в молчаньи мог возникнуть
Мой заветный, тайный храм.

Снова сходы, переходы,
Лестниц узкие винты,
В полутьме лепечут воды,
Веют пряные цветы.

Дальше! дальше! в те покои,
Где во мраке слепнет взор.
Чу! как пенье неземное,
Вдалеке девичий хор.

Девы! девы! громче киньте
Через сумрак вещей зов!
Я теряюсь в лабиринте
Переходов и шагов.

Жажду света, жажду встречи
Пред огнями алтаря.
Вот вдали мелькнули свечи,
Словно ранняя заря.

Тороплюсь, спешу к подножью
Царских врат... упал, немой...
С легким стоном, с тихой дрожью
Ты поникла надо мной.

1905

Из песен Мальдуна

Верные челны, причальте
К этим унылым теснинам.
Здесь, на холодном базальте,
Черную ночь провести нам!

Ах! вам все снятся магнолий
Купы над синим заливом, —
Время блаженной неволи,
Жизнь в упоеньи ленивом.

Ах! вам все помнятся, братья,
Очи подруг долгожданных,
Их огневые объятья,
Тайны ночей бездыханных!

Полно! изведано счастье!
Кубок пустой опрокинут.
Слаще, чем дрожь сладострастья,
Вольные волны нас ринут.

Кормы, качаясь на влаге,
Манят нас к Новому Свету,
Мы по природе – бродяги,
Мы – моряки по обету!

Спите же сном беззаботным,
Здесь, где я посох свой бросил:
Завтра, чуть утро блеснет нам,
Снова мы сядем у весел!

10 – 12 июля 1905

Прощание

Вот и ты, печальная, отчалила
От моих безмолвных берегов.
Солнце бледный твой венок ужалило,
Солнце воды окропило золотом,
Дали синие – перед тобой как зов.

Я один теперь под сводом каменным,
Я один среди померкших скал.
Что ж! Пойду в пещеру к верным молотам,
Их взносить над горном жгуче-пламенным,
Опускать их па пылающий металл.

Гулок стук. Со мной лишь гномы пленные,
Злобные пособники мои,
Да мои видения мгновенные,
Да в мечтах последних – волны пенные,
Рассеченные движением лады.

12 апреля 1904

Повседневность

*Бродя по думам и влачась по дням.
Tertia Vigilia*

Встреча

*Ô toi que j'eusse aimée, ô toi qui le savais!
Ch. Baudelaire («A une passante»)¹⁸*

О, эти встречи мимолетные
На гулких улицах столиц!
О, эти взоры безотчетные,
Беседа беглая ресниц!

На зыби яростной мгновенного
Мы двое – у одной черты;
Безмолвный крик желанья пленного:
«Ты кто, скажи?» – Ответ: «Кто ты?»»

И взором прошлое рассказано,⁷
И брошен зов ей: «Будь моей!»
И вот она обетом связана...

¹⁸ О ты, которую я мог бы полюбить, о ты, которая это знала! Ш. Бодлер, «Прошедшей мимо» (фр.).

Но миг прошел, и мы не с ней.

Далеко, там, в толпе, скользит она,
Уже с другим ее мечта...

Но разве страсть не вся испытана,
Не вся любовь пережита!

29 сентября 1904

На улице

На людной улице, безумной и мятежной,
Мы встретились на миг.
Знакомый взор с какой-то грустью нежной
В меня проник.

И мы вдвоем над зеркалом покатым
Дрожали не дыша.
В нем отражалась призраком крылатым
Твоя душа.

А я бескрылой, падающей тенью
Был рядом повторен.
Как будто звал к последнему паденью
Отвесный склон.

И я ступил ногой за край открытый...
Но мимо ты прошла,

И встретил шаг лишь каменные плиты
Взамен стекла.

11 января 1904

В публичном доме

Ходят и дерзко поводят плечами,
Камнями, тканями, телом блестя,
Бедрами, шелком шурша, шелестя...

«Что же, дитя, ты стоишь как во храме?
Очи опущены, шея закрыта...
Кто ты, дитя?»
– «Я – Афродита!»

«Пенорожденная! Андиомена!
К жертвам привыкшая Эроса мать,
Здесь, где властители – купля и мена,
Что тебе медлить? чего тебе ждать?»

«Всюду я, где трепет страстный
Своевольно зыблет грудь.
Вы бессильны, вы не властны
Тайну страсти обмануть!»

Лгите зовом поцелуя,
О любви ведите торг, —

В миг последний, торжествуя,
Опьянит глаза восторг!

Все признанья, ласки, клятвы,
Ревность, близость – лишь тропа,
Где иду я к полю жатвы
С яркой молнией серпа.

В тишине альковов брачных
И в веселье грешных лож
Желтизну колосьев злочных
Узнает равно мой нож.

Здесь иль нет, пришлец случайный,
Ниц ты склонишься челом —
Пред моей предвечной тайной,
Под моим святым серпом!»

1905

В ресторане

Горите белыми огнями,
Теснины улиц! Двери в ад,
Сверкайте пламенем пред нами,
Чтоб не блуждать нам наугад!

Как лица женщин в синем свете

Обнажены, углублены!
Взметайте яростные плети
Над всеми, дети Сатаны!

Хрусталь горит. Вино играет.
В нем солнца луч освобожден.
Напев ли вальса замирает
Иль отдаленный сонный стон?

Ты вновь со мной! ты – та же! та же!
Дай повторять слова любви...
Хохочут дьяволы на страже,
И алебарды их – в крови.

Звени огнем, – стакан к стакану!
Смотри из пытки на меня!
– Плывет, плывет по ресторану
Синь воскресающего дня.

1905

Каменщик

Камни, полдень, пыль и молот,
Камни, пыль и зной.
Горе тем, кто свеж и молод
Здесь, в тюрьме земной!

Нам дана любовь – как цепи,
И нужда – как плеть...
Кто уйдет в пустые степи
Вольно умереть!

Камни, полдень, пыль и молот,
Камни, пыль и зной...
Камень молотом расколот,
Длится труд дневной.

Камни бьем, чтоб жить на свете,
И живем, – чтоб бить...
Горе тем, кто ныне дети,
Тем, кто должен быть!

Камни, полдень, пыль и молот,
Камни, пыль и зной...
Распахнет ли смертный холод
Двери в мир иной!

Декабрь 1903

В игорном доме *(Chemin de fer)*¹⁹

«Кто они, скажи мне, птица,

¹⁹ Буквально: железная дорога (*фр.*); здесь: название карточной игры.

Те двенадцать вокруг стола?
Как на их земные лица
Тень иного налегла?»

«Это я в узорной башне
Заточила души их,
Их сознаний звук всегдашний
Сочетала в звонкий стих.

Это я дала червонцам
Тусклый блеск, холодный яд.
И подсолнечники к солнцам
Обращенные стоят.

Я язык дала их знакам,
Их речам бессвязным смысл,
Им дала упиться мраком
Тайных символов и числ.

Я – мечта, но лишь качну я
Черно-синее крыло,
След святого поцелуя —
Тень им ляжет на чело.

Непостижна и незрима,
Я храню сомкнутый круг.
Не иди, безумец, мимо,
Будь со мной и будь мне друг!»

И, дрожа крылами, птица
Взором верных обвела,
И покрылись тенью лица,
Все двенадцать вокруг стола.

Октябрь 1903

В вагоне

В ее глаза зеленые
Взглянул я в первый раз,
В ее глаза зеленые,
Когда наш свет погас.

Два спутника случайные,
В молчаньи, без огней,
Два спутника случайные,
Мы стали близки с ней.

Дрожал вагон размеренно,
Летел своим путем,
Дрожал вагон размеренно,
Качая нас вдвоем.

И было здесь влияние
Качания и тьмы,
И было здесь влияние,
В котором никли мы.

И чьи-то губы близились
Во тьме к другим губам,
И чьи-то губы близились...
Иль это снилось нам?

В ее глаза зеленые
Взглянул я в первый раз,
В ее глаза зеленые,
Когда в них свет погас.

12 – 13 июня 1904, 1905

Крысолов

Я на дудочке играю,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Я на дудочке играю,
Чьи-то души веселя.

Я иду вдоль тихой речки,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Дремлют тихие овечки,
Кротко зыблются поля.

Спите, овцы и барашки,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
За лугами красной кашки

Стройно встали тополя.

Малый домик там таится,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Милой девушке приснится,
Что ей душу отдал я.

И на нежный зов свирели,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Выйдет словно к светлой цели
Через сад, через поля.

И в лесу под дубом темным,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Будет ждать в бреду истомном,
В час, когда уснет земля.

Встречу гостью дорогую,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Вплоть до утра зацелую,
Сердце лаской утоля.

И, сменившись с ней колечком,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Отпущу ее к овечкам,
В сад, где стройны тополя.

18 декабря 1904

После пира

Мы с дрожью страсти и печали,
Едва над морем рассвело,
Ей чресла розами венчали
И гиацинтами чело.

На теле розовом и белом
Как кровь горели капли роз,
Одни мы были в мире целом,
И храмом стал нагой утес.

Жрецы ночей и наслаждений,
Мы перед вечной Красотой
Склонили радостно колени,
Воспев невольно гимн святой.

Но там внизу, когда тумана
Раздвинулся густой покров,
Открылись вышедшие рано
На ловлю лодки рыбаков.

И, отзвук песни их убогой
На высоте слышав вдруг,
Она, объятая тревогой,
Разорвала наш тесный круг.

И солнце, беспощадным ликом,
Взглянув, огнем зажгло волну,
И, шаг ступив, с победным криком
Она низверглась в глубину.

Февраль 1904, ноябрь 1905

Гребцы триремы

Тесно во мгле мы сидим,
Люди, над ярусом ярус.
Зыблются ветром живым
Где-то и стяги и парус!

В узкие окна закат
Красного золота бросил.
Выступил сумрачный ряд
Тел, наклоненных у весел.

Цепи жестоки. Навек
К месту прикованы все мы
Где теперь радостный бег
Нами влекомой триремы?

Режем ли медленный Нил,
Месим ли фризскую тину?
Или нас Рок возвратил
К белому мысу Пахину?

Песню нам, что ли, начать?
Но не расслышат и жалоб
Те, кто достойны дышать
Морем с разубранных палуб!

Кто там? Нагая ль жена
Дремлет на шкуре пантеры?
Чу! это песня слышна
В честь венценосной гетеры.

Или то Цезарь-певец
Лирой тревожит Тритона,
Славя свой вечный венец,
Славя величие трона?

Нет! то военных рожков
Вызов, готовящий к бою!
Я для друзей иль врагов
Волны упругие рою?

Эх, что мечтать! все равно —
Цезаря влечь иль пирата!
Тускло струится в окно
Отблеск последний заката.

Быстро со мглой гробовой
Снова сливаемся все мы,
Мча на неведомый бой

Бег быстролетной триремы.

1904

К олимпийцам

Все как было, все как вечно.
Победил и побежден!
Рассечен дорогой млечной
Бесконечный небосклон.

Миллионы, миллионы
Нескончаемых веков
Возносили в бездну стоны
Оскорбляемых миров.

Все – обман, все дышит ложью,
В каждом зеркале двойник,
Выполняя волю божью,
Кажет вывернутый лик.

Все победы – униженье,
Все восторги – боль и стыд.
Победитель на мгновенье,
Я своим мечом убит!

На снегу нетленно-белом
Я простерт. Струится кровь...

За моим земным пределом,
Может быть, сильна любовь!

Здесь же, долу, во вселенной —
Лишь обманность всех путей,
Здесь правдив лишь смех надменный
Твой, о брат мой Прометей!

Олимпиец! бурей снежной
Замети мой буйный прах, —
Но зажжен огонь мятежный
Навсегда в твоих рабах!

15 – 16 декабря 1904

Современность

*Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые.*

Ф. Тютчев

Кинжал

*Иль никогда на голос мщенья
Из золотых ножен не вырвешь свой клинок...*

М. Лермонтов

Из ножен вырван он и блещет вам в глаза,
Как и в былые дни, отточенный и острый.
Поэт всегда с людьми, когда шумит гроза,
И песня с бурей вечно сестры.

Когда не видел я ни дерзости, ни сил,
Когда все под ярмом клонили молча выи,
Я уходил в страну молчанья и могил,
В века, загадочно былые.

Как ненавидел я всей этой жизни строй,
Позорно-мелочный, неправый, некрасивый,
Но я на зов к борьбе лишь хохотал порой,
Не веря в робкие призывы.

Но чуть слышал я заветный зов трубы,
Едва раскинулись огнистые знамена,
Я – отзыв вам кричу, я – песенник борьбы,
Я вторю грому с небосклона.

Кинжал поэзии! Кровавый молний свет,
Как прежде, пробежал по этой верной стали,
И снова я с людьми, – затем, что я поэт.
Затем, что молнии сверкали.

1903

К Тихому океану

Снилось ты нам с наших первых веков
Где-то за высью чужих плоскогорий,
В свете и в пеньи полдневных валов,
Южное море.

Топкая тундра, тугая тайга,
Страны шаманов и призраков бледных
Гордым грозили, закрыв берега
Вод заповедных.

Но нам вожатым был голос мечты!
Зовом звучали в веках ее клики!
Шли мы, слепые, и вскрылся нам ты,

Тихий! Великий!

Чаша безмерная вод! дай припасть
К блещущей влаге устами и взором,
Дай утолить нашу старую страсть
Полным простором!

Вот чего ждали мы, дети степей!
Вот она, сродная сердцу стихия!
Чудо свершилось: на грани своей
Стала Россия.

Брат Океан! ты – как мы! дай обнять
Братскую грудь среди вражеских станов.
Кто, дерзновенный, захочет разъять
Двух великанов?

27 января 1904

Война

На камнях скал, под ропот бора
Предвечной Силой рождена,
Ты. – дочь губящего Раздора,
Дитя нежданное, Война.

И в круг зверей, во мглу пещеры
Тебя швырнула в гнев мать,

И с детства ты к сосцам пантеры
Привыкла жадно припадать.

Ты мощью в мать, хотя суровой,
По сердцу ты близка с отцом,
И не людскую жажду крови
Всосала вместе с молоком.

Как высший судия, всевластно
Проходишь ты тропой веков,
И кровь блестит полоской красной
На жемчугах твоих зубов.

Ты золотую чашу «право»,
Отцовский дар, бросаешь в мир,
Чтоб усладить струей кровавой,
Под гулы битв, свой страшный пир.

И за тобой, дружиной верной,
Спеша, с знаменами в руках,
Все повторяют крик пантерный,
Тобой подслушанный в лесах.

1904 – 1905

На новый 1905 год

И вот в железной колыбели,

В громах, родится новый год.
Ф. Тютчев (1856)

Весь год прошел как сон кровавый,
Как глухо душащий кошмар,
На облаках, как отблеск лавы,
Грядущих дней горит пожар.

Как исполин в ночном тумане
Встал новый год, суров и слеп,
Он держит в беспощадной длани
Весы таинственных судеб.

Качнулись роковые чаши,
При свете молний взнесены:
Там жребии врага и наши,
Знамена тяжкие войны.

Молчи и никни, ум надменный!
Се – высшей истины пора!
Пред миром на доске вселенной
Веков азартная игра.

И в упоении и в страхе
Мы, современники, следим,
Как вьется кость, в крови и прахе,
Чтоб выпасть знаком роковым.

Декабрь 1904

К согражданам

Борьба не тихнет. В каждом доме
Стоит кровавая мечта,
И ждем мы в тягостной истоме
Столбцов газетного листа.

В глухих степях, под небом хмурым,
Тревожный дух наш опочил,
Где над Мукденом, над Артуром
Парит бессменно Азраил.

Теперь не время буйным спорам,
Как и веселым звонам струн.
Вы, ликторы, закройте форум!
Молчи, неистовый трибун!

Когда падут крутые Веи
И встанет Рим как властелин,
Пускай опять идут плебеи
На свой священный Авентин!

Но в час сражений, в ратном строе,
Все – с грудью грудь! и тот не прав,
Кто назначенье мировое
Продать способен, как Исав!

Пусть помнят все, что ряд столетий
России ведать суждено,
Что мы пред ними – только дети,
Что наше время – лишь звено!

Декабрь 1904

Цусима

Великолепная могила!
Пушкин

Где море, сжатое скалами,
Рекой торжественной течет,
Под знойно-южными волнами,
Изнеможен, почил наш флот.

Как стая птиц над океаном,
За ним тоскующей мечтой
По странным водам, дивным странам
Стремилась мы к мете одной.

И в день, когда в огне и буре
Он, неповинный, шел ко дну,
Мы в бездну канули с лазури,
Мы пили смертную волну.

И мы, как он, лежим, бессильны,
Высь – недоступно далека,
И мчит над нами груз обильный,
Как прежде, южная река.

И только слезы, только горе,
Толпой рыдающих наяд,
На стрелах солнца сходят в море,
Где наши остовы лежат.

Да вместе призрак величавый,
Россия горестная, твой
Рыдает над погибшей славой
Своей затеи роковой!

И снова все в веках, далеко,
Что было близким наконец, —
И скипетр Дальнего Востока,
И Рима Третьего венец!

10 августа 1905

Юлий Цезарь

Они кричат: за нами право!
Они клянут: ты бунтовщик,
Ты поднял стяг войны кровавой,
На брата брата ты воздвиг!

Но вы, что сделали вы с Римом,
Вы, консулы, и ты, сенат!
О вашем гнете нестерпимом
И камни улиц говорят!

Вы мне твердите о народе,
Зовете охранять покой,
Когда при вас Милон и Клодий
На площадях вступают в бой!

Вы мне кричите, что не смею
С сенатской волей спорить я,
Вы, Рим предавшие Помпею
Во власть секиры и копья!

Хотя б прикрыли гроб законов
Вы лаврами далеких стран!
Но что же! Римских легионов
Значки – во храмах у парфян!

Давно вас ждут в родном Эребе!
Вы – выродки былых времен!
Довольно споров. Брошен жребий.
Плыви, мой конь, чрез Рубикон!

Август 1905

Одному из братьев

Свой суд холодный и враждебный
Ты произнес, но ты не прав!
Мои стихи – сосуд волшебный
В тиши отстоянных отрав!

Стремлюсь, как ты, к земному раю
Я, под безмерностью небес:
Как ты, на всех запястьях знаю
Следы невидимых желез.

Но, узник, ты схватил секиру,
Ты рубишь твердый камень стен,
А я, таясь, готовлю миру
Яд, где огонь запечатлен.

Он входит в кровь, он входит в душу,
Преображает явь и сон...
Так! я незримо стены рушу,
В которых дух наш заточен.

Чтоб в день, когда мы сбросим цепи
С покорных рук, с усталых ног,
Мечтам открылись бы все степи
И волям – дали всех дорог.

15–16 июля, 20 августа 1905

Знакомая песнь

Эта песнь душе знакома,
Слушал я ее в веках.
Эта песнь – как говор грома
Над равниной, в облаках.

Пел ее в свой день Гармодий,
Повторил суровый Брут,
В каждом призванном народе
Те же звуки оживут.

Это – колокол вселенной
С языком из серебра,
Что качают миг мгновенный
Робеспьеры и Мара.

Пусть ударят неумело:
В чистой меди тот же звон!
И над нами загудела
Песнь торжественных времен.

Я, быть может, богомольней,
Чем другие, внемлю ей,
Не хваля на колокольне
Неискусных звонарей.

16 августа 1905

Антоповка

Цепи

Их цепи лаврами обвил.

Пушкин

Да! цепи могут быть прекрасны,
Но если лаврами обвиты.
А вы трусливы, вы безгласны,
В уступках ищите защиты.

Когда б с отчаяньем суровым
В борьбе пошли вы до предела,
Я мог венчать вас лавром новым,
Я мог воспеть вас в песне смелой.

Когда бы, став лицом к измене,
Вы, как мужчины, гордо пали,
Быть может, в буре вдохновенней
Я сплел бы вам венец печали!

Но вы безвольны, вы бесполы,
Вы скрылись за своим затвором.
Так слушайте напев веселый.
Поэт венчает вас позором.

Август 1905

Паломникам свободы

Свои торжественные своды
Из-за ограды вековой
Вздымал к простору Храм Свободы,
Затерянный в тайге глухой.

Сюда, предчувствием томимы,
К угрюмо запертым дверям,
Сходились часто пилигримы
Возжечь усердно фимиам.

И, плача у заветной двери,
Не смея прикоснуться к ней,
Вновь уходили, – той же вере
Учить, как тайне, сыновей.

И с гулом рухнули затворы,
И дрогнула стена кругом,
И вот уже горят, как взоры,
Все окна храма торжеством.

Так что ж, с испугом и укором,
Паломники иных времен
Глядят, как зарево над бором

Весь заливает небосклон.

1905

Уличный митинг

Кто председатель? кто вожатый?
Не ты ли, Гордый Дух, с мечом,
Как черный нетопырь – крылатый,
Но ликом сходный с божеством?

Не ты ль подсказываешь крики
И озлобленья и вражды,
И шепчешь, хохоча, улики,
И намечаешь жертв ряды?

Не ты ли в миг последний взглянешь
В лицо всем – яростным лицом —
И в руки факелы протянешь
С неумирающим огнем?

И вспыхнут заревом багряным
На вечном небе облака,
И озарятся за туманом
Еще не вставшие века.

Ты в пламени и клубях дыма
Отплясешь танец страшный свой,

Как ныне властвуя незримо
Над торжествующей толпой.

Да, ты пройдешь жестокой карой,
Но из наставшей темноты,
Из пепла общего пожара
Воздвигнешь новый мир – не ты!

22 октября 1905

Лик Медузы

Лик Медузы, лик грозящий,
Встал над далью темных дней,
Взор – кровавый, взор – горящий,
Волоса – сплетенья змей.

Это – хаос. В хаос черный
Нас влечет, как в срыв, стезя.
Спорим мы иль мы покорны,
Нам сойти с пути нельзя!

В эти дни огня и крови,
Что сольются в дикий бред,
Крик проклятий, крик злословии
Заклеймит тебя, поэт!

Но при заревах, у плахи,

На руинах всех святынь,
Славь тяжелых ломов взмахи,
Лиры гордой не покинь.

Ты, кто пел беспечность смеха
И святой покой могил,
Ты от века – в мире эхо
Всех живых, всех мощных сил.

Мир заветный, мир прекрасный
Сгибнет в бездне роковой.
Быть напевом бури властной —
Вот желанный жребий твой.

С громом близок голос музыки,
Древний хаос дружен с ней.
Здравствуй, здравствуй, лик Медузы,
Там, над далью темных дней.

Сентябрь 1905

ДОВОЛЬНЫМ

Мне стыдно ваших поздравлений,
Мне страшно ваших гордых слов!
Довольно было унижений
Пред ликом будущих веков!

Довольство ваше – радость стада,
Нашедшего клочок травы.
Быть сытым – больше вам не надо,
Есть жвачка – и блаженны вы!

Прекрасен, в мощи грозной власти,
Восточный царь Ассаргадон,
И океан народной страсти,
В щепы дробящий утлый трон!

Но ненавистны полумеры,
Не море, а глухой канал,
Не молния, а полдень серый,
Не агора, а общий зал.

На этих всех, довольных малым,
Вы, дети пламенного дня,
Восстаньте смерчем, смертным шквалом,
Крушите жизнь – и с ней меня!

18 октября 1905

Грядущие гунны

*Топчи их рай, Аттила.
Вяч. Иванов*

Где вы, грядущие гунны,

Что тучей нависли над миром!
Слышу ваш топот чугунный
По еще не открытым Памирам.

На нас ордой опьянелой
Рухните с темных становий —
Оживить одряхлевшее тело
Волной пылающей крови.

Поставьте, невольники воли,
Шалаши у дворцов, как бывало,
Всколите веселое поле
На месте тронного зала.

Сложите книги кострами,
Пляшите в их радостном свете,
Творите мерзость во храме, —
Вы во всем неповинны, как дети!

А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и веры,
Унесем зажженные светы
В катакомбы, в пустыни, в пещеры.

И что, под бурей летучей,
Под этой грозой разрушений,
Сохранит играющий Случай
Из наших заветных творений?

Бесследно все сгибнет, быть может,
Что ведомо было одним нам,
Но вас, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном.

Осень 1904

30 июля – 10 августа 1905

К счастливым

Свершатся сроки: загорится век,
Чей луч блестит на быстрине столетий,
И твердо станет вольный человек
Пред ликом неба на своей планете.

Единый Город скроет шар земной,
Как в чешую, в сверкающие стекла,
Чтоб вечно жить ласкательной весной,
Чтоб листьев зелень осенью не блекла;

Чтоб не было рассветов и ночей,
Но чистый свет, без облаков, без тени;
Чтоб не был мир ни твой, ни мой, ничей,
Но общий дар идущих поколений.

Цари стихий, владыки естества,
Последыши и баловни природы,
Начнут свершать, в веселье торжества,

Как вечный пир, ликующие годы.

Свобода, братство, равенство, все то,
О чем томимся мы, почти без веры,
К чему из нас не припадет никто, —
Те вкусят смело, полностью, сверх меры.

Разоблаченных тайн святой родник
Их упоит в бессонной жажде знания,
И Красоты осуществленный лик
Насытит их предельные желанья.

И ляжем мы в веках как перегнутой,
Мы все, кто ищет, верит, страстно дышит,
И этот гимн, в былом пропетый мной,
Я знаю, мир грядущий не услышит.

Мы станем сказкой, бредом, беглым сном,
Порой встающим тягостным кошмаром.
Они придут, как мы еще идем,
За все заплатят им, — мы гибнем даром.

Но что ж! Пусть так! Клони меня, Судьба!
Дышать грядущим гордая услада!
И есть иль нет дороги сквозь гроба,
Я был! я есмь! мне вечности не надо!

1904. Август 1905

Фонарики

Столетия – фонарики! о, сколько вас во тьме,
На прочной нити времени, протянутой в уме!
Огни многообразные, вы тешите мой взгляд...
То яркие, то тусклые фонарики горят.
Сверкают, разноцветные, в причудливом саду,
В котором, очарованный, и я теперь иду.
Вот пламенники красные – подряд по десяти.
Ассирия! Ассирия! мне мимо не пройти!
Хочу полюбоваться я на твой багряный свет:
Цветы в крови, трава в крови, и в небе красный след.
А вот гирлянда желтая квадратных фонарей.
Египет! сила странная в неяркости твоей!
Пронизывает глубли все твой беспощадный луч,
И тянется властительно с земли до хмурых туч.
Но что горит высоко там и что слепит мой взор?
Над озером, о Индия, застыл твой метеор.
Взнесенный, неподвижен он, в пространствах —
брат звезде,
По пляшут отражения, как змеи, по воде.
Широкая, свободная, аллея вдаль влечет,
Простым, но ясным светочем украшен строгий вход.
Тебя ли не признаю я, святой Периклов век!
Ты ясностью, прекрасностью победно мрак рассек!
Вхожу: все блеском залито, все сны воплощены,
Все краски, все сверкания, все тени сплетены!

О Рим, свет ослепительный одиннадцати чаш:
Ты – белый, торжествующий, ты нам родной, ты наш!
Век Данте – блеск таинственный, зловеще золотой...
Лазурное сияние, о Леонардо, – твой!..
Большая лампа Лютера – луч, устремленный вниз...
Две маленькие звездочки, век суетных маркиз...
Сноп молний – Революция! За ним громадный шар,
О ты! век девятнадцатый, беспламенный пожар!
И вот стою ослепший я, мне дальше нет дорог,
А сумрак отдаления торжественен и строг.
К сырой земле лицом припав, я лишь могу глядеть,
Как вьется, как сплетается огней мелькнувших сеть.
Но вам молюсь, безвестные! еще в ночной тени
Сокрытые, не жившие, грядущие огни!

1904

Лирические поэмы

Слава толпе

В пропасти улиц накинута,
Городом взятые в плен,
Что мы мечтаем о Солнце потерянном!
Области Солнца задвинуты
Плитами комнатных стен.
В свете искусственном,
Четком, умеренном,
Взоры от красок отучены,
Им ли в расплавленном золоте зорь потонуть!
Гулом сопутственным,
Лязгом железным
Празднует город наш медленный путь.
К безднам все глубже уводят излучины...
Нам к небесам, огнезарным и звездным,
Не достичь!

Здравствуй же, Город, всегда озабоченный,
В свете искусственном,
В царственной смене сверканий и тьмы!
Сладко да будет нам в сумраке чувственном
Этой всемирной тюрьмы!

Окна кругом заколочены,
Двери давно замуравлены,
Сабли у стражи отточены, —
Сабли, вкусившие крови, —
Все мы – в цепях!

Слушайте ж песнь храмовых славословий,
Вечно живет, как кумир, нам поставленный, —
Каменный прах!

Славлю я толпы людские,
Самодержавных колодников,
Славлю дворцы золотые разврата,
Славлю стеклянные башни газет.

Славлю я лики благие
Избранных веком угодников
(Черни признание – бесценная плата,
Дара поэту достойнее нет!).

Славлю я радости улицы длинной,
Где с дерзостным взором и мерзостным хохотом
Предлагают блудницы

Любовь,
Где с ропотом, топотом, грохотом
Двигутся лиц вереницы,
Вновь

Странно задеты тоской изумрудной
Первых теней, —
И летят экипажи, как строй безрассудный,
Мимо зеркальных сияний,
Мимо рук, что хотят подаваний,
К ликующим вывескам наглых огней!

Но славлю и день ослепительный
(В тысячах дней неизбежный),
Когда, среди крови, пожара и дыма,
Неумолимо
Толпа возвышает свой голос мятежный,
Властительный,
В безумии пьяных веселий
Все прошлое топчет во прахе,
Играет, со смехом, в кровавые плахи,
Но, словно влекома таинственным гением
(Как река свои воды к простору несущая),
С неуклонным прозрением,
Стремится к торжественной цели,
И, требуя царственной доли,
Глуха и слепа,
Открывает дорогу в столетья грядущие!

Славлю я правду твоих своеволий,
Толпа!

1904

Духи огня

Потоком широким тянулся асфальт.
Как горящие головы темных повешенных,
Фонари в высоте, не мигая, горели.

Делали двойственным мир зеркальные окна.
Бедные дети земли
Навстречу мне шли,
Города дети и ночи
(Тени скорбей неутешенных,
Ткани безвестной волокна!):
Чета бульварных камелий,
Франт в распахнутом пальто,
Запоздалый рабочий,
Старикашка хромающий, юноша пьяный...

Звезды смотрели на мир, пронизая туманы,
Но звезд – в электрическом свете – не видел никто.

Потоком широким тянулся асфальт.
Шаг за шагом падал я в бездны,
В хаос предсветно-дозвездный.
Я видел кипящий базальт,
В озерах стоящий порфир,
Ручьи раскаленного золота,
И рушились ливни на пламенный мир,
И снова взносились густыми клубами, как пар,
Изорванный молниями в клочья.
И слышались громы: на огненный шар,
Дрожавший до тайн своего средоточья,
Ложились удары незримого молота.

В этом горниле вселенной,
В этом смешении всех сил и веществ,

Я чувствовал жизнь иступленных существ,
Дыхание воли нетленной.
О, мои старшие братья,
Первенцы этой планеты,
Духи огня!
Моей душе раскройте объятия,
В свои предчувствия – светы,
В свои желанья – пожары —
Примите меня!

Дайте дышать ненасытностью вашей,
Дайте низвергнуться в вихрь, непрерывный и ярый,
Ваших безмерных трудов и безумных забав!
Дайте припасть мне к сверкающей чаше
Вас опьянявших отрав!
Вы, – от земли к облакам простиравшие члены,
Вы, кого зыблил всегда огнеструйный самум,
Водопад катастроф, —
Дайте причастным мне быть неустанной измены,
Дайте мне ваших грохочущих дум,
Молнийных слов!

Я буду соратником ваших космических споров,
Стихийных сражений,
Колебавших наш мир на его непреложной орбите!
Я голосом стану торжественных хоров,
Славящих творчество бога и благость грядущих
событий,
В оркестре домирном я стану поющей струной!

Изведаю с вами костры наслаждений,
На огненном ложе,
В объятьях расплавленной стали,
У пылающей пламенем груди,
Касаясь устами сжигающих уст!
Я былинка в вулкане, – так что же!
Вы – духи, мы – люди,
Но земля нас сроднила единством блаженств и печалей,
Без нас, как без вас, этот шар бездыханен и пуст!

Потоком широким тянулся асфальт.
Фонари, не мигая, горели,
Как горящие головы темных повешенных.
Бедные дети земли
Навстречу мне шли
(Тени скорбей неутешенных!):
Чета бульварных камелий,
Запоздалый рабочий,
Старикашка хромающий, юноша пьяный, —
Города дети и ночи...
Звезды смотрели на мир, пронизывая туманы.

19 февраля 1904, 1905

В сквере (*Erlkönig*)²⁰

– Что ты здесь медлишь в померкшей короне,
Рыжая рысь?
Сириус ярче горит на уклоне,
Открытей высь.
Таинства утра свершает во храме,
Пред алтарем, новоявленный день.
Первые дымы встают над домами,
Первые шорохи зыблют рассветную тень,
Миг – и знамена кровавого цвета
Кинет по ветру, воспрянув, Восток.
Миг – и потребует властно ответа
Зов на сраженье – фабричный гудок.
Улицы жаждут толпы, как голодные звери,
Миг – и желанья насытят они до конца...
Что же ты медлишь в бледнеющем сквере,
Царь – в потускневших лучах золотого венца?

Рысь

Да, я – царь! ты – сын столицы,
Раб каменьев, раб толпы,
Но меня в твои границы

²⁰ Лесной царь (*нем.*)

Привели мои тропы.

Здесь на улицах избита
Вашей поступью трава,
Здесь под плитами гранита
Грудь земная не жива.

Здесь не стонут гордо сосны,
Здесь не шепчет круг осин,
Здесь победен шум колесный
Да далекий гул машин.

Но во мгле былого века,
В годы юности моей,
Я знавал и человека
Зверем меж иных зверей.

Вы взмятежились, отпали,
Вы, надменные, ушли
В города стекла и стали
От деревьев, от земли.

Что ж теперь, встречая годы
Беспощадного труда,
Рветесь вы к лучам свободы,
Дерзко брошенной тогда?

Там она, где нет условий,
Нет запретов, нет границ, —

В мире силы, в мире крови,
Тигров, барсов и лисиц.

Слыша крики, слыша стоны,
Вашу скорбную вражду,
В мир свободы, в мир зеленый
Я, ваш царь, давно вас жду.

Возвращайтесь в лес и в поле,
Освежить их ветром грудь,
Чтоб в родной и в дикой воле
Всея природы потонуть!

1905

Конь блёд

*И се конь блед и сидящим на нем,
имя ему Смерть.
Откровение, VI, 8*

I

Улица была – как буря. Толпы проходили,
Словно их преследовал неотвратимый Рок.
Мчались omnibusы, кебы и автомобили,
Был неисчерпаем яростный людской поток.

Вывески, вертась, сверкали переменным оком,
С неба, с страшной высоты тридцатых этажей;
В гордый гимн сливались с рокотом колес и скоком
Выкрики газетчиков и щелканье бичей.
Лили свет безжалостный прикованные луны,
Луны, сотворенные владыками естеств.
В этом свете, в этом гуле – души были юны,
Души опьяневших, пьяных городом существ.

II

И внезапно – в эту бурю, в этот адский шепот,
В этот воплотившийся в земные формы бред,
Ворвался, вонзился чуждый, несозвучный топот,
Заглушая гулы, говор, грохоты карет.
Показался с поворота всадник огнеликий,
Конь летел стремительно и стал с огнем в глазах.
В воздухе еще дрожали – отголоски, крики,
Но мгновенье было – трепет, взоры были – страх!
Был у всадника в руках развитый длинный свиток,
Огненные буквы возвещали имя: Смерть...
Полосами яркими, как пряжей пышных ниток,
В высоте над улицей вдруг разгорелась твердь.

III

И в великом ужасе, скрывая лица, – люди
То бессмысленно зывали: «Горе! с нами бог!»,
То, упав на мостовую, бились в общей груди...
Звери морды прятали, в смятеньи, между ног.
Только женщина, пришедшая сюда для сбыта
Красоты своей, – в восторге бросилась к коню,
Плача целовала лошадиные копыта,
Руки простирала к огневещущему дню.
Да еще безумный, убежавший из больницы,
Выскочил, растерзанный, пронзительно крича:
«Люди! Вы ль не узнаете божией десницы!
Сгибнет четверть вас – от мора, глада и меча!»

IV

Но восторг и ужас длились – краткое мгновенье.
Через миг в толпе смятенной не стоял никто:
Набежало с улиц смежных новое движенье,
Было все обычным светом ярко залито.
И никто не мог ответить, в буре многошумной,
Было ль то виденье свыше или сон пустой.
Только женщина из зал веселья да безумный
Всё стремили руки за исчезнувшей мечтой.

Но и их решительно людские волны смыли,
Как слова ненужные из позабытых строк.
Мчались омнибусы, кебы и автомобили,
Был неисчерпаем яростный людской поток.

Май, июль и декабрь 1903

Все напевы 1906 – 1909

Поэту

Ты должен быть гордым, как знамя;
Ты должен быть острым, как меч;
Как Данту, подземное пламя
Должно тебе щеки обжечь.

Всего будь холодный свидетель,
На все устремляя свой взор.
Да будет твоя добродетель —
Готовность взойти на костер.

Быть может, все в жизни лишь средство
Для ярко-певучих стихов,
И ты с беспечального детства
Ищи сочетания слов.

В минуты любовных объятий
К бесстрастью себя приневожь,
И в час беспощадных распятий
Прославь исступленную боль.

В снах утра и в бездне вечерней
Лови, что шепнет тебе Рок,
И помни: от века из терний
Поэта заветный венок.

18 декабря 1907

Близкой

Как страстно ты ждала ответа!
И я тебе свой дар принес:
Свой дар святой, свой дар поэта, —
Венок из темно-красных роз.

Мои цветы благоуханны,
Горят края их лепестков,
Но знает розами венчанный
Уколы тайные шипов.

Венок вовеки не увянет
Над тихим обликом чела,
Но каждый вечер снова ранит
Тебя сокрытая игла.

В венце, как на веселом пире, —
Ты мученица на кресте!
Но будь верна в неверном мире
Своей восторженной мечте!

Мой дар – святой, мой дар – поэта,
Тебя он выше всех вознес.
Гордись, как дивным нимбом света,
Венком из темно-красных роз!

11 января 1908

Элегии и буколики

Одиночество

Отступи, как отлив, все дневное, пустое волнение,
Одиночество, стань, словно месяц, над часом моим!
Слышу, тихо грохочут с волной уходящей камня,
Вижу, алый закатный туман превращается в дым.

То в алмазных венцах, то в венках полевых маргариток,
То в одеждах рабынь, то в багряных плащах королев,
То, как ветер, смеясь, то с лицом, утомленным от пыток,
Вкруг меня наклоняется хор возвратившихся дев.

Взор ваш ласков, как прежде, и шаг, как бывало,
размерен...

Значит, тот я, что был, если прошлый мне мир
возвращен!

Подходите, шепчите: я был вам и буду вам – верен,
Никому не открою я ваших священных имен!

К вашим ласковым пальцам прижму воспаленные веки,
К вашим грудям знакомым устало прильну головой...
Сестры! нежные сестры! я в детстве вам клялся навеки,
Только с вами я счастлив, и только меж вами я свой!

Затихает вдали успокоенный ропот отлива,
На волнах потухает змеиностей лунных игра,
И, в венке маргариток, склонясь надо мной, торопливо
Мне рассказ о прожитом в разлуке – лепечет сестра.

12 февраля 1907

Вечеровые песни

Сумерки

Горят электричеством луны
На выгнутых длинных стеблях;
Звенят телеграфные струны
В незримых и нежных руках;

Круги циферблатов янтарных
Волшебно зажглись над толпой,
И жаждущих плит тротуарных
Коснулся прохладный покой.

Под сетью пленительно-зыбкой
Притих отуманенный сквер,
И вечер целует с улыбкой
В глаза – проходящих гетер.

Как тихие звуки клавира —
Далекие ропоты дня...
О сумерки! милостью мира
Опять упоите меня!

5 мая 1906

Февраль

Свежей и светлой прохладой
Веет в лицо мне февраль.
Новых желаний – не надо,
Прошлого счастья – не жаль,

Нежно-жемчужные дали
Чуть орумянил закат,
Как в саркофаге, печали
В сладком бесстрастии спят.

Нет, не укор, не предвестье
Эти святые часы!
Тихо пришли в равновесье
Зыбкого сердца весы.

Миг между светом и тенью!
День меж зимой и весной!
Весь подчиняюсь движенью
Песни, плывущей со мной.

31 января 1907

У гроба дня

День обессилел, и запад багряный
Гордо смежил огневые глаза.
Белы, как дым из камильниц, туманы,
Строги, как свод храмовой, небеса.

Звезды мерцают, и кротки и пышны,
Как пред иконами венчики свеч.
Ветер прерывистый, ветер чуть слышный
Горестно шепчет прощальную речь.

Скорбные тени, окутаны черным,
Вышли, влекут свой задумчивый хор,
Головы клонят в молчаньи покорном,
Стелят над травами траурный флер.

С теньями вместе склоняюсь у гроба
Шумно прошедшего яркого дня.
Смолкните в сердце, восторги и злоба!
Тайна и мир, осените меня!

27 марта 1907

Вечер среди снегов

Веет нежная прохлада
Наступающей зимы.
Тело свежести так радо!
Взорам белости так надо
В четкой раме полутьмы!

Над равниной ярко-снежной
Месяц в небе ворожит.
Все, как в детстве, безмятежно;
Все, как в смерти, неизбежно,
Нет желаний, нет обид.

Путь мой вьется в бесконечность
Меж полей, как мрак, пустых.
В думах милая беспечность,
И мечты ласкает встречность
Рифм знакомых и простых.

2 ноября 1907

Быть без людей

В лицо мне веет ветер нежащий,

На тучах алый блеск погас,
И вновь, как в верное прибежище,
Вступаю я в вечерний час.

Вот кто-то, с ласковым пристратием,
Со всех сторон протянет тьму,
И я упьюсь недолгим счастьем:
Быть без людей, быть одному!

Май – июнь 1907

На Гранитах

К Швеции

В этом море кто так щедро
Сев утесов разбросал,
Кто провел проливы в недра
Вековечных скал?

Кто художник, словом дивным
Возрастил угрюмый бор
По извилам непрерывным
Матовых озер?

Кто в безлунной мгле столетий,
Как в родной и верный дом,
Вел народ на камни эти
Роковым путем?

Кто, под вопли вьюги снежной,
Под упорный зов зыбей,
Сохранил сурово-нежный
Говор древних дней?

В час раздумий, в час мечтаний,

В тихий отдых от забот,
В свете северных сияний,
У мятежных вод,

Кто-то создал эту сказку
Про озера и гранит
И в дали веков развязку
Вымысла таит!

Сентябрь 1906

На Мэларе

Нежно веет свежий ветер,
Сладко млеет светлый Мэлар,
Солнце медлит над закатом,
Озарив огнями даль, —
В небе, слабо-розоватом,
И в воде, литой как сталь.

Здравствуй, прежний, свежий ветер,
Здравствуй, новый, светлый Мэлар,
Сосны темные по склонам,
Пятна яркие листвы,
И над берегом зеленым
Благость вечной синевы!

1906

СТОКГОЛЬМ

Словно над глубьями зеркала
Ты из гранита возник,
В зыби стремительной Мэлара
Свой разбивая двойник.

Сын вечно женственной родины,
Весь ты в любимую мать!
Трудно ль в осанке усвоенной
Нежность души угадать!

Ты, как сосна Далекарлии, —
Строен, задумчив и прям.
Годы тебя не состарили,
Снегом скользнув по кудрям.

Витязь пленительный Севера,
Ты головой не поник!
Весело в зеркале Мэлара
Твой ускользает двойник.

29 июля 1906

На Гранитах

Снова долгий тихий вечер.
Снова море, снова скалы.
Снова солнце искры мечет
Над волной роскошно-алой.

И не зная, здесь я, нет ли,
Чем дышу – мечтой иль горем, —
Запад гаснет, пышно-светел,
Над безумно светлым морем.

Им не слышен – им, бесстрастным, —
Шепот страсти, ропот гнева.
Небо хочет быть прекрасным.
Море хочет быть – как небо!

Волны быстро нжут кольца.
Кольца рдяного заката...
Сердце! сердце! успокойся:
Всё – навек, всё – без возврата!

20 июля 1906

В море

Ночью светлой, ночью белой
Любо волнам ликовать,
Извиваться влажным телом,
Косы пенные взметать;

Хороводом в плавной пляске
Парус старый обходить,
За кормой играя в прятки,
Вить серебряную нить;

И в припадках краткой грусти
(Лентой длинной сплетены)
Подставляя нагие груди
Золотым лучам луны;

А потом, дрожа от счастья,
Тихо вскрикивая вдруг,
В глубину ронять запястья
С утомленных страстью рук.

Угрюмый час

На высях дремлет бор сосновый;
Глуха холодная волна;
Закат загадочно-багровый
В воде – горит, как сон лиловый;
Угрюмость, блеск и тишина.

Над гладью вод орел усталый
Качает крыльями, спеша.
Его тревожит отблеск алый, —
И вот на сумрачные скалы
Он пал, прерывисто дыша.

Ни паруса, ни дыма! Никнет
Свет, поглощаемый волной.
Порою только чайка крикнет
И белым призраком возникнет
Над озаренной глубиной.

Июль 1906

На Готланде

Тощий мох, кустарник чахлый,

Искривленная сосна,
Камень, сумрачный и дряхлый,
Белой пыли пелена...

Древней пылью поседели
Можжевельник и гранит.
Этот мир достиг до цели
И, как мудрый старец, спит.

А за гранями обрывов
Волн восторженный разбег,
И на камнях, вдоль заливов,
Пена, чистая, как снег.

8 июля 1906

Висби

Старый Висби! Старый Висби!
Как твоих руин понятны —
Скорбь о годах, что погибли,
Сны о были невозвратной!

Снится им былая слава,
В море синем город белый,
Многошумный, многоглавый,
Полный смехом, полный делом;

Снится – в гавани просторной
Флот, который в мире славен,
Паруса из Риги, Кельна,
С русских, английских окраин;

Снится звон веселый в праздник,
Звон двенадцати соборов,
Девы, всех цветков нарядней,
Площадь, шумная народом.

Жизнью новой, незнакомой
Не встревожить нам руины!
Им виденья грустной дремы
Сохранили мир старинный.

С ними те же кругозоры,
И все то же море к стенам
Стелет синие уборы
С кружевами белой пены.

Июль, сентябрь 1906

Прибой

С шумом на белые камни
Черные волны находят,
Мерно вставая рядами,
Пенные головы клонят.

Море ночное – из дали
Вал за валами торопит,
Белые камни – телами
Мертвых воителей кроет.

Морем упорным, полночным
Властвует дух-разрушитель.
С шумом покорным, немолчным
Волны идут на погибель,

1 июля 1906

Эхо

Между гор грохочет эхо
Убегающего поезда.
Лунный глаз то глянет слепо,
То опять меж сосен скроется.

Сумрак тайно сблизил ветви,
Сделал скалы смутно-серыми
И внизу развесил сети
Над проливами и шхерами.

Воздвигает ангел ночи
Храм божественного зодчества,
И прохлада веет в очи

Вечной тайной одиночества.

21 июля 1906

В шхерах

Морской залив, вошедший в сушу
Так далеко,
Твою мечтательную душу
Понять легко!

Скале недвижной и холодной
Ты весть принес,
Что есть безумье зыби водной
И буйство грез!

Но там, где сосны сонно-строги
И мягок мох,
Ты слил, без сил, свои тревоги
В единый вздох.

Приник лицом к зеленым склонам,
В истоме спишь,
И только чайки странным стоном
Тревожат тишь.

10 – 23 июля 1906

Nynäshamn

В поле

Век за веком

Взрывают весенние плуги
Корявую кожу земли, —
Чтоб осенью снежные выюги
Пустынный простор занесли.

Краснеет лукаво гречиха,
Синеет младенческий лен...
И снова все бело и тихо,
Лишь волки проходят, как сон.

Колеблются нивы от гула,
Их топчет озлобленный бой...
И снова безмолвно Микула
Взрезает им грудь бороздой.

А древние пращуры зорко
Следят за работой сынов,
Ветлой наклоняясь с пригорка,
Туманом вставая с лугов.

И дальше тропой неизбежной,

Сквозь годы и бедствий и смут,
Влечется, суровый, прилежный,
Веками завещанный труд.

Январь 1907

Весенний дождь

Над простором позлащенным
Пестрых нив и дальних роц
Шумом робким и смущенным
Застучал весенний дождь.

Ветер гнет струи в изгибы,
Словно стебли камыша,
В небе мечутся, как рыбы,
Птицы, к пристани спеша.

Солнце смотрит и смеется,
Гребни травок золотя...
Что ж нам, людям, остается
В мире, зыбком как дитя!

С солнцем смотрим, с небом плачем,
С ветром лугом шелестим...
Что мы знаем? что мы значим?
Мы – цветы! мы – миг! мы – дым!

Над простором позлащенным
Пестрых нив и дальних рош
Шумом робким и смущенным
Прошумел весенний дождь.

13 июня 1908

Август

И первый лист любезен падаший.
Вяч. Иванов

Здравствуй, Август, венчан хмелем,
Смуглый юноша-сатир!
Мы ковры под дубом стелем,
Мы в лесу готовим пир!

Будь меж нами гость желанный
За простым лесным столом.
Груды груш благоуханны,
Чаши пенятся вином.

Заплелись багрянцы клена
В золотую ткань дубов,
Но за ними – небосклона
Синий круг без облаков.

Словно этот плод созрелый,

Лето соками полно!
Пей же с нами чашей целой
Вечно жгучее вино!

Ты, серпы точивший в поле,
Ты, поднявший первый цеп,
Славь недели полной воли,
Новый плод и новый хлеб!

Август милый! отрок смуглый!
Как и мы, ты тоже пьян.
Свечерело. Месяц круглый
Озарил круги полян.

Мы не спорим, не ревнуем,
Припадая, как во сне,
Истомленным поцелуем
К обнажившейся спине.

1907

В лугах

Задремал пастух понурый.
Над унылостью равнин
Тучи медленны и хмуры,
Преет мята, веет тмин.

Спит пастух и смутно слышит
Жвачку ровную коров,
А над сонным осень дышит
Чарой скошенных лугов.

Спит пастух, но в тихом стаде
Есть другой сторожевой —
В белом дедовском наряде
И с венцом над головой.

Он пришел от ближней речки,
Где дрожали тростники:
Перед ним встают овечки,
На него глядят быки.

Лошадям он гривы гладит,
Жеребят собирает в круг,
И со злой овчаркой ладит,
Как хозяин и как друг.

Спит пастух, и дышит тмином,
И во сне виденьям рад...
Тихо бродит по долинам
Древний пастырь местных стад.

Август 1907

Осеннее прощание эльфа

В небе благодать, в небе радость, Солнце льет живую
сладость, Солнцу – верность, Солнцу —
вздых!

Но листок родного клена, прежде сочный и зеленый,
наклонился и засох.

В небе снова ясность мая, облака уходят, тая,
в завлекательную даль,
Но часы тепла короче, холодней сырые ночи,
отлетевших птичек жаль!

Ах! где тихо ропщут воды, вновь составить хороводы
легких братьев и сестер!
Но никто не слышит зова, и гудит в ответ, сурово,
поредевший, строгий бор.

Веют струи аромата и по ниве, грустно сжатой,
и по скошенным лугам,
Но ни бабочек блестящих, ни стрекоз, в луче дрожащих,
не видать ни здесь, ни там!

Где вы, братья! сестры, где вы! наши пляски и напевы
отзвенели, отошли!
Сгибнуть эльфам легкокрылым, вместе с августом
унылым,

вместе с прелестью земли!

Но сегодня в небе радость! Солнце льет, прощаясь,
сладость! Солнцу – верность, Солнцу – вздох!
В миг последний, с тем же гимном, здесь,
в лесу гостеприимном, упаду на серый мох!

Май 1907

* * *

Закат спокойный и огнистый,
Как пронизал лучами ты
И пруд, рубинно-серебристый,
И зелень ветел, и цветы,

Так озари и души эти,
Двоих на мир благослови,
Чтоб озарилось в кратком свете
Глухое озеро любви!

Закатный блеск! огонь алтарный!
Ты смело принимаешь тень,
И гаснешь, веря в лучезарный,
Жемчужный, бирюзовый день!

Но кто, под месяцем лукавым,
Сбежит с откоса в тростники

По темным и росистым травам,
Бросая в воздух огоньки?

Кто диким хохотом отметит
Тот миг, когда всплеснет вода,
И новую русалку встретит
Насмешками на дне пруда?

Июнь 1907

Радуга

Семицветным полукругом
Ты взнеслась над влажным лугом,
Утвердив в траве края.
Мост, который в доли наши
Вел Ириду с горней чашей,
Знаю, – ты мечта моя!

Ты таилась в каплях влаги,
Словно в зыбком саркофаге, —
Луч зиждительный дробя.
Ясный взор мой, божье чудо,
Заглянув в струи, – оттуда
Вывел, яркую, тебя!

Но, как греза о нездешнем,
Ты горишь над лугом вешним,

В небе, радужным венцом.
И, творец перед твореньем,
Преклонясь с благоговеньем,
Я тебе пою псалом!

Июль 1907

Мгновения

Час воспоминаний

Воспоминая, с нежной грустью,
Меня в глаза целует. День
Струей чуть слышной льется к устью
И на душу ложится тень.

Вновь, как моряк, носимый морем,
Всю жизнь я вижу пред собой,
С ее надеждами и горем,
С ее безумством и мечтой.

И, заслоня все другие,
Чуть зримы в жуткой тишине,
Двух женщин облики немые
Во мгле склоняются ко мне.

То с дерзкой дрожью сладострастья,
С бесстыдным отблеском в зрачках,
Манят меня виденьем счастья,
Забытого в холодных днях;

То смотрят нежно и любовно

И, не ревнуя, не кляня,
О всем погибшем плачут, словно
И обо мне, и за меня!

И снова я из бездны черной
Стремлюсь к далеким берегам, —
Но кто-то шепчет мне упорно,
Что жребий свой я выбрал сам.

.....

День потонул во мгле безбрежной,
Кругом прибой грозящих струй...
Воспоминанье, с грустью нежной,
Вновь близит страшный поцелуй.

20 ноября 1908

Который раз

Опять весна. Знакомый круг
Замкнут – который раз!
И снова зелен вешний луг,
В росе – вечерний час.

Смотрю – как месяц в темный пруд
В зрачки любимых глаз,
Уста к устам, дрожа, прильнут...
Прильнут – который раз!

И будет миг, как долгий сон,
Качать, баюкать нас.
Я странно счастлив, я влюблен...
Влюблен! – который раз!

И в стройных строфах вновь мечты
Поют – который раз!
А месяц смотрит с высоты —
Веков холодный глаз.

Февраль 1907

Грустный вечер

Грустный сумрак, грустный ветер, шелесты в дубах.
Вспоминает вечер о далеких снах.

Ветер шепчет, шепчет грустно чье-то имя мне.
Звездам бесприютно в черной вышине.

Тот же ветер, гость осенний, все мечты унес.
В сумраке, как тени, образы берез.

Сумрак никнет, душу вяжет, вечер спит, я сплю.
В тишине кто скажет тихое: люблю!

Черен сумрак, ветер умер, умер гул в дубах.

В тишине что думать о погибших снах!

Июль 1907

СНЫ

*Сны играют на просторе,
Под магической луной.*

Ф. Тютчев

Спите, дети! спите, люди!
В тихой темноте,
У земной, родимой груди,
Преданы мечте!

Ваши грезы ночь уносит
В высь своей тропой.
Кроткий месяц отблеск бросит
На крылатый рой...

Что вам утро! Утром глянет
Беспощадный свет;
Утром душу снова ранит
Сталь людских клевет.

Труд и дряхлая забота
Днем вас стерегут,
Властно требуют отчета,

Произносят суд.

Днем стучат, стучат лопаты
У глухих могил,
И во глубь ваш дух крылатый
Падает без сил.

Ночь вас нежит, ночь уносит
В лучший мир мечты,
Где луна сияньем косит
Звездные цветы.

Спите, люди! спите, дети!
Грезам нет границ!
Пусть летают в лунном свете
Сны, как стаи птиц!

1908

Усталость

Не дойти мне! не дойти мне! я устал! устал! устал!
Сушь степей гостеприимней, чем уступы этих скал!

Всюду камни, только камни! мох да горная сосна!
Грудь гранита, будь мягка мне! спой мне песню, тишина!

Вот роняю посох пыльный, вот упал, в пыли простерт.

Вот лежит, как прах могильный, тот,
который был так горд.

Может быть, за серым кряжем цель моих заветных
дней...

Я не встану первым стражем у Ее святых дверей!

Не склонюсь, целуя свято в храм ведущую ступень...
Злые завесы заката растянул над входом день.

Солнце канет за уступом, ночь протянет черный шелк,
И сюда за новым трупом поползет за волком волк.

Долго ль взор мой будет в силах отражать их натиск злой?
Стынет кровь в замерзших жилах!
словно факел предо мной!

Не дошел я! не свершил я подвиг свой! устал! упал!
Чу! шуршат угрюмо крылья духов мести между скал!

1907

Ангел благого молчания *Молитва*

Ангел благого молчания,
Властно уста загради

В час, когда силой страдания
Сердце трепещет в груди!

Ангел благого молчания,
Радостным быть помоги
В час, когда шум ликования
К небу возносят враги!

Ангел благого молчания,
Гордость в душе оживи
В час, когда пламя желания
Быстро струится в крови!

Ангел благого молчания,
Смолкнуть устам повели
В час, когда льнет обаяние
Вечно любимой земли!

Ангел благого молчания,
Душу себе покори
В час, когда брезжит сияние
Долго желанной зари!

В тихих глубинах сознания
Светят святые огни!
Ангел благого молчания,
Душу от слов охрани!

7 мая 1908

Ликорн

Сонет

Столетний бор. Вечерний сумрак зелен.
Мне щеки нежит мох и мягкий дерн.
Мелькают эльфы. Гномы из расщелин
Гранита смотрят. Крадется ликорн.

Зачем мой дух не волен и не целен!
Зачем в груди пылает ярый горн!
Кто страсть мне присудил? и кем он велел,
Суровый приговор бесстрастных норн?

Свободы! Тишины! Путем знакомым
Сойти в пещеру к празднующим гномам,
Иль с дочерьми Царя Лесного петь,

Иль мирно спать со мхом, с землей, с гранитом...
Нет! голосом жестоким и несытым
Звучит во мне, считая миги, медь.

11 июля 1908

Эротика

Отречение *Секстина*

Все кончено! Я понял безнадежность
Меня издавна мучившей мечты.
Мою любовь, и страсть мою, и нежность
Ни перед кем я не пролью, – и ты,
Моя душа, смиришь свою мятежность,
В напрасной жажде вещей Красоты!

Как сладостно на голос Красоты,
Закрыв глаза, стремиться в безнадежность
И бросить жизнь в кипящую мятежность!
Как сладостно сгореть в огне мечты,
В безумном сне, где слиты «я» и «ты»,
Где ранит насмерть лезвиями нежность!

Но в мире, где любовь на время, – нежность
Лишь оскорбленье вещей Красоты.
Не бейся, сердце! В этой жизни ты
Должно быть из железа! Безнадежность
Горит над обликом твоей мечты.
Смири, смири своей алчбы мятежность!

Достаточно позора! Всю мятежность
Своих порывов помню! Помню нежность
Своих признаний! Весь обман мечты!
И что ж! Во храме лживой Красоты
Я слышал, как смеется Безнадежность,
И сам, в отчаяньи, стонал: «Не ты!»

Царица дум и всех желаний! Ты
Не явишь лика. Взоров безмятежность
Мне не покажешь. Ты не примешь нежность
Моих усталых губ. Ты «безнадежность»
Дашь мне девизом. Тайну Красоты
Дано мне знать лишь в призраке мечты.

И буду я над пропастью мечты
Стоять, склоняясь, повторяя: «Ты?»,
Любуясь ликом вещей Красоты.
И пусть звучит в моих стихах мятежность!
Там вся любовь, вся страсть моя, вся нежность, —
Но их, смеясь, венчает Безнадежность.

Ερωσ ανικατε μακων²¹

Встреча

Близ медлительного Нила, там, где озеро Мерида,
в царстве пламенного Ра,
Ты давно меня любила, как Озириса Изиды, друг,
царица и сестра!
И клонила пирамида тень на наши вечера.

Вспомни тайну первой встречи, день, когда во храме
пляски увлекли нас в темный круг,
Час, когда погасли свечи и когда, как в странной сказке,
каждый каждому был друг,
Наши речи, наши ласки, счастье, вспыхнувшее вдруг!

Разве ты, в сияньи бала, легкий стан склонив мне в руки,
через завесу времен,
Не расслышала кимвала, не постигла гимнов звуки
и толпы ответный стон?
Не сказала, что разлуки – кончен, кончен долгий сон!

Наше счастье – прежде было, наша страсть —
воспоминанье, наша жизнь – не в первый раз,

²¹ Эрос, непобедимый в битве (*греч.*)

И, за временной могилой, неугасшие желанья
с прежней силой дышат в нас,
Как близ Нила, в час свиданья, в роковой и краткий час!

1906, 1907

Неизбежность

Октавы

Не все ль равно, была ль ты мне верна?
И был ли верен я, не все равно ли?
Не нами наша близость решена,
И взоры уклонить у нас нет воли.
Я вновь дрожу, и снова ты бледна,
В предчувствии неотвратимой боли.
Мгновенья с шумом льются, как поток,
И страсть над нами вносит свой клинок.

Кто б нас ни создал, жаждущих друг друга,
Бог или Рок, не все ли нам равно!
Но мы – в черте магического круга,
Заклятие над нами свершено!
Мы клонимся от счастья и испуга,
Мы падаем – два якоря – на дно!
Нет, не случайность, не любовь, не нежность, —
Над нами торжествует – Неизбежность.

22 января 1909

Ее колени...

Рондо

Ее колени я целую. Тени
Склоняются, целуя нас двоих.
Весь мир вокруг застенчиво затих.
Мы – вымысел безвестных вдохновений,
Мы – старого рондо певучий стих.

Певец забытый! Брат времен святых!
Ты песне вверил жалобы и пени,
И вот сегодня мне поют твой стих
Ее колени:

«В венке из терний дни мои; меж них
Один лишь час в уборе из сирени.
Как Суламифи – дом, где спит жених,
Как Александру – дверь в покой к Елене,
Так были сладостны для губ моих
Ее колени».

1908

Лишь одного!

Газелла

Лишь одного: я быть с тобой хочу!
С твоей мечтой слить трепет свой – хочу!

Над глубию глаз повиснув в высоте,
Дышать их ночью, влажной тьмой – хочу!

В гробу объятий, в жуткой тесноте,
Услышать близко сердца бой – хочу!

Вдвоем спешить к мучительной мете
И вместе пасть у цели той – хочу!

Как палачу, отдаться красоте
И с плахи страсти крикнуть: «Твой!» – хочу!

Сентябрь 1905

К Пасифае

Сонет

Нет, не тебя так рабски я ласкаю!
В тебе я женщину покорно чту,

Земной души заветную мечту,
За ней влекусь к предсказанному раю!

Я чту в тебе твою святыню, – ту,
Чей ясный луч сквозь дым я прозреваю.
Я, упоив тебя, как Пасифаю,
Подъемлю взор к тебе, как в высоту!

Люби иль смейся, – счетов нет меж нами, —
Я все равно приду ласкать тебя!
Меня спасая и меня губя,

На всех путях, под всеми именами,
Ты – воплощенье тайны мировой,
Ты – мой Грааль, я – верный рыцарь твой!

Май 1904

Ночные цветы

Целый день спят ночные цветы...

А. Фет

Под зноем дня в пыли заботы
На придорожьях суеты,
В бессильи тягостной дремоты,
Висят священные цветы.

Но лишь, предвечная колдунья,
Начертит Ночь волшебный круг;
В огнях луны и в тьме безлуныя
Их стебли оживают вдруг.

И, как уста, открыв глубины
Своих багряных лепестков,
Цветы с полей, цветы с куртины
Согласно тянутся на зов.

Дыша любовью и изменой,
Цветок впивается в другой
И сладко падает, как пеной,
Обрызган утренней росой.

Июль 1906

Призрак неизбежный *Триолеты*

Твой лик, загадочный и нежный,
Как отраженье в глубине,
Склонился медленно ко мне.
Твой лик, загадочный и нежный,
Возник в моем тревожном сне.
Встречаю призрак неизбежный:
Твой лик загадочный и нежный,

Как отражение в глубине.

Твои уста, как уголь жгучий,
Язвят мне очи, плечи, грудь,
И сладко мне в огне тонуть.
Твои уста – как уголь жгучий!..
Мой сон! полней и ярче будь,
Томи меня, пали и мучай!
Твои уста, как уголь жгучий,
Язвят мне очи, плечи, грудь.

Неспешный ужас сладострастья,
Как смертный холод лезвия,
Вбирает жадно жизнь моя.
Неспешный ужас сладострастья
Растет, как бури шум, – и я
Благословляю стоном счастья
Неспешный ужас сладострастья,
Как смертный холод лезвия.

1908

В потоке

Я был простерт, я был как мертвый. Ты богомольными
руками мой стан безвольный обвила,
Ты распаленными устами мне грудь и плечи, лоб и губы,
как красным углем, обожгла.

И, множа странные соблазны, меня лик многообразный,
в меня впиваясь сотней жал,
Дух непокорный с башни черной ты сорвала рукой
упорной и с ним низринулась в провал.

В бессильи падая, лишь крылья я видел над собой —
да алый, от свежей крови влажный, рот.
И скалы повторяли крики, и чьи-то побледнели лики,
и пали мы в водоворот.

И я не спорил с темным Роком. Мой труп неистовым
потокотом несло по остриям камней,
И когти мне терзали тело, и сердце слабое немело,
и ужас был в душе моей.

Но в миг последний онеменья вдруг совершилось
возрождение, и успокоенный поток
Внезапно, с нежностью небрежной, мой труп,
страданьем искаженный, отбросил сонно на песок.

1907

Благословение

Que tes mains soient bénies,

car elles sont impures!
*de Gourmoni*²²

Сиянье глаз твоих благословляю!
В моем бреду светило мне оно.

Улыбку уст твоих благословляю!
Она меня пьянила, как вино.

Твоих лобзаний яд благословляю!
Он отравил все думы и мечты.

Твоих объятий серп благословляю!
Все прошлое во мне им сжала ты.

Огонь любви твоей благословляю!
Я радостно упал в его костер.

Весь мрак души твоей благословляю!
Он надо мной свое крыло простер.

За все, за все тебя благословляю!
За скорбь, за боль, за ужас долгих дней,

За то, что влекся за тобою к Раю,
За то, что стыну у его дверей!

²² Да будут благословенны руки твои, ибо они нечисты Реми Гурмон (фр.).

ПОТОМОК

Древний замок мой весь золотой и мраморный,
В нем покои из серебряных зеркал;
Зал один всегда закрыт портьерой траурной...
В новолуние вхожу я в этот зал.

В этот день с утра все в замке словно вымерло,
Голос не раздастся, и не видно слуг,
И один в моей капелле, без пресвитера,
Я творю молитвы, – с ужасом сам-друг.

Вечер настает. Уверенным лунатиком
Прохожу во мраке по глухим коврам,
И гордятся втайне молодым соратником
Темные портреты предков по стенам.

Ключ заветный, в двери черной, стонет радостно,
С тихим шелестом спадает черный флер,
И до утра мрак и тишь над тайной яростной,
Мрак и тишь до утра кроют мой позор.

При лучах рассвета, снова побежденный, я
Выхожу – бессилен, – бледен и в крови,
Видны через дверь лампы, мной зажженные,
Но портреты старые твердят: живи!

И живу, опять томлюсь до новолуния,
И опять иду на непосильный бой.
Скоро ль в зале том, где скрылся накануне я,
Буду я простерт поутру – не живой?

1908

Мертвая любовь

Ранняя осень

Ранняя осень любви умирающей.
Тайно люблю золотые цвета
Осени ранней, любви умирающей.
Ветви прозрачны, аллея пуста,
В сини бледнеющей, веющей, тающей
Странная тишь, красота, чистота.

Листья со вздохом, под ветром, их нежащим,
Тихо взлетают и катятся вдаль
(Думы о прошлом в видении нежащем).
Жить и не жить – хорошо и не жаль.
Острым серпом, безболезненно режущим,
Сжаты в душе и восторг и печаль.

Ясное солнце – без прежней мятежности,
Дождь – словно капли струящихся рос
(Томные ласки без прежней мятежности),
Запах в садах доцветающих роз.
В сердце родник успокоенной нежности,
Счастье – без ревности, страсть – без угроз.

Здравствуйте, дни голубые, осенние,
Золото лип и осин багрянец!
Здравствуйте, дни пред разлукой, осенние!
Бледный – над яркими днями – венец!
Дни недосказанных слов и мгновения
В кроткой покорности слитых сердец!

21 августа 1905

Снова

Почему мы снова связаны
Страсти пламенным жгутом?
Иль не все слова досказаны
В черном, призрачном былом?

Почему мы снова вброшены
Вместе в тайну темноты?
Иль не все надежды скошены,
Словно осенью цветы?

Мы, безвольные, простертые,
Вновь – на ложе страстных мук.
Иль в могиле двое, мертвые,
Оплели изгибы рук?

Или тени бестелесные,
Давней страсти не забыв,

Всё хранят объятъя тесные,
Длят бессмысленный порыв?

Боже сильный, власть имеющий,
Воззови нас к жизни вновь, —
Иль оставь в могиле тлеющей, —
Страшен, страшен сон яснеющий,
Наша мертвая любовь!

1907

Холод

Холод, тело тайно сковывающий,
Холод, душу очаровывающий...

От луны лучи протягиваются,
К сердцу иглами притрагиваются.

В этом блеске – все осилившая власть,
Умирает обескрылевшая страсть.

Все во мне – лишь смерть и тишина,
Целый мир – лишь твердь и в ней луна.

Гаснут в сердце невзлелеянные сны,
Гибнут цветики осмеянной весны.

Снег сетями расстилающимися
Вьёт над днями забывающимися,

Над последними привязанностями,
Над святыми недосказанностями!

13 октября 1906

В полночь

Понял! мы в раю!
Stephanos

«Ты – мой, как прежде?» – «Твой, как прежде!» —
«Ты счастлив?» – «Счастлив». – «Всё, как прежде!»

Полночь в стекла сонно бьёт.
Ночь свершает свой обход.

«Целуй меня! Целуй, как прежде!» —
«Тебя целую я, как прежде!»

Заступ в землю глухо бьёт,
Ночь свершает свой обход.

«Мы в мире лишь вдвоем, как прежде?» —
«Да, в мире лишь вдвоем, как прежде».

Кто сказал, что гроб несут?
Четок, четок стук минут!

«А где ж блаженство, то, что прежде?» —
«Блаженство было прежде, прежде!»

Чу! земли за комом ком.
Ночь застыла за окном.

«Иль мы в могиле, вновь, как прежде?»
«Да, мы в могиле, вновь, как прежде».

Ветер травы сонно мнет.
Ночь свершает свой обход.

1908

Умиравший костер

Бушует вьюга и взметает
Вихрь над слабеющим костром;
Холодный снег давно не тает,
Ложась вокруг огня кольцом.

Но мы, прикованные взглядом
К последней, черной головне,
На ложе смерти никнем рядом,
Как в нежном и счастливом сне.

Пусть молкнут зовы без ответа,
Пусть торжествуют ночь и лед, —
Во сне мы помним праздник света
Да искр безумный хоровод!

Ликует вьюга, давит тупо
Нам грудь фатой из серебра, —
И к утру будем мы два трупа
У заметенного костра!

Декабрь 1907

Из тихих бездн

Из тихих бездн – к тебе последний крик,
Из тихих бездн, где твой заветный лик
Как призрак жизни надо мной возник.

Сомкнулся полог голубой воды,
И светит странно в окна из слюды
Медузы блеск и блеск морской звезды.

Среди кораллов и гранитных глыб
Сияют стаи разноцветных рыб.
Знакомый мир – ушел, отцвел, погиб.

Я смертно стыну в неотступном сне...

Зачем же ты, в холодной глубине,
Как призрак жизни, клонишься ко мне?

Я в тихих безднах помню прошлый рай.
Из тихих бездн к тебе мой крик, – внимай:
В последний раз, в последний раз, – прощай!

8 ноября 1906

Обреченный

Голос

«Ты – мой, моей рукой отмечен,
И я, уверенная, жду.
Играй, безумен и беспечен,
От счастья смейся, плачь в бреду, —
Ты вдруг очнешься, в час закатный,
Поймешь мой зов, лишь сердцу внятный,
И с воплем крикнешь мне: иду!

Ты многим клялся: буду верен!
Ты многим говорил: я – твой!
Но неизменен и размерен
Событий трепет роковой.
Что было – только предвещанья,
Что было – лишь знаменованья
Того, что быть должно со мной!

Ты сам не понял, не изведал
Своей последней глубины,
Ты душу радости предал,
Как зыби медленной волны.
Я жду тебя с мечом разящим.

В былом, в грядущем, в настоящем
Мне дни твои обречены!»

Ответ

Остро и пламенно ранит
Взор твой, блестящий клинок.
Сердце искать не устанет,
Сердце – как в мае цветок.
Снова ли душу обманет
Богом назначенный срок?

Року иду я навстречу,
Взор упирая во взор:
Рыцарь – в жестокою сечу,
Верный – на ярый костер.
Ты позовешь, – я отвечу,
Скажешь, – приму приговор.

Долго я ждал. Неужели
Дрогнет и эта рука?
Строгие струны продели,
Цель моей жизни близка.
Ближе я... ближе... у цели...
А! синий отблеск клинка!

14 сентября 1907

Осенью

Небо ярко, небо сине
В чистом золоте ветвей,
Но струится тень в долине,
И звенит вокруг чуть слышно
Нежный зов – не знаю чей.

Это призрак или птица
Бело реет в вышине?
Это осень или жрица,
В ризе пламенной и пышной,
Наклоняет лик ко мне?

Слышу, слышу: ты пророчишь!
Тихий дуть не уклоня,
Я исполню все, что хочешь!
Эти яркие одежды —
Понял, понял – для меня!

Это ты – на смертном ложе
Ждешь покорного тебе!
Пусть же тень ложится строже!
Я иду, закрывши вежды,
Верен Тайне и Судьбе.

Себастьян

На медленном огне горишь ты и сгораешь,
Душа моя!
На медленном огне горишь ты и сгораешь,
Свой стон тая.

Стоишь, как Себастьян, пронизанный стрелами,
Без сил вздохнуть.
Стоишь, как Себастьян, пронизанный стрелами
В плечо и грудь.

Твои враги кругом с веселым смехом смотрят,
Сгибая лук.
Твои враги кругом с веселым смехом смотрят
На смены мук.

Горит костер, горит, и стрелы жалят нежно
В вечерний час.
Горит костер, горит, и стрелы жалят нежно
В последний раз.

Что ж не спешит она к твоим устам предсмертным,
Твоя мечта?
Что ж не спешит она к твоим устам предсмертным
Прижать уста!

Видение

В сумраке вечера ты – неподвижна
В белом священном венце.
В сумраке вечера мне непостижна
Скорбь на спокойном лице.

Двое мы. Сумрак холодный, могильный
Выдал мне только тебя.
Двое мы. Или один я, бессильный,
Медлю во мраке, скорбя?

Смотришь ты строгим и вдумчивым взором...
Это прощанье иль зов?
Смотришь ты в сердце с безгневным укором,
Словно из глубины веков.

Ты ль это? та, перед кем, как пред тайной,
Робко склонялись мечты?
Ты ль это здесь или призрак случайный:
Луч и игра темноты?

Медлю во мраке глухом и глубоком,
Не отзываюсь, скорбя...
Медлю, – ведь если ты послана Роком,
Мне не уйти от тебя!

17 января 1908

Бой

Нет, не могу покориться тебе!
Нет, буду верен последней судьбе!

Та, кто придет, чтобы властвовать мной, —
Примет мой вызов на яростный бой.

Словно Брунгильда, приступит ко мне;
Лик ее будет – как призрак в огне.

Щит в ее легкой руке проблеснит,
С треском расколется твердый мой щит.

Тщетно свой меч подниму на нее, —
В панцирь мой вражье вонзится копьё.

Шлем мой покатится, грустно звеня.
Вражья рука опрокинет меня.

И, окровавлен, без сил, чуть живой,
Радостно крикну из праха: «Я – твой!»

1907

Лунный дьявол

Лунный дьявол, бледно-матовые,
Наклонил к земле рога.
Взоры, призрачно-агатовые,
Смотрят с неба на снега,
Словно тихо мир захватывая
В сети хитрого врага.

Руки, тонкой сетью сдавленные,
Без надежд упали ниц,
Реют тени новоявленные,
Словно стаи пестрых птиц.
Вижу вспышки молний, вправленные
В бархат сумрачных ресниц.

Знаю, знаю: крепко скрученного
Опрокинешь ты во мглу,
К синим молниям приученного,
Покоришь глухому злу,
И потом в врага замученного
Кинешь верную стрелу!

Лунный дьявол! Бледно-матовые,
Наклони к земле рога!
Взоры, призрачно-агатовые,
С высоты вонзи в снега,

И меня и мир захватывая
В сеть коварного врага!

Октябрь 1907

La belle dame sans merci

Я не покрыл лица забралом,
Не поднял твердого щита, —
Я ждал один, над темным валом,
Где даль безмолвна и пуста.
Я звал: «Стрела чужого стана,
Взнесись и жизнь мою скоси!
Ты мне предстань во мгле тумана,
La belle dame sans merci!»

Свершал я тайные обряды
Пред алтарем в молчаньи зал.
Прекрасной Дамы без пощады
Я вечный призрак заклинал:
«Явись, как месяц, над печалью,
Мой приговор произнеси,
Пронзи мне сердце верной сталью,
La belle dame sans merci!»

Встречал я лик, на твой похожий,
За ним стремил покорный путь,
Как на костер, всходил на ложе,

Как в плаху, поникал на грудь.
«Сожги меня последней страстью
Иль в строгий холод вознеси,
Твоей хочу упиться властью,
La belle dame sans merci!»

Но шла ты год за годом, мимо,
Недостижимой, неземной.
Ни разу ты, неумолимой,
Как Рок, не стала предо мной!
Приди, – огнем любви и муки
Во мне все жажды погаси
И погрузи мне в сердце руки,
La belle dame sans merci!

27 ноября 1907

Сонаты

Обряд ночи

Словно в огненном дыме и лица и вещи...
Как хорош, при огнях, ограненный хрусталь!..
За плечом у тебя веет призрак зловещий...
Ты – мечта и любовь! ты – укор и печаль!..

Словно в огненном дыме земные виденья...
А со дна поднимаются искры вина,
Умирают, вздохнув и блеснув на мгновенье!..
Ты прекрасна, как смерть! ты, как счастье, бледна!

Слышу говор, и хохот, и звоны стаканов.
Это дьяволы вышли, под месяц, на луг?
Но мы двое стоим в колыханьи туманов,
Нас от духов спасет зачарованный круг.

Ты мне шепчешь. Что шепчешь? Не знаю, не надо.
Умирает, смеясь, золотое вино...
О, тоска твоего утомленного взгляда!
Этот миг безнадежный мне снился давно!

Брызнули радостно

Звуки крикливые.
Кто-то возникший
Машет рукой.
Плакать так сладостно,
Плачу счастливый я.
Рядом – поникший
Лик дорогой!

Гвозди железные
В руки вонзаются,
Счастье распятыя
Душит меня,
Падаю в бездны я.
Тесно сжимаются
Руки, объятья,
Кольца огня.

Скрипка визгливая,
Арфа певучая,
Кто-то возникший
Машет рукой.
Плачу счастливый я...
Сладкая, жгучая
Нежность к поникшей,
К ней, к дорогой!

О, святые хороводы, на таинственной поляне,
близ звенящих тихо струй,
Праздник ночи и природы, после сладких ожиданий,

возвращенный поцелуй!

О незнание! о невинность! робость радостного взгляда,
перекрестный бой сердец!

И слиянье в сказке длинной, там, где боль уже —
усллада, где блаженство и конец!

И сквозь сумрачные сети, что сплели высоко буки,
проходящий луч луны,
И в его волшебном свете чьи-то груди, чьи-то руки
беззащитно сплетены!

Но почему темно? Горят бессильно свечи.
Пустой, громадный зал чуть озарен. Тех нет.
Их смолкли хохоты, их отзвучали речи.
Но нас с тобой связал мучительный обет,

Идем творить обряд! Не в сладкой, детской дрожи,
Но с ужасом в зрачках, — извивы губ сливать,
И стынуть, чуть дыша, на нежеланном ложе,
И ждать, что страсть придет, незванная, как тать.

Как милостыню, я приму покорно тело,
Вручаемое мне, как жертва палачу.
Я всех святых коснусь безжалостно и смело,
В ответ запретных слов спрошу, — и получу.

Но жертва кто из нас? Ты брошена на плахе?
Иль осужденный — я, по правому суду?

Не знаю. Все равно. Чу! красных крыльев взмахи!
Голгофа кончилась. Свершилось. Мы в аду.

1905, 1907

Возвращение

Она

Я пришла к дверям твоим
После многих лет и зим.
Ведав грешные пути,
Недостойна я войти
В дом, где Счастье знало нас.
Я хочу в последний раз
На твои глаза взглянуть
И в неизвестном потонуть.

Он

Ты пришла к дверям моим,
Где так много лет и зим,
С неизменностью любя,
Я покорно ждал тебя.
Горьки были дни разлук,
Пусть же, после жгучих мук,
То же Счастье, как в былом,
Осеняет нас крылом.

Она

Друг! я ведала с тех пор
Все паденья, весь позор!
В жажде призрачных утех
Целовала жадно грех!
След твоих безгрешных ласк
Обнажала в вихре пляск!
Твой делившее восторг
Тело – ставила на торг!

Он

Друг! ты ведала с тех дар,
Как жесток людской укор!
Речью ласковой позволь
Успокоить эту боль;
Дай уста, в святой тоске,
Вновь прижать к твоей руке,
Дай молить тебя, чтоб вновь
Ты взяла мою любовь!

Она

Все бывшее мной давно
До конца осквернено.
Тайны сладостных ночей,
И объятий, и речей,

Как цветы бросая в грязь,
Разглашала я, глумясь,
Посвящала злобно в них
Всех возлюбленных моих!

Он

Что свершила ты, давно
Прощено, – освящено
На огне моей любви!
Душный, долгий сон порви,
Выйди вновь к былым мечтам,
Словно жрица в прежний храм!
Этот сумрачный порог
Все святыни оберег!

Она

Я не смею, не должна...
Здесь сияла нам весна!
Здесь вплетала в смоль волос
Я венок из желтых роз!
Здесь, при первом свете дня
Ты молился на меня!
Где то утро? где тот май?
Отсняло все. Прощай!

Он

Нет, ты смеешь! ты должна!
Ты – тот май и та весна,
Жемчуг утр и роз янтарь!
Ты – моей души алтарь,
Вечно чистый и святой!
И, во прахе пред тобой,
Вновь целую я, без слов,
Пыльный след твоих шагов!

23 ноября 1908

В эпическом роде

Жизнь

Безликая, она забыла счет обличий:
Подсказывает роль любовнику в бреду,
И коршуна влечет над нивами к добыче,
И гидре маленькой дает дышать в пруду.

В пустыне выжженной встает былинкой смелой,
В ничтожной капельке селит безмерный мир,
Рождает каждый миг, вплетает тело в тело
И семена существ проносит чрез эфир!

От грозных пирамид и гордых библиотек
До гор, воздвигнутых из ракушек морских,

От криков дикаря, метнувшего свой дротик,
До черного червя, который мудро тих, —

Сверкает жизнь везде, грохочет жизнь повсюду!
Бросаюсь в глубь веков, — она горит на дне...
Бегу на высь времен, — она кричит мне: буду!
Она над всем, что есть; она — во всем, во мне!

О братья: человек! бацилла! тигр! гвоздика!
И жители иных, непознанных планет!
И духи тайные, не кажущие лика!
Мы все — лишь беглый блеск на вечном море лет!

Март 1907

Надписи к гравюрам

За утесом

Плыви, плыви рекой волнистой!
Мы за утесом стережем
И в знойный час, и в вечер мгlistый
С кинжалом, луком и копьем.

Купец богатый, странник скудный,
Из Рима робкий пилигрим, —
Вы все, с отвагой безрассудной,
Скользите лоном голубым!

Сияет солнце, воздух нежит,
Вода, как ясное стекло,
Но визг стрелы мечты прорежет, —
И кормщик выронит весло!

Что юный гость? что путник старый?
Вся жизнь твоя свелась на вскрик!
Сбирай весь год свои товары,
Ты с прибылью простишься вмиг!

Плывите, люди, мимо! мимо!

Вас жизнь влечет, вас манит твердь, —
Но мы вас ждем неумолимо:
Мы – тайна! мы – беда! мы – смерть!

27 февраля 1906

Освобождение

К стене причалил челн полночный,
Упали петли из окна,
И вот по лестнице непрочной
Скользнула с высоты Она.

Дрожа от счастья и тревоги,
За мигом миг следили мы, —
Пока Ее коснулись ноги
До тихо зыблемой кормы!

Я принял, как святыню, в руки
Ее, закрытую фатой.
И весел – были тихи звуки,
И челн – был призрак над водой.

Она не молвила ни слова
И не явила нам лица,
Но громче ропота морского
Стучали сильные сердца!

И, наклоня лица ниже,
Сжав рукояти шпаг своих,
Мы знали все, что ближе, ближе
Час поединков роковых!

3 марта 1906

Встреча

*И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя.*

А. Пушкин

Ты мне предстала как виденье, —
В глазах испуг и смутный стыд.
Мы были рядом на мгновенье,
И встречи жизнь не повторит.

Кто ты? откуда? с кем таилась
В наемной комнате вдвоем?
Куда, под утро, торопилась
С своим стыдливым узелком?

Тебя любовь ли в эти двери
К продажным ломам привела,
И упоили ль в полной мере
Тебя и грех, и страсть, и мгла?

Иль ты пришла сюда за платой,
С тупым отчаяньем в мечтах,
И называла ночь проклятой,
Дрожа без сил в чужих руках?

И, возвращаясь в повседневность,
Домой, меж утренних теней,
Обманешь ли ты мужа ревность
Иль чуткость матери твоей?

20 ноября 1905

Монах

На поле жизненного боя,
Где Рок влечет нас, как самум, —
Душа возжаждала покоя,
Молитв и одиноких дум!

И вот, презрев соблазн свободы
И мира призрачную ширь,
Сошел я под глухие своды,
В твои затворы, монастырь!

Вне стен – и ужас и веселье,
Пирсы любви и красоты.
Но здесь хранит ревниво келья
Всегда спокойные мечты.

Я жизни иноческой свято
Блюду определенный чин,
И дни, с восхода до заката, —
Как ряд медлительных годин.

Люблю я благовест рассвета,
Церковной службы череду,
Степенность братского привета,
Ночь, посвященную труду.

Мне хорошо, под буйство бури,
При кротком блеске ночника,
На тщательной миниатюре
Чертить узоры лепестка;

Иль, не спеша слагая главы
И им не ведая конца,
Припоминать о жажде славы,
В миру сжигающей сердца.

31 марта 1906

Noli me taniere, Maria²³

Прошел печально день субботний,

²³ «Не прикасайся ко мне, Мария» (*лат.*)

Сияет небо новым днем,
И в душах всех бесповоротней
Разуверение во всем!

Он говорил: «Как свет зарницы,
Приду, и воззову на суд...»
И вот лежит во тьме гробницы,
И стражи тело берегут.

Но женщин души не устанут,
Как горный ключ, струить любовь:
«Он обманул... иль был обманут...
Но Он страдал и пролил кровь!»

Несут ко гробу ароматы,
Но пустотой зияет он...
И тут же веет слух крылатый,
Что труп врагами унесен.

Тогда, всем горестям услада,
К Марии сходит сам Христос,
Но в нем ей мнится сторож сада, —
Она к нему: «Не ты ль унес...»

И, слыша речи роковые
Не могшей победить искус,
«Noli me tangere, Maria!» —
Ей отвечает Иисус.

Mapm 1906

Видения

Повольник

Здравствуй, буйная ватага, удалых годов друзья!
Вот и снова я – бродяга, вот опять – повольник я!

Я в затворах жил подолгу, выпил чашу рабской доли,
Но я молод – видя Волгу, я могуч – под ветром с воли!

Повинуйтесь, братцы, кличу, становитесь в бранный
круг!
Как бывало, на добычу поведу за стругом струг.

Ах, как сладки лязги сабли! как бессильно свищут пулк!
Что, удар мой не ослаб ли? голос слышен ли и в гуле?

А теперь дели, что взято! всем по ровну, без греха!
Горстью мерь серебро и золото, а на локоть мерь меха.

Спрятав знатные товары, мы костер зажжем над плесом,
Будут звонко вторить чары нашим песням стоголосым;

А когда луна остудит волны Волги и песок,
Всем по очереди будет с полоняночкой часок!

20 мая 1907

Русалка

Она, свои скрывая груди
И лоно зыбким тростником,
На мир, где колдовали люди,
Смотрела из реки тайком.

Ей был понятен их веселий
И их забот вседневный строй, —
Призыв пастушеской свирели,
Костер рыбачий под горой.

Она любила хороводы
И песни дев издалека,
Когда ложилась мгла на воды
И стыла темная река.

А в день осенних водосвятий,
Из-под воды едва видна,
Как речь таинственных заклятий,
Молитвы слушала она.

Когда же рой детей, купаясь,
Шнырял по вспугнутой реке,
Она звала их, откликаясь

На непонятном языке.

Но, видя проходящих парней,
Вечеровой порой, в тиши,
Еще нежней, еще коварней
Смеялась, зыбля камыши.

1907

Самоубийца

Картина для синематографа

Томный, стройный, строгий, грустный,
Кто ты: горец иль стрелок?
Мост согнулся неискusstный
Через вспененный поток.

Что таким пристрастьем тянет
Твой, к воде склоненный, взор?
Схватит, свяжет и обманет
Волн излучистый узор.

Ты простер, уйти не смея,
Руки к пенистой судьбе.
Но из пены Лорелея
Подымает взор к тебе.

Тихо смотрит, тихо плачет,
Клонит голову в венке,
И стыдливо горе прячет
В буйно вспененной реке.

Что ты шепчешь? Кто услышит?
«Жизнь грустна. Грустнее смерть».
На мосту пустом колышет
Ветер сломанную жердь.

16 ноября 1907

Голос мертвого

На заре вечерней, в трауре,
Ты куда спешишь, девица?
Соловей свистит на яворе,
Месяц в озеро глядится.

Ты бледна на старом кладбище,
Над моим крестом склоненным.
Ах, не здесь, не здесь свой клад ищи:
Кто-то ждет в саду, под кленом!

Слез мне жаль, печально тающих
На земле, на сером камне!
Стань счастливой, стань сияющей, —
Будешь более верна мне!

Если б вышел из могилы я,
Праздником всю жизнь я б сделал,
Целовал улыбки милые,
Только б счастье ласки ведал!

Что здесь? гроб, да прах, да тление!
А кругом, сквозь смерть, я чую
Всё веселие весеннее,
Волю бабочек живую,

Радость луга, распростертого
Под лучами солнца ясного...
Помни, помни голос мертвого:
Лишь одно люби – прекрасное!

1906

Побег пастуха

На этой ели благосклонной
Покойся, ветхая свирель!
С тобой я пел и хмель влюбленный,
И вечер, страстью опаленный,
И душу бури, и апрель.

Но тщетно грезы ожидали
Найти усладу в звуках тех.

Они молили и рыдали,
Но в тайне дум сияли дали
Иных скорбей, иных утех.

Простите, лилии долины!
Речная зыбь! стада овец!
Туда, где горы-исполины,
Где гул лавин, где лет орлиный,
Идет задумчивый певец.

Гость молчаливый, бессловесный,
Вхожу, Природа, в замок твой
И буду, со скалы отвесной,
В долине видеть дар безвестный;
Свирель на ели вековой.

1908

Стихи на изразцах

Иду скоро в дом свой я,
Путь мой проторен.
Ждет меня любовь моя,
Про меня ей сон.

Я люблю ее весьма,
Жизнь моя – любовь,
Разлучила нас зима,

Весна сблизит вновь.

Светло солнце по весне,
Красен маков цвет.
До цветов охота мне,
Я нарву букет.

К ней приду с букетом я,
С розой полевой,
Ей скажу: «Любовь моя,
Я до гроба твой!»

Февраль 1907

Жалоба героя

Нас немного осталось от грозного племени
Многомошных воителей, плывших под Трою,
И о славном, о страшном, о призрачном времени
Вспоминать в наши дни как-то странно герою.

Агамемнон погиб под ударом предательства,
Оилеев Аянт сгинул в синей пучине,
Теламонид упал в черный вихрь помешательства,
А Патрокл и Ахилл вечно спят на чужбине!

Где друзья моих дней? – Одиссей многомысленный
Благородно дряхлеет в ничтожной Ифаке,

Тевкр бежал и покинул народ свой бесчисленный,
Сын Тидея на западе скрылся во мраке.

И когда мы порой, волей Рока, встречаемся,
Мы, привыкшие к жизни среди малых, бесславных,
Как враги, друг на друга, грозя, ополчаемся,
Чтоб потешить свой дух поединком двух равных!

1907

Триумфатор

Мое чело в последний раз
Венчал сегодня лавр победный,
На колеснице заповедной,
Ловя лучи на панцирь медный,
Вступил я в Рим в веселый час.

Народ в восторге выл; друзья
Моей завидовали доле;
За мной влеклись цари в неволе;
По Via Sacra, в Капитолий,
Для пышных жертв проехал я.

Но вот, когда, венец кляня,
Я подступил к телице белой —
Нож задрожал в руке умелой,
Как тайный знак, что отлетела

Богиня Нике от меня.

Мой взор на миг покрылся тьмой,
И был мне внятен голос бога:
«Венец и пурпурная тога
Довлеет смертным. Слишком много
Кто волит, – против вызов мой!»

Что ж, подниму ль ярмо судьбы?
Нет! от копья лица не скрою!
Трубите, трубы, снова к бою!
И пусть в парфянском стане мною,
Как пленным, тешатся рабы!

3 января 1908

Женщины

Заклинание

Красный огонь, раскрутись, раскрутись!
Красный огонь, взвейся в темную высь!
Красный огонь, раскрутись, раскрутись!

Лживую куклу, в цепи золотой,
Лживую куклу пронзаю иглой,
Лживую куклу, в цепи золотой!

Лик восковой, обращенный ко мне,
Лик восковой оплывает в огне,
Лик восковой, обращенный ко мне!

Сердце твое, не кумир восковой,
Сердце твое я пронзаю иглой,
Сердце твое, не кумир восковой!

Вся твоя жизнь, наяву, не во сне,
Вся твоя жизнь погибает в огне,
Вся твоя жизнь, наяву, не во сне!

Красный огонь, раскрутись, раскрутись!

Красный огонь, взвейся в темную высь!
Красный огонь, раскрутись, раскрутись!

1 июня 1907

Ожидание

Первый голос

Пусть воск прозрачный топится,
Пусть милый друг торопится
На том лихом коне
Из стран чужих ко мне.

Второй голос

Пусть желтый воск не топится,
Пусть милый не торопится,
Не ждать добра ему
В своем родном дому.

Первый голос

На груди распаленные
Лью масла благовонные.
Услышь их аромат,
Лети ко мне назад.

Второй голос

На груди распаленные
Лью масла благовонные.
Ах! сквозь ночную тишь
Их запах не прослышь!

Первый голос

Упав в постель пуховую,
Срываю ризу новую.
Когда ж, как юный бог,
Ты станешь на порог?

Второй голос

Упав в постель пуховую,
Срываю ризу новую,
Но в тайне темноты
Войдешь не ты! не ты!

Первый голос

Пусть воск прозрачный топится,
Пусть милый мой торопится,
Тяну я руки в ночь,
Мне больше ждать невмочь!

Второй голос

Пусть милый не торопится,
Пусть в омуте утопится, —
Не видеть бы ему
Греха в своем дому!

29 октября 1908

Весенняя песня девушек

*Wand wird die Stunde kornmen,
Das einer mich genommen,
Und mein Braut-Bett knackt!
Volhslied²⁴*

Сини все проталины
Под ногой весны.
Солнцем мы ужалены,
Ветром мы пьяны!
С воздухом вливается
В нас апрельский хмель...
Скоро ль закачается
Девичья постель!

Чу! поет над водами

²⁴ Придет, как час настанет, Любимый мой, и станет Кровать моя трещать!
Народная песня (нем.).

Вешних мошек рой.
Время – хороводами
Виться под горой.
Песнями и плясками
Время – ночь вспугнуть...
Ах, когда ж под ласками
Побледнеет грудь!

Словно в церкви статуя,
Мы зимой весь день.
Скоро, лиловатая,
Зацветет сирень,
Скоро куст шиповника
Будет весь в цветах...
Ах! когда ж любовника
Встречу я впотьмах!

1907

Уголек

Солнца уголь кругло-красный
Бросил отблеск на снега.
Мальчик скромный, мальчик страстный,
Я ль сурова? я ль строга?

Я – как этот мрамор белый,
Ты – в камине уголек.

Мальчик робкий, мальчик смелый,
Что ж ты медлишь там, у ног?

Уголь к углю тянет губы,
Шепчет огненную речь.
Мальчик милый! – почему бы
Телу к телу не прилечь!

Шторой скроем окна эти,
Пусть не видит нас закат.
Но смотри: при красном свете
Груди радостней дрожат!

Солнца уголь кругло-красный
Канет в сумрак роковой...
Уголь-мальчик, мальчик страстный,
Обожги меня собой!

Март 1907

Наша тень

Наша тень выростала в длину тротуара
В нерешительный час догоравшего дня.
И лишь угля тлели дневного пожара,
В отдаленьи, за нами – без сил, без огня.

Наша тень подымалась на стены строений,

То кивала с простенков, то падала вновь
И ловила мои утомленные пени, —
Что костер догорел, что померкла любовь.

Засветились огни; наша тень почернела;
Отбегала назад и росла впереди,
Угадала, как я прошептала несмело:
«Если больше не любишь, так что ж, — уходи!»

Ослепил нас фонарь сине-газовым светом,
И, растаяв внезапно у ног без следа,
Наша тень засмеялась над тихим ответом,
Над неожиданным ответом: «Прощай навсегда!..»

2 – 3 апреля 1906

В том же парке

Здравствуй, листик, тихо подающий,
Словно легкий мотылек!
Здравствуй, здравствуй, грустью радующий,
Предосенний ветерок!

Нежно гаснет бледно-палевая
Вечереющая даль.
Словно в лодочке отчаливая,
Уношусь в мою печаль.

Ясно гаснет отуманенная
Заводь сонного пруда,
Сердце, словно птица раненая,
Так же бьется, как тогда.

Здесь, вот здесь, в стыдливой длительности
Слили мы уста в уста.
Как же нет былой действительности?
Он не тот? иль я не та?

Выхожу в аллею лиловую,
Где сказал он мне: «Я твой!..»
И не плачу, только всхлипываю,
Шелестя сухой листвой.

Но не длить мечту застенчивую
В старый парк пришла я вновь:
Тихой грустью я увенчиваю
Опочившую любовь!

12 – 13 апреля 1906

В городе

Голос города *Терцины*

Когда я ночью, утомлен, иду
Пустынной улицей, и стены сонны,
И фонари не говорят в бреду,

И призраки ко мне не благосклонны, —
В тиши холодной слышится порой
Мне голос города, зов непреклонный:

«Ты, озабочен, здесь спешишь. Другой —
На ложе ласк, в смешном порыве, выгнут,
В притоне третий, скорчен за игрой.

Но жив — лишь я и, вами не постигнут,
Смотрю, как царь, в безмолвие ночей.
Ты думаешь, что вами я воздвигнут?

Нет! люди — атомы в крови моей;
И, тела моего живые клетки,
Дома — тяну я в глубину полей.

Как птицам лес дарит весною ветки,
Свое богатство отдаю вам я,
Но раньше им владели ваши предки.

Не равны мы на скале бытия:
Вам жить – года, а мне – ряды столетий!
Шумя, теснится городов семья.

Когда ж и я свершу свой подвиг, дети,
Не вам я завещаю пышный прах,
Все, что хранят ревниво зданья эти.

Есть братья у меня в иных краях:
Мои богатства, как из недр могильных,
Пусть вырвут, и замкнут в своих стенах,

И над людьми смеются смехом сильных!»

3 января 1907

Городу *Дифирамб*

Царя властительно над долом,
Огни вонзая в небосклон,
Ты труб фабричных частоколом
Неумолимо окружен.

Стальной, кирпичный и стеклянный,
Сетями проволока обвит,
Ты – чарователь неустанный,
Ты – не слабеющий магнит.

Драконом, хищным и бескрылым,
Засев – ты стережешь года,
А по твоим железным жилам
Струится газ, бежит вода.

Твоя безмерная утроба
Веков добычей не сыта, —
В ней неумолчно ропщет Злоба,
В ней грозно стонет Нищета.

Ты, хитроумный, ты, упрямый,
Дворцы из золота воздвиг,
Поставил праздничные храмы
Для женщин, для картин, для книг;

По сам скликаешь, непокорный,
На штурм своих дворцов – орду,
И шлешь вождей на митинг черный:
Безумье, Гордость и Нужду!

И в ночь, когда в хрустальных залах
Хочет огненный Разврат,
И нежно пенится в бокалах

Мгновений сладострастных яд, —

Ты гнешь рабов угрюмых спины,
Чтоб, исступленны и легки,
Ротационные машины
Ковали острые клинки.

Коварный змей с волшебным взглядом!
В порыве ярости слепой,
Ты нож, с своим смертельным ядом,
Сам поднимаешь над собой.

Январь 1907

Вал

Неверная, обманчивая ясность
Искусственного света
И музыки изнеженная страстность —
Зов без ответа.

Мельканье плеч, причесок, аксельбантов,
Цветов и грудей,
Шелк, вспышки золота и бриллиантов
На изумруде.

И тихий лепет, трепет волн безвольных,
Кружащих пары,

И словно зовы звонов колокольных
Смычков удары.

И тела к телу близость, приближенье,
Яд аромата,
Забвенье, и круженье, и движенье,
Вдаль, без возврата.

И нити, чары дряхлого соблазна,
С лицом змеиным,
Что вяжут, вяжут души неотвязно,
Как серпантином...

1907

Уличная

Свищет вполголоса арии,
Блеском и шумом пьяна,
Здесь, на ночном тротуаре,
Вольная птица она!

Детски балуется с локоном,
Вьющимся дерзко к глазам,
То вдруг наклонится к окнам,
Смотрит на радужный хлам.

Вот улыбнулась знакомому

Всем ожерельем зубов!
Вот, подмигнув молодому,
Бросила несколько слов.

Кто-то кивнул необдуманно,
К ней наклонился, – и вот
Вместе смеется он шумно,
Рядом, волнуясь, идет.

Словно громадное зеркало,
Их отразило окно,
И отраженье померкло,
Канув на темное дно.

1906, 1907

Вечерний прилив

Кричат афиши, пышно-пестрые,
И стонут вывесок слова,
И магазинов светы острые
Язвят, как вопли торжества.

Там спят за стеклами материи,
Льют бриллианты яркий яд,
И над звездой червонцев – серии
Сияньем северным горят.

Прорезан длинными колодцами
Горящих улиц, – город жив,
Киша бессчетными уродцами,
Вечерний празднует прилив.

Скрыв небеса с звездами чуткими,
Лучи синеют фонарей —
Над мудрецами, проститутками,
Над зыбью пляшущих людей.

Кадрилей нарушая линии,
Меж пар кружащихся – звеня,
Трамваи мечут молнии синие,
Автомобили – сноп огня.

Позор, под музыку колесную,
Вознес смычок, как дирижер,
И слил толпу многоголосную
В единый и священный хор:

«Мы славим, Прах, Твое Величество,
Тебе ведем мы хоровод,
Вкруг алтарей из электричества,
Вонзивших копыя в небосвод!»

Апрель – декабрь 1906

Оды и послания

Хвала человеку

Молодой моряк вселенной,
Мира древний дровосек,
Неуклонный, неизменный,
Будь прославлен, Человек!

По глухим тропам столетий
Ты проходишь с топором,
Целишь луком, ставишь сети,
Торжествуешь над врагом!

Камни, ветер, воду, пламя
Ты смирил своей уздой,
Взвил ликующее знамя
Прямо в купол голубой.

Вечно властен, вечно молод,
В странах Сумрака и Льда,
Петь заставил вещей молот,
Залил блеском города.

Сквозь пустыню и над бездной

Ты провел свои пути,
Чтоб нервущейся, железной
Нитью землю оплести.

В древних вольных Океанах,
Где играли лишь киты,
На стальных левиафанах
Пробежал державно ты.

Змея, жалившего жадно
С неба выступы дубов,
Изловил ты беспощадно,
Неустанный зверолов,

И шипя под хрупким шаром,
И в стекле согнут в дугу,
Он теперь, покорный чарам,
Светит хитрому врагу.

Царь насытый и упрямый
Четырех подлунных царств,
Не стыдясь, ты роешь ямы,
Множишь тысячи коварств, —

Но, отважный, со стихией
После бьешься с грудью грудь,
Чтоб еще над новой выей
Петлю рабства захлестнуть.

Верю, дерзкий! ты поставишь
По Земле ряды ветрил.
Ты своей рукой направишь
Бег планеты меж светил, —

И насельники вселенной,
Те, чей путь ты пересек,
Повторят привет священный:
Будь прославлен, Человек!

1 декабря 1906

Правда вечная кумиров

Оры

Устремив друг к другу взоры,
В пляске двигаясь вперед,
Вы ведете – оры! оры! —
Свой священный хоровод.

В ночь глухую – слух, склоненный
К безответной бездне снов,
Слышит топот потаенный
Ваших маленьких шагов.

Солнце встанет, снова канет
В неизбежность новый день.
Ваша пляска не устанет
Обгонять и свет и тень.

Мы, дыша мечтой блаженной,
Сном работы, ядом книг,
В душной кузнице вселенной
Все куем за мигом миг.

И, скользя тропой столетий

Мимо жизни, мимо нас,
Ловко ловите вы в сети
Каждый выкованный час.

Стойте! стойте! на мгновенье
Дайте бездну оглянуть!
– Плавны легкие движенья
Дев, свершающих свой путь!

В них безвольность, в них беспечность,
Взор их благостен и тих!
Что ж? они ль пропляшут вечность,
Иль она – поглотит их?

1905, 28 августа 1906

Гесперидовые сады

Где-то есть, за темной далью
Грозно зыблемой воды,
Берег вечного веселья,
Незнакомые с печалью
Гесперидовые сады.

Жизнь отдай во власть теченья,
И оно прибьет твой челн
Там, где, словно ожерелья,
Многоцветные каменья

Поднялись над пеной волн.

Девы, благостно нагие,
Опустив к земле глаза,
Встретят странника, как друга,
Уведут тебя в густые,
Светлоствольные леса.

Там, где клонит тиховойно
Ветви древние платан,
Заслоняя солнце юга, —
В голубых струях бассейна
Ты омоешь язвы ран.

Юный, сильный и веселый,
Ты вплетишься в хоровод,
Чтобы в песнях вековечных
Славить море, славить доли
И глубокий небосвод.

Освежив, в тени утеса,
Грудь из мраморных цистерн,
Ты, в рядах друзей беспечных,
Вновь помчишься вдоль откоса,
Обгоняя легких серн.

Ты меж лиц, мелькнувших в пляске,
Нежно выберешь лицо;
И тебе – рукопожатье,

С обеща́ньем сладкой ласки,
Передаст, таясь, кольцо.

Встанет сумрак. Из бокала
Брызнет нектар золотой.
В чьи-то жданные объятья,
И покорно и устало,
Ты поникнешь головой.

2 августа 1906

Дедал и Икар

Дедал

Мой сын! мой сын! будь осторожен,
Спокойней крылья напрягай,
Под ветром путь наш ненадежен,
Сырых туманов избегай.

Икар

Отец! ты дал душе свободу,
Ты узы тела разрешил.
Что ж медлим? выше! к небосводу!
До вечной области светил!

Дедал

Мой сын! Мы вырвались из плена,
Но пристань наша далека:
Под нами – гривистая пена,
Над нами реют облака...

Икар

Отец! Что облака! Что море!
Удел наш – воля мощных птиц:
Взлетать на радостном просторе,
Метаться в даях без границ!

Дедал

Мой сын! Лети за мною следом,
И верь в мой зрелый, зоркий ум.
Мне одному над морем ведом
Воздушный путь до белых Кум.

Икар

Отец! К чему теперь дороги!
Спеши насытить счастьем грудь!
Вторично не позволят боги
До сфер небесных досягнуть!

Дедал

Мой сын! Не я ль убор пернатый
Сам прикрепил к плечам твоим!
Взлетим мы дважды, и трикраты,
И сколько раз ни захотим!

Икар

Отец! Сдержать порыв нет силы!
Я опьянел! я глух! я слеп!
Взлетаю ввысь, как в глубь могилы,
Бросаюсь к солнцу, как в Эреб!

Дедал

Мой сын! мой сын! Лети серединой,
Меж первым небом и землей...
Но он – над стаей журавлиной,
Но он – в пучине золотой!

О юноша! презрев земное,
К орбите солнца взнесся ты,
Но крылья растопились в зное,
И в море, вечно голубое,
Безумец рухнул с высоты.

1 апреля 1908

Одиссеи

Певцами всей земли прославлен
Я, хитроумный Одиссей,
Но дух мой темен и отравлен,
И в памяти гнездится змей.

Я помню день – как щит лазурный,
И зелень вод, и белость пен,
Когда стремил нас ветер безбурный
К нагому острову сирен.

Их угадав на камне плоском
И различив прибрежный гул, —
В руках согретым, мягким воском
Я слух товарищей замкнул.

Себя же к мачте корабельной
Я дал покорно привязать,
Чтоб песни лирной и свирельной
Соблазн опасный испытать.

И все мечта предугадала!
Когда в тиши морских пустынь,
Вонзая сладостные жала,
Песнь разлилась полубогинь, —

Вдруг уязвленный мукой страстной,
С одной мечтой – спешить на зов,
Из тесных уз рвался напрасно
Я, доброволец меж рабов!

И наш корабль пронесся мимо,
Сирены скрылись вдалеке,
Их чар избег я невредимо...
Но нет конца моей тоске!

Зачем я был спокойно-мудрым,
Провидел тайны вод седых,
Не вышел к девам темнокудрым
И не погиб в объятьях их!

Чтоб вновь изведать той отравы,
Вернуть событий колесо,
Я отдал бы и гимны славы,
И честь, и ложе Калипсо!

1907

Эней

К встающим башням Карфагена
Нептуна гневом приведен,
Я в узах сладостного плена
Дни проводил, как дивный сон.

Ах, если боги дали счастье
Земным созданиям в удел,
В те дни любви и сладострастья
Я этой тайной овладел!

И быть всю жизнь в такой неволе, —
Царицы радостным рабом, —
Душе казалось лучшей долей
И всех былых трудов венцом!

И ночь была над сонным градом...
Был выпит пламенный фиал...
В тиши дворца, с царицей рядом,
На ложе царском я дремал.

Еще я помнил вздохи, стоны,
Весь наш порыв – в неясном сне, —
И грудь горячая Дидоны
Все льнула трепетно ко мне...

И вот – внезапный свет сквозь тени,
И шелест окрыленных ног.
Над ложем сумрачным – Циллений
Склоняет посох, вестник-бог.

«Внемли, вещает, сын богини!
Ты медлишь, но не медлит Рок!
Ты избран был хранить святыни,

И подвиг твой, в веках, высок.

Земная страсть да спит в герое!
Тебе ль искать ливийских нег,
Когда ты призван – Новой Трои
Взрастить торжественный побег?

Узнай глаголы Громовержца:
Величью покорись, плыви
К пределам Итала, – из сердца
Исторгнув помыслы любви!»

Виденье скрылось, как зарница,
И голос замер, как мечта.
Сквозь сон, открыв глаза, царица
Ко мне приподняла уста...

Но я, безумный, с ложа прынул,
Я отвратил во тьму глаза.
И утром трубный голос грянул,
И флот наш поднял паруса.

Сентябрь 1908

Приветствия

К Медному всаднику

В морозном тумане белеет Исакий.
На глыбе оснеженной высится Петр.
И люди проходят в дневном полумраке,
Как будто пред ним выступая на смотр.

Ты так же стоял здесь, обрызган и в пене,
Над темной равниной взмутившихся волн;
И тщетно грозил тебе бедный Евгений,
Охвачен безумием, яростью полн.

Стоял ты, когда между криков и гула
Покинутой рати ложились тела,
Чья кровь на снегах продымилась, блеснула
И полюс земной растопить не могла!

Сменяясь, шумели вокруг поколенья,
Вставали дома, как посевы твои...
Твой конь попирал с беспощадностью звенья
Бессильно под ним изогнутой змеи.

Но северный город – как призрак туманный.

Мы, люди, проходим, как тени во сне.
Лишь ты сквозь века, неизменный, венчанный,
С рукою простертой летишь на коне.

24 – 25 января 1906

Петербург

Карл XII

Памятник в Стокгольме

Ты в древних сагах был предсказан,
Последний викинг, вождь-герой!
Мечтой веков миропомазан
За Север на смертельный бой!

Ты принял беспощадный вызов,
Поверив в помощь тайных сил,
Свой подвиг, сана не унизив,
Как Рыцарь Полюса свершил.

И пусть, обманут зовом славы,
Ты дерзко жребии метал,
Пусть на пустых полях Полтавы
Судьбу столетий проиграл, —

Но сны заветные народа
В тебе свой образ обрели,

Сны духовидца, морехода,
Завоевателя земли!

Стоишь ты, призрак древней саги,
В своей столице над толпой
И вдохновенным взмахом шпаги,
Как прежде, манишь за собой.

Мне, гостю с вражьего Востока,
Склониться пред тобой дозволь,
Игрок безумный в кости Рока,
Венчанный Полюсом король!

Сентябрь 1906
Stockholm

К собору Кемпэра

Я был разорван мукой страстной,
Язвим извилистой тоской,
Когда безмерный, но безгласный
Во тьме ты вырос предо мной.

Созданье канувших столетий!
Вонзая в небо две иглы,
Ты встал при тихом звездном свете
Как властелин окрестной мглы.

Моим мечтам, всегда тревожным,
Моей бессильной воле – ты
Сказал без слов о невозможном
Слияньи силы и мечты!

Меня сдавил ты, неотступный,
Всей тяжестью былых времен,
И был я, жалкий и преступный,
Твоим величьем обличен!

И вот – бродяга безымянный
На темной площади поник
Перед тобой, старик венчанный,
Как пред Изидой ученик.

1/14 сентября 1908

Quimper

Опять в Венеции

Опять встречаю с дрожью прежней,
Венеция, твой пышный прах!
Он величавей, безмятежней
Всего, что создано в веках!

Что наших робких дерзновений
Полет, лишенный крыльев! Здесь
Посмел желать народный гений

И замысл свой исчерпать весь.

Где грезят древние палаты,
Являя мраморные сны,
Не горько вспомнить мне не сжатый
Посев моей былой весны,

И над руиной Кампаниле,
Венчавшей прежде облик твой,
О всем прекрасном, что в могиле,
Мечтать с поникшей головой.

Пусть гибнет все, в чем время вольно,
И в краткой жизни, и в веках!
Я вновь целую богомольно
Венеции бессмертный прах!

1 августа 1908

Venezia

На Форуме

Не как пришлец на римский форум
Я приходил – в страну могил,
Но как в знакомый мир, с которым
Одной душой когда-то жил.

И, как во сне родные тени,

Встречал я с радостной тоской
Базилик рухнувших ступени
И плиты древней мостовой.

А надо мною, как вершина
Великих, пройденных веков,
Венчали арки Константина
Руину храмов и дворцов.

Дорог строитель чудотворный,
Народ Траяна! Твой завет,
Спокойный, строгий и упорный,
В гранит и мрамор здесь одет.

Твоих развалин камень каждый
Напоминает мне – вести
К мете, намеченной однажды,
Среди пустынь свои пути.

Август 1908

Лота

Над океаном

Отлив

Волной, как щупальцем огромным,

Ты осязаеть землю. Ночь
Темнеет над тобою, темным,
Но ты, с лобзаньем скорбно-скромным,
От смуглых скал отходишь прочь.

Громадный, страшный, всемогущий!
Ты кроешь грозный вид лица.
От века и доньне сущий,
Ты, этой ночью, – бард, поющий
О тихой сладости конца.

Я вижу: древние граниты
Разбиты ревностью твоей.
Я знаю: пьяный и сердитый,
Ты мечешь каменные плиты,
Как речка груду голышей.

Но зов отлива полон ласки,
Сквозь сумрак манит и томит,
И я готов, поверив сказке,
Бежать к тебе, вмешаться в пляски
Твоих бессмертных nereid.

Сентябрь 1908

Прилив

Пробил час. Ты вновь безволен,

Вновь, взыграв, бежишь к земле.
Обезличен, обездолен,
Беспощадной страстью болен,
Тяжкой грудью льнешь к скале.

Что ты хочешь, дикий, пьяный
Лаской бешеных зыбей?
Что крутишь песок багряный?
Что вонзаешь зубы в раны
Ты – возлюбленной своей?

Громоздя на стены стены,
Рушишь ты за валом вал.
Но, всегда страшась измены,
Покрывалом белой пены
Кроешь плечи смуглых скал.

Поспешив, с протяжным ревом,
В их объятья вновь упасть,
Ты встаешь, с усилием новым,
Все несатым, все готовым
Утолять глухую страсть.

Стой! Без сил и без движенья
Вся земля – как труп немой.
Что ж ты, в буйстве вожделенья,
Мечешь ей в лицо камня
И крушишь ее собой!

29 сeнтября 1908 (по нoвoмy ст.)

Saint Jean de Luz

Современность

Служителю муз

Свой хор заветный водят музы
Вдали от дольных зол и бед,
Но ты родные Сиракузы
Люби, как древле Архимед!

Когда бросает ярость ветра
В лицо нам вражьи знамена, —
Сломай свой циркуль геометра,
Прими доспех на рамена!

И если враг пятой надменной
На грудь страны поникшей стал, —
Забудь о таинствах вселенной,
Поспешно отточи кинжал!

Священны миги роковые,
В порыве гнева тайна есть,
И лик склоняет Урания,
Когда встает и кличет Мечь!

Пусть боги смотрят безучастно

На скорбь земли: их вечен век.
Но только страстное прекрасно
В тебе, мгновенный человек!

1 сентября 1907

Флореаль 3 года

Первый голос

Отзвенели дни зимы,
Вновь лазурью дышим мы,
Сердцу сердца снова жаль, —
Манит сладкий флореаль!
Выходи, желанный друг,
За фиалками на луг.

Другой

В черной буре наших дней
Быть нам вспышками огней!
Нам во вражеских рядах
Сеять смерть и сеять страх!
Кратки сроки, труд велик,
Стоит века каждый миг!

Первый голос

Ах! не жизнь ли коротка?
Ломок стебель василька;
Как волна, неверен день...
Там, где ива клонит тень,
Мы, сокрытые вдвоем,
Губы юные сомкнем!

Другой

Новый мир – как страшный сон
Пред столетьями зажжен!
Дуб и кедр с высоких гор
Повергаем мы в костер!
Словно углю, дай и мне
Вспыхнуть в яростном огне!

29 января 1907

Дух земли

Schreckliches Gesicht.
*Goethe*²⁵

В порыве скорби и отваги
Тебя, о мощный Дух Земли,
Мы, как неопытные маги,

²⁵ Ужасный лик. Гете (нем.).

Неосторожно заклиали.

Ты встал, громаден и ужасен,
На гордый зов, на дерзкий клик,
Так ослепительно прекрасен
И так чудовищно велик!

Ступил – и рухнули громады
Хранимых робко городов;
Дохнул на толпы, без пощады, —
И смёл безумных гордецов.

Ты наше маленькое знамя
Вознес безжалостной рукой,
Чтоб с ним, под гром, скрутилось пламя
В полете тучи грозовой.

Ты озарил нам глубь столетий,
И там, за дымом и огнем,
Открылось нечто в рдяном свете,
Как странный сон в краю ином.

И вот, отпрянув, мы трепещем,
Заклятья повторяя вслух:
Да остановим словом вещим
Тебя, – неукротимый Дух!

5 июля 1907

Наш демон

*Ἀπάντι δαίμων ἀνδρῶν.
Μένανδρος²⁶*

У каждого свой тайный демон.
Влечет неумолимо он
Наполеона через Неман
И Цезаря чрез Рубикон.

Не демон ли тебе, Россия,
Пути указывал в былом, —
На берег Сити в дни Батыя,
На берег Дона при Донском?

Не он ли вел Петра к Полтаве,
Чтоб вывести к струям Невы,
И дни Тильзита, дни бесславии,
Затмил пыланием Москвы?

Куда ж теперь, от скал Цусимы,
От ужаса декабрьских дней,
Ты нас влечешь, неодолимый?
Не видно вех, и нет путей.

²⁶ У каждого человека свой демон. Менандр (греч.).

Где ты, наш демон? Или бросил
Ты вверенный тебе народ,
Как моряка без мачт и весел,
Как путника в глуши болот?

Явись в лучах, как страж господень,
Иль встань, как призрак гробовой,
Но дай нам знак, что не бесплоден
Столетий подвиг роковой!

1908

Кому-то

Фарман, иль Райт, иль кто б ты ни был!
Спеши! настал последний час!
Корабль исканий в гавань прибыл,
Просторы неба манят нас!

Над поколением пропела
Свой вызов пламенная медь,
Давая знак, что косность тела
Нам должно волей одолеть.

Наш век вновь в Дедала поверил,
Его суровый лик вознес
И мертвым циркулем измерил
Возможность невозможных грез.

Осуществители, мы смеем
Ловить пророчества в былом,
Мы зерна древние лелеем,
Мы урожай столетий жнем.

Так! мы исполним завещанье
Великих предков. Шар земной
Мы полно примем в обладанье,
Гордясь короной четверной.

Пусть, торжествуя, вихрь могучий
Врезают крылья корабля,
А там, внизу, в прорывах тучи,
Синеет и скользит земля!

2 сентября 1908

Послания

М. А. Врубелю

От жизни лживой и известной
Твоя мечта тебя влечет
В простор лазурности небесной
Иль в глубину сапфирных вод.

Нам недоступны, нам незримы,
Меж сонмов вопиющих сил,
К тебе нисходят серафимы
В сияньи многоцветных крыл.

Из теремов страны хрустальной,
Покорны сказочной судьбе,
Глядят лукаво и печально
Наяды, верные тебе.

И в час на огненном закате
Меж гор предвечных видел ты,
Как дух величий и проклятий
Упал в провалы с высоты.

И там, в торжественной пустыне,

Лишь ты постигнул до конца
Простертых крыльев блеск павлиний
И скорбь эдемского лица!

9 января 1906

З. Н. Гиппиус

Твои стихи поют, как звучный
В лесу стремящийся ручей;
С ним незабудки неразлучны
И тени зыбкие ветвей.

Порой, при месяце, глядится
В него косматый лесовик,
И в нем давно купать копытца
Чертенок маленький привык.

Однажды в год, в святой сочельник,
Сияет ангел надо льдом,
И скачут зайцы через ельник,
Испуганы живым лучом.

Не всем, быть может, внятен ропот
В лесу звенящих, тихих струй:
Их заглушает жизни топот,
Как битвы, страстный поцелуй.

Но в вечных далях не устанет
Земля чертить круги орбит.
И много песен в бездну канет,
И много шумов отзвучит.

И новым людям, в жизни новой,
Как нынче, ясен и певуч,
Все будет петь, за мглой еловой,
Твоих стихов бессмертный ключ!

И будет лесовик, как прежде,
Глядеться в зеркале его,
И ангел, в пламенной одежде,
Над ним сиять под рождество!

4 декабря 1909

Андрею Белому

Нас не призвал посланник божий
В свой час, как братьев, от сетей,
И долго были непохожи
Изгибы наших двух путей.

Ты был безумием и верой
На высь Фавора возведен;
Как Данте, яростной пантерой
Был загнан я на горный склон.

Но на высотах, у стремнины,
Смутясь, мы встретились с тобой.
Со мною был – мой жезл змеиный,
С тобой – твой посох костяной.

И в темный путь пошли мы рядом...
Но кто-то третий близко был.
Палящей страстью, жгучим ядом,
Он нашу, душу опалил.

И – помню – кроя в сердце муку,
Как смертный, впившийся кинжал,
Братоубийственную руку
Я на поэта подымал...

И что ж! на пламени сомненья,
Что злобно зыблила вражда,
Сковались тайной цепи звенья,
Нас соединившей навсегда.

Я, в миги страшные, измерил
Твоих безумий правоту,
И ты, восторженный, поверил
В мою спокойную мечту.

Пойдем ли дальше в путь единый,
Иль каждому – удел иной,
Тебе дарю я жезл змеиный,

Беру твой посох костяной.

День ярко гаснет на откосах,
Клубится сумрак по земле.
Да будет мне твой белый посох
Путеводителем во мгле!

1909

М. А. Кузмину
Акростих

Мгновенья льются, как поток бессменный,
Искусство – радугой висит над ним.
Храни, храни, под ветром мировым,
Алтарь своей мечты, огонь священный!

И пусть твой стих, и пламенный и пленный,
Любовь и негу славит. Мы спешим
Улыбчивым созданиям твоим,
Как божествам, сплести венок смиренный,

Умолкли шумы дня. Еще размерней
Звучит напевный гимн в тиши вечерней,
Мелькают лики, вызваны тобой.

И мы, о мусагет, как пред святыней,

Невольно клонимся, – и к тверди синей,
Увенчан, ты возносишь факел свой.

24 декабря 1908

Равному *Ответ на его послание*

*Не бойся едких осуждений,
Но упоительных похвал.
Е. Баратынский*

Нет, не бойся слов враждебных,
Вольных вызовов к борьбе,
В гуле выкриков хвалебных,
В царство грез твоих волшебных,
Вдруг домчавшихся к тебе!

Хорошо, что в нашем мире
Есть, кого в борьбу вовлечь,
Что другой, как ты, в порфире,
Что нас двое на турнире,
Что на меч ответит меч!

Опусти свое забрало,
Ладь оружие свое:
Это – боя лишь начало,

Это только простучало
Затупленное копьё!

22 марта 1906

Воссоздателю

Вяч. Иванову

Спокойный взор вперив в обломок
Изваянного лика, – ты,
Друидов сумрачных потомок,
Постиг разбитые черты.

Коснувшись мрамора немого
Своим магическим жезлом,
Ему вернул ты силу слова,
Былую жизнь затеплил в ном.

Ты стройность дал бессвязным грудам,
В безликом облик угадал,
И – чудотворец! – этим чудом
Мое созданье оправдал!

1909

Встречной

*Они не созданы для мира.
М. Лермонтов*

Во вселенной, страшной и огромной,
Ты была – как листик в водопаде,
И блуждала странницей бездомной,
С изумленьем горестным во взгляде,

Ты дышать могла одной любовью,
Но любовь таила скорбь и муки.
О, как быстро обагрялись кровью
С нежностью протянутые руки!

Ты от всех ждала участия – жадно.
Все обиды, как дитя, прощала,
Но в тебя вонзались беспощадно
Острые, бесчисленные жала.

И теперь ты брошена на камни,
Как цветок, измолотый потоком.
Бедная былинка, ты близка мне, —
Мимо увлекаемому Роком!

Сентябрь – ноябрь 1907

Е. Т.

Кто глаза ее оправил
В завлекательный магнит?
Вместо сердца камень вставил,
Желтый камень хризолит?

И когда в блестящем зале,
Взор склонив, скользит она, —
Словно искрится в бокале
Ледяной огонь вина!

Смех ее – что звонкий голос
Разыгравшихся дриад.
Как на колос спелый колос,
Косы сложены назад.

Ах, я верю! в час, как щелкнет
Оградительный замок,
И весь мир кругом примолкнет,
Словно скромн и далек, —

Что за радость к этим губкам
Губы алчные склонить,
Этим жгучим, острым кубком
Жажду страсти утолить!

Да, я верю: в этом теле
Взвивность синего огня!
Здесь опасность, – в самом деле! —
Чур меня! ах, чур меня!

1909

Начинающему

*...доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один поэт!*

А. Пушкин

Нет, мы не только творцы, мы все и хранители тайны!
В образах, в ритмах, в словах есть откровенья веков.
Гимнов заветные звуки для слуха жрецов не случайны,
Праздный в них различит лишь сочетания слов.
Пиндар, Вергилий и Данте, Гете и Пушкин – согласно
В явные знаки вплели скрытых намеков черты.
Их угадав, задрожал ли ты дрожью предчувствий
неясной?
Нет? так сними свой венок: чужд Полигимнии ты.

1906

Исполненное обещание

Романтическая поэма

*Благоговейно посвящается памяти В. А.
Жуковского*

1

Угрюм и грозен замок Твид.
Он со скалой как будто слит,
Как будто вырос из скалы.
Гнездятся по углам орлы,
От стен идет нагой отвес,
Внизу синее хвойный лес,
И, недоступно далека,
Змеится белая река.

Владыка замка, Гуго Твид,
Издавно бранной славой сыт.
Добытым на войне добром
С излишеством наполнен дом.
Казне у Твида счета нет;
С ним не тягается сосед,
А Твид оспорит короля;
Подвластны Твиду все поля,

Твид – стар, но силен до сих пор;
В его руке как гром топор;
И Твиду старому верна
Его прекрасная жена.

Ее он девочкой увез
На свой незыблемый утес;
Хранил года как ценный клад;
Воспитывал как добрый брат,
Чтоб после выбрать жениха;
Берег от тайного греха
Меж верных слуг и старых дев;
Но, божьей волей, овдовев,
Назначил ей удел иной
И сделал пленницу женой.

Гертруда вся – как сладкий сон.
Туманной тенью углублен
Ее лучистый взор; у ней
Звук голоса – как пенье фей,
И россыпь золотых волос —
Как кудри дев из мира грез;
Она легка – как тихий снег,
Ее беззвучен легкий бег,
Ее шагов не помнит слух,
Как будто мимо веял дух.

Вся жизнь Гертруды, с ранних лет,
Прошла, вдали от зол и бед,

На неприступной высоте.
Она лишь смутно, как в мечте,
Знавала реки и леса;
Ей ближе были небеса,
Где тихо облака плывут,
Где ночью ангелы поют,
Да лики с сумрачных икон —
Христа и вдумчивых мадонн.

Она была страстей чужда,
Людей не зная; иногда
Ей пел зашедший к ним певец
О связи любящих сердец,
Но внятней, чем любовный стих,
Ей были жития святых.

И, зная, как она живет,
Легенды заживо народ
Об ней слагал, — и слух ходил,
Что чудо ей господь явил.
В своей молельне, в дни поста,
Она усердно у креста
Одна молилась в поздний час,
И слезы из прекрасных глаз
Лились Христу на язвы ног;
И, вдруг, изваянный веночек
Над каменным святым челом
Расцвел, как ветка под дождем!
И верили, — что вся страна

Ее мольбой охранена.

2

Шестые сутки в замке Твид
Огонь до полночи блесит.
В восточной башне угловой
Гость водворился дорогой:
Граф Роберт – Гуго давний друг.
Один, без спутников и слуг,
Обетом связанный своим,
Идет он, скромный пилигрим,
В одежде инока и бос
В страну, где пострадал Христос.

Граф Роберт смертный грех свершил.
Он брата своего убил
В порыве гнева и с тех пор
Поднять не смеет скорбный взор.
Не снят с души тяжелый грех,
И граф не ведает утех.
И чужд ему веселый пир,
И грустен радостный турнир.
В его душе клеймо одно
Рукой горящей возжжено;
В его душе одна лишь страсть:
Пред гробом господи упасть

И вымолить себе покой...
Зачем же в башне угловой,
Где думал вечер отдохнуть,
Он медлит, позабыв свой путь?

Граф Роберт – молод и красив.
В его кудрях стальной отлив;
Всегда он смотрит словно вдаль,
Но затаив в себе печаль,
Его глаза – как два клинка;
Его слова, как облака,
Меняют формы каждый миг;
Но ярче и мудрее книг
Его обдуманная речь,
Сердца разящая, как меч.

С Гертрудой встретясь в первый раз,
Не поднял Роберт темных глаз.
То было поздно, в час глухой,
На узкой лестнице витой,
Где злые тени при огне
Качались грозно по стене.
Промолвил он, лицо клоня:
«Молись, святая, за меня!»
И был встревоженной мольбой
Ее ответ: «Господь с тобой!»

Но день спустя, в такой же час,
Опять вдали от чуждых глаз

Они сошлись. Был мрак уныл,
Над черной бездной ветер выл,
И в свете молнии – бледна
Была Гертруда у окна.
Шепнул смиренный пилигрим:
«Твоей молитвой я храним
Сегодня!» Но, смотря во тьму,
Та не ответила ему.

Когда же, в третий раз, опять
Пришлось им вместе задрожать
На башне перед ликом звезд, —
С груди сорвал он черный крест,
И пал к ногам ее, и ей
Сказал безвольно: «Будь моей!» —
Сказал, и к ней лицом приник...
И темен был безмолвный миг...
Но вдруг, как солнце впереди,
Ее ответ зажегся: «Жди!»

Письмо Гертруды

«Мой господин! мой царь! мой брат!
Свершилось. Нет пути назад.
Не жаль мне в прошлом ничего.
Хочу лишь взора твоего,

Твоих, огнем горящих, уст.
Мир без тебя и дик и пуст.
Я годы целые спала;
Взошла денница и сожгла
Мои глаза своим лучом.
Рублю я радостным мечом
Нить жизни краткой – пополам.
Души спасенье я отдам
За день с тобою, – и в аду
У ног твоих я рай найду!
Как сон, я скину дни мои!
Увижу лес, поля, ручьи,
Увижу вольных певчих птиц!
У наших западных границ
Есть лог и три Проклятых Пня.
На склоне дня там жди меня!»

3

Алеют тихо облака.
И безрассудна и робка,
Лицо закрыв густой фатой,
В одежде странницы простой
Гертруда вышла из ворот.
Ее никто не поведет,
Ее никто не охранит, —
Но тщетно будет Гуго Твид

Искать изменницы-жены.
Ее движенья решены,
Как решена ее судьба:
Она – счастливая раба,
Пока захочет властелин,
Пусть жизнь, пусть год, пусть день один,
А после – дальний монастырь
Ей вновь закроет высь и ширь.

Меж буков, мрачных и немых,
Дорогой, полной чар лесных,
Скользит Гертруда в тишине,
И мир пред ней – как мир во сне,
Как память о иных мирах,
Порой томящая в мечтах.
Пьянит свобода, как вино,
И сердце мыслью прожжено:
Он ждет, он встретит, и они
Сольют свои уста в огни,
Сплетут извивы нежных рук,
Замрут в истоме сладких мук.
И страстный взгляд любимых глаз
Она увидит в первый раз!

Она идет вперед, вперед...
Так лишь лунатики обход
Свершают ночью вдоль стены
При свете пристальном луны.
Она скользит, как легкий челн

По ветру над качаньем волн,
Храня безволие свое.
Не ангел ли ведет ее?
Не бог ли правый с высоты
Благословил ее мечты?

Но чу! глухой, далекий скок.
И вторит лес, и вторит лог
Бряцанью шпор и лаю псов.
Не скрыться меж лесных стволов!
Не упредить лихих коней!
Все ближе, ближе, все ясней,
Все беспощадней стук копыт, —
И пред Гертрудой Гуго Твид!

4

Глуха подземная тюрьма.
В ней смрад и сырость, тишь и тьма.
Порой в ней тени говорят,
И кости давние стучат
Под непривычную ногой,
Рождая отзвук гробовой, —
Но звуки, умирая тут,
Гранитной толщи не пробьют,
Ни в замке, ни среди полей
Ничьих не возмутят ушей!

И с воли к тем, кто здесь забыт,
Зов ни один не долетит!

Припав к стене, в сыром углу,
Гертруда не глядит во мглу,
Не плачет, тщетно не зовет.
На миг сверкнул ей небосвод
Сияньем пламенной зари, —
И вновь померкли янтари.

На миг, в сияющем венце,
С улыбкой странной на лице,
Маня, предстала ей Любовь —
И в темный гроб упала вновь.
На миг зажглась над ней звезда, —
Чтоб закатиться навсегда!

Томят виденья в тишине!
В бреду больном иль в зыбком сне
Гертруда видит дальний лес,
Глубь вечеряющих небес,
И лог, и три Проклятых Пня...
При свете меркнувшего дня,
К сухой коре лицом припав,
Там ждет ее печальный граф.
Его глаза блестят во мгле;
Высокий посох – на земле;
А что в его руке? – кинжал?
Встал полный месяц, кругло-ал,

И чрез глазницы мрачных туч
Стал наводить на все свой луч.

И кажется Гертруде вдруг:
Благоухает лог и луг,
И снова, по траве полян,
Она бежит в ночной туман.
Слабеют силы; на ногах
Как будто цепи; хладный страх
Растет на сердце... Поворот...
И старый бук... И он... И вот
Слетает с уст невольный стон, —
И милый, милый к ней склонен!
Она сквозь слезы, чуть жива,
Лепечет нежные слова,
И слышит лепет нежных слов,
И видит страстный блеск зрачков,
И, холодея вся, как труп,
Впивает ласку жданных губ.
Что это? смерть иль страсти миг?
Стон боли или счастья крик?
Со странно-радостным лицом
Поверглась узница ничком.
В темнице, царственно-одна,
Стоит и смотрит тишина.

Померк на западе пожар.
Настало время тайных чар.
Раскрыли звезды ширь и высь;
Сквозь ветви эльфы пронеслись;
Вдали короной золотой
Блеснул под буком Царь Лесной;
И на поляне смех звончей
Его беспечных дочерей.

Но графа не коснется страх.
Не лезвие ль в его руках?
Не крест ли на его груди?
Но мрак все гуще впереди.
Давно прошел условный час,
Плыл месяц – и меж туч угас,
Была надежда – и прошла,
И мгла кругом, и в сердце мгла...
Слабеет, никнет гордый дух,
И граф молитву шепчет вслух:

«Ты не пришла, ты не придешь!
Твое письмо – иль смех, иль ложь!
А я, смиренный пилигрим,
Обетом связанный своим,
Посмел о радости мечтать!

Бежать я должен, словно тать,
В святую землю поспешить,
У гроба господа сложить
И прежний грех, и эту страсть!
К кресту пречистому припасть,
Да скажет мне господь: «Пролью .
Елей я на душу твою!»
Но если... Если в замке том
Она томится под замком,
И ждут ее – и суд и казнь!
О, сердце сжавшая боязнь!
О, ужас, впившийся в мечты!
Но что во тьме?.. Кто близко?.. Ты?»

Лицо закрыв густой фатой,
В одежде странницы простой,
Как черный призрак через тьму,
Гертруда тихо шла к нему.
И граф спешит навстречу ей,
Зовет небесной и своей,
И ризы влажные края
Целует, счастья не тая,
И шепчет, что им должно прочь,
Что клонится к исходу ночь.

Но, словно статуя бледна,
Молчит в его руках она
И только льнет к нему нежней,
Как тень среди других теней.

Он близостью ее сожжен,
И страсти, бьющей в сердце, он
Уже не может одолеть!
Готов он вместе умереть
За миг блаженства здесь, теперь...
Закатный месяц, словно зверь,
Взглянул на них из низких туч...
Чу! где-то близко брызнул ключ.
И вот, под мерный говор струй,
Сверкнул их первый поцелуй!

Без клятв был заключен их брак.
Свидетелем был строгий мрак;
Меж трав, обрызганный росой,
Стоял незримый аналой;
Светили звезды им с небес;
Пропел им хор могучий лес;
И эльфы, легкие, как дым,
Приветствия шепнули им;
И, мимо проходя тропой,
Благословил их Царь Лесной.

6

Храня лица спокойный вид,
Сошел наутро Туго Твид
С ватагой слуг в свою тюрьму.

Чуть факелы вспугнули тьму, —
Все вдруг поникли головой:
Лежал пред ними труп немой.
Была Гертруда хороша,
Как будто грешная душа
С восторгом отошла, пред тем
Увидев благостный Эдем.
Казалось: спит Гертруда, сжав
В руке пучок цветов и трав.
И было явно всем, что тут
Не нужен больше грозный суд!

И в тот же день бедняк пастух,
Свирелью услаждая слух,
Привел овец к Проклятым Пням,
И труп нашел, простертый там.
Граф Роберт словно тихо спал.
Высокий посох и кинжал
Лежали близ, в траве густой.
Был граф прекрасен, как живой,
С улыбкой счастья на устах.
Но в крепко стиснутых руках
С собой в могилу он унес
Прядь золотистую волос.

Начато в 1901 г.

Кончено в 1907 г.

Заключение

Оправдание земного

Ангел

Огни твоей земной вселенной —
Как тень в лучах иных миров!

Поэт

Но я люблю мой дух надменный
И яркий блеск моих оков!

Ангел

За гранью счастья и несчастий
Есть лучшей жизни небосвод!

Поэт

Но я хочу, чтоб темной страсти
Меня крутил водоворот!

Ангел

Познаешь, кинув мир случайный,
Как сожигает полнота!..

Поэт

Но для меня в любви – все тайны,
В одном лице – вся красота!

26 января 1907

Сеятель

Я сеятеля труд, упорно и сурово,
Свершил в краю пустом,
И всколосилась рожь на нивах; время снова
Мне стать учеником.

От шума и толпы, от славы и приветствий
Бегу в лесной тайник,
Чтоб снова приникать, как в отдаленном детстве,
К тебе, живой родник!

Чтоб снова испытать раздумий одиноких
И огненность и лед,
И встретить странных грез, стокрылых и стооких,
Забывтый хоровод.

О радость творчества, свободного, без цели,

Ко мне вернешься ты!
Мой утомленный дух проснется в колыбели
Восторженной мечты!

Вновь, как Адам в раю, неведомым и новым
Весь мир увижу я
И буду заклинать простым и вещим словом
Все тайны бытия!

1907

Звезда

В дни юности, на светлом небе,
Признал я вещую звезду,
И принял выпавший мне жребий,
И за моей звездой иду.

И в темном мире, год за годом,
Меня кружит и водит Рок.
Я видел пред эдемским входом
Огнем пылающий клинок;

Я слепнул в нестерпимом блеске
Воздвигнутых Содомом зал;
Я грустной повести Франчески
В стране, где пет надежд, внимал...

Зачем же в лабиринт всемирный
Тяну я дальше нить свою?
Кому я ладана, и смирны,
И злата – царский дар таю?

Не даст ответа светоч горний...
Ад пройден, и за мной Эдем...
И все спокойней, все покорней
Иду я в некий Вифлеем.

1906

Фаэтон

Как в полдень колесница Феба
Стоит на ясной высоте,
По крутизне земного неба
И я взнесен к своей мете.

Я вижу с вечного зенита
Со всех сторон отвесный скат,
И мне одна стезя открыта:
Дуга крутая на закат!

Быть может, коней не сдержу я,
Как древле оный Фаэтон,
И звери кинутся, ликуя,
Браздить горящий небосклон.

Тогда, Кронион, суд исполни
И гибелью покрой мой стыд:
Пусть, опален зубцами молний,
Паду к ногам Океанид.

7 июня 1905

Зеркало теней 1909 — 1912

На груди земной

*Покуда на груди земной
Хотя с трудом дышать я буду,
Весь тронет жизни молодой
Мне будет вяжен отовсюду!*

А. Фет

* * *

Веселый зов весенней зелени,
Разбег морских надменных волн,
Цветок шиповника в расселине,
Меж туч луны прозрачный челн,
Весь блеск, весь шум, весь говор мира,
Соблазны мысли, чары грез, —
От тяжелой поступи тапира
До легких трепетов стрекоз, —
Еще люблю, еще приемлю,
И ненасытной мечтой

Слежу, как ангел дождевой
Плодотворит нагую землю!

Какие дни мне предназначены
И в бурях шумных, и в тиши,
Но цел мой дух, и не растрачены
Сокровища моей души!
Опять поманит ли улыбкой
Любовь, подруга лучших лет,
Иль над душой, как влага зыбкой,
Заблещет молний синий свет, —
На радости и на страданья
Живым стихом отвечу я,
Ловец в пучине бытия
Стоцветных перлов ожиданья!

Приди и ты, живых пугающий,
Неотвратимый, строгий час,
Рукой холодной налагающий
Повязку на сиянье глаз!
В тебе я встречу новый трепет,
Твой лик загадочный вопью, —
Пусть к кораблю времен прицепит
Твоя рука мою ладью.
И, верю, вечностью хранимый,
В тех далях я узнаю вновь
И страсть, и горечь, и любовь,
Блеск дня, чернь ночи, вёсны, зимы!.

На вечернем асфальте

Мысли священные, жальте
Жалами медленных ос!
В этой толпе неисчетной,
Здесь, на вечернем асфальте,
Дух мой упорный возрос.

В этой толпе неисчетной
Что я? – лишь отзвук других.
Чуткое сердце трепещет:
Стон вековой, безотчетный
В нем превращается в стих.

Чуткое сердце трепещет
Трепетом тонкой струны,
Слышит таинственный ропот...
Шар электрический блещет
Мертвым лучом с вышины.

Слышит таинственный ропот
Сердце, в молчаньи толпы.
Здесь, на вечернем асфальте,
Словно предчувствие – топот,
Даль – словно в вечность тропы.

Здесь, на вечернем асфальте,
Дух мой упорный возрос.
Что я? – лишь отзвук случайный
Древней, мучительной тайны.
Мысли священные, жальте
Жалами медленных ос!

25 июня 1910

«Снова, с тайной благодарностью...»

*Что устоит перед дыханьем
И первой встречей весны!*

Ф. Тютчев

Снова, с тайной благодарностью,
Глубоко дышу коварностью
В сердце льющейся весны,
Счастье тихое предчувствую,
И живой душой сопутствую
Птицам в далях вышины.

Снова будут сны и радости!
Разольются в поле сладости
Красных кашек, свежих трав.
Слух занежу в вешней прелести,
В шуме мошек, в легком шелесте
Вновь проснувшихся дубрав.

Снова ночи обнаженные
Заглядятся в воды сонные,
Чтоб зардеться на заре.
Тучка тонкая привесится
К золотому рогу месяца,
Будет таять в серебре.

Эти веянья и таянья,
Эти млеянья и чаянья,
Этот милый майский шум, —
Увлекая к беспредельности,
Возвращают тайну цельности
Снов и мира, слов и дум...

1911

«Идут года. Но с прежней страстью...»

*О нет, мне жизнь не надоела,
Я жить хочу, я жизнь люблю!*
А. Пушкин

Идут года. Но с прежней страстью,
Как мальчик, я дышать готов
Любви неотвратимой властью
И властью огненной стихов.
Как прежде, детски, верю счастью

И правде переменных снов!

Бывал я, с нежностью, обманут
И, с лаской, дружбой оскорблен, —
Но строфы славить не устанут
Мечты и страсти сладкий сон.
Я говорю: пусть розы вянут,
Май будет ими напоен!

Всё прошлое – мне только снилось,
Разгадка жизни – впереди!
Душа искать не утомилась,
И сердце – дрожью жить в груди.
Пусть все свершится, – что б ни сбылось! —
Грядущий миг, – скорей приди!

Вновь, с рыбаком, надежды полный,
Тая восторженную дрожь,
В ладье гнилой, бросаюсь в волны.
Гроза бушует вкруг. Так что ж!
Не бойся, друг! пусть гибнут челны:
Ты счастье Цезаря везешь!

1911

Объятия снов

Земная жизнь кругом объята снами.
Ф. Тютчев

Сон

Ты вновь меня ведешь, и в отдаленья, робко,
Иду я за тобой, —
Сквозь сумеречный лес, среди трясины топкой,
Чуть видимой тропой.

Меж соснами темно; над лугом тенью бледной
Туман вечерний встал;
Закатный свет померк на выси заповедной
Даль оградивших скал.

Мне смутно ведомо, куда ведет дорога,
Что будет впереди...
Но если шаг порой я замедляю, — строго
Ты шепчешь мне: иди!

И снова мы пройдем по кручам гор, по краю
Опасной крутизны.
Мир отойдет от нас, и снова я узнаю

Все счастье вышины.

На горном пастбище, меж сосен оголенных,
Сквозь голубую тень,
Мне явится, с крестом среди рогов склоненных,
Таинственный олень.

Ты вскрикнешь радостно; в свои надежды веря,
Ты сделаешь мне знак;
И будет озарен крестом лесного зверя
Вдруг отступивший мрак.

Расслышу с грустью я, как ты, клонясь всем телом,
Прошепчешь мне: молись!
Я руку подыму с привычным самострелом...
Стрела взовьется ввысь...

Вдруг пропадет олень; со стоном безнадежным
Исчезнешь ты; а я
Останусь, как всегда, спокойным и мятежным,
Ответный вздох тая.

7 января 1910

Кошмар

Эту женщину я раз единый видел.
Мне всегда казалось: было то во сне.

Я ее любил; потом возненавидел;
Вновь ее увидеть не придется мне.

С ней вдвоем мы были где-то на концерте,
Сближенные странно радостной мечтой.
Звуки ясно пели о блаженстве смерти,
О стране, где сумрак, тайна и покой.

Кончилась соната. Мы перебежали
Яркий блеск фойе и залы тихой мглы.
Промелькнули лестниц темные спирали,
Нижних переходов своды и углы.

Наконец, пред дверью, почернелой, низкой,
Словно сговорившись, стали мы вдвоем.
Кто-то мне твердил, что цель исканий близко.
Задыхаясь, тихо, я сказал: «умрем!»

Женщина поспешно дверь открыла. Смутно
Озарились глубь сумрачных углов.
Комната была пустой и неприятной,
У стены направо высился альков.

И движеньем быстрым, – делая мне знаки
Следовать за нею, – женщина вошла,
Распустила косы, хохоча во мраке,
На постель припав, любовника ждала.

Раненное больно, сердце вдруг упало.

Помню вновь проходы, отблеск на стене...
Я вернулся к людям, к свету, к шуму зала.
Мне всегда казалось; было то во сне.

Январь 1910

Бессонница

Луна стоит над призрачной горой;
Неверным светом залита окрестность^
Ряд кипарисов вытянулся в строй;
Их тени побежали в неизвестность.
Она проснулась и глядит в окно...
Ах, в полночь всё странней и идеальней!
Как давит бедра это полотно,
Как мало воздуха в знакомой спальне!
Она молчит, и всё молчит вокруг,
Портьеры, дверь, раздвинутые ставни.
И рядом спит ее привычный друг,
Знакомый, преданный, любовник давний.
Он рядом спит. Чернеет борода
И круг кудрей на наволочке белой.
Он равномерно дышит, как всегда;
Под простыней простерто прямо тело.
Луна стоит. Луна ее зовет
В холодные, в свободные пространства.
В окно струится свет, и свет поет
О тайной радости непостоянства...

Встать и бежать... Бежать в лучах луны,
По зелени, росистой, изумрудной,
На выси гор, чтоб сесть в тени сосны,
И плакать, плакать в тишине безлюдной!
Под простыней тревожно дышит грудь,
Мечты влекутся в даль и в неизвестность...
Луна плывет и льет живую ртуть
На сонную, безмолвную окрестность.

10 января 1910

Радостный миг

*...тот радостный миг,
Как тебя умолил я, несчастный палач!*

А. Фет

Когда, счастливый, я уснул, она, —
Я знаю, – молча села на постели.
От ласк недавних у нее горели
Лицо, и грудь, и шея. Тишина
Еще таила отзвук наших вскриков,
И терпкий запах двух усталых тел
Дразнил дыханье. Лунных, легких бликов
Лежали пятна на полу, и бел
Был дорассветный сумрак узкой спальней.
И женщина, во тьме лицо клоня,
Усмешкой искаженное страдальной,

Смотрела долго, долго на меня,
Припоминая наш восторг минутный...
И чуждо было ей мое лицо,
И мысли были спутаны и смутны.
Но вдруг, с руки венчальное кольцо
Сорвав, швырнула прочь, упала рядом,
Сжимая зубы, подавляя плач,
Рыдая глухо... Но, с закрытым взглядом,
Я был простерт во сне, немой палач.
И снилось мне, что мы еще сжимаем
В объятиях друг друга, что постель
Нам кажется вновь сотворенным раем,
Что мы летим, летим, и близко цель...
И в свете утреннем, когда все краски
Бесстыдно явственны, ее лица
Не понял я: печати слез иль ласки
Вкруг глаз ее два сумрачных кольца?

1910—1911

Неизъяснимы наслажденья

*Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья.*

А. Пушкин,

Демон самоубийства

*И кто, в избытке ощущений,
Когда кипит и стынет кровь,
Не ведал ваших искушений,
Самоубийство и любовь!*

Ф. Тютчев

Своей улыбкой, странно-длительной,
Глубокой тенью черных глаз
Он часто, юноша пленительный,
Обворожает, скорбных, нас.

В ночном кафе, где электрический
Свет обличает и томит,
Он речью, дьявольски-логической,
Вскрывает в жизни нашей стыд.

Он в вечер одинокий – вспомните, —

Когда глухие сны томят,
Как врач искусный в нашей комнате,
Нам подает в стакане яд.

Он в темный час, когда, как оводы,
Жужжат мечты про боль и ложь,
Нам шепчет роковые доводы
И в руку всовывает нож.

Он на мосту, где воды сонные
Бьют утомленно о быки,
Вздувает мысли потаенные
Мехами злобы и тоски.

В лесу, когда мы пьяны шорохом
Листвы и запахом полян,
Шесть тонких гильз с бездымным порохом
Кладет он, молча, в барабан.

Он верный друг, он – принца датского
Твердит бессмертный монолог,
С упорностью участия братского,
Спокойно-нежен, тих и строг.

В его улыбке, странно-длительной,
В глубокой тени черных глаз
Есть омут тайны соблазнительной,
Властительно влекущей нас...

Ночь 15/16 мая 1910

На пляже

Я видел их. Они вдвоем на пляже
Бродили. Был он грустен и красив;
И не сходила с уст одна и та же

Улыбка. Взгляд ресницами закрыв,
Она шла рядом. Лик ее овальный
Прозрачен был и тонок, но не жив.

Качалось солнце, в яркости прощальной,
Над далью моря. Волны на песке
Чредой стихали, с жалобой печальной.

Играл оркестр веселый вдалеке,
Нарядов дамских пестрота мелькала...
И не было приюта их тоске!

Когда ж заката пышность отблистала,
Замолк оркестр, и берег стал пустым,
Как широта покинутого зала, —

Коснулся их лобзанием святым
Вечерний ветер. С жалобным укором,
В безлюдьи море подступило к ним.

И красный месяц сзади встал над бором,
Провел по волнам яркую черту,
На них взглянул неумолимым взором.

И, взявшись за руки, одну мечту
Постигли оба. Станным счастьем полны,
Вошли в сиянье, кинув темноту.

И долго шли, покорны и безмолвны.
Вода росла и ширилась вокруг них,
Через плечи их перебегали волны,

Вдруг нежный ветер горестно затих,
И смолк прибой; лишь лунный взор на страже
Один сиял на небесах нагих.

Все было пусто в море и на пляже,

<1910>

Офелия

*Офелия гибла и пела,
И пела, сплетая венки,
С цветами, венками и песнью
На дно опустилась реки.*

А. Фет

Ты не сплетала венков Офелии,
В руках не держала свежих цветов;
К окну подбежала, в хмельном веселии,
Раскрыла окно, как на радостный зов!

Внизу суетилась толпа безумная,
Под стуки копыт и свистки авто,
Толпа деловая, нарядная, шумная,
И тебя из толпы не видел никто.

Кому было дело до лика странного,
Высоко, высоко, в чужом окне!
Чего ж ты искала, давно желанного,
Блуждающим взором, внизу, на дне?

Никто головы не поднял, – и с хохотом
Ты кинулась вниз, на пустой гранит.
И что-то упало, с тяжелым грохотом,
Под зовы звонков и под стук копыт.

Метнулась толпа и застыла, жадная,
Вкруг бедного тела, в крови, в пыли...
Но жизнь шумела, всё та же, нарядная,
Авто и трамваи летели вдали.

Соблазнителю

*Лишь ты один владеешь ключами
рая, праведный, утонченный,
могущественный!*

Г. де Куинси

Ко мне вошел ты. Соблазнитель,
Глаза укромно опутив.
Ты, милосердый победитель,
Со мной был ласков и стыдлив.

Склонив на шею мне несмело
Две нежно-огненных руки,
Ты тихо погрузил всё тело
В истому пламенной реки.

Ты все желанья, всё бывшее
В моей душе дыханьем сжег, —
И стало в мире нас лишь двое:
Твой пленник – я, и ты – мой бог!

Ты обострил мне странно зренье,
Ты просветил мне дивно слух,
И над безмерностью мгновенья
Вознес мой окрыленный дух.

И всем, во мне дремавшим силам,
Ты дал полет, ты дал упор,
Ты пламя мне разлил по жилам,
Ты пламенем зажег мой взор.

Когда ж воскликнул я: «Учитель!
Возьми меня навек! я – твой!»
Ты улыбался, Соблазнитель,
Качая молча головой.

Сентябрь 1909
Париж

Le paradis artificiel²⁷

C'est une beatitude calnae el imniobile.
Ch. Baudelaire²⁸

Истома тайного похмелья
Мое ласкает забытье.
Не упоенье, не веселье,
Не сладость ласк, не острие.

Быть недвижимым, быть безмолвным,
Быть скованным... Поверить снам,

²⁷ Искусственный рай (*фр.*).

²⁸ Это безмятежное и неподвижное блаженство. Ш. Бодлер (*фр.*)

И предавать палящим волнам
Себя, как нежащим губам.

Ты мной владеешь, Соблазнитель,
Ведешь меня... Я – твой! с тобой!
В какую странную обитель
Плывем мы голубой водой?

Спустились лавры и оливы
К широким белым ступеням...
Продлись, продлись, мой миг счастливый,
Дремлю в ладье, у входа в храм...

Чья шея, гибкая, газелья,
Склонилась на плечо мое?
Не упоенье, не веселье,
Не сладость ласк, не острие.

Нет, ничего мечте не надо!
Смотреть в хрустальный небосвод,
Дышать одной тобой, услада
Журчащих и манящих вод!

Все позабыть, чем жил я прежде,
Восторг стихов, восторг любви...
Ты, призрак в голубой одежде,
Прекрасный миг останови!

Пусть зыблют бледные оливы

Тень по широким ступеням.
Я – недвижимый, я – счастливый,
Я предан нежащим губам.

Сверкает чье-то ожерелье
Так близко... Милая, твое?
Не упоенье, не веселье,
Не сладость ласк, не острие...

1909—1911

В пустынях

Так вот в какие пустыни
Ты нас заманил, Соблазнитель!
Бесстрастный учитель
Мечты и гордыни,
Скорби целитель,
Освободитель
От всех уныний!

Эта страна – безвестное Гоби,
Где Отчаянье – имя столице!
Здесь тихо, как в гробе.
В эти границы
Не долетают птицы;
Степь камениста, даль суха,
Кустарник с жесткой листвой,

Мох ползучий, седой,
Да кусты лопуха...

Здесь мы бродим, тобой соблазненная рать,
Взорами, в ужасе, даль обводя,
Избегая смотреть друг на друга.
Одним – смеяться, другим – рыдать,
Третьим безмолвствовать, слов: не найдя,
Всем – в пределах единого круга!

Иные, в упорстве мгновенном,
Ищут дороги назад,
Кружатся по пустыне холодной,
Смущающей очи миражем бессменным,
И круги за кругами чертят,
Бесплодно, —
По своим следам
Возвращаясь к нам.

Другие, покорно, на острых камнях
Лежат и грызут иссохшие руки,
Как на прахе брошенный прах,
И солнечный диск, громаден и ал,
Встает из-за рыжих скал,
Из-за грани прежней отчизны,
Страны Любви и Жизни,
Что стала страной – Вечной Разлуки.

У нас бывают экстазы,

Когда неожиданно
Мы чувствуем жизнь и силы!
Всё меняется странно:
Камни горят, как алмазы,
Новые всходят на небо светила,
Расцветают безвестные розы, —
Но, быстро осыпаются грезы,
Тупо мы падаем в груды колеблемой пыли,
Тупо мы слушаем ветер,
Еле качающий дремлющий вереск, —
В бессилии...

И тогда появляешься ты,
Прежний, Юный, Прекрасный,
В огненном Маке,
Царь Мечты.
Властно
Нам делаешь знаки,
И, едва наступает тишь —
Прежний, Прекрасный, Юный, —
Голосом нежным, как струны,
Нам говоришь:

«Я обещал вам восторга мгновенья, —
Вы их узнали довольно!
Я обещал вам виденья, —
Вы приняли их богомольно!
Я обещал вам сладости изнеможенья, —
Вы их вкусили вполне!

Поклонитесь мне!»

И, пав на колени,
Мы, соблазненная рать,
Готовы кричать
Все гимны хвалений,
Веселясь о своем Господине:
«Слава, Учитель
Мечты и гордыни!
Скорби целитель,
Освободитель
От всех уныний!
Да будем в пустыне
Верны нашей судьбе!
Вне Тебя нам все ненавистно!
Служим тебе —
Ныне и присно!»

1911

Под мертвой луною

*На кладбище старом, пустынном, с сознанием,
полным отравы,*

Под мертвой Луною...

К. Бальмонт

В моей стране

В моей стране – покой осенний,
Дни отлетевших журавлей,
И, словно строгий счет мгновений,
Проходят облака над ней.

Безмолвно поле, лес безгласен,
Один ручей, как прежде, скор.
Но странно ясен и прекрасен
Омытый холодом простор.

Здесь, где весна, как дева, пела
Над свежей зеленью лугов,
Где после рожь цвела и зрела
В святом предчувствии серпов, —

Где ночью жгучие зарницы
Порой влюбленных стерегли,

Где в августе склоняли жницы
Свой стан усталый до земли, —

Теперь торжественность пустыни,
Да ветер, бьющий по кустам,
А неба свод, глубоко синий, —
Как купол, увенчавший храм!

Свершила ты свои обеты,
Моя страна! и замкнут круг!
Цветы опали, песни спеты,
И собран хлеб, и скошен луг.

Дыши же радостным покоем
Над миром дорогих могил,
Как прежде ты дышала зноем,
Избытком страсти, буйством сил!

Насыться миром и свободой,
Как раньше делом и борьбой, —
И зимний сон, как всей природой,
Пусть долго властвует тобой!

С лицом и ясным и суровым
Удары снежных вихрей встретить,
Чтоб иль воскреснуть с майским зовом,
Иль в неге сладкой умереть!

8 октября 1909

Зерно

Лежу в земле, и сон мой смутен...
В открытом поле надо мной
Гуляет, волен а беспутен,
Январский ветер ледяной,

Когда стихает ярость бури,
Я знаю: звезд лучистый взор
Глядит с темнеющей лазури
На снежный мертвенный простор.

Порой во сне, сквозь толщ земную,
Как из другого мира зов,
Я глухо слышу, жутко чую
Вой голодающих волков.

И бредом кажется бывшее,
Когда под солнечным лучом
Качалось поле золотое,
И я был каплей в море том.

Иль день, когда осенней нивой
Шел бодрый сеятель, и мы
Во гроб ложились, терпеливо
Ждать торжествующей зимы.

Лежу в могиле, умираю,
Молчанье, мрак со всех сторон...
И всё трудней мне верить маю,
И всё страшней мой черный сон...

11 ноября 1909

* * *

Цветок засохший, душа моя!
Мы снова двое – ты и я.

Морская рыба на песке.
Рот открыт в предсмертной тоске.

Возможно биться, нельзя дышать...
Над тихим морем – благодать.

Над тихим морем – пустота:
Ни дыма, ни паруса, ни креста.

Солнечный свет отражает волна,
Солнечный луч не достигает дна.

Солнечный свет беспощаден и жгуч...
Не было, нет, и не будет туч.

Беспощаден и жгуч под солнцем песок.

Рыбе томиться недолгий срок.

Цветок засохший, душа моя!

Мы снова двое – ты и я.

<1911>

* * *

Тяжела, бесцветна и пуста

Надмогильная плита.

Имя стерто, даже рыжий мох

Искривился и засох.

Маргаритки беленький цветок

Доживает краткий срок.

Ива наклонила на скамью

Тень дрожащую свою,

Шелестом старается сказать

Проходящему; «Присядь!»

Вдалеке, за серебром ракии,

Серебро реки блестит.

Сзади – старой церкви вышина,

В землю вросшая стена.

Над травой немеющих могил
Ветер веял, и застыл.

Застывая, прошептал в тени:
«Были бури. Сон настал. Усни!»

<1911>

* * *

Мечты любимые, заветные мечты,
Виденья радости – и красоты!

Вы спите, нежные, в расписанных гробах,
Нетленные, прекрасные, но прах.

От ветра и лучей, в молчаньи пирамид,
Таимы, – вы храните прежний вид.

И только я один, по лестнице крутой,
Схожу порой в молитвенный покой.

Вы, неподвижные, встречаете меня
Улыбкой прежде нежившего дня.

Вы мне, безмолвные, спокойствием своим,

Вновь говорите: «Рай недостижим!»

И долго я смотрю на давние черты,
Мечты заветные, мои мечты!

И, скорбно уходя, я запираю дверь,
Храня мой склеп надежд, мой склеп потерь.

Едва коснется день прекрасного лица,
Все станет пепл пред взором пришлеца.

Мой потаенный храм, мой мир былых годов,
Всё станет – ряд расписанных гробов.

Пусть жизнь зовет, шумит, пусть новый вьется стяг.
Я вас храню. Вас не увидит враг.

1910—1911

Родные степи

Вновь

Я вижу вас, родные степи,

Моя начальная любовь.

Е. Баратынский

По меже

Как ясно, как ласково небо!
Как радостно реют стрижи
Вкруг церкви Бориса и Глеба!

По горбику тесной межи
Иду, и дышу ароматом
И мяты, и зреющей ржи.

За полем усатым, не сжатым
Косами стучат косари.
День медлит пред ярким закатом...

Душа, насладись и умри!
Всё это так странно знакомо,
Как сон, что ласкал до зари.

Итак, я вернулся, я – дома?

Так здравствуй, июльская тишь,
И ты, полевая истома,

Убогость соломенных крыш
И полосы желтого хлеба!
Со свистом проносится стриж

Вкруг церкви Бориса и Глеба.

1910

Белкино

* * *

В полях забытые усадьбы
Свой давний дозируют сон.
И церкви сельские, простые
Забыли про былые свадьбы,
Про роскошь барских похорон.

Дряхлеют парки вековые
С аллеями душистых лип.
Над прудом, где гниют беседки,
В тиши, в часы вечеровые,
Лишь выпи слышен зыбкий всхлип.

Выходит месяц, нежит ветки
Акаций, нежит робость струй.

Он помнит прошлые затеи,
Шелк, кружева, на косах сетки,
Смех, шепот, быстрый поцелуй.

Теперь всё тихо. По аллее
Лишь жаба, волочась, ползет
Да еж проходит осторожно...
И всё бессильней, всё грустнее
Сгибаются столбы ворот.

Лишь в бурю, осенью, тревожно
Парк стонет громко, как больной,
Стряхнуть стараясь ужас сонный...
Старик! жить дважды невозможно;
Ты вдруг проснешься, пробужденный
Внезапно взвизгнувшей пилой!

1910—1911

* * *

Большой дорогой, шоссе открытым,
Широкой шиной вздымая пыль,
Легко несется автомобиль.

Смеемся рощам, дождем омытым,
Смеемся далям, где темен лес,
Смеемся сини живых небес!

Поля, пригорки, луга, долинки,
Внезапно – церковь, изб темный ряд,
Мелькают лица, столбы летят...

И на подушках мы в лимузинке,
Куря беспечно, бесплодный взор
Бросаем бегло на весь простор...

25 мая 1911

* * *

На сухой осине серая ворона,
Поле за оврагом, отдаленный лес,
Серый молочайник у крутого склона,
Мухомор на кочке, вздутый, словно бес.

Грустно, нелюдимо, пусто в мире целом,
Колеи дороги поросли травой,
Только слабо в небе, синевато-белом,
Виден дым далекий, верно, над избой.

Взором утомленным вижу в отдаленьи
Разноцветный веер недожатых нив,
Где-то есть жилище, где-то есть селенье,
Кто-то здесь, в просторах, уцелел и жив...

Или я чужой здесь, в этой дикой шири,
Одинок, как эта птица на суку,
Говорящий странник в молчаливом мире,
В даль полей принесший чуждую тоску?..

18 июля 1911

Летняя гроза

Синие, чистые дали
Между зеленых ветвей
Бело-молочными стали...
Ветер играет смелей.

Говор негромкого грома
Глухо рокошет вдали...
Всё еще веет истома
От неостывшей земли.

Птицы кричали и смолкли;
С каждым мгновеньем темней.
В небо выходит не полк ли
Сумрачных, страшных теней.

Вновь громовые угрозы,
Молнии резкий зигзаг.
Неба тяжелые слезы
Клонят испуганный мак.

Ливень, и буря, и где-то
Солнца мелькнувшего луч...
Русское, буйное лето,
Месяцы зноя и туч!

1911

* * *

И снова давние картины
(Иль только смутные мечты):
За перелеском луговины,
За далью светлые кресты.

Тропинка сквозь орешник дикий
С крутого берега реки,
Откос, поросший повиликой,
И в черных шапках тростники.

В воде виляющие рыбы,
Над ней мелькание стрекоз;
Далеко видные изгибы
Реки, ее крутой откос.

А дальше снова косогоры,
Нив, закруживших кругозор,
Пустые, сжатые просторы

И хмурый, синеватый бор.

И первый плуг в далеком поле
В сопровожденьи бороны...
Виденья давней, детской воли, —
Иль только радостные сны.

27 июля 1910

На лесной дороге

По дороге встречный странник,
В сером, рваном армяке,
Кто ты? может быть, избранник,
Бога ищущий в тоске?

Иль безвестный проходящий,
Раздружившийся с трудом,
Божьим именем просящий
Подаянья под окном?

Иль, тая свои надежды,
Ты безлунной ночи ждешь,
Под полой простой одежды
Пронося разбойный нож?

Как узнать? мы оба скроем
Наши мысли и мечты.

Лишь на миг мелькнут обоим
Те ж дорожные кусты,

Лишь на миг увидят двое,
Меж незыблемой листвы,
Те же, дремлющие в зное,
Дали вечной синевы.

Разошлись – и ты далече...
Колеи крутой изгиб...
И уж я забыл о встрече,
Заглядысь на красный гриб.

2—6 августа 1910

Страсти сны

Страсти сны нам только снятся...

«Венок»

*Я жить хочу! хочу печали,
Любви и счастья назло.
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело!*

М. Лермонтов

И снова я, простерши руки,
Стремглав бросаюсь в глубину,
Чтоб испытать и страх и муки,
Дробя кипящую волну.

Влеки меня, поток шумящий,
Бросай и бей о гребни скал,
Хочу тоски животворящей,
Я по отчаянью взалкал!

Ах, слишком долго, с маской строгой,
Бродил я в тесноте земной,
Я разучился жить тревогой,
Я раздружился с широтой!

Куда меня поток ни кинет,
Живым иль мертвым, – все равно:
Но сердце ужаса не минет,
Но грудь опять узнает дно!

Еще мне видны, как картины,
Реки крутые берега,
Стадам любезные долины
И плугу милые луга.

Их не хочу! все ближе пена
Порогов каменных, – и вот
Меня, нежнее, чем измена,
Крутит глухой водоворот.

1911

* * *

Ты – мой демон, ты – эринния,
Неразлучная со мной!
В целом мире – как в пустыне я,
И все миги я с тобой!

Одинок я под смоковницей, —
Но с тобой мои мечты;
На постели я с любовницей, —

Но в моих объятьях – ты!

Я – в весельи вдохновения, —
Шепчешь ты начало строк;
Я замыслил преступление, —
Подаешь мне ты клинок!

Тайной волей вместе связаны,
Мы напрасно узы рвем,
Наши клятвы не досказаны,
Но вовеки мы вдвоем!

Ненавистная! любимая!
Призрак! Дьявол! Божество!
Душу жжет неутолимая
Жажда тела твоего!

Как убийца к телу мертвому,
Возвращаюсь я к тебе.
Что дано мне, распростертому?
Лишь покорствовать Судьбе.

1910. 1911

Odi et amo.
*Catullus*²⁹

Да, можно любить, ненавидя,
Любить с омраченной душой,
С последним проклятием видя
Последнее счастье – в одной!

О, слишком жестокие губы,
О, лживый, приманчивый взор,
Весь облик, и нежный и грубый,
Влекущий, как тьма, разговор!

Кто магию сумрачной власти
В ее приближения влил?
Кто ядом мучительной страсти
Объятья ее напоил?

Хочу проклинать, но невольно
О ласках привычных молю.
Мне страшно, мне душно, мне больно.
Но я повторяю: люблю!

²⁹ Ненавижу и люблю. Катулл (лат.).

Читаю в насмешливом взоре
Обман, и притворство, и торг...
Но есть упоенье в позоре
И есть в униженьи восторг!

Когда поцелуи во мраке
Вонзают в меня лезвее,
Я, как Одиссей о Итаке,
Мечтаю о днях без нее.

Но лишь Калипсо я покинул,
Тоскую опять об одной.
О горе мне! жребий я вынул,
Означенный черной чертой!

1911

* * *

Опять безжалостные руки
Меня во мраке оплели.
Опять на счастье и на муки
Меня мгновенья обрekli.

Бери меня! Я твой по праву!
Пусть снова торжествует ложь!
Свою не радостную славу
Еще одним венком умножь!

Я – пленник (горе побежденным!)
Твоих колен и алчных уст.
Но в стоне сладостно-влюбленном
Расслышь костей дробимых хруст!

С тобой, лак цепью, спаян вместе,
Полузакрыв истомный взор,
Я не забыл о тайной мести
За твой восторг, за мой позор!

А! зверь неутомимо-гибкий!
Быть может, я тебя люблю!
Но все движенья, все улыбки
Твои – я жадно уловлю.

Дрожа, прислушаюсь к стенанью.
Запечатлею звуки слов,
И с ними, как с богатой данью,
Вернусь к свободе из оков.

Потом – моим стихам покорным,
С весельем, передам твой лик,
Чтоб долго призраком упорным
Стоял пред миром твой двойник!

Как птицы очковой змеей очарованы,
Поднять мы не смеем измученных рук,
И, двое, железами давними скованы,
Мы сносим покорно медлительность мук.

Всегда предо мною улыбка поблекшая
Когда-то горевших, как пурпуром, губ.
Ты никнешь в оковах, сестра изнемогшая,
И я неподвижен, как брошенный труп.

Привстать бы, сорвать бы оковы железные,
И кольца и цепи! и вольными вновь
Бежать в дали синие, в сумерки звездные,
Где ставит алтарь свой меж сосен Любовь!

Со смехом упасть там на мхи потемневшие,
Объятья святые, как детям, сплести, —
Забуть эти муки, как сны отлетевшие,
Как камни на прежнем, пройденном пути!

Я знаю, исчезнет тоска нестерпимая
При веянии первом пролады лесной,
И снова ты станешь былая, любимая,
И я на колени склонюсь пред тобой!

Но воля бессильна, как птица бескрылая,
И залиты руки тяжелым свинцом.
Ты никнешь, в слезах, ненавистная, милая,
В оковах железных мы никнем вдвоем...

1911

* * *

Прощаю все, – и то, что ты лгала мне
Губами алыми, дарами долгих ласк,
Что вместо хлеба мне давала камни,
Что на руках цепей я слышал лязг;

И то, что мной целованное тело
Бросала ты лобзаниям других,
И то, что сделать лживым ты хотела
Мой праведный, мой богомольный стих!

Прощаю все, – за то, что были алы
Твои, всечасно лгавшие, уста,
Что жгли меня твоих грудей овалы,
Что есть в твоём лице одна черта;

Еще за то, что ласковым названьем
Ты нежила меня в час темноты;
За то, что всем томленьям, всем страданьям
Меня обречь умела только ты!

1911

Слова тоскующей любви

*Я вспомню речи неги страстной,
Слова тоскующей любви.*

А. Пушкин

* * *

*Amor condusse noi ad una...*³⁰

Любовь ведет нас к одному,
Но разными путями:
Проходишь ты сквозь скорбь и тьму,
Я ослеплен лучами.

Есть путь по гребням грозных гор,
По гибельному склону;
Привел он с трона на костер
Прекрасную Дидону.

Есть темный путь, ведущий в ночь,
Во глубь, в земные недра.
На нем кто б мог тебе помочь,
Удавленница Федра?

³⁰ Любовь ведет нас к единой <смерти> (*ит.*).

Есть путь меж молнийных огней,
Меж ужаса и блеска.
Путь кратких, но прекрасных дней, —
Твой страшный путь, Франческа!

Лазурный, лучезарный путь
Пригрезился Джульетте.
Она могла восторг вдохнуть,
Но нет! не жить на свете!

Любовь приводит к одному, —
Вы, любящие, верьте!—
Сквозь скорбь и радость, свет и тьму
К блаженно-страшной смерти!

6 декабря 1911

Льдинка

Ветер вешний, ветер нежный
С лаской веет над душой.
Над поляной зимне-снежной
Утро дышит синевой.

Здравствуй, ветер, вестник вольный
Новых дней и вновь весны,
Безглагольный, богомольный

Голос ясной вышины!

Все, что было, будет снова, —
Зелень луга, щебет птиц.
Всё бывшее будет ново
В белых отсветах зарниц.

Будет знойный праздник света,
Дрожь бессумрачных ночей...
Здравствуй, солнце! здравствуй, лето!
Опьяни и облелей!

Веет ветер. Сладко тает
На поляне вешний снег.
Небо тайно обещает
Радость жизни, сладость нег.

Где же первая былинка,
Робкий цветик голубой?
В синем небе тает льдинка,
Расплываясь синевой.

20 ноября 1911

Южный крест

Я долго шел и, выбрав для ночлега
Холм ледяной, поставил гибкий шест.

В полярной тьме не Сириус, не Вега,
Как знак Любви, сверкает Южный Крест.

Вот дунул ветер, поднял вихри снега;
Запел унылый гимн безлюдных мест...
Но для мечты есть в скорбной песне нега,
И тени белые – как сонм невест.

Да, я – один, во льдах пустых затерян,
Мой путь в снегах обманчив и неверен,
Мне призраки пророчат гибель вновь.

Но Южный Крест, мерцающий в тумане,
Залог, что я – не завершил скитаний,
Что впереди – последняя любовь!

Ноябрь 1911

Предчувствие

В лицо осенний ветер веет. Колос,
Забывтый в поле, клонится, дрожа.
Меня ведет заросшая межа
Средь озимей. За речкой веер полос.

В воспоминаньях тонкий черный волос,
Упавший на лицо. Глаза смежа,
Я помню, как мои мечты кружа,

Звенел в тиши негромкий, нежный голос.

Ужели осень? Даль полей пуста.
Последний мотылек над нивой сжатой
Напрасно грезит опьяниться мятой.

Но почему вдыхает май мечта?
И почему все громче, откровенней
О счастья шепчет вздох глухой, осенний?

Декабрь 1911

На заре

Бледнеет ночь. Свой труд окончив,
С улыбкой думаю о ней,
О той, чей детский взор уклончив,
Чей голос – дрожь весенних дней.

Все это видел я когда-то,
И этот взор, и эту дрожь...
Но всё земное вечно свято,
И в жизни каждый миг хорош!

Я снова, с радостным мученьем,
Готов, как в годы первых встреч,
Следить покорно за движеньем
Ее стыдливо-робких плеч.

И все, что мне казалось мертвым,
В моей душе живет опять,
И краскам выцветшим и стертым
Дано гореть, дано блистать!

Как неизменны, как всеильны,
Вы, звуки нежные: люблю!
Пускай умру, как стебель пыльный, —
В час смерти жизнь благословлю!

Склонясь к окну, о ней мечтаю —
Мечтами тысячи веков,
И, как врата к земному раю,
Горят завесы облаков.

<1911>

Покорность

Не надо спора. Буду мудрым.
Склонюсь покорно головой
Пред тем ребенком златокудрым,
Что люди назвали Судьбой.

Пусть он моей играет долей,
Как пестрым, маленьким мячом.
Взлетая, буду видеть поле,

Упав, к земле прильну лицом.

Есть радость в блещущем просторе
И в нежной свежести росы,
Люблю восторг, и славлю горе,
Чту все виденья, все часы.

Хочу всего: стихам певучим
Томленья чувства передать;
Над пропастью, по горным кручам,
Закрыв глаза, идти опять;

Хочу: в твоём спокойном взоре
Увидеть искры новых слез;
Хочу, чтоб ввысь, где сладко горе,
Двоих – один порыв вознес!

Но буду мудр. Не надо спора.
Бесцелен ропот, тщетен плач.
Пусть вверх и вниз, легко и скоро,
Мелькает жизнь, как пестрый мяч!

Ночь 10/11 ноября 1911

Милый сон

Продлись, продлись, очарованье!
Ф. Тютчев

Друг моих былых мечтаний, милый сон,
Ты чредой чьих заклинаний воскрешен?

Кто отвеял безнадежность от мечты?
Та же нега, та же нежность, прежний – ты!

На тебе венок весенний васильков,
Над твоей улыбкой тени сладких слов.

Ты стоишь в кругу священном тишины;
Ты творишь волшебно-пленным луч луны,

Развеваяешь все тревоги, словно дым;
Возвращаешь, нежно-строгий, мир – двоим.

Давний призрак, друг бывшего, милый сон,
Ты шепнул ли, что я снова воскрешен?

Что из мглы встают вершины, даль зовет,
Что до цели лишь единый переход?

Что сияют вновь надежды лучших лет?..
Иль опять откроет вежды мертвый свет?

Давний друг, мой сон, помедли! Я – готов.
Чу! унылый звон. Не медь ли злых часов?

Жизни мгновения

*Так, в жизни есть мгновения,
Их трудно передать.*

Ф. Тютчев

Вечеровая песня

Я тебе посвятил умиленные песни,
Вечерний час!
Эта тихая радость воскресни, воскресни
Еще хоть раз!

Разливается сумрак, – голубоватый, —
Меж стен домов.
Дали синие неба миром объаты,
Без звезд, без слов...

Электричество вспыхнуло, – полны и пены
Луны дрожат.
Трамваев огни, там зеленый, здесь красный,
Потянулись в ряд.

Предвесеннею свежестью дышится вольно,
Стерлись года,
И кажется сердцу, невольно, безбольно:

Всё – как тогда!

Я снова в толпе, молодой, одинокий...

И, как во сне,

Идет меж прохожих мой призрак далекий

Навстречу мне...

<1911>

Ночное одиночество

Возвысила ночь свою черную голову,
Созвездьями смотрит на море и сушу,
И, в волны пролитому, яркому олову
Вверяю ночную, бездомную душу.

Мечта моя! челн в беспредельности .кинутый!
Качают тебя огне-синие дали,
Заброшены весла, уключины вынуты,
Со скрипом ненужные реи упали.

Не надо руля и косматого паруса!
Прочь, прежние гавани, берег знакомый!
А волны вздымают за ярусом ярусы,
И водные шире и шире объемы.

Мечта моя! челн в роковой беспредельности!
Ты дышишь соленым дыханием влаги,

Ты счастлив бродячим восторгом бесцельности,
В часы, когда дремлют у пристаней флаги.

Душа моя вверена зыбкому олову, —
До утра той связи святой не нарушу!
А ночь подняла свою черную голову,
Созвездьями смотрит на море и сушу.

1911

На берегу

Закрыв измученные веки,
Миг отошедший берегу.
О если б так стоять вовеки
На этом тихом берегу!

Мгновенья двигались и стали,
Лишь ты царишь, свой свет струя.
Меж тем в реке – из сизой стали
Влачится за струёй струя.

Проходишь ты аллеей парка
И помнишь краткий поцелуй...
Рви нить мою, седая Парка!
Смерть, прямо в губы поцелуй!

Глаза открою. Снова дали

Разверзнут огненную пасть.
О если б Судьбы тут же дали
Мне мертвым и счастливым пасть!

1911

Случайная стрела

Стоял я в этот час, незрящий
Пред будущей судьбой Эдип,
И видел лишь ее дрожащей
Руки пленительный изгиб.

Но знал, что спорить бесполезно
С порывом, вдруг увлекшим нас,
И чувствовал: тесьмой железной
Объединил нас поздний час.

Она беспомощно клонилась
К подушке алой, в глубь и в тень...
И мне казалось, что вонзилась
Стрела случайная в мишень.

И, жестом медленным, безвинный
Убийца, я припал к устам...
И миг продлился, длинный, длинный,
Врата к мучительным часам.

Утром

Стонет старая шарманка
Вальс знакомый под окном.
Ты глядишь, как иностранка
Где-то в городе чужом.

Не пойму твоих улыбок,
Страху мне не превозмочь.
Иль что было – ряд ошибок,
Это счастье, эта ночь?

Ты смеешься, отошла ты,
У окна стоишь в тени...
Иль, скажи, не нами смяты
На постели простыни?

Изменив своей привычке,
Ты, как римлянка рабу,
Пятачок бросаешь птичке,
Предвещающей судьбу.

Знаю, что за предсказанье
Птичка вытащит тебе:
«Исполнение желанья,
Изменение в судьбе».

Нет! былое не ошибка!
Ты смеешься не над ним!
Счастлив тот, чье сердце зыбко,
Кто способен стать иным!

Счастлив тот, кто утром встанет,
Позабыв про ночь и тень.
Счастлив цвет, что быстро вянет,
Что цветет единый день.

Будь же в мире – иностранка,
Каждый день в краю другом!
Стонет старая шарманка
Вальс знакомый под окном.

<1910>

В наемной комнате

В наемной комнате все ранит сердце:
И рама зеркала, и стульев стиль,
Зачем-то со стены глядящий Герцен,
И не сметенная с комода пыль.

Нежней прильни ко мне; глаза закроем;
И будем слушать шаг печальных дум,
Как будто мы сошли на дно морское,

Где бледен солнца свет и смутен шум.

Твое дыхание мне рядом слышно,
Замедленный твой пульс слежу рукой...
Подводные цветы надменно пышны,
И разноцветных рыб мелькает рой.

Ах, только об одном могу жалеть я,
Что в той же комнате – очнуться мне!
Акула проплыла, другая, третья...
Закатный рдяный луч скользит на дне.

Как эти миги дум со счастьем схожи,
Как к этой нежности близка любовь!
Но я открыл глаза, и Герцен тот же
Пытливый взор в меня вперяет вновь.

В наемной комнате все сердце ранит.
В ней миг мечты – обман, в ней счастье – ложь,
Нет, не клонись ко мне! Боюсь желаний!
Не надо губ твоих: они язвят, как нож.

<1912>

В ресторане

Вспоминаю под жалобы скрипки,
В полусне ресторанных огней,

Ускользящий трепет улыбки —
Полудетской, желанной, твоей.

С тихим вальсом, знакомо печальным,
В темный парк ускользают мечты.
Липы дремлют в наряде венчальном,
И во мгле улыбаешься – ты.

Этот вальс, этот зов, эти звуки —
Возвращает и годы и дни.
Я целую дрожащие руки,
Мы – во сне, мы – в тени, мы – одни.

Вижу вызовы дерзкого взгляда,
Вижу алые губы, как кровь...
Ах, не надо, не надо, не надо,
Душу снова качает любовь.

Неподвижны у стойки лакеи,
Искры брызжет вино и хрусталь...
Мы идем по вечерней аллее
В непостижно-прозрачную даль.

Все безжалостней жалобы скрипки,
Все безумней взлетают смычки...
Ивы темные нежны и гибки
Над лукой потемневшей реки.

После ночи...

После ночи свиданья любовного,
Тихой улицей, тающей тьмой,
В упоеньи восторга греховного,
Возвращаться неспешно домой.

Проходя тротуарами темными,
Помнить, в ясном сиянии грез,
Как ласкал ты руками нескромными
Горностаи ее нежных волос.

Чуя в теле истому палящую,
Слыша шаг свой в глухой тишине,
Представлять ее, дремную, спящую,
Говорящую «милый» во сне.

И, встречая ночную прелестницу,
Улыбаясь в лучах фонаря,
Наблюдать, как небесную лестницу
В алый шелк убирает заря...

По торжищам

*По торжищам влача тяжельый крест поэта.
Я. Полонский*

Романс

Ты приходил ко мне, холодный,
С жемчужным инеем в усах.
В вечерний час, со смертью сходный,
Твой лоб, твои глаза и щеки

Я грела в маленьких руках.
О, как мы были одиноки,
Вдвоем, и в мире и в мечтах!
Ты приходил ко мне, весенний,

Обвеян запахом листвы.
И в час, когда прозрачны тени,
Я целовала абрис милый
Твоей склоненной головы,

А древняя луна скользила
По кругу древней синевы.
Ты приходил ко мне, усталый

От зноя, в пыльный летний день.

Твой рот, страдальческий и алый,
Я целовала, берегла я
Твою тоскующую лень.
Пока, все думы погашая,

Не проникала в окна тень.
Настала осень; дождь протяжный
Шумит в ленивой тишине,
А ты, весь радостный, весь влажный,

Осенних астр цветную связку
Несешь кому-то, но не мне...
И вечер грустно шепчет сказку
О невозвратном, о весне...

<1910>

Портрет

Ей лет четырнадцать; ее глаза
Как на сережке пара спелых вишен;
Она тонка, легка, как стрекоза;
И в голосе ее трав шелест слышен.

Она всегда беспечна, и на всех
Глядит прищурясь, скупно, как в просонках.

Но как, порой, ее коварен смех!..
Иль то – Цирцея, спящая в пеленках?

Она одета просто, и едва
Терпимы ей простые украшения.
Но ей бы шли шелка, и кружева,
И золото, и пышные каменья!

Она еще ни разу алых губ
В любовном поцелуе не сближала, —
Но взгляд ее, порой, так странно-груб...
Иль поцелуя было бы ей мало?

Мне жаль того, кто, ей вручив кольцо,
В обмен получит право первой ночи.
Свой смех она ему швырнет в лицо,
Иль что-то совершит еще жесточе!

1910

На горячем песке

На горячем песке, пред ленивым прибоем,
Ты легла; ты одна; ты обласкана зноем.
Над «тобой небеса от лучей побледнели.
Тихо миги проходят без цели, без цели.
За тобой на откосе спокойные сосны.
Были осени, зимы, и вёсны, и вёсны...

Море мирно подходит с ленивым прибоем.
Этим морем, мгновеньем, покоем и зноем
Хорошо упиваться без дум, без загадок.
Час дремотный на взморье так сладок, так сладок.
Быть как волны, как солнце, как миги, как вёсны...
Полдень жжет, море вкрадчиво, пламенны сосны,
Небеса в высоте от лучей побледнели...
Жизнь неслышно проходит, без цели, без цели...

Декабрь 1909 – январь 1910

Дождь в городе

Дождь окрасил цветом бурым
Камни старой мостовой.
Город хмур под небом хмурым,
Даль – за серой пеленой.

Как в стекле, в асфальте влажном
Стены, облака и я.
Чу! бежит, с журчаньем важным,
Пенно-желтая струя.

Глухо пусты тротуары,
Каждый дом и нем и глух...
Дождь над миром деет чары,
Дождь заклатья шепчет вслух.

Как черны верхи пролетов,
Лакированных дождем!
– Промелькнули двух кокоток
Шляпы под одним зонтом.

<1912>

Прощание

(На пристани пустынной бледный мальчик
Глядит, как гаснет огненный закат...)
– Плыви, наш пароход! свой тонкий пальчик
Я положила на канат.

(Тень меж теней, по гладким глыбам мола
Бродить он будет, молча, до зари.)
– Моя душа! печальная виола!
Плачь и о прошлом говори!

(Он вспомнит, вспомнит, как над морем буйным
Сидели двое, ночью, на скале!)
– Я прикоснусь обрядом поцелуйным,
Как он, к своей руке во мгле.

(Проглянет утро. Пламенный румянец
Небес – коснется чьих-то бледных щек...)
– Пляшите, волны, свой безумный танец!
Наш путь невесел и далек.

<1911?>

У колонны

Среди детей, на мраморной ступени,
Она сидела, голову склоня.
Ложились на седые косы тени,
Дрожал на пальцах алый отблеск дня.
Он тихо подошел, стал у колонны,
И робким голосом промолвил: «Мать!»
Не покачнулся лик ее склоненный,
Лишь губы что-то начали шептать.
Он, наклонясь, сказал ей: «Неужели
Ты сына не узнала? это – он!»
Ее как будто щеки побледнели,
И шепот расслышал я: «Тот же сон,
Желанный сон. Мой милый, мой далекий!
Будь, будь со мной, хотя бы лишь во сне!»
И дальше в ночь пошел он, одинокий,
А гор вершины были все в огне.

6 ноября 1909

Улица

Окна зеркальные,
Крики нахальные
Ярких плакатов.
Улица движется,
Пестрое нижется
Лиц ожерелье...
Скорбь и веселье
В праздничной смене...
Много закатов,
Пышно и ало,
В стеклах сияло,
Разные тени
Спали покорно
В нишах строений.
Сколько столетий
Старцы и дети
Здесь же, все здесь же
Будут томиться,
Плакать, молиться...
Люди упорно
Ищут хоть малой
Искорки блага...
Пышно и ало
Стекла зардели;
Звездочка брезжит;
Сумерки бродят...
Где-то запели:
С шумом проходит
Пьяная ватага.

<1912>

В игорном доме

Как Цезарь жителям Алезии
К полям все выходы закрыл,
Так Дух Забот от стран поэзии
Всех, в век железный, отградил.

Нет, не найти им в буйстве чувственном,
В вине и страсти, где врата.
И только здесь, в огне искусственном,
Жива бессмертная Мечта!

Опять сердца изнеможенные
Восторг волненья узнают,
Когда в свои объятия сонные
Вбирает их Великий Спрут.

Незримыми, святыми цитрами
Заворожая души их,
Обводит он главами хитрыми
Десятки пленников своих.

И те, мгновеньем зачарованы,
Лелеемы заветным сном,
Не знают, что давно окованы

Своим недремлющим врагом.

Белеют шторы. Призрак утренний
Глядится жалобно в окно.
Но все объята негой внутренней
Мечты, утраченной давно!

<1912>

В церкви

Оплетены колонки
Лозою виноградной,
И ладана дым тонкий
Висит, дрожит усладно.
Поют: «Мы херувимов
Изображаем тайно...»
Сквозь сеть прозрачных дымов
Все так необычайно.
Апостольские лики
Взирают с царских врат,
И, как языческие Нике,
Златые ангелы парят.

Священник вышел снова,
Одет в парчу и злато.
Всё прелестью земного
Насыщено, объято.

Горят и тают свечи,
Сверкает позолота,
Гласят с амвона речи
Нам благостное что-то.
С вином святая чаша
Высоко поднята, —
И сладко близит радость наша
С дарами Вакха – дар Христа.

1911

Милое воспоминание

О, милое воспоминание!
В. Жуковский

Близ моря

Засыпать под ропот моря,
Просыпаться с шумом сосен,
Жить, храня веселье горя,
Помня радость прошлых вёсен;

В созерцаньи одиноком
Наблюдать лесные тени,
Вечно с мыслью о далеком,
Вечно в мареве видений.

Было счастье, счастье было,
Горе было, есть и будет...
Море с вечно новой силой
В берег биться не забудет,

Не забудут сосны шумом
Отвечать на ветер с моря,
И мечты валам угрюмым

Откликаться, бору вторя.

Хорошо о прошлом мыслить,
Сладко плакать в настоящем...
Темной хвои не исчислить
В тихом сумраке шумящем.

Хорошо над серым морем,
Хорошо в бору суровом,
С прежним счастьем, с вечным горем,
С тихим горем, вечно новым!

Июль 1911

Majorenhof

Фирвальштеттское озеро

*Фирвальштеттское озеро – Роза Ветров...
К. Бальмонт*

Отели, с пышными порталами,
Надменно выстроились в ряд
И, споря с вековыми скалами,
В лазурь бесстрастную глядят.

По набережной, под каштанами,
Базар всесветной суеты, —
Блеск под искусными румянами

В перл возведенной красоты.

Пересекая гладь бесцветную,
Дымят суда и здесь и там,
И, посягнув на высь запретную,
Краснеют флаги по горам.

И в час, когда с ночными безднами
Вершины смешаны в тени,
Оттуда – спор с лучами звездными
Ведут отельные огни.

1909

Luzern

Мюльбах

Меж облаков, обвивших скалы,
Грозе прошедшей буйно рад,
Ты вниз стремишься, одичалый,
Сребристо-белый водопад.

И снизу, из окон отелей,
Мы смотрим в высоту, к тебе, —
Где ты, меж неподвижных елей,
Своей покорствуешь судьбе.

Напитан вечными снегами

На вознесенных высотах,
Ты в пропасть падаешь, струями,
Взметающими влажный прах,

Чтоб, о гранитные громады
Разбив бушующую грудь, —
Как все земные водопады,
В заливе мирном потонуть.

26 августа 1909

Brienz

На леднике

И вы, святыни снега, обещены,
Следами палок осквернен ледник,
И чрез зияющие трещины
Ведет туристов проводник.

Но лишь свернешь с дороги предназначенной,
Туда, где нет дорожек и скамей, —
Повеет мир, давно утраченный,
Среди оснеженных камней!

Быть может, мы – уже последние,
Кто дышит в Альпах прежней тишиной.
Вершины царственно-соседние
Одеты влажной синевой.

Парит орел над скалами точеными;
Настороживши слух, стоят сурки;
Объяты рамами зелеными,
Синея в блеске, ледники.

Еще здесь живы замыслы Создателя,
Искавшего торжественных улад, —
Непогрешимого ваятеля
Непостигаемых громад!

Он, протянув просторы ярко-синие, —
Из черни, зелени и белизны
Творил единственные линии,
Свои осуществляя сны.

1909

Montenvers

В итальянском храме

*Vulnerant omnea, ultima necat*³¹

Надпись на часах

Да, ранят все, последний убивает.
Вам – мой привет, бесстрастные часы,

³¹ Ранят все, последний убивает (*лат.*)

Моя душа вас набожно считает!

Тот – острым жалом вдумчивой осы
Язвит мечты; тот – как кинжалом режет;
Тот грезы косит с быстротой косы.

Что вопли, стоны, что зубовный скрежет
Пред тихим вздохом, данником часов!
Боль жизни ровно, повседневно нежит.

Все – оскорбленье; дружбы лживой зов,
Объятья беглые любви обманной
И сочетанья надоевших слов...

Ах, многое прекрасно и желанно!
По-прежнему стремлю я руки в даль
И жду, как прежде, с верой неустанной.

Но с каждым днем томительней печаль,
Но с каждым годом вздох тоски победней...
И долгой жизни мне давно не жаль.

Клинок конца вонзай же, час последний!

На могиле Ивана Коневского (8 июля 1901 г.)

Я посетил твой прах, забытый и далекий,
На сельском кладбище, среди простых крестов,
Где ты, безвестный, спишь, как в жизни, одинокий,
Любовник тишины и несказанных снов.

Ты позабыт давно друзьями и врагами,
И близкие тебе давно все отошли,
Но связь давнишняя не порвалась меж нами,
Двух клявшихся навек – жить радостью земли!

И здесь, в стране чужой, где замки над обрывом
Ревниво берегут сны отошедших дней,
Где бурная река крутит своим разливом
Ряды поверженных, воде врученных пней;

Где старые дубы и сумрачные вязы,
Как в годы рыцарей, стоят глухой стеной;
Где ночью, в синеве, всемирные алмазы
Спокойно бодрствуют над юной вновь страной;

Ты мой слышал зов, такой же, как и прежде!
Я радостно воззвал, и ты шепнул: «Живи!»
Дыши огнем небес, верь песне и надежде,

И тело сильное опять отдай любви!»

Ты мне сказал: «Я здесь, один, в лесу зеленом,
Но помню, и сквозь сон, мощь бури, солнца, рек,
И ветер, надо мной играя тихим кленом,
Поет мне, что земля – жива, жива вовек!»

13 июля 1911

Segewold

Святое ремесло

*Моя напасть, мое богатство,
Мое святое ремесло!*

К. Павлова

Поэт – музе

Я изменял и многому и многим,
Я покидал в час битвы знамена,
Но день за днем твоим веленьям строгим
Душа была верна.

Заслышав зов, ласкательный и властный,
Я труд бросал, вставал с одра, больной,
Я отрывал уста от ласки страстной,
Чтоб снова быть с тобой.

В тиши полей, под нежный шепот нивы,
Овеян тенью тучек золотых,
Я каждый трепет, каждый вздох счастливый
Вместить стремился в стих.

Во тьме желаний, в муке сладострастья,
Вверяя жизнь безумью и судьбе,
Я помнил, помнил, что вдыхаю счастье,

Чтоб рассказать тебе!

Когда стояла смерть, в одежде черной,
У ложа той, с кем слиты все мечты,
Сквозь скорбь и ужас я ловил упорно
Все миги, все черты.

Измучен долгим искусом страданий,
Лаская пальцами тугой курок,
Я счастлив был, что из своих признаний
Тебе сплету венок.

Не знаю, жить мне много или мало,
Иду я к свету иль во мрак ночной, —
Душа тебе быть верной не устала,
Тебе, тебе одной!

27 ноября 1911

Родной язык

Мой верный друг! мой враг коварный!
Мой царь! мой раб! родной язык!
Мои стихи – как дым алтарный!
Как вызов яростный – мой крик!

Ты дал мечте безумной крылья,
Мечту ты путами обвил,

Меня спасал в часы бессилья
И сокрушал избытком сил.

Как часто в тайне звуков странных
И в потаенном смысле слов
Я обретал напев – неожиданных,
Овладевавших мной стихов!

Но часто, радостью измучен
Иль тихой упоен тоской,
Я тщетно ждал, чтоб был созвучен
С душой дрожащей – отзвук твой!

Ты ждешь, подобен великану.
Я пред тобой склонен лицом.
И всё ж бороться не устану
Я, как Израиль с божеством!

Нет грани моему упорству.
Ты – в вечности, я – в кратких днях,
Но всё ж, как магу, мне покорствуй,
Иль обрати безумца в прах!

Твои богатства, по наследству,
Я, дерзкий, требую себе.
Призыв бросаю, – ты ответствуй,
Иду, – ты будь готов к борьбе!

Но, побежден иль победитель,

Равно паду я пред тобой:
Ты – Мститель мой, ты – мой Спаситель,
Твой мир – навек моя обитель,
Твой голос – небо надо мной!

31 декабря 1911

Ответ

Растут дома; гудят автомобили;
Фабричный дым висит на всех кустах;
Аэропланы крылья расстелили
В облаках.

Но прежней страстью, давней и знакомой,
Дрожат людские бедные сердца, —
Любовной, сожигающей истомой
Без конца...

Как прежде, страшен свет дневной Дидоне,
И с уст ее все та же рвется речь;
Все так же должен, в скорбный час, Антоний
Пасть на меч.

Так не кляните нас, что мы упрямо
Лелеем песни всех былых времен,

Что нами стон Катулла: «Odi et amo»³² —
Повторен!

Под томным взором балерин Дегаза,
При свете электрической дуги
Все так же сходятся четыре глаза,
Как враги.

И в час, когда лобзанья ядовиты
И два объяття – словно круг судьбы, —
Все той же беспощадной Афродиты
Мы – рабы!

30 – 31 декабря 1911

Предчувствие

Во мгле, под шумный гул метели,
Найду ль в горах свой путь, – иль вдруг,
Скользнув, паду на дно ущелий?

Со мной венок из иммортелей,
Со мной мой посох, верный друг,
Во мгле, под шумный гул метели.

Ужель неправду норны пели?

³² «Ненавижу и люблю» (лат.)

Ужель, пройдя и дол и луг,
Скользнув, паду на дно ущелий?

Чу! на скале, у старой ели,
Хохочет грозно горный дух,
Во мгле, под шумный гул метели!

Ужель в тот час, как на свирели
В долине запоеет пастух,
Скользнув, паду на дно ущелий?

Взор меркнет... руки онемели...
Я выроню венок, – и вдруг,
Во мгле, под шумный гул метели,

Скользнув, паду на дно ущелий.

1911

Властительные тени

Зову властительные тени.

А. Фет

Египетский раб

Я жалкий раб царя. С восхода до заката,
Среди других рабов, свершаю тяжкий труд,
И хлеба кус гнилой – единственная плата
За слезы и за пот, за тысячи минут.

Когда порой душа отчаяньем объята,
Над сгорбленной спиной свистит жестокий кнут,
И каждый новый день товарища иль брата
В могилу общую крюками волокут.

Я жалкий раб царя, и жребий мой безвестен;
Как утренняя тень, исчезну без следа,
Меня с лица земли века сотрут, как плесень;

Но не исчезнет след упорного труда,
И вечность простоит, близ озера Мерида,
Гробница царская, святая пирамида.

7—20 октября 1911

Моисей

Пророк, чей грозный нимб ваятель
Рогами поднял над челом,
Вождь, полубог, законодатель, —
Всё страшно в облике твоём!

Твоя судьба – чудес сплетенье,
Душа – противоречий клуб.
Ты щедро расточал веленья,
Ты был в признаньях тайных скуп.

Жрецами вражьими воспитан,
Последней тайны приобщен,
И мудростью веков налитан, —
Ты смел смотреть во глубь времен.

Беглец гонимый, сын рабыни,
Чужих, безвестных стад пастух,
Ты с богом говорил в пустыне,
Как сын с отцом, как с духом дух.

Ты замысл, гордо-необычный,
Как новый мир, таил в себе,
И ты, пришлец, косноязычный,
Царю пророчил о судьбе.

Пастух, – ты требовал народа,
Раб, – совершал ты чудеса.
Тебе содействуя, природа
Тьмой облекала небеса.

Вчера преступник, нынче принят
Как вождь, ты был гордыни полн:
Ты знал, что жезл взнесешь, и сгинет
Погоня меж взметенных волн.

Но что ж, насытый, ты замыслил?
Тысячелетий длинный строй
Ты взмерил, взвесил и исчислил,
Как свой удел, как жребий свой.

Народ пастуший и бездомный,
Толпу, бродящую в песках,
На подвиг страшный и огромный
Ты дерзостно обрек в веках.

Сказал: «Ты сломишь все препоны!
Весь этот мир, он – мой, он – наш!
Я дам тебе мои законы, —
Ты их вселенной передашь!

Что может мира жалкий житель?
И что могу – я, человек?
Ты будь моей мечты хранитель.

Теперь, потом, в веках, вовек!»

Назначив цель, ты, год за годом,
Водил в пустыне племена,
Боролся со своим народом,
Крепил умы и рамена;

Великий, строгий, непонятный,
Учил мятущихся детей,
Готовил их на подвиг ратный,
Воспитывал ловцов людей.

И день настал. В дали туманной,
Ты, с Нево, взорами обвел
Далекий край обетованный,
Поник челом и отошел.

Твой лик, спокойно-помертвелый,
Взирал на ближний Галаад,
Но знал ты, что во все пределы
Твои глаголы долетят.

Какие б племена ни встали,
Какие б ни пришли века,
Им всем вручит твои скрижали
Твоих наместников рука!

Как древле, грозный и безмерный,
Над буйным миром ты стоишь,

И свой народ, поныне верный,
Ведешь державно и хранишь.

Декабрь 1911

Клитемнестра

Сестра – царит в надменной Трое,
Сестре – немолчный гимн времен,
И славный будет славен вдвое,
Когда он за сестру сражен.

Певцы, на царском шумном пире,
Лишь о Елене станут петь,
И в их стихах, и в громкой лире
Ей суждено вовек блеснуть.

Не обе ли мы дочери Леды?
И Зевс не также ль мой отец?
Мне – униженья, ей – победы?
Мне – в тернах, в розах – ей венец?

Не вся ль Эллада за Елену
Стоит? Ахейские суда
Крутят вдали морскую пену,
И наши пусты города!

Мое Атрид покинул ложе,

Привесил бранный меч к бедру,
Забыл покой, – и за кого же?
Не за меня, а за сестру!

И всё ли? Он не дочь ли нашу,
Как жертву, на алтарь принес?
И нет ее, и чем я скрашу
Обитель старости и слез?

Всё – в дар забывшей честь и право,
Двумужнице! в стенах врагов
Смеющейся борьбе кровавой
И родине кующей ков!

А я – отверженна, забвенна,
Мне – прялка, вдовья участь – мне,
За то, что буду неизменно
Ждать мужа в яви и во сне!

Нет! если людям на презренье
Я без вины осуждена, —
Да совершатся преступленья!
Да будет подлинно вина!

Да будет жребий мой заслужен,
Неправый суд да будет прав!
Душе – венец позора нужен,
Взамен венца похвал и слав!

О, эвмениды! мне не страшен
Бичей, взнесенных вами, свист!
Спеши ко мне и скрой меж брашен
Клинок убийства, мой Эгист!

1911

Смерть Александра

Пламя факелов крутится, длится пляска саламандр,
Распростерт на ложе царском, – скиптр на сердце, —
Александр.

То, что было невозможно, он замыслил, он свершил,
Блеск фаланги македонской видел Ганг и видел Нил.

Будет вечно жить в потомстве память славных, страшных
дел,
Жить в стихах певцов и в книгах, сын Филиппа, твой
удел!

Между тем на пышном ложе ты простерт, —бессильный
прах,
Ты, врагов дрожавших – ужас, ты, друзей смущенных —
страх!

Тайну замыслов великих смерть ревниво погребла,
В прошлом – яркость, в прошлом – слава, впереди —

туман и мгла.

Дымно факелы крутятся, длится пляска саламандр.
Плача близких, стона войска не расслышит Александр.

Вот Стикс, хранимый вечным мраком,
В ладье Харона переплыт,
Пред Радамантом и Эаком
Герой почивший предстоит,

«Ты кто?» – «Я был царем. Элладой
Был вскормлен. Стих Гомера читл.
Лишь Славу почитал наградой,
И образцом мне был Ахилл.

Раздвинув родины пределы,
Пройдя победно целый свет,
Я отомстил у Гавгамелы
За Саламин и за Милет!»

И, встав, безликий Некто строго
Гласит: «Он муж был многих жен.
Он нарекался сыном бога.
Им друг на пире умерщвлен.

Круша Афины, руша Фивы,
В рабов он греков обратил;
Верша свой подвиг горделивый,
Эллады силы сокрушил!»

Встает Другой, – черты сокрыты, —
Вещает: «Так назначил Рок,
Чтоб воедино были слиты
Твой мир, Эллада, твой, – Восток!

Не так же ль свяжет в жгут единый,
На Западе, народы – Рим,
Чтоб обе мира половины
Потом сплелись узлом одним?»

Поник Минос челом венчанным.
Нем Радамант, молчит Эак,
И Александр, со взором странным,
Глядит на залетейский мрак.

Пламя факелов крутится, длится пляска саламандр.
Распростерт на ложе царском, – скиптр на сердце, —
Александр.

И уже, пред царским ложем, как предвестье скорых сеч,
Полководцы Александра друг на друга взносят меч.

Мелеагр, Селевк, Пердикка, пьяны памятью побед,
Царским именем, надменно, шлют веленья, шлют запрет.

Увенчать себя мечтает диадемой Антигон.
Антипатр царить в Элладе мыслит, властью упоен.

И во граде Александра, где столица двух морей,
Замышляет трон воздвигнуть хитроумный Птоломей.

Дымно факелы крутятся, длится пляска саламандр.
Споров буйных диадохов не расслышит Александр.

1900, 1911

Сулла

Утонченник седьмого века,
Принявший Греции последний вздох,
Ты презирать учился человека
У самой низменной из всех земных эпох!

И справедливо мрамор саркофага
Гласил испуганным векам:
«Никто друзьям не сделал столько блага
И столько зла – врагам!»

Ты был велик и в мести и в разврате,
Ты счастлив был в любви и на войне,
Ты перешел все грани вероятии,
Вином земных блаженств упился ты вполне.

И выразил себя, когда, царя над Римом,
Не зная, где предел твоих безмерных сил, —
С презрением невыразимым

Народу ты свободу возвратил!

<1913>

Крестная смерть

Настала ночь. Мы ждали чуда.
Чернел пред нами черный крест.
Каменьев сумрачная гряда
Блистая под мерцаньем звезд.

Печальных женщин вздыханья,
Мужчин угрюмые слова, —
Нарушить не могли молчанье,
Стихали, прозвучав едва.

И вдруг он вздрогнул. Мы метнулись,
И показалось нам на миг,
Что глуби неба распахнулись,
Что сонм архангелов возник.

Распятый в небо взгляд направил
И, словно вдруг лишенный сил,
«Отец! почто меня оставил!»
Ужасным гласом возопил.

И римский воин уксус жгучий
На губке протянул шестом.

Отведав, взор он кинул с кручи,
«Свершилось!» – произнес потом.

Все было тихо. Небо черно.
В молчаньи холм. В молчаньи дол.
Он голову склонил покорно,
Поник челом и отошел.

1911

Фауст

Гретхен, Гретхен, в темной нише
Храма ты преклонена.
Гул органа слышен свыше, —
Голос: «Здесь ты не одна!»
Гретхен, Гретхен! светлый гений!
Тайну страшную храня,
В час томлений, в час молений
Позабудь, в слезах, меня...

Что я могу, – напрасно рвущий
Оковы грозных, прошлых лет,
Вторичной жизнию живущий
И давший Дьяволу обет?

Что я могу, – узнавший тайны
Души, и смерти, и всего,

Отвергший этот мир случайный,
Проклявший бога своего?

Одним своим прикосновеньем
Я опалил твой детский лик;
Я ядовитым дуновеньем
К цветку твоей души приник.

Я простираю руки с лаской, —
Но в ласке затаен позор;
Свое лицо скрываю маской, —
Горит под ней надменный взор.

Я к свету за тобой дерзаю, —
Рука, как камень, тяжела,
И мы с тобой летим не к раю,
Но в бездну, где тоска и мгла.

Хочу бежать, – но неизбежно
Влекусь к тебе, к магниту сталь;
Хочу молить с тревогой нежной,
Но смертный зов моя печаль.

Я – ужас, я – позор, я – гибель,
Твоих святынь заветных тать!
Но, в миг паденья, снежной глыбе ль
Свое стремленье задержать!

Гретхен, Гретхен! в темной нише

Храма ты преклонена.
Слышишь божий голос свыше:
«Ты навек осуждена!»

Гретхен, Гретхен! светлый гений!
Встала ты в лучах из тьмы!
Но за мной клубились тени, —
И во мраке оба мы!

26 ноября 1911

Грядущему привет

*Грядущему привет надежды и любви.
Кн. П. Вяземский*

Александрийский столп

На Невском, как прибой нестройный,
Растет вечерняя толпа.
Но неподвижен сон спокойный
Александрийского столпа.

Гранит суровый, величавый,
Обломок довременных скал!
Как знак побед, как вестник славы,
Ты перед царским домом стал.

Ты выше, чем колонна Рима,
Поставил знаменье креста.
Несокрушима, недвижима
Твоя тяжелая пята,

И через кровли низких зданий,
Всё озирая пред собой,
Ты видишь в сумрачном тумане

Двух древних сфинксов над Невой.

Глаза в глаза вперив, безмолвны,
Исполнены святой тоски,
Они как будто слышат волны
Иной, торжественной реки,

Для них, детей тысячелетий,
Лишь сон – виденья этих мест,
И эта твердь, и стены эти,
И твой, взнесенный к небу, крест.

И, видя, что багряным диском
На запад солнце склонено,
Они мечтают, как, – давно, —
В песках, над падшим обелиском,
Горело золотом оно.

9 апреля 1909

К финскому народу

Упорный, упрямый, угрюмый,
Под соснами выросший народ!
Их шум подсказал тебе думы,
Их шум в твоих песнях живет.

Спокойный, суровый, могучий,

Как древний родимый гранит!
Твой дух, словно зимние тучи,
Не громы, но выюги таит.

Меж камней, то мшистых, то голых,
Взлюбил ты прозрачность озер:
Ты вскормлен в работах тяжелых,
Но кроток и ясен твой взор.

Весь цельный, как камень огромный,
Единою грудью дыша, —
Дорогой жестокой и темной
Ты шел, сквозь века, не спеша;

Но песни свои, как святыни,
Хранил – и певучий язык,
И миру являешь ты ныне
Все тот же, все прежний свой лик.

В нужде и в труде терпеливый, —
Моряк, земледел, дровосек, —
На камнях взлелеял ты нивы,
Вражду одолел своих рек;

С природой борясь, крепкогрудый,
Все трудности встретить готов, —
Воздвиг на гранитах причуды
Суровых своих городов.

И рифмы, и кисти, и струны
Теперь покорились тебе.
Ты, смелый, ты, мощный, ты, юный,
Бросаешь свой вызов судьбе.

Стой твердо, народ непреклонный!
Недаром меж скал ты возрос:
Ты мало ли грудью стесненной
Метелей неистовых снес!

Стой твердо! Кто с гневом природы
Веками бороться умел, —
Тот выживет трудные годы,
Тот выйдет из всякой невзгоды,
Как прежде, и силен и цел!

Август 1910

К моей стране

Моя страна! Ты доказала
И мне и всем, что дух твой жив,
Когда, почуяв в теле жало,
Ты заметалась, застонала,
Вся – исступленье, вся – порыв!

О, страшен был твой недвижимый,
На смерть похожий, черный сон!

Но вдруг пронесся гул Цусимы,
Ты задрожала вся, и мнимый
Мертвец был громом пробужден.

Нет, не позор бесправной доли,
Не зов непризванных вождей,
Но жгучий стыд, но ярость боли
Тебя метнули к новой воле
И дали мощь руке твоей!

И как недужному, сквозь бреды,
Порой мелькают имена, —
Ты вспомнила восторг победы,
И то, о чем сказали деды:
Что ты великой быть – должна!

Пусть ветры вновь оледенили
Разбег апрельский бурных рек:
Их жизнь – во временной могиле,
Мы смеем верить скрытой силе,
Ждать мая, мая в этот век!

Для всех

*Альбом походит на кладбище,
Для всех открытое жилище.
Е. Баратынский*

Памяти В. Ф. Комиссаржевской

Как Мелизанда, и ты уронила корону в глубокий родник,
Плакала долго, напрасно клонила над влагой прозрачной
свой лик.

Встретил в лесу тебя рыцарь суровый, пути потерявший
ловец.
Страницей грустной нежданно пленился, другой тебе
подал венец.

В замок угрюмый, старинный, старинный он ввел, как
царицу, тебя,
Чтил он твой взор и твой голос певучий, тебе поклонялся,
любя.

Но ты бежала от всех поклонений, с тоской о чудесном,
ином...
Кто же сразил тебя ночью, жестокий, тяжелым и острым
мечом!

Рыцарь суровый, над телом погибшей и руки ломай, и рыдай!

Верим мы все, что открыт Мелизанде желанный и радостный рай.

1910

К. Д. Бальмонту

Как прежде, мы вдвоем, в ночном кафе. За входом
Кружит огни Париж, своим весельем пьян.
Смотрю на облик твой; стараюсь год за годом
Все разгадать, найти рубцы от свежих ран.

И ты мне кажешься суровым мореходом,
Тех лучших дней, когда звал к далям Магеллан,
Предавшим гордый дух безвестностям и водам,
Узнавшим, что таит для верных океан.

Я разгадать хочу, в лучах какой лазури,
Вдали от наших стран, искал ты берегов
Погибших Атлантид и призрачных Лемурий,

Какие тайны спят во тьме твоих зрачков...
Но чтобы выразить, что в этом лике ново,
Ни ты, ни я, никто еще не знает слова!

1909

Париж

Признание

Моя дорога – дорога бури,
Моя дорога – дорога тьмы.
Ты любишь кроткий блеск лазури,
Ты любишь ясность, – и вместе мы!

Ах, как прекрасно, под сенью ясной,
Следить мельканье всех облаков!
Но что-то манит к тьме опасной, —
Над бездной сладок соблазнов зов.

Смежая веки, иду над бездной,
И дьявол шепчет: «Эй, поскользнись!»
А над тобою славой звездной
Сияет вечность, сверкает высь,

Я, как лунатик, люблю качаться
Над темным краем, на высоте...
Но есть блаженство – возвращаться,
Как к лучшей цели, к былой мечте.

О если б снова, без слез, без слова,
Меня ждала ты, тиха, ясна!
И нас простора голубого

Вновь грела ясность и глубина!

Я – твой, как прежде, я – твой вовеки
Домой вернувшись из чуждых стран...
Но, покоряясь Року, реки
Должны стремиться в свой океан.

7 января 1912

Посвящение

Н. Львовой

Мой факел старый, просмоленный,
Окрепший с ветрами в борьбе,
Когда-то молнией зажженный,
Любовно подаю тебе.

Своей слабеющей светильней
Ожесточенный пламень тронь:
Пусть вспыхнет ярче и обильней
В руках трепещущих огонь!

Вели нас разные дороги,
На миг мы встретились во мгле.
В час утомленья, в час тревоги
Я был твой спутник на земле.

Не жду улыбки, как награды,
Ни нежно прозвучавших слов,
Но долго буду у ограды
Следить пути твоих шагов.

Я подожду, пока ты минешь
Над пропастью опасный срыв
И высоко лампаду вскинешь,
Даль золотую озарив.

Как знак последнего привета,
Я тоже факел подыму,
И бурю пламени и света
Покорно понесу во тьму.

1911

В ответ на одно признание

Нине Петровской

Ты обо мне мечтала в годы те,
Когда по жизни шел я одиноко,
И гордо предан огненной мечте
О женщине безвестной и далекой.

Когда любви я отдал бы себя
Вполне, без меры, яростно и слепо,

Когда, священную любовь любя,
Я верен был ей в сумраке вертепа.

О если б ты тогда пришла ко мне
С своей душой, свободной и мятежной,
Так жаждущей гореть в живом огне,
Неукротимой, исступленной, нежной!

Какую сказку сотворили б мы
Из нашей страсти! новый сон Эдгара!
Она зажглась бы, – как над миром тьмы
Торжественное зарево пожара!

Какие б я слова нашел тогда,
В каких стихах пропел бы гимны счастья!
Но розно мы томились те года,
И расточали праздно, навсегда,
Двух душ родных святое сладострастье!

9 апреля 1910

В альбом девушке

В не новом мире грез и прозы
Люби огни звезды вечерней,
Со смехом смешанные слезы,
Дыханье роз, уколы терний,
Спокойным взглядом строгих глаз

Встречай восторг и скорбный час.

Предстанут призраки неожиданные,
Смущая ум, мечте грозя:

Иди чрез пропасти туманные,

Куда влечет твоя стезя!

И в миг паденья будь уверена:

Душа жива, жизнь не потеряна!

Тебя прельстит ли пламень славы,

Яд поцелуев, тайна кельи, —

Пей, без боязни, все отравы,

Будь гордой в грусти и весельи!

За склоном жизни, как теперь,

В мечту, в любовь и в счастье – верь!

1911

В альбом Н.

Она мила, как маленькая змейка,

И, может быть, опасна, как и та;

Во влаге жизни манит, как мечта,

Но поверху мелькает, как уклейка.

В ней нет весны, когда лазурь чиста,

И дышат листья так свежо, так клейко.

Скорей в ней лета блеск и пестрота:

Она – в саду манящая аллея.

Как хорошо! ни мыслить, ни мечтать
Не надо; меж листья не видно дали;
На время спит реки заглохшей гладь...

В порывах гнева, мести и печали,
Как день грозы, была бы хороша
Ее душа... Но есть ли в ней душа?

1911

Сандрильоне

М. И. Балтрушайтис

Был день хрустальный, даль опаловая,
Осенний воздух полон ласки.
К моей груди цветок прикалывая,
Ты улыбалась, словно в сказке.

Сменила сказку проза длительная,
В туман слилось очарованье.
Одно, как тфелька пленительная,
Осталось мне – воспоминанье.

Когда, играя, жизнь нас связывает
В беседе тусклой и случайной,

Твой взгляд спокойный не высказывает,
Кем ты была в день свадьбы тайной.

Но мне мила мечта заманчивая, —
Что, нарушая все законы,
Тебе я вновь, свой долг заканчивая,
Надену туфлю Сандрильоны.

1912

В альбом

Что наша жизнь? Несчастный случай!
Напиток страсти, остро-жгучий,
Восторг пленительных созвучий,
Да ужас смерти, черной тучей
Висящий над рекой бегучей.

Что наша жизнь? Тропа по круче,
Над бездной, где поток ревучий
Грозит, где вьется змей ползучий;
Кругом – бурьян, сухой, колючий,
Да, вдоль расщелин, тмин пахучий.

Что наша жизнь? Корабль скрипучий
В объятьях тьмы. Бессильной кутая
Мы сбились, смотрим в мрак дремучий,
Где – то блеснет мираж летучий,

То вспыхнет метеор падучий.

О наша жизнь! Томи и мучай!
Вноси надменно меч могучий,
Грози минутой неминучей, —
Я буду петь свой гимн певучий,
Я буду славить темный случай!

1910

Семь цветов радуги 1912 – 1915

*Еще есть долг, еще есть дело,
Остановиться не пора!*

К. Павлова

Navigetl haec summa est...
Vergilius

Оранжевый

Я сам

*...Я сам, бессильный и мгновенный,
Ношу в груди, как оный серафим,
Огонь сильнее и ярче всей вселенной...*

А. Фет

Sed non satiatus...

Что же мне делать, когда не пресыщен
Я – этой жизнью хмельной!

Что же мне делать, когда не пресыщен

Я – вечно юной весной!

Что же мне делать, когда не пресыщен

Я – высотой, глубиной!

Что же мне делать, когда не пресыщен

Я – тайной муки страстной!

Вновь я хочу все изведать, что было...

Трепета, сердце, готовь!

Вновь я хочу все изведать, что было:

Ужас, и скорбь, и любовь!

Вновь я хочу все изведать, что было,

Все, что сжигало мне кровь!

Вновь я хочу все изведать, что было,

И – чего не было – вновь!

Руки несытые я простираю

К солнцу и в сумрак опять!

Руки несытые я простираю

К струнам: им должно звучать!

Руки несытые я простираю,

Чтобы весь мир осязать!

Руки несытые я простираю —

Милое тело обнять!

14 августа 1912

Юношам

Мне все равно, друзья ль вы мне, враги ли,
И вам я мил иль ненавистен вам,
Но знаю, – вы томились и любили,
Вы душу предавали тайным снам;

Живой мечтой вы жаждете свободы,
Бы верите в безумную любовь,
В вас жизнь бушует, как морские воды,
В вас, как прибой, стучит по жилам кровь;

Ваш зорек глаз и ваши легки ноги,
И дерзость подвига волнует вас,
Вы не боитесь, – ищете тревоги,
Не страшен, – сладок вам опасный час;

И вы за то мне близки и мне милы,
Как стеблю тонкому мила земля:
В вас, в вашей воле черпаю я силы,
Любуюсь вами, ваш огонь деля.

Вы – мой прообраз. Юности крылатой
Я, в вашем облике, молюсь всегда.
Вы то, что вечно, дорого и свято,
Вы – миру жизнь несущая вода!

Хочу лишь одного – быть вам подобным
Теперь и после; легким и живым,
Как волны океанские свободным,
Взносящимся в лазурь, как светлый дым.

Как вы, в себя я полон вещей веры,
Как вам, судьба поет и мне: живи!
Хочу всего, без грани и без меры,
Опасных битв и роковой любви!

Как перед вами, предо мной – открытый,
В неизвестное ведущий, темный путь!
Лечу вперед изогнутой орбитой —
В безмерностях пространства потонуть!

Кем буду завтра, нынче я не знаю,
Быть может, два-три слова милых уст
Вновь предо мной врата раскроют к раю,
Быть может, вдруг мир станет мертв и пуст.

Таким живу, таким пребуду вечно, —
В моих, быть может, чуждых вам стихах,
Всегда любуясь дерзостью беспечной
В неугасимых молодых зрачках!

23 января 1914

Эдинбург II

О чем еще мечтать?

О чем еще мечтать мне в жизни этой?
Все ведомо, изжито, свершено:
От снов травы, лучом весны согретой,
До тихих снов, какими грезит дно;

От муки юноши в минуту страсти,
До сладости в предчувствии конца,
И от пресыщенности дерзкой власти
До гордого безволия творца!

Куда идти, и кто теперь мне нужен,
Пред кем опять мой дрогнет скорбный дух?
Пусть звезды падают, как горсть жемчужин,
Пусть океан поет мне гимны вслух,

Пусть ангелы и демоны покорно
Встают опять в мерцающем огне, —
Алхимик, на огонь погасший горна
Смотрю без слез в своем безгрозном сне.

Придешь ли снова ты, под новой маской,
Мой давний друг, любезный Сатана,
Меня манить неукротимой пляской
Дев, восстающих с кубками вина?

Иль ты, о, женщина, в обличье новом,
Скромна, как тень, и, словно день, нага,
Меня поманишь к ужасам готовым —
В «Подземное жилище» иль в луга?

Что ж, может быть, на вызов я отвечу,
Что ж, может быть, расслышу старый зов,
Но лишь затем, что верным луком мечу
В себя, – как сын Лаэрта в женихов.

Я гибели хочу, давно, упрямо,
Ее ищу, но отступает Смерть,
И всё, как купол чуждого мне храма,
Надменно надо мной сверкает твердь!

31 января 1914

Эдинбург II

Ожерелье

Руки, вечно молодые,
Миг не смея пропустить,
Бусы нижут золотые
На серебряную нить.

Жемчуг крупный, жемчуг малый
Нижут с утра до утра,
Жемчуг желтый, жемчуг алый

Белой нитью серебра.

Кто вы, радостные парки,
Вы, работницы судеб?
Нити пестры, нити яркие,
В белом блеске я ослеп.

Не моя ли жизнь – те нити?
Жемчуг – женские сердца?
Парки вещие, нижите
Яркий жемчуг до конца!

Выбирайте, подбирайте
Жемчуг крупный и простой,
Круг жемчужный завершайте
Быстро-нижущей иглой!

Нить почти полна! немножко
Остается бус, – и вот
Золоченая застежка
Ожерелье – Смерть – замкнет!

10 января 1912

Летом 1912 года

Пора сознаться: я – не молод; скоро сорок.
Уже не молодость, не вся ли жизнь прошла?

Что впереди? обрыв иль спуск? но, общий воров,
Стоит старуха-смерть у каждого угла.
Я жил, искал услад, и правых и неправых,
Мне сны безумные нашептывала страсть,
Губами припадал ко всем земным отравам,
Я знал, как радует, как опьяняет власть.
Меж мук и радостей, творимых и случайных,
Я, в лабиринте дней ища упорно путь,
Порой тонул мечтой в предвечно-страшных тайнах
И в хаос истины порой умел взглянуть.
Я дрожь души своей, ее вмещаю в звуках,
Сумел на ряд веков победно сохранить,
И долго меж людей, в своих мечтах и муках,
В своих живых стихах, как феникс, буду жить.
И в длинном перечне, где Данте, где Вергилий,
Где Гете, Пушкин, где ряд дорогих имен,
Я имя новое вписал, чтоб вечно жили
Преданья обо мне, идя сквозь строй времен.
Загадку новую я задал для столетий,
На высях, как маяк, зажег мечту свою...
Об чем же мне жалеть на этом бедном свете?
Иду без трепета и без тревог стою.
Взмахни своей косою, ты, старая! Быть может,
Ты заждалась меня, но мне – мне все равно.
В час роковой меня твой голос не встревожит:
Довольно думано! довольно свершено!

Должен был...

Должен был Герострат сжечь храм Артемиды в Эфесе,
Дабы явить идеал жаждущих славы – векам.

Так же Иуда был должен предать Христа на распятие:
Образ предателя тем был завершен навсегда.

Был Фердинанд принужден оковать цепями Колумба:
Ибо те цепи – пример неблагодарных владык.

А Бонапарте? он мог ли остаться в убежище Эльбы?
Был бы Елены гранит лишним тогда на земле!

Пушкин был должен явить нам, русским, облик Татьяны,
Тютчев был должен сказать: «Мысль изреченная —
ложь!»

Так и я не могу не слагать иных, радостных, песен,
Ибо однажды они были должны прозвучать!

4 апреля 1915

Варшава

Памятник

Sume superbiam...
*Horatius*³³

Мой памятник стоит, из строф созвучных сложен.
Кричите, буйствуйте, – его вам не свалить!
Распад певучих слов в грядущем невозможен, —
Я семь и вечно должен быть.

И станов всех бойцы, и люди разных вкусов,
В каморке бедняка, и во дворце царя,
Ликуя, назовут меня – Валерий Брюсов,
О друге с дружбой говоря.

В сады Украины, в шум и яркий сон столицы,
К преддверьям Индии, на берег Иртыша, —
Повсюду долетят горящие страницы,
В которых спит моя душа.

За многих думал я, за всех знал муки страсти,
Но станет ясно всем, что эта песнь .– о них,
И, у далеких грез в неодолимой власти,
Прославят гордо каждый стих.

И в новых звуках зов проникнет за пределы

³³ Преисполнись гордости... Гораций (лат.).

Печальной родины, и немец, и француз
Покорно повторяют мой стих осиротелый,
Подарок благосклонных Муз.

Что слава наших дней? – случайная забава!
Что клевета друзей? – презрение хулам!
Венчай мое чело, иных столетий Слава,
Вводя меня в всемирный храм.

Июль 1912

СЫН ЗЕМЛИ

Я – сын земли...

В. Б.

СЫН ЗЕМЛИ

Я – сын земли, дитя планеты малой,
Затерянной в пространстве мировом,
Под бременем веков давно усталой,
Мечтающей бесплодно о ином.

Я – сын земли, где дни и годы – кратки.
Где сладостна зеленая весна,
Где тягостны безумных душ загадки,
Где сны любви баюкает луна.

От протоплазмы до ихтиозавров,
От дикаря, с оружием из кремня,
До гордых храмов, дремлющих меж лавров,
От первого пророка до меня, —

Мы были узники на шаре скромном,
И сколько раз, в бессчетной смене лет,
Упорный взор земли в просторе темном
Следил с тоской движения планет!

К тем сестрам нашей населенной суши,
К тем дочерям единого отца
Как много раз вносились наши души,
Мечты поэта, думы мудреца!

И, сын земли, единый из бессчётных,
Я в бесконечное бросаю стих, —
К тем существам, телесным иль бесплотным,
Что мыслят, что живут в мирах иных.

Не знаю, как мой зов достигнет цели,
Не знаю, кто привет мой донесет,
Но, если те любили и скорбели,
Но, если те мечтали в свой черед

И жадной мыслью погружались в тайны,
Следя лучи, горящие вдали, —
Они поймут мой голос не случайный,

Мой страстный вздох, домчавшийся с земли!

Вы, властелины Марса иль Венеры,
Вы, духи света иль, быть может, тьмы, —
Вы, как и я, храните символ веры:
Завет о том, что будем вместе мы!

1913

Земле

*Я – ваш, я ваш родич, священные гады!
Ив. Каневской*

Как отчий дом, как старый горец горы,
Люблю я землю: тень ее лесов,
И моря ропоты, и звезд узоры,
И странные строенья облаков.

К зеленым далям с детства взор приучен,
С единственной луной сжилась мечта,
Давно для слуха грохот грома звучен,
И глаз усталый нежит темнота.

В неизвестном мире, на иной планете,
Под сенью скал, под лаской алых лун,
С тоской любовной вспомню светы эти
И ровный ропот океанских струн.

Среди живых цветов, существ крылатых
Я затоскую о своей земле,
О счастье рук, в объятии тесном сжатых,
Под старым дубом, в серебристой мгле.

В Эдеме вечном, где конец исканьям,
Где нам блаженство ставит свой предел,
Мечтой перенесусь к земным страданиям,
К восторгу и томлению смертных тел.

Я брат зверью, и ящерам, и рыбам.
Мне внятен рост весной встающих трав,
Молюсь земле, к ее священным глыбам
Устами неистомными припав!

25 августа 1912

Предвещание

Быть может, суждено земле
В последнем холоде застынуть;
Всему живому – в мертвой мгле
С безвольностью покорной сгинуть.

Сначала в белый блеск снегов
Земля невестой облачится;
Туман, бесстрастен и суров,

Над далью нив распространится;

В мохнатых мантиях, леса —
Прозрачных пальм, как стройных сосен, —
Напрасно глядя в небеса,
Ждать будут невозможных весен;

Забыв утехи давних игр,
Заснут в воде промерзшей рыбы,
И ляжет, умирая, тигр
На бело-ледяные глыбы...

Потом иссякнет и вода,
Свод неба станет ясно синим,
И солнце – малая звезда —
Чуть заблестит нагим пустыням

Пойдет последний человек
(О, дети жалких поколений!)
Искать последних, скудных рек,
Последних жалостных растений

И не найдет. В безумьи, он
С подругой милой, с братом, с сыном,
Тоской и жаждой опьянен,
Заспорит о глотке едином.

И все умрут, грызясь, в борьбе,
Но глаз не выключат им птицы.

Земля, покорная судьбе,
Помчит лишь трупы да гробницы.

И только, может быть, огни,
Зажженные в веках далеких,
Всё будут трепетать в тени,
Как взоры городов стооких.

1913

Земля молодая

Зданья громадные стройте,
Высьте над башнями башни,
Сводом стеклянным закройте
Свободные пашни;

Солнцами солнце затмите,
Реки замкните гранитом,
Полюсы соедините
Тоннелем прорытым;

Правьте движеньем планеты, —
Бегом в пространстве небесном,
Бросьте сигнальные светы
Мирам неизвестным;

Воля проснется природы,

Грозно на дерзких восстанет,
Рухнут прозрачные своды,
Железо обманет;

Сгинут твердыни во прахе;
Здесь, над погостом столицы,
Дики покажутся взмахи
Полуночной птицы;

Выйдут и львы и медведи
Вновь из забытой берлоги,
Лягут на плитах из меди
В упавшем чертоге;

Вскроет, – глухим содроганьем
Прежнее племя сметая, —
Дали – грядущим созданьям
Земля молодая!

11 мая 1913

Детские упования

Снова ночь и небо, и надменно
Красный Марс блистает надо мной.
Раб земли, окованный и пленный,
Что томиться грезой неземной?

Не свершиться детским упованиям!
Не увидишь, умиленный, ты —
Новый луч над вечным мирозданием:
Наш корабль в просторах пустоты!

Не свершишь ты первого полета,
Не прочтешь и на столбцах газет,
Что безвестный, ныне славный, кто-то,
Как Колумб, увидел новый свет.

Что ж, покорствуй! Но душа не хочет
Расставаться с потаенным сном
И, рыдая, радостно пророчит
О великом имени земном.

О, ужель, как дикий краснокожий,
Удивится пришлецам Земля?
И придет крестить любимец божий
Наши воды, горы и поля?

Нет! но мы, своим владея светом,
Мы, кто стяг на полюс донесли,
Мы должны нести другим планетам
Благовестье маленькой Земли.

1914

Зегевольд

Перед тобою я

Но что мной зримая вселенна

И что перед Тобою я!

Г. Державин

Гимн богам

Я верую в мощного Зевса, держащего выси вселенной
Державную Геру, чьей волей обеты семейные святы
Властителя вод Посейдона, мутящего глуби трезубцем
Владыку подземного царства, судью неподкупного Гада
Великую мудрость Паллады, дающей отважные мысли
Губящую Ареса силу, влекущего дерзостных к бою;
Блаженную мирность Деметры, под чьим
покровительством пашни
Священную Гестии тайну, чьей благостью дом
осчастливлен
Твой пояс, таящий соблазны, святящая страсть,
Афродита;
Твой лук с тетивой золоченой, ты, дева вовек, Артемида;
Певуче-бессмертную лиру метателя стрел Аполлона;
Могучий и творческий молот куящего тайны Гефеста;
И легкую, умную хитрость посланника с крыльями
Герма.
Я верую, с Зевсом начальным, в двенадцать бессмертных.

Стихии

Покорны их благостной воле; земля, подземелье и небо
Подвластны их грозным веленьям; и смертные, с робким
восторгом,
Приветствуют в образах вечных – что было, что есть и
что будет.
Храните, о боги, над миром владычество ныне и присно!

1913

Гимн Афродите

Гимны слагать не устану бессмертной и светлой богине.
Ты, Афродита-Любовь, как царила, так царствуешь ныне.
Алыми белый алтарь твой венчаем мы снова цветами,
Радостный лик твой парит с безмятежной улыбкой над
нами.

Правду какую явить благосклонной улыбкой ты хочешь?
Мрамором уст неизменных какие виденья пророчишь?
Смотрят куда неподвижно твои беззакатные очи?
Дали становятся уже, века и мгновенья – короче:

Да, и пространство и время слились, – где кадьница
эта,
Здесь мудрецов откровенья, здесь вещая тайна поэта,
Ноги твои попирают разгадку и смысл мирозданья.
Робко к коленам твоим приношу умиленную дань я.

С детства меня увлекала к далеким святыням тревога,
Долго в скитаньях искал я – вождя, повелителя, бога,
От алтарей к алтарям приходил в беспокойстве
всегдашнем,
Завтрашний день прославлял, называя сегодня –
вчерашним.

Вот возвращаюсь к тебе я, богиня богинь Афродита!
Вижу: тропа в бесконечность за мрамором этим открыта.
Тайное станет мне явным, твоей лишь поверю я власти,
В час, как покорно предамся последней, губительной
страсти...

30 июня – 1 июля 1912

Царица Страсть

Ты к мальчику проникнешь вкрадчиво,
Добра, как старшая сестра;
Браня его, как брата младшего,
Ты ласково шепнешь: «Пора!»
В насмешливом, коварном шепоте
Соблазн неутолимый скрыт.
И вот – мечта о жгучем опыте
Сны и бессонницу томит.

Ты девушку, как мать, заботливо,

Под грешный полог проведешь;
В последнем споре изворотливо
Найдешь губительную ложь;
В минуты радости изменчивой
Подскажешь тихо: «Ты права!»
И вынудишь язык застенчивый
Твердить бесстыдные слова.

Ты женщине, как друг испытанный,
Оставшись с ней наедине,
Напомнишь про роман прочитанный,
Про облик, виденный во сне.
И, третья между двух, незримая,
В альковной душной темноте,
Как цель, вовек недостижимая,
Покажешься ее мечте.

Кто, кто из нас тебе, обманчивой,
Не взмолится, без слов, тайком?
Ты нежно скажешь: «Не заканчивай
Томящих грез: я – пред концом...»
И, видя в слабости поверженным
Блаженно-жалкого раба,
Вдруг засмеешься смехом сдержанным,
Царица, воля чья – Судьба!

Декабрь 1914 – Март. 1915

Истинный ответ

«Ты умрешь, и большего не требуй!
Благ закон всевидящей Судьбы».
Так гласят, вздымая руки к небу,
Бога Вишну хмурые рабы.
Под кумиром тяжким гнутся зебу,
Выпрямляя твердые горбы.

«Ты живешь, и большего не надо!
Высший дар Судьбой всезрящей дан».
Воскликает буйная менада,
Подымая высоко тимпан.
В роще лавров – тихая прохлада,
Мрамор Вакха – солнцем осиян.

«Жизнь отдать за вечный Рим, в котором
Капля ты – будь этой доле рад!»
Так оратор, с непреклонным взором,
Говорит под сводами аркад.
Солнце щедро льет лучи на форум,
Тоги белые в лучах горят.

«Эта жизнь – лишь краткий призрак сонный,
Человек! Жизнь истинная – там!»
В черной рясе инок изможденный
Вопиет мятущимся векам.

Строги в высь ушедшие колонны,
Сумрачен и беспощаден храм.

«Единенье атомов случайных —
Наша жизнь, смерть – распаденье их».
Рассуждает, фрак надев, о тайнах
Черт, в кругу учеников своих.
За окном напев звонков трамвайных,
Гул бессвязный шумов городских.

Жрец на зебу, пьяная вакханка,
Римский ритор, пламенный аскет,
Хитрый черт, с профессорской осанкой,
Кто ж из них даст истинный ответ?
Ах, не ты ль, с прозрачным ядом стьянка?
Ах, не ты ль, отточенный стилет?

1913

Петербург

Ultima thule

Где океан, век за веком, стучась о граниты,
Тайны свои разглашает в задумчивом гуле,
Выситя остров, давно моряками забытый, —
Ultima Thule.

Вымерли конунги, здесь что царили когда-то,

Их корабли у чужих берегов затонули.
Грозно безлюдье вокруг, и молчаньем объята
Ultima Thule.

Даже и птицы чуждаются хмурых прибрежий,
Где и тюлени на камнях не дремлют в июле,
Где и киты проплывают все реже и реже...
Ultima Thule.

Остров, где нет ничего и где все только было,
Краем желанным ты кажешься мне потому ли?
Властно к тебе я влеком неизведанной силой,
Ultima Thule.

Пусть на твоих плоскогорьях я буду единым!
Я посету ряд могил, где герои уснули,
Я поклонюсь твоим древним угрюмым руинам,
Ultima Thule.

И, как король, что в бессмертной балладе помянут,
Брошу свой кубок с утеса, в добычу акуле!
Канет он в бездне, и с ним все желания канут...
Ultima Thute!

Апрель 1915

Зеленый

В стране тишины

И сердце не верит в стране тишины...
«Венок»

В разные годы

В разные годы
К вам приходил я, граниты,
Глядеться в недвижно-прозрачные воды;
Приносил и веселье и грусть,
Приходил и у страсти во власти, и странно-ничей,
И вы,
Мохом и вереском алым повиты,
В коронах из царственных сосен,
Встречали меня, как волхвы,
Всегда, – и с тех пор
Помню я наизусть
И сладкие ласки зеркальных озер,
И напевы волшебные белых ночей,
И младенческий лепет вкрадчивых весен,
И Иматы белоголовой

Немолчные стоны.
И снова
На бурые камни, на зеленые склоны
Я принес роковую печаль...
Предвечную мудрость храня,
Опять на меня
Поглядите сурово,
Как смотрите вы в бесконечную даль,
И под рев водопада, под ропот озерный,
Под шелест чуть слышный хвои
Шепните, что вы, горделиво упорны,
Столетия таите от мира страданья свои!

1913

Иматра

Кишат, шумит. Она – все та же,
Ее не изменился дух!
Гранитам, дремлющим на страже,
Она ревет проклятья вслух.

И, глыбы вод своих бросая
Во глубь, бела и вспенена,
От края камней и до края,
Одно стремление она.

Что здесь? драконов древних гривы?

Бизонов бешеных стада?
Твой грозный гул, твои извивы
Летят, все те же, сквозь года.

Неукротимость, неизменность,
Желанье сокрушить свой плен
Горят сквозь зыбкую мгновенность
Венчанных радугами пен!

Кипи, шуми, стремись мятежней,
Гуди, седой водоворот,
Дай верить, что я тоже прежний
Стою над распрей прежних вод!

6 июня 1913

Иматра

Над Иматрой

Размер ямбического триметра
Мне слышен в гуле вод твоих.
В твоём глухом гуденьи, Иматра,
Есть правильный и строгий стих.

И сосны, в лад с тобой раскачены,
Колебля рыжие стволы,
Слагают гимн, людьми утраченный,
Вам вторя, пенные валы.

Пещеры, откликами смутными
Вливаясь в ваш созвучный хор,
Ведут с громадами минутными
Давно начатый разговор.

И даже дольмены гранитные,
В ответ на ваш немолчный нов,
Возносят песни первобытные,
Клир еле слышных голосов.

Всё вокруг, в затишье и под ветрами,
Под солнцем, при луне, во мгле,
Поет назначенными метрами
Хвалу стоустую Земле!

1913

Imatra

У круглого камня

Белея, ночь приникла к яхте,
Легла на сосны пеленой...
Отава, Пейва, Укко, Ахти,
Не ваши ль тени предо мной?

Есть след ноги на камне старом,
Что рядом спит над гладью вод.

Туони! ты лихим ударом
Его отбросил от ворот!

Бывало, в грозные хавтаймы,
Неся гранитные шары,
Сюда, на тихий берег Саймы,
Вы все сходились для игры.

Где ныне косо частоколом
Вдали обведены поля,
Под вашим божеским футболом
Дрожала древняя земля.

И где теперь суровый шкипер
Фарватер ищет между скал,
Когда-то Юмала-голкипер
Лицо от пота омывал.

Былые матчи позабыты,
И вы – лишь тени в белой мгле, —
Но тяжкие мята-граниты
Лежат в воде и на земле.

1913

Вуоксенниска

Сайма

Лодка, порывистым ветром качаема,
Килем валы опененные режет.
Снова прибоями сизая Сайма
Старые камни побережия нежит.

Видны извилины берега пестрого;
Дачи и сосны, пески и граниты...
Вырос над волнами маленький остров,
Пеной, как кружевом, нежно повитый.

Справа – утесы: лишь ели да верески;
Срыв недоступный – коричнев и зелен.
Ветер навстречу, упорный и резкий,
Свищет надменно из древних расщелин.

Слева – по светлому склону рассеяны,
Белые виллы, с ласкающим садом,
В воду глядятся, как смотрят в бассейны
Жены гаремов прищуренным взглядом.

Сайма ласкает, почти успокоена,
Нас, и гранит, и садовые флоксы,
Чтобы потом, исступленно и знойно,
Броситься грудью на камни Вуоксы.

8 июля 1913

Вуоксенниска

Неведомый прохожий

*Я – неведомый прохожий
В свете других бродяг...
«Urbi et orbi»*

Закат над морем

Над морем из серого крепа,
На призрачно-розовом шелке,
Труп солнца положен; у склепа
Стоят паруса – богомолки,
Пред ними умерший владыка
Недавно горевшего дня...
Ложатся от алого лика
По водам зигзаги огня.

Вот справа маяк полусонный
Взглянул циклопическим взором;
Весь в пурпуре, диск удлиненный
Совпал с водяным кругозором;
И волн, набегающих с силой,
Угрюмей звучат голоса...
Уже над закрытой могилой;
Померкнув, стоят паруса.

20 июля 1913

Noordwijk-aan-Zee

Над северным морем

Над морем, где древние фризы,
Готова отважный поход,
Пускались в туман серо-сизый
По гребням озлобленных вод, —

Над морем, что, словно гигантский,
Титанами вырытый ров,
Отрезало берег британский
От нижнегерманских лугов, —

Бреду я, в томленьи счастливом
Неясно-ласкающих дум,
По отмели, вскрытой отливом,
Под смутно-размеренный шум.

Волна набегают, узорно
Извивами чертит песок
И снова отходит покорно,
Горсть раковин бросив у ног;

Летит красноклювая птица,
Глядя на меня без вражды,
И чаек морских вереница

Присела у самой воды;

Вдали, как на старой гравюре,
В тумане уходит из глаз,
Привыкший к просторам и к буре,
Широкий рыбацкий баркас...

Поют океанские струны
Напевы неведомых лет,
И слушают серые дюны
Любовно-суровый привет.

И кажутся сердцу знакомы
И эти напевы тоски,
И пенные эти изломы,
И влажные эти пески,

И этот туман серо-сизый
Над взрытыми далями вод...
Не с вами ли, древние фризы,
Пускался я в дерзкий поход?

5 июля 1913
Scheveningen

Океан и дюны

Рушатся волн белопенные гребни,

Глади песков заливает прилив;
Море трубит все надменней, хвалебней
Древний любовный призыв.

Слушают дюны: привычны им песни
С детства знакомого друга-врага;
Пусть он грозит: год за годом чудесней
Дальше растут берега.

Новой грядой выдвигаются дюны,
Груди свои поднимают, – а он,
Вечно влюбленный, и сильный, и юный,
Страстью былой распален.

Рушатся белые гребни все ближе
К дюнам недвижимым; их сдвинутый ряд
Смело встречает насильника. Чьи же
Силы в борьбе победят?

Миг – и впились опененные губы
Прямо в высокие груди-сосцы...
Чу! то играют отзывные трубы:
Слиты в объятья бойцы...

9 июля 1913

Noordwijk-aan-Zee

В Голландии

Эти милые, красно-зеленые домики,
Эти садики, в розах и желтых и алых,
Эти смуглые дети, как малые гномики,
Отраженные в тихо-застывших каналах, —

Эти старые лавки, где полки уставлены
Рядом банок пузатых, давно закоптелых,
Этот шум кабаков, заглушенный, подавленный,
Эти рослые женщины в чепчиках белых, —

Это всё так знакомо, и кажется; в сказке я,
И готов наважденью воскликнуть я: vade!³⁴
Я с тобой повстречался, Рембрандтова Саския?
Я в твой век возвращен, Адриан ван Остаде?

13 июля 1913

Leiden

К северному морю

Я пришел с тобой проститься, море,
Может быть, на долгие года.

³⁴ Сгинь! (*лат.*)

Ты опять – в сверкающем уборе,
В кружевах из пены, как всегда.

И опять валы неутомимо
Ты стремишь на сглаженный песок,
Как в те дни, когда впервые – Рима
Ты вдали заметило значок.

Те же ветры сумрачные дули,
Те же облака бесстрастно шли,
В дни, когда отсюда строгий Юлий
Вел на диких бриттов корабли.

И туман над ширью океанской
Так же плыл, торжественно-суров,
В дни, когда сзывал Вильгельм Оранский
За свободу родины бойцов.

А когда озолотило чудо
Амстердам, и Лейден, и Анвер, —
Те же дали видели отсюда
Гальс, Ян Стен, Гоббема и Фермер.

Кесарю, Вильгельмам, чародеям
Кисти – лепетало ты привет.
Тем же гулом ласковым лелеем,
Я теперь тебе шепчу ответ.

Проходи, о, море, неизменным

Сквозь века, что поглощают нас,
И узором, призрачным и пенным,
Покрывай пески в урочный час!

Июль 1913

Noordwijk-aan-Zee

Зимнее возвращение к морю

Я скорей тебя увидел снова,
Чем я ждал, простор соленых вод,
Но как грустно, грозно и сурово
Ты влачишь валы на твердый лед!

Набегает черный вал с разбега,
Белой пены полосой повит,
На предел белеющего снега, —
И покорно стелется, разбит.

Облака, как серые громады,
Медленно над далями плывут,
Словно эти дымы моря – рады
Отдохнуть, свершив свой летний труд.

Рыжих сосен поросли на дюнах
Ждут, когда наступит черный мрак,
Вспыхнут огоньки на мерзлых шкунах,
Завращает красный глаз маяк.

Здравствуй, море, северное море,
Зимнее, не знаемое мной!
Новое тебе принес я горе,
Новое, не бывшее весной!

Успокой, как летом, и обрадуй
Бесконечным ропотом валов,
Беспредельной сумрачной усладой
Волн, идущих сквозь века веков!

18 декабря 1913
Эдинбург II

Вечер над морем

Желтым золотом окрашены
Дали в просветы хвои.
Солнца луч полупогашенный
Бьет в прибрежные струи.

Море сумрачное движется,
Льдины белые неся.
В облаках чуть зримо низется
Светло-синяя стезя.

Краски пламенно-закатные
Хмурым днем помрачены,

Но все те ж движенья ратные
Вечно зыблемой волны.

Меркнет огненное золото,
Скрыто облачным плащом, —
И в последний раз уколото
Море гаснущим лучом.

Декабрь 1913
Эдинбург II

Природы соглядатай

Природы праздный соглядатай...
А. Фет

Вечерний Пан

Вечерний Пан исполнен мира,
Не позовет, не прошумим
Задумчив, на лесной поляне,
Следит, как вечер из потира
Льет по-небу живую кровь,
Как берега белеют вновь
В молочно-голубом тумане,
И ждет, когда луч Алтаира
В померкшей сини заблестит.

Вечерний Пан вникает в звуки,
Встающие во мгле кругом:
В далекий скрип пустой телеги,
В журчанье речки у излуки
И в кваканье глухих прудов.
Один, в безлюдии святом,
Он, в сладком онеменьи неги,
Косматые вздымает руки,
Благословляя царство снов.

1914

Опалиха

Вечером в дороге

Кричат дрозды; клонясь, дрожат
Головки белой земляники;
Березки забегают в ряд,
Смутясь, как девы полудикие.

Чем дальше, глубже колеи;
Вот вышла ель в старинной тальме...
Уже прозрачной кисеи
Повисла завеса над далями.

Вновь – вечер на лесном пути,
Во всем с иным, далеким, сходен.

Нет, никуда нам не уйти
От непонятно милой родины!

Чу! не прощанье ль крикнул дрозд?
Клонясь, дрожит иван-да-марья.
В просвете – свечи первых звезд
И красный очерк полушария.

Весной

Попискивают птицы
В роще березовой;
Селят листья тень
На песок почти розовый;
Облачков вереницы
Стынут в лазури ясной;
Расцвел пригожий день,
С душой согласный.

Эти зеленые травы,
Современницы нашей планеты,
Эта предельная синь,
Эти весенние светлы, —
Исполнены древней отравы,
Пьянящей, от века до века,
Странника мировых пустынь, —
Человека.

1914

Опалила

Весеннее

Остеженный последним снегом,
Весну встречая, грезит лес,
И тучи тешатся разбегом,
Чертя аэродром небес.

Кто, исхищенный как китаец,
Из туч ряды драконов сплел?
А, под березой, зимний заяц
Оглядывает, щурясь, дол.

Вдали водоворотит море
На нажить хлынувшей реки,
И крыши изб на косогоре,
Как нежная постель, – легки.

Не нынче ль смелой увертюрой
Смутит нас первая гроза?
Но солнце, из-за ткани хмурой,
Глядит на нас, как глаз в глаза.

Опять в душе кипит избыток
И новых рифм, и буйных слов,

И пью, как нежащий напиток,
Я запах будущих цветов.

Март 1912

Подольск

Ночью светлой

Ночи светлой, ночи летней
Сумрак лег над далью сонной.
Цвет и краски незаметней,
Воздух дышит благовонный.

То река иль то дорога
Вьет меж потемневших пашен?
К небу ветви поднял строго
Старый дуб, суров и страшен.

Огоньки в окошках блещут,
Небо чище и открытой,
В нежной сини чуть трепещут
Пары телеграфных нитей...

1912

Подольск

Цветики убогие

Цветики убогие северной весны,
Веете вы кротостью мирной тишины.
Ландыш клонит жемчуг крупных белых слез,
Синий колокольчик спит в тени берез,

Белая фиалка высится, стройна,
Белая ромашка в зелени видна,
Здесь иван-да-марья, одуванчик там,
Желтенькие звезды всюду по лугам,

Изредка меж листьев аленький намек,
Словно мох, бессмертный иммортель-цветок, —
Белый, желтый, синий – в зелени полян,
Скромный венчик небом обделенных стран

4 июня 1912

Опалила

Крот

Роет норы крот угрюмый;
Под землей чуть слышны шумы
С травяных лугов земли:
Шорох, шелест, треск и щебет...

Лапкой кожу крот теревит:
Мышь шмыгнула невдали.

У крота дворец роскошен,
Но, покуда луг не скошен,
Людам тот дворец незрим.
Под цветами скрыты входы,
Под буграми – залы, своды...
Крот, ты горд дворцом своим!

Роев черный крот-строитель.
Темных, теплых комнат житель,
Он чертог готовит свой,
Ставит твердые подпоры
И запасы носит в норы,
Пряча в дальней кладовой.

Милый крот, слепой рабочий!
Выбирай темнее ночи,
Берегись сверканий дня!
Будет жалко мне немного
Повстречать, бредя дорогой,
Черный трупик подле пня.

1913

Туман осенний

Туман осенний струится грустно над серой далью нагих полей,
И сумрак тусклый, спускаясь с неба, над миром виснет
все тяжелей,

Туман осенний струится грустно над серой далью в немой тиши,
И сумрак тусклый как будто виснет над темным миром
моей души.

Как будто ветлы стоят над речкой, как будто призрак
дрожит близ них...
Иль только клубы дрожат тумана над серой далью полей
нагих?

Как будто птица, качая крылья, одна мелькнула в немой тиши...
Иль только призрак мелькнул былого над темным миром
моей души?

Здесь было солнце! здесь были нивы! здесь громкий
говор жнецов не тих!
Я помню счастье, и поцелуи, и мной пропетый звенящий
стих!

Туман осенний, плывущий грустно над серой далью
нагих полей,
Свое бесстрастье, свое дыханье, свое молчанье в меня
пролей!

1913

Опалила

Сухие листья

Сухие листья, сухие листья,
Сухие листья, сухие листья
Под тусклым ветром кружат, шуршат.
Сухие листья, сухие листья,
Под тусклым ветром сухие листья,
Кружась, что шепчут, что говорят?

Трепещут сучья под тусклым ветром;
Сухие листья под тусклым ветром
Что говорят нам, нам шепчут что?
Трепещут сучья, под тусклым ветром,
Лепечут листья, под тусклым ветром,
Но слов не понял никто, никто!

Меж черных сучьев синее небо,
Так странно-нежно синее небо,
Так странно-нежно прозрачна даль.
Меж голых сучьев прозрачно небо,
Над черным прахом синее небо,
Как будто небу земли не жаль.

Сухие листья шуршат о смерти,

Кружась под ветром, шуршат о смерти:
Они блестели, им время тлеть.
Прозрачно небо. Шуршат о смерти
Сухие листья, – чтоб после смерти
В цветах весенних опять блеснуть!

Октябрь 1913

Опалиха

Красный

Под улыбкой солнца

*И для них весною красной,
Под улыбкой солнца ясной,
Распускались цветы.*

К. Фофанов

В том же парке

И в том же парке, давнем, старом,
Где, отрок, ранний свой восход
Я праздновал, вверяясь чарам
Бестрепетных озерных вод,

Где я слагал впервые песни,
С мечтой неверной о любви,
Где жизнь все слаще, все чудесней
Шептала в ветре мне: «Живи!»

Я прохожу чрез годы, – годы,
Исполненные бурь и смут,
А вокруг – все тот же блеск природы,
Все тот же мерный бег минут!

Как будто не было безумий,
Позорных и блаженных лет:
Я узнаю в июльском шуме
Былой, божественный привет.

И мил мне чей-то взор манящий,
И алость чьих-то близких губ,
И дождь, чуть слышно морозящий,
И зелень острохвойных куп.

Вы живы, царственные ели!
Как вы, жива душа моя!
Напрасно бури тяготели
Годин шумящих бытия!

Я – тот же отрок, дерзко-юный,
Вся жизнь, как прежде, впереди,
И кедра сумрачные струны
Мне под дождем поют: «Иди!»

Иду я, полон прежней веры,
К неизвестным далям, к новым снам,
И этот день, туманно-серый,
Векам покорно передам.

Он был, он есть, – без перемены
Он будет жить в стихе моем.
Как имя нежное Елены,

Сплетенное с мелькнувшим днем.

6 – 7 июля 1912

Петровское-Разумовское

Сказка

Я учусь быть добрым, я хочу быть ласковым.

Вы, стихов поющих верные хранители:

Это будет песня, это будет сказка вам!

Нежные признанья выслушать хотите ли?

В тайный бор дороги конному и пешему

Дикими кустами строго загорожены.

Там русалки вторят звонким смехом лешему;

Карликов заморских – норы вдоль изложины;

Там, на курьих ножках, есть изба Ягиная;

Плачет, заблудившись, Гретхен с юным Гензелем;

В чаще, где не молкнет песня соловьиная,

Там высокий терем, с древнефряжским вензелем.

В горнице тесовой, у окна открытого,

Ждет меня царевна, Нелли светло-русая.

К ней, от жизни мерной, мира домовитого,

На коне волшебном вдруг переносуся я.

Маленькие руки я ласкаю длительно,

Аленькие губки я целую, радостный;
Смех ее ответный нежит так целительно,
Взор ее мне светит: тихий, милый, благостный.

За окном Жар-Птица пролетит, вся в пламени,
Рюбецаль киркою простучит с участием...
Нам не нужно лучших, непреложных знамений:
В тереме мы дышим волшебством и счастьем!

О чудесном лесе буду песни складывать,
Расскажу про терем сказку – правду мудрую.
Вам, друзья напевов, – слушать и разгадывать:
Где я взял царевну, Нелли светлокудрую!

1912

Москва

В лодке

Завечерело озеро, легла благая тишь.
Закрыла чашу лилия, поник, уснул камыш.

Примолкли утки дикие; над стынущей водой
Лишь чайка, с криком носится, сверкая белизной.

И лодка чуть колышется, одна средь темных вод,
И белый столб от месяца по зыби к нам идет.

Ты замолчала, милая, и я давно молчу:
Мы преданы вечерней мгле и лунному лучу.

Туманней дали берега, туманней дальний лес;
Под небом, чуть звездащимся, мир отошел, исчез...

Я знаю, знаю, милая, – в священной тишине
Ты снова, снова думаешь печально – обо мне!

Я знаю, что за горестной ты предана мечте...
И чайка, с криком жалобным, пропала в темноте.

Растет, растет безмолвие, ночь властвует кругом...
Ты тайно плачешь, милая, клонясь к воде лицом.

24 июля 1912

Сенежское озеро

Дождь и солнце

Муаровые отблески сверкают под лучом.
Мы вновь на тихом озере, как прежде, мы вдвоем.

Дождь легкий, дождь ласкающий кропит, кропит
листву...

Мне кажется, что снова я в далеком сне живу.

И солнце улыбается, как было год назад,

И пестрые жемчужины отряхивает сад.

Всё то же, что томило нас: и парк, и дождь, и пруд,
И сосны острохвойные наш отдых стерегут!

Любви порыв ликующий, как странно ты живуч!
Сквозь дождь, сквозь небо серое сверкает вещей луч!

За сеткой – даль туманная, пузырится вода...
О Солнце! победителем останься, как тогда!

1913

После скитаний

После скитаний,
далеких и трудных,
вдали заблистали,
В нежном тумане,
лугов изумрудных
знакомые дали!
В море шумящем,
под ропоты бури,
манило вернуться —
К зарослям-чащам,
к неяркой лазури, —
над речкой проснуться,
Слыша мычанье

быков и призывы
родимой свирели...
Кончив блужданье,
усталый, счастливый,
вот я – у цели!

1915

В буйной слепоте

*Как, в буйной слепоте страстей,
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!*

Ф. Тютчев

* * *

Итак, это – сон, моя маленькая,
Итак, это – сон, моя милая,
Двоим нам приснившийся сон!
Полоска засветится аленькая,
И греза вспорхнет среброкрылая,
Чтоб кануть в дневной небосклон.

Но сладостны лики ласкательные,
В предутреннем свете дрожащие,
С улыбкой склоненные к нам,

И звезды, колдуньи мечтательные,
В окно потаенно глядящие,
Приветствия шепчут мечтам.

Так где ж твои губы медлительные?
Дай сжать твои плечики детские!
Будь близко, ресницы смежив!
Пусть вспыхнут лучи ослепительные,
Пусть дымно растаю в их блеске я,
Но память о сне сохранив!

1912

Москва

* * *

Сумрак тихий, сумрак тайный,
Друг, давно знакомый мне,
Безначальный и бескрайный,
Призрак, зыблющий туманы,
Вышел в лес и на поляны,
Что-то шепчет тишине.

Не слова ль молитвы старой,
Древней, как сама земля?
И опять, под вечной чарой,
Стали призрачной химерой
Скудный лог, орешник серый,

Запоссе́йные поля.

Давний, вечный сон столетий,
В свете звезд, опять возник:
И вся жизнь – лишь ветви эти,
Мир – клочок росистый луга,
Где уста нашли друг друга,
Вечность —этот темный миг!

Июль 1912

Подольск

* * *

Безумие белого утра смотрело в окно,
И было все странно-возможно и все – все равно.

И было так странно касаться, как к тайным мечтам,
К прозрачному детскому телу счастливым губам.

Но облачный день засветился над далью лесной,
Все стало и ясно, и строго в оправе дневной.

Ночные безумные бездны, где все – все равно,
Сменило ты, солнце, сменило ты, Бородино!

Вот снова стоит император, и грозный призыв
Мне слышен на поле кровавом, меж зреющих нив:

«Что страсти пред гимном победы, пред зовом Судьбы!
Мы все «увлекаемся Роком», все – Рока рабы!»

Свет солнца, даль нив, тень былого! Как странно давно
Безумие белого утра смотрело в окно!

Июль 1912

Бородино

* * *

Это чувство – странно-невозможного,
Вдруг обретшего и кровь и плоть,
В миг воспоминания тревожного
Я стараюсь тщетно побороть!

Помнятся, и видятся, и движутся
Вымыслы безудержной мечты.
Словно перлы сказочные нижутся
В ожерелье жуткой красоты!

И глазам так больно от слепительной
Вспышки перепутанных огней...
Но – все было в жизни ли действительной,
Иль в игре сновидящих теней?

Здесь я – тайн достигший иль обманутый

Сладостным предчувствием чудес?
И боюсь, чтоб перлов блеск с протянутой
Нити, лишь проснусь я, не исчез!

Ах, как знак призвания не ложного
С неба кинь мне светлую милоть,
Ты, виденьям странно-невозможного
Даровавшая и кровь и плоть!

<1916>

* * *

Мне вспомнить страшно, вспомнить стыдно
Мои безумные слова, —
Когда, качаясь серповидно,
Тень на стене была жива;

Когда клонилось к телу тело,
Уста искали влажных уст,
И грезе не было предела,
А внешний мир был странно-пуст.

Я верил, или я не верил?
Любил вполне, иль не любил?
Но я земное небом мерил
И небо для земли забыл!

Качались тени. Губы млели.
Светилась тела белизна.
И там, вокруг сумрачной постели,
Была блаженная страна, —

Страна, куда должны причалить
Все золотые корабли,
Где змей желаний сладко жалит
И душен аромат земли!

И не было ни стен, ни комнат, —
Хмель солнца, пьяная трава...
О, неужели мысли вспомнят
Мои безумные слова!

1912

* * *

Месяц в дымке отуманенной
В тусклом небе, словно раненый,
Обессиленный лежит.
Все огни давно погашены;
Издалека голос башенный
Что-то грустное гудит.

Возвращаюсь вновь под утро я.
Вновь Минерва, дева мудрая,

Держит, как маяк, копьё.
Там, где Лар стоит отеческий,
Мне гласит гекзаметр греческий:
«В мире каждому свое!»

Надо улицей пустынною
Проходить мне ночью длинною,
После вздохов роковых,
Чтоб укусы и объятия,
Чтоб восторги и проклятия
Превратить в бессмертный стих.

1913

«Я помню легкие пиластры...»

*Und mein Stamm sind jene Asra,
Welche sterben, wenn sie lieben.*

*H. Heine*³⁵

Я помню легкие пиластры
Закатных облаков в огне,
Когда, со мной целуя астры,
Ты тихо прошептала мне:
«И я, и я – из рода азров!»

Я помню бред безумной ночи,

³⁵ «Род мой Азры, для которых неразлучна смерть с любовью». Г. Гейне (нем.).

Бред клятв, и ласк, и слез, и мук,
Когда, вперив в молчанье очи,
Ты повторила, с хрустом рук:
«И я, и я – из рода азров!»

И помню я твой взгляд застывший

.....

И в этот миг, как меч губивший,
Твои слова я вспомнил вновь:
Да, ты была из рода азров!

И никогда к тебе, волнуем
Желаньем, не прильну без слов!
Ты не коснешься поцелуем
Моих седеющих висков!
Да, ты была из рода азров!

И не смотреть нам на пиластры
Вечерних облаков в огне,
И ты, со мной целуя астры,
Не повторишь мне, как во сне;
«И я, и я – из рода азров!»

1913

* * *

Я не был на твоей могиле;

Я не принес декабрьских роз
На свежий холм под тканью белой;
Глаза других не осудили
Моих, от них сокрытых, слез.

Ну что же! В неге онемелой,
Еще не призванная вновь,
Моих ночей ты знаешь муки,
Ты знаешь, что храню я целой
Всю нашу светлую любовь!

Что ужас длительной разлуки
Парит бессменно над душой,
Что часто ночью, в мгле холодной,
Безумно простирая руки,
Безумно верю: ты со мной!

Что ж делать? Или жить бесплодно
Здесь, в этом мире, без тебя?
Иль должно жить, как мы любили,
Жить исступленно и свободно,
Стремясь, страдая и любя?

Я не был на твоей могиле.
Не осуждай и не ревнуй!
Мой лучший дар тебе – не розы:
Все, чем мы вместе в жизни жили,
Все, все мои живые грезы,
Все, вновь назначенные, слезы

И каждый новый поцелуй!

8 января 1914

* * *

Это – не надежда и не вера,
Не мечтой одетая любовь:
Это – знание, что за жизнью серой,
В жизни новой, встретимся мы вновь.

Нет, не жду я райского селенья,
Вод живых и золотых цветов,
Вечных хоров ангельского пенья
И блаженством зыблемых часов.

Не страшусь и пламенного ада,
С дьяволами в красных колпаках,
Смол огнекипящих и обряда
Страшного суда на облаках.

Знаю: там, за этой жизнью трудной,
Снова жизнь и снова тяжкий труд;
Нас в простор лазурно-изумрудный
Крылья белые не вознесут.

Но и там, под маской сокровенной,
С новым даром измененных чувств,

Нам останется восторг священный
Подвигов, познаний и искусств.

Там, найдя, кого мы потеряли,
Будем мы, без пламени в крови,
Снова жить всей сладостью печали
И, прошедшей через смерть, любви!

1914

Там, у входа

И покинем

Там, у входа,

Покрывала ваши мрачные!

А. Фет

Безвестная вестница

Что это? Пение, славленье
Счастья всем хором земли,
Облачка в небе курчавленье,
Пташек веселье в дали!

Что это? Таянье, мление
Звуков, цветов и лучей!
Вечное право весеннее

Славит журчаньем ручей.

Как же? Не я ли, раздавленный
Глыбой упавшей скалы,
Странник, друзьями оставленный,
Вестника сумрачной мглы

Ждал; но не образ Меркурия
Грозно сошел с высоты:
Вижу в прозревшей лазури я
Милые чьи-то черты.

Кто ты, безвестная вестница
Тайно наставшей весны?
Фея, богиня, кудесница?
Иль только смутные сны

Нежат пред мигом томительным,
Нас подводящим к концу?
Ты, с удивленьем медлительным,
Клонишься тихо к лицу...

Пение, мление, алые
Светы наполнили храм...
Миг! и уста не усталые
Жадно прижал я к устам!

На санках

Санки, в радостном разбеге,
Покатились с высоты.
Белая, на белом снеге
Предо мной смеешься ты.

Чуть дрожат, качаясь, сосны,
С моря веет ветерок...
Верю: снова будут весны,
День счастливый недалек.

Нет ни ужаса, ни горя:
Улыбнулся детский лик,
И морозный ветер с моря
В душу ласково проник.

Надо легким быть, как санки,
Надо жить лишь для игры,
И лететь во глубь, к полянке,
Склоном сглаженной горы!

Снова в радостном разбеге
Санки мчатся с высоты,
И, упав, на белом снеге,
Белая, смеешься ты!

11 января 1914

В лодке рыбацкой

В лодке рыбацкой, недвижимой в снегу,
Как хорошо верить в счастье мгновенья!
Волны шумят на морском берегу,
Льдины бросают на снег, как каменя.

Дым расстиляет вдали пароход;
Сзади высокие сосны застыли.
Здесь, перед дикой мятежностью вод,
Как не забыть, что мы есть, чем мы были!

Прошлого нет. Это – будущих дней
Волны играют у грани прибрежной...
Милая, верь тайной вере моей:
То, что нам снится, – всегда неизбежно.

В эти мгновенья, – меж льдистых снегов,
В эти мгновенья на отмели белой,
Как не слышать властительный зон,
Как не понять, что нам море пропело!

В лодке рыбацкой, застывшей в снегу,
Словно на белом, тяжелом причале,
Случай, как вал на морском берегу,
Будто зовет нас в безвестные дали!

15 января 1914

В старинной риге

Здесь, в старинной Риге,
В тихий день ненастья,
Кротко я встречаю
Маленькие миги
Маленького счастья.

Дом Черноголовых
Смотрит так любовно,
Словно рад он маю;
Двух, любить готовых,
Ободряет словно.

Под дождем так ярко
Зеленеют липки
Зеленью весенней;
Ах, деревья парка
Нам дарят улыбки!

Ветерка морского
Нежит легкий холод...
Тайно сходят тени...
Иль влюблен я снова?
Иль я снова молод?

1 мая 1914

Мгновенья мгновеннее

Мгновенья мгновеннее...

А. Добролюбов

1. Утром

Черный и упрямый локон вьется нежно близ меня,
Но упорно в рамы окон льется снежный отблеск дня.
Тайны ночи побледнели, дали грубы, груб их свет...
Не случайно очи млели! ждали губы губ в ответ!

Ты невольно грудь склонила... Как тревожно дышишь ты!..

О, как больно! Будь, что было! Можно все, – услышь мечты!

Внемлешь? нет? Упрямый локон с плеч скатился, соскользнул...

Иль ты дремлешь? В рамы окон, словно меч, вонзился гул.

1914

2. На лыжах

Опьяняет смелый бег.
Овекает белый снег.

Режут шумы тишину.
Нежат думы про весну.

Взглядом, взглядом облелей!
Рядом, рядом – и скорей!

Твой ли стан склонен ко мне?
Все ль обман и сон во сне?

Мир во власти зимних нег,
Миги застит дымный снег.

1914

3. Как неяркие бутоны

Как неяркие бутоны превращают лепестки
В ярко-радостные розы, ало-красные цветы, —
Так твой ропот затаенный, стоны девичей тоски,
Стали – сладостные грезы, жадно-страстные мечты!

И, как белая лилея, над прозрачностью пруда,
Закрывает в лунном свете свой убор, дыша чуть-чуть, —
Так, несмелая, пьянея, в дрожи брачного стыда,
Опускаешь взор, как дети, ты, – спеша ко мне на грудь!

Но, во мгле наставшей ночи, сны Красавицы Ночной
Дышат томно, дышат страстно, в летней, душной тишине,
—

Так, опять поднявши очи, чуть лукавая с темнотою,
Ты нескромно, ты безгласно – ждешь, послушна, как во
сне!

16 ноября 1914

Сиреночка

В лесу пропела пеночка
И дятел простучал.
Приди ко мне, сиреночка:
Час призраков настал.

Росой чуть-чуть увлажнены,
И мхи послушно спят,
А с неба, словно в скважины,
К вам звездочки глядят.

Простерли сосны темные
Над ложем бахрому;

Здесь канут все нескромные
Слова – в глухую тьму.

Приди! Никем не слышимы,
В тиши зашепчем вновь,
Все вкрадчивей, все тише мы
Про счастье, про любовь.

Вновь склонит, с неизбежностью,
Мечта – к устам уста,
И круг замкнет над нежностью,
До утра, темнота.

А утром крикнет пеночка,
Встревожит дятел тишь,
И ты, моя сиреночка,
Скользнешь в речной камыш.

1914

Умершим мир!

Умершим мир! Пусть спят в покое
В немой и черной тишине.
Над нами солнце золотое,
Пред нами волны – все в огне.

Умершим мир! Их память свято

В глубинах сердца сохраним.
Но дали манят, как когда-то,
В свой лиловато-нежный дым,

Умершим мир! Они сгорели,
Им поцелуй спалил уста.
Так пусть и нас к такой же цели
Ведет безумная мечта!

Умершим мир! Но да не встанет
Пред нами горестная тень!
Что было, да не отуманит
Теперь воспламененный день!

Умершим мир! Но мы, мы дышим.
Пока по жилам бьется кровь,
Мы все призывы жизни слышим
И твой священный зов, Любовь!

Умершим мир! И нас не минет
Последний, беспощадный час,
Но здесь, пока наш взгляд не стынет,
Глаза пусть ищут милых глаз!

Желтый

Стоим, мы слепы...

Стоим, мы слепы, пред судьбою...

Ф. Тютчев

Последняя война

Свершилось. Рок рукой суровой
Приподнял завесу времен.
Пред нами лики жизни новой
Волнуются, как дикий сон.

Покрыв столицы и деревни,
Взвились, бушуя, знамена.
По пажитям Европы древней
Идет последняя война.

И всё, о чем с бесплодным жаром
Пугливо спорили века.
Готова разрешить ударом
Ее железная рука.

Но вслушайтесь! В сердцах стесненных
Не голос ли надежд возник?
Призыв племен порабощенных
Врывается в военный крик.

Под топот армий, гром орудий,
Под ньюпоров гудящий лет,
Всё то, о чем мы, как о чуде,
Мечтали, может быть, встает.

Так! слишком долго мы коснели
И длили валтасаров пир!
Пусть, пусть из огненной купели
Преображенным выйдет мир!

Пусть падает в провал кровавый
Строенье шаткое веков,
В неверном озареньи славы
Грядущий мир да будет нов!

Пусть рушатся былые своды,
Пусть с гулом падают столбы, —
Началом мира и свободы
Да будет страшный год борьбы!

20 июля 1914

Старый вопрос

Не надо заносчивых слов,
Не надо хвальбы неуместной.
Пред строем опасных врагов
Сомкнемся спокойно и тесно.

Не надо обманчивых грез,
Не надо красивых утопий;
Но Рок подымает вопрос:
Мы кто в этой старой Европе?

Случайные гости? орда,
Пришедшая с Камы и с Оби,
Что яростью дышит всегда,
Все губит в бессмысленной злобе?

Иль мы – тот великий народ,
Чье имя не будет забыто,
Чья речь и поныне поет
Созвучно с напевом санскрита?

Иль мы – тот народ-часовой,
Сдержавший напоры монголов,
Стоявший один под грозой
В века испытаний тяжелых?

Иль мы – тот народ, кто обрел
Двух сфинксов на отмели невской.
Кто миру титанов привел,
Как Пушкин, Толстой, Достоевский?

Да, так, мы – славяне! Иным
Доныне ль наш род ненавистен?
Легендой ли кажутся им
Слова исторических истин?

И что же! священный союз
Ты видишь, надменный германец?
Не с нами ль свободный француз,
Не с нами ль свободный британец?

Не надо заносчивых слов,
Не надо хвальбы величавой,
Мы явим пред ликом веков,
В чем наше народное право.

Не надо несбыточных грез,
Не надо красивых утопий.
Мы старый решаем вопрос:
Кто мы в этой старой Европе?

30 июля 1914

Наши дни

Не вброшены ль в былое все мы,
Иль в твой волшебный мир, Уэллс?
Не блещут ли мечи и шлемы
Над стрелами звенящих рельс?

Как будто рыцарские тени,
В лучах прожекторов, опять
Летят на буйный пир сражений
Торжествовать и умирать!

Смотря в загадочные дали,
Мы смело ждем безмерных дел,
Вновь подвигов при Ронсевале,
Твоих ударов, Карл Мартелл!

А мерно с Эйфелевой башни
Летит неслышимая речь,
Чтоб всё, что ведал день вчерашний,
Для будущих времен сберечь.

Ротационные машины
Стучат как ночью, так и днем,
Чтоб миг не минул ни единый,
Газетным позабыт столбцом.

И сквозь налет ночных туманов,
Как призраки иных веков,
Горят глаза аэропланов
Над светом вражеских костров.

8 августа 1914

Круги на воде

От камня, брошенного в воду,
Далеко ширятся круги.
Народ передает народу
Проклятый лозунг: «мы – враги!»

Племен враждующих не числи;
Круги бегут, им нет числа;
В лазурной Марне, в желтой Висле
Влачатся чуждые тела;

В святых просторах Палестины
Уже звучат шаги войны;
В Анголе девственной – долины
Ее стопой потрясены;

Безлюдные утесы Чили
Оглашены глухой пальбой,
И воды Пе-че-ли покрыли
Флот, не отважившийся в бой.

Везде – вражда! где райской птицы
Воздушный зыблется полет,
Где в джунглях страшен стон тигрицы,
Где землю давит бегемот!

В чудесных, баснословных странах
Визг пуль и пушек ровный рев,
Повязки белые на ранах
И пятна красные крестов!

Внимая дальнему удару,
Встают народы, как враги,
И по всему земному шар;'
Бегут и ширятся круги.

2 декабря 1914

Варшава

Пора!

Была пора ударить буре,
Расчистить хмурый небосвод.
И вот – нет проблесков лазури,
Гроза гремит, гроза растет.

То не камыш под ветром гнется, —
Твердыни крепостей дрожат;

Не дождь на травы пастбищ льется, —
Стальной стучит по грудям град;

То не деревья, в вихре яром,
На берег рухнули пруда, —
Кругом, обгрызены пожаром,
Лежат в руинах города.

С Атлантики вплоть до Урала
Самумом движутся полки;
Кровь – снег и травы запятнала,
Кровь – замутила ток реки.

На вольных, вечных океанах,
У стен пяти материков,
Мелькают без огня в туманах
Громады боевых судов.

Темны мечты, виденья дики,
Водоворотом схвачен мир.
Везде штыки, винтовки, пики,
Угрозы пушек и мортир. ;

Гроза «военной непогоды»
Шумит по градам и полям,
Да выйдут древние народы
Из бури к просветленным дням!

Пусть громы пробушуют в небе,

Огонь молний пусть прожжет сердца, —
И пусть узнают все свой жребий,
Свою судьбину – до конца!

Октябрь – декабрь 1914

Белосток. Варшава

На Карпатах

Уступами всходят Карпаты,
Под ногами тает туман,
Внизу различают солдаты
Древний край – колыбель славян.

Весенним приветом согрета,
Так же тихо дремала страна...
На четыре стороны света
Отсюда шли племена.

Шли сербы, чехи, поляки,
Полабы и разная русь.
Скрывалась отчизна во мраке,
Но каждый шептал: «Я вернусь!»

Проносились века и беды,
Не встречался с братьями брат,
И вот, под грохот победы,
Мы снова на склонах Карпат.

Вздыхни же ожидаемым мигом,
Друзей возвращенных встречай,
Так долго под вражеским игом,
Словно раб, томившийся край.

Засветился день возвращенья,
Под ногами тает туман...
Здесь поставьте стяг единенья
Нашедших друг друга славян!

15 октября 1914
Варшава

Чаша испытаний

Будь меж святынь в веках помянута
Ты, ныне льющаяся кровь!
Рукой властительной протянута
Нам чаша испытаний вновь.

Она не скоро опорожнится,
Струясь потоком с высоты...
И вот – в руках врагов заложница,
Сирена польская, и ты!

Так что ж! с лицом первосвященников
Спокойно жертву принесем!

Оплакивать не время пленников,
Ряды оставшихся сомкнем.

Одно: идти должны до края мы,
Все претерпев, не ослабеть.
День торжества, день, нами чаемый,
Когда-то должен заблестеть.

И пусть над Бугом – каски прусские;
Он от того чужим не стал;
И будем мы всё те же русские,
Уйдя за Волгу, за Урал.

Под Нарвами, под Аустерлицами
Учились мы Бородину.
Нет, мало овладеть столицами,
Чтоб кончить Русскую войну!

Июль 1915

Высоких зрелищ зритель...

*Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые.
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он – их высоких зрелищ зритель...*

Ф. Тютчев

Польше

*Орел одноплеменный!
...Верь слову русского народа:
Твой пепл мы свято сбережем,
И вата общая свобода,
Как феникс, возродится в нем*

Ф. Тютчев

Провидец! Стих твой осужденный
Не наше ль время прозревал,
Когда «орел одноплеменный»
Напрасно крылья расширял!

Сны, что тебе туманно снились,
Предстали нам, воплощены,
И вещим светом озарились
В багровом зареве войны.

Опять родного нам народа
Мы стали братьями, – и вот
Та «наша общая свобода,
Как феникс», правит свой полет.

А ты, народ скорбей и веры,
Подъявший вместе с нами брань,
Услышь у гробовой пещеры
Священный возглас; «Лазарь, встань!»

Ты, бывший мертвым в этом мире,
Но тайно памятный Судьбе,
Ты – званый гость на нашем пире,
И первый наш привет – тебе!

Простор родимого предела
Единым взором облелей,
И крики «Польска не сгинела!»
По-братски, с русским гимном слей!

1 августа 1914 г.

В Вильно

Опять я – бродяга бездомный,
И груди так вольно дышать.
Куда ты, мой дух неумный,
К каким изумленьям опять?

Но он, – он лишь хочет стремиться
Вперед, до последней поры;
И сердцу так сладостно биться
При виде с Замковой Горы.

У ног «стародавняя Вильна», —
Сеть улиц, строений и крыш,
И Вилия ропщет бессильно,

Смущая спокойную тишь.

Но дальше, за кругом холмистым, —
Там буйствует шумно война,
И, кажется, в воздухе чистом
Победная песня слышна.

Внизу же, где липки так зыбко
Дрожат под наитием дня,
Лик Пушкина, с мудрой улыбкой,
Опять поглядит на меня.

15 августа 1914

Вильно

Все чаще

Все чаще по улицам Вильно
Мелькает траурный креп.
Жатва войны обильна,
Широк разверзнутый склеп.

Всё чаще в темных костелах,
В углу, без сил склонена,
Сидит, в мечтах невеселых,
Мать, сестра иль жена.

Война, словно гром небесный,

Потрясает испуганный мир...
Но все дремлет ребенок чудесный,
Вильно патрон – Казимир.

Все тот же, как сон несказанный,
Как сон далеких веков,
Подымет собор святой Анны
Красоту точеных венцов.

И море всё той же печали,
Всё тех же маленьких бед,
Шумит в еврейском квартале
Под гулы русских побед.

17 августа 1914
Вильно

В Варшаве

А. Р. Ледницкому

В первый раз по улицам Варшавы
С легким сердцем прохожу один.
Не гнетет меня кошмар кровавый
Темной славы роковых годин.

Всё, что было, – нет, не миновало,
И веков мгновенью не сломать;

Но, быть может, нынче день начала,
Нынче солнце в небе – как печать.

Пусть оно наш день запечатлеет,
День, когда, как братья, мы могли
Всё сказать, о чем язык немеет,
Что мы долго в душах берегли.

Мы сошлись не по тропинке узкой,
Как к поэту близится поэт;
Я пришел путем большим, как русский,
И, как русский, слышал я привет.

А на улице, как стих поэмы,
Клики вокруг меня сливались в лад:
Польки раздавали хризантемы
Взводам русских радостных солдат.

24 августа 1914

Варшава

Аэропланы над Варшавой

Как пред грозой касатки низко
Скользят над ровностью поляны, —
Так в знак, что грозы боя близки,
– Взгляни, – парят аэропланы.

Миг, – и продолжный, долгий трепет
Пройдет по улице; метнется
Толпа, и тротуар облепит,
И взор за взором в высь вопьется.

Мотки белеющей кудели
Взлетят и таять будут в сини,
И, под пальбу, дымки шрапнелей
Распутаются в сети линий.

А там, воздушные пираты,
Спокойно правя лет машины,
Вонзят сквозь пар голубоватый
Свой взор, как мы, на дно равнины.

Увидят, как темнеют зыбко
Квадраты крыш и зданий ромбы...
С какой змеящейся улыбкой
Качнут два немца в небе бомбы!

24 декабря 1914

Варшава

Поле битвы

Залито поле, как золотом,
Щедрым посевом патронов.
Вдалеке, как гигантским молотом,

Расколоты гребни склонов.

На холмике ждет погребения,
Ниц повергнуто, тело солдата.
Слабый запах тления,
А в руке письмо зажато.

Рядом тела лошадиные:
Оскалены зубы, изогнуты шеи...
Ах, не труды ль муравьиные
Эти валы, окопы, траншеи?

Видел я: меж винтовок раздробленных
Лежит с дневником тетрадка;
Сколько тайных надежд, обособленные,
В нее вписывал кто-то украдкой!

Манерки, ранцы, зарядные
Ящики, крышки шрапнелей,
И повсюду воронки громадные
От снарядов, не достигших цели.

Брожу меж обломков, гадательно
Переживая былые моменты.
А вдали, взвод солдат, старательно,
Убирает пулеметные ленты.

Октябрь 1914

Прушков

Пиршество войны

Война здесь прошла, прокричала
Стальными глотками пушек,
В руке дома изломала,
Как вязку хрустнувших сушек.

Вот там, за сырым перелеском,
Гости Войны сидели,
Она забавляла их блеском
Пускаемых к небу шрапнелей.

Смерть-сестру пригласила; «Участвуй, —
Ей сказала, – как старшая, в пире!»
Подавались роскошные яства,
Каких и не видели в мире.

Были вина и хмельны и сладки,
Их похваливал Бой-собутыльник.
Обильные пира остатки
Скрывает теперь чернобыльник.

День и ночь продолжался праздник,
Вкруг, от браги багряной, всё смокло...
Только кто я; из гостей, безобразник,
Перебил в дальних окнах стекла?

Кто, шутник неуместно грубый,
Подпалил под конец чертоги?
И теперь торчат только трубы
Обгорелые, – вдоль дороги.

4 декабря 1914 Ноябрь 1914

Брезиньы-Варшава-Лович

На память об одном закате

А. М. Федорову

Был день войны, но час предсмертный дня.
Ноябрьский воздух нежил, как в апреле.
Вкруг озими прозрачно зеленели,
Пылало солнце, небосклон пьяня.

Нас мотор мчал – куда-то иль без цели...
Бесцельность тайно нежила меня.
И ты, как я, заморожен был. Пели
Нам голоса закатного огня.

Забылось все: шум битв и вопль страданий...
Вдвоем, во храме мировых пыланий,
Слагали мы гимн красоте земной...

Нас мотор мчал – без цели иль куда-то...
О, помню, помню – дивный сон заката

Под грохот пушек, ровный и глухой.

13 декабря 1914

В окопе

В семье суровых ветеранов
Пью чай. Пальба едва слышна.
Вдали – под снегом спит Цеханов,
И даль в снегу погребена.

Сквозь серые туманы солнце
Неярко светит без лучей.
Тиха беседа о японце,
И равномерен звук речей.

Незримо судьбы всей Европы
С судьбой уральцев сплетены, —
Но нынче в снежные окопы
Доходит смутно гул войны.

Мир крикнул этим бородатым
Сибирякам: «Брат, выручай!»
И странно с сумрачным солдатом
Пить на досуге мутный чай.

Неизмеримым бредят грезы,
Крушеньем царств и благом всех...

А здесь – рассказы про шимозы
Сменяет беззаботный смех.

24 декабря 1914

Цеханов

Казачье становье

Отбрасывая версты, стучит автомобиль,
Крутится даль за далью и сзади вьется пыль.

Селенье, нивы, поле, костел, окоп, река...
Казачье становье на склоне у леска.

Табун свободных коней, походных кухонь дым;
Заполнен луг движеньем запутанно-цветным;

Толпа котлы обстала; смех, говор, песня, крик...
Как просверкали ярко верхи железных пик!

Еще в глазах – мундиры и шапки набекрень,
А падает сурово от строгих сосен тень.

Лесной дорогой мотор, стуча, летит вперед...
Чу! слышен с поворота трещащий пулемет!

9 июля 1915

Деревенские рифмы

Опять—развесистые липы
И склады бревен за избой;
Телеги, вдоль дороги, скрипы,
Окно с затейливой резьбой;

Вдали – излучки малой речки,
И главы дальнего села;
•А близко – девка на крылечке
Статна, румяна, весела.

Нырнул, поднявши хвост, утенок,
А утка с важностью плывет.
Как изумителен, как тонок
Прозрачных тучек хоровод!

Здесь мир и век забыть возможно...
Но чу! порой сквозь шум лесов
Со станции гудит тревожно
Гул санитарных поездов.

10 июня 1915

Бурково

Каждый день

Каждый день поминайте молитвой умильной
Тех, кто молится нынче на ратных полях,
Там, где Смерть веселится поживой обильной,
Блуждая с косою в руках;

Где рассвет, проступая, скользит меж развалин,
Эхо вторит раскатам мортир без числа;
Где блуждающий ветер, угрюм и печален,
Ласкает в траве тела;

Где валы, баррикады, окопы, редуты
Перерезали ниву, прорезали лес;
Где германский пропеллер считает минуты,
Грозя с голубых небес;

И где фейерверк ночью, безмерен, невидан,
Одевает просторы в стоцветный наряд, —
На полях, где лежит, беспощадно раскидан,
Стальной и свинцовый град!

Долю ратников вашим уютом измерьте,
Вашей негой домашней, при свете, в тепле...
Поминайте в салонах, в театре, в концерте, —
Кто ныне в снегах и мгле!

Поминайте ушедших молитвой умильной,
Всех, кто должен молиться на ратных полях,
Там, где Смерть веселится поживой обильной,
С тяжелой косою в руках!

Август 1915

Москва

Там, на западе

Там, на Западе, брезжит мерцание...

Ф. Тютчев

Западный фронт

От Альп неподвижных до Па-де-Кале
Как будто дорога бежит по земле;
Протянута лентой бесцветной и плоской,
Прорезала Францию узкой полоской.
Все мертво на ней: ни двора, ни куста;
Местами – два-три деревянных креста,
Местами – развалины прежних строений,
Да трупы, да трупы, – тела без движений!

От Альп неподвижных до Па-де-Кале
Как будто дорога бежит по земле;
И справа и слева, – на мили, на мили, —

Валы и окопы ее обтеснили.
С них рушатся гулко, и ночью и днем,
Удары орудий, как сумрачный гром,
И мерно сверкают под эти раскаты
То белые вспышки, то свет розоватый.

От Альп неподвижных до Па-де-Кале
Как будто дорога бежит по земле;
Прошла, разделила две вражеских рати
И стала дорогой вражды и проклятий.
Сменяются дни; но, настойчиво, вновь
Здесь блещут штыки, разливается кровь,
И слушают люди, сгрудясь в миллионы,
Лязг сабель, свист пуль и предсмертные стоны.

30 ноября 1914
Варшава

Фламандцам

Народ Верхарна! не напрасно вещий
Тебя прославил: жив твой мощный дух!
Он молнией в дыму сражений блещет,
Он в громе пушек нам вещает вслух!

И, кажется, опять восстал Карл Смелый
Иль Бодуэн Железная Рука.
Бой храбрецов с врагом остервенелым

Следят, дивясь величию, века.

Нам не забыть, как ты в любимом Льеже
Свою свободу гордо ограждал.
Твои сыны, как в славном прошлом, – те же:
Поэт дал клятвы, ты их оправдал.

Не пушки, не оружие стальное
Нас делают отважней и сильней:
Любовь к отчизне создает героев
С дней Марафона вплоть до наших дней.

7 августа 1914

Тевтону

Ты переполнил чашу меры,
Тевтон, – иль как назвать тебя!
Соборов древние химеры
Отметят, губителя губя.

Подъявший длань на храмы-чудо,
Громивший с неба Notre-Dame,
Знай: в Реймсе каменная груда
Безмолвно вопиет к векам!

И этот вопль призывный слышат
Те чудища, что ряд веков,

Над Сеной уместившись, дышат
Мечтой своих святых творцов.

Недаром зодчий богомольный
На высоту собора взнес,
Как крик над суетой юдольной,
Толпу своих кошмарных грез.

Они – защитницы святыни,
Они – отмстительницы зла,
И гневу их тебя отныне
Твоя гордыня обрекла.

Их лик тебе в дыму предстанет,
Их коготь грудь твою пробьет,
Тебя смутит и отуманит
Их крыльев демонский разлет;

И суд, что не исполнят люди,
Докончат сонмы скрытых сил
Над тем, кто жерлами орудий
Святыне творчества грозил.

Сентябрь 1914
Варшава

Синий

В жизни человеческой

*В жизни человеческой, в важные мгновенья,
Облики незримые вдруг обозначаются,
В обаянии подвига, в злобе преступления...*
К. Случевский

Синема моего окна

Мир шумящий, как далек он,
Как мне чужд он! но сама
Жизнь проводит мимо окон,
Словно фильмы синема.

Проплывут, звеня, трамваи,
Прошумит, пыля, авто;
Люди, люди, словно стаи
Птиц, где каждая – никто!

Франт манерный за поддевкой,
То картуз, то котелок,
И пред девичьей головкой
Стал замедленный полнок.

Плечи, шляпки, взгляды, груди,
За стеклом немая речь...
Птичья стая, – люди, люди!—
Как мне сердце уберечь?

Я укрываюсь в одиночество,
Я ухожу в пределы книг,
Чтоб безысходные пророчества
Затмили проходящий миг.

Но – горе! – шумы современности
Врываются в святую тьму!
И нет тюрьмы – моей надменности,
Нет кельи – моему уму!

Сегодня, визитер непрошенный,
Ломает запертую дверь...
Ах, убежать на луг некошенный
Дремать в норе, как дремлет зверь!

Напрасно! жизнь влачит последовательно,
Как змей, извилистые кольца,
И смотрят на меня выведывательно
Виденья дня, как богомольцы.

Портрет

Привык он рано презирать святыни
И вдаль упрямо шел путем своим.
В вине, и в буйной страсти, и в морфине
Искал услад, и вышел невредим.

Знал преклоненья; женщины в восторге
Склонялись целовать его стопы.
Как змеерушащий святой Георгий,
Он слышал яростный привет толпы.

И, проходя, как некий странник в мире,
Доволен блеском дня и тишью тьмы,
Не для других слагал он на псалтири,
Как царь Давид, певучие псалмы.

Он был везде: в концерте, и в театре,
И в синема, где заблестел экран;
Он жизнь бросал лукавой Клеопатре,
Но не сломил его Октавиан.

Вы пировали с ним, как друг, быть может?
С ним, как любовница, делили дрожь?
Нет, одиноко был им искус прожит,
Его признанья, – кроме песен, – ложь.

С недоумением, детским и счастливым,
С лукавством старческим – он пред собой
Глядит вперед. Простым и прихотливым
Он может быть, но должен быть – собой!

1912

Женский портрет

Что я могу припомнить? Ясность глаз
И детский облик, ласково-понурий,
Когда сидит она, в вечерний час,
За ворохом шуршащей корректуры.

Есть что-то строгое в ее глазах,
Что никогда расспросов не позволит.
Но, может быть, суровость эта – страх,
Что кто-нибудь к признаньям приневолит.

Она смеяться может, как дитя,
Но тотчас поглядит лицом беглянки,
Застигнутой погоней; миг спусти
Она опять бесстрастно правит гранки.

И, что-то важное, святое скрыв
На самом дне души, как некий идол,
Она – как лань пуглива, чтоб порыв
Случайный – тайны дорогой не выдал.

И вот сегодня – ясность этих глаз
Мне помнится; да маленькой фигуры
Мне виден образ; да, в вечерний час,
Мне слышен ровный шелест корректуры...

1913

Завещание

Я жизнь прожила безотрадно, бесцельно,
И вот, как похмелье от буйного пира,
Осталась мне горечь тоски беспредельной
И смутная ненависть к радостям мира.

Как всем, мне весна, в ликовании ярком,
Лучами сверкала, дышала сиренью,
И жизнь мне казалась приветливым парком,
Где тайно беседки зовут к наслажденью.

Но ранняя буря промчалась над садом,
Сломала сирени и завязи яблонь,
Наплакалась ливнем, натешилась градом,
Цветник мой был смыт, и был сад мой разграблен.

И после настало желанное лето,
И хмурая осень, и холод под снегом...
И не было в сердце на зовы ответа,

И не было силы довериться негам.

Другим расцветут, с новым маем, фиалки,
Другие поплачут у выжженной нивы...

Мы – нищи, мы – робки, мы – стары, мы – жалки.
Кто мертвый, будь мертвым! живите, кто живы!

1913

На церковной крыше

На церковной крыше,
У самого золотого креста
(Уже восхода полоски наметились),
Как две летучих мыши,
Две ведьмы встретились:
Одна – стара и толста,
Другая – худа и моложе
(Лицо с кошачьей мордочкой схоже),
И шептались, ветра весеннего тише.

– Сестра, где была? —

Старуха захохотала.

– Тра-ла-ла!

Всю ночь наблюдала:

Юноша собирался повеситься!

Все шагал, писал и смотрел

На серп полумесяца,

Лицом – как мел.
Любовь, как видно, замучила.
Ждать мне наскучило,
И я, против правил,
Подказала ему: «удавись!»
Он в петлю голову вставил
И повис.

Худая в ответ улыбнулась.
– И мне досталось!
В грязных номерах натолкнулась,
Как девушка старику продавалась.
Старичонка – дряхлый и гадкий,
Горб, как у верблюда,
А у нее глаза – как загадки,
И плечи – как чудо.
Как был он противен, сестра,
А она молчала!
Я до утра,
Сидя в углу, наблюдала.

Так, у золотого креста,
На церковной крыше,
Как две летучих мыши,
Шептались две ведьмы.
И та, что была и стара и толста,
Прибавила:
– Хоть это и против правила,
Но будем по утрам встречаться и впредь мы!

1914

Простенькая песня

Ты, в тени прозрачной
Светлого платана,
Девочкой играла
Утром рано-рано.

Дед твердил с улыбкой,
Ласков, сед и важен,
Что далеким предком
Был платан посажен.

Ты, в тени прозрачной
Светлого платана,
Девушкой скрывалась
В первый час тумана.

Целовалась сладко
В тихом лунном свете,
Так, как целовались
Люди ряд столетий.

Ты, в тени прозрачной
Светлого платана,
Женщиной рыдала

Под напев фонтана.

Горестно рыдала
О минутной сказке
Опалившей страсти,
Обманувшей ласки.

Ты, в тени прозрачной
Светлого платана,
В старость вспоминала
Жизнь, как мир обмана,

Вспоминала, с грустной
Тишиной во взоре,
Призрачное счастье,
Медленное горе.

И, в тени прозрачной
Светлого платана,
Так же сладко дремлет
Прежняя поляна.

Ты же на кладбище,
Под плакучей ивой,
Спишь, предавшись грезе,
Может быть, счастливой.

Она

Она любила строй беспечный
Мечтаний, уводящих вдаль,
Цветы, снежинки, пояс млечный
И беспричинную печаль.

Она любила, ночью зимней,
Невестой медлить у окна,
В своих стихах, как в тихом гимне,
Твердя безвольно: я – одна!

Она ждала, ждала кого-то,
Кто, смел, безумен и красив,
Всю жизнь отдаст ей без отчета,
Всю жизнь сольет в один порыв.

Но Рок был странно беспощаден,
Не обманул и не свершил.
Тот не был жарок, не был хладен,
Он и любил и не любил.

Его не-пламенные ласки,
Его обдуманная речь,
Его лицо – как образ маски —
Могли овеять, но не сжечь.

Стремясь в мятежную безбрежность
Она искала крыльев, но
Он приносил ей только нежность...
И было все предрешено!

.....
.....
.....
.....

1913

На шумных улицах

*О, эти встречи мимолетные
На шумных улицах столиц...
«Венок»*

Электрические светы

Мы – электрические светы
Над шумной уличной толпой;
Ей – наши рдяные приветы
И ей – наш ответ голубой!

Качаясь на стеблях высоких,
Горя в преддверьях синема,
И искрясь из витрин глубоких,

Мы – дрожь, мы – блеск, мы – жизнь
сама!

Что было красочным и пестрым,
Меняя властным волшебством,
Мы делаем бесцветно-острым,
Живей и призрачней, чем днем.

И женщин, с ртом, как рана, алым,
И юношей, с тоской в зрачках,
Мы озаряем небывалым
Венцом, что обольщает в снах.

Даем соблазн любви продажной,
Случайным встречам – тайный смысл;
Угрюмый дом многоэтажный
Мы превращаем в символ числ.

Из быстрых уличных мельканий
Лишь мы поэзию творим,
И с нами – каждый на экране,
И, на экране кто, – мы с ним!

Залив сияньем современность,
Ее впитали мы в себя,
Всю ложь, всю мишуру, всю брэнность
Преобразили мы, любя, —

Мы – электрические светы

Над шумной уличной толпой,
Мы – современные поэты,
Векам зажженные Судьбой!

1913

Вечером

Дрожащей проволоки альта
Звенит так нежно;
Заполнен сумрачный асфальт
Толпой мятежной.

Свистки авто и трамов звон
Поют так нежно;
Вечерний город полонен
Толпой мятежной.

Свет электрических шаров
Дрожит так нежно;
Ты слышишь ли немолчный зов
Толпы мятежной?

Вот девушки случайный взор
Блеснул так нежно;
О, кто его так быстро стер
Толпой мятежной?

Тень синеватая легла
Вокруг так нежно,
И проститутки без числа
В толпе мятежной.

25 мая 1914

На полетах

Пропеллеры, треща, стрекочут:
То клеткы бензинных птиц
О будущем земли пророчат.
Но сколько нежных женских лиц!
Иглой заостренные шляпы,
Зелено-белые манто, —
И как-то милы даже всхрапы
На круг въезжающих авто.

В живой толпе кафешантанной
Я уловил случайно вновь
Давно знакомый взгляд... Как странно!
Твой взгляд, бессмертная любовь!
И, пестрой суеты свидетель,
Я веру в тайну берегу,
Не видя в сини «мертвых петель», —
Воздушных вымыслов Пегу.

Май 1914

У канала

В угрюмом сумраке ночей безлунных
Люблю я зыбкость полусонных вод.
Приникнув к жесткости оград чугунных,
Люблю следить волны унылый ход.

Свет фонарей, раздробленный движеньем,
Дрожит в воде семьей недлинных змей,
А баржи спят над зыбким отраженьем
Глубоким сном измученных зверей.

Так близко Невский, – возгласы трамваев,
Гудки авто, гул тысяч голосов...
А серый снег, за теплый день растаяв,
Плывет, крутясь, вдоль темных берегов.

Так странно: там – кафе, улыбки, лица...
Здесь – тишь, вода и отраженный свет.
Все вобрала в водоворот столица,
На все вопросы принесла ответ.

И если жизнью, слишком многострунной,
Измучен ты, – приди ко мне, сюда,
Перешагни чрез парапет чугунный,
И даст тебе забвение вода.

1 ноября 1912
Петербург

Панихида

Тоненькие свечечки,
Робкие, мерцают.
Голосочки детские
Басу отвечают.
Слышно над склоненною толпой:
«Со святыми упокой».

Хорошо под лентами,
Мирно под цветами!
Песни умиленные
Сложены не нами.
Обещает мир напев святой:
«Со святыми упокой».

Выйдешь в ночь холодную:
Светы и трамваи...
Сладостно задуматься
О блаженном рае.
Боже! – утомленных суетой
Со святыми упокой!

3 ноября 1912

Детский блеск очей

Я вижу детский блеск очей.

А. Фет

Девочка с куклой

- Что же ты сделала, девочка милая,
С фарфоровой куклой своей?
- Когда было скучно, ее колотила я,
И вот – теперь трещина в ней.

- Глаза открывала и закрывала она,
Папа-мама могла говорить.
- А теперь совсем безмолвною стала она,
Не знаю, как с ней мне и быть.

- Чего же ты хочешь, девочка нежная?
Куклу целуешь зачем?
- Хочу, чтоб была она снова, как прежняя,
Такой, как прежде, совсем.

- Девочка милая, сама ты разбила ее.
Теперь куклы прежней – нет...
- Боже мой! Боже мой! так я любила ее!

Без нее не мил мне весь свет!

1912

Девочка и ангел

Маленькая девочка плакала вчера:
«Почему туманами полны вечера?
Почему не каждый день солнце – как алмаз?
Почему не ангелы утешают нас?»

Маленькая девочка вечером, в тени,
Плакала, и ангел ей прошептал: «Усни!
Как алмаз, засветится солнце поутру,
И с тобой затею я под вечер игру!»

Маленькая девочка улеглась в постель...
За окном шептала ей сумрачная ель:
«Нет, не верь ты ангелу! Он тебе солгал:
Поутру луч солнечный будет – как кинжал!»

4 мая 1912

Девочка с цветами

Собирай свои цветочки,
Заплетай свои веночки,

Развлекайся как-нибудь,
По лугу беспечно бегай!
Ах, пока весенней негой
Не томилась тайно грудь!

У тебя, как вишня, глазки,
Косы русые – как в сказке;
Из-под кружев панталон
Выступают ножки стройно...
Ах! пока их беспокоило
Не томил недетский сон!

Увидав пятно на юбке,
Ты надула мило губки,
Снова мило их надуй!
Эти губки слишком красны:
Ах! пока угрюмо-страстный
Не сжимал их поцелуй!

1913

Вербная суббота

С вербочками девочки,
Девочки со свечечками,
Вышедши из церковки,
Кроют куцавеечками
(Ветер, ты не тронь!)

Слабенький огонь.

Улица оснежена,
Спит высь затуманенная...
Чу! толпа мятежная
Воет, словно раненая,
Там, где осиян
Светом ресторан.

И бредут под блеснами
Злыми, электрическими,
С свечками и ветками
Тени идиллические.
Трепетен и тих
Свет на лицах их.

17 марта 1912

Квартет

Четыре девочки по четырнадцать лет
На песчаной площадке играют в крокет.
Молоточек поставят между ног, и – стук!
Шар чужой далеко отлетает вдруг.

А солнце, лучи посылая вкось,
Белые платица пронзает насквозь,
Чтобы каждый мечтатель видеть мог

Детские формы худощавых ног.

Девочки смеются, – что щебет птиц! —
И черны узоры длинных ресниц,
Но пятна волос еще черней
В слепительном блеске закатных огней.

16 июня 1915

Две головки

Красная и синяя —
Девочки в траве,
Кустики полыни
Им по голове.

Рвут цветочки разные,
Бабочек следят...
Как букашки – праздны,
Как цветки на взгляд.

Эта – лёнокудрая,
С темной скобкой —та...
Вкруг природы мудрой
Радость разлита.

Вот, нарвав букетики,
Спорят: «Я да ты...»

Цветики – как дети,
Дети – как цветы.

Нет нигде уныния,
Луг мечтает вслух...
Красный блик, блик синий, —
Шелк головок двух!

15 июля 1915

Буркова

Голубой

В старинном замке

В старинном замке Джен Вальмор

Чуть ночь – звучат баллады.

К. Бальмонт

Баллада ночи

Ах, где-то лотос нежно спит,
Ах, где-то с небом слиты горы.
И ярко небосвод горит, —
Предвечной мудрости узоры!
Там негой объяты просторы,
Там страстью дышит темнота,
А люди клонят, словно воры,
К устам возлюбленным уста!

Быть может, в эту ночь, – Харит
Вновь ожили былые хоры,
Вновь Арес уронил свой щит,
Вновь Тасс у ног Элеоноры,
И мудрый Соломон, который
Изрек: «все в мире суета»,

Вновь клонит, позабыв укоры,
К устам возлюбленным уста.

Дитя! уснуть нам было б стыд,
Пойдем к окну, откроем стору:
Стекло, железо и гранит,
Тишь улиц, спящие соборы...
Пусть вспыхнут в небе метеоры!
Пусть к счастью вскроются врата!
Пусть склонятся, безумно-скоры,
К устам возлюбленным уста!

Бегут, бегут поспешно Оры...
В моей душе – одна мечта:
Склонить к любимым взорам взоры,
К устам возлюбленным уста!

1913

Баллада о любви и смерти

Когда торжественный Закат
Царит на дальнем небосклоне
И духи пламени хранят
Воссевшего на алом троне, —
Вещает он, воздев ладони,
Смотря, как с неба льется кровь,
Что сказано в земном законе:

Любовь и Смерть, Смерть и Любовь!

И призраков проходит ряд,
В простых одеждах и в короне:
Ромео, много лет назад
Пронзивший грудь клинком в Вероне;
Надменный триумвир Антоний,
В час скорби меч подъявший вновь;
Пирам и Паоло... В их стоне —
Любовь и Смерть, Смерть и Любовь!

И я баюкать сердце рад
Той музыкой святых гармоний.
Нет, от любви не охранят
Твердыни и от смерти – брони.
На утре жизни и на склоне
Ее к томленью дух готов.
Что день, – безжалостней, мудреней
Любовь и Смерть, Смерть и Любовь!

Ты слышишь, друг, в вечернем звоне:
«Своей судьбе не прекословь!»
Нам свищет соловей на клене:
«Любовь и Смерть, Смерть и Любовь!»

Баллада воспоминаний

На склоне лет, когда в огне
Уже горит закат кровавый,
Вновь предо мной, как в тихом сне,
Проходят детские забавы.

Но чужды давние отравы
Душе, вкусившей темноты.
Лишь вы, как прежде, величавы,
Любви заветные мечты!

Я помню: в ранней тишине
Я славил жгучий полдень Явы,
Сон пышных лилий на волне,
Стволы, к которым льнут удавы,

Глазам неведомые травы,
Нам неизвестные цветы...
Всё смыли, как потоком лавы,
Любви заветные мечты!

Я помню: веря злой весне,
Ловил я зыбкий призрак славы;
Казалось так желанно мне —
Грань преступать, ломать уставы.

Но понял я: все цепи – ржавы,
Во всем – обманы суеты:
И вы одни в сем мире правы,
Любви заветные мечты!

Сын Венеры, Амор лукавый,
Храни меня отныне ты,
Встают, как из-за леса главы,
Любви заветные мечты.

1913

За картами

Опять истомой дышит март,
А запад вкрадчиво-малинов...
Сижу одна, узоры карт
В гаданьи вдумчивом раскинув.
Молчат дома, во мгле застынув,
Затихли гулы беготни,
И мнятся дальних звезд огни
Глазами падших властелинов.

Придешь ли вновь, мой юный бард,
Ко мне – с букетиком жасминов,
Стремительный, как горный нард,
Пленительные брови сдвинув?
К устам прижмешь ли кровь рубинов?

Шепнешь ли сладко: «Мы – одни!»
Глядя, как в те, иные дни,
Глазами падших властелинов?

В века Гекат, в века Астарт
Я призвала б чету дельфинов!
Произнесла б, возжегши нард,
Священный заговор Юстинов!
Быть может, рыбе сердце вынув,
Шептала б: «Друга примани!..»
И духи глянули б в тени
Глазами падших властелинов!

Ах! знал когда-то Бонапарт
Путь в скромный угол Жозефинов!
Горите ж, огоньки мансард,
Глазами падших властелинов!

1913

Секстина

*Все кончено! я понял безнадежность
Меня издавна мучившей мечты...
«Все напевы»*

Я безнадежность воспевал когда-то,
Мечту любви я пел в последний раз.

Опять душа мучительством объята,
В душе опять свет радости погас.
Что славить мне в предчувствии заката,
В вечеровой, предвозвещенный час?

Ложится тень в предвозвещенный час;
Кровь льется по наклонам, где когда-то
Лазурь сияла. В зареве заката
Мятежная душа, как столько раз,
Горит огнем, который не погас
Под пеплом лет, и трепетом объята.

Пусть тенью синей вся земля объята,
Пусть близок мглы непобедимый час,
Но в сердце свет священный не погас:
Он так же ярко светит, как когда-то,
Когда я, робкий мальчик, в первый раз,
Склонил уста к устам, в лучах заката.

Священны чары рдяного заката,
Священна даль, что пламенем объята.
Я вам молился много, много раз,
Но лишь опять приходит жданный час,
Молюсь я на коленях, как когда-то,
Чтоб нынче луч в миг счастья погас!

Безвестная Царица! Не погас
В душе огонь священный. В час заката
Душа старинным пламенем объята,

Твержу молитву, что сложил когда-то:
«Приди ко мне, хоть и в предсмертный час,
Дай видеть лик твой, хоть единый раз!»

Любви я сердце отдавал не раз,
Но знал, что Ты – в грядущем, и не гас
В душе огонь надежды ни на час.
Теперь, в пылани моего заката,
Когда окрестность сумраком объята,
Всё жду Твоей улыбки, как когда-то!

1914

В маске

Я лицо укрыв бы в маске...
Ф. Сологуб

Образы времен

Когда святых наук начала
Я постигал во храме Фта,
Меня, я помню, искушала
Твоя земная красота.
Но, согрешив, я с ложа прынул
И богу бездн огни возжег.
Твой облик в дым кадильный канул,

И я тебя вернуть не мог.

Не ты ли перси, как алмазы,
Бросала щедро мне на грудь?
Но финикиец одноглазый
На Рим повел надменный путь.
В смятении я твой дом оставил,
Молчал на все мольбы в ответ...
И дал врагу Эмилий Павел
В добычу также мой браслет!

Я, в золотой Антиохии,
Забыв, меж рыцарей других,
К святой земле пути святые,
Был счастлив вздохом уст твоих!
Но протрубил призыв военный,
Я поднял меч, я поднял щит,
И был мне чужд твой взор надменный,
Когда нас в бой стремил Годфрид!
И в дни, когда в провал кровавый

Свободы призрак толпы вел,
Ты мне сказала: «Все не правы,
Иди за мной, как прежде шел!»
Но зов борьбы, как рев пучины,
Покрывл призывные слова...
И, помню, с плахи гильотины
Моя скатилась голова.

Не кончен древний поединок,
Он длится в образах времен.
Я – воин, я – поэт, я – инок,
Еще тобой не побежден.
В глухом лесу, в огнях театра,
В случайных встречах, жду тебя:
Явись, предстань, как Клеопатра,
Чтоб вновь Антоний пал, любя!

Ноябрь 1907. 1912. 1914

Мумия

Я – мумия, мертвая мумия.
Покровами плотными сдавленный,
Столетия я сплю бестревожно,
Не мучим ни злом, ни усладой,
Под маской на тайне лица.

И, в сладком томленьи раздумия,
В покой мой, другими оставленный,
Порой, словно тень, осторожно
Приходит, с прозрачной лампадой,
Любимая внучка жреца.

В сверкании лала и золота,
Одета святыми уборами,
Она склоняется гибко,

Целует недвижимую маску
И шепчет заклатья любви:

«Ты, спящий в гробнице расколотой!
Проснись под упорными взорами,
Привстань под усталой улыбкой,
Ответь на безгрешную ласку,
Для счастья, для мук оживи!»

Стуча ожерельями, кольцами,
Склоняется, вся обессилена,
И просит, и молит чего-то,
И плачет, и плачет, и плачет
Над свитком покровов моих...

Но как, окружен богомольцами,
Безмолвен бог, с обликом филина,
Я скован всесильной дремотой.
Умершим что скажет, что значит
Призыв непрозревших живых!

1913

Иксион и Зевс

Иксион

О Зевс! где гром твой? до земли он
Не достигнул! где молнии все?

Пусть распинаем я, Иксион,
На беспощадном колесе!
Пусть Тартара пространства серы,
Пусть муки вечны впереди, —
Я груди волоокой Геры,
Дрожа, прижал к своей груди!

Зевс

Смертный безумец! не Геру ласкал ты!
Зевса забыл ты безмерную власть.
Призрак обманный в объятьях держал ты;
Я обманул ненасытную страсть!
Гера со мною, чиста, неизменна,
Здесь, на Олимпе, меж вечных богинь.
Смертный, посмевающий мечтать дерзновенно,
Вечно страдай, все надежды покинь!

Иксион

О Зевс! я радостную Геру
Привел к себе, в ночную тишь.
Чем эту пламенную веру
В моей душе ты заглушишь?
Так! сделай казнь страшней, огромней,
Я счастлив роковой судьбой!
А ты, богов властитель, помни,
Что я смеялся над тобой!

Филлида

Я помню: мой корабль разбитый
Стал у Фракийских берегов.
О, кто ж явился мне защитой
В чужой стране, среди врагов?

Ты, Родопейская Филлида,
Царевна, косы чьи – как смоль!
Ты облегчила все обиды,
Всю сердца сумрачного боль!

И я, в опочивальне темной,
Испил все радости любви,
Припав, в безвольности нескромной,
На груди полные твои!

И что ж! На родине крещеньем
Мне встали козни, войны, понт, —
И годы медлил возвращеньем
К тебе неверный Демофонт!

Я верил: ты меня дождешься,
Моя далекая жена!
И снова в грудь мою вопьешься
Зубами, в неге полусна.

И вот опять на берег дальний
Я прибыл: но тебя здесь нет,
И только тихий куст миндальный
Твердит про счастье прошлых лет.

О! я вопьюсь в него зубами,
Приникну к золотой коре,
И, знаю, свежими листьями
Он обновится на заре!

Его я выпью кровь и соки,
Так, как любовник пьет любовь!
Как друг от друга мы далеки,
Как близки мы, Филлида, вновь!

1913

В разрушенном Мемфисе

Как царственно в разрушенном Мемфисе,
Когда луна, тысячелетий глаз,
Глядит печально из померкшей выси
На город, на развалины, на нас.

Ленивый Нил плывет, как воды Стикса;
Громады стен проломленных хранят
Следы кирпичи неистового гикса;

Строг уцелевших обелисков ряд.

Я – скромный гость из молодой Эллады,
И, в тихий час таинственных планет,
Обломки громкого былого рады
Шепнуть пришельцу горестный привет:

«Ты, странник из земли, любимой небом,
Сын племени, идущего к лучам, —
Пусть ты клянешься Тотом или Фебом,
Внимай, внимай, о чужестранец, нам!

Мы были горды, высились высоко,
И сердцем мира были мы в веках, —
Но час настал, и вот, под бурей Рока,
Погнулись мы и полегли во прах.

В твоей стране такие же колонны,
Как стебли, капителью расцветут,
Падет пред ними путник удивленный,
Их чудом света люди назовут.

Но и твои поникнут в прах твердыни,
Чтоб после путники иной страны,
Останки храмов видя средь пустыни,
Дивились им, величьем смущены.

Быть может, в землях их восстанут тоже
Дворцы царей и капища богов, —

Но будут некогда и те похожи
На мой скелет, простертый меж песков.

Поочередно скиптр вселенской славы
Град граду уступает. Не гордись,
Пришелец. В мире все на время правы,
Но вечно прав лишь тот, кто держит высь!»

Торжествен голос царственных развалин,
Но, словно Стикс, струится черный Нил.
И диск луны, прекрасен и печален,
Свой вечный путь вершит над сном могил.

1913

СНЫ

В замке пышном и старинном, где пустынный круг
покоев

Освящен и облелеян грустной тайной тишины,
Дни следя, как свиток длинный, жажду жизни успокоив,
Я всегда мечтой оваян, я храню любовно сны.

Сны приходят в пестрой смене, ряд видений нежит душу,
Но одна мечта меж ними мне дороже всех других.
Ради милых умилений давней клятвы не нарушу,
Утаю святое имя, не включу в певучий стих!

Словно девушка стыдлива, шаловлива, как ребенок,
И как женщина желанна, предо мной встает она:
Губы сжаты так тоскливо, стан изогнутый так тонок,
И глаза глядят так странно – из глубин неясных сна!

В замке пышном и старинном, мы, в пустынной старой
зале,
Руки медленно сплетаем, там, где дремлют зеркала,
Соблазнительно-невинно, в дрожи счастья и печали,
Клятвы страсти повторяем, и от них бледнеет мгла.

Теплых уст прикосновенья, приближенья рук палящих,
И биенье близко, рядом, сердца в трепетной груди...
Но потом, как дуновенье, словно листьев шелестящих,
С ветром, шепоты над садом, – тихий голос: «Уходи!»

Зову тайному покорна, из упорных рук без слова
Ускользя, на прощанье из стекла бросает взгляд...
Но уже над бездной черной рой видений вьется снова:
Форм бесстыдных очертанья, очи, губы, хаос, ад...

В замке пышном и старинном, где пустынно дремлют
тени,
Как в безмолвии могилы, я живу в беззвучной мгле,
Сны слежу, как свиток длинный, чтоб среди иных
видений
Увидать, как облик милый улыбнется мне в стекле!

8 мая 1912

На песке

На песке, пред дверью бестиария,
На потеху яростных людей,
Быть простертым в сетке сполиария,
Слыша дикий вопль толпы: «Добей!»

Если взор не застлан тьмой кровавою,
Рассмотреть над сводом в вышине
Кесаря, что горд всемирной славой,
И весталок в белом полотне;

Круг красавиц, с пышными криналями,
Юношей, с веселием в очах,
Феба лик, сияющий над далями,
В чистых недоступных небесах;

Вспомнить все, что может сладко-бурного
Встретиться бесправному рабу:
Бред беспечный праздника Сатурнова,
Ласки потаенной ворожбу;

И, поняв, что в мире нет желаннее
Ничего, чем эта жизнь людей, —
Чуть шепнуть покорное прощание
Под гудящий вопль толпы: «Добей!»

1913

В ваших чертогах

В ваших чертогах мой дух окрылился.
А. Фет

«Вот вновь мои мечты ведут знакомый танец...» 1812-1912

Вот вновь мои мечты ведут знакомый танец,
Знакомых образов рой реет вдалеке.
Ты снова предо мной, надменный корсиканец,
Вновь – в треуголке, вновь – в походном сюртуке.

Любовник ранних дум, герой мечтаний детства!
Твой гений яростный, как Демона, я чтил,
И грезам зрелых лет достался он в наследство...
Нет, я, Наполеон, тебя не разлюбил!

Мы все – игрушки сил, незримых, но могучих,
Марионетки – мы, и Рок играет в нас.
Но миру ты предстал, как зарево на тучах,
И до последних дней, блистая, не погас!

И вновь ты предо мной, великий, как бывало,
Как в грозный день, когда над Неманом стоял,
И рать бесчисленная грудь родины топтала,
И злость Европы ты орлами окрылял.

Умел согласовать с Судьбой ты жест и слово!
Актер великий! что Нерон перед тобой!
Ты в каждом действии являлся в маске новой,
Владея до конца восторженной толпой.

Вождь малой армии, ты дерзок при Арколе;
Король всех королей, в Берлине лестью пьян;
И, как герой, велик в своей жестокой доле,
«Где сторожил тебя великий океан!»

Вершитель давних распрь, посланник Провиденья,
Ты ветхое стирал с Европы, новый мир
Являя пред людьми, – и будут поколенья
Восторженно взирать на бронзовый кумир.

Александрийский столп! склонись перед колонной
Вандомской! пусть ее свергали, но она
Опять возносится главою непреклонной,
И не свалить ее ветрам Бородина!

Не стыдно пасть в борьбе, как древнему герою,
Как пали некогда Титаны и Эдип.
И ты, внимая волн безжалостному вою,
Мог смело говорить: «Мой подвиг не погиб!»

Тиран в кругу льстецов! губитель сил народа!
Ненасытимый вождь! вместилище войны!
Тобою создана в пяти странах свобода,
И цепи ржавые тобой сокрушены!

Будь славен! И Тильзит, и «солнце Аустерлица»
Не страшны в прошлом нам. Они прошли, как сон.
Из пепла выросла сожженная столица,
И, русские, тебя мы чтим. Наполеон!

За все: за гений твой, за дерзость, за надменность,
За красоту твоей слепительной судьбы,
За то, что ты познал земных величий бренность,
За то, что показал, как жалки все рабы.

Ты был примером нам, и за тобой, упорны,
Должны стремиться мы! Пусть нас ведут орлы
К Фридланду, на Ваграм, – а там пусть жребий черный
Повергнет нас во прах, на знойный край скалы!

Июль 1912

Гарибальди

Что сделал ты, кем был, не это важно!
Но ты при жизни стал священным мифом,
В народной памяти звенишь струной протяжной,

Горишь в веках святым иероглифом!

Что свято в слове роковом «свобода»,
Что в слове «родина» светло и свято,
Для итальянского народа
Всё в имени твоём объято.

Кто б ни был итальянец: ладзарони,
Купец, поэт, вельможа, иль убийца, —
Он склонится, как пред царем в короне,
Пред красным колпаком гарибальдийца.

Ты в сотнях изваяниях умножен,
В деревне, в городе, в открытом поле;
Стоишь, восторжен и тревожен,
Зовя сограждан к торжеству и к воле;

Но, пламенный трибун и вождь толпы упорный,
При всех паденьях не терявший веры!
Твой пьедестал нерукотворный —
Гранит Капреры!

10 декабря 1913

Певцу «Слова»

Стародавней Ярославне тихий ропот струн;
Лик твой скорбный, лик твой бледный, как и прежде, юн.

Раным-рано ты проходишь по градской стене,
Ты заклятье шепчешь солнцу, ветру и волне,
Полететь зегзицей хочешь в даль, к реке Каял,
Где без сил, в траве кровавой, милый задремал.
Ах, о муже-господине вся твоя тоска!
И, крутясь, уносит слезы в степи Днепр-река.
Стародавней Ярославне тихий ропот струн.
Лик твой древний, лик твой светлый, как и прежде, юн.
Иль певец безвестный, мудрый, тот, кто «Слово» спел,
Все мечты веков грядущих тайно подсмотрел?
Или русских женщин лики все в тебе слиты?
Ты – Наташа, ты – и Лиза, и Татьяна – ты!
На стене ты плачешь утром... Как светла тоска!
И, крутясь, уносит слезы песнь певца – в века!

1912

Петербург

Здесь снов не ваял Сансовино,
Не разводил садов Ле-Нотр.
Все, волей мощной и единой
Предначертал Великий Петр.

Остановив в болотной топи
Коня неистового скок,
Он повернул лицом к Европе
Русь, что смотрела на Восток;

Сковал седым гранитом реки,
Возвысил золоченый шпиль,
Чтоб в ясной мгле, как призрак некий,
Гласил он будущую быть.

Вдали – поля, поля России,
Усталый труд, глухая лень,
Всё те же нивы вековые
Всё тех же скудных деревень;

Вдали, как редкие цветенья,
Шумят несмело города,
В краях тоски и униженья,
Былого рабства и стыда.

Но Петроград огнями залит,
В нем пышный роскоши расцвет,
В нем мысль неутомимо жалит,
В нем тайной опьянен поэт,

В нем властен твой холодный гений,
Наш Кесарь-Август, наш Ликург!
И отзвуком твоих стремлений
Живет доньше Петербург!

Три кумира

В этом мутном городе туманов,
В этой, тусклой безрассветной мгле,
Где строенья, станом великанов,
Разместились тесно по земле, —

Попирая, в гордости победной,
Ярость змея, сжатого дугой,
По граниту скачет Всадник Медный,
С царственно протянутой рукой;

А другой, с торжественным обличем,
Строгое спокойствие храня,
Упоенный силой и величьем,
Правит скоком сдержанным коня;

Третий, на коне тяжелоступном,
В землю втиснувшем упор копыт,
В полусне, волненью недоступном,
Недвижимо, сжав узду, стоит.

Исступленно скачет Всадник Медный;
Непоспешно едет конь другой;
И сурово, с мощностью наследной,
Третий конник стынет над толпой, —

Три кумира в городе туманов,
Три владыки в безрассветной мгле,
Где строенья, станом великанов,
Разместились тесно по земле.

1 декабря 1913

«Бахус» Рубенса

Бахус жирный, Бахус пьяный
Сел на бочку отдохнуть.
За его плечом – багряный
Женский пеплум, чья-то грудь.

Бочка словно тихо едет,
Словно катится давно,
Но рукой привычной цедит
В чашу женщина вино.

Весел бог черноволосый,
Ждет вечерней темноты;
Кое-как льняные косы
У подруги завиты.

Скрыто небо черной тучей,
Мгла нисходит на поля...
После чаши – ласки жгучи,
И желанный одр – земля!

Но, забыв про грезы эти,
Опрокинув к горлу жбан,
Жадно влагу тянет третий...
Ах, старик, ты скоро – пьян.

Только девочке-малютке
Странно: что же медлит мать?
Только мальчик, ради шутки,
Рубашонку рад поднять.

Из пяти – блаженны двое;
Двум – блаженство знать потом;
Пятый ведал все земное,
Но блажен и он – вином.

1912

Фиолетовый

В душевной глубине

Есть мысли тайные в душевной глубине.
А. Майков

*Пускай в душевной глубине
И всходят и зайдут оне,
Как звезды ясные в ночи.*
Ф. Тютчев

Новая сестра

*Вкруг меня наклоняется хор
возвратившихся дев...*
«Все напевы»

Здравствуй, здравствуй, новая сестра,
К нам пришедшая, с тоской во взоре,
В час, когда дорога серебра
Перешла олуенное море!

Пышен твой причудливый наряд,
Крупны серьги из морских жемчужин,

Ярок над челом алмазов ряд,
А над лоном пояс странно сужен.

Кто ты? Полы храмовых завес
Вскрыв, не ты ль звала служить Ашере?
Иль тебе дивился Бенарес,
Меж святых плясуний, баядере?

Иль с тобой, забыв войну, Тимур
На пушистых шкурах спал в гареме?
Иль тебя толпе рабов Ассур
Представлял царицей в диадеме?

Все равно. Войди в наш тесный круг,
Стань теперь для мира безымянной.
Видишь: месяца прозрачный плуг
Распахал уже простор туманный.

Час подходит потаенных снов,
Восстающих над любовным ложем...
Мы, заслыша предрешенный зов,
Не сойти к избранникам не можем.

Будь готова к буйству новых плясок
И к восторгу несказанных пыток,
Чтоб излить вино запретных ласк,
Словно смешанный с огнем напиток!

Будь готова, новая сестра,

Наклоняясь к тайнам изголовий,
Досказать начатую вчера
Сказку счастья, ужаса и крови!

22 июля 1913

Умирающий день

Минувший день, склоняясь головой,
Мне говорит: «Я умираю. Новый
Уже идет в порфире огневой.

Ты прожил день унылый и суровый.
Лениво я влачил за часом час:
Рассвет был хмур и тускл закат багровый.

За бледным полднем долго вечер гас;
И для тебя все миги были скудны,
Как старый, в детстве читанный, рассказ.

Зато со мной ты путь прошел нетрудный,
И в час, когда мне – смерть, и сон – тебе,
Мы расстаемся с дружбой обоюдной.

Иным огнем гореть в твоей судьбе
Другому дню, тому, кто ждет на смене.
Зловещее я слышу в ворожбе

Угрюмых парк. О, бойся их велений!
Тот день сожжет, тот день тебя спалит.
Ты будешь, мучась, плакать об измене,

В подушки прятать свой позор и стыд,
И, схвачен вихрем ужаса и страсти,
Всею телом биться о ступени плит!

Но день идет. Ты – у него во власти.
Так молви мне: «прости», как другу. Я —
День без восторгов, но и без несчастий!»

В смущеньи слушаю; душа моя
Знакомым предвкушением объята
Безумной бури в бездне бытия...

Как эти штормы я любил когда-то.
Но вот теперь в душе веселья нет,
И тусклый день жалею я, как брата,

Смотря с тоской, что теплится рассвет.

28 марта 1915

Океан – ручью

Я – океан, соленый и громадный;
Люблю метать на берег пенный вал,

Люблю ласкать, целуя пастью жадной,
Нагие груди сине-сизых скал.

Люблю, затеяв с бурей поединок,
Вносить до туч поверхность зыбких вод,
Бросать китов, как маленьких сардинок,
Смеясь, кренить озлобленный дреднот!

Я – океан, соленый и холодный.
Зачем же ты, дрожа, ко мне приник,
Земной поток, спокойный, пресноводный,
Целуешь устьем мой огромный лик?

Привык ты литься по лесным полянам,
Поить людей, их отражать глаза...
Тебе ли слиться с древним океаном,
С тем, с кем дружат – лишь ветер да гроза!

Ступай назад, к своим лугам зеленым,
Предайся грезам, в вечно-мирном сне,
Иль сдайся бурям, темным и соленым,
Растай, исчезни, потони во мне!

Май 1913

Ночь

Ветки темным балдахином свешивающиеся,

Шумы реки с дальней песней смешивающиеся,
Звезды в ясном небе слабо вздрагивающие,
Штампы роз, свои цветы протягивающие,
Запах трав, что в сердце тайно вкрадывается,
Теней сеть, что странным знаком складывается,
Вкруг луны живая дымка газовая,
Рядом шепот, что поет, досказывая,
Клятвы, днем глубоко затаенные,
И еще, – еще глаза влюбленные,
Блеск зрачков при лунном свете белом,
Дрожь ресниц в движении несмелом,
Алость губ не отскользнувших прочь,
Милых, близких, жданных... Это – ночь!

5 января 1915

Усни, белоснежное поле

Усни, белоснежное поле!
Замри, безмятежное сердце!
Над мигом восходит бесстрастье;
Как месяц, наводит сиянье
На грезы о нежащей страсти,
На память о режущей ласке...
Конец. Отзвучали лобзанья.
В душе ни печали, ни счастья...
Так спят безответные дали,
Молчат многоцветные травы,

Одеты холодным покровом,
Под синим, бесплодным сияньем.
Спи, спи, белоснежное поле!
Умри, безнадежное сердце!

29—30 октября 1914

Всем

О, сколько раз, блаженно и безгласно,
В полночной мгле, свою мечту храня,
Ты думала, что обнимаешь страстно —
Меня!

Пусть миги были тягостно похожи!
Ты верила, как в первый день любя,
Что я сжимаю в сладострастной дрожи —
Тебя!

Но лгали образы часов бессонных,
И крыли тайну створы темноты.
Была в моих объятьях принужденных —
Не ты!

Вскрыть сладостный обман мне было больно,
И я молчал, отчаянье тая...
Но на твоей груди лежал безвольно —
Не я!

О, как бы ты, страдая и ревнуя,
Отпрянула в испуге предо мной,
Поняв, что я клонюсь, тебя целуя, —
К другой!

15 июля 1915

Бурково

Над омутом

Ветер, сумрачно пророчащий,
Всплеск волны, побережье точащей,
Старых сосен скорбный скрип...
Строго – древнее урочище!
Миновав тропы изгиб,
Верю смутно, что погиб.

На граните, вдоль расколотом,
Отливая тусклым золотом,
Куст над омутом повис.
Застучит в виски, как молотом,
Если гибельный каприз
Вдруг заставит глянуть вниз.

Холодна вода глубокая...
Но со дна голубоокая
Дева-призрак поднялась.

Иль уже в воде глубоко я?
Иль русалка, засмеясь,
Белых рук замкнула связь?

Ветер плачется, пророчащий;
Плещет вал, побережье точащий;
Смолкли всплески быстрых рыб.
Строго — древнее урочище!
Стонет сосен скорбный скрип,
Что еще пришлец погиб!

12 сентября 1915

Калейдоскоп

Забава милой старины,
Игрушка бабушек жеманных,
Ты им являл когда-то сны
Видений призрачных и странных.

О, трубочка с простым стеклом,
Любимица княгинь и графов!
Что мы теперь в тебе найдем,
В годину синематографов?

Позволь к тебе приблизить глаз;
Своей изменчивой усладой
(Ах, может быть, в последний раз!)

Его обманчиво обрадуй!

Ярко и четко, в прозрачности синей,
Ало-зеленые звезды горят.
Странны случайности сломанных линий...
Это – кометы в эфирной пустыне,
Это – цветы на лазоревой льдине,
Чуждых цветов металлический сад!

Миг, – всё распалось в стремительной смене!
Кто, окрыленный строитель, воздвиг
Эти дворцы упоительной лени,
Башни безвестных, ленивых Армении,
Те арабески и эти мишени,
Эти фонтаны из золота? – Миг, —

Вновь всё распалось, и встали кораллы,
Вкруг перевиты живым жемчугом.
Или рубины, пронзительно-алы,
Яркость вонзили в живые кристаллы?
Или наполнены кровью бокалы,
Белый хрусталь ярко-красным вином?

Довольно! детства давний друг,
Ты мне опять напомнил грезы,
Когда так сладостно вокруг
Сплетались трауры и розы!

Ты мне вернул забытый рай

Из хризолита и сапфира!
Опять безмолвно отдыхай,
Тайник непознанного мира.

Свой лал, свой жемчуг, свой алмаз
Таи, окованный молчаньем,
Пока опять захочет глаз
Прильнуть к твоим очарованиям.

1913

В минуту жизни...

В минуту жизни трудную...
М. Лермонтов

У райских врат

Мимо стен таинственного Рая
Я не раз в томленьи проходил.
Там цветы цвели, благоухая,
Там фонтан жемчужной пылью бил.
У ворот неведомого Рая
Я, как прежде, голову склонил.

И, как прежде, знаю: не войти мне
В эти, ладом яркие, врата.

Не прославит в умиленном гимне
Счастье жизни тихая мечта.
Да, как прежде, знаю: не войти мне, —
Дверь, сверкая лалом, заперта.

И опять, далеким полукругом,
В степь глухую путь мой поведет.
Там – один, с любовницей иль с другом —
Буду слышать грозный зов: «Вперед!»
Путь ведет далеким полукругом,
И пылает жгучий небосвод.

24 апреля 1915

Варшава

Единоборство

Я – побежден, и, не упорствуя,
Я встречу гибельный клинок.
Я жизнь провел, единоборствуя,
С тобою, Черный Рыцарь, Рок.
Теперь, смирясь, теперь, покорствуя,
Я признаю: исполнен срок!

Немало выпадов губительных
Я отразил своим щитом,
Ударов солнечно-слепительных,
Горевших золотым огнем.

И, день за днем, я, в схватках длительных,
С тобой стоял, к лицу лицом.

Не раз я падал, опрокинутый;
Мой панцирь был от крови ал,
И я над грудью видел – вынутый
Из ножен твой кривой кинжал.
Но были миги смерти минуты,
И, с новой силой, я вставал.

Пусть, пусть от века предназначено,
Кому торжествовать из нас:
Была надежда не утрачена —
Продлить борьбу хоть день, хоть час!
Пусть горло судорогой схвачено,
Не мне просить о *coup de grace*!³⁶

Вот выбит меч из рук; расколото
Забрало; я поник во прах;
Вихрь молний, пламени и золота
Всё вокруг застлал в моих глазах...
Что ж медлить? Пусть, как тяжесть молота,
Обрушится последний взмах!

Декабрь 1913

³⁶ Удар из милости (*фр.*) – удар, прекращающий мучения

Молиться

Молиться? Я желал
Молиться, но душа,
Как дорогой кристалл,
Блится, не дыша.

Упав на грани, луч
Стоцветно отражен,
Но, благостен и жгуч,
Внутри не проникнет он.

Внутри, как в глыбе льда,
Лишь вечный холод; вздох
Не веет никогда...
Сюда ль проникнет Бог?

Бог – лишь в живых сердцах,
Бог есть живой союз:
Он в небе, Он в волнах,
В телах морских медуз.

Кристалл же мертв. Горит
Лишь мертвым он огнем,
Как камень драконит,
Зажженный смертным сном.

Молиться? Я хочу
Молиться, но душа
Ответствует лучу
Блистаньем, не дыша.

25 ноября 1913

Рондо

Я плачу. Вдоль пути печален сосен ряд.
Уснул ямщик, забыв стегать худую клячу.
Смотря на огненный, торжественный закат,
Я плачу.

Там, в небе пламенном, я, малый, что я значу?
Здесь тихо дни ползут, а там века летят,
И небу некогда внимать людскому плачу!

Так и в ее душе – я, только беглый взгляд...
И с мыслью обо всем, что скоро я утрачу,
С унылой памятью утеранных услад,
Я плачу...

1912

Чей-то зов

Чей-то зов, как вздох усталый...
Иль то шепчут чаши лилий,
Те, что в узкие бокалы
Стебли змейно опустили?

Чей-то зов, как вздох усталый...
Иль то – песня, что пропели
В ярком блеске тронной залы
Пред Изоттой менестрели?

Чей-то зов, как вздох усталый...
Иль доносятся приветы
До земли, песчинки малой,
Сквозь эфир с иной планеты?

Чей-то зов, как вздох усталый...
Иль то снова голос милый,
Сквозь покров травы завялой,
Долетает из могилы?

27 августа. 1913—1914

В лесу

Если сердцу тяжело и грустно,
И надежда сомнением отравлена,
Во дни крестоносных битв, —
Помолись молитвой изустной,

Где благодать небесная явлена,
Сладчайшей из сладких молитв.

«Блажени плачущий, яко тии утешатся,
Блажени алчущий, яко тии насытятся,
Блажени есте, егда ижденут...»
Хорошо в лесу, пред боем, спешиться,
Духом от праха к горним восхититься,
Одиноко свершить над собой Страшный суд.

Настанут сраженья минуты суровые,
Раненых крики замрут без участия,
Как цепи, застучат мечи о щиты;
Тут сводом свисают листочки кленовые,
И незримо с небес подаешь мне причастие,
Всех скорбящих Заступница, Ты!

24 ноября 1913

На памятном листке

*...жив у вас на памятном листке.
Кн. П. А. Вяземский*

*...на памятном листке
оставит мертвый след...
А. Пушкин*

Н. Н. Сапунову

По небу полуночи...
М. Лермонтов

Когда твою душу в объятиях нес
Твой ангел в селения слез,
Не небом ночным он с тобою летел,
Он тихую песню не пел.

Тебя проносил он, печален и нем,
Чрез дивно сиявший Эдем,
Где, в блеске неведомой нам красоты,
Дышали живые цветы;

Где высился радуг стокрасочных свод
Над яркой прозрачностью вод;
И отсветы чудных и нежных огней
В душе затаились твоей.

Всю краткую жизнь ты томился мечтой,
Как выразить блеск неземной,
Любя безнадежно земные цветы,
Как отблеск иной красоты.

27 марта 1914

На смерть А. Н. Скрябина

Он не искал – минутно позабавить,
Напевами утешить и пленить;
Мечтал о высшем: Божество прославить
И бездны духа в звуках озарить.

Металл мелодий он посмел расплавить
И в формы новые хотел излить;
Он неустанно жаждал жить и жить,
Чтоб завершённым памятник поставить,

Но судит Рок. Не будет кончен труд!
Расплавленный металл бесцельно стынет:
Никто его, никто в русло не двинет...

И в дни, когда Война вершит свой суд
И мысль успела с жатвой трупов сжиться, —
Вот с этой смертью сердце не мирится!

17 апреля 1915

Варшава

Ф. Сологубу *Триолет*

Зев беспощадной орхидеи —
Твой строгий символ, Сологуб.
Влечет изгибом алчных губ
Зев беспощадной орхидеи.
Мы знаем, день за днем вернее,
Что нам непобедимо люб —
Зев беспощадной орхидеи,
Твой строгий символ, Сологуб!

1913

Игорю Северянину

Строя струны лиры клирной,
Братьев ты собрал на брань.
Плащ алмазный, плащ сапфирный
Сбрось, отбрось свой посох мирный,
В блеске светлого доспеха, в бледно-медном шлеме
встань.

Юных лириков учитель,
Вождь отважно-жадных душ,
Старых граней разрушитель, —

Встань пред ратью, предводитель,
Сокрушай преграды грезы, стены тесных склепов рушь!
Не пеан взывает пьяный,
Чу! гудит автомобиль!
Мчат, треща, аэропланы
Храбрых в сказочные страны!
В шуме жизни, в буре века, рать веды, взметая пыль!

20 января 1912

Игорю Северянину
Сонет-акростих с кодою

И ты стремишься ввысь, где солнце – вечно,
Где неизменен гордый сон снегов,
Откуда в дол спадают бесконечно

Ручьи алмазов, струи жемчугов.
Юдоль земная пройдена. Беспечно
Свершай свой путь меж молний и громов!
Ездок отважный! слушай вихрей рев,

Внимай с улыбкой гневам бури встречной!
Еще грозят зазубрины высот,
Расщелины, где тучи спят, но вот
Иснеет глубь в уступах синих бора.

Назад не обращай тревожно взора

И с жадной жаждой новой высоты
Неутомимо правь конем, – и скоро
У ног своих весь мир увидишь ты!

1912

Николаю Бернеру

Сонет-акростих

Немеют волн причудливые гребня,
И замер лес, предчувствуя закат.
Как стражи, чайки на прибрежном щебне
Опять покорно выстроились в ряд.

Любимый час! и даль и тишь целебней!
Алмазы в небе скоро заблестят;
Юг расцветет чудесней и волшебной;
Бог Сумрака сойдет в свой пышный сад.

Есть таинство в сияньи ночи южной,
Роднящей душу с вечной тишиной,
Нас медленно влекущей в мир иной.

Есть миг, когда и счастья не нужно:
Рыдать – безумно, ликовать – смешно —
У мирных вод, влекущих нас на дно.

1912

Путь к высотам *Сонет-акrostих*

Путь к высотам, где музы пляшут хором,
Открыт не всем: он скрыт во тьме лесов.
Эллада, в свой последний день, с укором
Тайник сокрыла от других веков.

Умей искать; умей упорным взором
Глядеть во тьму; расслышь чуть слышный зов!
Алмазы звезд горят над темным бором,
Льет ключ бессонный струи жемчугов.

Пройди сквозь мрак, соблазны все минуя,
Единую бессмертную взыскаю,
Рабом склоняйся пред своей мечтой,

И, вдруг сожжен незримым поцелуем,
Нежданной радостью, без слов, волнуем,
Увидишь ты дорогу пред собой.

1912

Мой маяк *Мадригал*

Мой милый маг, моя Мария, —
Мечтам мерцающий маяк.
Мятежны марева морские,
Мой милый маг, моя Мария,
Молчаньем манит мутный мрак.
Мне метит мели мировые
Мой милый маг, моя Мария,
Мечтам мерцающий маяк!

1914

Девятое марта

Сорок было их в воде холодной
Озера, – страдавших за Христа.
Близился конец их безысходный,
Застывали взоры и уста;
И они уже не в силах были
Славить Господа в последний час;
Лишь молитвой умственной хвалили
Свет небесный, что для них погас...

А на берегу, в храмине открытой,

Весело огонь трещал в печи;
Сотник римский там стоял со свитой,
Обнажившей острые мечи;
Воскликнул он, полн ожесточенья,
Обращаясь к стынувшим телам:
«Августа получит тот прощенье,
Кто ему воскурит фимиам!»

И один из мучимых (не скажем
Имени), мучений не снеся,
Выбежал на брег и крикнул стражам:
«От Христа – днесь отрекаюсь я!»
Но едва хотел он ароматы
Перед ликом Августа возжечь,
Пал на землю, смертным сном объятый,
Там, где весело трещала печь.

И увидел сотник: с неба сходят
Сорок злато-огненных венцов
И, спускаясь к озеру, находят
Тридцать девять благостных голов.
Обращен внезапно к правой вере,
Сотник вскрикнул: «Буду в царстве том!»
И на гибель бросился Валерий,
Осенен сороковым венцом.

9 марта 1913

Ли́ра и ось

Вячеславу Иванову

1. Ли́ра

Прозрев, я в лиру верую
В медлительном раздумьи,
Как веровал в безумьи
Палящей слепоты.
На глубь зелено-серую,
Где буйствуют буруны,
Опять настроив струны,
Смотрю, без слез, как ты.

На этой грани каменной,
Блуждая без лазури,
Под вопль веселый бури,
Корабль мой сокрушен.
Но я, с надеждой пламенной,
Воззвал к богам единым,
И плещущим дельфином
Спасен я, Арион!

Здесь, под скалой свисающей,
Где тени странно-сизы,

Под солнцем бросив ризы,
Я новый гимн пою,
И ветер, сладко тающий
В своем полете скором
Над стихнувшим простором,
Донес мне песнь твою.

Всем суждены крушения,
Кто поднял парус белый,
Кто в море вышел, смелый,
Искать земли иной!
Благих богов решения
Да славят эти песни:
Опасней и чудесней
Да будет жребий твой!

2. Ось

Ты – мне: «Когда у нижней меты
Квадрига рухнет, хрустнет ось,
И будут сотни рук воздеты, —
Ристатель! страх напрасный брось!
Пусть мышцы сильные не дрогнут,
Скорей клинок свой вознеси!..»
И, не повергнут и не согнут,
Я стал у сломанной оси.

Нет, я не выбуду из строя,
Но, силы ярые утрая,
Вновь вожжи туго закручу!
Уже на колеснице новой,
Длить состязание готовый,
Стою, склоняю грудь, лечу!

Драконы ли твои, Медея,
Триптолема ль живая ось
Меня возносят, пламенея, —
Но коням не помчаться врозь!
Стою и грудь склоняю косо,
Как на земле, так в небеси:
Пусть вихрятся в огне колеса
На алмазной оси.

И верю: срыва Фаэтона
Я мину на изгибе склона,
Где все чудовища грозят,
И по дуге сходящей неба
Направлю колесницу Феба —
Зажечь стопламенный закат.

1913—1914

Эдинбург II

Девятая камена 1915 — 1917

Пора! перо покоя просит!

.....

На берег радостно выносит

Мою ладью девятый вал.

Хвала вам, девяти Каменам!

Пушкин

Наедине с собой

Ожиданья

Нет! ожиданья еще не иссякли!

Еще не вполне

Сердце измучено. Это не знак ли —

Поверить весне?

Нет! ожиданья еще не иссякли!

Но только на дне

Скорбной души, как в святом табернакле,

Молчат в тишине.

Нет! ожидания еще не иссякли!
В какой же стране,
В поле, в чертоге иль в сумрачной сакле
Им вспыхнуть в огне?

Нет! ожидания еще не иссякли!
И, друг старине,
Будущей жизни черчу я пентакли
При вещи луне.

Нет! ожидания еще не иссякли!
Я, словно вовне,
Вижу трагедии, вижу миракли,
Сужденные мне.

Нет! ожидания еще не иссякли!
Прильну, как во сне,
К милым устам, на веселом ценакле
Забудусь в вине.

Да! ожидания еще не иссякли!
Я верю! – зане
Иначе бросить желанней (не так ли?)
И жизнь Сатане!

2 сентября 1916

Десятая часть

Безбрежность восторга! бездонность печали!
Твои неизмерные пропасти, страсть!
Из них открывается в жизни – едва ли
Десятая часть!

А если нас горе и счастье венчали,
Все в прошлое пало, как в алчную пасть,
И в памяти скудно хранится – едва ли
Десятая часть!

Мы жили, любили, искали, встречали,
Чтоб верить и плакать, чтоб славить и клясть;
Но радостных встреч нам досталась – едва л
Десятая часть!

Нас миги любви, как качели, качали;
Взлетали мы к небу, чтоб жалко упасть...
Но, в перечне длинном, взлетаний – едва ли
Десятая часть!

Что ж пряжу мгновений, теперь, как вначале
Еще мы упорно стараемся прясть?
Совьется желаемой нити – едва ли
Десятая часть!

И пусть мы, певцы, о себе не молчали!
Что может и песен певучая власть?
Всех мук уцелеет в напеве – едва ли
Десятая часть!

15 октября 1916

Лишь безмятежного мира...

Лишь безмятежного мира жаждет душа, наконец,
Взором холодным окину блеск и богатства Офира,
С гордым лицом отодвину, может быть, царский венец.
Жаждет душа без желаний лишь безмятежного мира.
Надо? – из груди я выну прежнее сердце сердец.
Что мне напев ликований, шум беспечального пира,
Что обольщенья лобзаний женских под звоны колец!
Прочь и певучая лира! Больше не ведать кумира,
Быть обращенным во льдину, быть обращенным в
свинец!
В благостном холоде стыну, пью из святого потира
Тайну последних молчаний, сшедший с арены борец.
Прошрое прошлому кину! Лишь безмятежного мира,
Лишь раствориться в тумане жаждет душа, наконец!

29 августа 1916

Ожерелья дней

Пора бы жизнь осмыслить, подытожить;
Уже в былом – сороковой порог,
И, если дни на счет годов помножить,
Пятнадцать тысяч превзойдет итог.

Но эти тысячи, порой несчастных,
Порой счастливых, пережитых дней, —
Как ожерелья белых, синих, красных,
Зеленых, желтых, всех цветов огней!

И эти бусы жгут и давят шею,
По телу разливают острый яд.
Я погасить их пламя не умею,
И в ночь и днем они меня язвят...

Какие камни сбросить мне? Не вас ли,
Рубины алые, где тлеет страсть?
Беру их в руку... Но давно погасли,
Как жемчуга, они. За что ж их клясть!

Так вас, быть может, яркие алмазы,
Вас, тайные, преступные мечты?
Нет! в ясном свете, вы – слепые стразы,
Обманный блеск поддельной красоты!

Так, значит, вас, глубокие опалы,
Воспоминанья скорби и могил?
Нет, нет! и вы – цветок уже завялый,
И ваш огонь стал мертвым и остыл!

А вы, исканья бога, аметисты?
И вы, сапфиры вдумчивых стихов?
Сверкал из вас, в былом, огонь лучистый,
Но вы теперь – лишь груз холодных слов!

Так что ж палит? Вы, скромные агаты?
Ты, нежная, святая бирюза?
Ты, гиацинт? – случайные утраты,
Мелькнувшие в вечерней мгле глаза,

Сны недовиденные встреч мгновенных,
Губ недоласканных прощальный суд?
Что жжет еще меж зерен драгоценных?
Смарагд? топаз? лал? оникс? изумруд?

Всмотрюсь, – и блекнет блеск великолепий:
На белых нитях – только тусклый груз...
Но эти нити сжали жизнь, как цепи,
Палят, как угли, звенья длинных бус!

И жаль порвать уборы ожерелий:
Палим, люблюсь ими я в тиши...
Пусть каждый камень мертв: они горели,
Горят и ныне – в тайниках души!

Май 1916

О себе самом

Хвала вам, девяти Каменам!
Пушкин

Когда мечты любви томили
На утре жизни, – нежа их,
Я в детской книге «Ювенилий»
Влил ранний опыт в робкий стих.

Мечту потом пленили дали:
Японский штрих, французский севр,
Все то, об чем века мечтали, —
Чтоб ожил мир былой – в «Chefs d'Oeuvre».

И, трепет неземных предчувствий
Средь книг и беглых встреч тая,
Я крылий снам искал в искусстве
И назвал книгу: «Это – я!»

Но час настал для «Третьей Стражи».
Я, в шуме улиц, понял власть
Встающих в городе миражей,
Твоих звенящих зовов, страсть!

Изведав мглы блаженств и скорби,
Победы пьяность, смертный страх,
Я мог надменно «Urbi et Orbi»
Петь гимн в уверенных стихах.

Когда ж в великих катастрофах
Наш край дрожал, и кликал Рок, —
Венчая жизнь в певучих строфах,
Я на себя взложил «Венок».

В те дни и юноши и девы
Приветом встретили певца,
А я слагал им «Все напевы»,
Плняя, тайной слов, сердца,

Но, не устав искать, спокойно
Я озирал сцепленья дней,
Чтоб пред людьми, в оправе стройной,
Поставить «Зеркало Теней».

Я ждал себе одной награды, —
Предаться вновь влеченью снов,
И славить мира все улады,
И «Радуги» все «семь цветов»!

Но гром взгремел. Молчать – измена,
До дна взволнован мой народ...
Ужель «Девятая Камена»
Победных песен не сплет?

А вслед? Конец ли долгим сменам?
Предел блужданиям стольких лет?
«Хвала вам, девяти Каменам!»
Но путь укажет Мусагет!

Март 1917

В дни красных знамен

Молитесь

Молитесь о праздничных розах,
О лилиях чистых молитесь,
О реющих летом стрекозах,
О призраках, виденных в грезах,
О всем бесполезном – молитесь!

Да высшая милость не минет
Прекрасных видений природы!
Любовь к Красоте да не стынет!
Да будет приветливо принят
Мечтатель под стягом свободы!

Есть тайная ценность в ненужных
Мечтах, и цветах, и святынях,
И души, без тучек жемчужных,
Без песни потоков содружных,
Завянут, как пальмы в пустынях!

Нет! мало свободы и братства,
И таинства счастья – так зыбки!
Во храме творит святотатство,

Кто губит земное богатство —
Мечту, Красоту и Улыбки!

Чу! Вихрь в налетающих грозах,
Что день, нам гудит: «Берегитесь!»
Погибнут стрекозы на лозах...
Молитесь о пламенных розах,
О лилиях белых – молитесь!

Апрель 1917

К Петрограду

*...над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы...*

Пушкин

Город Змеи и Медного Всадника,
Пушкина город и Достоевского,
Ныне, вчера,
Вечно – единый,
От небоскребов до палисадника,
От островов до шумного Невского, —
Мощью Петра,
Тайной – змеиной!

В прошлом виденья прожиты, отжиты

Драм бредовых, кошмарных нелепостей;
Душная мгла
Крыла злодейства...
Что ж! В веке новом – тот же ты, тот же ты!
Те же твердыни призрачной крепости,
Та же игла
Адмиралтейства!

Мозг всей России! с трепетом пламенным,
Полон ты дивным, царственным помыслом:
Звоны, в веках,
Славы – слышнее...
Как же вгнездились в черепе каменном,
В ужасе дней, ниспосланных Промыслом,
Прячься во прах,
Лютые змеи?

Вспомни свой символ; Всадника Медного!
Тщетно Нева зажата гранитами,
Тщетно углы
Прямы и строги:
Мчись к полосе луча заповедного,
Злого дракона сбросив копытами
В пропасти мглы
С вольной дороги!

Освобожденная Россия

Освобожденная Россия, —
Какие дивные слова!
В них пробужденная стихия
Народной гордости – жива!
Как много раз, в былые годы,
Мы различали властный зов;
Зов обновленья и свободы,
Стон-вызов будущих веков!

Они, пред нами стоя, грозно
Нас вопрошали: «Долго ль ждать?
Пройдут года, и будет поздно!
На сроках есть своя печать.
Пусть вам тяжелый жребий выпал:
Вы ль отречетесь от него?
По всем столетьям Рок рассыпал
Задачи, труд и торжество!»

Кто, кто был глух на эти зовы?
Кто, кто был слеп среди долгой тьмы?
С восторгом первый гул суровый, —
Обвала гул признали мы.
То, десять лет назад, надлома
Ужасный грохот пробежал...
И вот теперь, под голос грома,

Сорвался и летит обвал!

И тем, кто в том работал, – слава!
Не даром жертвы без числа
Россия, в дни борьбы кровавой
И в дни былого, принесла!
Не даром сгибли сотни жизней
На плахе, в тюрьмах и в снегах!
Их смертный стон был гимн отчизне,
Их подвиг оживет в веках!

Как те, и наше поколение
Свой долг исполнило вполне.
Блажен, въявь видевший мгновенья,
Что прежде грезились во сне!
Воплощены сны вековые
Всех лучших, всех живых сердец:
Преображенная Россия
Свободной стала, – наконец!

1 марта 1917

На улицах (Февраль 1917 г.)

На улицах красные флаги,
И красные банты в петлице,

И праздник ликующих толп;
И кажется: властные маги
Простерли над сонной столицей
Туман из таинственных колб.

Но нет! То не лживые чары,
Не призрак, мелькающий мимо,
Готовый рассеяться вмиг!
То мир, осужденный и старый,
Исчез, словно облако дыма,
И новый в сияньи возник!

Всё новое – странно-привычно;
И слитые с нами солдаты,
И всюду алеющий цвет,
Ив толпах, над бурей столичной,
Кричащие эти плакаты, —
Народной победе привет!

Те поняли, те угадали...
Не трудно учиться науке,
Что значит быть вольной страной!
Недавнее кануло в дали,
И все, после долгой разлуки,
Как будто вернулись домой.

Народ, испытавший однажды
Дыханье священной свободы,
Пойти не захочет назад:

Он полон божественной жажды,
Ее лишь глубокие воды
Вершительных прав утолят.

Колышутся красные флаги...
Чу! колокол мерно удары
К служению свободному льет...
Нет! То не коварные маги
Развеяли тайные чары:
То ожил державный народ!

2 марта 1917

В мартовские дни

Мне жалко, что сегодня мне не пятнадцать лет,
Что я не мальчик дерзкий, мечтательный поэт,
Что мне не светит в слове его начальный свет!

Ах, как я ликовал бы, по-детски опьянен,
Встречая этот праздник, ступень иных времен,
Под плеском красных флагов, – увенчанных знамен!

Пусть радостью разумной мечта моя полна,
Но в чувстве углубленном нет пьяности вина,
Оно – не шторм весенний, в нем глубина – ясна.

Да, многое погибло за сменой дней-веков:

Померк огонь алмазный в сверканья многих слов,
И потускнели краски не раз изжитых снов.

Душа иного алчет. На медленном огне
Раскалены, сверкают желанья на дне.
Горит вулкан подводный в безмолвной глубине.

Прошедших и грядущих столетий вижу ряд;
В них наши дни впадают, как в море водопад,
И память рада слышать, как волны волн шумят!

Приветствую Свободу... Чего ж еще хотеть!
Но в золотое слово влита, я знаю, медь:
Оно, звуча, не может, как прежде, мне звенеть!

Приветствую Победу... Свершился приговор...
Но, знаю, не окончен веков упорный спор,
И где-то близко рыщет, прикрыв зрачки, Раздор.

Нет, не могу безвольно сливаться с этим днем!
И смутно, как былые чертоги под холмом,
Сверкают сны, что снились в кипеньи молодом!

И втайне жаль, что нынче мне не пятнадцать лет,
Чтоб славить безраздумно, как юноша-поэт,
Мельканье красных флагов и красный, красный цвет!

3 марта 1917

Столп огненный

Не часто радует поэта
Судьба, являя перед ним
Внезапно – столп живого света,
Над краем вспыхнувший родным!

Такой же столп, во время оно,
Евреев по пустыне вел:
Был светоч он и оборона,
Был стяг в сраженьях и глагол!

При блеске дня – как облак некий,
Как факел огненный – в ночи,
Он направлял, чрез степь и реки,
В обетованный край – мечи.

Когда ж враги военным станом
Раскинулись в песках нагих,
Пред ними столп навис туманом:
Для этих – мрак, свет – для других!

И, с ужасом в преступном взоре,
Металась грозная толпа:
И конь и всадник сгибли в море,
При свете пламенном столпа.

Се – тот же столп пред нами светит,
В страну желанную ведет;
Спроси, где путь, – и он ответит,
Иди, – он пред тобой пойдет!

Наш яркий светоч, – тьмой и дымом
Он ослепил глаза врагов,
Они метались пред незримым,
Тонули в мгле морских валов.

Но путь далек! К обетованной
Еще мы не пришли земле,
Смотри же днем на столп туманный,
На огненный смотри во мгле!

Чтоб совершились ожиданья,
Мы соблюсти должны Завет:
Да не постигнут нас блужданья
Еще на сорок долгих лет!

О, страшно с высоты Хорива
Узреть блестящего тельца...
Пусть властью одного порыва,
Как ныне, бьются все сердца!

4 марта 1917

Свобода и война

Свобода! Свобода! Восторженным кликом
Встревожены дали холодной страны:
Он властно звучит на раздольи великом
Созвучно с ручьями встающей весны.

Россия свободна! Лазурь голубее,
Живительней воздух, бурливей река...
И в новую жизнь бесконечной аллеей
Пред нами, приветно, раскрылись века.

Но разве сознание не мучит, не давит,
Что, в радости марта, на празднике верб,
Весны и свободы не видит, не славит
Поляк, армянин, и бельгиец, и серб?

В угрюмых ущельях, за зеркалом Вана,
Чу! лязганье цепи, удар топора!
Там тысячи гибнут по слову султана,
Там пытки – забава, убийство – игра.

А дальше, из глубины Ускюба, с Моравы,
Не те же ли звоны, не тот же ли стон?
Там с ветром весенним лепечут дубравы
Не песенки страсти, – напев похорон.

В развалинах – башни Лувена и Гента,
Над родиной вольной – неистовый гнет...
Германских окопов железная лента
От мира отрезала целый народ,

А ближе! в родной нам, истерзанной Польше!
Нет воли всмотреться, немеет язык...
О, как же гордиться и праздновать дольше,
Катить по просторам восторженный клик?

Довольно! Не кончено дело свободы,
Не праздник пред нами, а подвиг и труд,
Покуда, в оковах, другие народы,
С надеждой на нас, избавления ждут!

22 марта 1917

Из дневника

1. Полно

Полно! Не впервые
Испытанья Рок
Подает России:
Беды все – на срок.

Мы татарской воле

Приносили дань:
Куликово поле
Положило грань.

Нас гнели поляки,
Властвуя Москвой;
Но зажег во мраке
Минин факел свой.

Орды Бонапарта
Нам ковали ков;
Но со снегом марта
Стаял след врагов.

Для великих далей
Вырастает Русь;
Что мы исчерпали
Их, – я не боюсь!

Знаю: ждет нас много
Новых светлых дней:
Чем трудней дорога,
Тем привал милей!

Июнь 1917

2. Потоп

Людское море всколыхнулось,
Взволновано до дна;
До высей горных круч коснулась
Взметенная волна,

Сломила яростным ударом
Твердыни старых плит, —
И ныне их теченьем ярим
Под шумы бури мчит.

Растет потоп... Но с небосвода,
Приосеня прах,
Как арка радуги, свобода
Гласит о светлых днях.

Июнь 1917

Пред зрелищем войны

Орел двуглавый

Бывало, клетотом тревожа целый мир
И ясно озарен неугасимой славой,
С полуночной скалы взлетал в седой эфир
Орел двуглавый.

Перун Юпитера в своих когтях он нес
И сеял вокруг себя губительные громы,
Бросая на врагов, в час беспощадных гроз,
Огней изломы.

Но с диким кобчиком, за лакомый кусок
Поспорив у моря, вступил он в бой без чести,
И, клюнутый в крыло, угрюм, уныл и строг,
Сел на насесте.

Пусть рана зажила, – все помня о былом,
Он со скалы своей взлетать не смеет в доли,
Лишь подозрительно бросает взор кругом,
Страшась крамолы.

Пусть снова бой идет за реки, за моря,

На ловлю пусть летят опять цари пернатых;
Предпочитает он, чем в бой вступать, – царя,
Сидеть в палатах.

Но, чтоб не растерять остаток прежних сил,
Порой подьмет он перун свой, как бывало...
И грозной молнией уж сколько поразил
Он птицы малой!

И сколько вокруг себя он разогнал друзей,
Посмевших перед ним свободно молвить слово:
Теперь его завет один: «Дави и бей
Всё то, что ново!»

Бывало, пестунов он выбирать умел,
Когда он замышлял опять полет гигантский,
Потемкин был при нем, Державин славу пел,
Служил Сперанский.

Но пустота теперь на северной скале;
Крыло орла висит, и взор орлиный смутен,
А служит птичником при стихнувшем орле
Теперь Распутин.

10 июля 1914

Противоречия

1. Песни

Нет таких дней, когда песни – не нужны:
Тают печали в лучах красоты.
И на иконах есть венчик жемчужный,
И на могилах сажают цветы.
– Но почему же сегодня не дружны
С песней раздумья и с рифмой мечты?

Пусть по полям окровавленным гневно
Рыщут зубастые звери Войны!
Буйствует Жизнь и без них каждодневно,
Губит жестоко и в дни тишины.
– Но почему же не реют напевно
Грустные думы и черные сны?

Молнии минут, и гром отгрохочет,
Новое солнце над миром взойдет,
Вечен лишь тот, кто поет и пророчит
Вечную тайну нездешних высот!
– Но почему же мой голос не хочет
Вечное петь в этот сумрачный год?

9 декабря 1915

2. Любимые мелочи

Опять к любимым мелочам,
Я думал, жизнь меня принудит:
К привычным песням и речам...
Но сны мрачны, и по ночам
Меня невольный трепет будит.

Хочу забыть, – забыть нельзя.
Во мраке лики роковые
Стоят, насмешливо грозя,
И кровью залита стезя,
Твоя, – скорбящая Россия!

Мысль говорит: «Твоих стихов
Что голос, еле слышный, может?
Вернись к напевам прежних стрóf!»
Но, словно гул колоколов,
Призыв таинственный тревожит.

9 декабря 1915

Падшие цари

*Властью некий обаянны,
До восшествия зари,
Дремлют, грозны и туманны,*

Словно падишие цари.
Ф. Тютчев «Альпы»

*Французский летчик, утром сбросив бомбы в
Германии, и полудню достиг Милана.
(Сообщение штаба. Ноябрь 1916 г.)*

Я смотрел, в озареньи заката,
Из Милана на профили Альп,
Как смотрели, на них же, когда-то
Полководцы в дни Пиев и Гальб;

Как назад, не предвидя позоров,
Горделиво смотрел Ганнибал;
И, тот путь повторивший, Суворов, —
Победители кручей и скал;

Как смотрели владыки вселенной,
Короли и вожди, – иль, скорей,
Как наш Тютчев смотрел вдохновенный,
Прозревавший здесь «падших царей».

Альпы! гордые Альпы! Вы были
Непреложным пределом земли,
И пред вами покорно клонили
Свой увенчанный гнев короли...

Но взнеслись небывалые птицы,

Зачирикал пропеллер с высот,
Презирая земные границы,
Полетел через Альпы пилот.

На заре он в Германии сеял
Разрушительный град сквозь туман,
А к полудню в Италии реял,
Восхищая союзный Милан.

Долго вы, день за днем, век от века,
Воскресали в пылани зари,
Но пришло торжество человека...
Преклоняйтесь, бывшие цари!

1916

Рыбье празднество

Пусть царит уныние где-то на земле!
Беспечально празднество рыб в Па-де-Кале!

В залах малахитовых водного дворца
Собрались, по выводкам, толпы без конца:

Здесь акулы грузные, окуни, трески,
Рыбешки летучие, пестрые бычки.

Малые, огромные, все плывут, спешат...

Светит электричеством, в коридорах, скат;

Сверху светит водоросль, пышный канделябр:
Сколько блесков, отблесков, и чешуи, и жабр!

Будут пляски разные, и потехи ждут:
Там, на гряде раковин, позабавит спрут;

В хижине коралловой хор морских коньков
Пантомимой пламенной увлечет без слов;

Рядом, для поклонников олимпийских муз,
Разыграет Демеля труппа из медуз.

А под утро самое, предварив разъезд,
Выведен с процессией пятипалых звезд,

Скажет с красной кафедры, жестами всех лап,
Речь громоподобную многоумный краб;

Объяснит, что праведно был прославлен днесь
Тот, кто кормит тщательно мир подводный весь,

Что сему кормителю так давно пора
Хоть клешней качанием прокричать: «Ура!»

Что все бури, отмели и огонь твой, Эльм!
Славься между рыбами царь торпед – Вильгельм!

11 апреля 1916

Разговор

«Не хвались еще заране!»—

Молвил старый Шат.

М. Лермонтов «Спор»

У подножья башни древней
Море Черное шумит;
Все любовней, все безгневней
Другу старому твердит:

«Как тебе не надоело
Столько медленных веков
В полусне глядеть без дела
На игру моих валов?»

Я ведь помню все бывшее,
Дед далеких времена.
Сколько раз сходились в бое
В этом месте племена!

Ты еще здесь не стояла,
Здесь другой был, древний град;
Но я здесь не раз внимало,
Как мечи о щит стучат.

А когда на скат угрюмый
Стала твердой ты стопой, —
Помнишь снова: крики, шумы,
Гулы схватки боевой?

Иль другие вспомни были,
Как со ;всех концов земли
К этим камням подходили,
В пестрых флагах, корабли!

Как твой град был славен в мире,
И смотрел мой хмурый вал —
В императорской порфире
Твой владыка выезжал!

Или всё, как сон вчерашний,
Ты не хочешь вспоминать?
Иль тебе не скучно, башне,
В тихой лениости дремать?»

Волны шепчут, вея гривой,
О преданьях давних лет...
Морю Черному лениво
Башня древняя – в ответ:

«Не забыла я былого,
Помню битвы и пиры!
Но не видеть людям снова
Славной, сказочной поры!

Битвы в мире отшумели,
Нет былых, великих дел.
Иль народы одряхлели,
Или край наш постарел.

Не придут с заката солнца,
В сталь и меч облечены,
Дерзким сонмом македонцы,
Принося разгул войны.

На утесы и в долины
Не поскачут на конях
В белых ризах бедуины
С криком радостным: «Аллах!»

И давно с высот Ирана
К нам сойти не хочет рать,
Чтобы с ратями султана
Переведаться опять.

Дремлют турки, и армяне
Свыклись с игом вековым...
Правда, видела в тумане
Я вчера огонь и дым,

Да еще ко мне недавно
Подходил безвестный флот,
Погрозил мне своенравно,

Но исчез в просторах вод.

Верно, это все – пустое:
Люди стихли, присмирив.
Дай же мне дремать в покое,
Слушать волн твоих напев!»

Но у камней башни древней
Море Черное шумит,
Все любовней, все напевней
Другу старому твердит:

«Что корить людей Востока,
И Царьград, и Тегеран!
Разливаюсь я широко,
Вижу много разных стран.

Ах, немало проспала ты!
Будь не так дружна со сном,
Слышать ты могла б раскаты
Новых битв и новый гром!

Не ленись хоть оглянуться!
Много див увидишь ты.
Скоро страшно содрогнутся
Эти доли и хребты.

Север новой, грозной бурей
В нашу сторону дохнул.

Видишь: отблеск на лазури?

Слышишь: отдаленный гул?

Возвращаются былые,

Роковые времена,

И под громы боевые

Ты проснешься ото сна!»

Все настойчивей, напевней

Море Черное гудит

У подножья башни древней...

Та проснулась, та глядит.

И уже весь край в смятении:

Пламя, залпы, крики, шум...

Видит: в смутном отдалении

Вновь свободен Эрзерум.

Видит: войско с горных кручей,

Сквозь туман и чрез снега,

Сходит к морю черной тучей,

Гонит радостно врага.

И, крепя собой отряды,

Что идут вдоль берегов,

Броненосные громады

Режут синий строй валов.

В рое вымпелов с крестами

Потемнел Эвксинский понт...
Миг – и русскими войсками
Занят древний Трeбизонт.

7 апреля 1916

Тридцатый месяц

Тридцатый месяц в нашем мире
Война взметает алый прах,
И кони черные валькирий
Бессменно мчатся в облаках!

Тридцатый месяц, Смерть и Голод,
Бродя, стучат у всех дверей:
Клеймят, кто стар, клеймят, кто молод,
Детей в объятых матерей!

Тридцатый месяц, бог Европы,
Свободный Труд – порабощен;
Он роет для Войны окопы,
Для Смерти льет снаряды он!

Призывы светлые забыты
Первоначальных дней борьбы,
В лесах грызутся троглодиты
Под барабан и зов трубы!

Достались в жертву суесловью
Мечты поработанных стран:
Тот опьянел бездонной кровью,
Тот золотом безмерным пьян...

Борьба за право стала бойней;
Унижен, Идеал поник...
И все нелепей, все нестройней
Крик о победе, дикий крик!

А Некто темный, Некто властный,
Событий нити ухватив,
С улыбкой дьявольски-бесстрастной
Длит обескрыленный порыв.

О горе! Будет! будет! будет!
Мы хаос развязали. Кто ж
Решеньем роковым рассудит
Весь этот ужас, эту ложь?

Пора отвергнуть призрак мнимый,
Понять, что подменили цель...
О, счастье – под напев любимый
Родную зыблить колыбель!

Январь 1917

В Армении

К армянам

Да! Вы поставлены на грани
Двух разных спорящих миров,
И в глубине родных преданий
Вам слышны отзвуки веков.

Все бури, все волнения мира,
Летя, касались вас крылом, —
И гром глухой походов Кира,
И Александра бранный гром.

Вы низили, в смятении стана,
При Каррах римские значки;
Вы за мечом Юстиниана
Вели на бой свои полки;

Нередко вас клонили бури,
Как вихри – нежный цвет весны, —
При Чингис-хане, Ленгтимуре,
При мрачном торжестве Луны.

Но, – воин стойкий, – под ударом

Ваш дух не уступал Судьбе, —
Два мира вокруг него недаром
Кипели, смешаны в борьбе.

Гранился он, как твердь алмаза,
В себе все отсветы храня:
И краски нежных роз Ширази,
И блеск Гомерова огня.

И уцелел ваш край Наирский
В крушеньях царств, меж мук земли:
Вы за оградой монастырской
Свои святыни сберегли.

Там, откровенья скрыв глубоко,
Таила скорбная мечта
Мысль Запада и мысль Востока,
Агурамазды и Христа, —

И, ключ божественной улады,
Нетленный в переменах лет,
На светлом пламени Эллады
Зажженный – ваших песен свет!

И ныне, в этом мире новом,
В толпе мятущихся племен,
Вы встали обликом суровым
Для нас таинственных времен.

Но то, что было, вечно живо,
В былом – награда и урок,
Носить вы вправе горделиво
Свой многовековой венок.

А мы, великому наследью
Дивясь, обеты слышим в нем...
Так! Прошлое тяжелой медью
Гудит над каждым новым днем.

И верится, народ Тиграна,
Что, бурю вновь преодолев,
Звездой ты выйдешь из тумана,
Для новых подвигов созрев,

Что вновь твоя живая лира,
Над камнями истлевших плит,
Два чуждых, два враждебных мира
В напеве высшем соединит!

23 января 1916

Тифлис

К Армении

В тот год, когда господь сурово
Над нами длань отяготил,
Я, в жажде сумрачного крова,

Скрываясь от лица дневного,
Бежал к бесстрастию могил.

Я думал: божескую гневность
Избуду я в святой тиши:
Смирит тоску седая древность,
Тысячелетних строф напевность
Излечит недуги души.

Но там, где я искал гробницы,
Я целый мир живой обрел.
Запели, в сретенье денницы,
Давно истлевшие цевницы,
И смерти луг – в цветах расцвел.

Не мертвым голосом былины,
Живым приветствием любви
Окрестно дрогнули долины,
И древний мир, как зов единый,
Мне грянул грозное: Живи!

Сквозь разделяющие годы
Услышал я ту песнь веков,
Во славу благостной природы,
Любви, познания и свободы,
Песнь, цепь ломающих, рабов.

Армения! Твой древний голос—
Как свежий ветер в летний зной!

Как бодро он взвивает волос,
И, как дождем омытый колос,
Я выпрямляюсь под грозой!

9 декабря 1915

Баку

Холодно Каспию, старый ворчит;
Длится зима утомительно-долго.
Норд, налетев, его волны рябит;
Льдом его колет любовница-Волга!

Бок свой погрееет усталый старик
Там, у горячих персидских предгорий...
Тщетно! вновь с севера ветер возник,
Веет с России метелями... Горе!

Злобно подымет старик-исполин
Дряхлые воды, – ударит с размаху,
Кинет суда по простору пучин...
То-то матросы натерпятя страху!

Помнит старик, как в былые века
Он широко разлегался на ложе...
Волга-Ахтуба была не река,
Моря Азовского не было тоже;

Все эти речки: Аму, Сыр-Дарья,
Все, чем сегодня мы карты узорим,
Были – его побережий семья;
С Черным, как с братом, сливался он морем!

И, обойдя сонм Кавказских громад,
Узким далеко простершись проливом,
Он омывал вековой Арарат,
Спал у него под челом горделивым.

Ныне увидишь ли старых друзей?
Где ты, Масис, охранитель ковчега?
Так же ли дремлешь в гордыне своей?
– Хмурится Каспий, бьет в берег с разбега.

Всё здесь и чуждо и ново ему:
Речки, холмы, города и народы!
Вновь бы вернуться к былому, к тому,
Что он знал на рассвете природы!

Видеть бы лес из безмерных стволов,
А не из этих лимонов да лавров!
Ждать мастодонтов и в глуби валов
Прятать заботливо ихтиозавров!

Ах, эти люди! Покинув свой прах,
Бродят они средь зыбей и в туманах,
Режут валы на стальных скорлупах,
Прыгают ввысь на своих гидропланах!

Всё ненавистно теперь старику:
Всё б затопить, истребить, обесславить, —
Нивы, селенья и это Баку,
Что его прежние глубы буравит!

25 января 1917

Баку

В Тифлисе

Увидеть с улицы грохочущей
Вершины снежных гор, —
Неизъяснимое пророчащий
Зазубренный узор;

Отметить монастырь, поставленный
На сгорбленный уступ.
И вдоль реки, снегами сдавленной,
Ряд кипарисных куп;

Вступив в толпу многоодежную,
В шум разных языков,
Следить чадру, как дали, снежную,
Иль строгий ход волов;

Смотреть на поступи верблюжие
Под зеркалом-окном,

Где эталажи неуклюжие
Сверкают серебром;

Пройдя базары многолюдные,
С их криком без конца,
Разглядывать остатки скудные
Грузинского дворца;

В мечтах восставить над обломками
Пленителен: молвы:
Тамары век, с делами громкими,
И век Саят-Новы;

Припоминать преданья пестрые,
Веков цветной узор, —
И заглядеться вновь на острые
Вершины снежных гор.

1916

Тифлис

Путевые заметки

1

Море, прибором взмятеженным,
К рельсам стальным, оприбреженным,

Мечет лазурную гладь;
Дали оттенком изнеженным
Манят к путям неисслеженным...
Но – время ль с морем мечтать!
Мчимся к вершинам оснеженным
Воздухом свеже-разреженным
В жизни опять подышать!

Январь 1916

Петровск-порт

2

Искры потоками сея,
В сумрак летит паровоз.
Сказочный край Прометея
Кажется призраком грез.
Дремлют вершины, белея...
Там поникал на утес
Демон, над Тереком рея...
Ах!.. Не дыхания роз
Жду! – Различаю во тьме я
Море безбрежное слез.

Январь 1916

Долина Куры

Разноодежная, разноплеменная,
Двигается мерно толпа у вокзала:
Словно воскресла былая вселенная,
Древняя Азия встала!
Грязные куртки и взоры воителей,
Поступь царя и башлык полурванный.
Реют воочию души властителей:
Смбаты, Аршаки, Тиграны...

1916

Елисаветполь

К Арарату

Благодарю, священный Хронос!
Ты двинул дней бесцветных ряд —
И предо мной свой белый конус
Ты высишь, старый Арарат!

В огромной шапке Мономаха,
Как властелин окрестных гор,
Ты взнесся от земного праха
В свободный, голубой простор.

Овеян ласковым закатом
И сизым облаком повит,
Твой снег сияньем розоватым
На кручах каменных горит.

Внизу, на поле в белых росах,
Пастух с тесьмой у дряхлых чресл,
И, в тихом свете, длинный посох
Похож на Авраамов жезл.

Вдали – убогие деревни,
Уступы, скалы, камни, снег...
Весь мир кругом – суровый, древний,
Как тот, где опочил ковчег.

А против Арарата, слева,
В снегах, аляя, Алагяз,
Короной венчанная дева
Со старика не сводит глаз.

1916

Эчмиадзин

Арарат из Эривани

Весь ослепительный, весь белый,
В рубцах задумчивых морщин,
Ты взнес над плоскостью равнин

Свой облик древле-онемелый,
Накинув на плечи покров
Таких же белых облаков.

Внизу кипят и рукоплещут
Потоки шумные Зангу;
Дивясь тебе, на берегу
Раины стройные трепещут,
Как белых девственниц ряды,
Прикрыв застывшие сады.

С утеса, стены Саардара,
Забыв о славе прошлой, ждут,
Когда пройдет внизу верблюдов,
Когда домчится гул с базара,
Когда с мурлыканьем купец
Протянет блеющих овец.

Но ты, седой Масис, не слышишь
Ни шумных хвал, ни нужд земных,
Ты их отверг, ты выше их,
Ты небом и веками дышишь,
Тебе шептать – лишь младший брат
Дерзает —Малый Арарат.

И пусть, взглянув угрюмо к Югу,
Как древле, ты увидишь вновь —
Дым, сталь, огни, тела и кровь,
Миры, грозящие друг другу:

Ты хмурый вновь отводишь лоб,
Как в дни, когда шумел потоп.

Творенья современник, ведал
Ты человечества конец,
И тайну новых дней – Творец
Твоим сединам заповедал:
Встав над кровавостью равнин,
Что будет, – знаешь ты один.

Январь 1916

Эривань

В Баку

Стыдливо стучатся о пристань валы
Каспийского моря,
Подкрашенной пеной – и выступ скалы,
И плиты узора,

На рейде ряды разноцветных судов
Качаются кротко,
И мирно дрожит на волненьи валов
Подводная лодка.

Сплетается ветер с январским теплом,
Живительно-свежий,
И ищет мечта, в далеке голубом,

Персидских прибрежий.

Там розы Шираза, там сад Шах-наме,
Газели Гафиза...

И грезы о прошлом блистают в уме,
Как пестрая риза.

Привет тебе, дальний и дивный Иран,
Ты, праотец мира,
Где некогда шли спарапеты армян
За знаменем Кира...

Но мирно на рейде трепещут суда
С шелками, с изюмом;
Стыдливо о пристань стучится вода
С приветливым шумом;

На улице быстрая смена толпы,
Покорной минуте,
И гордо стоят нефтяные столпы
На Биби-Эйбуге.

24 января 1916

Баку

Тигран Великий

95—56 гг. До р. Х.

В торжественном, лучистом свете,
Что блещет сквозь густой туман
Отшедших вдаль тысячелетий, —
Подобен огненной комете,
Над миром ты горишь, Тигран!

Ты понял помыслом крылатым
Свой век, ты взвесил мощь племен,
И знамя брани над Евфратом
Вознес, в союзе с Митридатом,
Но не в безумии, как он.

Ты ставил боевого стана
Шатры на всех концах земных:
В горах Кавказа и Ливана,
У струй Куры, у Иордана,
В виду столиц, в степях нагих.

И грозен был твой зов военный,
Как гром спадавший на врагов:
Дрожал, заслыша, парф надменный,
И гневно, властелин вселенной,
Рим отвечал с семи холмов.

Но, воин, ты умел Эллады
Гармонию и чару чтить;
В стихах Гомера знал услады,
И образ Мудрости-Паллады
С Нанэ хотел отождествить!

Ты видел в нем не мертвый идол;
Свою заветную мечту,
Вводя Олимп в свой храм, ты выдал:
Навек – к армянской мощи придал
Ты эллинскую красоту!

И, взором вдаль смотря орлиным,
Ты видел свой народ, в веках,
Стоящим гордо исполином:
Ты к светлым вел его годинам
Через войны, чрез тоску и страх...

Когда ж военная невзгода
Смела намеченный узор, —
Ты помнил благо лишь народа,
Не честь свою, не гордость рода, —
Как кубок яда, пил позор.

Тигран! мы чтим твой вознесенный
И лаврами венчанный лик!
Но ты, изменой угнетенный,
Ты, пред Помпеем преклоненный

Во имя родины, – велик!

11 декабря 1916

Победа при Каррах *53 г. До р. Х.*

Забыть ли час, когда у сцены,
Минуя весь амфитеатр,
Явился посланный Сурены,
С другой, не праздничной арены, —
И дрогнул радостью театр!

Актер, играя роль Агавы,
Из рук усталого гонца
Поспешно принял символ славы,
Трофей жестокий и кровавый
С чертами римского лица.

Не куклу с обликом Пенфея,
Но вражий череп взнес Ясон!
Не лживой страстью лицедея,
Но правым гневом пламенея,
Предстал пред зрителями он.

Подобен воинскому кличу
Был Еврипида стих живой:

«Мы, дедовский храня обычай,
Несем из гор домой добычу,
Оленя, сбитого стрелой!»

Катясь, упала на подмости,
Надменный Красе, твоя глава.
В ответ на стук, глухой и жесткий,
По всем рядам, как отголоски,
Прошла мгновенная молва.

Все понял каждый. Как в тумане,
Вдали предстало поле Карр,
И стяг армянский в римском стане...
И грянул гул рукоплесканий,
Как с неба громовой удар.

В пыланьи алого заката,
Под небом ясно-голубым,
Тем плеском, гордостью объята,
Благодарила Арташата
Царя, унизившего Рим!

Меж прошлым и будущим

*Меж прошлым и будущим нить
Я ткаю неустанной проворной рукою.*
К. Бальмонт

Золотой олень

*Золотой олень на эбеновой подставке,
китайская статуэтка XIV в, до р. X
из собрания И. С. Остроухова*

Кем этот призрак заколдован?
Кто задержал навеки тень?
Стоит и смотрит, очарован,
В зубах сжав веточку, олень.

С какой изысканностью согнут
Его уверенный хребет!
И ноги тонкие не дрогнут,
Незримый оставляя след.

Летят века в безумной смене...
Но, вдохновительной мечтой,
На черно-блещущем эбене
Зверь неподвижен золотой.

Золотошерстный, златорогий,
Во рту с побегом золотым,
Он гордо говорит: «Не трогай
Того, что сделалось святым!

Здесь – истина тысячелетий,
Народов избранных восторг.
Лишь вы могли, земные дети,
Святыню выставить на торг.

Я жду: вращеньем не случайным
Мой, давний, возвратится день, —
И вам дорогу к вечным тайнам
Укажет золотой олень!»

Февраль 1917

Мы – скифы

Мы – те, об ком шептали в старину,
С невольной дрожью, эллинские мифы:
Народ, взлюбивший буйство и войну,
Сыны Геракла и Ехидны, – скифы.

Вкруг моря Черного, в пустых степях,
Как демоны, мы облетали быстро,
Являясь вдруг, чтоб сеять всюду страх:

К верховьям Тигра иль к низовьям Истра.

Мы ужасали дикой волей мир,
Горя зловеще, там и здесь, зарницей:
Пред нами Дарий отступил, и Кир
Был скифской на. пути смирен царицей.

Что были мы? – Щит, нож, колчан, копье,
Лук, стрелы, панцирь да коня удила!
Блеск, звон, крик, смех, налет, – всё бытие
В разгуле бранном, в пире пьяном было!

Лелеяли нас вьюги да мороз;
Нас холод влек в метельный вихрь событий;
Ножом вино рубили мы, волос
Замерзших звякали льдяные нити!

Наш верный друг, учитель мудрый наш,
Вино ячменное живило силы:
Мы мчались в бой под звоны медных чаш,
На поясе, и с ними шли в могилы.

Дни битв, охот и буйственных пиров,
Сменяясь, облик создавали жизни...
Как было весело колоть рабов,
Пред тем, как зажигать костер, на тризне!

В курганах грузных, сидя на коне,
Среди богатств, как завещали деды,

Спят наши грозные цари; во сне
Им грезятся пиры, бои, победы.

Но, в стороне от очага присев,
Порой, когда хмелели сладко гости,
Наш юноша выделявал для дев
Коней и львов из серебра и кости.

Иль, окружив сурового жреца,
Держа в руке высоко факел дымный,
Мы, в пляске яркой, пели без конца
Неистово-восторженные гимны!

1916

Изречения

1. Афинский поденщик говорит:

Что моя жизнь? лишь тоска да забота!
С утра до вечера – та же работа!
Голод и холод меня стерегут.
Даже во сне – тот же тягостный труд,
Горстка оливок да хлебная корка!
Что ж мне страшиться грозящего Орка?
Верно, на бреге Кокита опять
Буду работать и буду страдать

И, засыпая в обители Ада,
Думать, что встать до рассвета мне надо!

15 октября 1916

2. Эпитафия римским воинам

Нас – миллионы. Всюду в мире,
Разбросан, сев костей лежит:
В степях Нумидий и Ассирии,
В лесах Германий и Колхид.
На дне морей, в ущельях диких,
В родной Кампании мы спим,
Чтоб ты, великим из великих,
Как Древо Смерти, взнесся, Рим!

1915

Тайна деда

– Юноша! грустную правду тебе расскажу я:
Высится вечно в тумане Олимп многохолмный.
Мне старики говорили, что там, на вершине,
Есть золотые чертоги, обитель бессмертных.
Верили мы и молились гремящему Зевсу,
Гере, хранящей обеты, Афине премудрой,
В поясе дивном таящей соблазн – Афродите...

Но, год назад, пастухи, что к утесам привыкли,
Посохи взяв и с водой засушенные тыквы,
Смело на высь поднялись, на вершину Олимпа,
И не нашли там чертогов – лишь камни нагие:
Не было места, чтоб жить олимпийцам блаженным!
Юноша! горькую тайну тебе открываю:
Ведай, что нет на Олимпе богов – и не будет!
– Если меня испугать этой правдой ты думал,
Дед, то напрасно! Богов не нашли на Олимпе
Люди? Так что же! Чтоб видеть бессмертных, потребны
Зоркие очи и слух, не по-здешнему, чуткий!
Зевса, Афины и Феба узреть пастухам ли!
Я ж, на Олимпе не быв, в молодом перелеске
Слышал напевы вчера неумолчного Пана,
Видел недавно в ручье беспечальную Нимфу,
Под вечер с тихой Дриадой беседовал мирно,
И, вот сейчас, как с тобой говорю я, – я знаю,
Сзади с улыбкой стоит благосклонная Муза!

1916

Драма в горах

Надпись к гравюре

*Гравюра изображает снежную метель в
пустынной горной местности; полузасыпанный
снегом, лежит труп человека в медвежьей шубе, а*

Пропел протяжный стон стрелы;
Метнулись в яркий день орлы,
Владыки круч, жилыцы скалы,
Далеко слышен гул полета;
Как эхо гор, в ответ из мглы
Жестоким смехом вторит кто-то.

Стрелок, одет в медвежий мех,
Выходит, стал у черных вех.
Смолк шум орлов; смолк злобный смех;
Белеет снег; в тиши ни звука...
Стрелок, продлить спеша успех,
Вновь быстро гнет упругость лука.

Но чу! вновь стоп стрелы второй.
Враг, стоя за крутой горой,
Нацелил в грудь стрелка, – и строй
Орлов опять метнулся дико.
Стрелок упал; он, как герой,
Встречает смерть без слов, без крика.

Багряный ток смочил снега,
Простерты рядом два врага...
Тишь гор угрюма и строга...
Вдали, чуть слышно, взвыла выюга...
Вей, ветер, заметай луга,

Пусть рядом спят, навек, два друга!

1916

Евангельские звери
Итальянский аполог XII
века (неизвестного автора)

У светлой райской двери,
Стремясь в Эдем войти,
Евангельские звери
Стопились по пути.

Помногу и по паре
Сошлись, от всех границ,
Земли и моря твари,
Сонм гадов, мошек, птиц,.

И Петр, ключей хранитель,
Спросил их у ворот:
«Чем в райскую обитель
Вы заслужили вход?»»

Ослять неустрашимо:
«Закреты мне ль врата?
В врата Иерусалима
Не я ль ввезла Христа?»»

«В ворота не впустят нас ли?»

Вол мыкнул за волом:

«Не наши ль были ясли
Младенцу – первый дом?»

Да стукнув лбом в ворота:

«И речь про нас была:
«Не поит кто в субботу
Осла или вола?»

«И нас – с ушком игольным

Пусть также помянут!» —

Так, гласом богомольным,
Ввернул словцо верблюду.

А слон, стоявший сбоку

С конем, сказал меж тем:

«На нас волхвы с Востока
Явились в Вифлеем».

Рот открывая, рыбы:

«А чем, коль нас отнять,
Апостолы могли бы
Семь тысяч напитать?»

И, гласом человека,

Добавила одна:

«Тобой же в рыбе некой

Монета найдена!»

А, из морского лона
Туда приплывший, кит:
«Я в знаменьи Ионы, —
Промолвил, – не забыт!»

Взнеслись: «Мы званы тоже!» —
Все птичьи племена, —
«Не мы ль у придорожий
Склевали семена?»

Но горлинки младые
Поправили: «Во храм
Нас принесла Мария,
Как жертву небесам!»

И голубь, не дерзая
Напомнить Иордан,
Проворковал, порхая:
«И я был в жертву дан!»

«От нас он (вспомнить надо ль?)
Для притчи знак обрел:
«Орлы везде, где падаль!» —
Заклекотал орел.

И птицы пели снова,
Предвосхищая суд:

«Еще об нас есть слово:
«Не сеют и не жнут!»

Пролаял пес: «Не глуп я:
Напомню те часы,
Как Лазаревы струпья
Лизать бежали псы!»

Но, не вступая в споры,
Лиса, без дальних слов:
«Имеют лисы норы», —
Об нас был глас Христов!»

Шакалы и гиены
Кричали, что есть сил:
«Мы те лизали стены,
Где бесноватый жил!»

А свиньи возопили:
«К нам обращался он!
Не мы ли потопили
Бесовский легион?»

Все гады (им не стыдно)
Твердили грозный глас:
«Вы – змии, вы – ехидны!» —
Шипя; «Он назвал нас!»

А скорпион, что носит

Свой яд в хвосте, зубаст,
Ввернул: «Яйцо коль просят,
Кто скорпиона даст?»»

«Вы нас не затирайте!» —
Рой мошек пел, жужжа, —
«Сказал он: «Не собирайте
Богатств, где моль и ржа!»»

Звучало пчел в гуденьи:
«Мы званы в наш черед:
Ведь он, по воскресеньи,
Вкушал пчелиный мед!»»

И козы: «Нам дорогу!
Внимать был наш удел,
Как «Слава в вышних богу!»
Хор ангелов воспел!»»

И нагло крикнул петел:
«Мне ль двери заперты?
Не я ль, о Петр, отметил,
Как отрекался ты?»»

Лишь агнец непорочный
Молчал, потупя взор...
Все созерцали – прочный
Эдемских врат запор.

Но Петр, скользнувши взглядом
По странной полосе,
Где змий был с агнцем рядом,
Решил: «Входите все!

Вы все, в земной юдоли, —
Лишь знак доброт и зол.
Но горе, кто по воле
Был змий иль злой орел!»

11 апреля, 1916

В стране мечты

Последние поэты

Высокая барка, – мечта-изваянье
В сверканьи закатных оранжевых светов, —
Плыла, увозя из отчизны в изгнанье
Последних поэтов.

Сограждане их увенчали венками,
Но жить им в стране навсегда запретили...
Родные холмы с золотыми огнями
Из глаз уходили.

Дома рисовались, как белые пятна,
Как призрак туманный – громада собора...
И веяло в душу тоской необъятной
Морского простора.

Смотрели, толпясь, исподлобья матросы,
Суров и бесстрастен был взор капитана.
И барка качнулась, минуя утесы,
В зыбях океана.

Гудели валы, как; в торжественном марше,

А ветер свистел, словно гимн погребальный,
И встал во весь рост меж изгнанников старший,
Спокойно-печальный.

Он кудри седые откинул, он руку
Невольно простер в повелительном жесте.
«Должны освятить, – он промолвил, – разлуку
Мы песней все вместе!

Я первый начну! пусть другие подхватят.
Так сложены будут священные строфы...
За наше служенье сограждане платят
Нам ночью Голгофы!

В нас били ключи, – нам же подали оцет,
Заклать нас ведя, нас украсили в ирис...
Был прав тот, кто «esse deum», молвил, «nocet»³⁷,
Наш образ – Озирис!»

Была эта песня подхвачена младшим:
«Я вас прославляю, неправые братья!
Vaе victis!³⁸ проклятие слабым и падшим!
Нам, сирым, проклятье!

А вам, победители, честь! Сокрушайте
Стоцветные цепи мечты, и – свободны,
Над гробом осмеянных сказок, справляйте

³⁷ Гибельно быть богом (лат.)

³⁸ Горе побежденным! (лат.)

Свой праздник народный!»

Напевно продолжил, не двигаясь, третий:
«Хвалы и проклятий, о братья, не надо!
Те – заняты делом, мы – малые дети:
Нам песня отрада!

Мы пели! но петь и в изгнании мы будем!
Божественной волей наш подвиг нам задан!
Из сердца напевы струятся не к людям,
А к богу, как ладан!»

Четвертый воскликнул: «Мы эти мгновенья
Навек околдуем: да светятся, святы,
Они над вселенной в лучах вдохновенья...»
Прервал его пятый:

«Мы живы – любовью! Нет! только для милой
Последние розы напева святого...»
«Молчанье – сестра одиночества!» – было
Признание шестого.

Но выступил тихо седьмой и последний.
«Не лучше ли, – молвил, – без горьких признаний
И злобных укоров, покорней, бесследной
Исчезнуть в тумане?

Оставшихся жаль мне: без нежных созвучий,
Без вымыслов ярких и символов тайных,

Потянется жизнь их, под мрачною тучей,
Пустыней бескрайной.

Изгнанников жаль мне: вдали от любимых,
С мечтой, как компас, устремленной к далеким,
Потянется жизнь их, в пустынях палимых,
Под солнцем жестоким.

Но кто же виновен? Зачем мы не пели,
Чтоб мертвых встревожить, чтоб камни растрогать!
Зачем не гудели, как буря, свирели,
Не рвали, как коготь?

Мы грусть воспевали иль пальчики Долли,
А нам возвышаться б, в пальбе и пожарах,
И гимном покрыть голоса в мюзик-холле,
На митингах ярых!

Что в бой мы не шли вдохновенным Тиртеем!
Что не были Пиндаром в буре гражданской!..»
Тут зовы прорезал, извилистым змеем,
Свисток капитанский.

«К порядку! – воззвал он, – молчите, поэты!
Потом напоетесь, отдельно и хором!»
Уже погасали последние светы
Над темным простором.

Изгнанники смолкли, послушно, угрюмо,

Следя, как смеются матросы ответно, —
И та же над каждым прореяла дума:
«Все было бы тщетно!»

Согбенные тени, недвижны, безмолвны,
Смещались в одну под навесом тумана...
Стучали о барку огромные волны
Зыбей океана.

1917

Счастье уединения

На побережьи речки быстрой
Свой дом в уединеньи выстрой,
В долу, что защищен отвесом
Зеленых гор и. красных скал,
Поросших, по вершинам, лесом
Тяжелых многошумных буков,
Где в глубине не слышно звуков,
Где день, проникнув, задремал.

Как некий чин богослужебный,
Свершать, в рассветный час, молебны
Ты будешь – мерностью напева
Хвалебных гимнов, строгих строф;
Потом, без ропота и гнева,
До зноя, выполнять работу,

Чтоб дневную избыть заботу, —
Носить воды, искать плодов.

Чем утро будет многотрудней,
Тем слаще будет о полудне
Вкушать, по трапезе недлинной,
Покой святой, за мигом миг,
Иль, мыслью вольно-самочинной,
Под сенью царственного кедра,
Вскрывать обманчивые недра
Припомнившихся мудрых книг.

Но, только жар недолгий свалит,
И предзакатный луч ужалит
Зубцы знакомого утеса,
А по траве прорееет тень,
Пойдешь ты на уклон откоса,
Куда, на голос человечесий,
Привычной ожидая встречи,
Из рощи выбежит олень.

Вечерняя прокличет птица;
Мелькнет поблизости орлица,
С зайчонком в вытянутых лапах,
Летя в гнездо, на скальный скат;
И разольется пряный запах
Обрызганных росой растений,
Да явственней вдали, сквозь тени,
Заропщет горный водопад.

В тот час наград и час возмездий,
Встречая чистый блеск созвездий,
Вдвоем с ширококорогим другом
Три чаши благ ты будешь пить:
В безлюдьи властвовать досугом,
Петь вдохновенней и чудесней
Никем не слышимые песни
И с женщиной снов не делить!

1916

Город сестер любви *Видение*

*Сестры! нежные сестры! я в детстве
вам клялся навеки.*

«Все напевы»

Неспешным ровным шагом,
По кочкам, по оврагам,
Зигзаги за зигзагом,
Иду, в мечтах пою.
Внимая скрытым сагам,
Березы, пышным стягом,
Спешат пред вещим магом
Склонить главу свою.

Играет ветер свежий
Вдоль зыбких побережий,
Где брошенные мрежи
И верши – часа ждут;
Но в грезах – страны те же,
Где бродит дух все реже;
Чертоги, вышки, вежи, —
Сестер Любви приют.

Кто видел этот пестрый
Кремль, – арки, своды, ростры, —
Где вязь «Amicae nostrae»³⁹
В дверь тайника влечет?
Нострдамы, Калиостры,
Да те, чей разум острый,
Ласкать любили Сестры,
Кому являли вход!

Жду вожденной встречи...
Чу! с башни слышны речи,
Во храмах блещут свечи...
Но миг – фантом исчез.
И вновь тропой овечьей,
Зигзагами поречий,
Иду вдоль синей гречи
Под пустотой небес!

³⁹ Подруги наши (лат.)

В действительности

Футуристический вечер

Монетой, плохо отчеканенной,
Луна над трубами повешена,
Где в высоте, чуть нарумяненной,
С помадой алой сажа смешана.

Стоят рядами вертикальными
Домов неровные зазубрины,
По стенам – бляхами сусальными,
По окнам – золотом разубраны.

Вдоль улиц червяки трамвайные
Ползут, как узкими ущельями,
И фонари, на нити тайные
Надеты, виснут ожерельями.

Кругом, как в комнатах безвыходных,
Опризрачены, люди мечутся,
В сознании царственном, что их одних
Ночные сны увековечатся.

И крик, и звон, и многократные

Раскаты, в грохоте и топоте,
И тонут, празднично-закатные,
Лучи в нерастворимой копоты...

22 апреля 1917

Уголки улицы

1

Темная улица; пятнами свет фонарей;
Угол и вывеска с изображеньем зверей.

Стройная девушка; вырез причудливый глаз;
Перья помятые; платья потертый атлас.

Шла и замедлила; чуть обернулась назад;
Взгляд вызывающий; плечи заметно дрожат.

Мальчик застенчивый; бледность внезапная щек;
Губы изогнуты: зов иль несмелый намек?

Стал, и с поспешностью, тайно рукой шевеля,
Ищет в бумажнике, есть ли при нем три рубля.

2. Она ждет

Фонарь дуговой принахмурился,
И стадо на миг темно;
Небоскреб угрюмо зажмурился,
Под которым жду я давно.

Белея, веют снежинки, —
Чем мошки весной, веселей.
На кресте застывают слезинки
Ледяных хрусталей.

Он сказал мне: «Приду...»
Как давно
Я жду...
Руки совсем иззябли...
Кивают в окно
Апельсины и яблоки.

1916

Дама трэф

Я знаю, что вы – старомодны,
Давно и не девочка вы.
Вы разбросили кудри свободно

Вдоль лица и вокруг головы.

Нашел бы придирчивый критик,
Что напрасно вы—в епанче,
Что смешон округленный щитик
У вас на правом плече,

Что, быть может, слишком румяны
Краски у вас на губах и щеке
И что сорван просто с поляны
Цветок в вашей правой руке.

Со скиптром и странной державой,
Ваш муж слишком стар и сед,
А смотрит слишком лукаво
На вас с алебардой валет.

Но зато вы – царица ночи,
Ваша масть – чернее, чем тьма,
И ваши подведенные очи
Любовь рисовала сама.

Вы вздыхать умеете сладко,
Приникая к подушке вдвоем,
И готовы являться украдкой,
Едва попрошу я о том.

Чего нам еще ждать от дамы?
Не довольно ль быть милой на миг?

Ах, часто суровы, упорны, упрямы
Дамы черв, бубен и пик!

Не вздыхать же долгие годы
У ног неприступных дев!
И я из целой колоды
Люблю только даму трэф.

1915

Провинциальная картинка

По бульвару ходят девки,
Сто шагов вперед, назад.
Парни сзади, в знак издевки,
На гармониках пищат.

Вышел лавочник дородный,
Пузо поясом стянул;
Оглядел разгул народный,
Рот себе крестя, зевнул.

Ковыляя, две старушки,
В страхе сторонясь, прошли...
Липы, с корня до верхушки,
Перекрашены в пыли.

За бульваром – два забора,

Дом, как охромевший конь.
Слева—речка, дали бора,
Феба радостный огонь.

Свечерело... Дымен, валок,
Сумрак на ветвях осел.
Скрылись стаи черных галок,
Крест собора побелел.

На скамейке, под ракитой,
Парень девку больно жмет, —
То она ворчит сердито,
То хохочет, то замрет.

Но уже давно на пыльной
Улице – молчанье царь,
И один, сетко-каильный,
Гордо светится фонарь.

1911

Праздник в деревне

Ударил звон последний
Оконченной обедни;
На паперти – народ,
Кумач и ситец пестрый;
Луч солнца ярко-острый

Слепит глаза и жжет.

Как волки на овчарне,
Снуют меж девок парни;
Степенней мужики
Их подбивают к пляске.
Уже сидят в коляске
Помещицы сынки.

Вот с удочкою длинной,
Семинарист, в холстинной
Рубахе, в картузе,
А с ним учитель хмурый...
И бабы, словно дуры,
Вослед хохочут все.

Расходятся; походки
Неспешны; все о водке
Болтают меж собой,
В сторонке, где охапки
Соломы, ставя бабки,
Ведут мальчишки бой.

Луг изумрудный ярок...
Вдали – зеленых арок
Ряды и круг лесов...
Присел прохожий нищий...
А рядом, на кладбище,
Семья простых крестов.

В цыганском таборе

У речной изложины —
Пестрые шатры.
Лошади стреножены,
Зажжены костры.
Странно под деревьями
Встретить вольный стан —
С древними кочевьями
Сжившихся цыган!

Образы священные
Пушкинских стихов!
Тени незабвенные
Вяземского строф!
Всё, что с детства впитано,
Как мечта мечты, —
Предо мной стоит оно
В ризе темноты!

Песнями и гулами
Не во сне ль живу?
Правда ль, — с Мариулами
Встречусь наяву?
Словно сам — в хламиде я,

Словно – прошлый век.
Сказку про Овидия
Жду в толпе Алек.

Пусть кусками рваными
Виснут шали с плеч;
Пусть и ресторанами
Дышит чья-то речь;
Пусть и электрический
Над вокзалом свет!
В этот миг лирический
Скудной правды – нет!

1915

Виденья города

Предутреннего города виденья,
Встающие, как призраки, с угла.
В пустынном сквере мерные движенья
Солдат; огромные рога вола,
Влекущего на рынок иждивенья
Для завтрашнего барского стола;
Двух пьяниц распростертых отупенье;
Свет фонарей; свет неба; полумгла;
Во храме огоньки богослуженья,
Которым вторят вдруг колокола...

И вот, у низкой двери, с возвышенья
Ступеньки, подозрительно ала,
Ребенок-девушка, как приглашенье
Войти, кивает головой, – мила,
Как ангел в луже... Чувство сожаленья
Толкает прочь. И вслед летит хула,
Брань гнусная; а окна заведенья
Горят за шторами, как два жерла.
Там—смех, там—музыка, там—взвизги пенья...
И вторят в высоте колокола.

29 июля 1916

На Ладоге

1. Буря и затишье

Плывем пустынной Ладогой,
Под яркой аркой – радугой;
Дождь минул; полоса
Прозрачных тучек стелется;
Закат огнистый целится
Лучами нам в глаза.

Давно ль волной трехъярусной
Кидало челн беспарусный
И с шаткой кручи нас

Влекло во глубь отверстую?
– Вновь Эос розоперстую
Я вижу в тихий час.

Но меркнет семицветие...
Умрет закат... Раздетее
Очам предстанет синь...
Потом налягут сумраки...
– Заслышав дальний шум реки,
К Неве свой парус двинь!

1917

2. Парус и чайка

То поспешно парус складывая,
То бессильно в бездну падая,
Напряженно режа волны,
Утомленный реет челн.

Но, свободно гребни срезывая,
Рядом вьется чайка резвая,
К тем зыбям летя смелее,
Где смятенье волн белей.

Вижу, не без тайной горечи,
Кто властительней, кто зорче.
Знаю: взор вонзивши рысий,

Птица мчит добычу ввысь.

1917

В родных полях

Снежная Россия

За полем снежным – поле снежное,
Безмерно-белые луга;
Везде – молчанье неизбежное,
Снега, снега, снега, снега!

Деревни кое-где расставлены,
Как пятна в безднах белизны:
Дома сугробами задавлены,
Плетни под снегом не видны.

Леса вдали чернеют, голые, —
Ветвей запутанная сеть.
Лишь ветер песни невеселые
В них, иней вея, смеет петь.

Змеится путь, в снегах затерянный:
По белизне – две борозды...
Лошадка, рысью неуверенной,
Новит чуть зримые следы.

Но скрылись санки – словно, белая,

Их поглотила пустота;
И вновь равнина опустелая
Нема, беззвучна и чиста.

И лишь вороны, стаей бдительной,
Порой над пустотой кружат,
Да вечером, в тиши томительной,
Горит оранжевый закат.

Огни лимонно-апельсинные
На небе бледно-голубом
Дрожат... Но быстро тени длинные
Закутывают все кругом.

1917

Утренняя тишь

В светлом жемчуге росинок
Чаши бледные кувшинок
Тихо светят меж тростинок,
И несчетный строй былинок,
В тех же крупных жемчугах,
Чуть трепещут вдоль тропинок
Желтым золотом песчинок,
Ярко блещущих в полях.

Зелень, блески, воздух ранний,

Травы, мирр благоуханней,
Дали, радуг осиянней, —
Что прекрасней, что желанней
Долго жаждавшей мечте?
Сердце – словно многогранней;
Исчезает жизнь в осанне
Этой вечной красоте!

Пусть наш мир зеленый минет,
Человек просторы кинет,
Дали стенами задвинет
И надменно в небо хлынет
Высота стеклянных крыш:
Но, покуда кровь не стынет,
Сердце счастья не отринет —
Ведать утреннюю тишь!

1916

Родные цветы

1. Ландыш

Ландыш милый, ландыш нежный,
Белый ландыш, ландыш снежный,
Наш цветок!
Встал ты меж зеленых створок,

Чтоб тебя, кто только зорок,
Видеть мог.

Колокольчики качая,
В воздухе веселом мая,
Бел и чист,
Ты, как звезды, в травах светишь,
Ты узором тонким метишь
Полный лист.

Восковой и весь нездешний,
Ты блаженней, ты безгрешней
Всех цветов.
Белый, белый, белый, белый,
Беспорочный, онемелый,
Тайный зов!

Как причастница одетый,
Ты влечешь в святые светы
Каждый взгляд,
Чтобы осенью ненастной,
Шарик странный, шарик красный,
Сеять яд.

1916

2. Иван-да-марья

Иван-да-марья,
Цветок двойной,
Тебя, как встарь, я
Топчу ногой.
Мне неприятен
Твой вид в траве:
Ряд алых пятен
На синеве.

Но ты покорен,
Неприхотлив:
Рой черных зерен
К земле сронив,
Свой стебель темный
Ты низко гнешь,
И снова, скромный,
Потом встаешь.

Твой цвет не вянет,
Ты словно нем,
В лесу не занят
Ничем, ничем;
Ты, андрогинный,
Сам для себя
Цветок невинный
Пылишь, любя.

Нет, не случайно
Ты здесь таков:

Ты – символ тайный
Иных миров,
Нам недоступной
Игры страстей,
Еще преступной
Для нас, людей!

1916

3. Венок из васильков

Любо василечки
Видеть вдоль межи, —
Синенькие точки
В поле желтой ржи.
За цветком цветочек
Низко мы сорвем,
Синенький веночек
Для себя сплетем.

После, вдоль полосы,
К роще побежим.
Шепчутся березки
С небом голубым.
Сядем там на кочке...
Зной и тишина...
В голубом веночке
Высь отражена.

Песенку не спеть ли,
Притаясь в траве?
Облачка – как петли
В ясной синеве!
Локоны в веночке
Вроде облачков...
Ломки стебелечки
Синих васильков!

Там, внизу, под склоном, —
Нежный шум реки.
Здесь, в шатре зеленом,
Реют мотыльки.
Мы, как мотылечки,
Здесь укрылись в тень,
В синеньком веночке,
В жаркий летний день!

1917

Мраморная арка

В уголку далеком парка,
Солнцем залитая ярко,
Дремлет мраморная арка, —
Память пышной старины;
Вдоль по речке – ни волны;

Клены – в сон погружены;
Спит под ивами байдарка;
Спит заброшенная барка;
Полдень парит; всюду жарко;
Все о прошлом видит сны.

Заросли травой аллеи;
Глушь с годами – все темнее;
На газон вползают змеи;
Смолк иссохший водопад...
А когда-то, век назад,
Как был шумен летом сад!
Здесь вели свои затеи
Девы, с обликом камеи,
Меж красавцев, а лакеи
Ждали, выстроены в ряд;

Здесь, что день, звучало эхо
Детски радостного смеха;
За потехами потеха
Здесь меняла пестрый вид...
Век прошел, и все молчит;
Словно целый мир забыт,
Мир веселий, мир успеха!
Лишь, как сумрачная вежа,
Возле грецкого ореха
Арка мраморная спит.

Лесные тропинки

Лесные тропинки! лесные тропинки! не раз и не два
Вы душу манили под тихие своды дубов и берез.
Сверкали росинки, качались кувшинки, дрожала трава,
И в запахе гнили плелись хороводы блестящих стрекоз...

И было так сладко – на землю поникнуть, лежать одному,
И слушать, как нежно чирикают птицы напевы свои,
И взглядом украдкой глубоко проникнуть, сквозь травы,
во тьму,
Где, с грузом, прилежно ведут вереницы домой муравьи.

А дятел далекий застучает четко о высохший ствол,
И солнце в просветы сияние бросит, как утром в окно...
Лежишь, одинокий, и думаешь кратко, что дух – все
обрел,
И сердце привета не хочет, не просит, и все – все равно!

Май 1916

В гамаке

В небе, слабо синеватом,
С легкой дымкой белизны,

Любо ласточкам крылатым
Сеять крики с вышины.

Веток скругленные сети,
Уловив сверканье дня,
Сами блещут в странном свете
Изумрудного огня.

Дышат ирисы чуть внятно,
Дышит, скошена, трава...
Зелень, блеск, цветные пятна,
Белизна и синева!

Что все думы! все вопросы!
Сладко зыблюсь в гамаке.
Мертвый пепел папиросы
Чуть сереет на песке.

Я до дна души приемлю
Этот вечер, этот миг,
Словно вдруг я понял землю,
Тайну вечности постиг.

Были бури, будут бури,
Но теперь – лишь тихий сад,
Словно сам, в бело-лазури,
Я, как ласточка, крылат!

По грибы

Ищу грибы, вскрывая палочкой
Зелено-бархатные мхи;
Любуюсь простенькой фиалочкой;
Слагаю скромные стихи.

В лесу лежат богатства грудами!
У корней тоненьких осин
Трава сверкает изумрудами
И под осинник, как рубин.

А боровик, в тени березовой,
Чуть из земли возникнув, рад
К высокой, липке бледно-розовой,
Прижаться, как большой агат.

И белый гриб (что клад достигнутый!)
Среди дубков пленяет глаз, —
На толстой ножке, пышно-выгнутый,
Блестя, как дымчатый топаз.

И, как камнями-невеличками
Осыпан в перстне бриллиант,
В корзине желтыми лисичками
Я выстилаю узкий кант.

Лягушки прыгают расчетливо,
Жужжат жуки, как в две трубы.
И собираю я заботливо
В лесу – и рифмы и грибы.

1 июня 1916

Святогор

Сплошное кваканье лягушек
С давно заросшего пруда, —
Когда из-за лесных верхушек
Блестит вечерняя звезда;

В густеющем слегка тумане
Спокойный, ровный бег минут,
И сладкий бред воспоминаний:
Такой же час, такой же пруд...

Все то же. В тех же переливах
Края застылых облаков...
И только нет былых счастливых,
Дрожа произнесенных слов.

Так что ж! Признай свою мгновенность,
Поющий песни человек,
И роковую неизменность
Полей, лугов, холмов и рек!

Не так же ль квакали лягушки
И был зазубрен дальний бор,
Когда надменно чрез верхушки
Шагал тяжелый Святогор?

И вторит голосом лягушек,
Опять, вечерняя пора —
Раскатам громогласных пушек
На дальних берегах Днестра.

1916

Черные вороны

Каркайте, черные вороны,
Мытые белыми выюгами:
По полю старые бороны
Ходят за острыми плугами.

Каркайте, черные вороны!
Истину скрыть вы посмеете ль?
Мечет, крестясь, во все стороны
Зерна по бороздам сеятель.

Каркайте, черные вороны!
Выкрики издавна слажены;
Нивы страданием ораны,

Потом кровавым увлажены.

Каркайте, черные вороны,
Ваше пророчество! В воздухе
Грянет в упор, как укор, оно:
«Пахарь! не мысли о роздыхе!»

Каркайте, черные вороны!
Долго ль останусь на свете я?
Вам же садиться на бороны
Вновь, за столетьем столетия!

27 мая 1917

Вдоль моря

Мы едем вдоль моря, вдоль моря, вдоль моря...
По берегу – снег, и песок, и кусты;
Меж морем и небом, просторы узоря,
Идет полукруг синеватой черты.

Мы едем, мы едем, мы едем... Предгорий
Взбегает, напротив, за склонами склон;
Зубчатый хребет, озираясь на море,
За ними белеет, в снегах погребен.

Всё дальше, всё дальше, всё дальше... Мы вторим
Колесами поезда гулу валов;

И с криками чайки взлетают над морем,
И движутся рядом гряды облаков.

Мелькают, мелькают, мелькают, в узоре,
Мечети, деревни, деревья, кусты...
Вот кладбище смотрится в самое море,
К воде наклоняясь, чернеют кресты.

Все пенные, пенные, пенные, в море
Валы затевают свой вольный разбег,
Ликуют и буйствуют в дружеском споре,
Взлетают, сметая с побережия снег...

Мы едем... Не числю, не мыслю, не спорю:
Меня покорили снега и вода...
Сбегают и нивы и пастбища к морю,
У моря по снегу блуждают стада.

Цвет черный, цвет белый, цвет синий... Вдоль моря
Мы едем; налево – белеют хребты,
Направо синеют, просторы узоря,
Валы, и над ними чернеют кресты.

Мы едем, мы едем, мы едем! Во взоре
Все краски, вся радуга блеклых цветов,
И в сердце – томленье застывших предгорий
Пред буйными играми вольных валов!

Тусклая картинка

Под небом тускло-синеватым,
Ограждена зеленым скатом
С узором белых повилик,
Река колеблет еле внятно
По синеве стальные пятна
И зыби цвета «электрик».

Обрывки серых туч осели
К вершинам изумрудных елей
И загнутым плащам листвы;
А, ближе, ветер – обессилен
И слабо реет вдоль извилин
Болотно-матовой травы.

Черты дороги – чуть заметны,
Но к ним, как веер многоцветный,
Примкнули кругозоры нив:
Желтеет рожь, красна гречиха,
Как сталь– овес, и льется тихо
Льна синеватого разлив.

Июль 1917

Ночью

Ночь

Пришла и мир отгородила
Завесой черной от меня,
Зажгла небесные кадила,
Вновь начала богослуженье,
И мирно разрешился в пенье
Гул обессиленного дня.

Стою во храмине безмерной,
Под звездным куполом, один, —
И все, что было достоверно,
Развеяно во мгле простора,
Под звуки неземного хора,
Под светом неземных глубин.

Пусть Ночь поет; пусть мировые
Вершатся тайны предо мной;
Пусть благостной евхаристии
Торжественные миги минут;
Пусть царские врата задвинут
Все той же черной пеленой.

Причастник, прежней жизни косной
Я буду ждать, преображен...
А, сдвинув полог переносный,
Ночь – бездну жизни обнаружит,
И вот уже обедню служит
Во мраке для других племен.

1916

Ночью у реки

Воды – свинца неподвижной; ивы безмолвно поникли;
Объят ночным обаяньем выгнутой берег реки;
Слиты в черту расстояньем, где-то дрожат огоньки.

Мир в темноте непостижной; сумраки к тайнам
привыкли...

Сердце! зачем с ожиданьем биться в порыве тоски?
Мирно смешайся с преданьем, чарами сон облеку!

Чу! у излучины нижней – всхлип непонятный... Не
крик ли?

К омуту, с тихим рыданьем, быстро взнеслись две руки...
Миг, – над безвестным страданьем тени опять глубоки.

Слышал? То гибнет твой ближний! Словно в магическом
цикле

Замкнуты вы заклинаньем! словно вы странно близки!

Словно ты проклят стенаньем – там, у далекой луки!

Воды – еще неподвижней; ветви покорней поникли;
Лишь на мгновенье журчаньем дрогнули струи реки...
Что ж таким жутким молчаньем мучат теперь ивняки?

1916

Восход луны

Белых звезд прозрачное дыханье;
Сине-бархатного неба тишь;
Ожиданье и обереганье
Лунного очарованья, лишь
Первое струящего мерцанье
Там, где блещет серебром камыш.

Эта ночь – взлелеянное чудо:
Ночь из тех узорчатых часов,
Зыблемых над спящими, откуда
Рассыпается причуда снов,
Падающих в душу, как на блюдо
Золотое – груда жемчугов.

Этот отблеск – рост непобедимой
Мелопеи, ропоты разлук;
Этот свет – предел невыразимой
Тишины, стук перлов, мимо рук

Разлетающихся – мимо, мимо,
Луциолами горящих вокруг.

Дышат звезды белые – прерывно;
Синий бархат неба – побледнел;
Рог в оркестре прогудел призывно;
Передлунный облак – дивно-бел...
В белизне алея переливно,
Шествует Лунина в наш предел.

1917

Закатный ветер

Веет древний ветер
В ветках вешних верб,
Сучья гнутся, ломаются.
Ветр, будь милосерд!
Ветви взвиты вверх,
Стоном их кто тронется?

Час на краски щедр:
В небе – алый герб,
Весь закат – в веселии.
Ветр, будь милосерд!
Я, как брат Лаэрт,
Плачу об Офелии.

Бледен лунный серп.
Там – тоска, ущерб;
Здесь – все светом залито.
Ветр, будь милосерд!
Кто во прах поверг,
Близ могилы, Гамлета?

Вздрагнет каждый нерв...
И из тайных недр
Память кажет облики...
Ветр, будь милосерд!
Верба, словно кедр,
Шлет на стоны отклики.

1916

Ночной гном

Жутко в затворенной спальне.
Сердце стучит все страдальней;
Вторят часы все печальней;
Кажется: в комнате дальней
По золотой наковальне
Бьет серебром
Безжалостный гном.

Стелются гостеприимней
Сумраки полночи зимней;

В лад с молотком, все интимней
Тени поют; в тихом гимне
Ночь умоляет: «Прости мне!»
Нежная мгла
Кругом облегла.

Жутко в безжизненном доме...
Сердце изныло в истоме...
Ночь напевает... Но, кроме
Гимнов, чуть слышимых в дреме,
Бьет, утомительно – гномий
Молот в тиши,
По тайнам души...

1916

Ночные страхи

*И бездна нам обнажена,
С своими страхами и мглами...
Вот отчего нам ночь страшна.*
Ф. Тютчев

Как золото на черни,
Блестит, во мгле вечерней,
Диск маятника; стук
Минут в тиши размерной.
Невольно – суеверней

Глядишь во мрак, вокруг.

Ночь открывает тайны.
Иной, необычайный
Встал мир со всех сторон.
Безмерный и бескрайный...
И страхи не случайны,
Тревожащие сон.

Те страхи – груз наследий
Веков, когда медведи
Царили на земле;
Когда, копьём из меди
Наметив, о победе
Мы спорили во мгле;

Когда, во тьме пещеры,
Шагов ночной пантеры
Страшился человек...
И древние химеры,
В преданьях смутной веры,
Хранит доньне век.

1916

На закатном поле

Красным закатом забрызгано поле;

Дождь из оранжевых точек в глазах;
Призрак, огнистый и пестрый до боли,
Пляшет и машет мечами в руках.

Тише! закрой утомленные веки!
Чу! зажурчали певуче струи...
Катятся к морю огромные реки;
В темных ложбинах не молкнут ручьи.

В пьяной прохладе вечернего сада
Девушка никнет на мрамор плечом...
Плачет? мечтает? – не знаю! не надо
Ведать: о ком! догадаться: о чем!

Было, иль будет, – мечта просияла,
В строфы виденье навек вплетено...
Словно, до дна, из кристалла фиала
Выпито сердцем густое вино.

Взоры открою: закатное поле,
Призрак огнистый с мечами в руках,
Солнце – багряно... Но ясен до боли
Девичий образ в усталых глазах!

Ночь 4/5 марта 1916

Близ милых уст

Это – надгробные нении...

Это – надгробные нении в память угасших любовей,
Мигов, прошедших в томлении у роковых изголовий.
В дни, когда манят видения, в дни, когда радости внове,
Кто одолел искушения страстью вскипающей крови?
Благо вам, ложь и мучения, трепет смертельный в
алькове,
Руки в святом онемении, болью сведенные брови!
Благо! Вы мчали, в течении, жизни поток до низовий...
Но океан в отдалении слышен в торжественном зове.
Сердце окрепло в борении, дух мой смелей и суровей;
Ныне склоняю колени я, крест мой беру без условий...
Так колебался все менее ангелом призванный Товий.
Это – надгробные нении, память отшедших любовей.

1916

Привет через звезды

Канули краски заката,
Даль синевами объята:

Словно зубцы из агата,
Сосны встают из-за ската;
Выступит скоро Геката...
Но, непорочно и свято,
Сквозь океан аромата,
Взорами нежного брата
В эту юдоль темноты
Звезды глядят с высоты.
Ищешь ли в небе и ты
Отблеск Плеяд, – как когда-то?

Знаю, что мили и мили
Нас, в этот час, разделили.
Нет за плечом моим крылий,
Чтоб полететь без усилий
В край кипарисов и лилий...
Грозные дни опалили
Сердце мое, как в горниле...
Только сверкающей пыли
Солнц и безвестных планет
Я отдаю свой привет!
Вновь мы вдвоем? или свет
Горько ответит мне: «Были!»

Trionfo della morte⁴⁰

Вспомни вскрики в огненной купели ласк, —
Зов смычка, поющего в метели пляск, —
И клинка, сверкнувшего у щели, лязг!

Вспомни: гнулось тело, как живая жердь;
За окном горела заревая твердь,
Но из мглы смотрела, вам кивая, – Смерть!

Словно все открылись тайны в сладкий миг,
Словно разрешились все загадки книг:
Молнией сверкнув, смежились в краткий крик!

Ты вступил в неизмеримость, – в звездный сон;
Свет светил терялся, как над бездной звон...
Для чего ж раздался бесполезный стон?

Ты стоял в просторе несказанных зал,
Меж зеркал таинственно-туманных – мал.
И вонзались в душу сотни жданных жал.

1916

⁴⁰ Триумф смерти (*ит.*).

Последнее счастье

В гробу, под парчой серебристой, созерцал я последнее счастье,
Блаженство, последнее в жизни, озаренной лучами заката;
И сердце стучало так ровно, без надежд, без любви, без пристрастья,
И факелы грустно горели, так спокойно, так ясно, так свято.

Я думал, безропотно верил, что навек для меня отзвучали
Все яркие песни восторга, восклицанья живых наслаждений;
В мечтах я покорно поставил алтари Неизменной Печали,
И душу замкнул от лукавых, как святилище, воспоминаний.

Но в Книге Судьбы назначали письма золотые иное:
От века в ней было сказанье о магически-избранной встрече,
И я узнаю богомольно, что нас в мире, по-прежнему, двое,
И я, как пророчество, слышу повторенные милые речи.

О, радость последнего чуда и любви безнадежно-последней!

Как яд, ты вливаешь в желанья опьянительно-жуткую
нежность.

Стираешь все прежние грезы беспощадней, чем смерть,
и бесследной,

Даешь угадать с содроганьем, что таит для людей
неизбежность!

Все то же, что нежило утром, этим вечером жизненным
нежит,

Но знаю, что нового чуда на земле ожидать не могу я,
И наши сплетенные руки только божия воля развяжет,
И только с лобзанием смерти я лишусь твоего поцелуя!

8 октября 1914

ОПЯТЬ МГНОВЕНИЯ

1. Снежный призрак

Томно-мятежный
Сдержанный трепет
Руки нам свяжет;
Радостной дрожью
Губы нам сцепит;
Заповедь божью
Вкрадчиво-нежный
Внутренний лепет

Тайно доскажет;
В дали безбрежной
Слитую с ложью
Правду покажет;
Образы – снежной
Статуей – слепит, —
И, безнадежный,
Дух наш к подножью
Призрака ляжет!

22 апреля 1917

2. Качели

Вот опять мы уносимся, взброшенные
Беспощадным размахом качелей,
Над лугами, где блещут некошенные
Снеговые цветы асфоделей.

То – запретные сферы, означенные
В нашем мире пылающей гранью...
И сердца, содроганьем охваченные,
Отвечают безвольно качанью.

Лики ангелов, хор воспевающие,
Вопиющие истину божью,
Созерцают виденья сверкающие
С той же самой мистической дрожью.

И, свидетель их светлой восторженности,
Робко взор уклоняя незрячий,
Содрогаются, в муке отторженности,
Падший дух в глубине – не иначе!

Ветер вьет одеяние жреческое,
Слабнут плечи, и руки, и ноги,
Исчезает из душ человеческое...
«Будете вы, как боги!»

1917

3. В ладье

Дрожит ладья, скользя медлительно,
На тихих волнах дрожит ладья.
И ты и я, мы смотрим длительно,
В одном объятьи – и ты и я.

Встал водопад в дали серебряной,
В дыму и брызгах встал водопад...
Как будто яд, нам в тело внедренный,
Палит, сжигает... Как будто яд!

За мигом миг быстрее течение,
Все ближе бездна за мигом миг...
Кто нас настиг? Понять все менее

Способно сердце, кто нас настиг.

В водоворот, волной захваченный,
Челнок несется – в водоворот...
Ты—близко, вот! О, смысл утраченный
Всей темной жизни, ты близко, вот!

1915—1916

Над вечной тайной

Марфа и Мария

Печемся о многом, —
Одно на потребу:
Стоять перед богом
Со взорами к небу.

Но божье – вселико,
Небесное – разно:
Бог – в буре великой,
Бог – в грани алмазной.

И в розах, и в книгах,
И в думах, и в бое,
И в сладостных мигах,
Когда нас – лишь двое.

И в каждом есть божье,
И каждый угоден,
Покинув подножье,
Войти в свет господен.

Не бойся, что много

Ты любишь, ты ценишь,
Исканиям бога
Доколь не изменишь!

1916

ВЫХОДЫ

*Ante omnia cavl, ne quie voa teneret
invitos: patet exitue.*

*Seneca*⁴¹

Прекрасна жизнь! – Но ты, измученный,
Быть может, собственным бессильем,
Не говори, к стыду приученный,
Что тщетно мы взываем к крыльям.

Есть много роковых возможностей
Освободить мечту от власти
Житейских тягостных тревожностей,
Сомнений, унижений, страсти.

Душа, озлобленно усталая,
Томимая судьбой, как пленом!
Не даст ли отдых – стклянка малая

⁴¹ Больше всего остерегаюсь, чтобы кто-либо не удержал вас против воли: выход открыт. Сенека (лат.).

С латинской надписью: «venenum»?⁴²

Желания, что жизнь бесплодная
В неодолимый круг замкнула,
Не отрешит ли – сталь холодная
Красиво отлитого дула?

Иль просто – мост над закрутившимся
В весенней буйности потоком,
Сулящий думам возмутившимся
Покой в безмолвии глубоком?

Что не воззвать: «Клинок отточенный,
Из ножен вырываясь, взвизгни,
И дай значенье – укороченной,
Но вольно-завершенной жизни!»

А древле-признанные способы?
Забиться в тепловатой ванне,
Чтоб все померкло, и вопроса бы:
«Сон скоро ль?» – не было желанней!

Иль, жуткими прельстясь дурманами
И выбрав путь прямей, бескровней, —
Упитья угольями рдяными
С изящной, низенькой жаровни!

А прочный шнур, надежно взмыленный,

⁴² Яд (лат.)

Сжимающий любовно шею,
Чтоб голос, негой обессиленный,
В последний раз воскликнул: «Смею!»

А окна, что восьмиэтажные
Пред взором разверзают бездны?
А поездов свистки протяжные
И рельсы, – этот «путь железный»!

О! Если, с нежностью магической,
Тебе мечта твердит: «исполни!»
Подумай: в искре электрической
Затаены удары молний!

Иди, и, с мужеством сознательным,
Хоть раз один упорствуй в вере,
Не кроясь доводом предательным,
Что заперты пред нами двери!

Живите вы, чьи сны развеяны
Над роскошью пути земного!
Устали, брошены, осмеяны,
Вы крикните: «Еще и снова!»

Но вы, на полпути поникшие,
Вы, чуждые блаженства в муке, —
Припомните уста, привыкшие
Учить бестрепетной науке!

Для вас, изведавших ничтожество
Своих надежд, сказал Сенека:
«Открытых выходов есть множество
Из тесной жизни человека!»

15 февраля 1916

Уйди уверенно

Кого из жизни бури выбили,
Кто сух, как запыленный куст,
Не выдавай желанья гибели
И дум, что мир уныл и пуст, —
В словах ли сдержанных, в изгибе ли
Отвыкших улыбаться уст.

Таи, что мутными и жуткими
Часы влачатся для тебя,
Что жизнь, как жерновами, сутками
Твое сознание мнет, дробя,
Что счастлив ты лишь промежутками
Меж явью, сумрак возлюбя.

Что и во снах, порой, без жалости
Все тот же ужас бытия
Тебя гнетет в твоей усталости,
Иль тайно колет, как змея...
Прикинься, что земные малости

Отринула душа твоя.

Умей притворными улыбками
Встречать обманчивых друзей,
Грустить прилично, лишь со скрипками,
Поющими в кругу гостей;
Как кормщик, над валами зыбкими
Скользить насмешливо умей.

И, высмотрев спокойно с палубы,
Что твой последний луч погас,
Что, как поверхность ни блистала бы,
Дна не достанет водолаз, —
Ты вдруг, без выкриков, без жалобы,
Уйди уверенно от нас!

1916

Перешедшие – оставшимся

Мы – здесь! мы – близко! Ты не веришь?
О, бедный! о, незрячий брат!
Ты мир неверной мерой меришь!
Пойми, – чему ты верить рад:
Что бесконечна жизнь; потери ж
Обманывают только взгляд!

Твой взор не видит. Всё ж мы близко,

Вот здесь, вот там и близ тебя!
Пусть Смерть глазами василиска
Глядит, мгновенное губя:
Сияньем неземного диска
Любовь горит, всегда любя.

Усни для этой жизни косной:
В твоей руке твой карандаш
Шепнет, что есть иные весны,
И ты узнаешь голос наш.
Дух торжествует светоносный,
Твоя и наша жизнь – всё та ж!

Сейчас, вот в этот миг, не в высь ли
Твои возносятся мечты?
То мы подсказываем мысли
Тебе – из тайны темноты;
То наши помыслы нависли
Над сном твоим: им внемлешь ты!

Жить лишь до смерти – слишком мало!
Того не допустил творец.
Пути безграничны идеала,
Далеки цели и венец.
Смерть! смерть земли! твое где жало?
Жизнь! жизнь земли! твой где конец?

Сонет к смерти

Смерть! обморок невыразимо-сладкий!
Во тьму твою мой дух передаю,
Так! вскоре я, всем существом, вопью, —
Что ныне мучит роковой загадкой.

Но знаю: убаюкан негой краткой,
Не в адской бездне, не в святом раю
Очнусь, но вновь – в родном, земном краю,
С томленьем прежним, с прежней верой шаткой.

Там будут свет и звук изменены,
Туманно – зримое, мечты – ясны,
Но встретят те ж сомнения, как прежде;

И пусть, не изменив живой надежде,
Я волю пронесу сквозь темноту:
Желать, искать, стремиться в высоту!

22 марта 1917

В альбомах

Мы

*Мы – гребень встающей волны.
«Tertia Vigilia»*

Мы были гребень волны взнесенной...
Но белой пеной окроплены,
Мы разостлались утомленно,
Как мертвый плат живой волны.

Мы исчезаем... Нас поглощает
Волна другая, чтоб миг блеснуть,
И солнце зыби позлащает
Волн, приходящих умереть.

Я – капля в море! Назад отринут,
Кружусь в просторе, – но не исчез.
И буду бурей снова вскинут
Под вечным куполом небес!

В альбом Н***

Люблю альбомы: отпечаток
На них любезной старины;
Они, как дней иных остаток,
Легендой заморожены.

Беря «разрозненные томы
Из библиотеки чертей»,
Я вспоминаю стих знакомый
Когда-то модных рифмачей.

Он кажется живым и милым
Лишь потому, что посвящен
Виденьям серебристокрылым
Давно развеянных времен.

И, вписывая строки эти
В почти безгрешную тетрадь,
Я верю, что еще на свете
Осталось, для кого писать!

6 марта 1916

П. И. Постникову

Что в протоплазме зыблил океан,
Что древле чувствовал летучий ящер,
В чем жизнь была первичных обезьян, —
Всё ты впитал в себя, мой давний пращур!

И плоть живую передал ты мне,
Где каждый мускул, все суставы, кости
Гласят, как знав, о грозной старине,
О тех, что спят на мировом погосте.

Наследие бесчисленных веков,
Мое так мудро слепленное тело!
Ты – книга, где записано без слов
То прошлое, что было и истлело.

Ты говоришь про жизнь в морских волнах,
Про ползанье, летанье, о трехглазом
Чудовище, о гнездах на ветвях...
Блажен, кто слух склонил к твоим рассказам!

Блажен, кто понял, вешнее, тебя
И, видя человеческую бренность,
Умеет в ней разгадывать, любя,
Природы беспредельной неизменность!

Завидую тому, кто, острый взор
Склонив на эти связки, эти вены,
За ними видит мировой простор
И вечной жизни радостные смены!

16 августа, 1916

К. А. Коровину

Душа твоя, быть может, ослепительней,
Чем яркость буйная твоих картин.
И в нашем мире что-то удивительней
Всех пышных красок видишь ты один,

Всех райских сил вожди многокрылатые
Выводят пред тобой свои полки,
А где-то в безднах демоны-вожатаи,
Раскинув крылья, плачут от тоски.

И Дантово виденье, Rosa Mystica,
Стоит всегда, блистая, пред тобой,
Во всех лучах, в дрожаньи каждом листика,
В любом лице и в девушке любой.

Твои полотна – отзвук еле слышимый
Гармонии, подслушанной в раю;
В них воздухом Эдема смутно дышим мы,
В них прозреваем мы мечту твою.

Как Моисей познал косноязычие,
Ты знаешь невозможность – вое сказать...
Гордись: в твоём бессилии – величие,
В твоей безвольной кисти – благодать!

1916

Клавдии Николаевне ***

Вы только промелькнули, – аккуратной,
Заботливой и ласковой всегда.
В чем ваша жизнь? Еще мне непонятно...
Да и понятным будет ли когда?

Вы для меня останетесь виденьем
Вне времени; вы в жизнь мою вошли,
Чтоб в ней блеснуть по нескольким мгновеньям
И в памяти, как луч, сиять вдали.

Но что ж! Два-три небезучастных слова,
Да столько ж раз – простой и добрый взгляд:
Ведь это много для пути земного,
Где чаще взоры лгут, слова язвят.

За, может быть, привычное участие,
За общую улыбку, может быть,
Иль, наконец, за ваше беспристрастье —

Мне так отрадно вас благодарить.

И в эти дни мучительной расплаты,
Когда невольной праздности пора
Меня гнетет, — я понял, что солдаты
Влагают в имя нежное «сестра»!

14 августа 1916

Ов. Иоаннисиану
В альбом

К тебе приблизиться, то значит —
Вдохнуть души прекрасной свет.
Кто удручен, кто тайно плачет, —
Тот ищет строф твоих, поэт.
В армянской новой жизни начат
Твоим напевом яркий след!

1916

И. Туманьяну
Надпись на книге

...Да будет праведно возмездие

Судьбы – и в годах и в веках:
Так! создал новое созвездие
Ты на армянских небесах.

Пусть звезды малые и крупные
Тебя кропят, пронзая тьму:
Мы смотрим в сферы недоступные,
Дивясь сиянию твоему!

25 февраля 1916

Мое упорство

*О, лень моя! ты—вожделенный сад!
Муни*

Мое упорство, ты – неукротимо!
Пусть яростно года проходят мимо,
Пусть никнут силы, сломлены борьбой,
Как стебель гордой астры под грозой;
Встаю, иду, борюсь неутомимо!
Моя душа всегда огнем палима.
В дневной толпе и в тишине ночной,
Когда тружусь, когда лежу больной, —
Я чувствую, что крылья серафима
Меня возносят, пламя в клубах дыма;
Над человечеством столп огневой,
Горю своим восторгом и тоской,

И буду я гореть неумолимо!
Пусть яростно века проходят мимо!

4 июня 1916

Последний спор *Из дневника*

Северным ветром взволнован, остужен,
Буйно вздымает валы океан...
Челн мой давно с непогодами дружен.

Близко побережье неведомых стран;
Вкруг, неприветлив, озлоблен и व्यужен,
Буйно вздымает валы океан.

Знаю, что путь мой – неверен, окружен,
Знаю, что смертью грозит ураган:
Челн мой давно с непогодами дружен!

Стелется с берега серый туман,
Пляшут акулы, предчувствуя ужин...
Буйно вздымает валы океан.

Старый Нептун! если дар тебе нужен,
Бей по корме, беспощаден и пьян!
Челн мой давно с непогодами дружен.

Ведал он скалы и мелей обман,
Любит борьбу и недаром натружен...
Буйно вздымает валы океан.

Что ж! Если спор наш последний рассужен,
Кану на дно, – но, лучом осиян,
Строй меня встретит подводных жемчужин!

1916

Роковой ряд *Венок сонетов*

1. Леля

Четырнадцать имен назвать мне надо...
Какие выбрать меж святых имен,
Томивших сердце мукой и отрадой?
Все прошлое встает, как жуткий сон.

Я помню юность; синий сумрак сада;
Сирени льнут, пьяня, со всех сторон;
Я – мальчик, я – поэт, и я – влюблен,
И ты со мной, державная Дриада!

Ты страсть мою с улыбкой приняла,
Ласкала, в отроче поэта холя,
Дала восторг и, скромная, ушла...

Предвестье жизни, мой учитель, Леля!
Тебя я назвал первой меж других
Имен любимых, памятных, живых.

2. Таля

Имен любимых, памятных, живых
Так много! Но, змеей меня ужаля,
Осталась ты царицей дней былых,
Коварная и маленькая Таля.

Встречались мы среди шумов городских;
Являлась ты под складками вуаля,
Но нежно так стонала: «милый Валя», —
Когда на миг порыв желаний тих.

Все ж ты владела полудетской страстью;
Навек меня сковать мечтала властью
Зеленых глаз... А воли жаждал я...

И я бежал, измены не тая,
Тебе с безжалостностью кинув: «Падай!»
С какой отравно-ранящей усладой!

3. Маня

С какой отравно-ранящей усладой
Припал к другим я, лепетным, устам!
Я ждал любви, я требовал с досадой,
Но чувству не хотел предаться сам. .

Мне жизнь казалась блещущей эстрадой;
Лобзанья, слезы, встречи по ночам, —
Считал я все лишь поводом к стихам,
Я скорбь венчал сонетом иль балладой.

Был вечер; буря; вспышки облаков;
В беседке, там, рыдала ты, – без слов
Поняв, что я лишь роль играю, рая...

Но роль была – мой Рок! Прости мне, Маня!
Себя судил я в строфах огневых...
Теперь, в тоске, я повторяю их.

4. Юдифь

Теперь, в тоске, я повторяю их,
Но губы тяготит еще признание.

Так! Я сменил стыдливые рыдания
На душный бред безвольностей ночных.

Познал я сладость беглого свиданья,
Поспешность ласк и равный пыл двоих,
Тот «тусклый огонь» во взорах роковых,
Что мучит наглым блеском ожиданья.

Ты мне явила женщину в себе,
Клейменую, как Пасифая в мифе,
И не забыть мне «пламенной Юдифи»!

Безлюбных больше нет в моей судьбе,
Спешу к любви от сумрачного чада,
Но боль былую память множить рада.

5. Лада

Да! Боль былую память множить рада!
Светлейшая из всех, кто был мне дан!
Твой чистый облик нимбом осиян,
Моя любовь, моя надежда, Лада!

Нас обручили гулы водопада,
Благословил, в чужих горах, платан,
Венчанье наше славил океан,
Нам алтарем служила скал громада!

Что б ни было, нам быть всегда вдвоем;
Мы рядом в мир неведомый войдем;
Мы связаны звеном святым и тайным!

Но путь мой вел еще к цветам случайным;
Я Должен вспомнить ряд часов иных...
О, счастье мук, порывов молодых!

6. Таня

О, счастье мук, порывов молодых!
Ты вдруг вошла, с усмешкой легкой, Таня,
Стеблистым телом думы отуманя,
Смутив узорностью зрачков косых.

Стыдась, ты требовала ласк моих,
Любовница, меня вела, как няня,
Молилась, плакала, меня тираня,
Прозя то перлов, то цветов простых.

Невольно влекся я к твоей причуде,
И нравились мне маленькие груди,
Похожие на форму груш лесных.

В алькове брачном были мы, – как дети,
Переживая ряд часов-столетий,

Навек закрепощенных в четкий стих!

7. Ли́ла

Навек закрепощенных в четкий стих,
Прореяло немало мигов. Было
Светло и страшно, жгуче и уныло...
Привет тебе, среди цариц земных,

Недолгий призрак, царственная Ли́ла!
Меня внесла ты в счет рабов своих...
Но в цепи я играл: еще ничьих
Оков – душа терпеть не снисходила.

Актер, я падая пред тобой во прах,
Я лобызал следы твоих сандалий,
Я дел терцинами твой лик медалей...

Но страсть уже стояла на часах...
И вдруг вошла с палящей сталью взгляда,
Ты – слаще смерти, ты – желанней яда.

8. Ди́на

Ты – слаще смерти, ты – желанней яда,

Околдовала мой свободный дух!
И взор померк, и воли огонь потух
Под чарой сатанинского обряда.

В коленях – дрожь; язык – горяч и сух;
В раздумьях – ужас веры и разлада;
Мы – на постели, как я провалах Ада,
И меч, как благо, призываем вслух!

Ты – ангел или дьяволица. Дина?
Сквозь пытки все ты провела меня,
Стыдом, блаженством, ревностью казня.

Ты помниться проклятой, но единой!
Другие все проходят за тобой,
Как будто призраков туманный строй.

9. Любовь

Как будто призраков туманный строй,
Все те, к кому я из твоих объятий
Бежал в безумьи... Ах! твоей кровати
Возжжен был стигман в дух смятенный мой.

Напрасно я, обманут нежней тьмой,
Уста с устами близил на закате!
Пронзен до сердца острием заклятий,

Я был на ложах – словно труп немой.

И ты ко мне напрасно телом никла,
Ты, имя чье стозвучно, как Любовь!
Со стоном прочь я отгибался вновь...

Душа быть мертвой – сумрачно привыкла,
Тот облик мой, как облик гробовой,
В вечерних далях реет предо мной.

10. Женя

В вечерних далях реет предо мной
И новый образ, полный женской лени,
С изнеженной беспечностью движений,
С приманчивой вокруг взоров синевой.

Но в ароматном будуаре Жени
Я был все тот же, тускло-неживой;
И нудил ропот, женственно-грудной,
Напрасно – миги сумрачных хотений.

Я целовал, но – как восставший труп,
Я слышал рысий, истерийный хохот,
Но мертвенно, как законный грохот...

Так водопад стремится на уступ,

Хоть страшный путь к провалу непременно...
Но каждый образ для меня священен.

11. Вера

Да! Каждый образ для меня священен!
Сберечь бы все! Сияй, живи и ты,
Владычица народа и мечты,
В чьей свите я казался обесценен!

На краткий миг, но были мы слиты,
Твой поцелуй был трижды драгоценен;
Он мне сказал, что вновь я дерзновенен,
Что властен вновь я жаждать высоты!

Тебя зато назвать я вправе «Верой»;
Нас единила общность ярких грез,
И мы взлетали в область вышних гроз,

Как два орла, над этой жизнью серой!
Но дремлешь ты в могильной глубине...
Вот близкие склоняются ко мне.

13. Надя

Вот близкие склоняются ко мне,
Мечты недавних дней... Но суесловью
Я не предаю святыни, что с любовью
Таю, как клад, в душе, на самом дне.

Зачем, зачем к святому изголовью
Я поникал в своем неправом сне?
И вот – вечерний выстрел в тишине, —
И грудь ребенка освятилась кровью.

О, мой недолгий, невозможный рай!
Смирись, душа, казни себя, рыдай!
Ты приговор прочла в последнем взгляде.

Не смея снова мыслить о награде
Склоненных уст, лежал я в глубине,
В смятеньи – думы, вся душа – в огне...

13. Елена

В смятеньи – думы; вся душа – в огне
Пылала; грезы – мчались в дикой смене...
Молясь кому-то, я сгибал колени...
Но был так ласков голос в вышине.

Еще одна, меж радужных видений,
Сошла, чтоб мне напомнить о весне...

Челнок и чайки... Отблеск на волне...
И женски-девий шепот; «Верь Елене!»

Мне было нужно – позабыть, уснуть;
Мне было нужно – в ласке потонуть,
Мне, кто недавно мимо шел, надменен!

Над озером клубился белый пар...
И принял я ее любовь, как дар...
Но ты ль, венок сонетов, неизменен?

14. Последняя

Да! Ты ль, венок сонетов, неизменен?
Я жизнь прошел, казалось, до конца;
Но не хватало розы для венца,
Чтоб он в столетьях расцветал, нетленен.

Тогда, с улыбкой детского лица,
Мелькнула ты. Но – да будет покровенен
Звук имени последнего: мгновенен
Восторг признаний и мертвит сердца!

Пребудешь ты неназванной, безвестной, —
Хоть рифмы всех сковали связью тесной.
Прославят всех когда-то наизусть.

Ты – завершение рокового ряда:
Тринадцать названо; ты – здесь, и пусть —
Четырнадцать назвать мне было надо!

15. Заключительный

Четырнадцать назвать мне было надо
Имен любимых, памятных, живых!
С какой отравно-ранящей усладой
Теперь, в тоске, я повторяю их!

Но боль былую память множить рада;
О, счастье мук, порывов молодых,
Навек закрепощенных в четкий стих!
Ты – слаще смерти! ты – желанней яда!

Как будто призраков туманный строй
В вечерних даях реет предо мной, —
Но каждый образ для меня священен.

Вот близкие склоняются ко мне...
В смятеньи – думы, вся душа – в огне...
Но ты ль, венок сонетов, неизменен?

22 мая 1916

16. Кода

Да! ты ль, венок сонетов, неизменен?
Как прежде, звезды жгучи; поздний час,
Как прежде, душен; нежны глуби глаз;
Твой поцелуй лукаво-откровенен.

Твои колени сжав, покорно-пленен,
Мир мерю мигом, ах! как столько раз!
Но взлет судьбы, над бурей взвивший нас,
Всем прежним вихрям грозно равномерен.

Нет, он – священной: на твоём челе
Лавр Полигимнии сквозит во мгле,
Песнь с песней мы сливаем властью лада.

Пусть мне гореть! – но в том огне горишь
И ты со мной! – я был неправ, что лишь
Четырнадцать имен назвать мне надо.

1920

СНЫ человечества

[Песни первобытных племен]

Из песен австралийских дикарей

1

Кенгуру бежали быстро,
Я еще быстрее.
Кенгуру был очень жирен,
А я его съел.
Пусть руками пламя машет,
Сучьям затрещать пора.
Скоро черные запляшут
Вкруг костра.

2

Много женщин крепкотелых,
Мне одна мила.

И пьяней, чем водка белых,

Нет вина!

Ай-ай-ай! крепче нет вина!

Будем мы лежать на брюхе

До утра всю ночь.

От костра все злые духи

Уйдут прочь!

Ай-ай-ай! уйдут духи прочь!

<1907>

[Отзвуки Атлантиды]

Женщины Лабиринта

Город – дом многоколонный,
Залы, храмы, лестниц винт,
Двор, дворцами огражденный,
Сеть проходов, переходов,
Галерей, балконов, сводов, —
Мир в строеньи: Лабиринт!

Яркий мрамор, медь и золото,
Двери в броне серебра,
Роскошь утвари богатой, —
И кипенье жизни сложной,
Ночью – тайной, днем – тревожной,
Буйной с утра до утра.

Там, – при факелах палящих,
Шумно правились пиры;
Девы, в туниках сквозящих,
С хором юношей, в монистах,
В блеске локонов сквозистых,
Круг сплетали для игры;

Там – надменные миносы
Колебали взором мир;
Там – предвечные вопросы
Мудрецы в тиши судили;
Там – под кистью краски жили,
Пели струны вещей лир!

Всё, чем мы живем поныне, —
В древнем городе-дворце
Расцветало в правде линий,
В тайне книг, в узоре чисел;
Человек чело там высил
Гордо, в лавровом венце!

Все, что ведала Эллада, —
Только память, только тень,
Только отзвук Дома-Града;
Песнь Гомера, гимн Орфея —
Это голос твой, Эгейя,
Твой, вторично вставший, день!

Пусть преданья промолчали;
Камень, глина и металл,
Фрески, статуи, эмали
Встали, как живые были, —
Гроб раскрылся, и в могиле
Мы нашли свой идеал!

И, венчая правду сказки,

Облик женщины возник, —
Не она ль в священной пляске,
Шла вдоль длинных коридоров, —
И летели стрелы взоров,
Чтоб в ее вонзиться лик?

Не она ль взбивала кудри,
К блеску зеркала склонясь,
Подбирала гребень к пудре,
Серьги, кольца, украшения,
Ароматы, умощенья,
Мазь для губ, для щечек мазь?

Минул ряд тысячелетий,
Лабиринт – лишь скудный прах..
Но те кольца, бусы эти,
Геммы, мелочи бывшего, —
С давним сердце близят снова;
Нить жемчужная в веках!

1917

Пирамиды

В пустыне, где царственный Нил
Купает ступени могил;
Где, лаврам колышимым вторя,
Бьют волны Эгейского моря;

Где мир италийских полей
Скрывает этрусских царей;
И там, за чертой океана,
В волшебных краях Юкатана,
Во мгле мексиканских лесов, —
Тревожа округлость холмов
И радостных далей беспечные виды,
Стоят Пирамиды.

Из далей столетий пришли
Ровесницы дряхлой Земли
И встали, как символы, в мире!
В них скрыто – и три, и четыре,
И семь, и двенадцать: в них смысл
Первичных, таинственных числ,
И, в знак, что одно на потребу,
Чело их возносится к небу
Так ты неизменно стремись,
Наш дух, в бесконечную высь!
«Что горе и радость? успех и обиды? —
Твердят Пирамиды.—

Все минет. Как льется вода,
Исчезнут в веках города,
Разрушатся стены в своды,
Пройдут племена и народы;
Но будет звучать наш завет
Сквозь сонмы мятущихся лет!
Что в нас, то навек неизменно.

Все прозрачно, бrenно и тленно, —
Песнь лиры, создание резца.
По будем стоять до конца,
Как истина под покрывалом Изиды,
Лишь мы. Пирамиды!

Строители наши в веках
Осилили сумрачный прах,
И тайну природы постигли,
И вечные знаки воздвигли,
Мечтами в грядущем паря.
Пусть канул их мир, как заря
В пыланиях нового века, —
Но смутно душа человека
Хранит в глубине до сих пор,
Что звали – Орфей, Пифагор,
Христос, Моисей, Заратустра, друиды,
И мы. Пирамиды!

Народы! идя по земле,
В сомнениях, в праве и зле,
Живите божественной тайной!
Вы связаны все не случайно
В единую духом семью!
Поймите же общность свою,
Вы, индусы, греки, славяне,
Романцы, туранцы, армяне,
Семиты и все племена!
Мы бросили вам семена.

Когда ж всколосится посев Атлантиды?
Мы ждем. Пирамиды!»

1917

Город вод

Был он, за шумным простором
Грозных зыбей океана,
Остров, земли властелин.
Таёт пред умственным взором
Мгла векового тумана,
Сумрак безмерных глубин.

Было то – утро вселенной,
Счет начинавших столетий,
Праздник всемирной весны.
В радости жизни мгновенной,
Люди там жили, как дети,
С верой в волшебные сны.

Властвуя островом, смело
Царства раздвинул границы
Юный и мощный народ...
С моря далеко горело
Чудо всесветной столицы,
Дивного Города Вод.

Был он – как царь над царями.
Все перед ним было жалко:
Фивы, Мемфис, Вавилон,
Он, опоясан кругами
Меди, свинца, орихалка,
Был – как огнем обнесен!

Высилась в центре громада
Храма Прозрачного Света —
Дерзостной воли мечта,
Мысли и взорам услада,
Костью слоновой одета,
Золотом вся залита.

Статуи, фрески, колонны,
Вязь драгоценных металлов,
Сноп самоцветных камней;
Сонм неисчетный, бессонный, —
В блеск жемчугов и кораллов,
В шелк облаченных людей!

Первенец древнего мира,
Был он единственным чудом,
Город, владыка земель,
Тот, где певучая лира
Вольно царила над людом,
Кисть, и резец, и свирель;

Тот, где издавна привыкли

Чтить мудрецов; где лежали
Ниц перед ними цари;
Тот, где все знанья возникли,
Чтоб обессмертить все дали
Благостью новой зари!

Был – золотой Атлантиды
Остров таинственно-властный,
Ставивший вехи в веках:
Символы числ, пирамиды, —
В Мексике жгуче-прекрасной,
В нильских бесплодных песках.

Был, – но его совершенства
Грани предельной достигли,
Может быть, грань перешли...
И, исчерпав все блаженства,
Всё, что возможно, постигли
Первые дети Земли.

Дерзко умы молодые
Дальше, вперед посягнули,
К целям запретным стремясь...
Грозно восстали стихии,
В буре, и в громе, и в гуле
Мира нарушили связь.

Пламя, и дымы, и пены
Встали, как вихрь урагана;

Рухнули тверди высот;
Рухнули башни и стены,
Всё, – и простор Океана
Хлынул над Городом Вод!

1917

Эгейские вазы

Они пленительны и нежны,
Они изысканно-небрежны,
То гармонически размерны,
То соблазнительно неверны,
Всегда законченны и цельны,
Неизмеримо-нераздельны,
И завершенность линий их
Звучит, как полнопевный стих.

От грозных и огромных пифов
До тонких, выточенных скифов,
Амфоры, лекифи, фиалы,
Арибаллы и самый малый
Каликий, все – живое чудо:
В чертах разбитого сосуда,
Загадку смерти разреша,
Таится некая душа!

Как исхищренны их узоры,

Ласкающие сладко взоры:
В запутанности линий гнутых,
То разомкнутых, то сомкнутых,
Как много жизни претворенной, —
Пресыщенной и утомленной
Холодным строем красоты,
В исканьях новой остроты!

И вот, причудливо согнуты,
Выводят щупальцами спруты
По стенкам нежные спирали;
Плывут дельфины на бокале,
И безобразны и прекрасны;
И стебель, странно-сладострастный, —
Па что-то грешное намек, —
Сгибает девственный цветок.

На черном поле звезды – рдяны,
Горят, как маленькие раны,
А фон лазурный иль червлёный
Врезают черные фестоны;
Глазам и сладостно и больно,
И мысль прикована неволью
К созданиям чужой мечты,
Горящим светом красоты.

Глубокий мрак тысячелетий
Расходится при этом свете!
И пусть преданья мира – немь!

Как стих божественной поэмы,
Как вечно ценные алмазы,
Гласят раздробленные вазы,
Что их творец, хотя б на миг,
Все тайны вечности постиг!

1916—1917

Египет

Поучение

Тот, владыка написанных слов,
Тот, царящий над мудростью книг!

Научи меня тайне письмен,
Подскажи мне слова мудрецов.

Человек! умом не гордись,
Не мечтай: будешь славен в веках.

Над водой промелькнул крокодил,
И нырнул в глубину навсегда.

Нил священный быстро течет.
Жизнь человека протекает быстрей.

Ты пред братом хвалился: я мудр!
Рука Смерти равняет всех.

Тот, хранитель священных книг,
Тот, блюститель священных ключей!

Скажи: это написал Аменампат

Двадцать шестого Паини в третий год Мерери.

Март 1912

Ассирия

Клинопись

Царь, Бил-Ибус, я, это вырезал здесь,
Сын Ассура, я, был велик на земле.

Города разрушал, я, истреблял племена,
Города воздвигал, я, строил храмы богам.

Прекрасную Ниргал, я, сделал своею женой,
Алоустая Ниргал, ты, была как месяц меж звезд.

Черные кудри, Ниргал, твои, были темны, как ночь,
Соски грудей, Ниргал, твои, были алый цветок.

Белые бедра, Ниргал, твои, я в пурпур одел,
Благоуханные ноги, Ниргал, твои, я в золото обул.

Когда умерла ты, Ниргал, я сорок суток не ел.
Когда ушла ты, Ниргал, я десять тысяч казнил.

Царь, Бил-Ибус, я, был велик на земле,
Но, как звезда небес, исчезаешь ты, человек.

Эллада

Из песен Сапфо

1

Сокрылась давно Селена,
Сокрылись Плеяды. Ночи
Средина. Часы проходят.
А я все одна на ложе.

2

Ты кудри свои, Дика, укрась, милые мне, венками,
И ломкий анис ты заплети сладостными руками.
В цветах ты грядешь; вместе с тобой – благостные
Хариты.
Но чужды богам – те, кто придут, розами не увиты.

3

Геспер, приводишь ты все, разметала что светлая Эос,
Агнцев ведешь, ведешь коз, но от матери дочь
уводишь.

4

Рыбарю Пелагону отец Мениск водрузил здесь
Вершу и весло, памятник бедности их.

<1914>

Из Александрийской антологии

К Сапфо

1

Ты не в гробнице лежишь, под украшенным лирою
камнем:

Шумного моря простор – твой вечнозыблемый гроб.

Но не напеву ли волн твои были песни подобны,

И, как воды глубина, не был ли дух твой глубок?

Гимн Афродите бессмертной сложившая, смертная
Сапфо,

Всех, кого гонит любовь к морю, заступница ты!

2

Где твои стрелы, Эрот, – разившие взором Ифтимы,
Нежные, словно уста Гелиодоры младой,

Быстрые, словно улыбка Наиды, как Айя, живые?

Пусть твой колчан: все они в сердце вонзились мое.

3

Общая мать, Земля, будь легка над моей Айсигеной,
Ибо ступала она так же легко по тебе.

<1913?>

Рим

Ода в духе Горация

Не тем горжусь я, Фебом отмеченный,
Что стих мой звонкий римские юноши
На шумном пире повторяют,
Ритм выбивая узорной чашей.

Не тем горжусь я, Юлией избранный,
Что стих мой нежный губы красавицы
Твердят, когда она снимает
Строфий, готовясь сойти на ложе.

Надеждой высшей дух мой возносится,
Хочу я верить, – боги позволили, —
Что будут звуки этих песен
Некогда слышны в неизвестных странах.

Где ныне Парфы, ловкие лучники,
Грозят несмело легионариям,
Под сводом новых Академий
Будет вращать мои свитки ретор.

Где прежде алчный царь Эфиопии

Давал Нептуну праздник торжественный,
Мудрец грядущий с кожей черной
Имя мое благочестно вспомнит.

В равнине скудной сумрачной Скифии,
Где реки стыннут в льдистом обличий,
Поэт земли Гиперборейской
Станет моим подражать напевам.

1913

В духе Катулла

Обманули твои, ах! поцелуй,
Те, что ночь напролет я пил, как струи.
Я мечтал навсегда насытить жажду,
Но сегодня, как Скиф, без кубка стражду.
Ты солгал, о Насон, любимец бога!
Нет науки любви. И, глядя строго,
Беспощадный Амбр над тем хохочет,
Кто исторгнуть стрелу из сердца хочет.
Должно нам принимать богов решенья
Кротко: радости и любви мученья.

<1913>

В духе латинской антологии

1

Алую розу люби, цветок Эрицине любезный:
Он – на святых алтарях, в косах он радостных дев.
Если ты чтишь бессмертных, если ты к девам влечешься,
Розы алый намек знаком своим избери.
Тот же, кто дружбе, сердца врачующей, ввериться хочет,
Пусть полюбит мирт, отроков свежий венок.
Пенорожденной не чужд, мирт на мистериях темных
Тайну Вакха хранит, бога, прошедшего смерть.

2

Мне говорят, что Марина многим дарит свои ласки.
Что ж! получаю ли я меньше любви оттого?
Если солнце живет шиповник в саду у соседа,
Хуже ль в саду у меня алый сверкает тюльпан?
Если Зефир овеял Лукании луг утомленный,
Лацию в летний день меньше ль прохлады он даст?
Ласки любовников всех лишь огонь разжигают в Марине,
Жаждет, пылая, она, пламя чтоб я погасил.

3

Голос, груди, глаза, уста, волоса, плечи, руки,
Бедер ее аромат, краска румяных ланит,
Сколько лукавых сетей, расставленных хитрым Амором,
Чтобы одну поймать певчую птицу – меня!

<1912>

В духе римских эротиков

1

К статуе

Как корабль, что готов менять оснастку:
То вздывать паруса, то плыть на веслах,
Ты двойной предаваться жаждешь страсти.
Отрок, ищешь любви, горя желаньем,
Но, любви не найдя, в слезах жестоких,
Ласк награду чужих приемлешь, дева!
Хрупки весла твои, увы, под бурей,
Дай же ветру нырнуть в твои ветрила!

2

Дедал, корова твоя глаза быка обманула,
Но он обманут ли был также в желаньях
своих?

3

Нежный стихов аромат услаждает безделие девы:
Кроет проделки богов нежный стихов аромат.

<1913>

В духе первых христианских гимнов

Восставши ночью, бога восславим мы,
Начнем служенье в славу всевышнего,
Создателя земли и неба,
Звезды водящего в глуби синей.

Былинке малой дав прозябание,
Левиафанов в море лелеет он,
Выводит солнце и уводит,
Хлебом насущным людей питает.

Пославший сына в мир на пропятие,
Святого духа нам обещающий,
Не он ли, сильный, есть достоин
Быть воспеваемым в сладких гимнах?

1912

Индия

В духе лириков VI—VII вв.

1

Дождь! тебя благословляю!
Ты смочил ее одежды:
Как, под влажной тканью, четко
Рисовалось тело милой!

Ты была – как обнаженной,
И твои дрожали груди!
Кто ж согрел их поцелуем,
В час, как радуга сверкнула?

2

Уже за горы канул месяц,
Уже восток зарей зарделся,
Уже в саду запели птицы,

А я, Любовь, смотри, все плачу!

3

В белом и трепетном озере груди твоей
Сердце твое – ароматного лотоса цвет!

4

– Я брошен ею, но я не плачу;
Видишь ли: я улыбаюсь.
– Твоя улыбка – рассвет печальный
Над погоревшей деревней.

5

Через речку цепкие лианы
Провели несокрушимый мост.
Там качаться любят обезьяны,
Окрутив вокруг лианы хвост.
От меня и прямо к сердцу милой
Проведен любовью крепкий мост.
Там качаться любят злые силы,

Окрутив вокруг желаний хвост.

6

Я не всходил на Гималаи,
Жемчужин не искал на дне,
Паломником не плыл на Цейлон, —
Даль, глубь и высь я знал в Любви!

1913

Подражание Рабиндранату Тагору

Когда тебе, дитя, я приношу игрушки,
Мне ясно, почему так облака жемчужны,
И так ласкающе к цветам льнет ветер южный, —
Когда тебе, дитя, я приношу игрушки.

Когда тебе, дитя, даю я в руки сласти,
Мне ясно, почему цветок наполнен медом,
И сахарны плоды под нашим небосводом,
Когда тебе, дитя, даю я в руки сласти.

Когда тебя, дитя, целую я в глазенки,
Мне ясно, почему так небо утром чисто,
И ветерок так свеж над пальмой серебристой,

Когда тебя, дитя, целую я в глазенки.

1913

Персия

Персидские четверостишия

1

Не мудрецов ли прахом земля везде полна?
Так пусть меня поглотит земная глубина,
И прах певца, что славил вино, смешавшись с глиной,
Предстанет вам кувшином для пьяного вина.

2

Есть в жизни миги счастья, есть женщины, вино,
Но всем на ложе смерти очнуться суждено.
Зачем же краткой явью сменяются сны жизни
Для тысяч поколений, – нам ведать не дано.

3

Только ночью пьют газели из источника близ вишен,
На осколок неба смотрят, и в тиши их вздох чуть слышен.
Только ночью проникаю я к тебе, источник мой!
Вижу небо в милом взоре и в тиши дышу тобой!

4

Эпитафия Зарифы

Той, которую прекрасной называли все в мечтах,
Под холмом, травой поросшим, погребен печальный
прах:
Если ты ее, прохожий, знал в потоке беглых лет, —
То вздохни за вас обоих, ибо в смерти вздохов нет.

1911

Газели

1

В ту ночь нам птицы пели, как серебром звеня,
С тобой мы были рядом, и ты любил меня.

Твой взгляд, как у газели, был вспышками огня,

И ты газельим взглядом всю ночь палил меня.

Как в тесноте ущелий томит пыланье дня,
Так ты, маня к уладам, всю ночь томил меня.

Злой дух, в горах, у ели, таится, клад храня.
Ах, ты не тем ли кладом всю ночь манил меня?

Минуты розовели, с востока тень гоня.
Как будто по аркадам ты вел, без сил, меня.

Пусть птицы мне звенели, что близко западня:
В ту ночь любовным ядом ты отравил меня!

1913

2

Пылают летом розы, как жгучий костер.
Пылает летней ночью жесточе твой взор.

Пьянит весенним утром расцветший миндаль.
Пьянит сильней, вонзаясь в темь ночи, твой взор.

Звезда ведет дорогу в небесную даль.
Дорогу знает к сердцу короче твой взор.

Певец веселой песней смягчает печаль.

Я весел, если смотрит мне в очи твой взор.

Забуть я все согласен, чем жил до сих пор.
Из памяти исторгнуть нет мочи твой взор.

<1913>

Япония

Японские танки и хай-кай

1

Устремил я взгляд,
Чуть защелкал соловей,
На вечерний сад;
Там, среди сумрачных ветвей,
Месяц – мертвого бледней.

2

Это ты, луна,
Душу мне томишь тоской,
Как мертвец бледна?
Или милый взор слезой
Омрачился надо мной?

3

По волнам реки
Неустанный ветер с гор
Гонит лепестки.
Если твой я видел взор,
Жить мне как же с этих пор?

4

Вижу лик луны,
Видишь лунный лик и ты,
И томят мечты:
Если б, как из зеркала,
Ты взглянула с вышины!

5

В синеве пруда
Белый аист отражен;
Миг – и нет следа.
Твой же образ заключен
В бедном сердце навсегда.

6

О, дремотный пруд!
Прыгают лягушки вглубь,
Слышен всплеск воды...

7

Кто назвал Любовь?
Имя ей он мог бы дать
И другое: Смерть.

12 октября 1913

Индокитай

Две малайские песни

1

Белы волны на побережьи моря,
Днем и в полночь они шумят.
Белых цветов в поле много,
Лишь на один из них мои глаза глядят.

Глубже воды в часы прилива,
Смелых сглотнет их алчная пасть.
Глубже в душе тоска о милой,
Ни днем, ни в полночь мне ее не ласкать.

На небе месяц белый и круглый,
И море под месяцем пляшет, пьяно.
Лицо твое – месяц, алы – твои губы,
В груди моей сердце пляшет, пьяно.

12 ноября 1909

2

Ветер качает, надышавшийся чампаком,
Фиги, бананы, панданы, кокосы.
Ведут невесту подруги с лампами,
У нее руки в запястьях, у нее с лентами косы.

Рисовое поле бело под месяцем;
Черны и красны, шныряют летучие мыши.
С новобрачной мужу на циновке весело,
Целует в спину, обнимает под мышки.

Утром уходят тигры в заросли,
Утром змеи прячутся в норы.
Утром меня солнце опалит без жалости,
Уйду искать тени на высокие горы.

17 ноября 1909

Арабы

Из арабской лирики *Отрывок*

Катамия! оставь притворство, довольно хитростей и ссор,
Мы расстаемся, – и надолго, – с прощаньем руки я
простер.

Когда бы завтра, при отъезде, ты распахнула свой шатер,
Хоть на мгновенье мог бы видеть я без фаты твой черный
взор,

И на груди твоей камня, как ярко-пламенный костер,
И на твоей газельей шее жемчужно-яхонтный убор,
На шее той, – как у газели, когда она, покинув бор,
Наедине с самцом осталась в ущельях непроходных гор
И шею клонит, объедая из ягод пурпурный узор
На изумрудно-нежных ветках, топча травы живой ковер,
Мешая соки со слюною в один пленительный раствор,
В вино, какого люди в мире еще не пили до сих пор!

Армения

Армянская народная песня

Ах, если алым стал бы я,
Твоим кораллом стал бы я,
Тебя лобзал бы день и ночь
И снегом талым стал бы я!
Я стал бы алым
Кораллом, лалом,
И снегом талым стал бы я...

Ах, если шалью стал бы я,
Твоей вуалью стал бы я,
Тебя лобзал бы каждый день,
Иль бус эмалью стал бы я!
Я стал бы шалью,
Твоей вуалью,
И бус эмалью стал бы я.

Ах, если таром стал бы я,
Звучать не даром стал бы я.
Я разглашал бы гимн тебе,
И милой яром стал бы я!
Я стал бы таром,

Звуча не даром,
Ах, милой яром стал бы я!

<1916>

Подражание ашугам

1

О, злая! с черной красотой! о дорогая! ангел мой!
Ты и не спросишь, что со мной, о дорогая, что со мной!

Как жжет меня моя любовь! о дорогая, жжет любовь!
Твой лоб так бел, но сумрак – бровь! о дорогая, сумрак —
бровь!

Твой взор – как море, я – ладья! о дорогая, я – ладья.
На этих волнах – чайка я! о дорогая, чайка – я.

Мне не уснуть, и то судьба, о дорогая, то судьба!
О, злая, выслушай раба! о дорогая, речь раба.

Ты – врач: мне раны излечи, о дорогая, излечи!
Я словно в огненной печи, о дорогая, я – в печи!

Все дни горю я, стон тая, о дорогая, стон тая,
О, злая, ведь не камень я, о дорогая, пламень – я!

Мне не уснуть и краткий срок, о дорогая, краткий срок,
Тебя ищу – и одиноко! о дорогая, одиноко!

И ночь и день к тебе лечу, о дорогая, я лечу,
Тебя назвать я всем хочу, о дорогая, и молчу.

Но как молчать, любовь тая, о дорогая, страсть тая?
О, злая, ведь не камень я, о дорогая, пламень – я!

<1916>

2

Как дни зимы, дни неудач недолго тут: придут-уйдут.
Все му есть свой конец, не плачь! – Что бег минут:
придут-уйдут.

Тоска потерь пусть мучит нас, но верь, что беды лишь
на час:

Как сонм гостей, за рядом ряд, они снуют; придут-уйдут.

Обман, гонение, борьба и притеснение племен,
Как караваны, что под звон в степи идут; придут-уйдут.
Мир – сад, и люди в нем цветы! но много в нем увидишь
ты
Фиалок, бальзаминов, роз, что день цветут: придут-
уйдут.

Итак, ты, сильный, не гордись! итак, ты, слабый, не грусти!

События должны идти, творя свой суд; придут-уйдут!
Смотри: для солнца страха нет скрыть в тучах свой палящий свет,
И тучи, на восток спеша, плывут, бегут; придут-уйдут

Земля ласкает, словно мать, ученого, добра, нежна;
Но диких бродят племена, они живут: придут-уйдут...
Весь мир: гостиница, Дживан! а люди – зыбкий караван!
И все идет своей чредой: любовь и труд, – придут-уйдут!

<1916>

Скандинавия

Пророчество о гибели азов

Слушайте, все люди, сумрачные песни.
Те из вас, кто мудры, пусть оценят пенье.
Я пою про ужас, я пою про горе,
Я пою, что будет в роковые годы.

Почернеет солнце, сушу скроют воды,
Упадут на землю золотые звезды,
Взвеев дым высоко из земного недра,
И оближет пламя тучи в твердом небе.

Змей Нидгад из ада вылетит на крыльях,
Закружит, когтистый, над дворцовой крышей.
У него на крыльях трупы всех умерших,
С ними вместе канет в глубине безмерной.

Будет лаять Гарум пред священным входом,
Но в лесу железном будет вторить хохот,
И Фенрир промчится, волк с кровавым глазе;!
По гранитной лестнице в чертоги азов.

Один! Один! Один! горе! горе! горе!

Я пою, что будет в роковые годы.
Азы! вижу гибель вашей светлой власти:
Волк Фенрир терзает грозного владыку.

Альфы скорбно плачут у недвижной двери,
Азы громко стонут, внемля страшной вести,
Великаны сильны, истребленья люты.
Что теперь осталось? где теперь вы, люди?

Вот пылает с треском Игдразил высокий,
Мировые ветви корчатся и сохнут,
И, когда на землю с громом рухнет древо,
В пламени с ним вместе мир погибнет древний.

Но из черной бездны встанет черный Локи,
Повезет безумцев он на черной лодке,
Чтоб дворец воздвигнуть, страшный, черный, новый,
И царить сурово над страной полночной.

Слушайте, все люди, сумрачные песни,
Те из вас, кто мудры, пусть оценят пенье.
Я пою про ужас, я пою про горе,
Я пою, что будет в роковые годы.

Европейское средневековье

Канцона к даме

Судил мне бог пылать любовью,
Я взором Дамы взят в полон,
Ей в дар несу и явь и сон,
Ей честь воздам стихом и кровью.
Ее эмблему чтить я рад,
Как чтит присягу верный ленник.
И пусть мой взгляд
Вовеки пленник;
Ловя другую Даму, он – изменник.
Простой певец, я недостоин
Надеть на шлем Ее цвета.
Но так гранатны – чьи уста,
Чей лик – так снежен, рост – так строен?
Погибель мне! Нежнее нет
Ни рук, ни шеи в мире целом!
Гордится свет
Прекрасным телом,
А взор Ее сравню я с самострелом.

Любовь вливает в грудь отвагу,
Терпенья дар дает сердцам.

Во имя Дамы жизнь отдам,
Но к Ней вовек я не прилягу.
Служить нам честно долг велит
Синьору в битве, богу в храме,
Но пусть звенит,
Гремя хвалами,
Искусная канцона – только Даме.

20/21 ноября 1909

Дворец любви

Дворец Любви не замкнут каменной стеной;
Пред ним цветы и травы пышны под росой,
И нет цветка такого, что цветет весной,
Который не расцвел бы на лужайке той.

В траве зеленой вьется быстрый ручеек;
Он, как слюда, прозрачен, светел и глубок.
Кто из мужчин, раздевшись, входит в тот поток,
Становится вновь юным, в самый краткий срок.

И девам, что умели дань Любви отдать,
Довольно в светлых водах тело искупать;
Все, – кроме тех, кто должен жизнь ребенку дать, —
Становятся невинны, девами опять.

На тонких ветках птицы песнь поют свою.

Что песнь – Любви во славу, я не утаю.
И, наклонившись низко к светлому ручью,
Подумал я, что грежу я в земном Раю.

1912

Испания

Испанские народные песни

1

- Вы бледны, моя сеньора.
Что склонили вы глаза?
- Я, пока вы на охоте,
Убираю волоса.

- Чей же конь заржал так жарко
На конюшне у меня?
- Мой отец прислал в подарок
Вам прекрасного коня.

- Чей же в зале щит повешен?
- Братом прислан он моим.
- Чье копьё стоит у двери?
- Сердце мне пронзите им.

– Мой товарищ! мой товарищ!
 Милой я узнал обман.
 Я в Гренаде стану мавром,
 Буду резать христиан,

– У меня три дочки дома,
 И одна милей другой.
 Выбирай любую розу
 Иль подругой, иль женой.

– Не хочу я жить с подругой,
 Дом с женою мне не мил,
 Так как я ласкать не буду
 Ту, которую любил.

1913

Rico franco

A caza iban a caza.

Los cazadores del Rey...⁴³

⁴³ На охоту, шли на охоту королевские охотники (*исп.*).

Веселой тешились охотой
Король и рыцари его;
Веселой тешились охотой, —
И не убили ничего.

Все сокола их разлетелись,
И утомил бесплодный путь,
Все сокола их разлетелись, —
Настало время отдохнуть.

Поблизости был древний замок,
Там, где кончался темный лес;
Поблизости был древний замок,
А в нем прекрасная Иньес.

Ее увидел рыцарь Рико, —
И все на свете позабыл;
Ее увидел рыцарь Рико, —
И деву страстно полюбил.

Наутро, замок покидая,
Еще при блеске ранних рос,
Наутро, замок покидая,
Коварно деву он увез.

– Не об отце ль, Иньес, ты плачешь?
Забудь: не встанет больше он.
О брате ли, Иньес, ты плачешь?
Моим мечом он поражен.

– Не плачу я, сеньор любезный,
Но мне наряд мешает мой,
Мне дайте нож, сеньор любезный:
Я длинный шлейф обрежу свой.

Тогда учтиво рыцарь Рико
Кинжал толедский подает,
Тогда учтиво рыцарь Рико,
Полет коня замедлив, ждет.

Лицо Иньес к нему склоняет,
Чтоб взор ее он видеть мог,
И в грудь ему Иньес вонзает
В Толедо кованный клинок.

Франция XV—XVI вв.

Баллада о женщинах былых времен

Скажите, где, в стране ль теней,
Дочь Рима, Флора, перл бесценный?
Архиппа где? Таида с ней,
Сестра-подруга незабвенной?
Где Эхо, чей ответ мгновенный
Живил, когда-то, тихий брег,
С ее красою несравненной?
Увы, где прошлогодний снег!

Где Элоиза, всех мудрей,
Та, за кого был дерзновенный
Пьер Абеляр лишен страстей
И сам ушел в приют священный?
Где та царица, кем, надменной,
Был Буридан, под злобный смех,
В мешке опущен в холод пенный?
Увы, где прошлогодний снег!

Где Бланка, лилии белей,
Чей всех пленял напев сиренный?
Алиса? Биче? Берта? – чей

Призыв был крепче клятвы ленной?
Где Жанна, что познала, пленной,
Костер и смерть за славный грех?
Где все, Владычица вселенной?
Увы, где прошлогодний снег!

Посылка

О, государь! с тоской смиренной
Недель и лет мы встретим бег;
Припев пребудет неизменный:
Увы, где прошлогодний снег!

<1913>

Песня из темницы

Загорелся луч денницы,
И опять запели птицы
За окном моей темницы.
Свет раскрыл мои ресницы.
Снова скорбью без границы,
Словно бредом огневицы,
Дух измученный томится,
На простор мечта стремится.

Птицы! птицы! вы – на воле!
Вы своей довольны долей,

Целый мир вам – ваше поле!
Не понять вам нашей боли!
День и ночь – не все равно ли,
Если жизнь идет в неволе!
Спойте ж мне, – вы на свободе, —
Песню о моем народе!

Солнце, солнце! ты – прекрасно!
Ты над миром ходишь властно
В тучах и в лазури ясной.
Я ж все вижу безучастно,
Я безгласно, я всечасно
Все томлюсь тоской напрасной —
Вновь увидеть край желанный!
Озари те, солнце, страны!

Ветер, ветер! ты, ретивый,
На конях взвиваешь гривы,
Ты в полях волнуешь нивы,
В море крутишь волн извивы!
Много вас! вы все счастливы!
Ветры! если бы могли вы
Пронести хотя бы мимо
Песнь страны моей родимой!

Светит снова луч денницы.
За окном щебечут птицы.
Высоко окно темницы.
Слезы виснут на ресницы.

Нет тоске моей границы.
Словно бредом огневицы,
Дух измученный томится,
На простор мечта стремится.

1913

Виланель

Все это было сон мгновенный,
Я вновь на свете одинок,
Я вновь томлюсь, как в узах пленный.

Мне снился облик незабвенный,
Румянец милых, нежных щек...
Все это было сон мгновенный!

Вновь жизнь шумит, как неизменный
Меж камней скачущий поток,
Я вновь томлюсь, как в узах пленный.

Звучал нам с неба зов блаженный,
Надежды расцветал цветок...
Все это было сон мгновенный!

Швырнул мне камень драгоценный
Водоворот и вновь увлек...
Я вновь томлюсь, как в узах пленный.

Прими, Царица, мой смиренный
Привет, в оправе стройных строк.
Все это было сон мгновенный,

Я вновь томлюсь, как в узах пленный.

26 декабря 1910

Италия эпохи Возрождения

Сонет в духе Петрарки

Вчера лесной я проезжал дорогой,
И было грустно мне в молчаньи бора,
Но вдруг, в одежде скромной и, убогой,
Как странника, увидел я Амора.

Мне показалось, что прошел он много
И много ведал скорби и позора;
Задумчивый, смотрел он без укора,
Но в то же время сумрачно и строго.

Меня, узнав, по имени окликнул
И мне сказал: «Пришел я издалека, —
Где сердца твоего уединенье.

Его несу на новое служенье!»
Я задрожал, а он, в мгновенье ока,
Исчез – так непонятно, как возникнул.

Сонет в духе XIV в.

Тебе ль не жаль родимых побережий,
Где так в садах благоуханны розы!
Я здесь брожу, на сердце раны свежи,
И, как ручей, из глаз струятся слезы!

Не так с небес поток свергают грозы,
И осени дожди нежней и реже.
О, посмотри, все залито, и где же
Домой пройдут со склонов горных козы?

Ручей течет; ручей из слез весь в пене;
Сломал цветы, и ветви гнет растений,
И смыть дома, рассерженный, грозитя.

Что делать мне? моя тоска безмерна,
Не внемлешь ты! одно мне – в честь неверной
В пучину слез упасть и утопиться!

<1914>

Англия

Смерть рыцаря Ланцелота *Баллада*

За круглый стол однажды сел
Седой король Артур.
Певец о славе предков пел,
Но старца взор был хмур.

Из всех сидевших за столом,
Кто трону был оплот,
Прекрасней всех других лицом
Был рыцарь Ланцелот.

Король Артур, подняв бокал,
Сказал: «Пусть пьет со мной,
Кто на меня не умышлял,
Невинен предо мной!»

И пили все до дна, до дна,
Все пили в свой черед;
Не выпил хмельного вина
Лишь рыцарь Ланцелот.

Король Артур был стар и сед,
Но в гневе задрожал,
И вот поднялся сэр Мардред
И рыцарю сказал:

«Ты, Ланцелот, не захотел
Исполнить долг святой.
Когда ты честен или смел,
Иди на бой со мной!»

И встали все из-за стола,
Молчал король Артур;
Его брада была бела,
Но взор угрюм и хмур.

Оруженосцы подвели
Двух пламенных коней,
И все далеко отошли,
Чтоб бой кипел вольней.

Вот скачет яростный Мардред,
Его копьё свистит,
Но Ланцелот, дитя побед,
Поймал его на щит.

Копьё пускает Ланцелот,
Но, чарами храним,
Мардред склоняется, и вот
Оно летит над ним.

Хватают рыцари мечи
И рубятся сплеча.
Как искры от ночной свечи, —
Так искры от меча.

«Моргану помни и бледней!»—
Взывает так Мардред.
«Ни в чем не грешен перед ней!»—
Так Ланцелот в ответ.

Но тут Джиненру вспомнил он,
И взор застлался мглой,
И в то ж мгновенье, поражен,
Упал вниз головой.

Рыдали рыцари кругом,
Кто трона был оплот:
Прекрасней всех других лицом
Был рыцарь Ланцелот.

И лишь один из всех вокруг
Стоял угрюм и хмур!
Джиневры царственный супруг,
Седой король Артур.

Германия

Пляска смерти *Немецкая гравюра XVI в.*

Крестьянин

Эй, старик! чего у плуга
Ты стоишь, глядясь в мечты?
Принимай меня, как друга:
Землепашец я, как ты!
Мы, быть может, не допашем
Нивы в этот летний зной,
Но зато уже попляшем, —
Ай-люли! – вдвоем с тобой!
Дай мне руку! понемногу
Расходись! пускайся в пляс!
Жизнь – работал; час – в дорогу!
Прямо в ад! – ловите нас!

Любовник

Здравствуй, друг! Ты горд нарядом,
Шляпы ты загнул края.
Не пойти ль с тобой мне рядом?
Как и ты, любовник я!

Разве счастье только в ласке,
Только в том, чтоб обнимать?
Эй! доверься бодрой пляске,
Зачинай со мной плясать!
Как с возлюбленной на ложе,
Так в весельи плясовом,
Дух тебе захватит тоже,
И ты рухнешь в ад лицом!

Монахиня

В платье черное одета,
Богу ты посвящена...
Эй, не верь словам обета,
Сочинял их сатана!
Я ведь тоже в черной рясе:
Ты – черница, я – чернец.
Что ж! поди, в удалом плясе,
Ты со Смертью под венец!
Звон? то к свадьбе зазвонили!
Дай обнять тебя, душа!
В такт завертимся, – к могиле
Приготовленной спеша!

Младенец

Милый мальчик, в люльке малой!
Сердце тронул ты мое!
Мать куда-то запропала?

Я присяду за нее.
Не скажу тебе я сказки,
Той, что шепчет мать, любя.
Я тебя наставлю пляске,
Укачаю я тебя!
Укачаю, закачаю
И от жизни упасу:
Взяв в объятия, прямо к раю
В легкой пляске понесу!

Король

За столом, под балдахином,
Ты пируешь, мой король.
Как пред ленным господином,
Преклониться мне позволь!
Я на тоненькой свирели
Зовы к пляске пропою.
У тебя глаза сомлели?
Ты узнал родню свою?
Встань, король! по тронной зале
Завертись, податель благ!
Ну, – вот мы и доплясали:
С трона в гроб – один лишь шаг!

1909. 1910

Das Weib und der Tod⁴⁴

Две свечи горят бесстыдно,
Озаряя глубь стекла,
И тебе самой завидно,
Как ты в зеркале бела!
Ты надела ожерелья,
Брови углем подвела, —
Ты кого на новоселье
Нынче в полночь позвала?
Что ж! глядись в стекло бесстыдно!
Но тебе еще не видно,
Кто кивает из стекла!

Припасла ты два бокала,
Пива жбан и груш пяток;
На кровати одеяла
Отвернула уголок.
Поводя широкой ляжкой,
Ты на дверь косишь зрачок...
Эх, тебе, должно быть, тяжело
До полночи выждать срок!
Так бы вся и заплясала,
Повторяя: «Мало! Мало!
Ну еще, еще, дружок!»

⁴⁴ Женщина и смерть (нем.)

У тебя – как вишни губы,
Косы – цвета черных смол.
Чьи же там белеют зубы,
Чей же череп бел и гол?
Кто, незванный, вместо друга,
Близко, близко подошел?
Закричишь ты от испуга,
Опрокинешь стул и стол...
Но, целуя прямо в губы,
Гость тебя повалит грубо
И подымет твой подол.

12 – 13 ноября, 1909

Надписи на воротах

1

Кто поздно иль рано придет к сим воротам,
Пусть говорит учтиво и другом станет нам.
Молчание не трудно, и в нем позора нет,
А болтовня пустая приносит часто вред.

2

Путник! в этом городе можешь дни провести.
Путник! в этом городе можешь выбрать гроб.
Всех, живущих в городе, можно знать и счесть.
Всех, умерших в городе, знает только бог.

3

В этом замке живет рыцарь сильный.
Если хочешь его дружбы, – поклонись.
Если хочешь с ним побиться, – постучись.
Всего лучше ж, молча иди мимо.

1913

Франция XVII-XVIII вв.

Послание Малербу *XVII в.*

Мой дорогой Малерб! Ты долго ль будешь горе
Скрывать в глуши лесов,
Оплакивая ту, что с кротостью во взоре
Прияла смерти зов?

Не сам ли посылал ты, осушая слезы,
В стихах живой урок:
«Ей, розе, дан был срок, какой цветут все розы:
Лишь утра краткий срок!»

Ужель, когда теперь сошла под сень гробницы
Любимая тобой,
Ты видишь только скорбь, без края и границы,
Повсюду пред собой?

Ты б предпочел ужель, чтоб, по твоим молениям,
Она всю жизнь прошла,
И, в косах с сединой, к грядущим поколениям
Старухой подошла?

Ты думаешь: она, в обители небесной,
Была б тогда милей?
Тогда б не так страдал и лик ее прелестный
От гробовых червей?

Нет, нет, мой друг Малерб! как только руки Парки
Срезают нашу нить,
Отходит возраст наш: под сумрачные арки
Не может он сходить!

Тифон, что одряхлел и мал стал, как цикада,
И юный Архемор
Сравнялись возрастом пред властелином Ада,
Смежив навеки взор.

Пусть сладостно пролить сердечные страдания
Чрез акведуки глаз,
Ты тень люби, как тень, но угаси мечтанья
О пепле, что угас.

Век неутешным быть, кропить слезами вежды,
Томиться в тишине, —
Не значит ли забыть, что нам даны надежды
Любви в иной стране?

Приам, который зрел, как сыновей любимых
Разит в бою Ахилл,
И для страны своей ждал бед неотвратимых, —
Дух твердый сохранил.

Франциск, когда Мадрид, бессильный в правом бое,
Дофину яд послал, —
Был твердым, как Алкид, и за коварство вдвое
Стыд на врага упал.

Да! без пощады Смерть в Аид низводит души,
Напрасно к ней взывать;
Жестокая, она, заткнув упрямо уши,
Не хочет нам внимать.

И к бедняку в шалаш, под крышу из соломы,
Она властна взойти,
И стража, что хранит вход в луврские хоромы,
Ей не запрет пути.

Роптать на власть ее, терять пред ней терпенье, —
Тоске плохой исход.
Покорно принимать все божия решенья —
Лишь это мир дает!

<1910>

Летний бал

XVIII в.

Я вас благословляю, рощи,

Где под завесой из ветвей
Мне было легче, было проще
Шептать о радости своей!
Я помню, как в тиши беседки,
Где бала шум звучал едва,
Вдруг сделались, как стрелы, метки
Мои любовные слова.
И как, едва луны пугливой
Лик потонул меж облаков,
Она покорно и стыдливо
Прикрыла блеск своих зрачков.
Недолгий сумрак, запах лилий,
И сырость мраморной скамьи —
В тот сладкий час благословили
Все, все желания мои!
Мне не забыть, как плющ зеленый
Моих коснулся жарких щек,
Как наши сладостные стоны
Помчал по листьям ветерок.
Мне не забыть, как нежно, рядом,
Назад мы шли меж темных лип,
Не смея обменяться взглядом,
Стыдясь шагов нарушить скрип.
Вернувшись к музыке и танцам,
Туда, где реяли огни,
Зачем у нас горит румянцем
Лицо, — мы ведали одни.
И, вновь кружась в весельи бала,
Легка, как призрак, как мечта,

Одна она лишь понимала,
О чем твердит мне темнота!

26 декабря 1910

Прогулка

Как вдруг неожиданно стали гулки
Шаги среди больших стволов!
И в первый раз, во всей прогулке,
Смолк смех и говор голосов.
И вы, Алина, с робкой дрожью,
Ко мне прижались в полумгле,
И – как, не знаю, – но к подножью
Сосны мы сели на земле.
Ваш детский страх, ваш страх наивный
Я успокаивал, шутя...
А вечер, пламенный и дивный,
Гас, иглы сосен золотя.
Не потому ль, когда догнали
Друзей мы у лесной реки,
Заката отблеском сверкали
У вас два пятнышка щеки?

1911

Ручей

Ручей, играющий в долине,
Ты к нам бежишь издалека;
Ты родился на той вершине,
Где льды в покое спят века.

И над тобой орлы кричали,
Когда ты, неприметно мал,
Сбегал, журча, к зеленой дали
По граням обнаженных скал.

Природа в утреннем тумане
Была невинна и тиха,
Когда внимал ты на поляне
Беспечным песням пастуха.

И, огибая замок древний,
Под сенью ивовых ветвей,
Ты слышал, как звучат в деревне
Живые оклики детей.

Теперь, катясь волной кристальной
Средь тучных, плодоносных нив,
Ты поишь люд многострадальный,
О горных высях позабыв;

И ниже, повертев колеса
Шумливой мельницы, опять
Спокойной речкой вдоль откоса
Пойдешь пристанища искать.

А вечером на берег темный
Две тени юные придут,
Чтоб близ тебя найти укромный
Для непритворных клятв приют.

И в миг, когда они с улыбкой
Склонятся к легкой дрожи струй, —
Ты отразишь, картиной зыбкой,
Их первый, чистый поцелуй.

16 августа 1913

Латыши

Подражания народным песням

1

Дай мне вечер, дай мне отдых,
Солнце, к богу уходя.
Тяжкий труд мой долог, долог,
Вечеров нет для меня.
А – а – а – а—а– а – а!

Черный Змей на камне в море
Мелет белую муку:
Хлеб для тех господ суровых,
Что влекут меня к труду.
У—у—у—у—у—у– у!

Солнце в лодочке вечерней
Поздно едет на покой,
Поутру нам рано светит,
Челн покинув золотой.
О—о—о—о—о—о– о!

Что сегодня поздно встало?
Где гостил твой ясный лик?
– Там, за синими горами,
Грея пасынков моих.
И—и—и—и—и—и—и—и—и!

2

Листья бледные кружатся,
С ветром осени шуршат.
Тихо, тихо речка льется
И о зимнем грезит сне.

Дети Дуба, дочки Липы
Завели с рекой игру:
Дубы желуди бросают,
Липы – легкие венки.

Наряжайтесь, дети Дуба,
В блеклый липовый веночек;
Надевайте бусы, Липы,
Из дубовых желудей!

Ах, увяли листья Липы
На пустынном берегу;
Дуба желуди застынут
Подо льдом, на дне реки.

Щука синяя, зеленая,
Приходи играть со мной }
У тебя вода глубокая,
У меня дубовый челн.

Брошу в море сети частые,
Белый парус подыму.
Челн несется в даль блестящую,
Белый парус ветром полн.

Челн несется в даль блестящую,
К дальней Северной стране.
Ах, прекрасна дева Севера,
На нее взглянуть плыву.

– К нам приехал ты напрасно,
За тебя я не пойду:
Дома лучше по грязи ходить,
Чем по гатям на чужбине.

<1913>

Романтизм

Иньес

В духе французских поэтов начала XIX века

Вам знакома ли Иньес,
Та, чьи косы – цвета смолы,
А глаза – лазурь небес?
Вам знакома ли Иньес,
Та царица своеволий,
Каждый взгляд которой – бес?

Поднимая кастаньеты,
Выгибает стан она,
Шалью шелковой одетый;
Поднимает кастаньеты, —
И толпа уже пьяна;
Все – безумцы, все – поэты!

Веер черный приоткрыв,
Чуть она им губы тронет, —
Того весь – один порыв!
Веер черный приоткрыв,

Чуть она лицо наклонит, —
Каждый ею только жив!

Говорила вся Гренада,
Будто в двери крался к ней
Как-то ночью наш эспада;
Говорила вся Гренада,
Будто с ним она – нежней,
Чем с женщиной быть ей надо.

Только это, верно, – ложь!
Как Иньес быть благосклонной
К одному? – Другие что ж?
Если б то была не ложь,
Каждый был бы – оскорбленный,
А у каждого есть – нож!

1913

Песни в духе Г. Гейне

1

Тихо плещут воды Рейна,
Лижут сглаженный утес.
На моей груди лилейной
Ворох спутанных волос.

Странник, ты, что правишь лодкой!
Задержишь на полчаса.
Хочешь видеть, как красotka
Гребнем чешет волоса?

Я когда-то здесь бродила
С милым другом над рекой;
Я страдала, я любила,
Но теперь в душе покой.

Если хочешь быть свободным,
Подплывай скорей ко мне:
Во дворце моем подводном
Мы с тобой уснем на дне!

2

Луна была скрыта за тучей,
Мы сидели с тобою в саду,
И о счастья ветер летучий
Тебе шептал, как в бреду.

И о счастья ты мне шептала,
Наклоняясь к моим губам.
А липа цветы роняла
С вышины на колени нам.

И казалось, что будет сыпать
Свой дождь она вечный срок.
Отчего же сегодня липа
Роняет цветы на песок?

<1912>

В духе Эйхендорфа

Я стою на опушке леса;
Луна прогнала облака.
Надо мной – голубая завеса,
Внизу – как лента, река.

Ударяет колокол мерно —
Далеких зов деревень.
Показала голову серна
И скрылась тотчас же в тень,

Не дрогнут листом ни единым
Деревья, преданы сну,
И бог идет по вершинам,
Озирая свою страну.

<1912>

Друзья

Народность в русской поэзии

Вышел Леший, сел на пень,
Чует запах деревень,
Палку новую кремнем обтесывает,
Порой бороду почесывает,
Сидит, морщится,
Уши у него топорщатся,
Видит: узенькой тропой
Идет в гости Домовой.
«Здравствуй, дед! давно не бывал!
А я стар стал, жить устал;
Нет бывалого простора!
Вырубили половину бора.
Куда ни пойдешь, везде мужик.
Инда я гулять отвык!»
Домовой присел меж кочек,
Будто съежился в комочек.
Говорит: «Да, старина,
Пришли худы времена!
Мужики в меня не верят,
То есть как бы вовсе херят.
Не дают мне молока,
Замыкают в два замка
На конюшне лошадей.

Впору помирать, – ей-ей!»
Леший бороду почесывает,
Палку сумрачно обтесывает,
Кремень щёлк да щёлк.
Домовой примолк.
Пень обтянут повиликой,
Пахнет свежей земляникой,
Сосны дюже велики.
Слышен сиплый крик с реки.
Вопрошает Домовой:
«То не дед ли Водяной?»

1912

Черт и ведьма

Народность в русской поэзии

Ну, затеял перебранку
Косолапый лысый черт!
Голос – точно бьют в жестянку,
Морда – хуже песьих морд.

Да и ведьма тож не промах;
Черт ей слово, баба – два.
Лапы гнутся, как в изломах,
Точно дыня голова.

Дьявол за косы; так что же!
Изловчилась, и сама
Кулаком его по роже.
И пошла тут кутерьма!

Ругань, крики, визги, на-кось!
Сбилось туш до десяти.
Ну, такая вышла пакость,
Хоть оглобли ворота.

Всё смешалось в перепалке,
Раскачался наш котел.
Тут нечистый к этой свалке,
Помело взяв, подошел.

Крикнул, гикнул, дунул, плюнул,
Разом всех остепенил.
Этот хвост меж ног засунул,
Этот губу прикусил.

Сели, смотрят. А хозяин
Лишь рогами покачал,
Да проклятый черт, умаян,
Поясницу зачесал.

13 ноября 1913

Романтические баллады

Похищение Берты

Шел пир небывалый за круглым столом,
Блистали в шелках паладины,
И кравчие в кубки огромным ковшом
Цедили шипящие вина.
Был красен от выпитых кубков Наим;
Гемон, улыбаясь, дремал перед ним;
Атласный камзол Оливьера
Был яркими пятнами весь обагрён;
И только один неподкупный Милон
Хранил все величие пэра.

Вдруг, в страхе, весь бледный, вбегает гонец.
«Случилось великое худо!
Послала меня в Ингельгеймский дворец
С такими словами Ротруда:
Пока, позабыв про воинственный стан,
Вы заняты пиром, проник великан
Неведомый в нашу обитель,
Разграбил капеллу, монахов убил,
Кресты поломал у священных могил,
И дочь мою, Берту, похитил!»

Услышав известие, Карл задрожал,
Он встал с золоченого трона,
Звеня, покатился упавший бокал,
Упав, застучала корона.

«О, горе нам! – так он воскликнул, дрожа, —
Мне Берта дороже, чем жизнь и душа,
Не жить без нее мне, поверьте!
Вы, рыцари! тотчас берите мечи!
Наим, мой любимец! вставай и скачи
На помощь к беспомощной Берте!»

Наим, в колебаньи, угрюмо встает,
Лицо его слишком румяно.
«Ну, да, – говорит, – если б знать наперед,
Где должно искать великана!
Есть много ущелий, леса велики,
Нельзя же идти по теченью реки,
Подумать нам должно сначала,
Где дерзкого вора возможно словить.
Когда же отыщем, не трудно сразить:
Я в жизни побил их немало!»

«Но ты, Оливьер, —тогда Карл говорит, —
Наверно, ты медлить не будешь!
Хватайся за меч, надевай верный щит,
Ты внучку обратно добудешь!
Награду любую проси у меня!
Ты будешь любимцем моим с того дня,

Тебя я над всеми поставлю,
Я имя твое в назиданье другим, —
Того, кто был Карлом Великим любим, —
По целому миру прославлю!»

«Конечно, недолго, – в ответ Оливьер, —
Дать хищнику суд и расправу!
На нем покажу я злодеям пример,
А, кстати, добуду и славу.
Спокоен будь, Карл! будешь ты отомщен!» —
Сказал Оливьер, и направился он
В покой, подле залы соседней:
Пред подвигом должен он был отдохнуть,
Прилег, и собрался направиться в путь
Наутро лишь, после обедни.

«А ты, – Карл взывает, – мой верный Тюрпин,
Снесешь ли обиду такую?
Ты – церкви служитель и ревностный сын,
Вступишь же за веру святую!
Тебе ли терпеть разрушенье капелл,
Тебе ли снести, что неверный посмел
Служителей храма коснуться!
Сам бог поведет по дороге прямой
Тебя к гордецу. С великана главой
Ты должен обратно вернуться!»

Тюрпин отвечает: «Я знаю свой долг,
Сумею и честь убересть я,

Но все ж великан не кабан и не волк,
В нем все же душа человечья.
И прежде, чем в яростный бой полететь,
Мне должно хоть сутки одни поговорить
И богу грехи исповедать.
Беда – нераскаянным встать под копыто:
Сгублю тем навек я спасенье свое,
А боя исход как изведать?»

В отчаяньи Карл взором пэров обвел,
Опять говорит – Ганелону:
«Ты мудр, как судья, все науки прошел,
Подпорой ты был всегда трону,
Ужель не поможешь сегодня ты мне?
Ужель не поскачешь на быстром коне
Вдогонку за наглым злодеем?
Нам Бертю верни, что милее цветка,
И щедро откроется наша рука, —
Друзей награждать мы умеем!»

В ответ Ганелон: «Что за польза сгубить
Цвет рыцарства в тщетной погоне?
В таком предприятии поможет не прыть,
Не копыта и борзые кони.
Но должно обдумать, где скрылся злодей;
Составить отряды из ратных людей;
Потом у проклятой пещеры,
Костры распалив, гнать усиленно дым,
И сам, как медведь, тогда выйдет он к ним...

Вот будут разумные меры!»

И Карл уронил безнадежно главу...

Выходит тогда граф Агландский.

«Я стар, – говорит, – много лет я живу,

Но помню обет христианский:

Наш первый обет – жизнь за веру отдать,

Второй наш обет – за сеньора стоять;

Я ныне исполню их оба!

Подайте мне меч, подведите коня, —

Иль с Бертой увидите скоро меня,

Иль лягу в объятия гроба!»

Еще говорил неподкупный Милон,

Еще не закончил он речи,

Как клики со всех загремели сторон

И отзвук помчался далече,

Раскрылась дверь, и, лучом осиян,

Предстал сын Милона, отважный Ролан,

В доспехе и бранной кольчуге.

Главу великана держал он в руках,

И Берту за ним на скрещенных мечях

Несли восхищенные слуги.

И Карл возгласил: «Будь прославлен, герой!

Проси чего хочешь в награду!

А ты, моя Берта! садись здесь со мной,

И деда улыбкой обрадуй!»

И все восклицали Ролану: «Добро!»

И только шепнул Ганелон: «Не хитро
Добиться любого успеха,
Когда в состязаньи соперника нет!
Легко в наши дни изумить целый свет!»
И весь он затрясся от смеха.

6 марта 1912

Прорицание

Блится шелковый камзол,
Сверкает сбури позолота,
С гостями Князь летит чрез дол
Веселой тешиться охотой.
Все – в ярком шелке, в кружевах;
Гербы – на пышных чепраках;
Вдали, – готовы на услуги,
Несутся ловчие и слуги.

Синеет недалекий бор,
И громким кликам вторит эхо.
Шумней беспечный разговор,
Порывистой раскаты смеха.
Уже, сквозь сумрачную сень,
Мелькнул испуганный олень.
Все об удаче скорой мыслят,
Заранее добычу числят.

Но вот седой старик с клюкой
Стоит у старого колодца.
И Князь, с поднятой головой,
Замедлил поступь иноходца.
То был – известный всей стране,
За святость жизни чтим вдвойне,
Отшельник, сумрачный гадатель,
Судеб грядущих прорицатель.

«Скажи, старик!– так Князь к нему, —
Сегодня встречу ль я удачу?
Я сколько ланей подыму,
И даром сколько стрел потрачу?
Скажи: от скольких метких ран
Падет затравленный кабан?
И если счет твой будет точен,
Ты мной доволен будешь очень».

Подняв тяжелую клюку
И кудри разметав седые,
Старик в ответ: «Что я реку,
То и исполнят всеблагие!
Узнай: еще до темноты
Все стрелы с лука спустишь ты,
И, прежде чем налягут тени,
Ты всех своих сразишь оленей!

Но слушай, – продолжал старик, —
И вещей глас волхва исполни.

Я нынче видел твой двойник,
В лесу, под гром и в блеске молний.
Испытывать страшился Рок,
Вернись назад, пока есть срок.
Твой замок пышен и уютен,
Там веселись, под звуки лютен!»

Смиряет Князь невольный гнев,
Дает коню лихому шпоры,
Кричит, надменно поглядев:
«На предсказанья все вы скоры!
Но нынче ль, завтра ль, все равно —
Всем пасть однажды суждено,
Так лучше пасть в бою веселом!»
И поскакал зеленым долом.

Сверкают звезды с вышины,
Давно окончена потеха.
Опять луга оглашены
Далеко – буйным гулом смеха.
С гостями едет Князь назад,
Их лица от вина горят,
И, дедовский блюда обычай,
Кренятся слуги под добычей.

И вновь старик с своей клюкой
Стоит у старого колодца.
И Князь с усмешкой роковой
Вновь замедляет иноходца:

«Ну что ж, старик! Прошел и день,
Настала тьма, упала тень,
А у меня в колчане целы
Еще не пущенные стрелы!»

И Князь глядит на старика...
Но вдруг, с неистовым порывом,
Взнеслась тяжелая клюка
И рухнула над горделивым.
И Князь с коня упал ничком,
Во прах, с рассеченным челом,
Чуть вскрикнул, чуть повел руками...
И труп лежит перед гостями.

И гости в ужасе глядят,
И кони дыбятся в испуге...
Пред мертвым выстроились в ряд,
Сняв шапки, трепетные слуги.
Уже старик в руках других
И связан. Громкий смех затих,
И говор смолк. На тверди синей
Сонм звезд – как звезд на балдахине.

И слышен голос в тишине, —
Старик взывает к тайной силе:
«Исполнить то досталось мне,
Что вы, благие, не свершили.
Не может лгать язык волхва:
Вы подсказали мне слова,

Чтоб стало правдой прорицанье,
Я сам свершил предначертанье!»

5 марта 1912

Дополнение

Песня гренландцев

Высока гора Кунак на Юге,
Я вижу ее.

Высока гора Кунак на Юге,
Я смотрю на нее.

Яркий блеск над горой на Юге,
Я дивлюсь на него.

Солнце блестит на облаках на Юге,
Я люблюсь на блеск.

Смотри на цвета над горой на тучах,
Я смотрю на Юг.

Смотри, как черна гора под тучей,
Я поеду на Юг!

Песня древнего народа

Тема Райдера Хаггарда

Лесная птица, влетевшая в сумрачный зал;
Рука ребенка, зажавшая острый кинжал, —
Ты облик Жизни узнал ли? узнал ли? – Узнал!

Красиво небо в уборах вечерней зари,
Но солнце тонет в крови, всё в крови, всё в крови.
Звезды сиянье в воде непрозрачной пруда,

Расцвет фиалок в равнине, где скачет орда, —
Ты облик Смерти узнал ли? узнал ли? – О, да!
Темнеет небо в уборах вечерней зари,

Но солнце тонет в крови, всё в крови, всё в крови!
Нельзя проснуться от сна этих дней без примет,
Порвать ли цепи, где звенья – ряд стертых монет,

Ты облик Тайны узнал ли? узнал ли? – иль нет?
Померкло небо в уборах вечерней зари,
И солнце скрылось в крови, всё в крови, всё в крови!

19 марта 1923

Песня североамериканских индейцев

Маниту! Маниту! Маниту!
Ты благ, ты мудр, ты велик!
Маниту! Маниту!
Услышь мой крик!

В небесах, в облаках, я вижу,
То заря, то полдень, то тень.
В небесах, я вижу,
Ночь и день.

В лесах, в равнинах, я слышу,
Свист, пенье, рычанье, зов.
По долинам я слышу
Вой волков.

В битвах стучат – дело смелых! —
Томагавки, копья, щиты.
В битве смелых
Любишь ты.

Маниту! Маниту! Маниту!
Я храбр, но кругом враги.
Маниту! Маниту!
Помоги!

4 апреля 1923

Атлантида

Провеял дух, идущий мимо.
Его лицо – неуловимо,
Его состав – что клубы дыма.

Я голос слышал, – словно струны.
Я голос слышал, – нежно-юный.
Так говорил мне призрак лунный:

«Нам в смерти жизнь – Судьба судила.
Наш мир – единая могила.
Но Вечность, Вечность – наша сила.

Меж гор, недвижно-неизменных,
Нас много скорбных, много пленных,
Но – нам витать во всех вселенных».

Провеял голос нежно-струнный.
Провеял мимо призрак лунный,
Гость Вечности, вовеки юный.

Встал облак жертвенного дыма,
И я восславил, что незримо,
Тебя, о дух, идущий мимо.

Царь о себе самом

Я был, как лев, рожденный в пустыне, около оаза Хибиса, в зарослях.

Я стоял на колеснице позлащенной, как статуя бога на подножии своем.

Десницей я метал стрелы мои, шуйцей я опрокидывал врагов.

Я был, как Аммон, в свой час, пред сонмом врагов, лик мой страшен был им.

В груди у них не было мужества метать стрелы, они не осмеливались поднять дротик!

Три тысячи колесниц разбились кобылицы мои, спицы колес

валялись, как солома.

Воинов я низвергал в воду, как прыгают в Нил крокодилы.

Падали ниц враги один за другим, не смели взглянуть, кто их разит.

Они, устрешенные, говорили друг другу: «Не человек, сам Сутеху славный меж нами.

Побежав, поспешим укрыться от него! спрятавшись, переведем дух еще раз в жизни!»

Я воззвал к отцу моему Аммону: «Отец, ты не забыл сына!

Храмы твои я наполнил пленными, тебе я воздвиг

колонны,
что простоят тысячу лет!
Для тебя я привез обелиски с Абу, за дарами тебе я
посылал корабли в море.
Заповедей твоих я не преступал в жизни, славу твою я
разнес по всему миру!»
Презренные побеждены были мною, враги мои были
истреблены на земле.
Трупы лежали у ног моих, как сено, лучшие витязи
врагов
издыхали в крови своей.
Тогда около вечернего времени пришли военачальники
мои,
славословили имя мое тысячью похвал.
Но я, царь, – жизнь, здоровье, сила, —сказал им: «Вы
видели, что совершил Аммон, отец мой.
Враги разбежались по пустыне, как тушканчики, я
прошел сквозь их ряды, подобно носорогу.
Славьте Аммона, бога непобедимого: славьте сына его,
фараона, одержавшего победу, – жизнь, здоровье, сила!»

1912

Надпись

Наше войско двигалось мирно,
Оно вступило в области Геруша.

Наше войско двигалось мирно,
Оно сломило могущество Геруша.

Наше войско двигалось мирно,
Оно сокрушило вражий крепости.

Наше войско двигалось мирно,
Оно срезало сады и виноградники.

Наше войско двигалось мирно,
Оно сожгло дома и хлеба в полях,

Наше войско двигалось мирно,
Оно истребило тысячи тысяч людей.

Наше войско двигалось мирно,
Оно увело тысячи тысяч в плен.

Наше войско двигалось мирно,
Да будет слава Царю во времена времен!

<1913>

Гимн Нилу

Слава Нилу, в мир сошедшему,
Слава Нилу, жизнь дающему!

Свой исток во мраке кроющий,
Светом сумрак заменяешь ты,
Сады, нивы орошаешь ты!

Велишь – Нопри бдить над зернами,
Велишь – Себеку над хлебом бдить,
Велишь – Фта над ремеслом радеть.

Рыб создатель! их от птиц хранишь.
Нив радетель! ты века творишь.
Храмов зодчий! ты – богов оплот.

Перст твой медлит, – всюду бедствие;
Дух твой дремлет, – меж богами страх;
Жизнь ты создал и живишь ее.

Когда воды Нила поднимаются,
Все живое пище радуется,
Каждый зуб перетирает плод.

Для животных траву он выращивает,
Жертвы для богов готовит он,
Храмов фимиам – его творение.

Он свершает всех желанья,
Сам вовек не истощается,
Доблесть Нила – бедных щит.

Мы из камня т творим его,

Не венчаем мы его венцом двойным,
Мы ему не платим подати.

Нет святилища единого его,
Неизвестно пребывание его,
Не раскрыто в таинствах письмен.

Ты царишь для Юга и для Севера,
Поглощаешь слезы всех очей,
Расточаешь щедро блага всем.

Слава Нилу, в мир сошедшему,
Слава Нилу, жизнь дающему!

<1918>

* * *

Тебе мы поклоняемся, Нил!
Все земли оживляешь ты илом,
Течешь к нам из неведомых стран,
Чтобы севы встали зеленью рано.

Тебе мы поклоняемся, Нил!
В твоей воде живут крокодилы,
Поишь священной влагой весь год,
Хранишь на волнах медленных лотос.

Ты нам даешь живительный хлеб,
Ты к нам приходишь в образе Зеба,
Ты к нам приходишь в образе Пта,
Ты к нам приходишь богом Аммоном.

<1913>

Гимн Атону

Прекрасен восход твой, о Атон живущий, владыка столетий!

Дивный, светлый, могучий, – любви твоей – меры нет,
лучи твои – радость.

Когда ты сияешь, сердца оживают, обе земли веселятся.
Бог священный, создавший себя, сотворивший все страны:
людей, стада и деревья!

Ты светишь – и живо все! ты мать и отец для всех, чьи глаза сотворил ты!

Ты светишь – и видят все! все души ликуют о тебе,
о владыко!

Когда ты уходишь, за край земли на закате, – все лежат,
словно мертвые;

Пока ты не встанешь с края земли на восходе, —лица
скрыты, носы не дышат.

Ты луч посылаешь – простираются руки, величая дух
твой,

Ты в небе светишь – певцы и игральцы поют и трубят,
Ибо жизнь возродишь ты, красотой огнесветлой, искрой
жизни!

И все ликуют во дворце Хатбенбена и во всяком храме,
И все ликуют во дворце Иахетатона, прекрасном месте,
Ибо им ты доволен, тебе приносят там тучные жертвы.

Чист, кто угоден – тебе, о живущий, – в своих
праздничных хорах.

Все, что ты создал, радостно скачет пред твоим ликом,
Пред тобой веселится, Атон, горящий на небе каждый
день!

Слава Атону, кто создал небо, чтобы светить с него!
Слава Атону, кто озирает с неба все, что создал он!
Слава Атону, в ком тысячи жизней, даруемых нам!

24 января 1915

Заклинание

Хавват владычица!

Богиня, царица!

Се – я связываю,

Я – Мацлия.

<1915>

* * *

Я, сын царя, здесь сплю, Эшмунизар,
В гробнице сей, что сам воздвиг себе,
Мое заклатье – людям и царям:

Да не откроешь ты дверей ко мне.
Да не расхитишь ты богатств моих.
Да не встревожишь ты мой тихий прах.

Не то тебя отвергнет рафаим.
Не то твой прах вовек не ляжет в гроб.
Не то не будет у тебя детей.

Ты будешь продан мощному царю.
Ты утеряешь корень, как и плод.
Ты не познаешь от людей любви.

Зане здесь сплю я, царь Эшмунизар.
Был мой отец – Сидона царь, Табнит,
И мать моя – была Эмашторен, —

Служительница Ашпорен,
Богини, сила чья

Меня оборонит;

Прохожий, не тревожь гробницы
Сына царя, Эшмунизара!

<1915>

Псалом Давида

Меж братьями я меньший был;
В дому отца был самый юный.
Овец я в поле выводил,
Перстам моим привычны были струны.

Кто б господу о мне сказал?
Он, сильный, сам о мне услышал!
Меня иноплеменник клял,
Но я с пращой ему навстречу вышел.

Семь братьев – все сильней меня,
Но бог не их призвал из кущи.
Предстал мне ангел в свете дня,
Святил меня елеем всемогущий.

Смеялся грозный Голиаф,
Глумился посредине стана.
Но, у него же меч отняв,
Я голову отсек у великана!

1912

* * *

Старик шел мимо башни;
Там девушка сидела,
Держа в руке цветок:
Подарок жениха.

Старик шел мимо башни;
Там женщина рыдала:
Лежал на ложе с ней
Ее младенец – мертв.

Старик шел мимо башни;
Там дряхлая старуха,
Держа в руке цветок,
Шептала: «Вновь весна!»

1913

Китайские стихи

1

Твой ум – глубокий, что море!
Твой дух – высокий, что горы!

2

Пусть этот чайник ясный,
В час нежный, отразит
Лик женщины прекрасной
И алый цвет ланит.

3

Ты мне дороже, чем золото,
Чем добрый взгляд государя;
Будь любви моей рада,
Как кормщик, к берегу причаля.

4

Все дни – друг на друга похожи;
Так муравьи – одинаково серы.
Знай заветы – работать, чтить старших
и голос божий,
Завяжи узел – труда, почтения, веры.

5

Глупец восклицает: «Ломок
Стебель памяти о заслугах!»
Мудрый говорит: «Буду скромн,
И меня прославят речи друга!»

16 декабря 1914

Варшава

Японские танки и ута

1

Роса ложится, но солнце всходит,

И в росах тают все отраженья,
Но дни, и ночи, и годы проходят, —
В душе моей все те же любви мученья.

2

По небу тучи ходят, крутятся,
Потом исчезают.
На том же месте неподвижные горы.

Над жизнью дни проходят, крутятся,
Как небесные тучи.
В сердце на том же месте единое гору.

3

Не весенний снег
Убелил весь горный скат:
Это вишни цвет!
Ах, когда б моя любовь
Дожила и до плодов!

4

Как золотые
Дождя упадания, —
Слезы немые, —
Будут в печальной судьбе
Думы мои о тебе.

5

Цветики вишни,
Обрадуйте, падайте!
В городе лишний,
Ветром, как вы, я гоним
К волнам Икуто седым...

<1913—1915>

* * *

Под бананом, под бананом
Хорошо с тобой лежать вдвоем.
Словно в беге быстром, пьяном,
В поле уносимы мы слоном, —

Под бананом, под бананом
Жарким днем.

У тебя так смуглы груди,
Нежным медом пахнут волоса.
Слышат боги, но не слышат люди
Наши хриплые от счастья голоса.
У тебя так смуглы груди,
Как леса.

В быстром беге, в быстром беге
К милой цели мы спешим вдвоем,
Тонем в озере любовной неги,
Море сомы несказанной пьем.
В быстром беге, в быстром беге
Мы умрем.

1913

Подражание труверам

Нет, никогда не мог Амур в сем мире
Так сердце мучить, как меня она!
Я из-за той, кто всех прекрасней в мире,
Не знаю отдыха, не знаю сна.
Увы! не знает жалости она,
И мне укрыться некуда в сем мире, —
Затем, что всюду мне она видна!

Лети, о песня, и скажи прекрасной,
Что чрез нее покой утратил я!
Что сердцем я страдаю по прекрасной,
Затем, что зло покинут ею я!
Ах, заслужила ль то любовь моя!
Но если я умру, пускай прекрасной
Все песня скажет, правды не тая!

3 марта 1908

Песнь прокаженного

Сторонитесь!
Прокаженный идет,
Сторонитесь!

Проклят мой род,
Согрешил мой отец,
За грехи карает господь,
Где же мукам конец?
Сторонитесь!

Тело мое – что плеснь,
Зловонен мой рот,
Ноги покрыты корой,
Десны съела болезнь,
Крючья – пальцы мои,

Где лежу я – там гной.
Сойди с пути:
Прокаженный идет!

Сторонитесь,
Прохожие, женщины, левиты, купцы!
Расходитесь
Во все концы.
Невеста с молодым женихом,
Юноша, что поет на псалтире,
Мальчик с своим кубарем,
Вы все, что веселы в мире, —
Сторонитесь,
Разбегитесь:
Прокаженный идет!

Дайте дорогу мне,
Шире дорогу мне!
Я в голые горы уйду,
Туда, где нет ни цветов, ни травы.
Я глухую пещеру найду,
Где есть глоток воды,
Мытари, сторонитесь меня!
Цари, страшитесь меня!
Пророки, берегитесь меня!
Я иду, в колокольчик звеня;
Прокаженный идет,
Сторонитесь.

Я иду, хохоча
Ртом без губ.
Я иду, крича;
Я страшней, чем труп!
Страшно карает господь,
Берегитесь!
Трепещи пред господом всякая плоть,
Страшитесь!
Кто, сильный, может меня побороть,
И кто устоит против меня?

Иду, звеня;
Сторонитесь,
Прокаженный идет,
Сторонитесь.

10 марта 1912

Испанская песенка

В темном поле, в темном поле
Бродит Альма без дороги;
В темном поле, в темном поле
Видит вход в шалаш убогий.

Альма входит, Альма входит,
Видит – бедно там и тесно.
Альма входит, Альма входит,

Видит – рыцарь неизвестный.

Говорит: «Я заблудилась,
В стужу ноги онемели!»

Говорит: «Я заблудилась,
Ах, довериться тебе ли!»

Рыцарь ей в ответ: «Сеньора,
Знаю, вам я неизвестен,
Но, клянусь крестом, сеньора,
Благороден я и честен.

Вот вам ложа половина,
Я свой меч кладу меж нами.
Вот вам ложа половина!
Не коснусь я вас устами».

Ночь проходит, ночь проходит,
Свет дневной румяно льется.
Альма в поле вновь выходит,
И смеется, и смеется.

Рыцарь спрашивает Альму
С грустью пламенного взора,
Рыцарь спрашивает Альму:
«Что смеетесь вы, сеньора?»

«Я смеюсь тому, мой рыцарь,
Что здесь было ночью темной,

Что могли всю ночь, мой рыцарь,
Вы со мной лежать так скромно!»

1920

Сонет в манере Петрарки

Как всякий, кто Любви застенок ведал,
Где Страсть пытается, ласковый палач, —
Освобожден, я дух бесстрастьем предал,
И смех стал чуждым мне, безвестным — плач.

Но в лабиринте тусклых снов, как Дедал,
Предстала ты, тоски волшебный врач,
Взманила к крыльям... Я ответа не дал,
Отвыкший верить Гению удач.

И вновь влача по миру цепь бессилья,
Вновь одинок, как скорбный Филоктет,
Я грустно помню радужные крылья

И страсти новой за тобой просвет.
Мне горько жаль, что, с юношеским жаром,
Я не взлетел, чтоб в море пасть Икаром.

10 марта 1912

Артуру ехать в далекий путь!
Вот громко трубят трубы!
Джиневру целует он нежно в грудь,
Целует и в лоб и в губы!
«Прощай, Джиневра, моя жена.
Не долгодолго разлуки год!»
Она – в слезах, в слезах она,
Смотрит смеясь Ланцелот!

Вот едет Артур через ясный луг,
И слышны близко трубы,
Но страстно Джиневра и милый друг,
Целуясь, сблизили губы.
«Тебе служил я, любил тебя
И ждал за годом год.
Теперь блаженство узнаю я!»
Смотрит смеясь Ланцелот.

Артуру ехать в обратный путь,
Поют в его славу трубы!
Он девушек в замках целует в грудь,
Целует и в алые губы.
С Артуром нежно вдвоем жена:
«Я верен тебе был весь год!»
«А мужу я была верна!»

Смотрит смеясь Ланцелот.

<1916>

Последние мечты 1917—1919

Душа истаивает...

В горнем свете

Я сознаю, что постепенно
Душа истаивает. Мгла
Ложится в ней. Но, неизменно,
Мечта свободная – светла!

Бывало, жизнь мutilи страсти,
Как черный вихрь морскую гладь;
Я, у враждебных чувств во власти,
То жаждал мстить, то мог рыдать.

Но, как орел в горах Кавказа,
За кругом круг, уходит ввысь,
Чтоб скрыться от людского глаза, —
Желанья выше вознеслись!

Я больше дольних смут не вижу,

Ничьих восторгов не делю;
Я никого не ненавижу
И – страшно мыслить – не люблю!

Но, с высоты полета, бездны
Открыты мне – былых веков:
Судьбы мне внятен ход железный
И вопль умолкших голосов.

Прошедшее, как дно морское,
Узором стелется вдали;
Там баснословных дней герои
Идут, как строем корабли.

Вникая в смысл тысячелетий,
В заветы презренных наук,
Я словно слышу, в горнем свете,
Планетных сфер певучий звук;

И, прежнему призванью верен,
Тот звук переливаю в стих,
Чтоб он, отчетлив и размерен,
Пел правду новых снов моих!

Июль 1918

Пророчества весны

В дни отрочества, я пророчествам
Весны восторженно внимал:
За первым праздничным подснежником,
Блажен пьянящим одиночеством,
В лесу, еще сыром, блуждал.

Как арка, небо над мятежником
Синело майской глубиной,
И в каждом шорохе и шелесте,
Ступая вольно по валежникам,
Я слышал голос над собой:

Все пело, полно вешней прелести;
«Живи! люби! иди вперед!
Ищи борьбы, душа крылатая,
И, как Самсон из львиной челюсти,
Добудь из грозной жизни – мед!»

И вновь весна, но – сорок пятая...
Все тот же вешний блеск вокруг:
Все так же глубь небес – божественна;
Все та ж листва, никем не смятая;
Как прежде, свеж и зелен луг!

Весна во всем осталась девственной;
Что для земли десятки лет!
Лишь я принес тоску случайную
На праздник радости естественной, —
Лишь я – иной, под гнетом лет!

Что ж! Пусть не мед, а горечь тайную
Собрал я в чашу бытия!
Сквозь боль души весну приветствую
И на призыв земли отвечаю,
Как прежде, светлой песней я!

1918

При свете луны

Как всплывает алый щит над морем,
Издавна знакомый лунный щит, —
Юность жизни, с радостью и горем
Давних лет, над памятью стоит.

Море – змеи светов гибких жалят
И, сплетясь, уходят вглубь, на дно.
Память снова нежат и печалят
Дни и сны, изжитые давно.

Сколько ликов манят зноем ласки,
Сколько сцен, томящих вздохом грудь!
Словно взор склонен к страницам сказки,
И мечта с Синдбадом держит путь.

Жжет еще огонь былой отравы.
Мучит стыд неосторожных слов...

Улыбаюсь детской жажде славы,
Клеветам забытых мной врагов...

Но не жаль всех пережитых бредней,
Дерзких дум и губительных страстей:
Все мечты приемлю до последней, —
Каждый стон и стих, как мать – детей.

Лучший жребий взял я в мире этом:
Тайн искать в познании и любви,
Быть мечтателем и быть поэтом,
Признавать один завет: «Живи!»

И, начнись все вновь, я вновь прошел бы
Те ж дороги, жизнь – за мигом миг:
Верил бы улыбкам, бросив колбы,
Рвался б из объятий к пыли книг!

Шел бы к мукам вновь, большим и малым,
Чтоб всегда лишь дрожью дорожить,
Чтоб стоять, как здесь я жду, – усталым,
Но готовым вновь – страдать и жить!

3 января 1918

Ученик Орфея

Я всюду цепи строф лелеял,

Я ветру вслух твердил стихи,
Чтоб он в степи их, взвив, развеял,
Где спят, снам веря, пастухи;

Просил у эхо рифм ответных,
В ущельях гор, в тиши яйлы;
Искал черед венков сонетных
В прибое, бьющем в мол валы;

Ловил в немолчном шуме моря
Метр тех своих живых баллад,
Где ласку счастья, жгучесть горя
Вложить в античный миф был рад;

В столичном грозном гуле тоже,
Когда, гремя, звеня, стуча,
Играет Город в жизнь, – прохожий,
Я брел, напев стихов шепча;

Гудки авто, звонки трамвая,
Стук, топот, ропот, бег колес, —
В поэмы страсти, в песни мая
Вливали смутный лепет грез.

Все звуки жизни и природы
Я облекать в размер привык:
Плеск речек, гром, свист непогоды,
Треск ружей, баррикадный крик.

Везде я шел, незримо лиру
Держа, и властью струн храним,
Свой новый гимн готовя миру,
Но сам богат и счастлив им.

Орфей, сын бога, мой учитель,
Меж тигров так когда-то пел...
Я с песней в адову обитель,
Как он, сошел бы, горд и смел.

Но диким криком гимн Менады
Покрыли, сбили лавр венца;
Взвив тирсы, рвали без пощады
Грудь в ад сходившего певца.

Так мне ль осилить взвизг трамвайный.
Моторов вопль, рев толп людских?
Жду, на какой строфе случайной
Я, с жизнью, оборву свой стих.

20/7 февраля 1918

Сорок пятый раз

Весенней ночью встречу звон пасхальный
Я сорок пятый раз...
И вот мечта, вскрывая сумрак дальний,
Лепечет свой рассказ.

Об том, как в детстве золотились нежно
Все праздничные дни;
Как в юности огнем любви мятежно
Томили дух они;

Как позже, злобно нападали змеи
Безумства и страстей,
В весенний праздник выползая злее
Со всех моих путей...

Вновь вижу: двое, в звоне колокольном,
Укрылись в темноту,
А на окне, пред взором богомольным,
Ветвь яблони в цвету...

Вновь вижу поле дальнее... ракета,
Взлетя, прожгла эфир...
И с перезвоном робким слился где-то
Рёв пушек и мортир.

Вновь вижу ночь семнадцатого года.
Прекрасна и светла;
Толпу пасхальную ведет Свобода,
Раскинув два крыла...

Что ж принесет мне праздник сорок пятый?
О если б глубь небес
Родному краю крикнула трикраты:

«Воистину воскрес!»

1918

Жить на воле...

Зов автомобиля

Призыв протяжный и двухнотный
Автомобильного гудка...
И снова манит безотчетно
К далеким странствиям – тоска.

То лесом, то в полях открытых
Лететь, бросая версты вспять;
У станций старых, позабытых,
Раскинув лагерь, отдыхать!

Когда в дороге лопнет шина,
Стоять в таинственном лесу,
Где сосны, да кусты, да глина,
А солнце серебрит росу.

А в холод в поле незнакомом,
От ветра кроясь за стеклом,
Смотреть, как вихрь над буреломом
Бросает новый бурелом.

Иль ночью, в дерзостном разбеге,

Прорезывая мглу полей,
Без мысли об ином ночлеге,
Дремать под трепет фонарей!

Скользя, как метеор, деревней,
Миг жизни видеть невзначай,
И встречным прогудеть напевней,
Чем голос девушки: «Прощай!»

И, смелые виражи в поле
Срезая, вновь взлетать на склон,
И вновь гудеть, и жить на воле
Кентавром сказочных времен!

Сентябрь 1917

Лунная ночь

– *Банально, как лунная ночь...*

Juvenilia

Смотрю, дыша травой и мятой,
Как стали тени туч белей,
Как льется свет, чуть синеватый,
В лиловый мрак ночных полей.

Закат погас в бесцветной вспышке,
И, прежде алый, шар луны,

Как бледный страж небесной вышки,
Стоит, лучом лелея сны.

Былинки живы свежим блеском,
Лес ожил, и живет ручей,
Бросая искры каждым всплеском, —
Змей – лента водяных лучей.

Час волшебством мечты пропитан, —
Луга, деревья, воздух, даль...
Сердца томит он, мысль пьянит он:
Везде – восторг, во всем – печаль!

И, лунной ночи полня чары,
Вливает песню в тишь ветвей
(Банальный гимн, как зов гитары!)
Друг всех влюбленных, соловей.

1917

Солнцеворот

Была зима; лежали плотно
Снега над взрытостью полей.
Над зыбкой глубиной болотной
Скользили, выводя изгибы,
Полозья ровные саней.

Была зима; и спали рыбы
Под твердым, неподвижным льдом.
И даже вихри не смогли бы,
В зерне замерзшем и холодном,
Жизнь пробудить своим бичом!

Час пробил; Чудом очередным,
Сквозь смерть, о мае вспомнил год.
Над миром белым и бесплодным
Шепнул какой-то нежный голос;
«Опять пришел солнцеворот!»

И под землю, зерна, чужа
Грядущей жизни благодать,
Очнулись, нежась и тоскуя,
И вновь готов безвестный колос
Расти, цвести и умирать!

17 октября 1917

Благовесть весеннего утра

Утро. Душа умиленно
Благовесть солнечный слышит,
Звоны весенних лучей,
Всё отвечает созвонно:
Липы, что ветер колышет,
Луг, что ромашками вышит,

Звучно-журчащий ручей...
Воздух отзвучьями дышит
Где-то стучащих мечей.

Гулко зовя богомольца,
Звоны со звонами спорят.
Солнце гудит, как набат,
В травах бренчат колокольца.
Им колокольчики вторят,
Тучки, что небо узорят,
В сто бубенцов говорят.
Зов звонари то ускорят,
То, замедляя, звонят.

Солнце восходит все выше.
Ярче, ясней, полновесней
Голос наставшего дня.
Гулы набата все тише,
Бой перезвонов чудесней:
Скрыты серебряной песней
Медные гуды огня.
Небо взывает: «Воскресни»,
Миру лазурью звеня.

1918

Апрельский хмель

Лиловые тени легли по последнему снегу,
Журча, по наклонам сбежали ручьями сугробы,
Развевал по воздуху вечер истому и негу,
Апрель над зимой торжествует без гнева и злобы.
Апрель! Но вокруг все объято предчувствием мая,
И ночь обещает быть ясной, и теплой, и звездной...
Ах, тысячи юношей, нежно подругу сжимая,
Свой взор наклоняют теперь над обманчивой бездной.
Весна их пьянит, как пьянила и в глубях столетий,
В жестокие темные годы пещерного века,
Когда первобытные люди играли, как дети,
И мамонт бродячий был грозным врагом человека.
Быть может, вот здесь, где длинеют лиловые тени,
Наш пращур суровый, в любовном восторженном хмеле,
На тающий снег преклоняя нагие колени,
К возлюбленной девушке ник, в тихий вечер, в апреле!
Вот солнце краснеет, скользя за черту кругозора,
Под ласковым ветром дрожат заалевшие ветки...
Вы, девы и юноши! май нас обрадует скоро:
Дышите весной, как дышали далекие предки.

26 апреля 1919

Веснянка

Лишь на севере мы ценим
Весь восторг весны, —
Вешней неги не обменим

На иные сны.

После долгой ночи зимней
Нежен вешний день,
Ткани мглы гостеприимней
Расстиляет тень.

Там, где землю крыл по склонам
Одноцветный снег,
Жжет глаза в лесу, зеленый
Молодой побег!

В душу к нам глядит подснежник
Взором голубым;
Даже, старый хлам, валежник
Кажется живым!

Мы весной живем, как дети,
Словно бредим вслух;
В свежих красках, в ясном свете
Оживает дух!

Каждый маю стал союзник
И врагом зимы,
Каждый счастлив, словно узник,
Выйдя из тюрьмы!

Перед маем

Под землей, под слоем снега,
Верит сонное зерно,
Что весной воде, с разбега,
Разбудить поля дано;

Что рассветной песней птицы
Снова станут славить лес;
И, в ночной игре, зарницы
Раскрывать узор небес;

Что зеленых трав изгибы
Запах мяты разольют,
И, хвостом виляя, рыбы
Заколышут ближний пруд!

Спит зерно и грезит маем,
В мертвой мгле и в тишине...
Разве так же мы не знаем,
Что зима ведет к весне?

Так чего ж еще нам надо, —
Если всех любовно ждет
Майских радостей награда
За тоску и белый гнет!

Как же может ночь печалить,
Будь она черна, долга,
Если утром нежно жалить
Должен алый луч снега.

Зерна верят. Будем верить
Златоцветным дням и мы!
И к чему бесплодно мерить
Сроки ночи и зимы?

Пусть во мраке, – ты ли, я ли, —
Но дождется кто-то дня:
Все мы видели, все знали
Шар свободного огня!

Трепет жизни, жажда воли
Им незримо в нас влита.
В миг конца не все равно ли
Май иль майская мечта!

16 января. 1918

Тропическая ночь

В снежной мгле угрюмы вопли вьюги,
Всем сулят, с проклятьем, час возмездий...
Та же ль ночь, в иных краях, на юге,
Вся дрожит, надев убор созвездий?

Там, лучистым сферам дружно вторя,
Снизу воды белым блеском светят;
Легкой тенью режа фосфор моря,
Челны след чертой огнистой метят.

Жарким ветром с пальм уснувших веет,
Свежей дрожью с далей водных тянет...
В звездных снах душа мечтать не смеет,
Мыслей нет, но ум чудесно занят.

Вот – летят, сверкнув как пламя, рыбы,
Вот – плеск весел пылью искр осыпан;
Берег – ярок, в искрах – все изгибы,
Ясный мрак игрой лучей пропитан.

В небе, в море, в сердце – всюду вспышки,
Мир – в огне не жгучем жив; воочью
Люди чудо видят... Там, в излишке
Счастья, смерть – желанна этой ночью!

Челн застыл, горя в волшебном круге;
Южный Крест царит в ряду созвездий...
Чу! вблизи глухие вопли выюги,
Все м сулят, с проклятьем, час возмездий.

17 января 1918

Единое счастье – работа!

Работа

Единое счастье – работа,
В полях, за станком, за столом, —
Работа до жаркого пота,
Работа без лишнего счета, —
Часы за упорным трудом!

Иди неуклонно за плугом,
Рассчитывай взмахи косы,
Клонись к лошадиным подпругам,
Доколь не заблещут над лугом
Алмазы вечерней росы!

На фабрике в шуме стозвонном
Машин, и колес, и ремней
Заполни с лицом непреклонным
Свой день, в череду миллионном,
Рабочих, преемственных дней!

Иль – согнут над белой страницей, —
Что сердце диктует, пиши;
Пусть небо зажжется денницей, —

Всю ночь выводи вереницей
Заветные мысли души!

Посеянный хлеб разойдется
По миру; с гудящих станков
Поток животворный польется;
Печатная мысль отзовется
Во глубин бесчисленных умов.

Работай! Незримо, чудесно
Работа, как сев, прорастет:
Что станет с плодами, – неизвестно,
Но благостно, влагой небесной,
Труд всякий падет на народ!

Великая радость – работа,
В полях, за станком, за столом!
Работай до жаркого пота,
Работай без лишнего счета, —
Все счастье земли – за трудом!

18 сентября 1917

Пока есть небо

Пока есть небо, будь доволен!
Пока есть море, счастлив будь!
Пока простор полей раздолен,

Мир славить песней не забудь!

Пока есть горы, те, что к небу
Возносят пик над пенем струй,
Восторга высшего не требуй
И радость жизни торжествуй!

В лазури облака белеют
Иль туча темная плывет;
И зыби то челнок лелеют,
То клонят мощный пакетбот;

И небеса по серым скатам
То золотом зари горят,
То блещут пурпурным закатом
И лед вершинный багрянят;

Под ветром зыблемые нивы
Бессчетных отсветов полны,
И знают дивные отливы
Снега под отблеском луны.

Везде – торжественно и чудно,
Везде – сиянья красоты,
Весной стоцветно-изумрудной,
Зимой – в раздольях пустоты;

Как в поле, в городе мятежном
Все те же краски без числа

Струятся с высоты, что нежным
Лучом ласкает купола;

А вечером еще чудесней
Даль улиц, в блеске фонарей,
Все – зовы грез, все – зовы к песне:
Лишь видеть и мечтать – умей.

Октябрь 1917

Пусть пред окном моим...

Пусть пред окном моим не взносит
Юнгфрау купол вековой,
И знаю, что закат не бросит
Змей на лагуны предо мной;

Пусть нынче с гондол не окликнут
Меня коварно, и в уют,
Где над палаткой пальмы никнут,
Под вечер не помчит верблюд;

Деревья чахлого бульвара
Да стены строгие домов, —
Вот сумрачно-немые чары
Всех наших дней, всех наших снов.

Но так же пламенны закаты,

И то же золото зари.
Там, где домами дали сжаты
И встали строим фонари;

И пляска радужных пылинок
В луче все та же – у окна;
И белые рои снежинок
Все так же серебрит луна;

Причудливо ползут туманы
Вдоль улиц, и ночная мгла
То множит странные обманы,
То, летом, призратно бела.

Торжественно река струится,
Стучась в столицах о гранит,
И мир созвездий в ней глядится,
Храня величественный вид.

Над площадями полн величий
Колоколов ночной псалом,
А утром, в сквере, голос птичий
Так бодро-весел за окном.

1917

Голос иных миров

Пусть мучит жизнь, и день, что прожит,
Отзвучьем горьких дум тревожит,
И душу скорбь коварно гложет;
Взгляни в ночные небеса,
Где пала звездная роса,
Где Млечный Путь, как полоса,
Пролег и свет на свет множит;
Вглядись покорно в чудеса, —
И Вечность нежно уничтожит
В тебе земные голоса,
Бессонной памяти положит
Повязку мрака на глаза;
Застынет, не упав, слеза,
И миг в безбрежном изнеможет!

Целит священная безбрежность
Всю боль, всю алчность, всю мятежность,
Смирив властно безнадежность
Мечтой иного бытия!
Ночь, тайн созданья не тая,
Бессчетных звезд лучи струя,
Гласит, что с нами рядом – смежность
Других миров, что там – края,
Где тоже есть любовь и нежность,
И смерть и жизнь, – кто знает, чья?
Что небо – только порубежность
Планетных сфер, даль – колея,
Что сонмы солнц и наше «я»
Влечет в пространстве – Неизбежность!

23 сентября 1917

Образы святые

Библия

О, книга книг! Кто не изведал,
В своей изменчивой судьбе,
Как ты целишь того, кто предал
Свой утомленный дух – тебе!

В чреде видений неизменных,
Как совершенна и чиста —
Твоих страниц проникновенных
Младенческая простота!

Не меркнут образы святые,
Однажды вызваны тобой:
Пред Евой – искушение Змия,
С голубкой возвращенной – Ной!

Все, в страшный час, в горах, застыли
Отец и сын, костер сложив;
Жив облик женственной Рахили,
Израиль-богоборец – жив!

И кто, житейское отбросив,

Не плакал, в детстве, прочитав,
Как братьев обнимал Иосиф
На высоте честей и слав!

Кто проникал, не пламенея,
Веков таинственную даль,
Познав сиянье Моисея,
С горы несущего скрижаль!

Резец, и карандаш, и кисти,
И струны, и певучий стих —
Еще светлей, еще лучистей
Творят ряд образов твоих!

Какой поэт, какой художник
К тебе не приходил, любя:
Еврей, христианин, безбожник,
Все, все учились у тебя!

И сколько мыслей гениальных
С тобой невидимо слиты:
Сквозь блеск твоих страниц кристальных
Нам светят гениев мечты.

Ты вечно новой, век за веком,
За годом год, за мигом миг,
Встаешь – алтарь пред человеком,
О Библия! о книга книг!

Ты – правда тайны сокровенной,
Ты – откровенье, ты – завет,
Всевышним данный всей вселенной
Для прошлых и грядущих лет!

1918

Три яблока

Три яблока, излюбленных преданьем,
Три символа земного мятежа,
В саду веков, воссозданном сознанием,
Они горят, под ветром грез дрожа.

Ты, яблоко губительное Евы!
Ты вырвало из глаз эдемский свет,
На нас обрушив божеские гневны, —
Но было то – восстанье на запрет!

Другое—яблоко Вильгельма Теля, —
Свободы весть промчало над землей:
Одной стрелой в родного сына цели,
Стрелок в тиранов метился другой!

А третье – третье яблоко Ньютона;
Оно упало в час своей поры,
И понял ум незыблемость закона,
Что движет землю, небо и миры.

То третье яблоко вернуло рай нам,
Сравняло всех, владыку и раба,
Открыло нам дорогу к вечным тайнам,
Чтоб не страшила больше – и Судьба!

1916

Ариадна

Жалоба Фессея

Ариадна! Ариадна!
Ты, кого я на песке,
Где-то, в бездне беспощадной
Моря, бросил вдалеке!

Златоокая царевна!
Ты, кто мне вручила нить,
Чтобы путь во тьме бездневной
Лабиринта различить!

Дочь угрюмого Миноса!
Ты, кто ночью, во дворце,
Подошла – светловолосой
Тенью, с тайной на лице!

Дева мудрая и жрица
Мне неведомых богов,
В царстве вражьем, чья столица
На меня ковала ков!

И – возлюбленная! тело,
Мне предавшая вполне,
В час, когда ладья летела
По зыбям, с волны к волне!

Где ты? С кем ты? Что сказала,
Видя пенную корму,
Что, качаясь, прорезала
Заревую полутьму?

Что подумала о друге,
Кто тебя, тобой спасен,
Предал – плата за услуги!—
Обманул твой мирный сон?

Стала ль ты добычей зверя
Иль змеей уязвлена, —
Страшной истине не веря,
Но поверить ей должна?

Ты клянешь иль кличешь, плача,
Жалко кудри теребя?
Или, – горькая удача!—
Принял бог лесной тебя?

Ах! ждала ль тебя могила,
Иль обжег тебя венец, —
За тебя Судьба отметила:
В море сгинул мой отец!

Я с подругой нелюбимой
Дни влачу, но – решишь ты
Возле ложа, еле зримый
Призрак, в глубях темноты!

Мне покорствуют Афины;
Но отдать я был бы рад
Эту власть за твой единый
Поцелуй иль нежный взгляд!

Победитель Минотавра,
Славен я! Но мой висок
Осребрен: под сенью лавра
Жизнь я бросил на песок!

Бросил, дерзкий! и изменой
За спасенье заплатил...
Белый остров, белой пеной
Ты ль мне кудри убелил?

Ариадна

Во дворце Афинском, скорбно мрачен,
Спит Фессей и видит вещий сон:
В теми вод белеет Накс; прозрачен
Воздух ночи; в звездах небосклон.

В страхе, встреча вокруг песок побережий,
Чуть привстав, царица смотрит вниз;
А над ней, прекрасен, светел – свежий
Хмель меж кудрей – юный Дионис.

Буйным сонмом попирая зелень,
Тигров холя, тирсы лентой свив,
Фавны, нимфы, люди виноделен
Ждут царя назад, в тени олив.

Он же, страстью вдруг обезоружен,
Раб восторга, к деве клонит лик...
Вот схватил ее венец жемчужин.
«Ты – небес достойна!» – слышен вскрик.

В небо вскинут, вспыхнул, – семизвездье —
Там венец. Бог с девой слит. Полна
Ночь их славой, – Горькое возмездье
Пьет Фессей во сне, и молит сна!

12/25 февраля 1918

Мировой кинематограф

В годину бед, когда народной вере
Рок слишком много ставит испытаний, —
В безмерном зале мировых преданий
Проходят призраки былых империй,
Как ряд картин на световом экране.

По Нилу мчится барка Сына Солнца;
До неба всходят башни Вавилона;
Перс возвещает землям волю с трона, —
Но дерзко рушат рати Македонца
Престол Царя Царей и Фараона.

Выходят римляне, сурово-строги.
Под стук мечей куется их держава,
И кесарских орлов не меркнет слава.
Бегут в пустынях римские дороги,
Народы рабствуют в оковах права.

Пирует Рим, льет вина, множит яства...
Вдруг варвары, как буря, злы и дики,
Спадают с гор, крушат всё в ярое крике,
И, вновь пленен мечтой миродержавства,
Свой трон в руинах высит Карл Великий.

Потом, самумом пролетают в мире
Арабы, славя свой Коран; монголы
Несметным сонмом топчут высь и доли...
Над царством царства вырастают шире...
Сверкает Бонапарта меч тяжелый...

Но, жив и волен, из глухих крушений
Выходит строй народов – грозно длинный:
Армяне, эллины, германцы, финны,
Славяне, персы, италийцы, – тени,
Восставшие, чтоб спеть свой гимн старинный!

О, сколько царств, сжимавших мир! Природа
Глядит с улыбкой на державства эти:
Нет, не цари – ее родные дети!
Пусть гибнут троны, только б дух народа,
Как феникс, ожил на костре столетий!

14 марта 1918

Это все – кошмар!

Кошмар

Есть в мире демон, с женственным лицом,
С когтями львицы, с телом сухопарым;
Садится к спящим он, согнут кольцом,
На грудь, и мы – зовем его Кошмаром.

Он давит нас, и вот, в тяжелом сне,
Черед видений сумрачных проходит;
Дыханье стеснено, чело в огне,
И судорога тщетно пальцы сводит.

Нам грезится ужасных ликом ряд:
Смеются дьяволы над всем заветным,
Терзают близких, алтари сквернят
И стонам вторят хохотом ответным.

Нельзя бороться и бежать нет сил:
Оковы на ногах и руки в путах,
Повсюду вскрыты пропасти могил...
Блестят из мглы орудья пыток лютых...

И вдруг мы вспомним: это все – кошмар!

Рукой свободной призраков коснемся...
Все сгинет вмиг, исчезнут страхи чар,
И мы, дрожа от радости, – проснемся!

Затравленный зверь

Олень затравленный напрасно взор молящий
Обводит вокруг, дыша прерывно, – смерть везде;
Собаки рвутся вслед, сверкают ружья в чаще...
И зверь, ища пути, бросается к воде.

Плывет, глотая пар, а сзади слышит глухо
Лай, крики, зов рогов; пес беспощадный, вновь
Врага догнав, ему вонзает зубы в ухо...
Окрасив зыбь реки, струей стекает кровь.

А лес кругом стоит роскошен, как бывало;
Меж камней и коряг, журча, бежит ручей;
Круг солнечный, горя торжественно и ало,
Сквозь изумруд ветвей кидает сноп лучей.

Слабея, смотрит зверь вверх, в небеса, откуда
Лилось тепло, и дождь, и свежесть вешних бур;
Защита с высоты не явится ли? Чудо
Не совершится ль? – Нет! Пуста, нема лазурь.

И стону слабому уже не вторит эхо...

Сквозь радугу слезы так странно берега...
Но всюду – взвизг собак, гром криков, гулы смеха,
И, кроя все, поют охотничьи рога!

16 февраля 1918

Библиотеки

Власть, времени сильней, затаена
В рядах страниц, на полках библиотек:
Пылая факелом во мгле, она
Порой язвит, как ядовитый дротик.

В былых столетьях чей-то ум зажег
Сверканье, – и оно доныне светит!
Иль жилы тетивы напрячь возмог, —
И в ту же цель стрела поныне метит!

Мы дышим светом отжитых веков,
Вскрывающих пред нами даль дороги,
Повсюду отблеск вдохновенных слов, —
То солнце дня, то месяц сребророгий!

Но нам дороже золотой колчан,
Певучих стрел, завещанный в страницах,
Оружие для всех времен и стран,
На всех путях, на всех земных границах.

Во мгле, куда суд жизни не достиг,
Где тени лжи извилисты и зыбки, —
Там дротик мстительный бессмертных книг,
Веками изощрен, бьет без ошибки.

1917

Наутро после шабаша

Чу! под окошком звенят колокольчики,
Белые, синие, разных оправ;
Листья ольхи завиваются в кольчики,
Запахи веют с обрызганных трав;

Солнце ко мне проникает приветливо
Длинным лучом, между ставень, сквозь щель;
Где-то гудит, осторожно и сметливо,
К сладким цветам подлетающий шмель;

Все так знакомо... И песня не новая
Сладко ласкает: «Ты дома, дитя!»
То напевает мне печь изразцовая,
Вторят ей стены, смеясь и шутя.

В теле – истома. Я дома! Давно ли я
Дерзко плясала, раздета, в кругу!
...В душу нисходит опять меланхолия.
Нет! жизнью мирной я жить не могу!

Из наблюдений

Меж лун искусственных – луна,
Виsia на небе, в перспективе,
Вздывается, робка, бледна
И с каждым мигом боязливей.

Внизу, как буйственный бурун,
Прибой людей и экипажей,
И наглое блистанье лун,
Вдоль улиц выставленных стражей;

Таксованных прелестниц смех,
Сухое грассованье франтов,
Боа невероятных мех
И перебои шляп и бантов;

В гостиницах белеет ряд
Оконный, – комнаты, где двое
Пародию любви творят,
Пороча таинство ночное...

А там, вверху, несмелых звезд
Чуть-чуть зубчатый свет – белеет;
Туман, как туника невест,

Кой-где разорванная, вьет.

И та ж безмолвная луна,
Свидетельница жертв Ашере,
Висит, глядя, робка, бледна,
На буйства в оскверненном сквере!

Октябрь 1917

Перед электрической лампой

Злобный змей, зигзагом длинным
Раздевавший темень туч,
Чтоб, гремя, в лесу пустынном
Иль на склоне горных круч,

Ветви, поднятые дубом,
Серным пламенем Зажечь,
И, ликуя, дымным клубом —
Смертным саваном — облечь!
Змей, сносивший с неба, древле,

Прометеев дар земле!
Что таишь ты, стыд ли, гнев ли,
Ныне замкнутый в стекле, —

Сгибы проволоки тонкой
Раскалять покорно там,

Подчинись руке ребенка,
Осужден – в угоду нам.

И, струя лучи из шара,
Ветром зыблем над толпой,
Скрывшей ленту тротуара,
Пестрой, шумной и тупой, —

Чем ты занят? Иль, в причуде
Смутной грезы, веришь ты,
Что вокруг – вес те же люди,
Те же гулы суеты;

Что, как прежде было, сыты
Мясом мамонта, тебя
Славят пляской троглодиты,
Дико космы теребя?

В злобных лицах, в ярых взорах
Ты узнать бы ныне мог
Те же сонмы, для которых
Ты в былом сверкал, как бог.

Иль века виденье стерли,
И теперь, могуч и слаб,
Мыслишь ты: «Не на позор ли
Здесь я выставлен, как раб?»

И, без сил, влеком на угли

Длинным проводом, зигзаг
В небе помнишь ты, – нам друг ли,
Иль, горящий мезтью, враг?

1918

Маленькие дети

Детская площадка

В ярком летнем свете,
В сквере, в цветнике,
Маленькие дети
Возятся в песке:

Гречники готовят,
Катят колесо,
Неумело ловят
Палочкой серсо;

Говорят, смеются,
Плачут невпопад, —
В хоровод сплетутся,
Выстроятся в ряд;

Все, во всем — беспечны,
И, в пылу игры,
Все — добросердечны...
Ах! лишь до поры!

Сколько лет им, спросим.

Редкий даст ответ:
Тем – лет пять, тем – восемь,
Старше в круге нет.

Но, как знать, быть может,
Здесь, в кругу детей, —
Тот, кто потревожит
Мглу грядущих дней, —

Будущий воитель,
Будущий мудрец,
Прав благовеститель,
Тайновед сердец;

Иль преступник некий,
Имя чье потом
Будет жить вовеки,
Облито стыдом...

Скрыты в шуме круга
Оба, может быть,
И сейчас друг друга
Погнались ловить;

И, смеясь затеям,
Вот несется вскачь
С будущим злодеем
Будущий палач!

Маленькие дети!
В этот летний час
Вся судьба столетий
Зиждется на вас!

Июль 1918

Праздники

Ждать в детстве воскресенья,
Дня пасхи, рождества,
Дня именин, рожденья
Иль просто торжества, —
Какое восхищенье,
Когда вся жизнь – нова!

Зажгут в сочельник елку,
Мы раньше, вечерком,
Ее подсмотрим в щелку!
И в масках мы потом
Запляшем, втихомолку
Пугая целый дом!

И будем мы, при бое
Часов, под Новый год,
Записывать простое
Желанье в свой черед...
Зато нам ангел вдвое

Подарков принесет!

На масленой неделе
Кататься мы должны!
И утром чуть с постели, —
Вопрос: когда ж блины?
А голосом свирели
Поют ручьи весны.

Под пасху мать заставит
Нам волоса подстричь,
Но праздник все поправит...
Ах! пасха! ах! кулич!
Пусть вечером слукавит,
Катя яйцо, Лукич!

Но не довольно ль, впрочем,
И именин простых.
Мы поутру бормочем
Свой именинный стих,
А целый день хохочем
Среди друзей своих!

И даже день воскресный,
Когда уроков нет, —
Сияет, как чудесный,
Небесный чистый свет!
Так после влаги пресной
Солдат вином согрет!

Вы, праздники меж будней, —
Как звезды в груди страз!
Чем рок был многотрудней,
Тем слаще вспомнить вас, —
Рубинной, изумрудной
Алмазной, чем алмаз!

16 марта 1918

Детская спевка

На веселой спевочке,
В роще, у реки,
Мальчик и две девочки
Говорят стихи.

Это – поздравление
Бабушке: она
Завтра день рождения
Праздновать должна.

Мальчик запевалою
Начинает так:
«Нашу лепту малую
Преданности в знак...»

И сестренки вдумчиво

Оглашают лес,
Вторя: «Детский ум чего
Просит у небес...»

Песенка нескладная
Стоит им труда...
А вблизи, прохладная,
Катится вода.

Рядом – ели острые,
Белизна берез;
Над цветами – пестрые
Крылышки стрекоз.

Реют однодневочки,
Бабочки весны...
Мальчик и две девочки,
Ах, как им смешны!

1918

Колыбельная

Спи, мой мальчик! Птицы спят;
Накормили львицы львят;
Прислонясь к дубам, заснули
В роще робкие косули;
Дремлют рыбы под водой;

Почивает сом седой.

Только волки, только совы
По ночам гулять готовы,
Рыщут, ищут, где украсть,
Разевают клюв и пасть.
Зажжена у нас лампадка.
Спи, мой мальчик, мирно, сладко.

Спи, как рыбы, птицы, львы,
Как жучки в кустах травы,
Как в берлогах, норах, гнездах
Звери, легшие на роздых...
Вой волков и крики сом,
Не тревожьте детских снов!

1919

Сонеты

Миги

Бывают миги тягостных раздумий,
Когда душа скорбит, утомлена;
И в книжных тайнах, и в житейском шуме
Уже не слышит нового она.

И кажется, что выпит мной до дна
Весь кубок счастья, горя и безумий.
Но, как Эгерия являлась Нуме, —
Мне нимфа предстает светла, ясна.

Моей мечты созданье, в эти миги
Она – живей, чем люди и чем книги,
Ее слова доносятся извне.

И шепчет мне она: «Роптать позорно.
Пусть эта жизнь подобна бездне черной;
Есть жизнь иная в вечной вышине!»

Наряд весны

За годом год, ряды тысячелетий, —
Нет! неисчетных миллионов лет,
Май, воскрешая луговины эти,
Их убирает в травянистый цвет.

Пытливыцы видят на иной планете,
Что шар земной в зеленый блеск одет;
Быть может, в гимне там поет поэт:
«Как жизнь чудесна в изумрудном свете!»

Лишь наш привычный взор, угрюм и туп,
Обходит равнодушно зелень куп
И свежесть нив под возрожденной новью;

Наряд весны, мы свыклись в мире с ним;
И изумруд весенних трав багрим,
Во имя призрака, горячей кровью!

1918

На полустанке

Гремя, прошел экспресс. У светлых окон

Мелькнули шарфы, пледы, пижама;
Там – резкий блеск пенсне, там – черный локон,
Там – нежный женский лик, мечта сама!

Лишь дым – за поездом; в снега увлек он
Огни и образы; вокруг – снова тьма...
Блестя в морозной мгле, уже далек он,
А здесь – безлюдье, холод, ночь – нема.

Лишь тень одна стоит на полустанке
Под фонарем; вперен, должно быть, взгляд
Во тьму, но грусть – в безжизненной осанке!

Жить? Для чего? – Встречать товарных ряд,
Читать роман, где действует Агнесса,
Да снова ждать живых огней экспресса!

16 ноября 1917

Максиму Горькому в июле 1917 года

*В *** громили памятник Пушкина;
В *** артисты отказались играть «На дне».
(Газетное сообщение 1917 г.)*

Не в первый раз мы наблюдаем это:
В толпе опять безумный шум возник,
И вот она, подьемля буйный крик,

Заносит руку на кумир поэта.

Но неизменен, в новых бурях света,
Его спокойный и прекрасный лик;
На вопль детей он не дает ответа,
Задумчив и божественно велик.

И тот же шум вокруг твоих созданий, —
В толпе, забывшей гром рукоплесканий,
С каким она лелеяла «На дне».

И так же образы любимой драмы,
Бессмертные, величественно-прямые,
Стоят над нами в ясной вышине.

17 июля 1917

Беглецы

Стон роковой прошел по Риму: «Канны!»
Там консул пал и войска лучший цвет
Полегли; в руках врагов – весь юг пространный;
Идти на Город им – преграды нет!

У кораблей, под гнетом горьких бед,
В отчаяньи, в успех не веря бранный,
Народ шумит: искать обетованный
Край за морем – готов, судьбе в ответ.

Но Публий Сципион и Аппий Клавдий
Вдруг предстают, гласят о высшей правде,
О славе тех, кто за отчизну пал.

Смутясь, внимают беглецы укорам,
И с палуб сходят... Это – час, которым
Был побежден надменный Ганнибал!

24 сентября 1917

Memento mori⁴⁵
Импровизация в кафе
«Десятая муза» 14 мая 1918 г.

Ища забав, быть может, сатана
Является порой у нас в столице:
Одет изысканно, цветок в петлице,
Рубин в булавке, грудь надушена.

И улица шумит пред ним, пьяна;
Трамваи мчатся длинной вереницей...
По ней читает он, как по странице
Открытой книги, что вся жизнь – гнусна.

⁴⁵ Помни о смерти (*лат.*).

Но встретится, в толпе шумливо-тесной,
Он с девушкой, наивной и прелестной,
В чьих взорах ярко светится любовь...

И вспыхнет гнев у дьявола во взоре,
И, исчезая из столицы вновь,
Прошепчет он одно: memento mori!

14 мая 1918

В такие дни 1919—1920

В зареве пожара

России

В стозарном зареве пожара,
Под ярый вопль вражды всемирной,
В дыму неукротенных бурь, —
Твой облик реет властной чарой:
Венец рубинный и сапфирный
Превыше туч пронзил лазурь.

Россия! в злые дни Батыя,
Кто, кто монгольскому потопу
Возвел плотину, как не ты?
Чья, в напряженной воле, выя,
За плату рабств, спасла Европу
От Чингис-хановой пяты?

Но из глухих глубин позора,
Из тьмы бессменных унижений,

Вдруг, ярким выкриком костра, —
Не ты ль, с палящей сталью взора,
Взнеслась к державности велений
В дни революции Петра?

И вновь, в час мировой расплаты,
Дыша сквозь пушечные дула,
Огня твоя хлебнула грудь, —
Всех впереди, страна вожатый,
Над мраком факел ты взметнула,
Народам озаряя путь.

Что ж нам пред этой страшной силой?
Где ты, кто смеет прекословить?
Где ты, кто может ведать страх?
Нам — лишь вершить, что ты решила,
Нам — быть с тобой, нам — славословить
Твое величие в веках!

1920

Третья осень **(1917—1920)**

Вой, ветер осени третьей,
Просторы России мети,
Пустые обшаривай клетки,

Нищих вали по пути;

Догоняй поезда на уклонах,
Где в теплушках люди гурьбой
Ругаются, корчатся, стонут,
Дрожа на мешках с крупой;

Насмехайся горестным плачем,
Глядя, как голод, твой брат,
То зерно в подземельях прячет,
То душит грудных ребят;

В городах, бесфонарных, беззаборных,
Где пляшет Нужда в домах,
Покрутись в безлюдии черном,
Когда-то шумном, в огнях;

А там, на погнутых фронтах,
Куда толпы пришли на убой,
Дым расстилай к горизонтам,
Поднятый пьяной пальбой!

Эй, ветер с горячих взморий,
Где спит в олеандрах рай, —
Развевай наше русское горе,
Наши язвы огнем опалай!

Но вслушайся: в гуле орудий,
Под проклятья, под вопли, под гром,

Не дружно ли, общею грудью,
Мы новые гимны поем?

Ты, летящий с морей на равнины,
С равнин к зазубринам гор,
Иль не видишь: под стягом единым
Вновь сомкнут древний простор!

Над нашим нищенским пиром
Свет небывалый зажжен,
Торопя над встревоженным миром
Золотую зарю времен.

Эй, ветер, ветер! поведай,
Что в распрах, в тоске, в нищете,
Идет к заповедным победам
Вся Россия, верна мечте;

Что прежняя сила жива в ней,
Что, уже торжествуя, она
За собой все властней, все державней
Земные ведет племена!

7 октября 1920

К русской революции

Ломая кольцо блокады,

Бросая обломки ввысь,
Все вперед, за грань, за преграды
Алым всадником – мчись!

Сквозь жалобы, вопли и ропот
Трубным призывом встает
Твой торжествующий топот,
Над простертым миром полет.

Ты дrobiшь тяжелым копытом
Обветшалые стены веков,
И жуток по треснувшим плитам
Стук беспощадных подков,

Отважный! Яростно прянув,
Ты взвил потревоженный прах.
Оседает гряда туманов,
Кругозор в заревых янтарях.

И все, и пророк и незоркий,
Глаза обратив на восток, —
В Берлине, в Париже, в Нью-Йорке, —
Видят твой огненный скок.

Там взыграв, там кляня свой жребий,
Встречает в смятеньи земля
На рассветном пылающем небе
Красный призрак Кремля.

4 декабря, 1920

Парки в Москве

Ты постиг ли, ты почувствовал ли,
Что, как звезды на заре,
Парки древние присутствовали
В день крестильный, в Октябре?

Нити длинные, свивавшиеся
От Ивана Калиты,
В тьме столетий затерявшиеся,
Были в узел завиты.

И, когда в Москве трагические
Залпы радовали слух,
Были жутки в ней – классические
Силуэты трех старух.

То народными пирожницами,
То крестьянками в лаптях,
Пробегали всюду – с ножницами
В дряхлых, скорченных руках.

Их толкали, грубо стискивали,
Им пришлось и брань испытать,
Но они в толпе выискивали
Всей народной жизни нить.

И на площади, – мне сказывали, —
Таи, где Кремль стоял как цель,
Нить разрезав, цепко связывали
К пряже – свежую кудель,

Чтоб страна, борьбой измученная,
Встать могла, бодра, легка,
И тянулась нить, рассученная
Вновь на долгие века!

5 октября 1920

Весной

Не в первый раз твои поля
Обозреваю я, Россия;
Чернеет взрытая земля,
Дрожат, клонясь, овсы тугие
И, тихо листья шевеля,
Берез извилины родные.

Вот косогор, а вот река,
За лесом – вышка колокольни;
Даль беспредельно широка,
Простор лугов, что шаг, раздольней;
Плывут неспешно облака,
Так высоко над жизнью дольней.

Вы неизменны, дали нив,
Где свежий колос нежно зреет!
Сон пашни новой, ты красив,
Тебя встающий день лелеет!
И с неба радостный призыв
Опять в весеннем ветре веет.

Да, много ты перенесла,
Россия, сумрачной невзгоды,
Пока, аля, не взошла
Заря сознанья и свободы.
Но сила творчества – светла
В глубоких тайниках природы.

Нет места для сомнений тут,
Где вольны дали, глуби сини,
Где васильки во ржи цветут,
Где запах мяты и полыни,
Где от начала бодрый Труд
Был торжествующей святыней!

7 июня 1920

Нам проба

Крестят нас огненной купелью,
Нам проба – голод, холод, тьма,

Жизнь вокруг свистит ледяной метелью,
День к дню жмет горло, как тесьма.

Что ж! Ставка – мир, вселенной судьбы!
Наш век с веками в бой вступил.
Тот враг, кто скажет: «Отдохнуть бы!»
Лжец, кто, дрожа, вздохнет: «Нет сил!»

Кто слаб, в работе грозной гибни!
В прах, в кровь топчи любовь свою!
Чем крепче ветер, тем многозыбней
Понт в пристань пронесет ладью.

В час бури ропот – вопль измены,
Где смерч, там ядра кажут путь.
Стань, как гранит, влей пламя в вены,
Вдвинь сталь пружин, как сердце, в грудь.

Строг выбор: строй, рази – иль падай!
Нам нужен – воин, кормчий, страж!
В ком жажда нег, тех нам не надо,
Кто дремлет, медлит, тот не наш!

Гордись, хоть миги жгли б как плети,
Будь рад, хоть в снах ты изнемог,
Что, в свете молний, мир столетий
Иных ты, смертный, видеть мог!

Товарищам интеллигентам

Инвектива

Еще недавно, всего охотней
Вы к новым сказкам клонили лица:
Уэллс, Джек Лондон, Леру и сотни
Других плели вам небылицы.

И вы дрожали, и вы внимали,
С испугом радостным, как дети,
Когда пред вами вскрывались дали
Земле назначенных столетий.

Вам были любы – трагизм и гибель
Иль ужас нового потопа,
И вы гадали: в огне ль, на дыбе ль
Погибнет старая Европа?

И вот свершилось. Рок принял грезы,
Вновь показал свою превратность:
Из круга жизни, из мира прозы
Мы вброшены в невероятность!

Нам слышны громы: то – вековые
Устои рушатся в провалы;
Над снежной ширью былой России

Рассвет сияет небывалый.

В обломках троны; над жалкой грудой
Народы видят надпись: «Бренность!»
И в новых ликах, живой причудой
Пред нами реет современность.

То, что мелькало во сне далеком,
Воплощено в дыму и в гуле...
Что ж вы коситесь неверным оком
В лесу испуганной косули?

Что ж не спешите вы в вихрь событий —
Упитья бурей, грозно-странной?
И что ж в былое с тоской глядите,
Как в некий край обетованный?

Иль вам, фантастам, иль вам, эстетам,
Мечта была мила. как дальность?
И только в книгах да в лад с поэтом
Любили вы оригинальность?

Февраль и март 1919

Только русский

Только русский, знавший с детства
Тяжесть вечной духоты,

С жизнью ваявший, как наследство,
Дедов страстные мечты;

Тот, кто выпил полной чашей
Нашей прошлой правды муть, —
Без притворства может к нашей
Новой вольности примкнуть!

Мы пугаем. Да, мы – дики,
Тесан грубо наш народ;
Ведь века над ним владыки
Простирали тяжкий гнет, —

Но когда в толпе шумливой,
Слышишь брань и буйный крик, —
Вникни думой терпеливой,
В новый, пламенный язык.

Ты расслышишь в нем, что прежде
Не звучало нам вовек:
В нем теперь – простор надежде,
В нем – свободный человек!

Чьи-то цепи где-то пали,
Что-то взято навсегда,
Люди новые восстали
Здесь, в республике труда.

Полюби ж в толпе вседневный

Шум ее, и гул, и гам, —
Даже грубый, даже гневный,
Даже с бранью пополам!

1919

К Варшаве!

К Варшаве красноармейцы,
В Балтике английский флот.
Знамена красные, взвейтесь,
Трубите красный поход!

Пусть там, в Европе, смятенье,
Всплески испуганных рук.
На кинематографической ленте
Веков – новый круг.

Та Москва, где Иван Грозный
Плясал пред кровавым костром;
Где в безлюдьи, ночью морозной,
Варваров клял Наполеон;

Где – храмы, святыни, ковчеги,
Дворцы, особняки богачей, —
Сорвалась с тысячелетнего места
И в пространствах, без меты,
В неистовом беге

Летит, ружье на плече.

Над Тверской, над Садовой – самумы,
Над Остоженкой – неистовый вихрь:
Всей республики воплощенные шумы,
Кремля громовые думы, —
Создавать, разрушать, творить.

Рушатся незыблемости зданий,
Новый Капитолий встает;
Водоворот,
Всех заарканив,
В багряном тумане,
В невероятность влечет.

Мы подняты на взбешенных волнах,
На их гребень, как в седло, взметены,
Мы пьяны от брызг соленых,
Копьями звезд пригвождены.

Мы плывем в растущем потоке,
Все заливая кругом,
Пока в смятенной Европе
Над нашим разгромом – стон!

К Варшаве, красноармейцы!
Пусть в Балтике английский флот!
Ликуйте, пляшите, смейтесь —
Над расплавленной яростью вод!

1920

Мятеж
*(Памяти Эмиля Верхарна,
как поэта и друга)*

В одежде красной и черной,
Исполин,
От земли к облакам
Восстающий упорно,
Властелин,
Диктующий волю векам
Необорно, —
Мятеж,
Ты проходишь по миру,
Всегда
Светел, свободен и свеж,
Как в горном потоке вода.

Возьми
Пламя пожара,
Взбежавшее яро,
Как гигантскую лиру;
Греми
Грохотом рушимых зданий;
Аккомпанируй

В кровавом тумане
Реву толпы,
Сокрушая столпы»
Библиотек,
Фронтоны музеев,
Одряхлелых дворцов.

Ужас посеяв, —
Как отравленный дротик,
Кинь свой озлобленный зов:
«За рабов!
Против царей, вельмож, богачей, иереев!
Против всех ставленных!
За подавленных!»

Не все равно ли,
Правда иль нет этот зов!
Ты полон дыханием воли,
Ты силен сознанием власти,
Ты – нов.

Пусть книги горят на кострах дымно-сизых;
Пусть древние мраморы в тогах и в ризах
Разбиты на части
(Заряды для новых орудий!),
Пусть люди,
Отдавшие жизнь за свободу народа,
У входа
Опустелых темниц,

Расстреляны, падают ниц
С заглушенным криком: «Свобода!»
Пусть в шуме
Растущих безумий,
Под победные крики, —
Вползает неслышно грабеж,
Бессмысленный, дикий, —
Насилье, бесстыдство и ложь.
Пусть!

Разрушается старое, значит, поднимется новое.
Разрываются цепи, значит, будет свободнее.
Прочь – готовое,
Прошлогоднее,
То, что мы знаем давно наизусть!

Необорно,
В одежде красной и черной,
Ты проходишь,
Мятеж,
Ища свой рубеж,
Ты просторы обводишь
Глазами пронзительно-шарящими.

Тебе, чем другому кому,
Известней:
Над пожарищами,
Над развалинами,
Над людьми опечаленными,

Над красотой, обрекаемой тлению, —
В огне и дыму, —
Новой песней,
Встанет новой жизни свет!
Разрушению —
Привет!

1920

Серп и молот

Пусть гнал нас временный ущерб
В тьму, в стужу, в пораженья, в голод:
Нет, не случайно новый герб
Зажжен над миром – Серп и Молот!

Мы землю вновь вспоим трудом,
Меч вражий будет вновь расколот:
Недаром мы, блестя серпом,
Взметнули дружно мощный молот.

Но смело, мысль, в такие дни,
Лети за грань, в планетный холод!
Вселенский серп, сев истин жни,
Толщъ тайн дробя, вселенский молот!

Мир долго жил! Довольно лжи!
Как в осень, плод неспелый золот.

В единый сноп, серп, нас вложи,
В единый цоколь скуй нас, молот!

Но вечно светом вешних верб
Дух человека свеж и молод!
Точи для новой жатвы серп,
Храни для новой битвы молот!

13 мая 1921

Над мировым костром

В такие дни

Расплавлены устои жизни прежней,
Над мировым костром мы взлет огня.
Еще безумней и опять мятежней,
Вихрь беспощадных искр, взметай меня!

Мечту пронзили миллионы волей,
Мысль в зареве бессчетных дум, зорка, —
Ломая, строить новый Капитолий,
Класть цоколи стен, взмеченных в века!

Не пламя ль влито в трепетные жилы?
Мой каждый вздох не роковой ли хмель?
Содружный труд упорно троит силы,
Застлала мглу слепительная цель.

Но в эти дни все взнесено в безмерность,
Жизнь – от земли в зенит веретено!
Желанья – смерч, стальная плаха – верность,
Победный лавр и иглы пуль – одно!

В святом кругу приветствий и проклятий,

Где жезл Судьбы сметает дни и кровь,
Язвит целебней серп ночных объятий,
Уста к устам смертельной гнет любовь!

1920

На высях

Жизнь трепетов любви не старит,
Где ближе гибель – зорче страсть,
Так бред блаженств с Еленой Парид
Знал в Пергамах, готовых пасть.

За сводом свод возносят годы
Аркады радуг в сто цветов;
Все жгучей синь, все круче восходы
По твердым зернам лунных льдов.

Но в стуже лет, у горных срывов,
Где ветер в ключья рвет мечту,
Властней огонь в руках счастливых,
Свой факел взнесших в высоту.

Что в долах, там, где тмин и мята,
Пьянило дни, – мгновенный мед, —
На высях, здесь, как пламя, свято,
Алтарный дым до звезд влечет.

Смыкайтесь, арки, в белом блеске,
Над черной бездной, в вихре мча —
Сон Паоло и сон Франчески,
Что двух слепил под взвизг меча!

1920

Под гулы и взрывы

Вихри войны, кони гибели, не успокоены,
Роя просторы, опоры бывшего крушат;
В городе черны разломанных окон пробоины,
Громко развалины вопят о днях баррикад.

Ропотом моря вся жизнь вдохновенно взволнована,
Взносит свой гребень встающая к звездам волна:
В шторме, растущем безмерно, стихия раскована,
Даль заполняет потоком победным она.

В грозных разгромах, в гудящей над миром мятежное,
В празднике бури, в неистовстве молний, в громах,
Что же мы двое, с мечтой о целительной нежности,
С трепетной песней о счастье немом на устах?

Легкие листики, взвезаны в сумрачной бурности,
Будем раздавлены, смяты, растоптаны мы
Шагом народов к великой, к всеобщей лазурности,
Ляжем, разъяты, – обломки рассеянной тьмы?

Нет, в нашей страсти все тот же порыв напряженности,
Отзвук циклона, влекущего мир на свой суд!
Сладко нам реять над алым провалом бездонности,
Сладко под гулы и взрывы свой строить уют.

С вами, кто рушат и зиждут, не тайные нити ли
Вяжут нас, дерзких, в пожаре поющих любовь?
В жизни, идущей на смену векам, мы строители
Вечного храма надежд, восстающего вновь!

11 сентября 1920

Вещий ужас

Рук ласковых касанья; приближенья
Губ страждущих; истома глаз ночных;
Предчувствующий трепет достиженья;
Прерывный вздох за грань кругов земных!

Вы, древние, проверенные чары!
Вопль троглодита в алой мгле времен,
Бред эллина во храме, гунна ярый
Восторг, Тристана и Изольды сон!

Вы, длящиеся в мертвых небоскребах,
Под скрежет революций, в дни войны,
Вы в гибелях, вы в благостях, вы в злобах,

Таящиеся вопли, бреды, сны!

Кто вырвет вас из мировых сознаний,
В костре куст лишний, чтоб не тмился свет?
Тебя спалит, – одну сквозь сто названий, —
Изида, Афродита, Аштарет!

Мы – человечества всплеск, мы – поэты,
В огне веков как можем не гореть?
Пусть гимны ночи в Атлантиде петы, —
Нам страсти вещей ужас – вечно петь!

8 сентября 1920

Рассвет

Никнут тени, обессилены;
На стекле светлей извилины;
Мертвой тайны больше нет...
Не безумно, не стремительно, —
Скромно, с нежностью медлительной
В мглу ночную входит свет.

Мгла, в истомном утомлении,
Спорит миг за мигом менее,
Властью ласк побеждена;
Воле дня перерожденного,
Новой жаждой опьяненного,

Отдает свой вздох она.

Над безвольной, над поверженной
День взволнован в страсти сдержанной,
Шепчет вкрадчиво: «Молчи!..»
Полно длить предел обманчивый,
Казнь любовную заканчивай,
Кинь слепительно лучи!

4 сентября 1920

Заклятье Эроса

Проходя страду земную
Горьких лаек и сладких мук,
Помни, вверясь поцелую, —
Любит лишь мечту двойную
Эрос, туго гнущий лук.

Он решил, он повелел
Кроткой строгостью заклятий,
Чтоб восторг двух разных тел
Равным пламенем горел
На костре ночных распятий.

Богу ран животворящих
Ненавистен страстный вскрик,
Если он, во мглах крутящих,

В миг разъятий единящих,
Из одной груди возник.

1920

Klassische Walpurgisnacht⁴⁶ **(Гете, «Фауст», часть 2)**

Ночи, когда над городом
Дымы лесных пожаров,
А выше – эллинским мороком —
Гекаты проклятые чары, —

Все углы виденьями залили,
Закружив их дьявольским вальсом,
И четко судьбы сандалии
Стучат по изрытым асфальтам;

Дыша этой явью отравленной,
Ловя в ней античные ритмы,
Губами безжалостно сдавливай
Двух голубков Афродиты.

Лот любви, моряк озадаченный,
Бросай в тревоге бессонных вахт, —
Иль в Советской Москве назначена

⁴⁶ Классическая Вальпургиева ночь (нем.)

Klassische Walpurgisnacht?

Подползают на брюхе сфинксы,
Стимфалиды взмывают крылом,
Чу! скачет сквозь мрак лабиринтский
Мудрый кентавр Хирон.

Куда? Не к Елене ли?
Лебедем в гриву вплетись,
Неги Эгейские вспенивай,
К Скейским высотам мчись!

Город иль море?
Троя иль Ресефесер?
Мы с Фаустом поспорим
В перегонке сфер!

Запрокинулась Большая Медведица,
Глаз Гекаты метит гостей,
А дым пожаров все стелется,
Заливая нашу постель.

1920

Гимн Афродите

За длительность вот этих миггов странных,
За взгляд полуприкрытый глаз туманных,

За влажность губ, сдавивших губы мне,
За то, что здесь, на медленном огне,
В одном биении сердце с сердцем слито,
Что равный вздох связал мечту двоих, —
Прими мой стих,
Ты, Афродита!

За то, что в дни, когда поля, серея,
Покорно ждут холодных струй Борея, —
Твой луч, как меч, взнесенный надо мной,
Вновь льет в мой сад слепительность и зной,
Что зелень светлым Аквилоном взвита,
Что даль в цветах, и песни реют в них, —
Прими мой стих,
Ты, Афродита!

За все, что будет и не быть не может,
Что сон, и этот! будет скоро дожит,
Что видеть мне, в час сумрачных разлук,
Разомкнутым кольцо горячих рук,
Что тайно в страсти желчь отравы скрыта,
Что сводит в Ад любовь рабов своих, —
Прими мой стих,
Ты, Афродита!

8 сентября 1920

Шаги Афродиты

Шаги Афродиты

*Шагам Юпитера пристало удаляться,
Когда Венерины послышатся шаги.*

Адалис

Мойры

Слышишь! по узорам плит
Серебристый шаг звенит.
Мойр веления исполни, —
Уходи, владыка молний.

Геба

Над Олимпом сумрак синь,
Трон блистающий покинь, —
Там, где в брачных звездах небо,
Только юность любит Геба.

Афина

Я во мгле клоню свое
Днем горящее копьё.

Нестерпим богине мудрой
Взор Киприды златокудрой.

Афродита

Я иду смеясь, смеясь,
Между мной и ночью вязь, —
Пояс мой, соблазном свитый.
Зевс! клонись пред Афродитой.

Зевс

Я к Данае, в сне ночном,
Золотым сошел дождем;
Летним днем был горд победой,
В лике лебедя, над Ледой;
Для Семелы тень была,
Там, где я, всегда светла;
Долго длилась ночь без смены
Для меня близ уст Алкмены;
В свете, в сумраке, везде,
В храме, в роще, на воде,
Я готов в борьбе открытой
Пасть, сраженным Афродитой.

21 июля 1920

Стрелы ресниц

Еще в мечтах чернеют стрелы
Твоих опущенных ресниц;
Но день встающий, призрак белый,
В пепл обращает уголь горелый,
Пред правдой властно клонит ниц.

Еще мечта нежна, как голос
Волынки, влившейся в рассвет,
Дрожит, как с ветром свежий колос,
Но щеки жжет мне белый волос,
Немая память долгих лет.

Клятв отзвучавших слишком много
И губ, томивших в темноте.
Полмира сжав, моя дорога
По горным кряжам всходит строго,
Ах, к той вершительной мете!

День торжествует, Солнце лепит
Из туч уборы древних жриц,
Вот-вот мир пламенем оцепит...
Но в глубях тихих – черный трепет
Твоих опущенных ресниц.

После дождя

Был дожде и замер; молний взвизги
Устали; тень сближала нас;
На темных стеклах стыли брызги;
Плыл призраков любимый час.

Твои глаза так были близко,
Так хрупок шум твоих волос.
Бег мерный месячного диска
Кропил нас мглой безвлажных рос.

Пусть две мечты двух душ не слитых
Томил во тьме несходный сон,
Но двум мирам на их орбитах
Миг встречи был судьбой сужден.

Звезда к звезде в пространствах млечных
Влеклась, – мячи враждебных сил, —
Чтоб встал огонь из сшибок встречных,
Ночь неба кровью опалил, —

Чтоб смерч сгораний, вихрь бесструнный
Над слухом чутким в век вознес —
Тишь бледных брызгов, отзвук лунный
И хрупкий шум твоих волос.

28—29 июля, 1920

Египетский профиль

Твои мемфисские глаза.

Me eum esse

Когда во тьме закинут твой,
Подобный снам Египта, профиль, —
Что мне, куда влекусь за тьмой,
К слепительности ль, к катастрофе ль!

Разрез чуть-чуть прикрытых глаз,
Уклоны губ чуть-чуть надменных —
Не та» же ль пил, в такой же чае,
Ваятель сфинксов довременных?

Когда над ним, в забвенный год,
Свой суд в Аду вершил Озирис,
Не был ли принят в счет щедрот
Вот этих век извивный вырез?

Застылый очерк бледных щек
Таит всю быль о давнем брате:
Его сквозь сумрак вывел Рок
К палящей пропасти объятий.

Вдавлив уста в холодный лик

Той жрицы Гора иль Изиды,
Он гневно в камень вбросил крик
Восторга иль глухой обиды.

Всё отошло; но Сфинкс в века
Пронес его мечты и гибель.
Где ж тайна их? в чертах виска?
В той выгнутости ль? в том изгибе ль?

Хочу и я, как дар во храм,
За боль, что мир зовет любовью, —
Влить в строфы, сохранить векам
Вот эту тень над левой бровью.

1 августа 1920

Срок

Я знаю, ты, земля, вращеньем быстрым
Свой старый шар влечешь во мрак и свет,
Просторы разных стран бросая вслед
То крикам рынка, то полночным систрам.

С полмиром кинут я теперь во тьму,
Полсуток ждать мне солнечного восхода,
Слежу без звезд по дугам небосвода,
И глуть ночных часов страшна уму.

Расстались мы. Еще в глазах вся нега
Желанных глаз; все может губы сжечь
Яд милых губ; прикосновенье плеч
Всё сладко пальцам. Но, летя с разбега, —

Земля швырнула нас к иному дню,
Кружась, срок создает до новой встречи.
Найду ль. я вновь те губы, веки, плечи
Иль в .бездну мигов счастья сон сроню?

Лети, лети, земля, путем планетным,
В пустыне сфер крути живой волчок, —
Чтоб, малый, атом, я, изжив свой срок,
Мог страстный вздох вернуть устам запретным!

1920

Две вазы

Две малых вазы из альвастра
Прижать к губам и долго ждать
В палящей мгле, над близкой бездной, —
В них миро сладкое вдыхать,
Жить странной тайной аромата,
Пока зловещий глаз Геката
Не врежет вдруг в ночную гладь,
Спалив сияньем отсвет звездный,
Тогда живой фиал поднять

К трехликой, в высь, к лучам, ad astral⁴⁷
И вот, пред тем, как телом стать,
В руках начнут слегка дрожать
Две малых вазы из альвастра.

2—3 августа 1920

Ночная улица

Фонарей отрубленные головы
На шестах безжизненно свисли,
Лишь кое-где оконницы голые
Светами сумрак прогрызли.

Бреду, спотыкаясь по рытвинам
Тротуара, в бездонном безлюдьи;
Только звезды глядят молитвенно,
Но и они насмешливо судят.

Звезды! мы – знакомые старые!
Давно ль вы в окошко подглядывали,
Как двое, под Гекатиными чарами,
Кружились, возникали, падали.

Когда же вчера вы таяли,
Уступая настояниям утра,

⁴⁷ К звездам (*лат.*).

Вы шептали, смеясь: не устали ли
Губы искать перламутра?

Так зачем теперь отмечаю я
Насмешку в лучах зазубренных,
Что в мечтах – канун безначалия
В царстве голов отрубленных;

Что не смотрите ласково-матово,
Как, замкнув рассудочность в трюме, я
По Москве девятьсот двадцатого
Проплываю в ладье безумия!

20—22 августа 1920

Хмельные кубки

Бред ночных путей, хмельные кубки.
Город – море, волны темных стен.
Спи, моряк, впивай, дремля на рубке,
Ропот вод, плеск ослепленных пен.

Спи, моряк! Что черно? Мозамбик ли?
Суматра ль? В лесу из пальм сквозных,
Взор томя пестро, огни возникли,
Пляски сказок... Вред путей ночных!

Город – море, волны стен. Бубенчик

Санок чьих-то; колокол в тени;
В церкви свет; икон извечный венчик...
Нет! бред льнет: в лесу из пальм огни.

Спи, моряк, дремля на рубке! Вспомни:
Нега рук желанных, пламя губ,
Каждый вздох, за дрожью дрожь, истомней...
Больше, глубже! миг, ты слишком груб!

Колокол в тени. Сов! сон! помедли,
Дай дослушать милый шепот, вкинь
В негу рук желанных – вновь! То бред ли,
Вод ли ропот? Свод звездистый синь.

Чьи-то санки. Пляска сказок снова ль?
Спи, моряк, на рубке, блеск впивай.
Город – море. Кубков пьяных вдоволь.
Пей и помни свой померкший рай.

1920

Длятся, длятся...

Длятся, длятся, сцеплены, союзы,
Лентой алой скрепленные ночи.
Память! в нежной устали ворочай
Легкий пух зари в сумрак грузный!

Лунной влагой облик милый залит,
Тень на грудь – сапфирные запястья.
Вот он, вот, взор сдавленного счастья!
Змей, скользя, в глубокой ласке жалит.

Черный мрак над морем опрокинут,
Зыбля челн в неистовстве прибоя.
В звездность тайны падаем мы двое;
В холоде ль эфира плечи стынут?

Эос! Хаос блесков без названья!
Теплый мрамор ожил в теле гибком,
В неге слипших губ, к немym улыбкам, —
Вечность влить в мгновенья расставанья!

Память, смей! лелей земные миги!
Их за свет иных миров стереть ли? —
Смертной сети пламенные петли,
Брошенной столетьям в этой книге!

26 сентября 1920

Руками плечи...

Руками плечи опоясаны,
Глаза с глазами смежены,
Друг друга сном огня пьянят они, —
Венчанных двое меж иных.

Миг кем-то где-то предназначенный!
Стонать бесплодно: пощади!
В воде столетий опрозраченной
Для зорких глаз палящий диск!

Кассандры рушащихся Илиев,
Иоанны Патмосов в огне!
Вы тщетно в выкриках таили гнев, —
Что будет, видя как в окне.

Еще весталка не ждала греха,
Еще не вызвал брата Рем,
Уже был избран меч Алариха
Жечь мрамор римских алтарей.

Нас так, с порога дней, провидели, —
Осенний луч с поры весны, —
В мечты все Сапфо, все Овидии,
Всех Атлантид слепые сны!

4 июня 1921

От столетий...

От столетий, от книг, от видений
Эти губы, и клятвы, и ложь.
И не знаем мы, полночь ли, день ли,

Если звезды обуглены сплошь.

В мире встанет ли новый Аттила,
Божий бич, божий меч, – потоптать
Не цветы, но мечты, что взрастила
Страсть, – хирамовым кедром под стать?

Солнце пятна вращает, циклоны
Надвигая с морей на постель,
Но не тот же ли локон наклонный
Над огнем мировых пропастей?

Чтобы око земное не слепо,
На мгновенье двум сближенным в смех —
От советской Москвы на Алеппо
Революции праздничный сбег.

И с земли до звезды, до столетий
Восстающих, – борьбе и войне
Этот огненный столп одолеть ли,
В наших строфах горящий вдвойне!

9—11 сентября 1921

Череп на череп...

Череп на череп,
К челюсти челюсть,

За тонкой прослойкой губ!
За чередом черед!
Пей терпкую прелесть,
Сменив отлюбивший труп!

Земли не насытить
Миллиардам скелетов!
Ей надо тучнеть, тучнеть!
Чтоб кино событий
Шло в жизни этой,
Ты должен любить – хотеть!

Как пещерный прапредок
(Вселенское детство!)
Грудь на груди, под смех гиен, —
Так, в истомах и бредах,
Выгибая хребет свой,
Отдавайся объятьям в плен!

Александр, Юлий Цезарь, Хлодвиг!
За чередом черед!
За соседним соседний! чтоб,
Свершивший свой подвиг,
Твой целованный череп
Опустили в последний гроб.

6 мая 1921

Завес веков

В дни, когда...

В дни, когда Роком я кинут
В город, на жесткие камни;
В дни, когда медленно стынут
Прежде кипевшие страсти, —

Жребий заветный мной вынут;
Сказка столетий близка мне;
Завес веков отодвинут,
Прошлое снова у власти.

Вот словно волны нахлынут —
Фивы, и Дельфы, и Самний;
Вакховы тигры разинут
Кровью горящие пасти;

Дрот гладиаторы ринут...
Чу! плеск «vestalis et damai»!⁴⁸
Те же в восторге застынут,
Слушая миф о Иокасте...

⁴⁸ Весталки и развратника (лат.).

Путь, что народами минут,
Жизнь, что была многодрамней!
Гулы трамвайные стынут
В звоне восточных запястий.

Октябрь 1919

Романтикам

Вам, удаленным и чуждым, но близким и милым.
Вам эти строфы, любимцы отринутых днем!
В зеркало месяц виденья бросает Людмилам,
С бледным туманом слита вереница теней;

С тихой и нежной мечтой о принцессах лилейных,
Рыцари едут в лесу за цветком голубым;
Жены султанов глядятся в кристальных бассейнах
В знойных гаремах, окутанных в сладостный дым.

Светлы картины, и чары не страшны; пропитан
Воздух великой тоской но нездешней страде!
В юности кем этот трепет тоски не испытан,
Кто с Лоэнгрином не плыл на волшебном челне?

Трезвая правда сожгла ваши чистые дали,
С горных высот мы сошли до глубоких низин;
С грохотом города стены холодные встали,
С дымом фабричным задвигались поршни машин.

Вышли другие, могучие силой хотений,
Вышли, чтоб рушить и строить на твердой земле, —
Но в их упорстве был отзвук и ваших стремлений,
В свете грядущего – луч, вас манивший во мгле!

Вам, кто в святом беспокойстве восторженно жили,
Гибли трагически, смели и петь и любить,
Песнь возлагаю на вашей бессмертной могиле:
Счастлив, кто страстных надежд здесь не мог утолить

1920

Одиссей у Калипсо

Сквозь легкий дым земных воспоминаний
Светлеет глубь заживленных страстей,
Я ль тот пловец, кто вносит к небу длани,
На берег брошен из морских сетей?

Я ль чуждый гость в чертоге крепкостенном,
Где Калипсо кудель судьбы прядет, —
Днем на пиру сижу блаженно-пленным,
В ночь с уст царицы пью пьянящий мед?

Как бред былой, скользят и тают лица
Друзей случайных, призрачных врагов;
Вновь, как во вне, мы двое, жрец и жрица,

Сквозь сонм льстецов проходим чтить богов.

Но в час зари, чуть стают чары мрака,
Я восхожу на кручь прибрежных скал
Смотреть в туман, где спит моя Итака,
Внимать, как ропщет в даль бегущий вал.

Я ль в светлом доме островной сибиллы,
Вдыхая сладость элисийских нег,
Вздыхать готов о дымных безднах Скиллы,
В мечтах лелеять с шумом волн – побег?

Что мне, кто знал слепительности Трои,
Кто сирских пленниц к ломам нежным влек, —
Ахайи скудной зеркало пустое,
Сны Пенелопы, Телемака рок?

Иль но пресыщен полным кубком славы,
Не отягчен венцом вселенной всей, —
Как нектара, жду нежащей отравы
Я, опытный, я, мудрый Одиссей?

28 августа 1920

Одиссей у берегов феаков (Одиссея, песнь V)

«Будешь помнить!» Прогремела
Мне насмешка Посидона.
Коней бурных он направил
В глубь взволнованного лона,
В свой коралловый чертог.
Но всем ветрам предоставил
Быть над морем гневный бог,
Плещут, мечут пеной белой
Ярый Эвр, свирепый Нот,
Зверь Борей и Зефир юный;
Понт на шумные буруны
Мчит со мной мой утлый плот.

Все ж со мною – Левкотеи
Неземное покрывало,
Деву мудрости, Афины,
Что не раз в беде спасала,
Я, упорный, помяну.
Плот разрушенный покину,
Кинусь в мутную волну,
Буду плыть к земле смелее:
Знаю, гибельного дня
Сладость будет не такая!
Там, на бреге, Навсикая
Ждет, прекрасная, меня.

20 марта 1921

Цезарь Клеопатре

Нас влекут пурпурные ветрила,
Нежен вздох павлиньих опахал,
Терпкой влагой душно веет с Нила,
В жгучей сини Феб недвижно стал.

Мысли – четки. Выслушай, царица!
Ропот мой безумьем назови.
Пусть в тебе таит свой бред блудница,
Цезарь тож не новичок в любви.

Что ж! пред кем, скажи, в Александрии
Я сложил и фаски и венец,
Взор закрыл на распри мировые,
В Риме кинул золотой дворец?

Иль гетер в столицах шумных мало?
Иль не я владыка всех земель?
Но от хитрых ласк душа устала,
Что мне в снах Киприды лишней хмель?

Нет, египтянка! в изгибе строгом
Губ твоих, в огне холодном глаз
Понял я призыв к иным дорогам,
К большей глубине, соблаздившей нас.

Клонит лик пред сыном Афродита,
Эрос-Мститель гнет священный лук.
Пропасть высшей страсти нам открыта.
Чу! на дне – камней скользнувших звук!

Миродержец, днесь я диадемой
Царственной вяжу твоё чело.
Не в Киферу нас влечет трирема,
В даль столетий – фатума весло.

Нам сужден ли сов мгновенной неги?
Прочь Гефестом кованная сеть!
Двум кометам в их надмирном беге,
Нам дано в пример векам алеть.

Так гори, согласно пламенея,
Огонь любви спеши со мной вдохнуть,
Чтоб с тебя он сжег клеймо Помпея,
Чтоб к клинку мне подготовил грудь!

1920

Геро и Леандр

Леандр

Геро, слушай! слышишь, Геро!
Рядом в лад стучат сердца.

Геро

Милый, нет! у башни серой
Ярость волн бьет без конца.

Леандр

Геро, лик твой жутко нежен,
Весь плывущий в лунном дне!

Геро

Милый, ах! луной взмятежен
Понт, взносящий вал во сне.

Леандр

Геро! грудью грудь согрета,
Руки слиты, дрожь в устах...

Геро

Милый! стужей млеет Лета,
Мчит в зыбях холодный прах.

Леандр

Геро! встанем! в свет победный

Бросим тело, бросим страсть!

Геро

Милый! грозно ветер бесследный
В море вскрыл пред смелым пасть.

Леандр

Геро! помни! веруй, Геро!
Прочны связи влажных губ!

Геро

Милый, ах! у башни серой —
Вижу твой взмятенный труд.

1920

Боттичелли

Что затеял ты, Рок? не игрой ли
На арене веков занят ты?
Толпы бросил ты к Савонароле,
Руки, в знаке креста, подняты.

И от воли ль твоей, от речей ли

Иступленца, что длань распростер,
Возложил Сандро Боттичелли
Картины свои на костер?

Ты ль решил, чтоб слезой черно-палевой
Оплывала Венер нагота,
А народ, продолжая опаливать
Соблазн сатаны, хохотал?

Ты ли дым, над Флоренцией вскинутый,
Отвердил в извечный гранит,
Обратил в бесконечную скинию,
Где примеры вселенной хранить,

Чтобы помнили, видели, ведали,
Что нельзя Красоте перестать,
Калидасой встающей над ведами
И Рембрандтом над трупом Христа?

30 сентября 1921

Все люди

Все люди, люди и люди,
Всех осанок, величин и мастей,
Розетка мировых иллюзий,
За работой, на пир и в постель.

Все люди, теперь и прежде,
И в грядущем, взглянув за забор,
Повтор все тех же арпеджий,
Аккордов старых набор!

Ахилл ли, Терсит ли, Елена ль,
Поэт, чиновник, король, —
Весь сверток земной вселенной —
Под печатью одна бандероль!

А, быть может, на синих планетах —
Чудовища, владыки стихий,
О чем не молчали в сонеты,
Чего не блистало в стихи!

А, быть может, в огне иль в незримом,
Демоны, дьяволы – вы,
Кто пылаете мимо, мимо,
Презирая кивком головы!

8 июня 1921

Приветствия

А. В. Луначарскому

В дни победы, где в вихре жестоком
Все бывшее могло потонуть,
Усмотрел ты провидящим оком
Над развалом зиждительный путь.

Пусть пьянил победителей смелых
Разрушений божественный хмель,
Ты провидел, в далеких пределах,
За смятеньем, конечную цель.

Стоя первым в ряду озаренном
Молодых созидателей, ты
Указал им в былом, осужденном,
Дорогие навеки черты.

В ослеплении поднятый молот
Ты любовной рукой удержал,
И кумир Бельведерский, расколот,
Не повергнут на свой пьедестал.

Ты широко вскрываешь ворота

Всем, в ком трепет надежд не погиб, —
Чтоб они для великой работы
С сонмом радостным слиться могли б,

Чтоб под черными громами, в самой
Буре мира – века охранить,
И вселенского ясного храма
Адамантовый цоколь сложить.

1920

К. Д. Бальмонту

*Чахлые сосны дорогу к лазури найдут.
К. Бальмонт*

Ты нашел свой путь к лазури,
Небом радостно вздохнул, —
Ведал громы, видел бури,
В вихрях взвевянных тонул;

Славой солнца опьянялся,
Лунной магией дышал,
Всех пленял и всем пленялся,
С мировой мечтой дрожал;

И дождем с высот небесных,
Алым облаком горев,

В строфах жгучих и чудесных
Ты спадал на новый сев!

Влагу огненную жадно
Пили тысячи семян,
Чтоб весной в парче нарядной
Ликовала даль полян.

Пусть погасло пламя в небе, —
Под землей огонь твой жив:
Светел Рок, завиден Жребий
Тех, кто умер, жизнь разлив!

Беглый блеск прощальных вспышек
Тайно манит, как магнит:
То – твоих лучей излишек
В глубине зарниц горит!

22–23 февраля 1919

Памяти одной

Помню, помню: вечер нежный;
За окном простор безмолвный;
Белой яблони цветы;
Взор твой, милый, неизбежный,
Миги катятся, как волны,
В целом мире– я и ты.

Помню, помню! это было, —
Словно в пропасти глубокой,
Да, пятнадцать лет назад!
Время птицей легкокрылой
Унесло меня далеко—
В новый рай и в новый ад.

Розы, лавры, олеандры,
Лица с черными глазами,
Плеск побед, падений стыд...
Как в видении Кассандры,
Тень Стигийская меж нами,
Окровавлена, стоит.

Нет к прошедшему возврата,
Все в пространстве по орбитам
Мы должны вперед скользить.
Стать чужими – вот расплата
За блаженство: в теле слитом
Сердце с сердцем соединить!

28 мая. 1930

Памяти другой

Ты здесь, на ложе ласк неверных,
Обманывающих приближений,

В правдиво-лицемерный миг,
Во мгле, как в пропастях безмерных,
Астральной властью отражений,
Твой облик надо мной возник.

И ты, от близостей отъята,
Уже не здесь вливаешь свету,
Где я еще влачусь за тьмой,
Но помнишь, странные когда-то,
Нас обручившие обеты
И горько слышишь ропот мой.

Твое обиженное тело
Землей и травами прикрыто,
Но здесь,, со мной, твоя любовь;
Смотри ж из темного предела
На все, что в смерти не забыто,
Что, жив, я изживаю вновь.

В блаженной неге униженья
Я оцет пью из груди милой,
Отвесь клинок стыда без сил, —
Прими мой бред – как искупленье:
Им ныне над твоей могилой
Венок из строф я возложил.

Мадригал

Имя твое – из золота,
Маленький, сверкающий слиток,
Под ударом кирки и молота
В ледяном Клондайке открытый.

Имя твое под любовными
Ласками солнца светится,
Но лучи его робки, словно им
Опасно соперничество месяца.

Но я знаю, верю, и ночью оно,
Под лунным поцелуем бесплодным,
Необледнено, неопорочено, —
Пламя во тьме холодной.

Пусть ветер взлетает с полюса,
Пусть пустыня снежная стелется,
Иль иглами жгучими колетса,
Смеясь над проходим, метелица, —

В стране молчанья и холопа,
Над белым, над мертвым простором,
Имя твое из золота,
Милое имя– Дора!

16 февраля 1921

К Адалис

Твой детски женственный анализ
Любви, «пронзившей метко» грудь,
Мечте стиха дает, Адалис,
Забывтым ветром вновь вздохнуть.

День обмирал, сжигая сосны;
Кричали чайки вдоль воды;
Над лодкой реял сумрак росный;
Двоих, нас метил свет звезды.

Она сгибалась; вечер бросил
Ей детскость на наклоны плеч;
Следил я дрожь их, волю весел
Не смея в мертвой влаге влечь.

Я знал, чей образ ночью этой
Ей бросил «розу на кровать»...
Той тенью, летним днем прогретой,
Как давним сном, дышу опять —

В твоих глазах, неверно-серых,
В изгибе вскрытых узких губ,
В твоих стихах, в твоих размерах,
Чей ритм, — с уступа на уступ.

21 июля 1920

К А--

Шаги судьбы по камням мира, свисты
Стрел Эроса, соль моря – любишь ты.
Я – этой ночью звезд расцвет лучистый,
Тишь этих узких улиц, этот мгlistый
Бред темноты.

Ты в каждом знаке – ищешь символ сути,
Ведешь мечту сквозь тени к вечным снам.—
Мне все сказалось, в играх лунной ртути;
За смысл миров, – того, что есть в минуте,
Я не отдам.

В отвесах стен ты знаешь облик Рима,
В полетах ветра дум нездешних струй.—
Я жадно в стих ловлю лишь то, что зримо:
Миг, сладкий миг, как сон бегущий мимо, —
Твой поцелуй.

1920

Посвящение

Ты, предстоящая, с кем выбор мой!
Стань смело здесь, где робок посвященный,
По власти, мне таинственно врученной,
Твое чело вяжу двойной тесьмой;

В кольцо с змеями, знак инвеституры,
Твой тонкий палец заключаю; меч
Тебе влагаю в руку; нежность плеч
Скрываю в плащ, что соткали лемуры.

Пред алтарем склонись, облачена:
Те две тесьмы – сиянье диадемы;
Ей тайно венчаны, поэты, все мы,
Вскрывает путь в огонь веков она.

Те змеи, – символ мудрости предельной,
Они все миги жгуче в нас язвят,
Но их губительно-целящий яд
Из смерти душу возвращает цельной.

Тот меч – как знаменье, что жизнь тебе
Прорежет сердца остро в глубоко,
Что станешь ты победно одинока,
Но не уступишь ни на шаг судьбе.

Тот плащ, тебе сокрывши» зыбко плечи,
Сны отрешает от страстей людских;
Отныне ты – лишь призрак для других,
И для тебя – лишь призрак дни и встречи.

Ты в оный мир вознесена, где нет
Ни слов лукавых, ни черты случайной,
И се – я, тавматург, пред новой тайной,
Клоню колена пред тобой, Поэт!

30–31 августа 1920

А здесь, в уме...

В первый раз

Было? Не знаю. Мальстрёмом крутящим
Дни все, что было, сметают на дно.
Зельем пьянящим, дышу настоящим,
Заревом зорь мир застлало оно.

Прошрое сброшу, пустую одежду;
Годы – что полки прочитанных книг!
Я это – ты, ныне вскинутый, между
«Было» и «будет» зажегшийся миг.

В первый раз поле весной опьянело,
В первый раз город венчала зима,
В первый раз, в храмине туч, сине-белой
Молнией взрезана плотная тьма!

В первый раз, в первый – губ нежная влажность
Губы мне жмет, я ловлю в первый раз
Грудь на груди вздохов страстных протяжность,
Жуть, счастье, муку закинутых глаз.

В первый раз мысль, в жгучей зоркости, верит

Зовам толпы, с буйством жизни слита:
Строить, крушить, в битву ринуться! Перед
Целью веков ниц простерта мечта.

Грозы! Любовь! Революция! – С новой
Волей влекусь в ваш глухой водомет,
Вас в первый раз в песнях славить готовый!
Прошлого – нет! День встающий – зовет!

23 ноября 1920

Во мне

Воспоминанья стран, – вопль водопадов,
Взлет в море волн, альпийских трещин жуть,
Зной над Помпеями, Парижа адов
Котел, за степь гремящей тройки путь.

Все, – и провал в палящие полотна
Да Винчи, мраморный вздох Афродит,
Разливы книг с их глубиной болотной,
Дум молнии, цифр гибельный гранит.

Все, – Город Вод, с блистаньем орихалка,
С нагой Иштар, где смерть, в подземный плен,
В мечты Геракла, где Омфалы прялка,
За Одиссеем в знойный зов сирен.

Вас, также вас, – костры ночей изжитых,
Двоим один, слов не обретший, бред,
Губ хрипло слипших, рук несыто слитых,
Дорог сквозь тайны радиевый след.

Вас, вас еще, – часы трудов державных,
Восторг стихов, вдаль вскинутые сны,
Вас, миги зоркостей, слепых и явных,
Горн революций, пестрый плащ войны.

Все, все во мне, круги живых вселенных,
Преображенных, вновь зажженных мной,
Корабль сокровищ, от мостов мгновенных
Влекомый в вечность роковой волной.

17 сентября 1920

Будь мрамором

*Ты говоришь: ограда меди ратной...
Адалис*

Будь мрамором, будь медью ратной,
Но воском, мягким воском будь!
Тепло судьбы благоприятной
Всем существом умей вдохнуть!

Так! не сгорая и не тая,

Преображай знакомый лик,
Предельный призрак выдвигая,
Как свой властительный двойник!

Захвачен вихрем ярко-юным,
Что в прах свергает алтари,
Гори восторженным трибуном,
Зов бури вольно повтори!

Меж «юношей безумных», вкован
В живую цепь, к звену звено,
Славь, с неустанностью взволнован,
Беспечность, песни и вино!

В сонм тайный мудрецами принят,
Как древле Пирр в совет царей,
Все, что исчезло, все, что минет,
Суди всех глубже, всех мудрей!

А в поздний час, на ложе зыбком,
В пыланье рук включен, как в сеть, —
Улыбкой дарственной – улыбкам,
Мечте – мечтой любви ответь!

Являй смелей, являй победней
Свою стообразную суть,
Но где-то, в глубине последней,
Будь мрамором в медью будь!

4 сентября 1920

День

Еще раз умер, утром вновь воскрес;
Бред ночи отошел, забыт, отброшен.
Под серым сводом свисших вниз небес,
Меж тусклых стен, мир ярок и роскошен!

Вновь бросься в день, в целящих водоем,
Скользи в струях, глядись в стекле глубоком,
Чтоб иглы жизни тело жгли огнем,
Чтоб вихрь событий в уши пел потоком!

Хватай зубами каждый быстрый миг,
Его вбирай всей глубиью дум, всей волей!
Все в пламя обрати: восторг, скорбь, вскрик,
Есть нега молний в жале жгучей боли!

Час отсеки на сотню тысяч миль,
Свой путь свершай от света к свету в безднах,
Весь неизмерный круг замкнув, не ты ль
Очнешься вновь, живым, в провалах звездных?

Борьбой насытись, выпей яд любви,
Кинь в сушь сознаний факел дневной песни,
Победы блеск, стыд смеха изживи, —
Умри во мгле и с солнцем вновь воскресни!

24 августа 1920

В смерть

В смерть, в вечный гром, в горящий вихрь, быть может,
Быть может, в темь, в провал, в ничто – все я!
Вот эти скрепы рук червь алчно сгложет,
Пять строк историка – смысл бытия.

А здесь, в уме, разбега дум свистящих,
Колеса, поршни, рычаги машин,
Тигр с тигром, с змеем змей в деканских чащах,
Злой глаз ихтиозавров из глубин.

Здесь дни, где слеп от солнц желаний рдяных,
Ночи, где жив костром сплетенных рук,
Плыть по безумью, челн меж скал в туманах,
Целить в врага сквозь серп колючих юкк!

Всход в башни книг по лестницам спиральным,
Срыв вниз в котел шипящих городов;
Вдохнув их бред, зажечь мечом сигнальным
На самой круче века оклик строф.

И все, все – труп, тук цепким повиликам,
Соблазн стихов – влюбленным двум, чтоб влечь
В столетях чуждых, чьих-то, с лживым вскриком,

В позор объятий иль под мрачный меч!

5—6 сентября 1920

Пределы

Пределы? нет их!
Цель – бесконечность!
Из песен петых —
Звездная млечность.

Там дальше – туманность
Ориона иль Лиры...
Отточенных слов чеканность,
Лезвием секиры.

Канат корабля отруби!
Новых норманнов наезды!
Мелкие отруби,
Рассыплются звезды.

Земля? – зелененький мяч!
Луна? – нет совсем!
Человеческий плач
В пространствах нем.

Вне изведанных стран дыши
Потоком твердым эфира!

Прощайте, милые ландыши,
Орион и Лира!

25 августа 1920

Одно лишь

Я ль не искал под бурей гибели,
Бросая киль в разрез волны,
Когда, гудя, все ветры зыбили
Вкруг черный омут глубины?

Не я ль, смеясь над жизнью старящей,
Хранил всех юных сил разбег,
Когда серебрил виски товарищей,
Губя их пыл, предсмертный снег?

Ах, много в прошлом, листья спадшие,
Друзей, любовниц, книг и снов!
Но вновь в пути мне братья младшие
Плели венки живых цветов.

За кругом круг сменив видения,
Я к новым далям страсть донес,
Пью грозы дней земных, не менее,
Чем прежде, пьян от нежных слез.

К чему ж судьбой, слепой прелестницей,

В огне и тьме я был храним,
И долгих лет спиральной лестницей
В блеск молний вышел, невредим?

Одно лишь знаю: дальше к свету я
Пойду, громам неожиданным рад,
Ловя все миги и не сетуя,
Отцветший час бросать назад.

9 января 1921

Первый меридиан

Через сердце к весеннему полю,
Первый проведи меридиан:
Он упрется в точку, где полюс
Полярной звездой осиян.

И от этого мига жалеть ли
Путей вперед и назад,
Там и в прошлом все тысячелетья,
И в грядущем дерзко грозят.

Расточить, как щедрый наследник,
На пиру этого дня умей —
Мудрецов, поэтов, проповедников
Клад, что собран в твоём уме.

Пусть кровь твоя просочится
В века из земной ризницы,
Где будут кормиться волчицей
Реи иной близнецы.

От вселенной тебя ли отыдем?
Всех солнц разорвется связь,
Вихрями в пустоте золотыми,
Калейдоскопом нелепым резвась.

Меч от зенита к надиру
Насквозь тебя пронизал:
Над вечностью им балансируй
В бесконечности тронных зал.

3 июня 1921

День за днем

Мясорубками тело измолото,
День за днем, день за днем, день за днем.
Почему же нетленны и молоды
Губы мальв за вселенским плетнем?

Расстилаться, дробясь под колесами...
Это ль я? где же я? кто же я?
Не ответит за волжскими плесами
Мне последняя ворожея.

Отстраняю в безумьи ладонями
Беглый миг, бледный лик, тот двойник.
Но ликующий месяц над донями
До глубин заповедных проник.

Так рубите, рубите, рубите
День за днем, день за днем, день за днем.
По мечтам, по путям, по орбите
Пред огнем мы кометы метнем.

Что во сне на земле, – повторится
В голубых и пурпурных краях.
Пей жемчужину в уксус, царица,
Клеопатра, Марго, Таиах!

Эти трепеты груди прозрачны,
Кровь под жалами пламенных стрел,
Чтобы, крылья смежив, новобрачный
До глубин заповедных смотрел.

14 июля, 1921

Миг 1920—1921

Кругозор

Смотреть в былое

Смотреть в былое, видеть все следы,
Что в сушь песка вбивали караваны
В стране без трав, без крыш и без воды,
Сожженным ветром иль миражем пьяны;

Припоминать, как выл, свистя, самум,
Меня слепя, ломая грудь верблюду,
И, все в огне, визжа сквозь душный шум,
Кривлялись джинны, возникали всюду;

Воссоздавать нежданный сон, оаз,
Где веер пальм, где ключ с душой свирели
И где, во мгле, под вспышкой львиных глаз,
Проснешься, когти ощущая в теле!

Смотреть вперед и видеть вновь пески,

Вновь путь в пустыне, где желтеют кости...
Уже не кровь, года стучат в виски,
И зной и смерть слились в последнем тосте.

Но, сжав узду, упорно править ход,
Где холм не взрезан скоком туарега,
Опять, еще, где океан ревет, —
В лед волн соленых ринуться с разбега!

17 января 1921

Груз

Книг, статуй, гор, огромных городов,
И цифр, и формул груз, вселенной равный,
Всех опытов, видений всех родов,
Дней счастья, миггов скорби своенравной,

И слов, любовных снов, сквозь бред ночей,
Сквозь пламя рук, зов к молниям бессменным,
Груз, равный вечности в уме! – на чьей
Груди я не дрожал во сне надменном?

Стон Клеопатр, вздох Федр, мечты Эсфирей,
Не вы ль влились, – медь в память, – навсегда!
Где фильмы всей земли кружат в эфире,
Еще звучат, поют векам – их «да»!

Взношу лицо; в окно простор звездистый,
Плечо к плечу, вздох нежный у виска.
Миг, новый миг, в упор былых вгнездись ты!
Прибой швырнул на берег горсть песка.

Сбирай в пригоршни книги, жизни, сны, —
Своих Голландии в гул морской плотины, —
Вбирай в мечты все годы, – с крутизны
Семи холмов покорный мир латаны!

А им, а тем, кто в буйстве ветра ниц
Клонились, лица – «Страшный суд» Орканий,
Им – в счет слепот иль – в ряд цветных страниц;
Горсть на берег, лот в груз живых сверканий!

10 октября 1921

Одиссей у Калипсо

Снова сон, векам знакомый!
Где-то там, в небесной сфере,
Повернулось колесо,
Вновь, как древле, Одиссея,

Дея чары и слабея
Дрожью медленной истомы,
В сталактитовой пещере
Молит нимфа Калипсо.

Девы моря, стоя строим,
На свирелях песню ладят,
Запад пурпуром закрыт;
Мореход неутомимо
Ищет с родины хоть дыма;
А богиня пред героем
То сгибается, то сядет,
Просит, плачет, говорит:

«Муж отважный, посмотри же!
Эти груди, плечи, руки, —
В мире радостном, — даны
Лишь бессмертным, лишь богиням,
Губы в ласке теплой сдвинем,
Телом всем прильни поближе,
Близ меня ль страдать в разлуке
С темным теремом жены?»

Но скиталец хитроумный,
Как от грубого фракийца,
Лик свой, в пышности седин, —
От соблазнов клонит строже...
Ах, ему ли страшно ложе?
Но он видит — праздник шумный,
Где в дверях отцеубийца, —
Калипсо прекрасный сын!

16 марта 1921

Римини

В твоём, в века вонзенном имени,
Хранимом – клад в лесу – людьми,
Кто с дрожью не расслышит, Римини,
Струн, скрученных из жил любви?

В блеск городов, где Рим с Венецией,
Где столько всех, твоя судьба
Вошла огнем! Венец! Венец и ей!
И в распре слав – весь мир судья!

Вы скупы, стены! Башни, слепы вы!
Что шаг – угрюмей кровли тишь.
Но там есть дверь и портик склеповый,
И к ним мечта, что в храм, летит.

Что было? Двое, страстью вскрылены,
Над тенью дней чело стремя,
Сон счастья жгли, чтоб, обессилены,
Пасть, – слиты лаской острия.

И все! Но ввысь взнеслись, гиганты, вы,
Чтоб в жизни вечно хмелю быть,
И держат вас терцины Дантовы, —
Вовек луч тем, кто смел любить!

11 июля 1921

Взнесенный

Закатной яркостью взнесенный
Из душевной сладости темниц,
Забудь обет, произнесенный
Пред жертвенником, лежа ниц.

Просторам сумрачным послушен,
Как облачко, плыви, плыви,
На высях у орлов подслушай
Слепые клетоты любви.

Впивай всю влагу побережий,
Что оживит за лугом луг,
Где волю бега перережет
Тоска опаляемых излук.

Когда ж мечты ночные смешат
В страсть все земные голоса, —
На грань захватывая месяц,
Врачуй влюбленные глаза.

И смерть, иных смертей безмолвней,
Как облачко, в просторах встретить,
За фосфорным изломом молний
Сквозь ночь, чтоб гибель досмотреть.

6 июля 1921

Апрель

Кто поет, мечта ль, природа ль?
Небо – нежный сон свирели,
Каждый листик вылит в трели,
Свет и тень звенят в апреле, —
Ветр, лишь ты, всех неумелей,
В медь трубы дудишь поодаль.

Давний гимн! припев всемирный!
В дни, где мамонт высил бивни,
В первом громе, в вешнем ливне,
Был ли тот же зов призывней?
Жди весны, ей верь, лови в ней
Флейты ропот, голос лирный.

Песнь вливаешь в струны ль, в слово ль,
Все ж в ней – отзвук вечной воли.
С ланью лань спозналась в поле,
Змей с змеей сплелись до боли,
Лоб твой влажен вкусом соли, —
Всех мелодий – вдоволь, вдоволь!

30 апреля – 2 мая 1921

Еврейским девушкам

Красивые девушки еврейского племени,
Я вас наблюдал с тайной дрожью в мечтах;
Как черные волосы упруги на темени,
Как странен огонь в ваших черных зрачках!

В Варшаве, и в Вильне, и в задумчивом Тальсене
За вами я долго и грустно следил.
И все мне казалось: стремитесь вы в вальсе
Неизбежном, над тайной бессмертных могил.

Как будто в вас ожили виденья библейские,
И мать Ревекка, и дева Рахиль, —
Отвеяны помыслы ненужно-житейские,
И в новом жива вековечная быль.

Еврейские девушки! в холодной России
Вы – бессонная память о знойной стране,
Живое преданье о грядущем Мессии вы...
Девушки-матери, близки вы мне!

Август 1914. Вильно

Из прежде в теперь

Грядущий гимн

Солнце летит неизмерной орбитой,
Звезды меняют шеренгами строй...
Что ж, если что-то под солнцем разбито?
Бей, и удары удвой и утрой!

Пал Илион, чтобы славить Гомеру!
Распят Христос, чтобы Данту мечтать!
Правду за вымысел! меру за меру!
Нам ли сказанья веков дочитать!

Дни отбушуют, и станем мы сами
Сказкой, виденьем в провале былом.
Кем же в столетья войдем? голосами
Чьими докатится красный псалом?

Он, нам неведомый, встанет, почует
Истину наших разорванных дней,
То, что теперь лишь по душам кочует,
Свет, что за далью полней и видней.

Станут иными узоры Медведиц,

Станет весь мир из машин и из волей...
Все ж из былого, поэт-сердцеведец,
Гимн о былом – твой – восславить позволь!

Ноябрь 1921

Октябрь 1917 года

Есть месяцы, отмеченные Роком
В календаре столетий. Кто сотрет
На мировых скрижалях *иды марта*,
Когда последний римский вольнолюбец
Тирану в грудь направил свой клинок?
Как позабыть, в холодно-мглистом полдне,
Строй дерзких, град картечи, все, что слито
С глухим *четырнадцатым декабря*?
Как знамена, кровавым блеском реют
Над морем Революции Великой
Двадцатое июня, и *десятый*
День августа, и скорбный день – брюмер.
Та ж Франция явила два пыланья —
Февральской и июльской новизны.
Но выше всех над датами святыми,
Над *декабрем*, чем светел пятый год,
Над *февралем* семнадцатого года,
Сверкаешь ты, слепительный *Октябрь*,
Преобразивший сумрачную осень
В ликующую силами весну,

Зажегший новый день над дряхлой жизнью
И заревом немеркнувшим победно
Нам озаривший правый путь в веках!

1920

Коммунарам

Под вопль вражды, под гулким гневом
Недаром вы легли в веках, —
Упал над миром тучным севом
Ваш огненно-кровавый прах.

Вы, лабиринтцы, в дни позора
Под дерзким эллинским копьем;
Ты, круг священный Пифагора,
Поющий на костре своем;

Вы, все, что восставали, тая,
Вальденцы, Виклеф, Гуса стан,
Пророки нового Синая,
Ты, исступленный Иоанн;

И вы, кто жертвой искуплений
Легли в Париже, у стены,
Чьи грозно вопящие тени
В лучах побед вознесены!

Как в басне, из зубов дракона
Возникли мощные бойцы,
Бросаете в земное лоно
Вы мученичества венцы.

Под те же гулы и угрозы,
Приемля ваш немолчный зов,
Мы ваши праведные грезы
Возносим над борьбой веков!

1920

Оклички

Четвертый октябрь

Окликаю Коршуна в пустыне:
– Что летишь, озлоблен и несмел? —
«Кончен пир мой! более не стынет
Труп за трупом там, где бой гремел!»

Окликаю Волка, что поводит
Сумрачно зрачками: – Что уныл? —
«Нет мне места на пустом заводе;
Утром колокол на нем звонил».

Окликаю Ветер: – Почему ты
Вой ведешь на сумрачных ладах? —

«Больше мне нельзя в годину смуты
Раздувать пожары в городах!»

Окликаю Зиму: – Эй, старуха!
Что твоя повисла голова? —
«Плохо мне! Прикончена разруха,
Всюду мне в лицо трещат дрова».

Чу! гудок фабричный! Чу! зывают
Свистом, пролетая, поезда.
Красные знамена обвивают
Русь былую, словно пояса.

Что грозило, выло и рычало,
Все притихло, чуя пятый год.
Люди, люди! Это лишь начало,
Октября четвертого приход!

Из войны, из распрь и потрясений
Все мы вышли к бодрому труду;
Мы куем, справляя срок весенний,
Новой жизни новую руду.

Кто трудился, всяк на праздник прошен!
Путь вперед – роскошен и широк.
Это – зов, что в глубь столетий брошен,
Это – наше право, это – рок!

25—30 октября 1921

Советская Москва

Все ж, наклонясь над пропастью,
В века заглянув, ты, учитель,
Не замрешь ли с возвышенной робостью,
И сердце не полней застучит ли?

Столетия спяют Фермопилами,
Зеркалами жгут Архимеда,
Восстают, хохоча, над стропилами
Notre-Dame безымянной химерой;

То чернеют ужасом Дантовым,
То Ариэлевой дрожат паутиной,
То стоят столбом адамантовым,
Где в огне Революции – гильотина.

Но глаза отврати: не заметишь ли
Тебе – тот же блеск, здесь и ныне?
Века свой бег не замедлили,
Над светами светы иные.

Если люди в бессменном плаваньи,
Им нужен маяк на мачте!
Москва вторично в пламени, —
Свет от англичан до команчей!

13 ноября 1921

Просверк

Сеет Хронос

Нет, не струны, нет, не трубы,
Мой напев над морем вейте!
Закрываю тихо ставни,
Подношу покорно губы
К золотой забытой флейте;
Властвуй в темной тишине,
Старомодный, стародавний
Отзвук, милый только мне!

Пой из тьмы тысячелетней,
Из лесов аркадских басен,
Где к маслинам никли фиги,
Пой безвольней, безответней,
Но, как прежде, мудр и страстен,
Зовов нежных не тая, —
Здесь, где внемлют только книги,
Только тени, только я.

Где я? может быть, в преданьи,
В лунной трели менестрелей,
В песне призрачной Шопена, —

Но в сверканьи, но в рыданыи
Воды Геллы прогремели,
Обращая в нектар кровь;
Сеет Хронос алой пеной,
Чтоб земле всплыла Любовь.

28 февраля 1921

Зачем?

Зачем? Разве я знаю?
Не нами, давно суждено:
Поля опалить мистралю,
Якорю падать на дно.

Гольфштрему, может быть, хочется
Медлить в огне Гаити,
Но должен Малыдтремом корчиться
На холодном норвежском граните.

На эти глаза обманные
Стигматы губ наложить,
Это – играет ветер туманами,
Это – травами ночь ворожит.

Если двое в невольной неге мы
Угадываем шепоты срока,
Это – солнца Виктории-регии

Дрожат в синеве Ориноко.

Зачем? Кто нам ответит?

Словами любви не лги!

Сквозь эфир скользящей планете

Непонятны ее круги.

10 февраля 1921

Над сном надежд

Над сном надежд, что стаи птичьи, рея,

Кружат года, крик ястребиный зол;

Но дни, все дни взмывают, не старея, —

Вот – коршун, голубь, стрепет, стриж, орел!

Взлетайте! мчитесь! я, ловец бывалый,

Стрел, смерть поющих, не извел колчан.

Люблю сбивать с лазури в сумрак алый

Вас, бьющихся от боли острых ран!

Свой путь вершу меж круч, сквозь кольца веток,

Где в мгле никем не стоптана трава,

Но гибок лук, мой взор, как прежде, меток:

Всем зовам с выси вторит тетива!

Как весело за зелень летних теней

Стрела бежит, пронзая лист, легка!

День торжества, день жутких поражений —
Равно милы, — добыча в сеть стрелка.

Скорбь, радость, ужас, падайте со стоном
В гроб скал бесстрастных иль у горних струй,
И ты! ты! быстрый день, когда дано нам
Вновь ведать в жизни первый поцелуй!

3 февраля 1921

ИНКОГНИТО

Порой Любовь проходит инкогнито,
В платье простом и немного старомодном.
Тогда ее не узнает никто,
С ней болтают небрежно и слишком свободно.

Это часто случается на весеннем бульваре, и
У знакомых в гостиной, и в фойе театральном;
Иногда она сидит в деловой канцелярии,
Как машинистка, пишет, улыбаясь печально.

Но у нее на теле, сквозь ткани незримый нам,
Пояс соблазнов, ею не забытый.
Не будем придирчивы к бывлым именам, —
Все же часто сидим мы пред лицом Афродиты.

А маленький мальчик, что в детской ревности

Поблизости вертится, это – проказливый Амор.
Колчан и лук у него за спиной, как в древности;
Через стол он прицелится, опираясь на мрамор.

Что мы почувствуем? Укол, осязаемый чуть,
В сердце. Подумаем: признак энкардита.
Не догадаемся, домой уходя, мы ничуть,
Что смеется у нас за спиной Афродита.

Но если ты сразу разгадаешь инкогнито,
По тайным признакам поймешь, где богиня, —
В праведном ужасе будь тверд, не дрогни, не то
Стрела отравленная есть у ее сына.

12 марта 1921

Искра

Вино ли пенится,
Вокалом схвачено, —
Солнечный сок?
Мяч ля лаун-тенниса
От удара удачного
Взвихрил песок?

Сам ли я искра лишь
Яростной хмельности,
Что глуби зажгла?

Миг! Это ты крылишь
Роковой мельницы
Все четыре крыла!

Явь или призрачность —
Губ этих сдавленность,
Дрожь этих плеч?
Тысячно-тысячный
Поцелуй отравленный,
Твердый, как меч?

Кружатся, кружатся
Мельничные лопасти,
Вихри взносит ввысь.
В привычности ужаса
Над небесной пропастью
Богомольно клонись!

7 февраля 1921

Звено в цепь

И в наших городах, в этой каменной бойне,
Где взмахи рубля острее томагавка,
Где музыка скорби лишена гармоний,
Где величава лишь смерть, а жизнь – только ставка;

Как и в пышных пустынях баснословных Аравии,

Где царица Савская шла ласкать Соломона, —
О мираже случайностей мы мечтать не вправе;
Все звенья в цепь, по мировым законам.

Нам только кажется, что мы выбираем;
Нет, мы все – листья в бездушном ветре!
Но иногда называем мы минуты – раем,
Так оценим подарок, пусть их всего две-три!

Если с тобой мы встретились зачем-то и как-то,
То потому, что оба увлекаемы вдаль мы;
Жизнь должна быть причудлива, как причудлив
кактус;
Жизнь должна быть прекрасна, как прекрасны пальмы.

И если наши губы отравлены в поцелуе,
Хотя и пытаешься ты порой противоречить, —
Это потому, что когда-то у стен Ветилуи
Два ассирийских солдата играли в чет и нечет.

4 марта 1921

Тень света

Вскрою двери

Вскрою двери ржавые столетий,
Вслед за Данте семь кругов пройду,
В зыбь земных сказаний кину сети,
Воззову сонм призраков к суду!

Встаньте, вызову волхва послушны,
Взоры с ужасом вперяя в свет,
Вы, чья плоть давно – обман воздушный,
Вы, кому в бесстрастье – схода нет!

Встань, Элисса, с раной серповидной!
Встань, Царица, на груди с ехидной!
Встань, Изотта, меч не уклоняя!
Встань, Франческа, ей сестра родная!

Встань, Джульетта, пряча склянку с ядом!
Встань с ней, Гретхен, руки в узах, рядом!
Встаньте все, кто жизнь вливал в последний
Поцелуй, чтоб смерть сразить победней!

Вас не раз я оживлял сквозь слово,

Как Улисс, поил вас кровью строф!
Встаньте вокруг, творите суд сурово, —
Здесь на сцене дрожь моих висков!

Мне ответьте, судьи тьмы, не так ли
Парид вел Елену в Илион,
Бил не тот же ль сердца стук в Геракле,
В час, когда встречал Иолу он!

2 мая 1921

Этот вскрик

Что во сне счастливом этот вскрик подавленный,
Этот миг, где сужен вздох до стога, что?
Древний перл, приливом на песке оставленный,
С мели, чьих жемчужин не собирал никто.

Вечность бьет мгновенье гулками приборями,
Вихрь тысячелетий роет наши дни.
В чем нам утешение плакать над героями,
В темных книгах метить прежние огни?

Свет наш – отблеск бледный радуг над потопами,
Наши страсти – пепел отгоревших лет.
Давит панцирь медный в стенах, что циклопами
Сложены; мы – в склепе, выхода нам нет!

Если дерзко кинем в глубь холодной млечности
Крик, что не был светел в буйстве всех веков, —
Как нам знать, что в синем море бесконечности
На иной планете не звенел тот зов!

11 апреля – 7 мая 1921

Был мрак

Был мрак, был вскрик, был жгучий обруч рук,
Двух близких тел сквозь бред изнеможенье;
Свет после и ключа прощальный стук,
Из яви тайн в сон правды пробужденье.

Все ночь, вновь мгла, кой-где глаза домов,
В даль паровозов гуд, там-там пролетки...
А выше – вечный, вещий блеск миров,
Бездн, чуждых мира, пламенные чётки.

Нет счета верстам, грани нет векам,
Кружась, летят в дыханьи солнц планеты.
Там тот же ужас в сменах света, там
Из той же чаши черплют яд поэты.

И там, и здесь, в былом, в грядущем (как
Дней миллиарды нам равнять и мерить),
Другой любовник смотрит с дрожью в мрак:
Что, в огонь упав, он жив, не смея верить.

4—5 апреля 1921

Кубок Эллады

Слишком полно мойрами был налит
Кубок твой, Эллада, и с краев
Крупных капель дождь помчался налет —
Пасть в растворы чаш, поныне жалит

Скудный блеск ему чужих веков.
Нет, не замкнут взлет палящий цикла!
Пламя Трои, то, что спас Гомер,
В кровь народов, – сок святой, – проникло,

С небом слился светлый свод Перикла,
Зов Эхила влит в Ресефесер!
Боги умерли, Халдей и Мидий,
В тучах мертв, не глянет Саваоф;

Где покров, что лик скрывал Изиде?
Но, касаясь древних струн, Киприде
На ступень кладем мы горсть цветов.

29 апреля 1921

Даль

Ветки, листья, три сучка,
В глубь окна ползет акация.
Не сорвут нам дверь с крючка,
С Далью всласть могу ласкаться я.

Бирюза да изумруд,
Тучек тоненькие вырезы.
Губы жутко не умрут,
Не испив немые ирисы!

Даль, любовь моя! даль! даль!
Ты ль меня влечешь, мой гений ли,
До песков Сахар, до льда ль,
Что горит на пике Кении?

Синь и зелень розовой,
Алой дрожью веет с запада,
Вей, левкое! роза, вей!
Светлых веток запах? Запах? – Да!

Где-то здесь – тропа в огни,
Где-то в высоте – огонь и я!
Змеем двух нас обоими,
Вечной тайны теогония.

8 июня 1921

Кондор

К чему чернеющий контур
Ты прячешь, гневный гигант, —
В тишине распластанный кондор
Над провалами сонных Анд?

В неделях бархатных кроясь,
Ты медлишь, чтоб, сон улуча,
Проступить сквозь атласную прорезь
Мига, разя сплеча.

Кровь тебе – в холодную сладость!
Медяное лицо поверни.
Где постромок серебряных слабость
У разбившей ось четверни?

Утаишь ли чудовищность крыльев?
Их нашим трепетом смерть!
Там, за кругом лампы, открытой
По ковру распростерта смерть.

Что ж! клонясь к безвольным бумагам,
Черчу пейзажи планет:
От кондоров горных у мага
Заклинаний испытанных нет.

22 июня 1921

Вечерняя флейта

Вечерней флейты страстный трепет
Слабеет в узкое окно;
И ветер звуки нежно треплет,
За нитью нить прядя руно.

В ее словах – просторы скорби,
Под солнцем выжженная тишь,
Закат прощальный гневно горбит
Мечту – сквозь гордость и гашиш.

Вечерней флейты ропот молкнет,
Но в тени яд влила змея,
Глаз голубой безгромных молний
Поспешно щурится, смеясь.

Я знаю: лживый хор предвестий
Ей вслух поет и стелет мглу...
А ночь растет: сады предместий,
Как грань, означены к углу.

Вы, звезды, в миги волю влейте,
Чтоб вновь ей ждать, живой вполне!
Мы преданы вечерней флейте,

Ах! мы – в вечеровой волне!

23 июня 1921

Еще так нежны...

Слова любви еще так нежны,
Так жарки сгибы алчных рук,
Ночь, древний царь многоодеждный,
Бросая тьму на отсвет смежный,
Лицо к лицу гнет в счастья бледном,
Пока в тиши поет победным
Пеаном – сердца к сердцу стук.

Но гаснет мрака дымный морок,
Пред сказкой страсти вскрыв провал.
Взор не напрасно горько зорок,
Сквозь хаос всех цветов, сквозь сорок
Узорных радуг, смотрит в глуби,
Где в круге красок, в жгучем клубе
Рок зыблет гладь своих зеркал.

Там лик твой чуждый – чарой явлен,
Глядит, обвит змеей огня,
Твой рот усмешкой гордой сдавлен...
Вход к тайнам замкнут, праздник справлен!
День новый, вождь необоримый,
На путь измен, тропой незримой,

Тебя влечет – прочь от меня.

21 апреля 1921

Дом видений

Дом видений

Душа моя – Элизиум теней.

Ф. Тютчев

Видениями заселенный дом,
Моя, растущая, как башня, память!
В ее саду, над тинистым прудом,
Застыв, стоит вечеровое пламя;
В ее аллеях прежние мечты
На цоколях недвижны, меди статуй,
И старых тигров чуткие четы
Сквозь дрему лижут мрамор Апостату.

Как же ты
Вошла в мой сад и бродишь между статуй?
Суровы ярусы многоэтажной башни, —
Стекло, сталь и порфир.
Где, в зале округленной, прежде пир
Пьянел, что день, отважней, бесшабашней,
Вливая скрипки в хмель античных лир, —
В померкшей зале темной башни
Тишь теперь.

На бархатном престоле зоркий зверь,
Привычный председатель оргий,
Глаза прищуря, дремлет, пресыщен:
Окончив спор, лишь тень – Сократ и Горгий;
Вдоль стен, у шелковых завес, еще
На ложах никнут голые гетеры,
Но – призраки, навек сомкнувшие уста;
И лишь часы в тиши бьют ровно, не устав
Качаньем маятника двигать эры.

Зачем же ты,
Как сон и новый и всегдашний,
Вошла в мой сад и бродишь возле башни?

Там выше,
По этажам, к недовершенной крыше,
В заветных кельях – облики: глаза
Целованные, милых губ рубины,
Опалявшие мне плечи волоса, —
И комнат замкнутых глубины
Дрожат под крыльями произнесенных слов...
Их, вещей птиц, в года не унесло!
Их пепел фениксов, как радуги,
Вычерчивая веера дуги,
Слепит меня опять, опять
И, волю воском растопя,
Невозвратимостью минут тревожит.

Чего же

Тебе искать в незавершенной башне,
Где слишком жуток сон вчерашний!

В саду,

Где памятники с тиграми в ладу,
Где вечности и влажности венчанье, —

В саду – молчанье,

Свой мед кадят нарциссы Апостату,

Над бронзой Данте черен кипарис,

И, в меди неизменных риз,

Недвижим строй в века идущих статуй.

Но все же роз кричащий запах,

Но все ж в огне зальденном запад —

Пьяны разгромом грозовым,

Страшишь, чтоб, на росе ночуя,

Но шаг непризнанный ночуя,

Тигр пробужденный не завыл!

Видениями заселенный мир, —

Сад и растущая, как башня, память!

На меди торсов, сталь, стекло, порфир

Льет воск и кровь вечеровое пламя;

Горят венцы, волна к волне, в пруду;

Пылая, к статуям деревья льнут в бреду;

По травам блекнувшим раскиданы статеры

Вовек не умирающей росы,

И лишь из башни ровно бьют часы,

Не уставая двигать эры.

Зачем же ты,
Как сон и новый и всегдашний,
Вошла в мой сад и бродишь возле башни,
Где слишком жутки чуткие мечты?
Иль ночь напрасно краски отымала?
Иль цоколям свободным статуй мало
И может с медью спорить парос,
Чтоб кровь по мрамору текла?
Иль должно к башне из стекла
Прибавить куполоподобный ярус,
Где все сиянья старины,
Умножены, повторены,
Над жизнью, как пустым провалом,
Зажгутся солнцем небывалым,
Во все, сквозь временный ущерб,
Вжигая свой победный герб!

17 апреля 1921

Пифагорейцы *Драматический этюд*

I

*Синарет погружен в рассматривание рукописи.
Раб показывается в дверях. Потом Филон.*

Раб

Господин, прости...

Синарет

Тебя просил я,
Товарищ, так меня не называть...

Раб

Прости, но там пришел Филон.

Синарет

Так что же!
Пусть он войдет.

Раб удаляется.

Филон

(входя)

Привет тебе во имя
Учителя.

Синарет

Мой милый друг, ты здесь!
Давно ль вернулся из Афин?

Филон

Сегодня,
Сейчас, и тотчас поспешил к тебе.

Синарет

Благодарю. Тебя обнять я рад.
Надеюсь, путешествие твое
Прошло недаром: многое ты видел,
Беседовал, конечно, с мудрецами
Различных стран, у них учился, думал
И книги, вероятно, собирал.

Филон

Да, кое-что в скитаньях я узнал.
Я расскажу тебе потом о многом,
Особо о Солоне, – о, мудрец!
Но, впрочем, мне далеко до удачи
Такой же, как твоя, когда привез ты
Нам из Египта письма атлантов.
А, кстати, вижу свиток на столе:
По-прежнему ты только им и занят?

Синарет

По-прежнему, мой друг. Подумай только,
Учитель наш, сам дивный Пифагор
Учился у египетских жрецов.
Египет же всей мудростью своей
Кому обязан? – им, атлантам! – той
Погибшей Атлантиде, из которой
Впервые миру воссиял свет знаний!
И вот мне посчастливилось найти
Древнейший свиток, рукопись атлантов!
О, друг! быть может, в этом свитке древнем
Есть тайна тайн, решение всех загадок!

(Показывает свиток и вновь вглядывается в него.)

О, странные, таинственные знаки,
Вы, символы неведомого! Я
Отдам все силы, но в ваш смысл проникну!
И, верю, этим окажу услугу
Великую – всей общине, всем людям!

Филон

По-прежнему ты склонен увлекаться.

Синарет

Нет. Жизнь я посвящаю этой цели

Не ради славы, ради блага всех!

Филон

Не будем спорить. Я пришел сюда,
Чтоб сообщить тебе одно известье:
Со мной на корабле приехал в город
Кто, угадай, – великий тавматург.

Синарет

Кто? кто?

Филон

Ареомах, кого прозвали
Второй учитель.

Синарет

Боги! и он – здесь!
Бежим скорей, хочу его увидеть.

Филон

Я шел, чтоб это предложить тебе.
Он поселился в доме у Прогноста.

Синарет

Тогда идем!

Филон

Идем.

Синарет

Эгин, мой плащ!

Раб входит, подает плащ.

И если кто придет, скажи – я скоро
Вернусь назад, проси пообождать.

Синарет и Филон уходят.

II

Раб один. Потом Прогност и Горгий.

Раб

(один)

Да, скоро! Жди! До полночи, наверно,
Не возвратятся. Что ж, пускай покутят;
Не все ж над книгами глаза трудить.

(Стук.)

Э, кто там?

(Уходит, за сценой.)

Господина дома нет.

Прогност

(за сценой)

Ну, ничего, мы подождем его.

Прогност и Горгий входят.

Прогност

Куда он мог уйти? мне странно.
Он днями целыми сидит один.
Ах, Горгий, этот юноша – на диво
Прилежен; многое он обещает,
Мудр, как старик, и, как мудрец, учен.
Немного увлекается, но это
Пройдет с годами. Дни и ночи он
Все учится, все размышляет; сделал
Уже он в математике немало
Открытий, а ты помнишь, что сказал
Сам...

Горгий

Помню! Помню! Он-то и нашел...

Прогност

Да, Синарет, назад тому два года,
В Египет путешествие свершил
И там в каком-то храме малом, в хламе,
Открыл сокровище, атлантский свиток.

Горгий

Да, полно, подлинно ль из Атлантиды
Та рукопись? не ловкая ль подделка?

Прогност

Нет, нет, я сам рассматривал ее.

(Замечает свиток на столе.)

Да, вот она!

Горгий

Неосторожный! Как же

Возможно драгоценности такие
Не убирать?

Прогност

Ну, кто ж сюда войдет?
Лишь наши братья.

Горгий

(Берет свиток и рассматривает его.)

Да, то – свиток древний,
И я таких не видывал ни разу.
Что за таинственные письма!

Прогност

Ареомах их прочитает.

Горгий

(Продолжает изучать свиток.)

Это
Папирус – не папирус. Что такое?

Прогност

Особое растение Атлантиды.

Горгии

И что за знак здесь на шнурке висит?
Печать? Но из чего она? Не медь,
Не золото, – металл, мне неизвестный.

Прогност

То – орихалк, металл из Атлантиды.

Горгий

Да, свиток подлинный, теперь я вижу,
Но, кажется, твой Синарет вернулся.

III

Те же; Синарет и Филон входят.

Синарет

Приветствую я вас, друзья, во имя
Учителя.

Прогност

Привет и вам.

(Указывая на Горгия.)

Вот это —
Товарищ Горгий из Милета, он
С Ареомахом вместе прибыл нынче.

Филон

(приветствуя)

Мы познакомились на корабле.

Синарет

Я очень счастлив видеть у себя
Столь славного товарища. Недавно
Мне сообщил Филон, что в город наш
Ареомах с друзьями прибыл. Тотчас
Я поспешил, чтоб увидеть его...

Филон

Но по пути узнали мы, что он
Так утомлен с дороги, что не может
Принять нас; поспешили мы назад.

Прогност

Но сам Ареомах к тебе послал нас.

Синарет

Возможно ли? Он слышал обо мне!
Какая честь!

Горгий

Да, наш учитель знает,
Что посчастливилось тебе однажды
Найти в Египте, как бы диво, свиток
Атлантов.

Синарет

Верно, я открыл его.

Прогност

Узнай же честь, которая тебе
На долю выпала: Ареомах,
Узнав об этом свитке, хочет сам
Заняться изучением его.

Синарет

Ареомах...

Горгий

Да, он! мудрец великий!
Он твоему открытию придаст
Бессмертное значение, – быть может,
Такое, что основы укрепит
Всей общины.

Синарет

Он?

Прогност

Да, Ареомах.

Синарет

Но почему ж то сделаю... не я?

Прогност

Послушай, Синарет! Высоко ценим
Мы знания твои, твой ум и рвенье;
Но ты ведь ученик еще, ты ищешь,
Ты – лишь в преддверии заветных тайн,
А он, Ареомах, давно прошел

Все степени уставных посвящений
И с тайнами стоит лицом к лицу.
Он сорок лет пытливей мыслью ищет
Проникнуть в тайну символов атлантских.
Ты должен радоваться, что ему
Свой драгоценный свиток передашь.

Синарет

Отдать мой свиток?

Прогност

Да, отдать, конечно.

Горгий

Что значит «твой»? иль ты, член общины
Священной Пифагора, ты, прошедший
Ступени посвящений две, не знаешь,
Что своего у нас нет ничего!
Принадлежит не нам, что мы имеем,
А общине! Ведь это – наша альфа.

Синарет

Отдать мой свиток...

Филон

Милый друг, опомнись!

(Тихо.)

Ты можешь сделать список, по нему
Ты будешь изученье продолжать,
И, может быть, скорей Ареомаха...

Синарет

Список?.. Немыслимо все эти знаки,
Для пас таинственные, передать!
Упустишь там черту одну, там точку,
К все разрушится... Нет, невозможно.
И, наконец, и самый древний дух,
Что веет от папируса... печать
Из орихалка... Нет! нет! не могу!

Прогност

Не ожидал я детских возражений!
Как! ты, член общины, намерен что-то
Считать своим имуществом особым?

Синарет

Но я на благо общины хочу
Трудиться над разбором этих знаков!
Я жизнь отдать для общины готов.

Прогност

Ложь! самообольщенье! Ныне вижу,
Что недостойн был ты посвящений.
Так внемли, юноша! Я, посвященный
Четвертой степени, повелеваю
Тебе: немедленно отдай «твой» свиток
Нам. Мы его снесем Ареомаху.
Иль не намерен ты повиноваться?
(Делает мистический знак.)

Синарет

Учитель, повинуюсь... вот папирус...

(Подает свиток.)

Прогност

Ты этим только выполнил свой долг.
Прощай, да просвятит тебя сам, дивный.
Идем же, Горгий.

(Прогност, унося свиток, и Горгий уходят.)

IV

Синарет и Филон. Потом Прогност.

Синарет

Что со мной? слабею...

Утратив рукопись, я все утратил.

К чему мне жить теперь!.. Ох, сердце!

(Падает и умирает.)

Филон

Друг, что с тобой? Ответь!

(Слушает сердце Синарета.)

Он умер, боги!

Прогност

(возвращается)

Но я хочу добавить, Синарет...

Филон

Тс, тише! Синарета нет. Он умер.

Прогност

Умер?

(Подумав.)

Я почитал его достойней.

Да будет милостив к нему суд Ада.

Дали 1922

Века и пространства

Красное знамя

Красное знамя, весть о пролетариате,
Извиваясь кольцом,
Плещет в голубые провалы вероятия
Над Кремлевским дворцом;

И новые, новые, странные, дикие
Поют слова...
Древним ли призракам, Мойрам ли, Дике ли,
Покорилась Москва?

Знаю и не узнаю знакомого облика:
Все здесь иным.
Иль, как в сказке, мы все выше леса до облака
Вознесены?

Здравствуй же, племя, вскрывающее двери нам

В век впереди!
Не скоро твой строй тараном уверенным
Судьба разрежит!

Лишь гром над тобой, жизнь еще не воспетая,
Свой гимн вопил,
Но с богами бессмертье – по слову поэта – я
Заживо пил.

Волшебной водой над мнимой усталостью
Плеснули года.
Что-нибудь от рубцов прежних ран осталось ля?
Грудь молода.

С восторгом творчества, под слепыми циклонами,
Мечту сливать
И молодость в губы губами неуклонными
Целовать.

24 марта 1922

Мы все – Робинзоны

Все же где-то в сонном атолле
Тень свою пальмы купают.
В Рязанском пруду оттого ли
До страдания бледны купавы?

В океаны вдвинутый стимер
Уследишь ли с пляжа лорнетом?
И станет ли наш сон возвестимей
В синеве горящим планетам?

Мы радио бросаем в пространство,
Видим в атоме вихрь электронов,
Но часто мечтаем про странность
Природы, мимозу тронув.

Мы все – Робинзоны Крузо,
И весь мир наш – спокойный остров;
Он без нас будет мчаться грузно
В ласке солнца, знойной и острой.

И вся груда наук и раздумий,
Картин, поэм и статуй —
Станет пепл, что в огонь не раздует
Налет кометы хвостатой.

Пирамиды, спите над Нилом!
Слоны, топчите Гвинею!
По-прежнему в болоте немиллом
Незабудкины слезы синеют.

11 декабря 1921

Кругами двумя

Авто, что Парижем шумят,
Колонны с московской ионией, —
Мысль в напеве кругами двумя:
Ей в грядущие ль дни, в Илион ли ей?

В ночных недвижимых домах,
На улицах, вылитых в площади,
Не вечно ли плач Андромах,
Что стучат с колесницами лошади?

Но осой загудевший биплан,
Паутина надкрышного радио,
Не в сознание ли вчертанный план,
Чтоб минутное вечностью радовать?

Где в истомную дрожь путь, в конце ль
Скован каменный век с марсианами, —
В дуговую багряную цель
Метить стрелами осиянными?

Искрометно гремящий трамвай,
Из Коринфа драконы Медеины...
Дней, ночей, лет, столетий канва,
Где узора дары не додеяны.

20 ноября 1921

Легенда лет

Мощь – в плиты пирамиды; гнев холодный —
В сеть клинописи; летопись побед —
В каррарский мрамор; в звоны бронз, в полотна —
Сказанья скорбные торжеств и бед;

Мечты и мудрость – в книги, свитки, томы,
Пергаменты, столбцы печатных строк! —
Клад всех веков, что нищенских котомок
Позорный сбор, – запас на краткий срок!

Тем – статуи, музеи – этим! Читайте,
В преданьях стран, певцов и мудрецов! —
Иной поэт пел в дальней Атлантиде,
Все к тем же звездам обратив лицо.

При прежнем солнце глянет день, и, к тайнам
Причислен, станет баснословен – слон.
Бред в смене бредов – Архимед с Эйнштейном,
Легенда лет – Москва иль Вавилон.

Искать? чего? – крупинки в вихрь вселенной
Не вдвинуть! Сны? – им все во власть ли ты
Предашь? Длитель вечность Фаусту с Еленой,
Где призрак-мысль и призрак-страсть слиты!

8 февраля 1922

Принцип относительности

Первозданные оси сдвинуты
Во вселенной. Слушай: скрипят!
Что наш разум зубчатый? – лавину ты
Не сдержишь, ограды крепя.

Для фараоновых радужных лотосов
Петлицы ли фрака узки,
Где вот-вот адамант *Leges motus*'ов
Ньютона – разлетится в куски!

И на сцену – венецианских дождей ли,
Если молнии скачут в лесу!
До чего, современники, мы дожили:
Самое Время – канатный плясун!

Спасайся, кто может! – вопль с палубы.
Шлюпки спускай! – Вам чего ж еще?
Чтоб треснул зенит и упало бы
Небо дырявым плащом?

Иль колеса в мозгу так закручены,
Что душат и крики и речь,
И одно вам – из церкви порученный

Огонек ладонью беречь!

15 марта 1922

Nihil⁴⁹

Как мечты о мечтах отошедшего детства, —
Над папирусом никнуть в святилище Ра,
В тогу на форум небрежно одеться,
Влюбленным трувером у окна замирать...

Наука над ухом: «Голос атавизма!..
Сложность клетки!» – и много прочих слов.
Акула, наш дух! ты ль – веками давиться,
Где песчинки в самуме – тысячелетий число!

Я был? я ли не был?.. И были и небыль —
Цветное круженье молекул в мозгу:
Зачерпнуть ли под череп с созвездьями небо?
На ладонь уложить ли золотую Москву?

И, поклонникам кинув легенды да книги,
Оживленный, быть может, как дракон на звезде,
Что буду я, этот? – не бездонное ль nihil,
Если память померкла на земной борозде,

⁴⁹ Ничто (лат.)

Если я не узнаю мило-мнимых мгновений,
Где вот эти губы припали к лицу,
Если – раб роковых межей, манований
Вечности, веющей вслед беглецу!

1 февраля 1922

Pou sto⁵⁰

Ты ль пригоршнями строфы по радио,
Новый орфик, на Марс готовишь?
Но короче аркан, – земной радиус:
Вязнешь по пояс в прошлом, то бишь!

Этот стих, этот вскрик – отзвук: выплакать
Страх, что враг камень в лоб загонит,
Черепка скрип на сланце, а вы: плакат
Там, в межзвездном, – Lux-Zug⁵¹– вагоне!

Бедный бред, что везде – скреп Эвклидовых
Тверд устой: столп, шатнуть нельзя!
Все ж в веках пробил час, где б выкидывать
Истин груз, все их в муть неся!

Прометей ли пришел? укажи: pou sto?

⁵⁰ Где бы стать (*др.-греч.*).

⁵¹ Экспресс (*нем.*).

Иль Фиджийский вождь встал с рогожи?
Смысл веков не брожение ль во лжи пустой!
Время, место – мираж прохожий!

Только снег, зелень трав, моря мантия,
Сговор губ к алтарю Селены —
Свет насквозь смертных слов, пусть обман тая,
Нам наш путь в глубину вселенной.

11 января – 17 февраля 1922

Мы и те

Миллионы, миллиарды, числа невыговариваемые,
Не версты, не мили, солнце-радиусы, светогода!
Наши мечты и мысли, жалкий товар, и вы, и мы, и я —
Не докинул никто их до звезд никогда!

Велика ли корысть, что из двух соперников древности
Пифагором в веках побежден Птоломей,
Что до нас «e rig se...» Галилей умел донести,
И книга его, прозвенев, стала медь?

Велика ли корысть, что мы славим радостно честь свою,
В обсерватории на весы Сатурн опутив,
Посчитав на Венере градусы по Цельсию,
Каналы на Марсе ловя в объектив?

Все равно! все равно! И ничтожного отзыва
Нет из пространства! терпи да млей!
Мы – что звери за клеткой! Что ж, нововолосого
Марсианина, что ль, мы ждем на земле?

Так растопчем, растопчем гордость неоправдываемую!
Пусть как молния снидет из тьмы ночи ловец —
Братъ наш воздух, наш фосфор, наш радий, радуя и мою
Скорбь, что в мире смирил умы не человек!

17 февраля 1922

Разочарование

Вот замолкла, заснула, закуталась
Черным ворохом чуткая полночь.
Дверь в миры отперта; из-за купола
Марс мерцает приближенный. Полно!

Ты – мой бред! ты – мой призрак! Лилит моя!
Мозг пилить невозможным ты снова ль?
Что мы? – капля, в вселенную влитая,
Нить, где взвита в бездонность основа!

Те мечты я сотру, мел на аспиде!
Сеть каналов твоих смажу тушью!
Прокричи из ночи еще раз: «Приди!»
Мне ль углей мировых внять удушью?

Пусть нигде, пусть никто, всех семи планет,
Нам не отзыв, не зов: лед и зной лишь!
Вечность нас зевом медленным выплюнет, —
Мы – лишь бедный цветок, ах! весной ли?

Прежде, после, – ей что? наших выкладок
Ей не брать, – единиц в биллионе!
Звезд ряды строить в небе привыкла так,
Что меня, здесь во тьме, для нее – нет!

1 марта 1922

Молодость мира

Нет! много ли, мало ли, чем бы ты вымерил
Все, что в тысячелетия, как в пропасть упало, —
Материки, что исчезли, расы, что вымерли,
От совета Лемуров до совета в Рапалло?

Имена персеидами падают в памяти,
Царей, полководцев, ученых, поэтов...
Но далеко ль еще по тем же тропам идти,
Набирая в ненужный запас то и это?

На пути библиотеки стоят цитаделями,
Лагерями – архивы, заграждением – музеи...
Вдребезги грудь о песни к Делии,

Слеп от бомб риккертланства, глух от древних Тезеев.

Но океаны поныне кишат протоплазмами,
И наш радий в пространствах еще не растрочен,
И дышит Земля земными соблазнами,
В мириадах миров всех, быть может, невзрачней.

А сколько учиться, – пред нами букварь еще!
Ярмо на стихии наложить не пора ли,
Наши зовы забросить на планету товарищу,
Шар земной повести по любой спирали?

Человек! свои мерки опять переиначь! а то
Уронишь афишу, озадаченный зритель!
Человечеством в жизни ныне не начата ль
Лишь вторая глава там, в Санта-Маргарите?

1 мая 1922

Минуты

Там, в днях...

Где? – в детстве, там, где ржавый пруд
Кренил карвеллы в муть Саргассо,
Чтоб всполз на борт надонный спрут, —
Там вновь Персей познал Пегаса!

Там, в дни, где солнце в прорезь лип
Разило вокруг клинком Пизарро, —
Все звенья логик что могли б?
Сны плыли слишком лучезарно!

Потом, в дни, где медяный строй
Звенел и пели перья шлема, —
Не всюду ль ждал Ахей иль Трои,
Пусть буквы в ряд слагались: лемма!

И в дни, где час кричал: «Дели ж
Миг на сто дрожей непрестанно!»
Кто скрыл бы путь меж звезд, – где лишь
Бред, смерть Ромео иль Тристана?

Там, в днях, – как знать? в руде веков,

В кровь влитых, гимном жгущих вены, —
Там – взлет и срыв, чертеж стихов,
Копье ль Афин, зубцы ль Равенны?

22 марта 1922

Весенняя песня о любви

Тосковать в снег весны, – о, банальные
Песни праотцев, скок через огонь:
С тигром крыться под своды бананные,
Догонять с рыжей пумой вигонь!

Март морочит морозная оттепель;
К печкам лепятся тени Мюрже...
Что ж плеснуло? груз тел, – не на отмель ли
К ласкам вешним две пары моржей?

Ночью вскрыть бы (проделки Лесажевы)
Потолки: лоб на лоб, рот ко рту, —
Сколько спаянных в дрожь! Иль рассажены
В них твои паладины, Артур?

Волны бьют с пустыря миоценова,
Чтоб, дрожа, грудь теплела в руке:
Древних дебрей слеза драгоценная —
Вздых табачный ловить в мундштуке.

Верб заветных где пух? – Не равно ли им,
Здесь, где страсть – на прилавок товар,
Лед и гейзеры, ель и магнолии...
А Джон Фич, темя вниз, в Делавар!

22 марта 1922

С Ганга, с Гоанго...

С Гаага, с Гоанго, под гонг, под тимпаны,
Душны дурманы отравленных стран;
Фризским каналам, как риза, – тюльпаны;
Пастбищ альпийских мечта – майоран.

Тяжести ль молота, плуговой стали ль
Марбургство резать и Венер ваять?
С таежных талостей Татлиным стать ли?
Пановой песни свирель не своя.

Вьюга до юга докинёт ли иней?
Прянет ли пард с Лабрадорских седин?
Радугой в пагодах клинопись линий,
Готика точит извилины льдин.

В бубны буди острозубые бури —
Взрыхлить возмездье под взвихренный хмель!
Зелья густить, что Локуста в Субурре,
Пламя, слепящее память, – умей!

Гонг к вьолончели! тимпаны к свирелям!
Тигровый рык в дрожь гудящих жуков!
Хор Стесихора над русским апрелем,
В ветре, – приветствии свежих веков!

28 декабря 1921

Годы в былом

Наискось, вдоль, поперечниками
Перечеркнуты годы в былом, —
Ландкарта с мелкими реченьками,
Сарай, где хлам и лом.

Там – утро, в углу, искалеченное;
Там – вечер, убог и хром;
Вот – мечта, чуть цела, приналечь на нее,
Облетит прогорелым костром.

Цели, замыслы, – ржа съедающая
Источила их властный состав,
С дней, растерянных дней, тех, когда еще я
Верил вымыслам, ждать не устав.

И они, и они, в груди скученными,
Ночи клятв, миги ласк, тени губ...
Тлеть в часах беспросветных не скучно ли им,

Как в несметном, метельном снегу?

Конквистадор, зачем я захватываю
Город – миг, клад – часы, год – рубеж?
Над долиною Иосафатовою
Не пропеть пробужденной трубе.

11 февраля 1922

Лишь миги

Не шествия, где в гул гудят знамена,
Не праздник рамп, не храмовой хорал, —
Туда, в провал, из правды современной,
С морского дна излюбленный коралл;

Нет! – милые обличья жизни нежной:
Вдвоем над Гете светом тень спугнуть,
Вдохнуть вдвоем с созвездий иней снежный,
У ног любимых ботик застегнуть;

Лишь миги, те, – сознания соль живая, —
Что пресный ключ включают в океан,
И жгут из мглы дней и надежд, всплывая, —
Киприды лик, весь пеной осиян;

И там, за гранью памятей и пеней,
Впивая в я не взором кругозор,

Не вопль вражды, не прелесть песнопений,
Победный терн иль лавровый позор,

Но час, где ночь, где за стеклом бесцветным
С промерзлых камней оклики колес,
Где узость плеч под простыней, в заветном
Последнем споре под наитьем слез.

18 ноября 1921

В прятки

Ночь уснула, дождем убаюкана,
Спит старуха, младенца крепче,
Теперь не расслышит ни звука она,
Что любовник-месяц ей шепчет.

Ветер улицы яростно вылизал,
Всюду рыщет, косматый и серый,
Веселится в роскошном обилии зал,
Скачет с мокрыми ветками в скверах.

Тучи, побитое войско, разомкнуты,
Вскачь бегут, меж звезд, без оглядки:
Исекли их, щелкая, громы кнута,
Молний пляс истомил игрой в прятки.

Стены все – упорные странницы,

Ходят грузно по лунной указке:
Свет мигнул, – церковь старая кланяется,
Тень нашла – к дому дом льнет по-братски.

Без присмотра все силы кинуты,
Развинтилась в них каждая гайка.
Эх, доверилась Сумраку-сыну и ты,
Ночь-карга, земная хозяйка!

Он же рад сам трунить над месяцем,
Распустил стихии; при свете
Радостно раскуролеситься им, —
Разошлись тучи, камни и ветер!

18 мая 1921

От виска и до виска

Ветер гонит искры снега
Мимо окон, застя свет;
В свисте вьюги взрывы смеха;
Чутко плачет печь в ответ.

Здесь за дверью – остров малый,
Вихри волн – за рифом там.
Мгла причалы мачт сломала,
Мгла примчала нас к мечтам.

Лапой лампу пальма ль валит?
Зной с каких морских песков?
Ночь причудней. Пью в овале
Грустных губ вино веков.

Рыщут тигры; змеи свиты;
Прямо прынет вниз боа...
Что все страхи! лишь зови ты
Грот, где бред наш, – Самоа.

Мглами слеп, втеснюсь во мглу я,
Где прически прядь низка,
Чтоб вдохнуть сон снов, целую
От виска и до виска!

27 января 1922

Кто? – мы? Иль там...

Моя рука – к твоей святыне,
На дрожь мою – ладонь твоя;
Сан-Марко два жгута витые
Колени жгут, мечту двоя.

Длить сон предчувствий; первый трепет
Впивать в сухом агате глаз:
Следя добычу, смотрит стрепет,
Ждет искр Франклинов а игла.

Кто? – мы? или там, в веках воспетых,
Мимнерм, Тибулл, Петрарка, все!
Uг-Mensch, в его слепых аспектах,
Две птицы, слитые в овсе?

Чудовищ, тех, эпохи ранней,
Вздых в океан, громовый всхлип,
Где в ласке клык смертельно ранит,
Где рот рычать от крови слип?

Уже двух рук сближенье жутко,
Дождь тысяч лет гудит в ушах, —
В бред, в хаос, в тьму без промежутка,
Все светы, правд и лжи, глуша!

8 марта 1922

Под зимним ветром

Додунул ветер, влажный и соленый,
Чуть дотянулись губы к краю щек.
Друг позабытый, друг отдаленный,
Взлетай, играй еще!

Под чернью бело, – лед и небо, —
Не бред ли детский, сказка Гаттераса?
Но спущен узкий, жуткий невод,

Я в лете лет беззвучно затерялся.

Как снег, как лед, бела, бела;

Как небо, миг завешен, мрачен...

Скажи одно: была? была?

Ответь одно: вавек утрачен!

Кто там, на Серегу, во тьму

Поник, – над вечностями призрак?

Века ль стоять ему

В заледенелых ризах?

Достигнут полюс. Что ж змеей коралловой

На детской груди виться в кольцах медленно?

Волкан горит; в земле хорала вой,

В земле растворены порфир и медь в вино.

Додунул ветер с моря, друг отвергнутый,

Сжигает слезы с края щек...

Я – в прошлом, в черном, в мертвом! Давний,

верный, ты

Один со мной! пытай, играй еще!

17 февраля 1922

Искушение гибели

Из викингов кто-то, Фритиоф ли, Гаральд ли,

Что царства бросали – витать на драконе,
Памятный смутно лишь в книге геральдик,
Да в печальном преданьи Мессин и Лаконий;

Иль преступный Тристан, тот примерный рыцарь,
Лонуа завоевавший, Роальду подарок,
Иль еще Александр, где был должен закрыться
Путь через Инд столицей ad aras;⁵²

Иль некто (все имена примеривать надо ль?)
Не создали ль образ, мрамор на вечность:
Вместит все в себе, – Лейбницова монада,
The imp of the perverse – Эдгара По человечность?

Искушение гибели – слаще всех искушений
(Что Антония черти на картине Фламандца!) —
С Арионом на дельфине плыть из крушений,
Из огня выходить, цел и смел, – саламандра!

Пусть друзья в перепуге, те, что рукоплескали,
Вопиют: «Дорога здесь!» («Родословная», Пушкин);
Ставя парус в простор, что звать: «Цель близка ли?»
Что гадать, где же лес, выйдя к опушке?

Веселье всегда – нет больше былого!
Покинутым скиптром сны опьянены ли?
И жутко одно, – этого судьба лова,
Исход сражений, что затеяны ныне!

⁵² У алтарей (лат.).

18 апреля 1922

Чуть сквозь улыбку

Над картой Европы 1922 г.

Встарь исчерченная карта
Блещет в красках новизны —
От былых Столбов Мелькарта
До Колхидской крутизны.

Кто зигзаги да разводы
Рисовал здесь набело?
Словно временем на своды
Сотню трещин навело.

Или призрачны седины
Праарийских стариков,
И напрасно стяг единый
Подымался в гарь веков?

Там, где гений Александра
В общий остров единил
Край Перикла, край Лисандра,
Царства Мидий, древний Нил?

Там, где гордость Газдрубала,

Словно молотом хрусталь,
Беспощадно разрубала
Рима пламенная сталь?

Там, где папы громоздили
Вновь на Оссу Пелион?
Там, где огненных идиллий
Был творцом Наполеон?

Где мечты? Везде пределы,
Каждый с каждым снова враг;
Голубь мира поседельный
Брошен был весной в овраг.

Это – Крон седобородый
Говорит веками нам:
Суждено спаять народы
Только красным знаменам.

26 марта 1922

Перед съездом в Генуе

Перед съездом в Генуе
Споры, что вино:
Риму ль, Карфагену ли
Лавровый венок?

А в Москве – воскресный звон
Всех церквей нэпо:
В центре всюду – «Трест und Sohn»⁵³,
С краю – «Мон гепо».

Жизнь не остановится,
Все спешит, бежит;
Не она виновница,
Если жмут межи.

Крикнуть бы при случае:
«Друг, остановись!
Заклучи-ка лучшее
В малый парадис!»

Солнце – на экваторе...
Но, где мы вдвоем,
Холоден, как в атрии,
Ровный водоем;

И пускай в Аляске вой
Вихрей у могил, —
Ты улыбкой ласковой
Солнцу помоги!

28 февраля 1922

⁵³ И СЫН (нем.).

Сегодня

На пестрых площадях Занзибара,
По зеленым склонам Гавайи,
Распахиваются приветливо бары,
Звонят, предупреждая, трамваи.

В побежденном Берлине – голод,
Но ослепительней блеск по Wein-ресторанам;
После войны пусть и пусто и голо, —
Мандрагоры пляшут по странам!

И лапы из золота тянет
Франция, – всё в свой блокгауз!
Вам новейшая лямка, крестьяне!
Рабочие, вам усовершенствованный локаут!

Этому морю одно – захлестнуть бы
Тебя, наш Советский Остров!
Твои, по созвездиям, судьбы
Предскажет какой Калиостро!

В гиканьи, в прыганьи, в визге
Нэпманов заграничных и здешних,
Как с бутылки отстойной виски,
Схватить может припадок сердечный.

На нашем глобусе ветхом,
Меж Азии, Америк, Австралии,
Ты, станции строя по веткам,
Вдаль вонзишь ли свои магистрали?

6 марта 1922

Прикованный Прометей

Те в храме, негу люющей в кровь Мелитты,
Те за щитом – пасть навзничь в Росенвале;
А здесь, где тайну цифры засевали,
В рядах реторт – электролиты.

Там, всюду, те, кто в счете миллионов,
С семьей, за рюмкой, в спальне, на арене, —
Клясть, обнимать, дрожать разуверений...
И все – безвольный хмель ионов!

Крутиться ль жизни в буйстве и в угаре?
На бедра бедрам падать в зное пьяном,
Ножам втыкаться в плечи Арианам,
Тупиться дротам в Калахари?

Наука выставила лик Медузы,
Все истины растворены в мицелле,
И над рабами бич гудит: «Нет цели!»
Кто с Прометея снимет узы?

Спешите, Геракл! не сломите титана!
Огня не мог задуть плен стовековой.
На все угрозы и на все оковы
Заклятье – песни Гюлистана.

30 марта 1922

Загадка Сфинкса

Зеленый шарик, зеленый шарик,
Земля, гордиться тебе не будет ли?
Морей бродяги, те, что в Плюшаре,
Покрой простора давно обузили.

Каламбур Колумба: «Il mondo roso», —
Из скобок вскрыли, ах, Скотт ли, Пири ли!
Кто в звезды око вонзал глубоко,
Те лишь ладони рук окрапиви.

Об иных вселенных молча гласят нам
Мировые войны под микроскопами,
Но мы меж ними – в лесу лосята,
И легче мыслям сидеть за окопами.

Кто из ученых жизнь создал в тигле?
Даст каждый грустно ответ: «О, нет! не я!»
За сто столетий умы постигли ль

Спиралей пляску, пути планетные?

Все в той же клетке морская свинка,
Все новый опыт с курами, с гадами...
Но, пред Эдипом загадка Сфинкса,
Простые числа все не разгаданы.

1921—1922

Пленный лев

Здесь, где к прудам нависают ракиты,
Уток узорный навес,
Что нам застылые в сини ракеты
Вечно неведомых звезд?

В глухо закутанной юрте Манджура
Думам степного царя
Царь знойных пажитей, Килиманджаро,
Снится ль, снегами горя?

В позднем просторе ночей поцелуям
Тесно ль на милых плечах?
Крик свой в безвестное что ж посылаем,
Скорь по пространствам влача?

Сотни столетий – досуги полипам
Строить коралловый хлев...

Спишь ты, канатами связан по лапам,
Праздных посмешище, лев!

Сказы к чему же венчанных ведуний,
В час, когда бел Алтаир?
Иль тебе мало всех снов и видений,
Ждущему грохот Заир?

Прянь же! и в вечность, – добыча заклятий, —
Рухни, прекрасно разбит,
Иль, волен властвовать, ринься за клетки
Всех планетарных орбит!

8 апреля 1922

Новый синтаксис

Язык изломан? Что ж! – глядите?
Слова истлевшие дотла.
Их разбирать ли, как Эдите
На поле Гастингском тела?

Век взвихрен был; стихия речи
Чудовищами шла из русл,
И ил, осевший вдоль поречий,
Шершавой гривой заскорузл.

Но так из грязи черной встали

Пред миром чудеса Хеми,
И он, как шлак в Иоахимстале, —
Целенье долгих анемий.

В напеве первом пусть кричащий
Звук: то забыл про немоту
Сын Креза, то в воскресшей чаше
Возобновленный зов «ату!».

Над Метценжером и Матиссом
Пронесся озверелый лов, —
Сквозь Репина к супрематистам,
От Пушкина до этих слов.

1922

Стихи о голоде

Стихи о голоде

«Умирают с голода,
Поедают трупы,
Ловят людей, чтоб их съесть, на аркан!»
Этого страшного голоса
Не перекричат никакие трубы,
Ни циклон, ни самум, ни оркан!

Люди! люди!
Ты, все человечество!
Это ли не последний позор тебе?
После прелюдий
Войн и революций
На скрижалях земли он увековечится!
Перед вашей святыней
Не лучше ли вам кричать гильотине:
Прямо нас всех по аорте бей!

Как?
Тысячелетия прошли с тех пор,
Как человек посмел взглянуть в упор
В лицо природы, как халдей назначил

Пути планет и эллин мерить начал
Просторы неба; мы ль не пьяны тем,
Что в наших книгах сотни тысяч тем,
Что, где ни подпись, всюду – многознайки,
Что мотор воет в берег Танганайки,
Бипланы странствуют, как строй гусят,
И радио со всех газет гудят!

Однако!

Наша власть над стихиями – где ж она?
«Ни» исчислено до пятисотого знака,
Любая планета в лабораториях свешена,
Комариные нервы исчислил анатом,
Мы разложили атом...
Но вот – от голода обезумевший край,
Умирает, людоедствует,
Мать подымает на сына руку;
А ученый ученому мирно наследствует,
Определяет пыльцу апатура...
Кто там! бог! или рок! иль натура!
Карай
Эту науку!

Как!

Ужели истину всех мудрецов земли,
Как вихри пыль, столетья размели?
Том на тома, играли лишь в бирюльки
Филологи, твердя о древней люльке,
Где рядом спал ариец и семит,

Монгол, и тюрк, и раб от пирамид?
Как! все народы, в единеньи страстном,
Не стали братьями на этот раз нам?
И кто-то прокричал, вслух всем векам:
«Полезна ль помощь русским мужикам?»»

Да!

Стелется сизым туманом все та же
Вражда
Там, где нам предлагают стажи!
Лишь немногие выше нее, —
Над болотами Чимборазо! —
Нет, не все знали, что мир гниет,
До этого раза!

Но пусть

Там, с Запада, набегают облава;
Пусть гончих не счесть,
Пусть подвывает рог ловчего!
Тем, кто пришел на помощь к нам, – слава!
Им, в истории, – честь!
Но мы не примем из лукавых слов ничего!
Мы сами, под ропот вражды и злорадства,

Переживем лихолетье!

Все же заря всемирного братства
Заблестит, – из пещеры руда! —
Но дано заалеть ей
Лишь под знаменем красным – Труда!

1922

Меа

1922 – 1924

В наши дни

Магистраль

Были лемуры, атланты и прочие...
Были Египты, Эллады и Рим...
Варвары, грузы империй ворочая,
Лишь наводили на мир новый грим...

Карты пестрели потом под феодами, —
Чтоб королям клочья стран собирать...
Рушились троны и крепи... И одами
Славили музы борьбу, рать на рать...

Царства плотились в Союзы, в Империи,
Башнями строя штыки в высоту...
Новый бой шел за земные артерии...
Азию, Африку, все – под пятами!..

Труд поникал у машин и над нивами...

Армии шли – убивать, умирать...
Кто-то, чтоб взять всю добычу, ленивыми
Пальцами двигал борьбу, рать на рать.

Было так, длилось под разными флагами,
С Семирамиды до Пуанкаре...
Кто-то, засев властелином над благами,
Тесно сжимал роковое каре.

Небо сияло над гордыми, зваными...
Жизнь миллионов плелась в их руках...
Но – ветер взвыл над людскими саваннами,
Буря, что издавна тлела в веках.

И грань легла меж прошлым и грядущим,
Отмечена, там, где-то, дата дат:
Из гроз последних лет пред миром ждущим,
Под красным стягом встал иной солдат.

Мир раскололся на две половины:
Они и мы! Мы – юны, скудны, – но
В века скользим с могуществом лапины,
И шар земной сплотить нам суждено!

Союз Республик! В новой магистрали
Сольют свой путь все племена Европ,
Америк, Азии, Африк и Австралии,
Чтоб скрыть в цветах былых столетий гроб.

20—25 января 1924

После смерти В. И. Ленина

Не только здесь, у стен Кремля,
Где сотням тысяч – страшны, странны,
Дни без Вождя! нет, вся земля,
Материки, народы, страны,

От тропиков по пояс льда,
По всем кривым меридианам,
Все роты в армии труда,
Разрозненные океаном, —

В тревоге ждут, что будет впредь,
И, может быть, иной – отчаян:
Кто поведет? Кому гореть,
Путь к новой жизни намечая?

Товарищи! Но кто был он? —
Воль миллионных воплощенье!
Веков закрученный циклон!
Надежд земных осуществленья!

Пусть эти воли не сдадут!
Пусть этот вихрь все так же давит!
Они нас к цели доведут,
С пути не сбиться нас – заставят!

Но не умалим дела дел!
Завета трудного не сузим!
Как он в грядущее глядел,
Так мир сплотим и осоюзим!

Нет «революций», есть – одна;
Преображенная планета!
Мир всех трудящихся! И эта
Задача – им нам задана!

28 января 1924

Ленин

Кто был он? – Вождь, земной Вожатый
Народных воль, кем изменен
Путь человечества, кем сжаты
В один поток волны времен.

Октябрь лег в жизни новой эрой,
Властней века разгородил,
Чем все эпохи, чем все меры,
Чем Ренессанс и дни Аттил.

Мир прежний сякнет, слаб и тленен;
Мир новый – общий океан —
Растет из бурь октябрьских: Ленин

На рубеже, как великан.

Земля! зеленая планета!
Ничтожный шар в семье планет!
Твое величье – имя это,
Меж слав твоих – прекрасней нет!

Он умер; был одно мгновенье
В веках; но дел его объем
Превысил жизнь, и откровенья
Его – мирам мы понесем.

25 января 1924

У Кремля

По снегу тень – зубцы и башни;
Кремль скрыл меня, – орел крылом;
Но город-миф – мой мир домашний,
Мой кров, когда вне – бурелом.

С асфальтов Шпре, с Понтийских топий,
С камней, где докер к Темзе пал,
Из чащ чудес, – земных утопий, —
Где глух Гоанго, нем Непал,

С лент мертвых рек Месопотамии,
Где солнце жжет людей, дремля,

Бессчетность глаз горит мечтами
К нам, к стенам Красного Кремля!

Там – ждут, те – в гневе, трепет – с теми;
Гул над землей метет молва,
И, зов над стоном, светоч в темень, —
С земли до звезд встает Москва!

А я, гость лет, я, постоялец
С путей веков, здесь дома я;
Полвека дум нас в цепь спаяли,
И искра есть в лучах – моя.

Здесь полнит память все шаги мне,
Здесь, в чуде, я – абориген,
И я, храним, звук в чьем-то гимне,
Москва! в дыму твоих легенд.

11 декабря 1923

Шестая годовщина 1917-1923

Шестой! да, шестой! вновь за черными красные цифры,
Кричит календарь – межевать вдохновенье но дням,
С тех пор как от устали уст (мандолины и цитры!)
Позвал барабан – ветерану винтовку поднять.

Шестой! да, где правит счет, вровень векам, за
тринадцать,

Где славит лад праздничных дат: день коммун, Первый
май;

Дежуря под бурей, воль красным знаменам трепаться;
Клинок в мякоть века их древко, – попробуй, сломай.

Шестой! да, и вихрем (так около праздных пампасов)

Гладь памятей смятых обшарена; взморье она,

Чтоб к полюсам, пятым, девятым, плыть с новым
компасом;

А в селах, где мысли ютились, пусть мор и война!

Шестой! да, и поздно о прошлом! там – девятьсот пятый!

Так поздно, что звезды мертвы и луна отжила.

Но чу! бьют часы, и бегут, жгут гурьбой, и от пят их

Пыль, полымя в небо, заря! – и земля тяжела.

Шестой! да, шестой, тысяча девятьсот двадцать третий!

Шестой, новый год! Новой мерой мерь эру всех эр!

Медь метит двенадцать; грань сглажена – гимнами
встретить

Би-люстр: новый свод в твой дворец миру, Ресефесер!

5 декабря 1922

СССР

Эй, звезда, отвечай, на потеху ли
Ты навстречу солнцу летишь?
Не к созвездью ль Геракла доехали
Мы чрез миро-эфирную тишь?

Мимо – сотнями разные млечности,
Клубы всяких туманностей – сквозь!
Ну, а эти кометы, – им меч нести
Вдоль Земли, вдоль Земель, на авось!

Ах, ее так ли Египты, Ассирии,
Римы, Франции, всяческий бред, —
Те империей, те утлее, сирее, —
Всё – в былое, в запруду, в запрет!

Так в великом крушеньи – (давно ль оно?)—
Троны, царства, империи – вдрызг!
Где из прежнего моря дозволено
Доплеснуть до сегодня лишь брызг.

Иль напрасно над хламом изодранным
Знамя красное взвито в свой срок?
Не с покона ль веков эта хорда нам
Намечала наш путь поперек?

Эй, Европа, ответь, не комете ли
Ты подобна в огнях наших сфер?
Не созвездье Геракла наметили
Мы, стяг выкинув – Эс-эс-эс-эр?

4 июля 1923

ЗСФСР

Планеты и Солнце: Союз и Республики строим.
Вождь правит ряды, он их двоит и троит.
Вот на дальней орбите собираются в круг сателлиты.
Не малые ль зерна в могучий шар слиты?
Где уже притяженье иных, нам почти чуждых сфер,
Новый мир засветился: Зэ-эс-эф-эс-эр.

Как много в немногом! От отмелей плоских, где Каспий
Вышкам с нефтью поет стародавние сказки,
За скалы Дарьяла, где, в вихре вседневных истерик,
О старой Тамаре рыдальствует Терек,
До стран, где, былыми виденьями тешиться рад,
Глядит к Алагязе седой Арарат!

Как много! И сколько преданий! От дней Атлантиды
Несут откровенья до нас яфетиды;
Здесь – тень диадохов! там – римских провинций
границы!
Там длань Тамерлана и бич его снится!

И снова тут сплочен, в проломе всемирных ворот,
К труду и надеждам свободный народ.

Привет племенам, что века и века враждовали,
Но вызваны к жизни в великом развале
Империй и царств! Вы звездой загорелись на сфере!
Вы – силы земли! Вы – кровь нови! И верим;
Путь один держат к свету из древних пещер и трясин
Абхазец и тюрк, армянин и грузин!

19 января 1924

Штурм неба

Сдвинь плотно, память, жалюзи!
Миг, стань как даль! как мир – уют!
Вот – майский день; над Жювизи
Бипланы первые планируют.

Еще! Сквозь книги свет просей,
Тот, что мутнел в каррарском мраморе!
Вот – стал на скат, крылат, Персей;
Икар воск крыльев сеет на море.

Еще! Гуди, что лук тугой,
Любимцев с тьмы столетий кликая!
Бред мудрых, Леонард и Гойи:
«Вскрылит, взлетит птица великая...»

Еще! Всех бурь, всех анархий
Сны! все легенды Атлантидины!
Взнести скиптр четырех стихий,
Идти нам, людям, в путь неиденный!

И вдруг – открой окно. Весь день
Пусть хлынет, ранней мглой опудренный;
Трам, тротуар, явь, жизнь везде,
И вот – биплан над сквером Кудрина.

Так просто! Кинув свой ангар,
Зверь порскает над окским берегом;
И, где внизу черн кочегар,
Бел в синеве, летя к Америкам.

Границы стерты, – с досок мел!
Ввысь взвив, незримыми лианами
Наш век связать сумел, посмел
Круг стран за всеми океанами.

Штурм неба! Слушай! Целься! Пли!
«Allons, enfants»... – «Вставай...» и «Ca ira».
Вслед за фарманом меть с земли
В зыбь звезд, междупланетный аэро!

7 июня 1923

Эры

Что Сан-Франсиско, Сан-Пьер, Лиссабон, Сиракузы!
Мир потрясся! пансейсм! дым из центра веков!
В прах скайскарперы! крейсера вверх! на все вкусы!
Звезды трещин., развал скал, клинки ледников.

На куски прежний бред! Взлет стоцветных камней,
Перья пестрые двух двоеглавых орлов:
Украин, Латвии, Грузии, Эстонии, Армении,
Югославии, Литв, Венгрии, Словакии – улов.

Там, где тропик торопит в зловещей вежи,
Самоа, Камерун, Того, зюд и вест-ост,
Каролины, Маршаллы, – сменен бич на свежий:
Немцы, прочь! Rule, Britania!⁵⁴ Просто, как тост!

Но затворники зал ждут (утес у стремнины
Дней), в витринах, на цоколях, к нишам, как встарь,
Киры, Кадмы, Сети, Цезари, Антонины;
Мчит свой бег Парфенон, дым – Пергамский алтарь.

В ряд зажаты, том к тому, столетий примеры, —
С нашей выси во глубь дум витой виадук, —
Там певцы Вед, Книг Мертвых, снов Библий, Гомеры,

⁵⁴ Правь, Британия! (англ.)

Те ж, как в час, где над жизнью плыл пылкий Мардук.

Колбы полны, микроны скрипят, бьют. в идеи,
Здесь – Эйнштейн, Кантор – там; ум горит, как в былом.
Деви, Пристли, Пти, Лавуазье, Фарадеи:
Смысл веществ, смысл пространств, смысл времен,
все – на слом!

Что же Сан-Фриско, Сан-Пьер, Лиссабон, Сиракузы?
Что пансейсмы! Над пеплом в темь скрытых Помпеи
Виноград цвел, жгли губы, росли аркебузы...
Дли исканья! Ломай жизнь! Взгляд, страсти зов – пей!

28 января 1923

В мировом масштабе

Машины

Зубцы, ремни, колеса, цепи,
Свист поршней, взмахи рычага;
Вне – замыслы, наружу – цели,
Но тайна где-то спит, строга.

Взмах! Взлет! Челнок, снуй! Вал,
вертись вокруг!
Привод, вихрь дли! не опоздай!
Чтоб двинуть косность, влить в смерть искру,
Ткать ткань, свет лить, мчать поезда!

Машины! Строй ваш вырос бредом,
Земля гудит под ваш распев;
Мир в ваши скрепы веком предан,
В вас ждет царей, оторопев.

Вы – всюду: некий призрак вещей,
Что встарь вставал из лунных машин!
На всех путях, на каждой вещи —
Клеймо познания, след машин.

Нам жизнь творят цилиндры, оси,
Эксцентрики, катки... Ждем дня —
Корабль в простор планетный бросить,
Миры в связь мира единя!

Сеть проволок, рельс перевивы,
Незримый ток в лучи антенн:
Мы в них сильны, в их вере живы,
И нет пределов! и нет стен!

Вертись, вал! Поршень, бей! вей цепи!
Лети творить, незримый ток!
Вне – замыслы! наружу – цели!
Но в чьей руке святой моток?

Здесь что? Мысль роль мечты играла,
Металл ей дал пустой рельеф;
Смысл – там, где змеи интеграла
Меж цифр и букв, меж d и f!

Там – власть, там творческие горны!
Пред волей числ мы все – рабы.
И солнца путь вершат, покорны
Немым речам их ворожбы.

14 января 1924

Невозвратность

Миг, лишь миг быть Земле в данной точке вселенной!
Путь верша, ей сюда возвратиться ль, и как?
Звездной вязи, в уме ложью глаз впечатленной,
Не найдет он, грядущий, там, в новых веках.

Время, время, стой здесь! полосатый шлагбаум
В череп мысли влепи! не скачи, сломя дни!
Гвоздь со шнуром в «теперь» вбить бы нам, и в забаву
Миллионам веков дать приказ: отдохни!

Эх! пусть фильму Эйнштейн волочит по Европе!
Строф не трать на обстрел: дробь праздный извод!
Все ж из «прежде» в «потом» кувыряться! и в тропе
Гераклита – все истины: жизнь – смена вод.

Есть, быть может, ждут, будут – Гольфштрем, Куро-Сиву
На путях, где нас Солнце влечет, как сатрап,
Чтоб лучи, звуки, запахи, краски – красивые
Стали все, всем, везде, или – соком отрав;

Есть, быть может, ждут, будут – огни дальних станций
Там, где шаг человечества врежет свой след,
Чтоб в Коммуне Всемирной жить в музыке, в танце,
В песне, славила радость предсказанных лет;

Но и там все – лишь миг, но и там все – что дребезг
Невозможных полнот, тех, что взор осязать
Мог бы лишь не как взор, чей на смертном одре блеск
Будет бред, будет цель – с мигом вечность связать.

3 августа 1923

Мир электрона

Быть может, эти электроны —
Миры, где пять материков,
Искусства, знанья, войны, троны
И память сорока веков!

Еще, быть может, каждый атом —
Вселенная, где сто планет;
Там всё, что здесь, в объеме сжатом,
Но также то, чего здесь нет.

Их меры малы, но все та же
Их бесконечность, как и здесь;
Там скорбь и страсть, как здесь, и даже
Там та же мировая спесь.

Их мудрецы, свой мир бескрайный
Поставив центром бытия,
Спешат проникнуть в искры тайны
И умствуют, как ныне я;

А в миг, когда из разрушенья
Творятся токи новых сил,
Кричат, в мечтах самовнушенья,
Что бог свой светоч загасил!

13 августа 1922

Мир N измерений

Высь, ширь, глубь. Лишь три координаты.
Мимо них где путь? Засов закрыт.
С Пифагором слушай сфер сонаты,
Атомам дли счет, как Демокрит.

Путь по числам? – Приведет нас в Рим он
(Все пути ума ведут туда!).
То же в новом – Лобачевский, Риман,
Та же в зубы узкая узда!

Но живут, живут в N измереньях
Вихри воль, циклоны мыслей, те,
Кем смешны мы с нашим детским зреньем,
С нашим шагом по одной черте!

Наши солнца, звезды, всё в пространстве,
Вся безгранность, где и свет бескрыл, —
Лишь фестон в том праздничном убранстве,

Чем их мир свой гордый облик скрыл.

Наше время – им чертеж на плане.
Вкось глядя, как мы скользим во тьме,
Боги те тщету земных желаний
Метят снисходительно в уме.

21 января 1924

ЯВЬ

Опрокинут, распластан, рассужен врозь
Призрак мира от солнц до бацилл...
Но в зрачки, в их тигриную суженность,
По заре серый дождь моросил.

Там по памяти, в комнатах замкнутых,
Бродят цифры, года, имена...
А голодный крестьянин в глаза кнутом
Клячу бьет от пустого гумна.

Сны вершин в бармах Фета и Тютчева,
В кружевах Гете иль Малларме...
Но их вязь – план чьей драмы? этюд чего?
Их распев – ах, лишь в нашем уме!

День Флориды – ночь Уэльса. Но иначе —
Изотермы жгут тысячу тел:

Топчут Гамлета Хорь-и-Калинычи,
Домби дамбами давят Отелл.

Говори: это – песня! лениво лги
Там, в тетради, чертами чернил:
Но, быть может, писк муромской иволги
Кровью каплет в египетский Нил.

Колбы, тигли, рефракторы, скальпели
Режут, лижут, свежат жизнь, – но вот
Явь – лишь эти за окнами капли и
Поцелуй в час полночных свобод.

24 апреля 1923

Как листья в осень

«Как листья в осень...» – вновь слова Гомера.
Жить, счет ведя, как умирают вокруг...
Так что ж ты, жизнь? – чужой мечты химера?
И нет устоев, нет порук!

Как листья в осень! Лист весенний зелен;
Октябрьский желт; под рыхлым снегом – гниль...
Я – мысль! я – воля!.. С пульей или зельем
Встал враг. Труп и живой – враги ль?

Был секстильон; впредь будут секстильоны...

Мозг – миру центр; но срезан луч лучом.
В глазет – грудь швей, в свинец – Наполеоны!
Грусть обо всех – скорбь ни об чем!

Так сдаться? Нет! Ум не согнул ли выи
Стихий? узду не вбил ли молньям в рот?
Мы жаждем гнуть орбитные кривые,
Земле дав новый поворот.

Так что ж не встать бойцом, смерть, пред тобой нам,
С природой власть по всем концам двоя?
Ты к нам идешь, грозясь ножом разбойным;
Мы – судия, мы – казнь твоя.

Не листья в осень, праздный прах, который
Лишь перегной для свежих всходов, —нет!
Царям над жизнью, нам, селить просторы
Иных миров, иных планет!

6 января 1924

Атавизм

Поэты – пророки! но много ли стих их,
Пусть певчий, расскажет об том нам,
Что в гибельной глуби их призрачных психик
Спит сном утомленным и томным?

Да! фон небоскребов, бипланов и трамов,
Листок с котировкой банкнота;
Но сзади дикарь, испещренный от шрамов;
След тигра иль только енота!

Нет, больше! там – примат, иль ящер, иль даже
Медуза и тусклъ протоплазмы!
И нет препарата (с патентом!) в продаже,
Чтоб с кошачьим сблизили глаз мы!

И только? Но также и мост (вспомним Ницше),
Бессмертный с копытом Силеня!
И ты, человек, будешь некогда – низший
Тип, рядом с владыкой вселенной!

Поэты-пророки! вмещайте же в стих свой
Ту дрожь, чем живет головастик!
Мы смеем так делать! отметим мы с лихвой
Грядущий восторг голой власти!

16 июля 1923

Хвала зрению

Зелен березами, липами, кленами,
Травами зелен, в цветах синь, желт, ал,
В облаке жемчуг с краями калеными,
В речке сапфир, луч! вселенский кристалл!

В воздухе, в вольности, с волнами, смятыми
В песне, в бубенчике, в шелесте нив;
С зыбью, раскинутой тминами, мятами,
Сеном, брусникой; где, даль осенив,

Тучка нечаянно свежестью с нежностью
Зной опознала, чтоб скрыться скорей;
Где мед и дыня в дыханьи, – над внешностью
Вечной, над призраком сущностей, – рей!

Вкус! осязанье! звук! запах! – над слитыми
В музыку, свет! ты взмыл скиптром-смычком:
Радугой режь – дни, ночь – аэролитами,
Вой Этной ввысь, пой внизу светлячком!

Слышать, вкусить, надышаться, притронуться —
Сладость! но луч в лучшем! в высшем! в святом!
Яркость природы! Земля! в сказках «трон отца»!
Быть с тобой! взять тебя глазом! все в том!

26 июля 1922

В деревне

Не память...

Как дни тревожит сон вчерашний,
Не память, – зов, хмельней вина, —
Зовет в поля, где комья пашни
Бьет в плуг, цепляясь, целина.

Рука гудит наследьем кровным —
Сев разметать, в ладонь собрав,
Цеп над снопом обрушить; ровным
Размахом срезать роскошь трав.

Во мне вдруг вздрогнет доля деда,
Кто вел соху под барский бич...
И (клич сквозь ночь!) я снова, где-то, —
Всё тот же старый костромич.

И с солнцем тают (радуг льдины!)
Витражи стран, кулисы книг:
Идет, вдоль всей земли единый,
Русь, твой синеющий сошник!

Мужичья Русь! Там, вне заводов,

Без фабрик, – обреченный край,
Где кроет бор под бурей сводов,
Где домовый прет спать в сарай, —

Как ты в мечты стучишь огнивом?
Не память, – зов, хмельней вина, —
К стогам снегов, к весенним нивам,
Где с Волгой делит дол Двина!

30 сентября 1923

Родное

Березка любая в губернии
Горько сгорблена грузом веков,
Но не тех, что, в Беарне ли, в Берне ли,
Гнули спину иных мужиков.

Русский говор, – всеянный, вгребленный
В память, – ропщет, не липы ль в бреду?
Что нам звоны латыни серебряной:
Плавим в золото нашу руду!

Путь широк по векам! Ничего ему,
Если всем – к тем же векам, на пир;
Где-то в Пушкинской глуби по-своему
Отражен, склон звездистый, Шекспир.

А кошмар, всё, что мыкали, путь держа
С тьмы Батгя до первой зари,
Бьет буруном, в мечтах (не до удержа!):
Мономахи, монахи, цари!

Пусть не кровью здоровой из вен Земля:
То над ней алый стяг, – трезвый Труд!..
Но с пристрастии извечного вензеля
Зовы воль, в день один, не сотрут!

Давних далее сбываньем тревожимы,
Все ж мы ждем у былых берегов,
В красоте наших нив над Поволжьями,
Нежных весен и синих снегов!

8 марта 1923

Из лесной жути

Один – в лесную жуть, когда на муть речную
Луной наведены белесые глаза:
Качнуть извет ветвей, спугнуть мечту ночную
И тихо покатить колеса-голоса;

Ждать, как, растя, крутятся, наполнит чуткий шорох
Все тропы тишины, меж корней, вдоль вершин:
Скок диких коней, бег шотландских пони в шорах;
Скрип древних колесниц, всхлип лимузинных шин;

Следить, как там, в тени, где тонь трясиновых топей,
Где брешь в орешнике, где млеет мох века, —
Плеться, в туман всплывут сны пройденных утопий,
Под смех русалочий, под взвизг лесовика;

Гадать, что с выси есть мощь сил неудержимых.
Винт воль, скликающих со звезд свою родню,
Что в мировых тисках, в их неживых зажимах,
Глубь человечества мелеет день ко дню;

И вдруг на луг, к луне, вокруг речки, скоро белой
В дожде зари, стряхнув слезу с листка ль, с лица ль,
Поняв, что камней шквал то, в чаще оробелой,
Встал, меж гостей с планет, германский Рюбецаль.

16 – 17 июня 1922

Умильные слова

Июньских сумерек лесная
Тишь, где все вычерты чисты,
И свисла сеть волосяная
Пред белой строчкой бересты.

Откуда? – юность не на дно ли
Все сбросила, и кто принес?
Не сны глициний и магнолий,

А северную сонь берез?

Гуди, сквозь годы, рой осиный:
Эрлкёниг, Рейн, бред Лорелей...
Как блекнешь ты под дрожь осины,
В томленьи мят с родных полей!

Иль кровь, до внуков, донесла нам
Те взлеты кос, те взблестки сох,
И мох, ласкавший лоб Русланов,
В столетней зной не иссох?

А заводь речки за отлогом
Ждет взгляда – подсказать про стих,
Где, старым ямбом, старым слогом,
Крен слов, умильных и простых.

22 июня 1922

Лесная тьма

Безлюдье. Глушь. Зеленоватый
Свет. Но в тиши есть голоса, —
Те, чем живут, те, чем чреваты
В июльски жаркий день леса.

Писк птицы; стрекот насекомых;
Скрип двух стволов; да вдалеке,

Меж звуков чуждых, но знакомых,
Моторной лодки треск в реке.

Нет! чу! еще! сквозь мириады
Зеленых листьев – плащ земной —
Шум, что не ведали дриады;
Гудит пропеллер надо мной.

Не знаю, здесь, где полюс близко,
Блуждал ли древле старый Пан, —
Но хищным шипом василиска
Его встревожил бы биплан.

Гуд оживленного металла
Прорезал дали; власть ума
Богов Эллады разметала,
И светит вдруг лесная тьма.

Шум листьев в сумрачном хорале
Притих; идут, смелей, грозней,
Электропуг, электротраллер,
Чудовища грядущих дней.

19 июля 1923

Дождь перед ночью

Брел дождь, расчетливо-скупой,

А тучи смачно висли брюхом,
Чтоб ветер вдруг рванул скобой,
Вдруг взвизгнул по санным краюхам.

Рожь полегла, уткнув носы;
В лоск были лбы изб и овинов;
И это – тьма, как жужжь осы,
Валилась вниз живой лавиной.

Вниз, вдаль, за грань, верблюжий горб
Земли (путь – пустошь океана),
Чтоб чей-то край, и дюж и горд,
Ее вплел в пальмы и лианы, —

Где нынче свет, блеск, веер вех,
Шум пум, змей смесь, гребни колибри...
Край, где вся явь жжет фейерверк,
Где жизнь – наш сон в ином калибре.

Оса, жужжа, свалила тьму;
Дождь сорвался; вихрь прыгнул в это...
Жми вплоть, меридиан, тесьму,
Где миг (миг всем) – грань мглы и света!

13 августа 1923

Зимой

Дуй, дуй, Дувун! Стон тьмы по трубам,
Стон, плач, о чем? по ком? Здесь, там —
По травам, ржавым, ах! по трупам
Дрем, тминов, мят, по всем цветам,
Вдоль троп упавших тлелым струпом,
Вдоль трапов тайных в глушь, где стан,
Где трон вздвигал, грозой да трусом
Пугая путь, фригийский Пан.

Дуй, дуй, Дувун! Дуй, Ветр, по трубам!
Плачь, Ночь! Зима, плачь, плачь, здесь, там,
По травам, трапам, тронам, трупам,
По тропам плачь, плачь по цветам!
Скуп свет; нет лун. Плачь, Ночь, по трудным
Дням! Туп, вторь, Ветр! По их стопам
Пой, Стужа! Плачьте духом трубным,
Вслух! вслух! по плугам, по серпам!

Дуй, дуй, Дувун! Дуй в дудки, в трубы!
Стон, плач, вздох, вой, – в тьму, в ум, здесь, там...
Где травы, трапы, троны? – Трупы
Вдоль троп. Все – топь. Чу, по пятам
Плач, стон из туч, стоя с суши к струйным
Снам, Панов плач по всем гробам.
Пой в строки! в строфы! строим струнным
На память мяты по тропам!

27 января 1923

Современная осень

Крут и терпк осенний вечер; с поля
Дух солома, земли, трав и навоза;
Ветер с ветром, вдоль колдобин споря,
Рвет мечту из тесных стен на воздух;

Квак лягушек в уши бьет в болоте;
Смех совы кувыркнул тени с елок;
Сиплый скрип тьму медленно молотит;
С тьмой ползет вол из лесу в поселок.

Ночь, где ж ты, с твоей смертельной миррой,
Ночь Жуковских, Тютчевых, всех кротких?
Метки редких звезд в выси надмирной —
Меди длинных стрел с тетив коротких.

Книг, бумаг, рифм, спаренных едва лишь,
Таает снег, дрожа под лунной грудью;
Гей, Геката! в прорезь туч ты валишь
Старых снов, снов буйных буршей груды.

Где ж нам? Что ж нам? Как нам план закончить?
Мир иным стал! мы ль в нем неизменны?
Все – за тенью, вслед за псом, за гончей,
Все – как пес, послушны скучным сменам...

29 августа 1922

Из книг

Книга

Сцепень белых параллелограммов
В черных черточках – в свое жерло
Тянет Аустерлицев и Ваграмов
Бури вплоть до вихря Ватерло.

В дуги лампы (двадцать пять амперов!),
Над столом, – воспоминаньем влей
Мысли тысячи великих, перов
В царстве знанья, духа королей.

Но и мысли что? – сухие зерна
Пламени, что древле озарил
Чей-то сон над сваями, в озерной
Хате, ночь под черепом горилл.

В круге книг мудрец и росомаха,
Чуткая к добыче, на суку.
От амёб до Риккерта и Маха
Все века земли – в одну строку!

Если мыслят там, за гранью далее,

Семь значков внесется в ту скрижаль,
Все, чем жили мы, чего мы ждали,
Чтоб и нас вселенной было жаль.

17 мая 1922

Общая станция

Веками, эпохами, эрами,
Вертясь, их земля межевала, —
Тех – Тэнами, этих – Гомерами
На челюстях слав изжевала.

Но только ль в почтенном учебнике? —
В памяти, в самобытной монаде,
С Римом Августов рядом кочевники,
Миф о Гее – с главой о Канаде!

Приближены тени и остовы:
По ступеням, что видит Иаков,
Сбегают мечты Ариостовы;
Бонапарт на пиру у феаков;

Экспрессом на общую станцию —
Вавилон – Лондон, Марна – Аркола!
В сознании каждом – из Санцио
Счастливица «Афинская школа».

Так здравствуйте, девы Эриннии!
Вас ждут Дант и Гете; прошу быть
Как дома! Увы! север – в инее,
Но Конфуций стряхнет ваши шубы.

16 июня, 1922

Тетрадь

Вот – вдоль исписана книгами, черный
Свод стенограмм (лейбниц-глифы), тетрадь
Лет, с пультов школьных до вольных, как жернов,
Полночей: в памяти старая рать!

...Сутра с утра; мантра днем; дань молчаний;
В мантии майи мир скрыт ли, где скит?—
...Сутки в седле! перьев сорок в колчане!
Вскачь за добычей! тебе степи, скиф!

...Babel und Bibel; бог, змий, прародитель;
Дюжина, семь, шестьдесят, —счет Халдей.—
...Но – в белый мрамор вязь роз Афродите,
В триметры драм бред победных Медей!

...Тоги; дороги, что меч; влечь под иго
Всех; в речи медь; метить все: А и В.—
...Тут же суд: путь в катакомбы; владыки
Душ; плач; о ком бы? плач, Рим, по тебе!

...Замок, забрало, железо, лязг копий;
Трель трубадура к окну; муж и честь.—
...Брат ли Кабраль кораблю? индских копей
Золото фландрский банкир тщится счесть...

...Дальше!.. Вопль толп; радио с небоскреба...
Дальше!.. Жизнь воль; Марс в союз; враг с
планет.—
И... ..Вновь у башни троянской (из гроба!)
Старцев спор, выдать Елену иль нет.—

Круг всех веков, где дикарь в *uber Mensch*'e;⁵⁵
Все, все – во мне! рать сдержать сил не трать!
Бей в пулемет, нынь! рядов не уменьшить!
В ширь, в высь растут лейбниц-глифы, тетрадь!

11 января 1923

Елена у Парида

Идет, безвольно уступая, —
Власть Афродиты рокова! —
Но в вихре мыслей боль тупая,
Как иглы первые слова:
«Пришел ты с битвы? Лучше, бедный,

⁵⁵ Сверхчеловек (нем.).

Ты б в ней погиб!– разил мой муж
Ты хвастал свить венец победный,
Здесь, как беглец, ты почему ж?
Иди, в бой вновь кличь Менелая!
Нет! мал ты для мужских мерил!
Из ратных бурь – прочь! не желая,
Чтоб медью царь тебя смирил!»
Но, в благовонной мгле, на ложе,
Где локтем пух лебяжий смят,
Прекрасней всех и всех моложе
Ей Парид, чьи глаза томят:
«Нет, не печаль! Судьба хотела,
Чтоб ныне победил Атрид.
Я после побежду. Но тело
Теперь от жгучих жажд горит.
Так не желал я ввек! иная
Страсть жечь мне сердце не могла.
В тот час, когда с тобой Краная
Нас первой ночью сопрягла!»
И никнет (в сеть глубин уловы!)
Елена – в пламя рук, на дно,
А Афродиты смех перловый —
Как вязь двух, спянных в одно.

7 мая 1922

Диодохи

Искали царств, дробили грады,
Бросая здесь, там зиждя трон;
Битв смена — путь их; им награды —
Груз диадем, цепь из корон.

Народ? он – ставка. На кон брошен,
Да ждет, чья кость решит игру!
Как сметь судить? кто в споре спрошен?
Рок тысяч – у царя в шатру!

Эллада, край Хеми, круг Персии,
Все – Зевс для них ковром постлал;
И им же дев бактрийских перси,
Китайский шелк, Индийский дал...

Скиптр Александра, строг и страшен,
Внесен, – жезл к строю грозных древк;
Им каждый сон в огонь раскрашен;
Полиоркет – он, тот – Селевк!

«Достойнейший» не встал. Пусть. В шквалах
Дней, гулких отзвуком громов,
Рос вширь, в пределах небывалых;
Союз племен под скреп умов.

Центр слал свой свет в периферии;
В сталь – золото, в Запад тек Восток;
Угль стыл; сквозь пепл Александрии
Вносили ввысь живой росток.

Гудел гигантский горн вселенной;
Месил века; гас, отпылав.—
Чтоб в тот же мир, в срок Рима – пленный,
Влил в жизнь тысячелетний сплав.

12 марта 1923

Бодлер

Давно, когда модно дышали пачули,
И лица солидно склонялись в лансье,
Ты ветер широт небывалых почуял,
Сквозь шелест шелков и из волн валансьен.

Ты дрожью вагона, ты волюю фрегата
Мечтал, чтоб достичь тех иных берегов,
Где гидрами – тигр, где иглой – аллигатор,
И тех, что еще скрыты в завес веков.

Лорнируя жизнь в призму горьких иронии,
Ты видел насквозь остова Second Empire⁵⁶,
В салонах, из лож, меж кутил, на перроне, —
К парижской толпе припадал, как вампир.

Чтоб, впитая кровь, сок тлетворный, размолот,

⁵⁶ Вторая империя (*фр.*).

Из тигеля мыслей тек сталью стихов,
Чтоб лезвия смерти ложились под молот
В том ритме, что был вой вселенских мехов!

Твой вопль, к сатане, твой наказ каинитам,
Взлет с падали мух, стон лесбийских «eraves»⁵⁷ —
Над скорченным миром, с надиров к зенитам,
Зажглись, черной молнией в годы упав.

Скорбя, как Улисс, в далях чуждых, по дыму,
Изгнанник с планеты грядущей, ты ждал,
Что новые люди гром палиц подымут —
Разбить мертвый холод блестящих кандал.

Но вальсы скользили, — пусть ближе к Седану;
Пачули пьянили, – пусть к бездне коммун.
Ты умер, с Нево видя край, вам не данный,
Маяк меж твоих «маяков», – но кому?

26 августа 1923

Вариации на тему «Медного всадника»

Над омраченным Петроградом
Дышал ноябрь осенним хладом.
Дождь мелкий моросил. Туман

⁵⁷ Обломки (*фр.*).

Все облакал в плащ затрапезный.
Все тот же медный великан,
Топча змею, скакал над бездной.

Там, у ограды, преклонен,
Громадой камня отенен,
Стоял он. Мыслей вихрь слепящий
Летел, взвивая ряд картин, —
Надежд, падений и годин.
Вот – вечер; тот же город спящий,
Здесь двое под одним плащом
Стоят, кропимые дождем,
Укрыты сумрачным гранитом,
Спиной к приподнятым копытам.
Как тесно руки двух слиты!
Вольнолюбивые мечты
Спешат признаньями меняться;
Встает в грядущем день, когда
Народы мира навсегда
В одну семью соединятся.

Но годы шли. Другой не тут.
И рати царские метут
Литвы мятежной прах кровавый
Под грозный зов его стихов.
И заглушат ли гулы славы
Вопль здесь встающих голосов,
Где первой вольности предтечи
Легли под взрывами картечи!

Иль слабый стон, каким душа
Вильгельма плачет с Иртыша!
А тот же, пристально-суровый
Гигант, взнесенный на скале!
Ужасен ты в окрестной мгле,
Ты, демон площади Петровой!
Виденье призрачных сибилл,
В змею – коня копыта вбил,
Уздой железной взвил Россию,
Чтоб двух племен гнев, стыд и страх,
Как укрощенную стихию,
Праправнук мог топтать во прах!

Он поднял взор. Его чело
К решетке хладной прилегло,
И мыслей вихрь вскрутился, черный,
Зубцами молний искривлен.
«Добро, строитель чудотворный!
Ужо тебе!» – Так думал он.
И сквозь безумное мечтанье,
Как будто грома грохотанье,
Он слышал топот роковой.
Уже пуста была ограда,
Уже скакал по камням града —
Над мутно плещущей Невой —
С рукой простертой Всадник Медный.
Куда он мчал слепой порыв?
И, исполину путь закрыв,
С лучом рассвета, бело-бледный,

Стоял в веках Евгений бедный.

28 октября 1923

Мысленно

Мысленно, да!

Мысленно, да! но с какой напряженностью
Сквозь окна из книг озираем весь мир мы!
Я пластался мечтой над огромной сожженностью
Сахары, тонул в знойных зарослях Бирмы;

Я следил, веки сжав, как с руки краснокожего,
Вся в перьях, летя, пела смерти вестунья;
Я слушал, чтоб в строфы влить звука похожего
Твой грохот, твой дым, в твердь, Мози-оа-Тунья!

Сто раз, нет, сто сотен, пока свое пол-лица
Земля крыла в сумрак, – покой океанам! —
Я белкой метался к полюсу с полюса,
Вдоль всех параллелей, по всем меридианам.

Все хребты твои знаю, все пропасти в кратерах,
Травы всяческих памп, всех Мальстрёмов содомы:
Мой стимер, где б ни был, – в знакомых фарватерах,
Мой авто – всюду гость, мой биплан – всюду дома!

И как часто, сорван с комка зеленого,

Той же волей взрезал я мировое пространство,
Спеша по путям светодня миллионного,
Чтоб хоры светил мне кричали: «Постранствуй!»

И с Марса, с Венеры, с синего Сирия
Созерцал, постигал жизнь в кругу необъятном,
Где миг – мига в веках – наш Египет – Ассирия,
А «я» – электрон, что покинул свой атом!

8 июля 1923

Молодость мира

Лес, луга, плоскогорья – невиданной фауны...
Ветер свищет по мыслям, соль с моря соря...
Лук на голых лопатках, грядущие Фаусты
Рыщут, где б на добычу, с осанкой царя.

В морок зорких пещер ночь уводит: с Церлинами
Дон-Жуаны жмут ворох прогнившей травы.
Завтра прыгать Колумбам путями орлиными,
В дебрях врезать Вобанам для мамонтов рвы.

Лунь-ведун счел все луны, все цифры в Люцифере,
Тайны неба колебля, – лохматый Лаплас!
Вторят те ритму речи, те чертят на шифере, —
Братья старшие Гете и Дюреров глаз!

Лес, луга, плоскогорья и ветер пройоденный,
Будущих всех столетий крыльцо-колыбель,
Где еще в гром не крылись ни Зевсы, ни Одины, —
Сквозь кивот библиотек вздох бедный тебе ль?

Ветер свищет по мыслям, где медлим в трамвае мы,
Где нам радио ропщут, – газетный листок...
Гость неведомой флоры, преданьем срываемый,
Меж авто, в пыль асфальта, спадает цветок.

14 мая 1923

Над снегом Канады

Там, с угла Оттанукзгла, где снегом зарылась Канада,
Тде, гигантская кукла, нос – в полюс, Америка, – рысь
Ждет, к суку прилегла, взором мерит простор, если надо
Прыгнуть; в узких зрочках—голод, страх,
вековая корысть.

Тихо все от великой, безмерно раздвинутой стужи;
Над рекой, по полям, через лес январь белость простер;
Холод жмет, горы, словно звериные туши, все туже;
Пусто; где-то неверно чуть вьет дровосечий костер.

Рысь застыла, рысь ждет, не протопчут ли
четкость олени,
Не шмыгнет ли зайчонок (соперник что волк и лиса!);

Рысь храбра; в теле кровь долгих, тех же пустынь,
поколений,
Рысей, грызших врага, как грызет колкий холод леса.

Кровь стучит в тишине пламенем напряженных артерий,
Лишь бы, по-белу алое, алчь утолить довелось!
Не уступит, не сдаст даже черно-пятнистой пантере,
Даже если из дебри, рогами вперед, внове – лось!

Чу! Хруст. Что там? Всея сжаться. За стволями
бурые лыжи
Лижут в дружном скольженьи блистающий искрами наст.
Вот – он, жуткий, что сон, – человек! вот он —
хмурый и рыжий:
Топора синь, ружья синь, мех куртки, тверд, |
прям, коренаст.

Сжаться, слиться, в сук вьестся! Что голода боли!
Несносный
Эти блески, свет стали, свет лезвий, свет |
жалящих глаз!
Слиться, скрыться: защита – не когти, не зубы, не сосны
Даже! выискать, где под сугробом спасительный лаз!

Там, с угла Оттанукзгла, где снегом зарылась Канада,
Где, гигантская кукла, нос – в полюс, Америка, – век,
За веками, где звери творили свой суд, если надо,
Там идет, лыжи движутся, бог, власть огня, Человек!

17 октября 1922

В Тихом океане

Что за бурь, какого случая
Ждет подмытый монолит,
Глядя в море, где летучая
Рыба зыби шевелит?

В годы Кука, давне-славные,
Бригам ребра ты дробил;
Чтоб тебя узнать, их главный и
Неповторный опыт был.

Ныне взрыт зверями трубными
Путь, и что им, если зло
Ветер шутит всеми румбами,
На сто множа их число!

Мимо, гордо, мимо, плавные
Режут синий выплеск вод...
Годы Кука, давне-славные,
С ризой вставлены в кивот.

В дни, когда над бездной вогнутой
Воет огненный циклон,
Только можешь глухо, в окна, ты
Крикнуть стимерам поклон.

Под водой скалой таиться и
Быть размытым ты готов...
Эх! пусть челноки таитские
Мечут на тебя швартов!

6 – 7 февраля 1923

Марриэтовы мичманы

Марриэтовы мичманы,
Вы, лихая ватага, —
Здесь лукаво-комичные,
Там живая отвага!

Вслед за вами, по вспененным
Тропам, с детства мы – чайка!
Волны пели, и в пеньи нам:
«Примечай! примечай-ка!»

Где учебник? Рассеянно
Глаз твердит: «Смерть Аттилы»...
А в мечтах: из бассейна
Голубого – Антиллы.

А в мечтах: на фрегате мы,
Шхуны в плен с их поклажей!
Мальты там берега из тьмы,

Шум и скрип такелажа.

А за шквалами шалости:
Красть изюм, бить нежонок...
Ах! припомнить до жалости
Те страницы книжонок,

Ту неправду, что измала
Жгла огнем неустанным,
Ту, что волю в нас вызвала —
В жизни стать капитаном!..

20 августа 1923

Песня девушки в тайге

Медвежья шкура послана
В моем углу; я жду...
Ты, дальним небом посланный,
Спади, как плод в саду!

Весна цвела травинками,
Был желт в июле мед;
Свис, в осень, над тропинками
Из алых бус намет.

Лежу, и груди посланы
Ловить слепую мглу...

Медвежья шкура постлана,
Тепла, в моем углу.

Таясь в тайге, с лосятами
Лосиху водит лось...
Мне ль с грудями не взятыми
Снег встретить довелось?

Весна цвела травинками.
Вот осень. Зрелый груз
Гнут ветры над тропинками, —
Лесных рябин и груш.

Медвежья шкура постлана...
Ты, свykший ветви гнуть,
Ты, ветер, небом посланный,
Сбрось грушу мне на грудь!

7 февраля 1923

Где-то

Островки, заливы, косы,
Отмель, смятая водой;
Волны выгнуты и косы,
На песке рисунок рунный
Чертят пенистой грядой.

Островки, заливы, косы,
Отмель, вскрытая водой;
Женщин вылоснились косы;
Слит с закатом рокот струнный;
Слит с толпой ведун седой.

Взглянет вечер. Кто-то будет
Звать красотку к тени ив.
Вздохи, стоны, споры: – «Будет!»
– «Нет! еще!» – Над сном стыдливым
Месяц ласки льет, ленив.

В ранний вечер кто-то будет
Звать красотку к тени ив...
Пусть же солнце сонных будит!
Месяц медлит над отливом,
Час зачатья осенив.

14 мая 1923

Наедине с собой

Та же грудь

Давно охладели, давно окаменели
Те выкрики дня, те ночные слова:
Эти груди, что спруты, тянулись ко мне ли?
Этих бедер уклоны я ль целовал?

В памяти плиты сдвинуты плотно,
Но мечты, зеленея, пробились меж них:
Мастеров Ренессанса живые полотна,
Где над воплем Помпеи рубцевались межи.

Ведь так просто, как счет, как сдача с кредитки,
С любовницей ночью прощаться в дверях,
Чтоб соседка соседке (шепот в ухо): «Гляди-тка!
Он – к жене на постель! я-то знаю: две в ряд!»

И друзья хохотали, кем был я брошен,
Бросил кого (за вином, на авось),
Про то, как выл в страхе разметанный Брокен,
Иль стилет трепетал через сердце насквозь.

Были смерти, – такие, что смерть лишь насмешка,

Были жизни, – и в жизнях гейзер огней.
Но судьба, кто-то властный, кричал мне: «Не мешкай!»
И строфы о них стали стоном о ней.

Так все камни Эллад – в Капитолии Рима,
Первых ящеров лет – в зигзаге стрижа.
Пусть целую другую! Мне только зримо,
Что я к той же груди, сквозь годы, прижат!

7 июля 1922

Это я

В годы – дни (вечный труд!) переплавливать
В сплав – часы, серебро в глубину!
Что ж мы памяти жадной? не вплавь ли звать
Через остывшую лаву минут?

Сны цветные ребенка задорного
Молот жизни в сталь строф претворил,
Но туманом явь далее задернуло, —
Голубым, где был перл и берилл.

Что нам видеть, пловцам, с того берега?
Шаткий очерк родного холма!
Взятый скарб разбирать или бережно
Повторять, что скопила молва!

Мы ли там, иль не мы? каждым атомом
Мы – иные, в теченьи река!
Губы юноши вечером матовым
Не воскреснут в устах старика!

Сплав, пылав, остывает... Но, с гор вода, —
Годы, дни, жизнь, и, ужас тая,
В шелест книг, в тишь лесов, в рокот города,
Выкрик детской мечты: это – я!

9 июля 1922

У смерти на примете

Когда шесть круглых дул нацелено,
Чтоб знак дала Смерть-командир, —
Не стусклена, не обесценена
Твоя дневная прелесть, мир!

Что за обхватом круга сжатого,
Доступного под грузом век?
Тень к свету Дантова вожатого
Иль червь и в атомы навек?

Но утром ключья туч расчесаны;
Пруд – в утках, с кружевом ракиг;
Синь, где-то, жжет над гаучосами;

Где айсберг, как-то, брызжет кит.

Есть баобабы, и есть ландыши...

Пан, тропы травами глуша,

Чертежник древний, правит план души...

Да! если есть в мозгу душа!

И если нет! – Нам одинаково

Взлетать к звезде иль падать к ней.

Но жердь от лестницы Иакова,

Безумцы! вам всего ценней!

Да! высь и солнце, как вчера, в ней... Но

Не сны осият мир денной.

И пусть шесть круглых дул уравнено

С моей спокойной сединой.

24 июня 1923

Домовой

Опять, опять, опять, опять

О прошлом, прежнем, давнем, старом,

Лет тридцать, двадцать, десять, пять

Отпетом, ах! быть может, даром!

Любимых книг, заветных лиц

Глаза, страницы, строфы, вскрики;

Гирлянды гор, ступни столиц,
Муть моря, плавни повилики...

В земной толпе – я темный дом,
Где томы, тени, сны, портреты;
Эдгаров Янек – я; за льдом —
Ток лавы, памятью прогретый.

Но дом живет, вулкан горит,
С балкона – песни, речи, сплетни:
Весенний верх сухих ракич,
В одежде свежей плющ столетний!

Лишь домово́й, таясь в углу,
Молчит в ответ пустым гитара́м, —
Косясь на свет, смеясь во мглу, —
О прошлом, прежнем, давнем, старом.

3 сентября 1922

Ариадне

Слышу: плачут волны Эльбы
О былом, о изжитом;
Лодки правят, – не на мель бы;
Пароходы бьют винтом;

Слышу, вижу: город давний,

Башни, храмы, скрип ворот.
Гете помнящие ставни,
Улиц узкий поворот;

Вижу: бургеры, их жены,
Стопы пива по столам, —
Ужас жизни затверженной,
Дьявол с Гретхен пополам.

Там, где Эльбы полногрудой
Два сосца впились в мосты,
Там, задавленная грудой
Всех веков немецких, — ты!

Ты, с кем, два цветка, мы висли,
Миг, над пропастью двойной,
Ты, с кем ник я, там, на Висле,
К лику лик с Земной Войной.

8 июля 1923

Мертвец

Как странно! Круг луны;
Луг белым светом облит;
Там – ярки валуны;
Там – леса черный облик.

Все, что росло в былом,
Жизнь в смене лет иначит:
Храм прошлых снов – на слом,
Дворец жить завтра – начат.

А лунный луч лежит
Весь в давних днях, и в ЭТОМ
Былом мертвец меж
Ведет по травам светом.

Ведет, как вел в века,
В сон свайных поселений,
Чтоб в тайны Халд вникал,
Чтоб Эллин пел к Селене.

Что годы! тот же он!
Луг в светоемы манит;
Тот бред, что был сожжен,
Вновь жжет в его обмане.

Как странно! Лунный круг,
Банальный, бледный, давний...
И нет всех лет, и вдруг
Я – с Хлоей юный Дафнис!

28 августа 1923

Так вот где...

Так вот где жизнь таила грани:
Стол, телефон и голос грустный...
Так сталь стилета остро ранит,
И сердце, вдруг, без боли хрустнет.

И мир, весь мир, – желаний, счастлих,
(Вселенная солнц, звезд, земель их),
Испеплен, рухнет, – чьи-то части, —
Лечь в память, трупа онемелей!

Я знал, я ждал, предвидел, мерил,
Но смерть всегда нова! – Не так ли
Кураре, краткий дар Америк,
Вжигает в кровь свои пентакли?

И раньше было: жизнь межила
Пути, чтоб вскрыть иные дали...
Но юность, юность билась в жилах,
Сны, умирая, новых ждали!

И вот – все ночь. Старик упрямый,
Ты ль в сотый круг шагнешь мгновенно?
А сталь стилета входит прямо,
И яд шипит по тленным венам.

Я ждал, гадал, как сердце хрустнет,
Как рок меж роз декабрьских ранит...
Но – стол, звонок да голос грустный...
Так вот где жизнь таила грани!

16 ноября 1923

Два крыла

После тех самых *путей и перепутий*,
Мимо зеркала *теней, все напевы* в мечтах,
Под *семицветием радуги* медля в пышном приюте,
Где *девятой Каменной* песнь была начата, —

Я роком был брошен, где *миг* всегда молод,
Где опыты стали – не к часу, в тени,
Где *дали* открыты на море, на молы, —
В такое безумье, в *такие дни*.

Здесь была наша встреча; но разные видения
За собой увлекали мы с разных дорог:
Рим и мир миновал я, ты – *первое предупреждение*
Объявляла, вступая в жизнь едва на пороге.

Но в оклике ль коршунов, в орле ли клекоте
Мы подслушали оба соблазн до высот,
Словно оба лежали мы, у стремнины, на локте, и
Были оба бездетны, как стар был Казот.

И в бессмертности вымысла, и в суতোлке хлопотной,
И где страсть Евредуку жалит из трав,
Ты – моя молодость, я – твоя опытность,
Ты – мне мать и любовница, я – твой муж и сестра.

Два крыла мощной птицы, мы летим над атоллами
К тем граням, где Полюс льды престольно простер
И над полыми глубями в небе полное полымя
Бродит, весть от планеты к планетам, в простор!

24 марта 1923

Пятьдесят лет

Пятьдесят лет —
пятьдесят вех;
пятьдесят лет —
пятьдесят лестниц;
Медленный восход
на высоту;
восход на виду
у сотен сплетниц.

Прямо ли, криво ли
лестницы прыгали,
под ветром, под ношей ли, —
ярусы множились,

Узкие дали
вдруг выростали,
гор кругозоры
низились, ожили.

Где я? – высоко ль? —
полвека – что цоколь;
что бархат – осока
низинных болот.
Что здесь? – не пьяны ль
молчаньем поляны,
куда и бипланы
не взрежут полет?

Пятьдесят лет —
пятьдесят вех;
пятьдесят лет —
пятьдесят всходов.
Что день, то ступень,
и стуки минут —
раздумья и труд,
год за годом.

Вышина...
Тишина...
Звезды – весть...
Но ведь знаю,
День за днем
будет объем

шире, и есть —
даль иная!

Беден мой след!
ношу лет
знать – охоты нет!
ветер, непрошен ты!
Пусть бы путь достигнуть
мог до больших границ,
прежде чем ниц
ринусь я, сброшенный!

Пятьдесят лет —
пятьдесят вех;
пятьдесят лет —
пятьдесят лестниц...
Еще б этот счет! всход вперед!
и пусть на дне —
суд обо мне
мировых сплетниц!

27 ноября, 15 декабря 1923

Бреды

На рынке белых бредов

День, из душных дней, что клеймены
на рынке белых бредов;
Где вдоль тротуаров кайманы
лежат как свертки пледов;
Перекинутый трамваем, где
гудит игуанадон;
Ляпис-надписями «А. М. Д.»
крестить пивные надо
И, войдя к Верхарну, в «Leg Soirs»,
в рифмованном застенке
Ждать, что в губы клюнет казуар,
насмешлив и застенчив.

День, из давних дней, что ведомы,
измолоты, воспеты,
Тех, что выкроили ведуны
заранее аспекты,
Сквасив Пушкина и тропики
в Эсхиле взятой Мойрой,
Длить на абсолютах трепаки
под алгоритмы ойры,

Так все кинофильмы завертев,
что (тема Старой Школы)
В ликах Фра-Беато скрыт вертеп, —
Эдем, где Фрины голы!

День, из долгих дней, не дожитых,
республика, в которой,
Трость вертя, похож на дожа ты
на торном Viscentoro,
И, пlying, дрожишь, чтоб опухоль
щек, надувавших трубы,
Вдруг не превратилась в выхухоль
большой банкирской шубы,
И из волн, брызг, рыб и хаоса, —
строф оперных обидней,
Не слепились в хоры голоса
лирических обыдней!

14 июня 1922

Ночь с привидениями

Вот снова, с беззвучными стуками кирок,
Под пристальным надзором все тех же планет,
Ночь, зодчий со стражей теней при секирах,
Принимает свой труд, тот, что в тысячах лет.

В темь опускают беспросветные плиты,

Все ломки мрака на земле обедня;
Уже, копыя к ноге, древних Афин гоплиты
Сторожат фундамент завтрашнего дня.

По темным ступеням лестницы, еще возводимой,
Всходит вверх, – взглянуть на былое, – Шекспир;
У подножья, в плащах (цвет омертвелого дыма),
Вольтер, Гоббс, Ницше (с сотню их) сели за пир;

В зале, пока без плафона, точно черти взволновались:
Старомодные танцы, вялый вальс-глицсе;
То – перегорбленный Гейне, то—подновленный
Новалио,
Федра в ногу с Татьяной, пьяный и по смерти Мюссе.

Гул кирок не молкнет, но глух, что хлопушки,
Гуд масс возносимых, что шелесты шин;
И горестно смотрит, в руке цилиндр, Пушкин,
Как в амбразуре окна, дряхл, спит Фет-Шеншин.

Ночь, зодчий упорный, спешит, взводит купол;
Бьет молот; скрипит перекинутый блок...
А в полоске зари, как на сцене для кукол,
На тоненькой ниточке Александр Блок.

24 июня 1922

Симпосион заката

Всё – красные раки! Ой, много их, тоннами
По блюдам рассыпал Зарный Час (мира рьяный стиль!),
Глядя, как повара, в миску дня, монотонными
Волнами лили привычные пряности.

Пиршество Вечера! То не «стерлядь» Державина,
Не Пушкина «трюфли», не «чаши» Языкова!
Пусть посуда Заката за столетья заржавлена,
Пусть приелся поэтам голос «музык» его;

Всё ж, гуляющие гости! каждый раз точно обух в лоб —
Те щедрости ветра, те портъеры на западе!
Вдвое слушаешь ухом; весь дыша, смотришь в оба, чтоб
Доглотнуть, додрожать все цвета, шумы, запахи!

Что там розлито? вина? Что там кинута? персики?
Малина со сливками! ананас над глубинами!
Экий древний симпосион! Герои и наперсники,
Дев перси, рук перстни, – перл над рубинами!

Старомодны немного пурпуровые роскоши:
Ренессанс Тинторетто сквозь Вторую Империю,
Но до дна глубина: лилий кубки да роз ковши,
Бури алых Миссури на апрельские прерии!

Эх, продлить бы разгул! Но взгляни: вянут розыны;
С молоком сизый квас опрокинутый месится;
Великанам на тучах с кофе чашечки розданы,
И по скатерти катится сыр полномесяца.

15 августа 1922

Карусель

Июльский сумрак лепится
К сухим вершинам лип;
Вся прежняя нелепица
Влита в органный всхлип;
Семь ламп над каруселями —
Семь сабель наголо,
И белый круг усеяли,
Чернясь, ряды голов.

Рычи, орган, пронзительно!
Вой истово, литавр!
Пьян возгласами зритель, но
Пьян впятеро кентавр.
Гудите, трубы, яростно!
Бей больно, барабан!
За светом свет по ярусам, —
В разлеты, сны, в обман!

Огни и люди кружатся,

Скорей, сильней, вольней!
Глаза с кругами дружатся,
С огнями – пляс теней.
Круги в круги закружены,
Кентавр кентавру вслед...
Века ль обезоружены

Беспечной скачкой лет?
А старый сквер, заброшенный,
Где выбит весь газон,
Под гул гостей непрошенных
Глядится в скучный сон.
Он видит годы давние
И в свежих ветках дни,
Где те же тени вставлены,
Где те же жгут огни.

Все тот же сумрак лепится
К зеленым кронам лип;
Вся древняя нелепица
Влита в органнй всхлип...
Победа ль жизни трубится —
В век, небылой досель, —
Иль то кермессы Рубенса
Вновь вертят карусель?

12 июля 1922

Волшебное зеркало

Все шло – точь-в-точь обыкновенное:
были дома нахлобучены;
Трамвай созвонен с телегой,
проходим наперекор;
И дождь мокроснежьего бега
ставил рекорд.

Но глаза! глаза в полстолетие
партдисциплине не обучены:
От книг, из музеев, со сцены —
осколки (как ни голосуй!),
Словно от зеркала Г.-Х. Андерсена,
засели в глазу.

Над желто-зелеными лотос-колоннами,
над всякими Ассурбанипалами, —
Вновь хмурился, золото-эбур,
Фидиев Zeus,
И на крае Негдинной – зебу,
малы, как в цейс.

Как же тут стиху не запутаться
между Муданиями и Рапаллами,
Если оппозиции Марса (о наука!) —
раз в пятнадцать лет,

И в Эгейю у старого Кука
взять невозможно билет!

Поэту что ж посоветовать? —
настежь, до наголо помыслы!
Отсчитывай пульс по минутам:
сорок, восемьдесят, сто!
Хотя бы по линзам, выгнутым и вогнутым,
иначе постановило С. Т. О.

Доныне, – пусть проволоки перепутаны, —
мы – охотники по смолы!
Где Октябрь загудел вприсонки
человечества, я учу —
Собирать вдоль мировой Амазонки
золотой каучук.

19 ноября 1922

Дачный бред

Так бывает в июне. Часы свечерели;
Из-за липы солнце целит сквозь дом;
По дачному парку – мать дочерей ли,
Сводня ль питомиц ведет чередом.

Еще бельмами ламп не запятнались террасы,
Чайный флирт прикрывать иль мигать в преферанс...

И вдруг вижу вокруг шишаки и кирасы...
Если угодно, это – бред, если не смешно, это – транс.

Дощатые дачи (полмиллиарда в лето)
Щетинятся башней рыцарского гнезда;
Стали блестят из-под модного жилета,
Где-то герольда рогом свистят поезда.

А мужик, с кем сейчас столкнулся в двери я,
Из кабачка «Трех бродяг» под утесом виллан...
И в ветре поет, ревет жакерия,
Чу! косы о меч! у! тела на тела!

Так бывает в бреду. Но часы свечерели,
Бициклетам не шаркать, авто не гудеть,
Чтоб в беседках, раздвинув жемчуга ожерелий,
Дачным франтам соседок целовать меж грудей.

8 июля 1922

Стихотворения, не включавшиеся В. Я. Брюсовым в сборники 1891—1924

Поэзия

Ты знаешь, чью любовь мы изливаем в звуки?
Ты знаешь, что за скорбь в поэзии царит?
То мира целого желания и муки,
То человечество стремится и грустит.
В молениях о любви, в мучениях разлуки
Не наш, а общий стон в аккордах дивных слит.
Страдая за себя, мы силою искусства
В гармонии стиха сливаем мира чувства.

18 ноября 1891

Поэзия

Поэзия везде. Вокруг, во всей природе,
Ее дыхание пойми и улови —
В житейских мелочах, как в таинстве любви,
В мерцании фонаря, как в солнечном восходе.

Пусть твоя душа хранит на все ответ,
Пусть отразит весь мир природы бесконечной;
Во всем всегда найдет блеск красоты предвечной
И через сумрак чувств прольет идеи свет.

Но пусть в твоей любви не будет поклоненья:
Природа для тебя – учитель, не кумир.
Твори – не подражай.
– Поэзия есть мир,
Но мир, преломленный сквозь призму вдохновенья.

23 мая 1892

Я за то свою мысль ненавижу,
Что в холодном кристалле ее
Я вчерашнее счастье свое
Беспощадно развенчанным вижу.

Я за то презираю себя,
Что сегодня, как скучную сказку,
Осмею я безумную ласку
И тот миг, где я плакал, любя.

И что страстных признаний порывы,
Что мечты вдохновенный полет
Я сочту за безмолвный расчет
И за пафос заученно-лживый.

17 апреля 1893

При посылке П. Верлену перевода «Романсов без слов»

Еще покорный ваш вассал,
Я шлю подарок сюзерену,
И горд и счастлив тем, что Сену
Гранитом русским оковал.

23 ноября 1894

Тема предчувствий

Зигзаги
Волны
Отваги
Полны,
И саги
Луны
Во влаге
Слышны!
Запрета
В искусство
Мне нет.
И это
Предчувствий
Сонет.

26 ноября 1894

Здесь же, в театре, когда-то с тобой
Так же следил я за шумной толпой,
Так же ловил незнакомые взгляды,
Чьи-то движенья и чьи-то наряды.
Нынче и ты здесь смешалась с толпой.
Ныне безмолвно слежу за тобой.

Точно у цепи порвались звенья,
Точно оборвана нить единенья,
Чужды друг другу – бредем мы одни...
Или в золе догорели огни?
Или растерлись в песчинки камня?
Или, и правда, оборваны звенья?

28 ноября 1894

Чужда мне красота раскинутых степей,
Невнятен ропот океана.
Мне ближе улица с мерцаньем фонарей
Во мгле ненастного тумана.

Я не могу любить беспечное дитя,
Кто чарам отдается слепо.
Мой идеал! В любовь играешь ты шутя,
О, дочь порока иль вертепа!

И молча я смотрю на символы любви,
Не подходя к распятию.
Христос! Забудь меня, напрасно не зови,
Оставь меня проклятию!

29 ноября 1894

Гнутся высокие лотосы,
До неба высятся маки,
И воскрешенные образы
Медленно бродят во мраке.

Ночь, где Адамовы головы
Машут крылами вампира, —
Где от полета тяжелого
Зыблется зеркало мира!

Стонешь и бьешься в усилия
Грез разорвать вереницы,
Ширятся черные лилии
Куполом бледной гробницы.

30 ноября 1894

У друга на груди забылася она
В каюте, убранной коврами и цветами,
И первый сон ее баюкала волна
Созвучными струями.

На чуждом берегу она пробуждена,
Ни паруса вдали над синими волнами,
И безответная мерцает тишина
Над лесом и полями.

Она покинута! И на пыли дорог,
Упав, она лежит, рыдая, пламенея,
То мщение зовет, то молит за Тезея.

А из лесу меж тем выходит юный бог,
Вот, в шкуре тигровой, в гирлянде виноградной,
Он, очарованный, стоит над Ариадной.

3 декабря 1894

Что за тени: ты ли, греза?
Ты ли, дума о былом?
Точно листьями береза
Шевельнулась за стеклом.

И прозрачные узоры,
Расплетаясь на полу,
Шелохнули жизнью мглу,
Обманули светом взоры.

Что за грезы, что за звуки,
Что за тени под окном?
Ты ли, дума о былом,
Ты ль, мелодия разлуки!

Легкой сеткою березы
Разбивается луна.
Что за звуки, что за грезы,
Что за тени у окна!

12 декабря 1894

Печален был туманный взор,
Слова невнятны и коротки,
А я разглядывал узор
Перебегающей решетки.

И был мне чуждым этот миг,
Слова упреков, обвиненья...
Казалось, звук речей твоих
Чуть долетал из отдаленья.

И поднял я к тебе глаза,
Прощаясь с бронзовой решеткой.
Твой взор глядел темно и кротко,
И в нем дробилась слеза.

14 декабря 1894

Сегодня мертвые цветы
Из пышной вазы вынимая,
Я увидел на них мечты,
Твои мечты, о дорогая!

Весь вечер здесь мечтала ты,
Благоухание вдыхая, —
И мысль твоя, еще живая,
Порхнула в свежие листы.

Стою смущенный богомольно,
И в грезах высится невольно
Вокруг меня забытый храм.

Звучит божественное пенье,
И я ловлю твои движенья,
Твои молитвы к небесам.

Декабрь 1894

Мне дорог весь мир.
От неба до неба
Протянуты звонкие нити.
Болотная лилия,
Пыльная роза,
Цветы, и венки, и гирлянды
Скользят и спускаются,
Тихо касаются
Легких, чуть видимых струн.
Дивная музыка —
Тайны гармонии
Чуть пробуждаются,
Тихо качаются
В тенях безмолвной души.
От сердца до неба
Протянуты звонкие струны.
Мне дорог весь мир.

Декабрь 1894

Кучи свеженного снега

Кучи свеженного снега.
Лужи, ручьи и земля...
Дышит весенняя нега
В этом конце февраля.

Образы, ночи греховной
Гаснут и тают, как сон;
Сердцу привольно – и словно
Прошлomu я возвращен.

Прежним беспечным мальчишкой
Я пробираюсь домой,
Ранец сжимаю под мышкой,
Шлепаю в воду ногой.

Счастье-то! нынче суббота!
Завтра – раздолье игре,
Завтра война и охота
Будут у нас на дворе.

Мы заготовили копыя,
Сделали ружей запас
(Грязные снежные хлопья
Пулями служат у нас).

План я устрою счастливо,
Смело врагов разобью —
И отпирую на диво
Новую славу свою...

Веря грядущей победе,
Мчусь я по лужам домой
И на беспечных соседей
Брызжу и брызжу водой.

В воздухе ж юная нега,
Всюду следы февраля,
Кучи свезенного снега,
Лужи, ручьи и земля.

24 февраля 1895

Слово бросает на камни одни бестелесные тени,
В истине нет ни сиянья, ни красок, ни тьмы.
Четко шаги раздаются, и мы
Тихо проходим ступени
Всех заблуждений
К двери тюрьмы.

6 марта 1895

В библиотеке

Это было однажды... то было лишь раз.
Я лишь раз сознавал, что мы близки...
Этот час?.. Он один был действительный час,
Все другие – поблеклые списки!

Уловив за ресницами проблески глаз,
Мы боялись желанных объятий,
Но бегущая стрелка замедлила час,
Замерла на ночном циферблате.

Золотистые тени подернули нас.
Мы искали... мы смутно дышали,
Мы стремились, бояся достигнуть... и час
Прозвенел в отуманенной дали.

Это было однажды... то было лишь раз.
Ожиданья... томленья... и муки,
Разгоревшийся взор за туманом погас,
И сплелись задрожавшие руки.

О! Ты помнишь заветно мистический час,
Тайный час на ночном циферблате.
Мы слетели во глубь отуманенных глаз,
Мы дышали ответом объятий.

Золотистые тени подернули нас...
Ожиданья, томленья и муки,
Разгоревшийся взор за туманом погас,
И сплелись задрожавшие руки.

Март 1895

Призрак луны непонятен глазам,
Прошлое дымкой тумана повито.
В траурных платьях безмолвная свита,
Лица закрыты, идет по пятам.

Призрак луны непонятен глазам,
Хочешь всмотреться... Но тщетно! но тщетно!
Лиц незаметно, идут безответно,
В траурных платьях идут по пятам.

С берега к берегу веют вопросы,
Шепчет камыш – но вечерние росы
Вместе с туманом легли по цветам.

К небу восходят холмы и утесы,
Смутные тайны идут по пятам,
Призрак луны непонятен глазам.

Март 1895

Светлым гаснущим закатом
Даль небес озарена,
И на небе розоватом
Дышит ранняя луна.

Дышит, смотрит: всюду ясно,
Говор, топот, шум колес...
«Где ты, сумрак безучастный!
Аромат теней и роз!

Ночью – страстная вакханка,
В блеске дня я всем смешна...»
И на небе чужестранка
Дышит бледная луна.

Апрель 1895

Умрем в объятиях полночной тишины!
Я так утомлена, а ты однообразен,
Желания давно расплетены,
И разговор бессвязен.
Умрем в объятиях полночной тишины.

И вспомнится мне ночь... Немая мгла кругом.
Он также рядом спит с улыбкою беспечной...
Душа полна и страхом, и стыдом,
И скорбью бесконечной.
Кругом молчание, немая мгла кругом.

Идет за часом час – все ближе новый день.
Рассвет так страшен мне – так страшно
пробужденье.
Закрыв глаза, я вся ложуся в тень,
Ищу минутного забвенья...
Рассвет неумолим – все ближе, ближе день.

О, если б ночь могла повиснуть навсегда!
О, если б и душа была бы тьмой одета!
Но день идет, мой первый день стыда,
Горят лучи рассвета.
Все кончено... он здесь... он здесь и навсегда!

30 апреля 1896

Белеет ночь. Деревья сквера
Гигантским мохом поднялись.
Вот из-за крыш луна-химера
Приозарила светом высь.

И в фосфорическом сияньи
Открылся бледный мир чудес:
Дома стоят, как изваянья,
Висит, как полог, свод небес.

Как декорации феерий,
Деревья тянутся к луне.
И кто-то есть в пустынном сквере,
Поднявший руки к вышине.

1 мая 1896

Небо задернула бледная пленка,
Солнце мигает, и солнце бледно...
Мой дорогой, посмотри же в окно!

Сердце, беспечное сердце ребенка,
Снова счастливо и снова полно —
Этой минуты ждала я давно!

Знаешь, в сиянии солнца мне стыдно,
Знаешь, во мгле и с тобой мне смешно.
Этой минуты ждала я давно.

Мне хорошо, никому не завидно...
Сердце беспечно, и сердце полно...
Мой дорогой! Посмотри же в окно!

1 мая 1895

За годами год, девятнадцатый год
Висит надо мною недвижимый свод,
Недвижимый свод неподвижной тюрьмы,
Обвеянный Ужасом Тьмы...

За годами год вереницею лет —
Висит надо мною бесформенный бред,
И с дикою грезой напрасна борьба —
Кошмар не оставит раба.

В усилиях проснуться всегда истомлен,
Я снова хочу погрузиться в тот сон,
Где тени видений покинут меня,
Чтоб утром проснуться для дня.

Но нет возвращенья ко сну моему,
В неясном кошмаре я вижу тюрьму,
И сам узнаю свой бесформенный бред,
И бьюсь — и спасения нет...

Я сам сознаю, что немного минут
Продлится кошмар, но минуты бегут,
Я годы считаю, и время идет,
Идет девятнадцатый год.

Май 1895

Грезы быстрые, как чайки,
Мчатся в область тайных снов,
Но доносится с лужайки
Стук ракетных молотков.

О, как странно в эти сферы
Жизни звук перенести —
Рифмы, образы, размеры
Разбегаются с пути...

И еще в больном экстазе
Веют призраки вдали,
Но уже из мглы фантазии
Я смотрю на день земли.

Май 1895

Вся жизнь моя – бесформенная греза,
И правды нет в бреду, и смысла нет во сне —
Но пробуждение, как Бледная Угроза,
Приникло медленно ко мне.

Я чувствую сквозь сон, что вот взовьются шторы,
Вот брызнет свет в окно и позовет меня,
И тут же в первый миг пред ярким светом дня
Смущенные поникнут взоры.

18 мая 1895

Ранняя весна

Темнеет. Тонкая луна
Стоит на небе сиротливо,
Сквозь раму дачного окна
К нам веет ранняя весна,
А по стеклу трепещет ива.

Зима прошла. И вот мы вновь
Глядим с тобою в те же стекла...
Воспоминаний не готовь!
Былая летняя любовь
Под зимней стужею поблекла.

Все глубже тень... и ты дрожишь,
И мы сидим так близко рядом —
А на душе немая тишь,
И вокруг молчание – и лишь
Вороны каркают над садом.

18 мая 1895

На самом дне мучительной темницы
Я властелин сознания и мечты!
И предо мной в тумане темноты
Являются созданыя красоты,
Прносятся и образы, и лица.

Я властелин всеильного сознания,
Весь дивный мир я создаю в себе,
И кто убьет в окованном рабе
Презрение к темнице и судьбе,
Свободу грез, могущество сознания?

Скрипи, замок, у черного порога,
Звените вы, ручные кандалы.
Со мной мой свет – среди бессменной мглы,
Со мной мечты – свободны и светлы, —
И выше я людей, царей и бога!

22 мая 1895

Без обоев бревна и тес,
А в окне – все дали вселенной!
Факел жизни мгновенной
Стоит ли вечности грез?

В омраченной глуби столетий,
Точно пятна – смена племен.
Выше! там небосклон
Тонет в божественном свете.

Ореол земного венца
Подчинен дыханию века,
Но мечта человека
Так же, как мир, – без конца.

22 мая 1895

Я свечку погасил – и прямо под окном
Зеленоватый свет означил арабески,
И тень черемухи легла на занавески,
И проза комнаты сменилась волшебством.

Волшебница-луна, ты льешь лучи напрасно,
Мне некому шептать влюбленные слова,
Для вдохновенных грез моя душа мертва,
Забота царствует над мыслью полновластно.

Но бледная луна не слышит этих слов,
Она не для людей рисует арабески
И гордо тайная, плывет в волшебном блеске,
Сама полна мечты, сама в истоме снов.

24 мая 1895

Спинозианы

Утром жадно пахнут розы,
Утром грезы грезят вслух -
И холодный бог Спинозы
Для меня и нем, и глух.

Но вечерний мрак наляжет
На раскрытые цветы.
«Ты – один», – мне кто-то скажет,
«Мы – одни», – вздохнут мечты.

Нет веселости беспечной,
И душе, во мгле тревог,
Так понятен бесконечный
И предвечно-мертвый бог.

Июнь 1895

Я люблю у застав переулки Москвы,
Разноцветные, узкие, длинные,
По углам у заборов обрывки травы,
Тротуары, и в полдень пустынные.

Эта тихая жизнь, эта жизнь слободы,
Эта тишь в долетающем грохоте,
Там свободно на сердце свевают следы
Городской утомительной похоти.

В рассмеявшейся паре у ближних ворот
Открывается сердцу идиллия,
И от скучного хора всемирных забот
Я к стихам уношусь без усилия.

28 июня 1895

«Я часто размышлял о сущности вещей...»

*Тоска неясная о чем-то неземном.
Минский*

Я часто размышлял о сущности вещей,
Я их лишал и красок, и пространства,
Но все ж не мог лишить последнего убранства
И видел смутный рой мелькающих теней.

И я боролся вновь, и вновь искал вселенной
Вне времени, вне всяких чувств моих.
Она являлась мне, но искрою мгновенной,
Мелькнувшей в вечности и жившей только миг.

27 июля. 1895

К ветрам

Заветные ветры! скользя по пустыне,
Развейте мою молодую тоску,
Пусть ляжет она, как посев, по песку,
Пушкай прорастет в волчеце и полыни.

Скажите, скажите – зачем одинок
Сидит в стороне он, задумчиво-хмурый,
У ног своих чертит тростинкой фигуры
И долго, и долго глядит на песок.

Зачем, почему он, бродя по становью,
Глядит только в землю, молчанье храня,
Тогда как другие – все славят меня,
И мучат стихами, и мучат любовью.

Покинув палатку, зачем по ночам
Он долго глядит на небесные знаки?
Какие заклятья он шепчет во мраке?
О чем говорит безответным пескам?

Он ей отдался, бесконечной пустыне,
Он шепчет признанья звездам и песку —
Развейте же, ветры, развейте тоску,
Она прорастет в волчеце и полыни.

7 августа 1895

Два мака

Наши души – два яркие мака,
У которых сплелись лепестки;
Опуская во мглу стебельки,
Их головки сверкают из мрака.

О как пусто, как темно кругом!
Что вокруг – мы не знаем, не знаем,
Но друг друга мы жадно ласкаем,
Мы живем, потому что – вдвоем!

Пролетит ураган издалека,
Эти стебли откинёт во мрак...
Осыпайся, надломленный мак,
Ты не в силах цвести одиноко.

7 августа 1895

Весталка

У забора, где травы так редки,
Как весталки, – горды, молчаливы,
Прижимаяся к краю беседки,
Подымаются стебли крапивы.

Позабыты, отвергнуты садом,
Эти жесткие стебли угрюмы,
И наполнены девственным ядом
Неизменные, злобные думы.

Вот над ними проносятся тучки,
Вот лучи пробегают стыдливо, —
Но всегда наготове колючки,
И всегда недовольна крапива.

16 августа 1895

СЛИШКОМ

Слишком, слишком много счастья!
Переполнена душа,
И стою я, не дыша,
И к ногам готов упасть я.

Звуки, звуки! Гимн победный,
Песни, строфы торжества!
Но зачем же все слова
Слишком жалки, слишком бледны!

И стою – стою безмолвно,
Жду неведомых стихов,
Но для грезы нету слов:
Слишком, слишком сердце полно!

17 августа 1896

Торжественно-больное беспокойство,
В тебе родник невысказанных строк.
Я так томлюсь, я зарыдать готов,
Но верую в целительное свойство
Задумчиво слагаемых стихов.

В какой же мир уносятся квинтины?
К каким, к каким и рифмам и мечтам?
Лежит туман над далями картины.
И лишь дрожат листвою апельсины,
И лишь волна дробится по камням.

Я шлю привет и контурам акаций,
И дальнему встающему лучу...
Но вдруг дрожу – бессильно хохочу,
Ломаю, рву игрушки декораций,
Зову мечту... зову я.– и кричу!

А! Это что? десятки новолуний,
Расплавленный текущий алебастр —
И я плыву среди горящих астр.
А летний день слился с весной в июне,
И зло с добром сосватал Зороастр...

Измученный, я надаю... подушки

Горят огнем... в раскрытое окно
Далеких ветл виднеются верхушки.
Все просто так, все тихо, все темно, —
И квакают на озере лягушки.

17 августа 1895

Полно, не во сне ли видел я вчера,
Что воскресли снова наши вечера!
Полно, не во сне ли я бродил с тобой,
Любовался небом в ризе голубой.

Нынче дождь беззвучно бьет в мое стекло,
Тучами все небо нынче облегло,
Годы, как и прежде, делят нас с тобой,
И готов смириться вновь я пред судьбой.

17 августа 1895

Иду но бульвару. В померкшей листве,
Как бабочки, роем блестят фонари,
Как бабочки, роем в моей голове
Нелепые думы шумят и. шумят.
И сумрачны дали вечерней зари,
И в думах туманен закат.

Какие-то грезы, как Солнце, зашли,
Какая-то ложь, точно сумрак, легла,
Все странно, все чуждо – вблизи и вдали,
Иду, позабывши куда и зачем.
Иду – безответна туманная мгла,
И свет отуманенный – нем.

Неясные думы проходят в уме,
И так же проходят фигуры людей:
Мелькнувши на миг, исчезают во тьме
И снова, мелькнувши, приходят назад,
И снова спешат, и во мраке аллей
Идут и идут наугад...

И нету предела земному пути,
И мы не дождемся желанной зари!
Мы будем всю ночь неизменно идти,
Не зная, куда и зачем мы идем,

И будут гореть нам в листве фонари,
Гореть похоронным огнем.

1 сентября 1895

Охота за кабаном

Я слышу лай моих любимых дум,
Их голоса и радостны, и звонки;
И вот к крыльцу коня подводит грум,
И вот Мечта – с хлыстом и в амазонке.

Вперед! вперед! Взвились и летим,
Скалистый путь; о камни бьют копыта;
Вершины гор свиваются, как дым;
Как дальний вихрь, спешит за нами свита.

Вперед! вперед! затравленный кабан
Все ближе к нам; все громче свист и крики...
Но вдруг обрыв, – бездонный океан...
Плыви, мой конь, по волнам Атлантики!

Вода и ночь, и звезд на небе нет;
Друзья плывут, во мгле друг друга клича.
Со мной Мечта – туманный силуэт,
А там вдали —желанная добыча.

17 сентября 1895

В глуби пустыни, в безвестном оазе
Я жил одиноко, любимец фантазий.
Ночь для меня одевалась в блески,
Ручей повторял усыпленные всплески,
Пальмы шептали, цветы лепетали...
Закат распускался в причудливой дали.
В глуби пустыни, в безвестном оазе
Я годы провел в опьяненьи фантазий.

И так странно-неприятно было мне услышать ропот,
Полувнятный дальний рокот,
Голоса и конский топот,
Было мне услышать странно
Ропот жизни караванной.

Увидать коней и женщин, и товары, и палатки.
Я в рабах искал загадки,
Нагруженному верблюду
Я дивился, точно чуду,
От людей я сторонился,
И, смотря, как те повсюду смело ходят, топчут травы,
Волны мутят для забавы,
Я страдал, и я томился,
И фантазии молился,

Но ушел караван, я остался один
Посреди незаметных руин.
И так чуждо, и так странно
В вечер мгlistый и туманный
Прозвучали в дали звуки,
Звуки жизни караванной.

И так чуждо, и так странно
Замелькали в мгле туманной
Пестро крашенные вьюки,
Поезд шумный и неожиданный.

И, в оазе фантазий таинственный царь,
Я пришельцев встречал, словно робкий дикарь,
Укрывался от них за кустами алоэ,
Я от женщин бежал, я дрожал пред рабами,
А в душе у меня, как цветок над сухими стеблями,

Расцветало Былое.

26 сентября 1895

Дрожащие листья на бледные щеки
Изменчиво клали минутные тени,
И, чуть шелестя, заглушали упреки.

Дрожащие листья, как темные пятна,
Мелькали, скользили по звездному фону,
И ты и они – вы шептали невнятно.

Как лиственный шелест, звучали укоры,
Как бледные звезды, за дымкою листьев,
Смотрели, сквозь слезы, печальные взоры,

И тени ложились на бледные щеки,
И тени скользили, дрожали минутно,
И чуть долетали из дали упреки.

1 октября 1895

А. М. Добролюбову

Смутно куритесь, туманы былого!

Месяц безжизненный встал, освещая тропинку по скалам.

Каждый из нас угадал в полумраке другого,
Но, сойдясь на пути к непонятно одним идеалам,
Ропотно мы не сказали ни слова.

Блеск умирал на немом небосклоне,
Странно-чудовищны были холодные глубины дороги,
Изредка ты воскресал на сбегающем склоне,
Но все чаще грозили утесов сухие отроги,
И забывалось эхо гармоний.

Месяц безжизненный встал— и на самом
Пике горы вдохновенно-больную фигуру отметил.
Небо раскинулось вдруг недосказанным храмом,
Это ты мне мелькнул, и бесстрастно-восторжен, и
светел...

Мчитесь, куритесь, стихи, фимиамом.

4 октября 1895

Стихи о любви

За тонкой стеной замирала рояль,
Шумели слышней и слышней разговоры, —
Ко мне ты вошла, хороша, как печаль,
Вошла, подняла утомленные взоры...
За тонкой стеной зарыдала рояль.

Я понял без слов золотое признание,
И ты угадала безмолвный ответ...
Дрожащие руки сплелись без сознания,
Сквозь слезы заискрился радужный свет,
И эти огни заменили признание.

Бессильно, безвольно – лицо у лица —
Каким-то мечтам мы вдвоем отдавались,
Согласно и слышно стучали сердца, —
А там, за стеной, голоса раздавались,
И звуки рояля росли без конца.

23 октября 1896

Подземные растения

(Лилейно-сосновый сонет)

Внутри земли, в холодном царстве тьмы,
Заключены невидимые воды,
Они живут без света и свободы
В немых стенах удушливой тюрьмы.

Им снится луг, зеленые холмы,
Журчанье струй на празднике природы,
И горные мятежные проходы,
И блеск парчи на пологе зимы.

В томлении ручьи ползут. Упорно
Ползут ручьи за шагом шаг вперед
И роют путь в своей темнице черной.

И – знаю я! – великий день придет,
Напор воды пробьет гранит холодный,
И брызнет ключ торжественно-свободный!

25 ноября 1895

К солнцу

Посв. А. Курсинскому

Летит земля на крыльях духа тьмы,
Летит навстречу солнцу,
И сонный город, и наш путь, и мы,
И мы стремимся к солнцу.

Еще в душе глядят ее глаза,
Неясное виденье полуночи.
Еще звучат, как отзвук, голоса,
Гремевшие в минуту полуночи.

Но рядом с ней – забытый силуэт,
Забытый лик, магически манящий,
И новый хор из дали шлет ответ,
Невнятный гимн, магически манящий.

И мы с тобой, мой брат, мой спутник, мы
Вдыхаем гимны солнцу,
И шар земли на крыльях духа тьмы
Летит навстречу солнцу.

26 ноября 1895

Песня

Во мгле ночной
Горят огни,
А надо мной
Глаза твои.
Зачем же ты,
Улыбка дня,
У темноты
Нашла меня?
Здесь мой приют,
Молчанье снов,
Здесь смерть минут
И жизнь цветов.
Зачем в мой сад,
В немой цветник,
Твой дерзкий взгляд,
Как луч, проник?
В нем свет и ложь,
Ложь красоты, —
И ты сожжешь
Мои цветы.
Смотри, смотри,
Они горят —
В лучах зари,
Как прах, лежат,
И пепел их

Несется вдаль,
Закрыв эмаль
Очей твоих.

25 декабря 1895

Однострочные стихотворения

I

Я прекрасна, о смертный! Как греза камней!

27 ноября 1894

II

Никогда не смеюсь, никогда я не плачу.

27 ноября 1894

III

И никого, и ничего в ответ.

24 августа 1895

IV

Твои глаза простят мои мечты.

24 августа 1895

V

На бледный лик луны упал дрожащий свет...

Август 1895

Эпиталама

*И что один твой выражает взгляд,
Того весь мир пересказать не может.*

Фет

Примите скромный триолет,
Где вам звучит эпиталама,
Встречая в жизни новый свет,
Примите скромный триолет!
В дверях торжественного храма,
Как поздравленья, как привет,
Примите скромный триолет,
Где вам звучит эпиталама.

Не выразит смущенный стих
Порыва девственных желаний,
Он слаб, он глух, он нем для них!
Не выразит смущенный стих
Сулимых вам очарований!
Простите робость слов моих:
Не выразит смущенный стих
Порыва девственных желаний! ,

7 января 1896

«Сквозь разноцветные стекла закат...»

Леле

Сквозь разноцветные стекла закат
Чертил узорами пол —
Я дверь толкнул наугад
И несмелым движеньем вошел.

Стояла она у окна,
Смотря в догорающую даль —
Она была странно бледна,
Она вся была, как печаль.

Но вдруг, мой взор уловив,
Отступила быстро к стене
И потом – вся мечта, вся порыв —
Протянула руки ко мне.

И мы сидели вдвоем,
Вдвоем, как два года назад...
На стеклах тусклым огнем
Горел пурпурный закат.

И мы любовались всем,

И так счастливы были тогда,
Что нам было смешно – зачем
Мы страдали эти года...

Проснувшись – один я опять,
Но память злобно светла,
И должен я вновь сознавать,
Что два года, как ты умерла.

10 января 1896

Женский голос – он прозрачен,
Как дрожащее стекло,
И, предчувствием охвачен,
Я молчу, склонив весло.

Ясный луч мелькает в волнах,
Разгораются леса.
Над четой полей безмолвных
Побледнела полоса.

Солнце всходит выше, выше!
Здравствуй, полдень! день побед!
Женский голос тише, тише —
Долетает, как привет.

27 января 1896

Не говори мне, что ты любишь меня!
Я боюсь аромата роз,
Я боюсь опьянений дня, —
Не говори мне, мой милый, что ты любишь меня.

Я люблю часы задумчивых слез,
Я люблю мечты – о невозможном.
В нежных фиалках неисполненных грез
Фантазии больше, чем в запахе роз.

О, если бы жить всегда в волненьи тревожном,
Чего-то искать, не зная чего,
Не встречаясь со счастьем ничтожным...
О, если бы жить невозможным!

12 февраля 1896

Последним отблеском овеянный,
Смотрю вперед,
Вдали туман, едва рассеянный,
Опять плывет.

Случайный свет блеснул нерадостно
И гаснет вновь,
Все ближе ночь, где веет сладостно
Одна любовь.

Да будет проклят зов ласкающий
Земных надежд
И аромат благоухающий
С твоих одежд!

Ты вся дрожишь, сверкая ласками,
В венце из роз,
Но не могу упиться сказками —
Без вечных грез.

23 мая 1896

Я люблю другого

Летний вечер пышен,
Летний вечер снова...
Мне твой голос слышен:
«Я люблю другого».

Сердца горький трепет
Полон чар былого...
Слышен тихий лепет:
«Я люблю другого».

Смолкни, праздный ропот!
Прочь, упрек! Ни слова!..
Слышен, слышен шепот:
«Я люблю другого».

12 июля 1896

Я угадал за яркой сменой
Твоих младенческих забав
И море, блещущее пеной,
И аромат прибрежных трав.

С улыбкой резвой и беспечной
Ты подняла свои глаза,
А на меня – угрозой вечной
Пахнула шумная гроза.

И вот теперь, с тобой не споря,
Тебя приветствуя без слов,
Я слышу дальний ропот моря
И крики тонущих пловцов.

13 июля 1896

Дальний шум фонтана,
Листьев тихий шум...
Сладок миг обмана,
Миг туманных дум.
Я молюсь кому-то,
Я дышу весной,
Веря на минуту
Красоте земной.

Август 1896

Летний праздник

Затерявшись в толпе, я люблю
Мечтать и словам отдаваться
И, любуясь на грезу свою,
Над миром далеким смеяться.

Окружающий говор и шум
До меня изредка долетает,
Но моих недосказанных дум
Никто никогда не узнает.

О, пусть и грядущий пророк
В этом мире земных вакханалий
Блуждает, всегда одинок,
Разбивая святыя скрижали.

15 августа 1896

Отвращенье
И желанья —
Это звенья
Отрицанья.

Новой цепи
Странный трепет.
Это – в склепе
Чей-то лепет.

Зов домчался
До гробницы,
И ворвался
Луч денницы.

12 сентября 1896

Есть одно, о чем плачу я горько:
Это прошлые дни,
Это дни восхитительных оргий
И безумной любви.

Есть одно, что мне горестно вспомнит!..
Это прошлые дни.
Аромат опьяняющих комнат
И приветы любви.

Есть одно, что я проклял, что проклял:
Это прошлые дни,
Это дни, озаренные в строфах,
Это строфы мои.

2 октября 1896

Черный лес луной пронизан,
Светом озарен —
Я томлюсь от жажды жизни,
Я дрожу сквозь сон.

Бледных духов вереница
Реет над землей —
Черный лес луной пронизан,
Мертвою луной.

В этом странном мире веток
Жил когда-то я,
Черный лес пронизан светом,
Светом бытия.

15 октября 1896

Речи несмелых признаний,
Тихие речи любви —
Смысл их неясен и странен,
Тайна их – тайна души.

Нет, не рассудком проникнуть
В глубь озаренной души —
Гаснут, едва лишь возникнув,
Тихие речи любви.

Вслушайся думой и сердцем,
Слушай тревогой души —
Только на миг достоверны
Тихие речи любви.

17 января 1897

К прошлому

Для кого я пишу? – не знаю:
Читателей нет у меня.
Но спокойной улыбкой встречаю
Рассвет восходящего дня.

Восторгов не даст вдохновенье,
Не за них поклоняюсь мечте;
Я, как жрец, воссылаю моления
Безответной, немой красоте.

Здесь, за гранью причин и целей,
Погасает ненужный вопрос.
И нетленный цветок асфоделей —
Вот символ области грез.

23 января 1897

«В последний раз пропел петух...»

*День – сей сияющий покров.
Тютчев*

В последний раз пропел петух,
Уходят духи с тяжким стоном,
И белый день плывет вокруг,
И воздух полон ранним звоном.

Вставайте! – счастье, думы, труд
Для вас воскресли в новом свете,
Вас слуги солнца берегут,
Во мгле природы вы, как дети.

А я, бессонный гость ночей,
Я – собеседник ваш случайный,
Я сквозь покров дневных лучей
Все вижу мир – родной и тайный.

7 февраля 1897

* * *

Люблю я вспоминать утраченные дни.
С укором горестным являются они
И душу тяготят правдивыми словами.
Понятен их упрек. Я плачу. Со слезами
Клянусь исправиться и сквозь желаний бред
Шепчу томительно, что цели в жизни нет.

12 февраля 1897

Поликрат

К Эде

Я читал у поэтов о счастье, похожем на сон,
А теперь я блаженством таким же и сам опьянен.
Я серьезно боюсь, что проснуся. Второй Поликрат,
Я такому блаженству, избытку блаженства не рад.
Не сложить ли для публики несколько плохоньких
строф,
Чтобы тем успокоить всегдашнюю зависть богов.

26 июня 1897

Если мне суждено умереть,
Не окончив начатых созданий,
Я о планах не стану жалеть:
Их свершит грядущий избранник.

Если мне суждено умереть,
Не достигнув высот просветленья,
Я об этом не стану жалеть:
Нет предела для вечных стремлений.

Я иду! Я готов умереть,
Я страданьем купил это право,
И не мне, умирая, скорбеть
О душе, о искусстве, о славе.

25 июля 1897

Мы гордо людей презираем,
Нам законом – наши желанья,
И мы бесконечно страдаем,
Но в гордости любим страданья.

И если святые порывы
Пробудят в сердце участие,
Мы вдруг безмерно счастливы
И стыдимся этого счастья.

13 августа 1897

«Твои стихи – как луч случайный...»

К. Бальмонту

Твои стихи – как луч случайный
Над вечной бездной темноты.
И вот – мучительною тайной
Во мгле заискрились цветы.

Покорны властному сиянью,
Горят и зыблются они,
И вдаль уходят легкой тканью,
Сплетая краски и огни...

Но дрогнет ветер, налетая,
Узоры взвевет и порвет,
И тот же луч, дрожа и тая,
Бессильно в бездну упадет.

20 ноября 1897

Весенняя поэма

1

И серое небо, и проволоч сети,
Саней ускользящий бег;
И вдруг предо мной в электрическом свете
Вуаль, словно искристый снег.

И взор промелькнул утомленной загадкой,
Я видел, и вот его нет.
Мгновение тайны так странно, так кратко,
– Но здесь он, он в сердце – ответ!

2

И томлюсь я с тех пор,
Невозможно мне жить.
Тот мучительный взор
Не могу я забыть.

Я и жду, и молю,
И брожу, как в бреду,

Эту душу твою
Я нигде не найду.

Электрический свет,
Тихий шелест саней,
И бессильный ответ
С вечной думой о ней.

3

Она предо мною прошла, как земная,
В сиянии яркого дня,
И, легкой улыбкой свой взор оттеняя,
Взглянула она на меня.

Шумели извозчики, бегали дети,
Я слышал раскатистый смех...
О, серое небо, о, проволоки сети,
О, тающий, тающий снег,

29 ноября 1897

Вступления к поэме «Атлантида»

I

Муза в измятом венке, богиня, забытая миром!
Я один из немногих, кто верен прежним кумирам;
В храме оставленном есть несказанная прелесть, – и ныне
Я приношу фимиам к алтарю забытой святыни.

Словно поблеклые листья под дерзкой ласкою ветра,
Робко трепещут слова в дыхании древнего метра,
Словно путницы-сестры, уставши на долгой дороге,
Рифма склоняется к рифме в стыдливо смутной тревоге,
Что-то странное дышит в звуках античных гармоний —
Это месяц зажегся на бледно-ночном небосклоне.

Месяц! Мой друг неизменный! В твоём томительном
свете
Тихо катилися ночи и прошлых, далеких столетий.
То, что для нас погасло, что взято безмолвной могилой,
То для тебя когда-то юным и родственным было.

Февраль 1897

II

О, двойственность природы и искусства!
Весь зримый мир – последнее звено
Преемственных бессильных отражений.
И лишь мечта ведет нас в мир иной,
В мир Истины, где сущности видений.
Но и мечта покорна праху: ей
Приходится носить одежду праха.
Постичь ее вне формы мы не можем...

1897

Отрывок

Небо – серое от туч,
Камни – серые от влаги,
Утомленно виснут флаги,
День не нужен и тягуч.

Грустный час воспоминаний!
Их без слов встречаю я
В тихой музыке дождя,
В дальнем матовом тумане.

Слышу смутные слова,
Угадать не смею лица.
Жизнь – открытая гробница
Властной волею волхва.

Апрель 1898

Пифия

Волны приходят, и волны уходят,
Стелются пеной на берег отлогий;
По морю тени туманные бродят;
Чайки летят и кричат, как в тревоге.

Шум приближенья и хор отдаленный.
Горе! Былое – как светлая сказка!
Статуи, золото, стены, колонны!
Давит виски мне святая повязка.

Вот они входят, – упрямые лица:
Нет, не могу я! Пустите! Довольно!
– Тщетно бороться, безумная жрица,
Ты их рабыня... Как стыдно и больно.

Запах пьянит, меня пряной отравой,
Вырвались звуки из пропасти синей...
Смертные, – прочь! поклоняйтесь мне! Слава!
В сонм олимпийцев вступаю богиней.

2 мая 1898

Полнолуние

Мы волны морские, мы дышим луной,
Но утром не скажем о тайне ночной,
И день не узнает, как трепетный сон
Полночным призывом, заклатьем смущен.
И, вздрогнув, встаем мы в венце из огней,
И бьемся и рвемся из мира теней,
И к небу взлетаем, мятежно сплетясь,
И жаждем порвать беспредельную связь, —
Но, берег найдя, у его рубежа
Мы вдруг умираем, в истоме дрожа,
Без сил угасаем и дышим луной...
Нет! солнце не знает о тайне ночной.

21 мая 1898

Встреча

Еще мы чужие в мгновенье при встрече,
Лепечем банально ненужные речи,
Не смеем спросить, не хотим отвечать,
Но души успели друг друга узнать
И взором единым (но полным печали!)
О всем расспросили, на все отвечали.

Шепнули упреки с минутной мольбой
И снова беседу ведут меж собой.
И что в той беседе горит и таится,
Рассудку о том никогда не приснится,
Но этот безмолвный святой разговор...
Душа его помнит и знает с тех пор!

1 июня 1898

Ветер уныло летает над палубой,
По морю пенятся белые гребни,
Ветер уносится далее с жалобой,
С просьбой мучительной, тихой, последней.
Ветер, родной мой, задумчивый, северный!
Верно, ты знаешь и южные земли.

Дышат там пальмы вершиною веерной,
Скоку газелей оазис там внемлет.
Ветер, лети туда горестным вестником,
Выбери путь и верней и короче.
Всем там скажи: уведен я кудесником,
С милого полдня плыву я к полночи...

15 июля 1898

Сестре

Прости меня, сестра, я много виноват:
Я просмотрел твой взор, молительно скользнувший,
И этот скорбный взор, в мгновеньях потонувший,
Вошел в мои мечты и не уйдет назад.

Он вспыхнул пламенем бессвязным и случайным,
На чуждых высотах зажегся, как маяк,
И светом трепетным вдруг озарил сквозь мрак
Еще безвестный путь к непересказным тайнам.

3 августа 1898

К Бальмонту

Есть ясное безветрие

Без плачущего «я».

«Тишина»

Погасни, исчезни
В безбрежной бездне,
Мой бедный друг...
И откроется вдруг
В миг забвенья
На дне усыпленья,
Что мир темноты,
И призрак звездный,
И самая бездна —
Это ты!

29 августа 1898

Перепевы Бальмонта

Моя душа свободная,
Моя душа мятежная,
Тебя пустыня водная
Пленила вновь безбрежная.

Моя душа безумная
В пространства неба просится,
Безумные и шумные
Под нею волны носятся.

Она – как привидение
Над безднами мятежности,
И снятся ей видения
Непересказной нежности.

29 августа 1898

«Костей, бутылок продавать!»
С мешком проходит он дворами.
«Костей, бутылок продавать!»
С мешком идет он между нами.
Взглянув рассеянно в окно,
Ты возвратился к прежним книгам,
Но мысль, знакомая давно,
Не умерла с умершим мигом.
«Костей, бутылок продавать!»
Призыв угаснет без ответа.
Но отзвук властен оборвать
И стих любимого поэта.

12 ноября 1898

Засияла моя стена,
Я ее не узнал: на ней
От уличных фонарей
Отпечатались рамы окна.
Далеко от меня фонари,
Но свет их близок, со мной.

Рожок отдаленный, гори!
Ты не знаешь? – ты мой!
На небо взошла луна,
И, пространства мира пройдя,
Отпечатала рамы окна...
О, царица небес! – ты моя!

12 ноября 1898

Сонет, посвященный поэту П. Д. Бутурлину

Придет к моим стихам неведомый поэт
И жадно перечтет забытые страницы,
Ему в лицо блеснет души угасшей свет,
Пред ним мечты мои составят вереницы.

Но смерти для души за гранью гроба – нет!
Я буду снова жив, я снова гость темницы, —
И смутно долетит ко мне чужой привет,
И жадно вздрогну я – откроются зеницы!

И вспомню я сквозь сон, что был поэтом я,
И помутится вся, до дна, душа моя,
Как море зыблется, когда проходят тучи.

Былое бытие переживу я в миг,
Всю жизнь былых страстей и жизнь стихов моих,
И стану им в лицо – воскресший и могучий.

4 декабря 1698

Рондо

Не смею все мечты вложить я в стих,
И все ж его ласкаю и лелею...
Но громко повторить среди других
Не смею.

И вот теперь, пред чем благоговею,
Несу на шум базаров городских...
Не осмеять ли детскую затею?
Не смею.

О, если б был, кто книгу дум моих
Прочел, постиг и весь проникся ею...
Хотя б на миг!.. Но верить в этот миг
Не смею.

4 декабря 1898

Дома

Я люблю высокие дома,
Где небо чуть светит у крыши,
Я люблю высокие дома, —
И тем больше люблю, чем они выше.

Мне грезится город, как дом,
Вместо улиц – стеклянные своды,
И высятся этаж за этажом,
Сады, и залы, и переходы.

Мечтая о таких домах,
Я охвачен волнением странным,
Это бред о грядущих веках,
О человеке ином, но желанном.

О, я люблю высокие дома,
Где небо чуть светит у крыши,
Я люблю высокие дома,
Тем больше люблю, чём они выше.

22 декабря 1898

Я в высокой узкой башне,
Кто меня привел сюда?
Я в высокой узкой башне
Гость – надолго, гость – всегдашний,
Узник навсегда!

Помню горы, лес и поле,
Все раздолье дорог.
Помню горы, лес и поле,
Где по воле, где на воле
Я скитаться мог!

Помню быстрые ночлеги
В шалаше иль у костра.
Помню быстрые ночлеги;
Ночи ласки, ночи неги!
Хохот до утра!

Кто возвел меня высоко,
Двери запер кто за мной?
Мир – внизу, во мгле – далеко,
Здравствуй, жизни одинокой
Подвиг роковой!

На заданную тему у Случевского

Март! Пора нам жить наруже!
Как бегут ручьи из пены!
Но недвижны в полной луже
Опрокинутые стены.»

Много шумов, много звонов,
Мчатся конки, как живые.
И стоят без капюшенов
На постах городовые.

19 марта 1899

Сонет о поэте

Как силы светлого и грозного огня,
Как пламя, бьющее в холодный небосвод,
И жизнь, и гибель я; мой дух всегда живет,
Зачатие и смерть в себе самом храня.

Хотя б никто не знал, не слышал про меня,
Я знаю, я поэт! Но что во мне поет,
Что голосом мечты меня зовет вперед,
То властно над душой, весь мир мне заслоня.

О, бездна! я тобой отторжен ото всех!
Живу среди людей, но непонятно им,
Как мало я делю их горести и смех,

Как горько чувствую себя среди них чужим
И как могу, за мглой моих безмолвных дней,
Видений целый мир таить в душе своей.

2 августа 1899

Железный путь

На середине жизненной дороги
Ты встретишь мост, свободно изогнутый,
Его столбы властительны и строги,
Его черты в самих себе замкнуты.

Но не прельстись их торжеством над бездной.
Не восходи на лестницы крутые:
Там путь проложен – каменный, железный,
И он уводит в области пустые.

Нет! Не пленись безжизненным покоем,
Останься верен избранной дороге.
И будешь счастлив ты дождем, и зноем,
И вечной близостью к земной тревоге.

2 августа 1899

На осуждение Дрейфуса (29 августа 1899)

Люди! Вы слышите:
Звон похоронный?
Что же вы дышите
Леностью сонной!
Что же в беспечности
Радостей ждете!
Голоса вечности
Не узнаете?

Пробудитесь, уходите
Прочь от башен и дворцов,
Прах сандалий отрясите
За порогом городов.

Мы уйдем в глухие степи,
Убежим в ущелья гор,
Там в тиши, как в тайном склепе,
Спрячем, скроем свой позор!

Человек был в нас унижен, —
Душу вновь мы обретем
В тишине пустынных хижин,
В дебрях скал над шалашом.

Пусть на улицах, у зданий
Стонут сосны и трава,
Бродит зверь в немом тумане,
Кличет филин и сова.

Пусть разрушится твердыня
Строгих башен и дворцов.
Лучше, братья, нам в пустыне,
За порогом городов.

Братья! вы слышите:
.Звон похоронный?
Что же вы дышите
Ленью сонной!
Что же в беспечности
Радостей ждете!
Голоса вечности
Не узнаете?

29 августа 1899

За пределами сказок

Под навесом темной ели,
На ковре из мягкой хвои,
Оба друга рядом сели —
И теперь их в мире двое.

Души их трепещут жаждой
Прошлой жизнью поделиться,
Обменяться думой каждой
И в одно сознание слиться.

Ищут речи, – не находят,
Гладят ласково друг друга
И с тоской бессильной бродят
В стенах замкнутого круга.

29 августа 1899

Я люблю в твоих стихах
Смутный сумрак, жадный страх,
Вспышки всемогущих слов
И тяжелый стук оков.

Я люблю в твоих стихах
Ветра перелетный взмах,
Ширь пространства до конца,
Трепет страстного лица.

Я люблю в твоих стихах
Колыханье трав на мхах,
Под звенящий звон волны
В мире звучной тишины.

Сентябрь 1899

А сколько радости и неги
В бегущих медленно часах!
Следов доискиваться в снеге,
Взметать на лыжах белый прах.

Найти медвежий путь, тропинку,
Сидеть у проруби весь день,
Пока в воде разрежет льдинку
Тяжелой головой тюлень.

Владея радостной тревогой,
Готовый жить и умереть,
Встречать уверенной острогой,
Когда подыметя медведь.

И пировать под крышей снежной,
И охранять под снегом челн,
И ждать, что океан безбрежный
Опять раскинет гребни волн.

23 сентября 1899

Будущий век,
Тебе посвящаю я песни!
По течению невидимых рек
Все быстрее, все смелей, все чудесней
Уплывает вперед человек.
О, времен потрясающий бег!
Словно тает мучительный снег,
Словно гаснут узоорища песни,
Словно никнут виденья чудовищ...
Уплывает вперед человек
В мир цветов и весны,
В мир всеобщей волны,
Предугаданных смутно сокровищ.

Я грядущее люблю,
Я грядущему молиться
Никогда не устаю.
Я хочу
Верить белому лучу,
В блесках искристых дробиться,
Каждым мигом насладиться.
Жизнью мировой дышать —
И холодной властью мысли...
Дням, что в вечности нависли,
Как словам, повелевать!

Но жалкие мечты! кругом и отовсюду
Видения идут – герои, короли,
Поэты властные, избранники земли,
И вопят, и зовут! о нет! не верю чуду!
И я, как все, томиться осужден
В цепях веков и в тягости времен!

Октябрь 1899

Матери на именины

От ранних детских лет, как свет среди теней,
Люблю я этот день, наш праздник, вечно жданный.
И вот, когда он вновь приходит в смене дней,
Все снова для меня прозрачней и нежней,
Как в годы первые, во дни зари туманной.

9 ноября 1899

Из детской книжки

Мой плюш расцветает; живые побеги
Любовно обвили суровые нити.
Садитесь на лавочку, дети, смотрите
И думайте вместе со мною о снеге.

Когда разбегутся веселые санки
И воздух дрожит от бубенчиков ясных,
Невольно припомнишь о маковках красных,
Горящих, как угли, на нашей полянке.

Чему ж вы смеетесь? Ах, глупые дети!
Так вам никогда ничего не расскажешь!
Вяжи, Маргарита! – ты к осени свяжешь
Красивые, длинные, прочные сети.

12 ноября 1899

Есть слова волшебства. Вы всесильны,
Роковые слова о былом!
Разве годы не камень могильный,
Разве смерть называется сном?

Мы идем бесконечной долиной,
С каждым шагом все больше теней,
И из них не отстать ни единой:
То бледнеют, то снова ясней.

И при вспышке могучего слова
Тень прошедшего странно жива.
И глядит умоляюще снова,
И твердит прямо в душу слова.

14 ноября 1899

Я от стыда закрыл лицо
И пал, целуя прах дорожный...
Кричите, смейтесь мне в лицо:
Я все свершил, что невозможно!

Есть оправдание рабу, —
Он и не знает лучшей доли, —
Но я изведал всю судьбу
И властен выбрать жребий воли.

Я знал, что будет, наизусть,
Мне даже нет и заблуждений,
И вот иду к позору... Пусть!
Хочу и жажду унижений.

Январь 1900

* * *

Заботы дня, как псы, меня бесславно травят,
Взывает ловчий рог, бегу я, как кабан...
Но горе им! Они вступить в борьбу заставят!
Стонать вам всем, ловцы, от боли свежих ран!

Февраль 1900

За городом

В городе дышит весна,
Сгинул истаявший снег,
Даль ожиданьем полна,
В воздухе радостный смех...
Первые проблески нег!

Здесь – неизменен покров
Белых и мертвых снегов,
Сосны упрямо встают,
Хмуρο туманится лес...
Стынет движенье минут
В холоде зимних небес.

Был я встревожен весной,
Верил и вторил ручью,
Шел воспаленный, больной...
Холод целебный я пью.

Гаснут, как солнца, мечты,
Сладок привет темноты,
Словом весенним «люблю»
Я ли покой оскорблю!

Тысячи маленьких свеч
Вспыхнули в тайнах души...

Нет! Мне не надобно встреч
В царственно чистой тиши.

13 марта. 1900

Люблю я имя Анна,
Оно звенит, как свет,
Оно, как сон, пространно...
Люблю его – и нет.

И двойственно, и чудно
Оно мелькает мне.
И в ночи непробудной,
И в тихом, ясном дне.

Люблю я имя Анна,
Во мгле – как сладкий грех.
Оно зовет и странно
Звучит, как дальний смех.

Люблю в нем – унижений
Таинственную власть...
И молча сходят тени,
И ночь должна ниспасть...

Но утро вновь туманно,
И день забрезжит вновь.
С ним имя Иоанна,
С ним мудрость и любовь.

Вновь солнца круг высоко,
Спокойный свет лучист,
И мой венец пророка
Торжественен и чист.

Так двойственно, так чудно
Оно мелькает мне
И в ночи непробудной,
И в тихом, ясном дне.

2 апреля 1900

Я жду у ветхого забора,
Мне в окна комнаты видны,
Людей, неведомых для взора,
Мелькают тени вдоль стены.

Я вижу статуи, картины
И пальмы веерную сень,
Но взор не встречу ни единый,
Лишь изредка проходит тень.

Когда б я мог туда проникнуть
И видеть, там ли ты, у них?
К запрету как мечтам привыкнуть?
Как быть, чтоб трепет дум утих?

Не так ли мы, в сем мире дольном
Иного мира ловим тень
И рвемся в ужасе невольном
Вступить на высшую ступень.

9 сентября 1900

– Кто ты? – «Я – чувство, я – любовь.
Ты видишь: я в короне звездной».
– Зачем же ты приходишь вновь
Тревожить мукой бесполезной?

«Вернулась я из дальних стран;
Прими беглянку, как подругу».
– Твои обеты – лишь обман.
Твои пути – пути по кругу.

«Я – тайна духа».– Ты – мечта.
«Я – дрожь».– Ты только манишь дрожью.
«Я – неизбежна!» – Есть черта,
За ней я властвую над ложью.

«Ты – снова мой!» – Свободен я!

Сентябрь 1900

Настали дни печальные, как воды
В наполненном пруду под сенью ив.
Я вдаль иду один, и дни, как годы,
Растут в числе, растут, нас разделив.

Я вдаль иду один. Воспоминанья
Как будто тянут сотни жадных рук.
Лишь оглянусь, их нет. Стопились зданья
На мировом пути; светло вокруг.

Закрыв глаза, забудусь. Вспоминаю
Молчанье, лампы свет и груды книг...
Я вновь с тобой! Я лгу! Смеюсь! Желая!
На миг я дрожью воскрешаю миг.

Откуда эта власть живых желаний?
О, страсть! – перед тобой стою я, как боец,
Толпа со мной идет ущельем зданий,
Но ей незрим палящий мой венец.

Сентябрь 1900

Вы неисполненных надежд
Над бездной реющие лики.
Из-под прикрытых бледных вежд
Как ваши взоры странно дики.

Вы дерзкой юности мечты,
Прозрачных теней хороводы!
В венцах из лилий вы чисты,
И ваши локоны, как воды.

Вы творчества бессильный бред,
Недовершенный замысл фурий!
Ты, жажда властвовать! Привет!
Ты, как всегда, в порывах бури.

Но чьи уста – живая кровь
С усмешкой беспощадной власти?
Неразделенная любовь,
Мечта неутоленной страсти!

6 октября 1900

* * *

Я жизнью пьян. Напиток жгучий
По жилам разошелся... жжет.
Не стынь, огонь, кипи и мучай,
Кружи, влеки, водоворот.

Октябрь 1900

Торжествовать! какие звуки!
Их плеск расплесканный мне люб.
Еще мне внятны эти руки
И язвы впечатленных губ.

Но в сладких думах о победе
Из глубей памяти встает,
Как образ, воплощенный в меди,
Холодных замыслов расчет.

И сдавлен, с судорожной жадой,
Над ужасом померкших глаз,
О миги страсти, каждый! каждый!
Смеясь, предчувствовал я вас.

Торжествовать! люблю я звуки,
Люблю моих заклятий власть,
Мне нужны слезы, чьи-то муки,
Победа, гордость – но не страсть.

Ноябрь 1900

* * *

В глуби тайные вселенной,
В воды темные столетий
Мы бросаем с лодки брэнной
Золотые сети.

И из прочных уз мы рады
Доставать морских чудовищ,
И растут в челне громады
Скопленных сокровищ.

<1900 >

Хорошо бы нам додуматься
До весенних песен птиц,
Но шумит немолчно улица
Гордым грохотом столиц.

Хорошо бы мне довериться
Взорам нежным и простым,
Но в ночном сияньи месяца
Слишком манит дальний дым.

Хорошо любить в созвучии
Верность буквы и черты,
Но мечта – звезда падучая —
Видит бездны с высоты.

Январь 1901

Мона Лиза

Есть обольщение в вине,
В его манящем аромате,
Как поцелуи в тишине,
Как вздох в безмолвии объятий.

Как хорошо дрожать, молчать,
Тревожиться при каждом звуке,
И жечь лобзання, как печать,
Впечатлевать, как символ, руки.

Предчувствовать слова, глаза,
Утаенные в сердце речи,
Мечтать, как черны волоса,
Обжегшие случайно плечи.

И разойтись без клятв, без слов,
Скользнуть, как спугнутые тени,
Чтоб эта ночь, как греза снов,
Вплелась в гирлянду сновидений.

Есть обольщенье в тишине,
Восторг в безмолвии объятий,
Как сладость тайная в вине,
В его манящем аромате.

9 февраля 1901

Братья бездомные

Братья бездомные, пьяные братья,
В шуме, дыму кабака!
Ваши ругательства, ваши проклятья —
Крик, уходящий в века.

Вас, обезличенных медленным зверством,
Властью бичей и желез,
Вас я провижу во храме отверстом,
В новом сиянии небес.

Много веков насмехавшийся Голод,
Стыд и Обида-сестра
Ныне вручают вам яростный молот,
Смело берите – пора!

Вот растворяю я хриплые двери:
Город в вечернем огне,
Весело вспомнить опять, что мы звери,
Воле отдаться вполне.

Видите зданье за зданьем, как звенья,
Залы для женщин и книг...
Разве не вы приносили каменья,
Строили храмы владык?

Ринемтесь дико и смоем лавиной
Всю эту плесень веков!
Пусть оглушит ее голос звериный,
Наш торжествующий рев.

Полно покорствовать! видите, братья,
Двери открыты в века.
Слышу ругательства, слышу проклятья
В шуме, в дыму кабака.

21 марта 1901

Так это будет летом. Кисея
Вся заблестит, пронизанная светом,
И мне покажется в наряде этом
Еще милее красота твоя.

В широких складках, полных трепетанья,
Повиснет неба полог голубой,
И побледнеем оба мы с тобой
От чувства счастья и от ожидания.

Настанет вечер, в чуткой тишине
Коснется ветер до твоей вуали,
И улыбнутся из прозрачной дали
Нам взоры звезд, как мужу и жене.

14 июля 1901

Вот брошен я какой-то силой
На новый путь.
И мне не нужно все, что было!
Иное будь!

Вокруг туманность и безбрежность,
Как море, высь.
Мечта моя! в том неизбежность:
Ей покорись.

В ночном лесу, где мгла и сыро,
Ищу тропу,
Иду по ней и к тайнам мира,
И вспять, в толпу.

Как укрощенная пантера,
Покорной будь:
Да снидет к нам обоим вера
В безвестный путь.

Август 1901

Нет душе покою,
Глянул день в глаза,
И опять я строю
Шаткие леса.

Снова сердцу надо
Веровать в чертеж,
И мечтам – услада
Новых планов ложь.

Снится, снится зданье,
Купол золотой,
Бракосочетанье,
Ночь с тобой, с тобой.

Мы во мраке двое...
Двери тишь хранят...
Зыблются обои...
Душит аромат...

– Тщетно, дерзкий! тщетно!
Не воздвигнешь вновь
Купол огнецветный,
Новую любовь!

Будешь вновь обманут,
Разберешь леса,
И руины глянут
Прямо в небеса.

Ноябрь 1901

Непересказанные думы,
Неразделенные слова —
Вы беспокойны, вы угрюмы,
Как перед молнией трава.

Что просияло, что мелькнуло,
Что душу пламенем прожгло,
Ужели в прошлом потонуло,
И гладь бывшего — как стекло.

И в сердце сдавленные речи,
Навеки смолкшие слова
Безумно ждут желанной встречи,
И сердце не кричит едва.

Я жажду жадных откровений —
Все повторить, все рассказать,
Чтоб в час заветных оживлений
С тобой все пережить опять.

Я снова одинок, как десять лет назад.
Все тот же парк вокруг, за елью звезды те же,
С черемухи и с лип знакомый аромат.

Там где-то лай собак. Повеял ветер свежий.
И вечер медленный мне возвращает бред,
Который жжет мечты все реже, реже.

Я жил здесь мальчиком, едва в шестнадцать лет
С душой, отравленной сознанием и чтеньем,
Неловок, как дитя, застенчив, как поэт.
Мне этот шумный парк служил уединеньем,

Я не имел друзей. Для женщин был несмел,
И в сумраке следил за парами, с томленьем,
Но я в мечтах нашел все, все, что я хотел.

Все бездонней, все безмерней,
Недоступней глубина,
Но, как свет звезды вечерней,
Светят водоросли дна.

Плотны синие преграды,
Обступили взгляды рыб.
Словно знают, словно рады,
Что еще пловец погиб.

Но на родине чудовищ
Посреди живых цветов
Не ищу морских сокровищ
И жемчужных слизняков.

<Январь 1902>

Надо струны перестроить
Вновь на новый лад,
Песни вещие усвоить
Я готов, я рад.

Сердце, мертвое от жажды,
Слышишь? – бьют ключи!
Песнь одну не петь нам дважды,
Лучше замолчи.

Я, как феникс, в пламя кинут,
Гибну, взор смежив...
Но едва мученья минут,
Встану юн и жив.

Я в земле, под грудой гнили, —
Мертвое зерно.
Но дожди меня вспоили —
Цвествь мне суждено!

Дух живительный и юный
Влился в грудь мою, —
Строю заново я струны,
Верю и пою.

21 февраля 1903

Неужели это была ты —
В сером платье
Робкая девочка на площадке вагона —
Моя невеста!
Помню, как оба тонули мы в первом объятьи,
Жестоком до стога,
Были безумны и святы мечты.
Пели удары колес.
Вереницы берез,
Качаясь, глядели в окно,
Вечер осенний померк незаметно, и на небе было темно.

В поздний безмолвный час
Я сидел одиноко.
Странно дрожал за стеклом раздражающий газ.
Думы дрожали, как газ, раздражающе тоже.
Я жаждал упрёка.
О, если б предстал мне таинственный Кто-то
И тайну открыл мне пророческой, внутренней дрожи,
Чего я боюсь в этот поздний обманчивый час.
О, если б предстал мне таинственный Кто-то
И властно позвал бы меня для отчета.

Что женщина?
— Мать, принявшая в лоно, —

Чтобы длить бесконечно преемственность сил.
Вы пестры, миражи бытия: рождений, падений, могил
– Женщина – некий сосуд драгоценный,
Тайну таящий во мгле сокровенной.
Женщина – путь до глубин божества.
Женщина – мир естества,
Его золотая корона.
Свята, свята ее жизнь, дающее лоно.

Но мы?
В нас не все ли – стремленье вовне, из предела?
Разве не мы
Природу наполнили звуками слова?
В дымной пропасти тьмы,
Где дышит и движется тело.
Нам разве не душно?
Мы жаждем иного,
В вечном стремленье идем и идем до предела,
Кажется, близки мы к области звездной.
Миг – и повиснем в полете над бездной,
Вдруг снова, влечению земному послушны,
Падаем в душные пропасти тьмы.

А есть красота.
В звуках, в красках, в линиях, в теле,
В обнаженности женственной.
Жажда ее не в одной крови разлита,
Это не жажда веселий.
Ее поток благоденственный

В тайных глубинах шумит,
Струя его сладко чиста,
Он вечной божественной влагой поит.
Да, есть на земле красота.

Или мы крылья у птицы?
И нам суждено
Метаться к гробнице от старой гробницы?
И нам суждено
Только взаимным усилием весь путь побороть?
Только вдвоем долететь до свержения уз?
Церковь венчает как святость союз
Двух осужденных сердец.
– Примем ли мы, как тяжелое бремя, венец?
Да, людям дано только вдвоем этот путь побороть.
Слава тебе, освященная плоть!

Ночь незаметно погасла, и свет набегал на окно.
Я сидел одиноко.
Дрожал за стеклом замирающий газ.
Был светлым и утренним час,
И город вечерний остался далеко.
Я знаю.
Я в зеркале видел всю душу мою,
Все, чему верю, и все, что люблю.
Там нет проклятья.
Как теплым волнам, я отдамся душистому маю,
Пусть будут безумны и святы мечты,
Робкая девушка в сереньком платье,

Да, это ты,
Моя невеста.

4 марта 1902

Я много лгал и лицемерил,
И много сотворил я зла,
Но мне за то, что много верил,
Мои отпустятся дела.

Я дорожил минутой каждой,
И каждый час мой был порыв.
Всю жизнь я жил великой жадой,
Ее в пути не утолив.

На каждый зов готов ответить,
И, открывая душу всем,
Не мог я в мире друга встретить
И для людей остался нем.

Любви я ждал, но не изведал
Ее в бездонной полноте, —
Я сердце холодности предал,
Я изменял своей мечте!

Тех обманул я, тех обидел,
Тех погубил, – пусть вопиют!
Но я искал – и это видел
Тот, кто один мне – правый суд!

16 апреля 1902

Sub specie aeternitatis⁵⁸

Отселе мне видно потоков рожденье.
Пушкин

О, господи, какое счастье
Быть художником!
Самовластным, гордым, свободным, —
Царем над созвучиями и образами.

Они меня оскорбляют,
Какое мне дело?
Я на тех бесконечных высотах,
Где небо и лед,
Куда и мечта о дольных заботах
Не достигнет.
Выше нет ничего. Небо сине.
Вдалеке очертанья таких же вершин.
О, как вольно дышать в беспредельной пустыне,
Повторять неземное, великое слово: один!

Мне видна земля,
Моря золотое пространство,
Нагорий живое убранство,
Распростертые низко дороги, поля.

⁵⁸ С точки зрения вечности (лат.)

И местами селенья,
Как столбы при дороге, как на перекрестках камня.
Но мне не видно людей,
Их суеты вседневной.

Я увидал бы движенья двух ратей,
Падение царства, создание столицы.
Я смотрю на жизнь мной отвергнутых братии,
Как смотрят на землю птицы.

Солнце!
Здравствуй, солнце, мой двойник!
Я люблю твой ясный дик.
Как и ты, я с высоты
Вижу горные хребты,
И узорчатых лугов,
И кипенье городов...

Ноябрь 1902

Я путешественник случайный,
Бродяга в мире, дикий скиф,
Любуюсь на земные тайны,
На храм, на башню, па залив.

И медлю пред душой безвестной,
Внимательно любясь ей,
Как перед статуей чудесной,
Жалея покидать музей.

Ноябрь 1902

Да, в нашей жизни есть кумир для всех единый —
То лицемерие; пред искренностью – страх!
Мы все притворствуем в искусстве и в гостинной,
В поступках, и в движеньях, и в словах!

Вся наша жизнь подчинена условию,
И эта ложь в веках освящена.
Нет, не упиться нам ни чувством, ни любовью,
Ни даже горестью – до глубины, до дна!

На свете нет людей – одни пустые маски,
Мы каждым взглядом лжем, мы прячем каждый крик,
Расчетом и умом мы оскверняем ласки,
И бережет пророк свой пафос лишь для книг!

От этой пошлости обдуманной, обычной
Где можно, кроме гор и моря, отдохнуть?
Где можно на людей, как есть они, взглянуть?
– Там, где игорный дом, и там, где дом публичный!

Как пристани, во мгле вы выситесь, дома,
Убежища для всех, кому запретно поле,
В вас беспристрастие и купли и найма.
В вас равенство людей и откровенность воли.

Вот мир восторженной победы и борьбы
В разврате искреннем и слов и побуждений.
Мы дни и месяцы актеры и рабы,
Оставьте же притон для искренних мгновений!

<1902>

Дивный гемуэец! как нам стали понятны
Твои пророческие слова:

«Мир мал!»

Мы взором одним озираем его

От полюса до полюса —

Нет больше тайн на земле!

Прежде былинка в безмерных просторах,

Упорно – за веком век —

Работал, боролся, вперед продвигался

И своей планетой, наконец, овладел

Человек.

Нет больше тайн в надземном тесном мире!

Стальные иглы рельс, обвив материки,

Бегут сквозь цепи Анд, бегут в степях Сибири —

К верховьям Крокодиловой реки;

Земля, земля! настало время!

Ты – достояние людей.

Не то или другое племя,

Не тот иль этот из царей,

Тебя взял Человек, его спокойный гений,

Его холодный ум, его упорный труд

И смелый взлет безумных дерзновений!

И правит скорбного Судьи бесстрастный суд.

Человек! торжествуй! и, величье познав,

Увенчай себя вечным венцом!

Выше радостей стань, выше слав,

Будь творцом!

<1902>

– Пусть лобзает меня – он лобзаньем своим!
Удовольствия ласк его – свыше вина.
Запах риз его – ладанный дым,
Как пролитое миро – его имена!
Девы ради сего – возлюбили тебя!
За тобой и к тебе, царь, пойду я, любя.
Опаленная солнцем, лицом я смугла
И прекрасна, как полы в китарских шатрах,
Как завесы во храме на пышных вратах.
Виноградник отца я все дни стерегла,
Но сберечь не сумела я свой виноград.
Где пасешь ты? скажи мне, возлюбленный брат!
Где почиешь в полуденный жар, – возвести!
Чтоб к друзьям твоим мне, заблудясь, не прийти.

– Если ты угадать не умела, где брат,
Приходи к пастухам по следам наших стад.
Кобылице моей в колеснице царя
Уподоблю тебя я, подруга моя!
Хороши твои щеки в серьгах золотых,
Хороша твоя грудь в ожерельях твоих.
Золотые подвески я дам с серебром...
О, как сладостно ладаном пахнет кругом.

– Ветка мирры – мой брат – на груди у меня,

В винограднике, брат мой, покойся до дня.
– Ты прекрасна, сестра, – как у голубя взор.
– Ты прекрасен, мой брат, – ароматен убор.
– Сень над ложем у нас наклоняется вниз,
Кровля ложницы – кедр, потолок – кипарис.

1902

Влачась по дням, при новой встрече
Твержу с усталостью «люблю»,
Но эти взоры, миги, речи
Запоминаю и ловлю.

От ночи дню передаваем,
Куда-то на волнах влеком,
То из-за стен дышу я раем,
То за окном я внемлю гром.

Не увлечен и не печален,
Но, любопытствуя везде, —
В бреду пиров, в молчаньи спален,
Я рад бегущей череде.

Уходят шумные мгновенья,
И я дивиться вновь готов
На самоцветные каменя
Случайно сложенных стихов.

Прими послание, о Виктор!
Слагаю песнь тебе я в честь,
Пусть консул я, а ты – мой ликтор,
Но сходство между нами есть.

Тебе милее смех девичий,
Мне – женский и бесстыдный смех.
Но что до маленьких различий,
Когда мы оба любим грех!

Мы оба на алтарь Цитерин
Льем возлияния свои,
И оба будем – я уверен,
До гроба верными любви!

Но любим мы полней и выше,
Чем даже страсти легкий стон, —
Напевы стройных полустий
И в темных лаврах Геликон!

<Март 1903>

И вдруг все станет так понятно:
И жизнь земли, и голос рек,
И звезд магические пятна, —
И золотой настанет век.

Восстанут новые пророки
С святым сияньем вокруг волос,
Твердя, что истожились сроки,
Что день настал свершенья грез.

И люди все, как сестры-братья,
Семья единого отца,
Протянут руки и объятья,
И будет радость без конца!

9 – 10 сентября 1903

«Над бредом наших разных ликов...»

М. Н. Семенову

Над бредом наших разных ликов,
Над диким сном
Разноязычных наших криков, —
Не здесь, в ином —

Есть нас связующие нити.
Есть общий зов
За грань желаний и событий,
Имен и слов!

Мы все склоняем взор во храме,
Всех зыблет страсть,
И красота над всеми нами
Простерла власть!

16 октября 1903

Орфей

Вакханки встретили Орфея
На берегу немолчных вод.
Он, изнывая и немея,
Следил их медленный черед.

Душе, всегда глядящей в тайны,
Где тихо веет Дионис,
Понятен был их бег случайный
И смена сребропенных риз.

Но, опьяненны и безумны,
Почти до чресл обнажены,
Менады вторглись бурей шумной
В его безветренные сны.

Их тирсы зыблились, как травы,
Когда находит с гор гроза,
И, полны ярости и славы,
Звенели в хоре голоса.

«Унынье прочь! Мы вечно юны,
Что зимний ветер! Сияет май!
Ударь, певец, в живые струны
И буйство жизни повторяй!

Ты ль, двигавший напевом скалы,
Кому внимали барс и тигр,
Пребудешь молча одичалый
При вольном вое наших игр.

Твой бог – наш бог! Что возрожденье,
Когда до дна прекрасен миг!
Не сам ли в неге опьянения
И в нас бог Дионис проник.

Вошел он с вестью о победе,
Что смерть давно побеждена, —
Все жизни – в сладострастном бреде,
Вся вечность – в таинстве вина».

Они стремятся, как пантеры,
Но и пантер смирял напев,
И лиру взял, исполнен веры,
Орфей среди безумных дев.

Он им поет о Евридике,
О страшных Орковых воротах...
Но песню заглушают крики...
Уж – камни в яростных руках.

И пал певец с улыбкой ясной.
До берега волны докатив,
Как драгоценность, труп безгласный
Принял на грудь свою прилив.

И пышнокудрые наяды
Безлюдной и чужой земли
У волн, в пещере, в час прохлады,
Его, рыдая, погребли.

Но, не покинув лиры вещей,
Поэт, вручая свой обол,
Как прежде в Арго, в челн зловещий,
Дыша надеждой, перешел.

4 декабря 1903

– Дитя, скажи мне, что любовь?

– Вот этот ужас мой без воли,
Вот этот стыд, мгновенье боли,
Вот эта стынувшая кровь.

– Дитя, скажи мне, что же страсть?

– Вот эти слезы, эти пени,
Вот эта жажда унижений:
Быть как раба, к ногам припасть.

– Дитя, ответь мне, счастье в чем?

– В твоей истоме, в этом бреде,
В твоём весельи о победе,
Во взоре блещущем твоём!

1903

Сфинкс

Я пустынной шел дорогой
Меж отвесных, тесных скал, —
И внезапно голос строгий
Со скалы меня позвал.

Вечерело. По вершинам
Гас закат. Был дол во мгле.
Странный призрак с телом львиным
Вырос, ожил на скале.

Полузверь и полудева
Там ждала, где шла тропа.
И белели справа, слева
Кости, кости, черепа...

И, исполнен вещей веры
В полноту нам данных сил,
К краю сумрачной пещеры,
Человек, я подступил.

И сказал я: «Ты ли это,
Переживши сто веков, ,
Снова требуешь ответа?
Дай загадку, – я готов?!»

Но, недвижима на камне,
Тихо, зыбля львиный хвост,
Дева, взор вонзив в глаза мне,
Ожидала первых звезд:

«Вот загадка, о прохожий,
Ты, пришедший из долин!
Я тебя спрошу все то же,
Что услышал Лаев сын:

Кто из нас двоих загадка?
Я ли, дева-сфинкс, иль ты?
Может, ночью в тени шаткой,
Видишь ты свои мечты?

Если я жива, телесна,
Как тебе телесным быть?
Нам вдвоем на свете тесно,
Я должна тебя сразить!

Но, быть может, я – поэта
Воплощенный легкий сон?
В слове смелого ответа
Будет призрак расточен.

И действительностью станут
Только кости и скала?
Отвечай мне: кто обманут?
Я была иль не была?»

И, недвижима на камне,
Дева, зыбля львиный хвост,
Устремила взор в глаза мне,
Взор, принявший отблеск звезд.

Мрак тускнел и рос без меры,
К небу высились столпы...
Я стоял у врат пещеры...
Мимо не было тропы.

1903

Есть поразительная белость
Снегов в вечерний час, и есть
В их белизне – святая смелость,
Земле непокоренной весть!

Пусть тьма близка, и закатилось
Нагое солнце за рубеж:
Его сиянье только снилось,
Но небо то ж, и дали те ж!

И звезды пусть во тьме возникнут,
И с изогнутой высоты
Земле свои приветы крикнут:
Они растают, как мечты!

Но свет первее солнц и мира,
Свет все – что есть, бессветья нет,
И тьма лишь царская порфира,
В которой выступает свет!

27 января 1904

«Скорпиону» и «Гриффу»

Наш мир храня от силы вражьей,
В чреде двенадцати имен,
У врат небес стоят на страже
В свой день Весы и Скорпион.

Но от земли, вседневно пленной,
В свой юный веруя порыв, —
Да посягнет за грань вселенной!—
Взлетает ярый Гиппогриф.

Вам, – два врага в едином стане! —
Урок видений вековых:
Один гори, где мира грани,
Другой – стремись нарушить их.

23 марта 1904

Максимилиану Шикку

*Я многим верил до иступленности.
Urbi et Orbi*

Эту веру я тебе вручаю,
Столько раз обманутую... Что ж!
Наш удел идти, скользя, по краю,
Наш удел – над темной бездной дрожь.
Шаг еще сужден ли мне, не знаю:
Но иду, и близко ты идешь!
Близким – мой привет! Нов миг паденья —
Взгляд, лишь взгляд один без сожаленья.

Октябрь 1904

Я не видал таинственных лесов
Безудержной природы Индостана,
Причудливых китайских городов
И белых скал ледяного океана;
Не вел войска на приступы твердынь,
И не был венчан в бранном шуме стана;
Дней не влачил в толпе своих рабынь,
Не проходил, протягивая руку,
В чертоги всех богатств и всех богинь;
Не созерцал во всех пределах муку
На лицах мучеников, как судья;
С возлюбленной не пережив разлуку,
Под ноги смерти не бросался я.
Я многого не видел и не встретил,
Пылинка в миллиардах – жизнь моя!
Но до вопросов кто-то мне ответил —
И в безднах я стою без уст и слов..
И светлый мой полет сквозь них не светел.
Грядущих не увижу городов,
Не посету всех тайн земного круга,
С героями не встречусь всех веков.
Но где в стране от севера до юга
Восторг безвестный обретет душа,
Безвестный трепет скорби и испуга?
Мы все проходим жизнь, как он, спеша,

Возможности переживаем в грезах;
От тихих снов под сводом шалаша
До высшего блаженства в тайных слезах,
И, список чувств запомнив наизусть,
Судьбе, при одобреньях и угрозах,
Мы равнодушно повторяем: пусть!

<1904>

Царил над миром рифм когда-то
Я с самовластием волхва,
И волю царственную свято
Вершили верные слова.

Любил я радостные чары
На их желанья налагать,
И на союз мгновенный – пары
Благословлять и сочетать.

Любил с улыбкой подмечать я
В двух чуждых душах сходный звук
И двух врагов – бросать в объятия,
Как двух восторженных подруг.

19 февраля 1905

На площади, полной смятением,
При зареве близких пожаров,
Трое, став пред толпой,
Звали ее за собой.

Первый воскликнул: «Братья,
Разрушим дворцы и палаты!!
Разбив их мраморы, мы
Увидим свет из тюрьмы!»

Другой воскликнул: «Братья,
Разрушим весь дряхлый город!
Стены спокойных домов —
Это звенья старинных оков!»

Третий воскликнул: «Братья,
Сокрушим нашу ветхую душу!
Лишь новому меху дано
Вместить молодое вино!»

6 июля 1905

К народу

*Vox populi...*⁵⁹

Давно я оставил высоты,
Где я и отважные товарищи мои,
Мы строили быстрокрылый Арго, —
Птицу пустынных полетов, —
Мечтая перелететь на хребте ее
Пропасть от нашего крайнего края
До сапфирного мира безвестной вершины.

Давно я с тобой, в твоём теченьи, народ,
В твоём многошумном, многоцветном водовороте,
Но ты не узнал моего горького голоса,
Ты не признал моего близкого лика —
В пестром плаще скомороха,
Под личиной площадного певца,
С гусями сказителя былых времен.

На полях под пламенным куполом,
На улицах в ущельях стен,
Со страниц стремительной книги,
С подмостков, куда вонзаются взоры,
Я слушал твой голос, народ!

⁵⁹ Голос народа (*лат.*)

Кто мудрец? – у меня своя мудрость!
Кто венценосец? – у меня своя воля!
Кто пророк? – я не лишен благодати!
Но твой голос, народ, – вселенская власть.
Твоему желанию – лишь покоряться,
Твоему кумиру – только служить.

Ты дал мне, народ, мой драгоценнейший дар:
Язык, на котором слагаю я песни.
В моих стихах возвращаю твои тайны – тебе!
Граню те алмазы, что ты сохранил в своих недрах!
Освобождаю напевы, что замкнул ты в золотой скорлупе!
Я – маг, вызывающий духов, тобою рожденных, нами
убитых!

Без тебя, я – звезда без света,
Без тебя, я – творец без мира,
Буду жить, пока дышишь ты и созданный тобою язык.

Повелевай, – повинуюсь.
Повяжи меня, как слепого, – пойду,
Дай мне быть камнем в твоей праще,
Войди в меня, как в одержимого демон,
Я – уста, говори, кричи мною.

Псалтырь моя!
Ты должна звенеть по воле властителя!
Я разобью тебя об утес, непослушная!
Я оборву вас, струны, как паутины, непокорные!

Раскидаю колышки, как сеют зерна весной.

Наложу обет молчания, если не подчинишься, псалтырь!

Останусь столпником, посмешищем праздных прохожих,
здесь, на большом перекрестке!

20—23 июля 1805

Ужель доселе не довольно?
Весь этот ужас, этот бред
Еще язык мечты крамольной,
А не решающий ответ?

Не время ль, наконец, настало
Земных расплат, народных кар,
Когда довольно искры малой,
Чтоб охватил всю брешь пожар!

Так кто же голос? Мы, поэты, —
Народа вольные уста!
И наши песни – вам ответы,
И наша речь вовек проста!

29 июля 1906

Весы качнулись

Весы качнулись мировые,
Высоко подняты судьбой.
На чашу темную Россия
Метнула жребий тяжкий свой.

Молчи и никни долу, право,
Се – высшей истины черед:
Предначертан борьбы кровавой
Единый праведный исход.

Кто б ни был вождь, где б ни был случай,
Над зыбью дней властитель Рок.
Кто заградит в горах ревучий
И к морю рухнувший поток?

1905

Близким

I

Нет, я не ваш! Мне чужды цели ваши,
Мне странен ваш неокрыленный крик,
Но, в шумном круге, к вашей общей чаше
И я б, как верный, клятвенно приник!

Где вы – гроза, губящая стихия,
Я – голос ваш, я вашим хмелем пьян,
Зову крушить устои вековые,
Творить простор для будущих семян.

Где вы – как Рок, не знающий пощады,
Я – ваш трубач, ваш знаменосец я,
Зову на приступ, с боя брать преграды,
К святой земле, к свободе бытия!

Но там, где вы кричите мне: «Не боле!»
Но там, где вы поете песнь побед,
Я вижу новый бой во имя новой воли!
Ломать – я буду с вами! строить – нет!

30 июля 1905

II

Нам руки свободные свяжут
И шею обтянут веревкой,
Попы нам прощение скажут,
Повесят нас быстро и ловко.

Я буду качаться, качаться,
Без пошлой опоры на землю,
И будет в бреду мне казаться:
Я шуму великому внемлю.

Мне будет казаться: народы
Собрались внизу перед нами,
Искателей новой свободы
Сошлись проводить со слезами.

И буду, качаясь, кивать я,
Как будто при громе приветствий,
Как будто все люди мне братья,
Как это мне грезилось в детстве.

Кругом, как я корчусь, взирая,
Все зрители будут смеяться,
А я, над толпой умирая,
Все буду качаться, качаться.

1905

Предание

Посвящаю Андрею Белому

И ей надел поверх чела

Из белых ландышей венок он.

Андрей Белый

I

Повеял ветер голубой
Над бездной моря обгаренной.
Жемчужный след чертя кормой,
Челнок помчался, окрыленный.

И весь челнок, и плащ пловца
Сверкали ясным аметистом;
В кудрях пророка, вокруг лица,
Закат горел венцом лучистым.

И в грозно огненный Закат
Уйдя безумными очами,
Пловец не мог взглянуть назад,
На скудный берег за волнами.

Меж ним и берегом росли

Огни топазов и берилла,
И он не видел, как с земли
Стремила взор за ним Сибилла.

И он не видел, как она
Упала вдруг на камень черный,
Побеждена, упоена
Своей печалью непокорной.

И тень, приблизившись, легла,
Верховный жрец отвел ей локон,
И тихо снял с ее чела
Из белых ландышей венки он.

II

И годы шли. И целый день
Она скользила в сводах храма,
Всегда задумчива, как тень,
В столбах лазурных фимиама.

Но лишь сторел пожар дневной
И сумрак ширился победно,
По узкой лестнице витой
Она сходила тенью бледной, —

В покой, где жрец верховный ждал

Ее с покорностью всегдашней,
При дымном факеле, и ал
Был свет из окон старой башни.

Струи священного вина
Пьянили мысль, дразня желанья,
И словно в диком вихре сна,
Свершались таинства лобзанья.

На ложе каменном они
Безрадостно сплетали руки;
Плясали красные огни,
И глухо повторялись звуки.

Но вдруг, припомнив о былом,
Она венок из роз срывала,
На камни падала лицом
И долго билась и стенала.

И кротко жрец, склонясь над ней,
Вершил заветные заклатья,
И вновь, под плясками огней,
Сплетались горькие объятья.

III

И годы шли, как смены сна,

Сходя во тьму сквозь своды храма,
И вот состарилась она
В столбах лазурных фимиама.

И ей народ алтарь воздвиг
Давно, как непорочной жрице,
И только жрец, седой старик,
Знал тайну замкнутой светлицы.

Был вечер. Запад гас в огне.
Ушли из храма богомольцы.
На малахитовой волне
Сплетались огненные кольца.

И вырос призрак корабля,
И близился безвестный парус,
И кто-то, бледный, у руля
Ронял сверкающий стеклярус.

Уже, мерцая, месяц стыл
Серпом из тусклого оникса,
Когда ко храму подступил
Пришлец с берегов холодных Стикса.

И властно в ясной тишине
Раздалось тихое воззванье:
«Вот я пришел. Сойди ко мне, —
Настало вечное свиданье».

И странно вспыхнул красный свет
В высоких окнах башни старой,
Потом погас на зов в ответ,
И замер храм под лунной чарой.

И в красоте седых кудрей
Предстала у дверей Сибилла,
Простер он властно руки к ней,
Она, без слов, главу склонила.

Спросил он: «Ты ждала меня?»
Сказала: «Верила и ждала».
Лучом сапфирного огня
Луна их лик поцеловала.

Рука с рукой к прибою волн
Они сошли, вдвоем отныне...
Как сердолик – далекий челн
На хризолитовой равнине!

А в башне, там, где свет погас,
Седой старик бродил у окон,
И с моря не сводил он глаз,
И целовал в последний раз
Из мертвых ландышей венки он.

1804 – ноябрь, 1906 – март, 1906 – январь

Плач Лаодамии

Нет, слова гонцов не ложны!
Ты безвременно сражен!
Все надежды невозможны,
Все, что счастье, – только сон!
Я лишь ночь одну вкушала
Умиление ласк твоих,
И не знаю, как не знала,
Ты мой муж иль мой жених!
Ты мой пояс непорочный
В вечер брака развязал,
Но уже к стране восточной
Ветер парус напрягал!
Помню я: росой минутной
Окропил меня Морфей...
Вдруг, сквозь сон, я слышу смутно
Нет твоей руки – в моей.
Просыпаюсь: блеск доспеха,
Со щитом ты предо мной...
И, как робкий ропот смеха,
День стучится за стеной.
Я вскочила, охватила
Стан твой с жадностью змеи,
Миги длила и ловила
Очи милые твои.

Mapm 1906

Под утро

Еще было совсем темно,
И горели в ряд фонари,
Но я приоткрыл окно
И понял приближенье зари.

От лазури, побелевшей вдруг,
Отделились, как дым, облака,
В сумраке, поредевшем вокруг,
Обозначился парк и река.

И скоро в сизой дали,
Казавшейся черным концом,
Опять поднялись с земли
Крыши – за домом дом.

И, звезды гася, в небеса
Кто-то влил лиловый сок,
И мне сладко повеял в глаза
Издадека ветерок.

6 апреля 1906

Остров

Пусть он останется безвестным
За далью призрачной неведомых морей,
Пусть он не станет вымеренным, тесным,
Как дом, как комната: от окон до дверей!

Чтоб с тонких берегов вседневности и жизни
В бинокль мечты чуть видеть мы могли,
Как пальмы клонятся в твоей отчизне,
Как тщетно к ней стремятся корабли.

Чтоб в море никогда не вышел Генуэзец,
Способный привести корвеллу к берегам.
Чтоб вечно без людей там красовался месяц
И радостью никто не наслаждался б там.

Август 1906

Нить

Отдамся ль я случайному наитью,
Сознательно ль -кую и правлю стих —
Я все ж останусь телеграфной нитью,
Протянутой в века из дней моих!

И я смотрю, раскрыв с усилием веки
Мечты, уставший, словно слабый глаз,
В грядущее! – как некогда ацтеки
Смотрели в мир, предчувствуя в нем нас.

Август 1906

Встав, прошумят и сгинут города,
Пройдут и в бездну канут поколения,
Просторы вод иссякнут без следа,
И станут басней вольные растения,
Заполнив степи, горы, глубь морей,
Весь шар земной, что стал для жизни тесен,
По завоеванной планете всей
Единый город выступит, как плесень,

<1906 >

Все ближе, все ближе, все ближе
С каждым и каждым мгновеньем
Бесстрастные Смерти уста,
Холоден ее поцелуй.
Все ниже, все ниже, все ниже
С покорным и сладким томленьем,
Чело преклоняет мечта,
Летейских возжаждавши струй.

Что пело, сверкало, манило,
Ароматы, напевы и краски,
Страсть, познание, борьба, —
Даже ты, даже ты, — Любовь, —
Все странно поблекло, остыло.
Скудны ненужные ласки,
Безразлична земная Судьба
И тягостно вечное: «Вновь!»

Но страшно суровых оценок
Судьи рокового – сознания,
Что днем, и во тьме, и во сне
Вершит свой безжалостный суд...
О, память! Кровавый застенок!
Где не молкнут стоны страданья,
Где радости плачут в огне

И скорби во льду вопиют.

Придите, придите, придите,
Последние милые миги,
Возжгите в немые уста
Смущенно слепой поцелуй.
Рвутся заветные нити,
Спадают с духа вериги,
С безумьем граничит мечта,
Летейских касаясь струй.

<1906>

Я безволен, я покорен
Пред холодным алтарем,
Длится труд—велик, упорен, —
Жернов мелет тайны зерен,
Грудь сдавил глухой ярем.

Кто я? раб неотрешимый
От тяжелых жерновов.
Кто я? раб неутомимый,
Узник я в цепи незримой,
Доброволец из рабов!

Мне открыты все дороги,
Я же медлю у ярма,
Слепнут очи, гнутся ноги,
Жгут лучи, и ветры строги,
И морозом жжет зима...

1906

Балаганы

Балаганы, балаганы
На вечерней площади.
Свет горит, бьют барабаны,
Дверь открыта, – проходи.

Панорамы, граммофоны,
Новый синематограф,
Будды зуб и дрозд ученый,
Дева с рогом и удав.

За зеленой занавеской
Отделение для мужчин.
Много шума, много блеска,
Смотрят бюсты из витрин.

Зазвонили к перемене.
Красный занавес раскрыт.
Черный фрак на синей сцене
Мило публику смешит.

«Раритеты раритетов
Показать я вам готов:
Две находки – из предметов
Отдаленнейших веков.

Это – с петлею веревка
(Может каждый в руки взять).
Ей умели очень ловко
Жизнь, чью надо, убавлять.

Это – царская корона
(Крест – один, алмазов – сто).
Ей могли во время оно
Делать Некиим – ничто.

Все газетные заметки
Прославляют наш музей,
Верьте слову: ныне редки
Амулеты прежних дней».

Всяк, кто смотрит, рот разинул,
Все теснятся, стар и мал...
Зазвонили. Вечер минул.
Красный занавес упал.

Тихо молкнут барабаны,
Гаснут лампы впереди.
Спят спокойно балаганы
На базарной площади.

7 января 1907

Жигули

Над водой поникли ивы,
Гор лесистые извивы
Тайну прошлого хранят,
Луг и дали – молчаливы.
Луг и дали в зное спят.

Там шумит по Волге сонной
Пароход неугомонный
Меж пустынных деревень,
Мимо речки полусонной —
Тени плоские плотов.

Слева робко никнут ивы,
Справа – горные извивы
Тайну прошлого хранят;
Дали – скучно-молчаливы,
Виды – в жарком зное спят.

Земли, жаждущие плуга,
Грустны с Севера до Юга,
Вся прорезана река,
И струи твои друг друга
Гонят в лучшие века!

1907

* * *

Трубите в траурные трубы,
Закройте крепом зеркала,
Она лежит, сомкнувши губы,
И повторяет голос грубый:
Все совершилось! Умерла!

<1907>

Сходные решения

Пора разгадывать загадки,
Что людям загадали мы.
Решенья эти будут кратки,
Как надпись на стене тюрьмы.

Мы говорили вам: «Изменой
Живи; под твердью голубой
Вскипай и рассыпайся пеной»,
То значит: «Будь всегда собой».

Мы говорили вам: «Нет истин,
Прав – миг; прав – беглый поцелуй,
Тот лжет, кто говорит; «Здесь пристань!»
То значит: «Истины взыскуй!»

Мы говорили вам: «Лишь в страсти
Есть сила. В вечном колесе,
Вращаясь, домогайся власти»,
То значит: «Люди равны все!»

Нам скажут: «Сходные решенья
Давно исчерпаны до дна».
Что делать? разны поколенья,
Язык различен, цель – одна!

<1908>

У вагонного окна

Дали сумрачны и хмуры.
И причудливы и строги,
Скалы сломанные Юры
Разместились вдоль дороги.
Поезд вьется между гор,
Беспощаден, верен, скор.

Милый поезд, издавна мы
Стали мирными друзьями.
Ты проводишь панорамы,
Я делюсь с тобой мечтами.
Сколько дум и сколько слез
Прожил я под гул колес!

Завтра я тебя покину, —
Каждый миг мы к цели ближе...
Что за жребий завтра выну
Я в мятущемся Париже?
Мне безвестную печаль
Или стертую медаль?

Зов надежд всё безнадежней,
Всё безвольней ожиданья...
Но опять, с тревогой прежней,
Жду последнего свиданья.

Не пробьет ли страшный час,
Соблазнявший столько раз!

Милый поезд! может, вскоре,
Обходя вагон уснувший,
Я лелеять буду горе
О мечте, вновь обманувшей,
Вновь с тобой, и вновь один,
В далях северных равнин.

1909

Jura

Я и кот

Славный кот мой одноглазый,
Мы с тобой вдвоем.
Звезд вечерние алмазы
Блещут за окном.

Я вникаю в строфы Данте,
В тайны старины...
Звуки нежного анданте
За стеной слышны.

На диване, возле печки,
Ты мечтаешь, кот,
Щуришь глаз свой против свечки,
Разеваешь рот.

Иль ты видишь в грезах крыши,
Мир полночных крыш,
Вдоль стены идешь и свыше
На землю глядишь.

Светит месяц, звезды светят...
Подойдешь к трубе,
Позовешь ты, и ответят
Все друзья тебе.

Хорошо на крышах белых
Праздники справлять
И своих врагов несмелых
К бою призывать.

О свободе возле печки
Ты мечтаешь, кот,
Щуришь глаз свой против свечки,
Разеваешь рот.

Звуки нежного анданте
За стеной слышны.
Я вникаю в строфы Данте,
В тайны старины.

28 ноября 1909

Я знал тебя, Москва, еще невзрачно-скромной,
Когда кругом пруда реки Неглинной, где
Теперь разводят сквер, лежал пустырь огромный,
И утки вольные жизнь тешили в воде;

Когда поблизости гремели балаганы
Бессвязной музыкой, и ряд больших картин
Пред ними – рисовал таинственные страны,
Покой гренландских льдов, Алжира знойный сплин;

Когда на улице звон двухэтажных конок
Был мелодичней, чем колес жестокий треск,
И лампы в фонарях дивились, как спросонок,
На газовый рожок, как на небесный блеск;

Когда еще был жив тот «город», где героев
Островский выбирал: мир скученных домов,
Промозглых, сумрачных, сырых, – какой-то Ноев
Ковчег, вмещающий все образы скотов.

Но изменилось всё! Ты стала, в буйстве злобы,
Всё сокрушать, спеша очиститься от скверн,
На месте флигельков восстали небоскребы,
И всюду запестрел бесстыдный стиль—модерн...

<1909 >

Здесь раннего посева всходы,
Здесь воплощенье давних грез,
Мечты былые я сквозь годы,
Как зерна чистые, пронес.

Я их лелеял одиноко,
Таил, как праведные сны,
И ждал, пока грозой жестокой
Не будут нивы вспоены.

И вот взошли мои посева,
Дрожат под солнцем, наконец,
И в час работы – Все Напевы
Я повторил, веселый жнец!

<1909>

Кладбище

Солнце палит утомленную землю,
В травах, и в птицах, и в пляске звериной,
Нудит ее расцветать, трепетать.
Гулу людских поколений я внемлю.
Буйно свершают свой подвиг недлинный
Люди, чтоб долго во тьме истлевать.

Полнятся гробы! полнее могилы!
Кладбища тянутся шире и шире
В шестивии грозном всё новых веков,
Время настанет: иссякнут все силы
Дряхлой земли, и в подсолнечном мире
Всё будет – рядом могил и гробов!

Солнце палит утомленную землю.
Гнется тростник, и мелькают стрекозы
Около тихих, незыблемых струй.
Тайному вздоху под ивой я внемлю.
Первое счастье! первые грезы!
Чу! прозвучал в тишине поцелуй!

20 марта. 1910

Ветреный вечер

Шумят задумчивые липы.
Закат, сквозь частокол стволов,
Обводит на песке аллеи
Сиянием следы шагов.
Порой мучительные скрипы
Врываются в покорный шум...
И дали неба все синее,
И синий, дальний лес – угрюм.

О, царствуй, вечер, час раздумий;
Струись, журчи в душе, родник...
Иду вперед померкшим садом
И знаю – рядом мой двойник.
Иду вперед, в покорном шуме,
Порою слышу скорбный скрип...
И мой двойник безмолвный – рядом
Скользит вдоль потемневших лип.

26 июня 1910

Вечер в поле

Солнце сквозь деревья
сыплет пылью золотой.
Белый, тощий месяц
в бледном небе сам не свой.

Словно желтый веер,
нив раскрыт широкий круг.
Где-то косы точат,
свежим сеном веет луг.

Тучки в небе дремлют,
час заката недалек...
Чу! запел протяжно
пастуший рожок,

4 – 6 июля 1910

Одинокая ель

Одинокая старая ель,
Еще сохраняя
Девичью стройность ствола,
Все шепчет чуть слышно про дальнюю цель,
Под ветром ветвями печально качая
И новые шишки роняя,
Всё новые шишки, еще, без числа...

Столетняя мать!
О чем ты так шепчешь? о чем ты мечтаешь?
Ты, древняя, хочешь детей увидеть,
Зеленые, стройные ели?
Год за годом с верхних ветвей
Ты новые шишки роняешь,
Чтобы увидеть своих встающих детей,
Чтобы шептать, умирая, о достигнутой цели.

Но кругом лишь поля,
У корней твоих реет дорога.
Или эта бесплодна земля?
Или небо к мечте твоей строго?
Ты одна.
Кропит тебя дождь; шевелит тебя буря;
За зимней стужей сияет весна,
И осень за летом приходит, глухая...

Столетняя ель,
Одинокая, ветви понуря,
Ветви под ветром качая,
Ты шепчешь чуть слышно про дальнюю цель

24 июля 1910

Белкино

Рабы

Нас было много. Мы покорно
Свершали свой вседневный труд:
Мели осенний сад; упорно
От ила очищали пруд;

Срезали сучья у оливы;
Кропили пыльные цветы;
За всем следили, терпеливы,
От темноты до темноты!

Ах, мы одной горели жаждой,
Чтоб в час, когда с террасы в сад
Сойдет она, – листочек каждый
Был зелен, был красив, был рад!

И вот, дрожа, ложились тени,
Склонялось солнце, все в огнях, —
Тогда на белые ступени,
Со стеблем лилии в руках,

Она сходила... Боги! Боги!
Как мир пред ней казался груб!
Как были царственны и строги
Черты ее сомкнутых губ!

Походкой медленной и стройной
Среди кустов, среди олив, —
Богиня некая! – спокойно
Она скользила, взгляд склонив...

И, медленно достигнув пруда,
На низкой мраморной скамье
Садилась там, земное чудо,
В каком-то дивном забытьи...

А мы, безумные, как воры
Таясь, меж спутанных ветвей,
В ее лицо вонзали взоры,
Дыша, как дикий сонм зверей...

Рождался месяц... Тихо, плавно
Она вставала, шла домой...
И билось сердце своенравно
У всех, у всех – одной мечтой!

Но что свершилось? – Кто сказал нам,
Что выбран был один из нас?
Кто, кто Сеида показал нам
Вдвоем с царицей в темный час?

Он весь дрожал, он был в испуге,
И был безумен черный лик, —
Но вдруг со стоном, как к подруге,
К царице юный раб приник.

Свершилось! Больше нет исхода, —
Она и он обречены!
Мы знаем: смерть стоит у входа,
Таясь за выступом стены.

Покорно мы откроем двери,
Дадим войти ей в тихий сад
И будем ждать в кустах, как звери,
Когда опять блеснет закат.

Зажгутся облачные змеи,
Сплетутся в рдяно-алый клуб...
И рухнет на песок аллеи
С царицей рядом черный труп!

6 декабря 1910

Желанье, ужасу подобное,
Меня опять влечет к стихам...
И снова, как на место лобное,
Вхожу в мой озаренный храм.

Покрыта грудь святыми ризами,
Чело под жреческим венцом,
И фимиам волнами сизыми
Клубится медленно кругом.

Входите! это – час служения,
Зажжен огонь, дверь отперта.
Мои заветные моления,
Не дрогнув, повторяют уста.

Блаженны все, молчать умевшие,
Сокрывшие священный стих,
Сознанием пламенным презревшие
Вопль современников своих!

Они в блаженном одиночестве
Проникли в таинства души;
Приняв великие пророчества,
Твердили их в глухой тиши;

Они глубины тайн извели,
До дна испили свой восторг,
И вдохновенных грез не предали
На поруганье и на торг!

Но поздно! Жизнь моя расславлена,
Воздвигнут храм, дверь отперта...
Входите! Будет людям явлена
Моя запретная мечта.

5 – 6 октября 1909 – 6 декабря 1910

Не так же ль годы, годы прежде
Бродил я на закате дня,
Не так же ль ветер, слабый, нежный,
Предупреждал, шумя, меня.

Но той же радостной надежде
Душа, как прежде, предана, .
И страстью буйной и мятежной,
Как прежде, все живет она!

Ловлю, как прежде, шорох каждый
Вечерних листьев, дум своих,
Ищу восторгов и печали,
Бесшумных грез певучий стих.

И жажды, ненасытной жажды
Еще мой дух не утолил,
И хочет он к безвестной дали
Стремиться до последних сил.

С пестрым мешком за плечами татарин,
В чуйке облезлой веселый мужик,
С дымной сигарой задумчивый барин,
Барышня в синем – бессмысленный лик.
После гигантских домов – два забора,
«Фиалки, фиалки!» – «Шнурки, гуталин!»
Быстро отдернулась белая штора:
Девочка с кудрями в раме гардин...
Шумно вдоль мокрых бегут тротуаров,
Детям на радость, живые ручьи,
В думах, как зарево дальних пожаров,
Светят прошедшие весны мои.

21 февраля 1911

*За вечера видений вот расплата!
Книга раздумий*

Душа томится надеждой тщетной
Вернуть былую, святую мощь...
Как всё поблекло – так незаметно! —
Как бледно небо и зелень роц!

Дрожит вершина родной березы,
Вот трясогузка трясет хвостом...
Я помню смутно живые грезы
И счастье жизни в глухом былом...

Бежал бы прежде я в это поле,
Я пил бы запах медвяных трав...
Но чую в теле, но чую в воле
Гнет беспощадный земных отрав.

Ах, слишком много я жаждал видеть,
Искал видений, волшебных снов,
Умел любить я, смел ненавидеть...
И стали страсти – как груз оков!

В листву березы бьет солнце ярко,
И птицы громко кричат «чьи-чьи»!

О, свод небесный! победы арка!
Войду ль в оковах в врата твои!

25 мая 1911

Я видел много городов,
И малых и больших,
Я слышал сонмы голосов,
Гудящих в стенах их.

Я видел склоны грозных гор,
Ширь радостных морей,
Я знал восторг, я знал позор,
Все омуты страстей.

Что ж мне осталось в мире сем?
Он предо мной – как склеп.
Я песни пел, – и вот я нем,
Я видел огонь, – и слеп! .

Я помню: ненависть, любовь,
Молитвы, ужас, бред...
Ужели начинать мне вновь
Весь круг былых побед?

Где новый Дант? другой Шекспир?
Невиданный закат?
Я до конца прошел весь мир,
И нет путей назад!

1 августа 1911

Озими зеленые, оголенный лес,
Небо серо-синее, мертвые цветы,
Станции заброшенной сумрачный навес,
И в мечтах задумчивых – маленькая ты.

Милый мой воробушек! ты клюешь подсолнух,
Прыгаешь доверчиво, смело предо мной;
Оба мы купаемся в предосенних волнах:
Ты с своей заботою, я с своей мечтой.

Пусть, бросая в воздух бело-серый дым,
Мимо нас стремительно мчатся поезда, —
Мы живем мгновением, кратким и одним,
Мы мгновеньем счастливы, нынче, как всегда.

Осень пусть кончается; взвеют вихрем выюги
Белый снег над яркостью поздних озимей,
Будут мертвы бороны, будут мертвы плуги.
Ты зиме доверишься, я – мечте моей.

Прыгает воробушек, облака ползут,
Лес стоит безжизненный над простором нив,
Хорошо довериться быстрым снам минут,
Чувствовать, что в вечность я влюблен и жив.

4 октября 1911

Так повелел всесильный Демиург,
Чтоб были люди ремеслом различны.
Тот – плотник, тот – купец, тот – драматург,
Те – камни класть, те – суд вести привычны.

Но ты – ты выбрал жребий необычный:
Художник ты, и также ты хирург!
Ты лечишь люд, и сельский и столичный,
И пишешь нам блеск дня и темень пург.

Так ты творца провел лукаво за нос,
Нарушив, им назначенный, устав:
Ты – разен, как Протей, двулик, как Янус!

Прими же от меня, средь разных слав,
И мой сонет, что преломил, как в призме,
Недавний спор о материализме.

23 декабря 1911

Двадцать лет назад ты умерла.
Как же нынче снова ты пришла
В тихом сне, ко мне, – с лицом печальным,
С тихим голосом, как будто дальним,
Та же, та же, что была тогда!
Пред тобой я плакал без стыда
О годах, прожитых бесполезно.
Ты сказала тихо: «Ночью звездной,
Здесь, в каких-то четырех стенах,
Ты уснешь на белых простынях,
И в стране, где счастье безбрежней,
Встречу я тебя улыбкой прежней!»
Обледеян нежностью былой,
Снова был я мальчиком с тобой,
Целовал протянутые руки,
И, чрез годы медленной разлуки,
Душу скорбную ласкала вновь
Первая блаженная любовь.

Декабрь 1911

*Две тени милые, два данные судьбой
Мне ангела...*

Пушкин

Как ангел тьмы и ангел света,
Две тени строгие со мной,
И властно требуют ответа
За каждый день и подвиг мой.

Один, «со взором серафима»,
Лелеет сон моей души,
Другой, смеясь, проходит мимо
И дерзко говорит: спеши!

Но лишь я вслед за ним дерзаю,
Бросаясь в гибельный хаос, —
Другой зовет к земному маю,
К блаженству думы, к счастью слез.

И каждый вечер – двое! двое!
Мне произносят приговор:
Тот – неземное, тот – земное,
Кляня, как ужас и позор.

Но неземное сходно с бездной,

В которую готов я пасть,
А над земным свой полог звездный
Волшебно распростерла страсть.

И я, теряя в жизни грани,
Не зная, душу где сберечь,
В порыве темных отрицаний
На ангелов взношу свой меч!

1907. 1911

*А Эдмонда не покинет
Дженни даже в небесах
Пушкин*

Уже оваянная тенями,
Встречая предзакатный свет,
Там, за пройденными ступенями, —
Мечта моих начальных лет!

Все тот же лик, слегка мечтательный,
Все тот же детски-нежный взор,
В нем не вопрос, —привет ласкательный,
В нем всепрощенье, – не укор.

Все клятвы молодости преданы,
Что я вручал когда-то ей,
До дна все омуты изведаны
Безумств, желаний и страстей.

Но в ней нетленно живо прежнее,
Пред ней я тот же, как тогда, —
И вновь смелее, безмятежнее
Смотрю на долгие года.

Она хранит цветы весенние,

Нетленные в иных мирах,
И так же верю прежней Дженни я,
И те же клятвы на устах.

<1911 >

К. Бальмонт

Давно, среди всех соблазнов мира,
Одно избрал я божество,
На грозном пьедестале – лира,
Лук беспощадный в длани бога,
В чертах надменных – торжество.

Я с детства верен стреловержцу,
Тому, кем поражен Пифон,
И любо пламенному сердцу,
Когда в душе кипит тревога
В предчувствии, что близок он.

Иду меж торжищ и святилищ,
Слежу земные суеты;
Но в тайнике моих хранилищ
Я берегу одно лишь: гимнам
Мной посвященные листы.

Меня венчают иль поносят,
Мне дела нет. Как клевету,
Приемлю лавр, что мне подносят,
И в блеске дня, и в мраке дымном
Храня свободную мечту.

1911

Нет тебе на свете равных,
Стародавняя Москва!
Блеском дней, вовеки славных,
Будешь ты всегда жива!

Град, что строил Долгорукий
Посреди глухих лесов,
Вознесли любовно внуки
Выше прочих городов!

Здесь Иван Васильич Третий
Иго рабства раздробил,
Здесь, за длинный ряд столетий,
Был источник наших сил.

Здесь нашла свою препону
Поляков надменных рать;
Здесь пришлось Наполеону
Зыбкость счастья разгадать.

Здесь, как было, так и ныне —
Сердце всей Руси святой,
Здесь стоят ее святыни,
За кремлевскою стеной!

Здесь пути перекрестились
Ото всех шести морей,
Здесь великие учились —
Верить родине своей!

Расширяясь, возрастая,
Вся в дворцах и вся в садах,
Ты стоишь, Москва святая,
На своих семи холмах.

Ты стоишь, сияя златом
Необъятных куполов,
Над Востоком и Закатом
Зыбля зов колоколов!

<1911>

Прости мой стих, безумьем гневный,
Прости мой смех, на стон похожий!
Измучен пыткой ежедневной,
Я слез твоих не разгадал!

Мы снова брошены на ложе,
И ты рукой, почти бессильной,
Но все торжественней, все строже
Мне подаешь святой фиал.

Кругом чернеет мрак могильный,
Жизнь далеко, ее не слышно,
Не это ль склеп, глухой и пыльный, —
Но ты со мной – и счастлив я.

<1911>

- Солнце! Солнце! Снова! Снова ты со мной!
- Что же будет, что же будет с прежней тьмой?
- Тьма исчезнет, тьма растает в блеске дня!
- Ах, уже лучи, как пламя, жгут меня!
- Будь же счастлив, будь же светел в светлый час!
- Таю в блеске, исчезаю, я – погас.
- Что же ты не славил в песне вечный свет?
- У того, кто гаснет в свете, песен нет.
- Солнце! Солнце! Снова! Снова ты со мной!
- Вижу свет, но я окутан прежней тьмой.

21 января 1912

Чуть видные слова седого манускрипта,
Божественный покой таинственных могил,
И веянье вокруг незримых дивных крыл, —
Вот, что мечталось мне при имени Египта.

Но всё кругом не то! Под тенью эвкалипта
Толпятся нищие. Дым парохода скрыл
От взглядов даль песков, и мутен желтый Нил.
Гнусавый вой молитв доносится из крипта.

Я вечером вернусь в сверкающий отель
И, с томиком Ренье прилегши на постель,
Перенесусь мечтой на буйный берег Сены.

О, гордый фараон, безжалостный Рамсес!
Твой страшный мир погиб, развеялся, исчез, —
И Хронос празднует бесчисленные смены.

9 марта 1912

Я мальчишкой мечтал, читая Жюль Верна,
Что тени вымысла плоть обретут для нас,
Что поплывет судно, громадной «Грет-Истерна»,
Что полюс покорит упрямый Гаттерас,
Что новых ламп лучи осветят тьму ночную,
Что по полям пойдет, влекомый паром, Слон,
Что «Наутилус» нырнет свободно в глубь морскую,
Что капитан Робюр прорежет небосклон.

Свершились все мечты, что были так далеки.
Победный ум прошел за годы сотни миль;
При электричестве пишу я эти строки,
И у ворот, гудя, стоит автомобиль;
На полюсах взвились звездистые знамена;
Семья «Титаников» колеблет океан;
Подводные суда его взрезают лоно,
И в синеву, треща, взлетел аэроплан.

Но есть еще мечта, чудесней и заветней;
Я снова предан ей, как в юные года:
Там, далеко от нас, в лазури ночи летней,
Сверкает и зовет багряная звезда.
Томят кою мечту заветные каналы,
О существах иных твердят безвольно сны...
Марс, давний, старый друг! наш брат! двойник наш алый!

Ужели мы с тобой вовек разлучены!

Не верю! Не хочу здесь, на зеленом лоне,
Как узник, взор смежить! Я жду, что сквозь эфир,
В свободной пустоте, помчит прибор Маркони
Приветствия земли в родной и чуждый мир;
Я жду, что, наконец, увижу шар блестящий,
Как точка малая, затерянный в огнях,
Путем намеченным к иной земле летящий,
Чтоб братство воссоздать в разрозненных мирах.

28 мая 1912

Зыблются полосы света
В черной, холодной воде.
Страстным вопросам ответа
Нет в этом мире нигде!

Небо закрыто туманом,
Звезды незримы во мгле.
Тайным и горьким обманом
Облито все на земле.

Вы, фонари! – повторенья
Светлых, небесных очей,
Как ваше зыбко дробленье
В сумраке черных ночей.

Ты, неживого канала
Черная, злая вода, —
Как ты дробишься устало,
Сжата в гранит навсегда!

Зыблются отблески света, —
Блеск фонарей на воде...
Страстным вопросам ответа
Нет в этом мире нигде!

1 ноября 1912

Петербург

Три женщины – белая, черная, алая —
Стоят в моей жизни. Зачем и когда
Вы вторглись в мечту мою? Разве немало я
Любовь восславлял в молодые года?

Сгибается алая хищной пантерой
И смотрит обманчивой чарой зрачков,
Но в силу заклятий, знакомых мне, верую:
За мной побежит на свирельный мой зов.

Проходит в надменном величии черная
И требует знаком – идти за собой.
А, строгая тень! уклоняйся, упорная,
Но мне суждено для тебя быть судьбой.

Но клонится с тихой покорностью белая,
Глаза ее – грусть, безнадежность – уста.
И странно застыла душа онемелая,
С душой онемелой безвольно слита.

Три женщины – белая, черная, алая —
Стоят в моей жизни. И кто-то поет,
Что нет, не довольно я плакал, что мало я
Любовь воспевал! Дни и миги – вперед!

Сердце утомленное хочет одного,
Глупенькая девочка, – счастья твоего.

Ты встречаешь радостно нежную весну.
Ожиданья тайные я ли обману?

В чью-то душу робкую я сошел, как бог,
И возвращаю цветики вдоль ее дорог;

И, как солнце майское в небе голубом,
Я горю надеждами, я дышу теплом;

Властным мановением жизнь пробуждена...
Пусть же радость празднует новая весна!

Пусть поля оденутся в зелень и цветы, —
Я хочу, чтоб юностью опьянилась ты!

Что бы в сердце ни было, знаю я одно:
Быть с тобою ласковым, нежным мне дано.

И слова безумные, те же, что всегда,
Повторяю кротко я: «Любишь? любишь?» – «Да».

Как струны оборвавшейся жалобный звук,
В сердце – эхо недавних желаний и мук.
Детский взор, милый лик, прелесть ласковых рук, —
Почему это все стало чуждым мне вдруг?

За окном уже день, и сквозь просветы штор
Наглый луч на кровать смотрит прямо в упор.
Плечи молча целую, бесправно, как вор,
Знаю, понял: окончен мучительный спор...

Ночи гаснет недолгий, обманчивый бред.
В безразличьи твоём есть безмолвный ответ,
И «не знаю» звучит беспощадней, чем «нет»...
Заливает двоих все решающий свет.

Нынче – осень, вчера ликовала весна;
Кто жестоко исчерпал всю душу до дна?
Из подушек ты смотришь, как прежде, ясна,
Но уныло звенит, умирая, струна...

«Любовь, как властный недруг, вяжет...»

Но есть сильнее очарованье.
Ф. Тютчев

Любовь, как властный недруг, вяжет,
Любовь, смеясь, ведет на казнь
И слов пощады нам не скажет.
Но сладостны ее насилья,
Мы за плечами чуем крылья
И в сердце – радость, не боязнь!

Страсть – властно налагает цепи,
Страсть угнетает, как тиран,
И нас влечет в нагие степи,
Там мы, без сил, клянем миг каждый,
Там, истомясь от смертной жажды,
Мы гибнем от позорных ран.

Но, если, совершая чудо,
Тюрьму вскрывает нам Любовь, —
Мы радостно бежим оттуда.
Когда ж спадают цепи страсти,
Мы – все в ее волшебной власти
И сами к ней приходим вновь!

1912

Безумец! думал плыть ты по
Спокойной влаге, в сладкой дреме,
Но, как герой Эдгара По,
Закручен в бешеном Мальстрёме?

Летят, свистят извивы волн,
Их громовые стоны звонки;
Летит твой наклоненный челн
В жерло чудовищной воронки.

Но, как герой жестоких Tales⁶⁰,
Припомни книгу Архимеда:
Лишь разум не сошел бы с рельс,
И мысли суждена победа!

Мой разум, бодрствуй! мысль, гори!
Мы с вами созданы для рыб ли?
В душе мерцает свет зари...
Мой разум! нет, мы не погибли!

1912

⁶⁰ Рассказы (англ.)

Огни! лучи! сверканья! светы!
Тот ал, тот синь, тот бледно-бел...
Слепит авто, с хвостом кометы,
Трам, озаряя, прогремел.

В вечерний сумрак, в шаткость линий
Вожглись, крутясь, огни реклам,
Зеленый, алый, странно-синий...
Опять гремит, сверкая, трам.

На лицах блеск – зеленый, алый...
На лицах смерть, где властен газ...
Но буен город, пьяный, шалый,
Справляющий вечерний час.

Что день! Ночь блещет алым, синим,
Оранжевым, – любым лучом!
На облака мы светы кинем,
Мы небо буквами зажжем!

О солнце мы в огнях забыли:
Опал, берилл и хризолит...
И россыпью алмазной пыли
Пред небом город заблестит!

Ребенок

Сонет

Тебе тринадцать лет, но по щекам, у глаз,
Пороки, нищета, ряд долгих унижений
Вписали тщательно свой сумрачный рассказ,
Уча – все выносить, пред всем склонять колени.

Под шляпку бедную лица скрывая тени
И грудь незрелую под выцветший атлас,
Ты хочешь обмануть развязностью движении,
Казаться не собой, хотя б на краткий час!

Нарочно голос свой ты делаешь жесточе,
Встречаешь хохотом бесстыдные слова,
Чтоб стать подобной им, – тем жрицам нашей ночи!

И поднимаешь ты, в порыве удалства,
Высоко свой подол у полных людом конок,
Чтоб кто не угадал, что ты еще ребенок.

1912

Всем душам нежным и сердцам влюбленным,
Кого земной Любви ласкали сны,
Кто пел Любовь во дни своей весны,
Я шлю привет напевом умиленным.

Вокруг меня святыня тишины,
Диана светит луком преклоненным,
И надо мной, печальным и бессонным,
Лик Данте, вдаль глядящий со стены.

Поэт, кого вел по кругам Вергилий!
Своим сверканьем мой зажги сонет,
Будь твердым посохом моих бессилии!

Пою восторг и скорбь минувших лет,
Яд поцелуев, сладость смертной страсти...
Камены строгие! – я в вашей грозной власти.

<1912>

Речи медной, когда-то звучавшей на форуме Римском,
Я бы ответить желал звуками тех же времен,
Но дерзну ль состязаться с Титаном, себе подчинившим
Все наречья земли, словно все ветры Эол,
С тем, кто в строки письма влагает Симмаха сладость,
Кто в авсонийский размер Пушкина стих
заклучил.

Нет, обращаться не смею к другим благосклонным
Каменам.

Я Полигимнии лишь скромный вручаю ответ,
Муза, любовно скажи «quam mellea res set epistui»⁶¹,
Если, как подпись, стоит Федор Евгеньевич
Корт.

1912

⁶¹ Сколь приятно должно быть послание (лат.)

«День красочный, день ярко-пестрый...»

Есть некий час всемирного молчанья.
Ф. Тютчев

День красочный, день ярко-пестрый,
Многоголосный шумный день;
Ты сердце ранишь болью острой,
Ступени взносишь на ступень.

Всходя по лестнице небесной,
Мы, страх и радость затая,
Взираем, из юдоли тесной,
На всю стоцветность бытия!

И, как Адамы, всем виденьям,
Всем звукам, всем лучам миров
Мы ищем, с нежным умиленьем,
Непобедимо-верных слов.

Но сходит ночь, и яркость тонет
В единой, безразличной мгле,
И Тень бестрепетно хоронит
Все разделенья на земле.

Нет ничего, дела и вещи
Смешались, чтобы в бездну пасть,
И Хаос древний, Хаос вещей
Рукой оледеняет страсть.

Подходит страшный час незнания,
Единства и слиянья час...
О, час всемирного молчанья,
Ты с Тайной жизни близишь нас!

7 мая 1913

Разбегаются снова поля за окном,
Темный лес по окружности медленно вертится,
Сеть из проволок то на кругу голубом,
То на поле зеленом отчетливо чертится.

Дальний путь, дальний путь, дальний путь, дальний путь.
Это я прошептал, иль колесами сказано?
Убежать! позабыть! умереть! отдохнуть!
Что-то длинное, долгое снова развязано.

Милый Макс! да, ты прав! под качанье рессор
Я, как ты, задремал, убаюкан их «титатью»,
И уже Океан смотрит прямо в упор
Мне в глаза, здесь в полях, за болотистой Припятью.

29 июня 1913

Строго и молча, без слов, без угроз,
Падает медленно снег;
Выслал лазутчиков дряхлый Мороз,
Непобедимый стратег.

Падают хлопья, угрюмо кружась,
Строго и молча, без слов,
Кроют сурово осеннюю грязь,
Зелень осенних лугов.

Молча, — послы рокового вождя, —
Падают вниз с высоты,
Кроют овраги в полях, возводя
С горки на горку мосты.

Выслал лазутчиков дряхлый стратег,
Скоро появится рать.
Падая молча, безжизненный снег
Хочет всю землю ровнять.

Чу! не трубят ли воинственный рог,
Не авангард ли идет?
Изморозь бело блестит вдоль дорог,
Речки затянуты в лед.

Падают хлопья, спокойно кружась,
Делают дело без слов:
Скрыли покровы осеннюю грязь,
Скрыли просторы лугов.

Лед над водой, над полянами снег,
Слиты мостами холмы.
Вьюга трубит... Выступает стратег
Старой царицы Зимы.

25 августа 1913

Мне кажется, что в саване я,
Лежу в глухой земле.
Где все восторги плавания
Под солнцем и во мгле?

И призраки томительные
Проходят предо мной.
Стучат часы медлительные,
Поют «Ты был живой».

И лишь одна, единственная
Тень меж других теней, —
Как вестница таинственная
Грядущих новых дней.

Душа, душа, обманутая
Так много, много раз,
Ужели даль оглянутая
Опять обнимет нас?

И, снова мукам преданная,
Душа, ты будешь петь,
А тайна неизведанная
В мои глаза глядеть?

Нет, нет! Еще не в гавани я,
Мой путь не завершен!
Вновь будут буйства плавания,
Вновь вспыхнет небосклон!

<Декабрь> 1913

Эдинбург II

После долгих скитаний тебя я обрел, моя девочка!
Тайно двоих на лугу пояс обвил золотой!
Кто же пред нами мелькает: бабочка-страсть,
однодневочка,
Иль Афродиты посол, тот мотылек роковой?

Мы, закрывая глаза, бежим за блестящим видением,
Призрак, мелькнувший на миг, думаем в сетку
поймать.
Не обернется ли он сурово-торжественный гением,
Иль на высокий Олимп не возвратится ль опять?

Так, беспечные, мы преследуем гения вечности.
Веет над лугом цветов нежный, как мед, ветерок.
Ах, что готовит Любовь, как месть, роковой
беспечности?
Ах, не метнет ли стрелой гибельной – в нас —
мотылек?

Три змеи, три кольца, окружили меня,
И в глаза мне глядят шесть сверканий огня.
Давят кольца всё крепче, всё ласковей грудь,
Я, под яростью ласки, не в силах вздохнуть.

Три змеи, три кольца, сплелись вокруг меня;
Кольца: алое, черное, все из огня;
В их объятьях, простерт, я недвижим, как труп,
Ищут жадные губы безжалостных губ.

Три змеи, три кольца, обвились вокруг меня,
Я – в кольце из желез, я – в кольце из огня;
Оплетают мне тело шесть ласковых рук,
Чуть дышу, чуть вздыхаю под нежностью мук.

Три змеи, три кольца, окружили меня,
В теле – смерть, в сердце – ужас, в глазах —
блеск огня.
Всё тесней, всё нежней, за изгибом изгиб,
В муках ласк обмираю, я гибну, погиб...

1913

Москва

Как из коры точит желтеющую камедь,
В Аравии, согбенный ствол,
Так медленно точит измученная память
Воспоминанья благ и зол.

Но меж всех обликов, что, плача и ревнуя,
Моя мечта навеки избрала, —
Воспоминание святого поцелуя,
Что девушка, вся в черном, мне дала.

Был пуст туманный порт, весь мир как будто вымер;
Колблемый в береговой воде,
Стоял у пристани заокеанский стимер,
Готовясь ввериться своей звезде.

Я, одинокий, ждал, склоняясь к черным водам.
Была душа уныла и пуста...
И девушка, спеша по сходням, мимоходом,
Мне поцелуем обожгла уста...

Когда я, юношей, в твоих стихах мятежных
Впервые расслышал шум жизни мировой:
От гула поездов до стога волн прибрежных,
От утренних гудков до воплей безнадежных
Покинутых полей, от песни роковой
Столиц ликующих до властного напева
Раздумий, что в тиши поют нам мудрецы,
Бросающие хлеб невидимого сева
На ниве жизненной во все ее концы, —
Я вдруг почувствовал, как страшно необъятен
Весь мир передо мной, и ужаснулся я
Громадности Земли, и вдруг мне стал понятен
Смысл нашего пути среди туманных пятен,
Смысл наших малых распрь в пучине бытия!
Верхарн! ты различил «властительные ритмы»
В нестройном хаосе гудящих голосов.

Проходит день, как смена отражений —
Разноголосица движений, красок, слов,
И строго ночь восходит на ступени,
Цвета лучей преображая в тени,
За шумом дня вскрывая тихость снов.

«Есть некий час всемирного молчанья».
Спит суета и онемела страсть...
Впивая тишь в волнах благоуханья,
Тогда лови иных миров качанья,
Чтоб, как река, в простор вселенной впасть.

1913

Я в море не искал таинственных Утопий,
И в страны звезд иных не плавал, как Бальмонт,
Но я любил блуждать по маленькой Европе,
И всех ее морей я видел горизонт.

Меж гор, где веет дух красавицы Тамары,
Я, юноша, топтал бессмертные снега;
И сладостно впивал таврические чары,
Целуя – Пушкиным святые берега!

Как Вяземский, и я принес поклон Олаю,
И взморья Рижского я исходил пески;
И милой Эдды край я знаю, – грустно знаю;
Его гранитам я доверил песнь тоски.

Глазами жадными я всматривался долго
В живую красоту моей родной земли;
Зеркальным озером меня ласкала Волга,
Взнося – приют былых – Жигули.

Страна Вергилия была желанна взорам:
В Помпеи я вступал, как странник в отчий дом,
Был снова римлянин, сходя на римский форум,
Венецианский сон шептал мне о былом.

И Альпы, что давно от лести лицемерной
Устали, – мне свой блеск открыли в час зари:
Я видел их в венцах, я видел – с высей Берна —
Их, грустно меркнувших, как «падшие цари».

Как вестник от друзей, пришел я в Пиренеи,
И был понятен им мой северный язык;
А я рукоплескал, когда, с огнем у шеи,
На блещущий клинок бросался тупо бык.

Качаясь на волнах, я Эльбы призрак серый
Высматривал, тобой весь полн, Наполеон, —
И, белой полночью скользя в тиши сквозь шхеры,
Я зовам викингов внимал сквозь легкий сон;

Громады пенные Атлантика надменно
Бросала предо мной на груди смуглых скал;
Но был так сладостен поющий неизменно
Над тихим Мэларом чужих наяд хорал...

На плоском берегу Голландии суровой
Я наблюдал прилив, борьбу воды и дюн...
И в тихих городах меня встречали снова
Гальс – вечный весельчак, Рембрандт – седой вещун.

Я слушал шум живой, крутящийся в Париже,
Я полюбил его и гул, и блеск огней,
Я забывал моря, и мне казались ближе
Твои, о Лувр,

Но в мирном Дрездене и в Мюнхене спесивом
Я снова жил отрадной тишиной,
И в Кельне был мой дух в предчувствии счастливом,
Когда Рейн катился предо мной.

Я помню простоту сурового Стефана,
Стокгольм – озерных вод и «тихий» Амстердам,
И «Сен» 'у в глубине Милана,
И вставший в темноте Кемпера гордый храм.

О, мною помнятся – мной не забыты виды:
Затихший Нюнесгейм! торжественный Кемпер!
Далекий Каркасон! пленительное Лидо!..
Я – жрец всех алтарей, служитель многих вер!

Европа старая, вместившая так много
Разнообразия, величий, красоты!
Храм множества богов, храм нынешнего бога,
Пока земля жива, нет, не исчезнешь ты!

И пусть твои дворцы низвергнутся в пучины
Седой Атлантики, как Город Шумных Вод, —
Из глуби долетит твой зов, твой зов единый,
В тысячелетия твой голос перейдет.

Народам Азии, и вам, сынам Востока,
И новым племенам Австралии и двух
Америк, – светишь ты, немеркнувшее око,

Горишь ты, в старости не усыпленный дух!

И я, твой меньший сын, и я, твой гость незванный.

Я счастлив, что тебя в святыне видел я,

Пусть крепнут, пусть цветут твои святыя страны

Во имя общего блаженства бытия!

1913

Опять мой посох приготовлен,
Все тот же, старый и простой,
И день отбытия условлен —
Отмечен роковой чертой.

Там, за окном, в пустом пространстве,
Все тот же – милый лик луны.
Кругом — трофеи прежних странствий,
Как память мира и войны.

Там – камни с гор, там – лук и стрелы,
Там – идолы, там – странный щит,
Мой облик, грустно-поседелый,
На них из зеркала глядит.

Вот – карты; резко исчертила
Их чья-то сильная рука.
Вот – книги; что когда-то жило,
Звучит в них – зов издалека!

А там – собранье всех приветствий,
Дипломов пышных и венков...
(О, слава! Как приманчив в детстве
Твой льстивый, твой лукавый зов!)

Так почему ж, под мирной сенью,
Мне не дремать покойным сном,
Не доверяться наслажденью
Мечты о буйном, о былом?

Я окружен давно почетом,
Хвалой ненужной утомлен.
Зачем же бурям и заботам
Я брошу мой счастливый сон?

<1913>

– Плохо приходится старому лешему,
Мне, горемычному, брат домовой!
Всюду дороги– телегам и пешему,
Летось от пса я ушел чуть живой,
Сын было думал помочь мне, – да где ж ему,
Бок ему месяц лечил я травой.

– Плохо, брат леший, и мне, домовому,
Фабрики всюду, везде корпуса,
Жить стало негде, дом каменный к дому,
В комнатах лампы горят, как глаза;
Веришь, и думать забыл про солому,
Видно, придется и мне к вам в леса;

<1913>

Ступени разрушенной лестницы
Уводят в глубокий овраг,
Где липы, столетью ровесницы,
Вечерний нахмурили мрак.

Река обегает излучиной
Приниженный берег. Во мгле
Толпой, беспорядочно скученной,
Рисуются избы в селе.

Лесами просторы обставлены,
Поет недалекий родник...
О город, о город отравленный,
Я здесь, твой всегдашний двойник!

28 июня 1914

Эллису

Нет! к озаренной сиянием бездне
Сердце мое не зови!
Годы идут, а мечте все любезней
Грешные песни любви.

Белые рыцари... сень Палестины...
Вечная Роза и крест...
Ах, поцелуй заменяет единый
Мне всех небесных невест!

Ах! за мгновенье под свежей сиренью
С милой – навек я отдам
Слишком привычных к нездешнему пенью
Оных мистических Дам.

Их не умею прославить я в песне...
Сердце! опять славословь,
С годами все умиленней, чудесней,
Вечно земную любовь!

Листок, спрятанный в коре

Над Озером Грез, где большие березы
Любовно дрожат на вечерней заре,
Они, в летний день, свои детские грезы
Доверили белой коре.

В заветном листке было сказано много;
О чем они робко мечтали вдвоем,
О чем они тайно молили у бога
В недавнем прекрасном былом.

В тот день, как свершились бы эти мечтанья,
Как правдой надежды их сделал бы Рок, —
Они бы вернулись на место свиданья,
Чтоб вынуть поблекший листок.

И дерево свято в груди сохраняло
Листок пожелтый с чуть видной каймой,
В июле ветвями его обвевало,
Хранило от стужи зимой.

Мечты же писавших не сбылись. Таила
Судьба приговор: им не встретиться вновь!
И юношу зло сторожила могила,
Ее же – другая любовь.

Но все же остались их юные души
На старом листке у свидетеля грез:
О маленькой Мане и бедном Илюше
Твердят колыханья берез.

26 октября 1914

Не как молния, смерти стрела,
Не как буря, нещадна и зла,
Не как бой, с грудой жертв без числа,
Не как челн, на волнах без весла, —
Тихим утром Любовь снизошла.

Как пророк, я в грозе, я в огне
Бога ждал, – он предстал в тишине.
Я молюсь просиявшей весне;
Сын полей, в голубой вышине,
Небу песню поет обо мне.

Пой певучую песню, певец:
«Эти дни – над всей жизнью венец!
Слышишь стук двух согласных сердец?
Видишь блеск двух заветных колец?
Будь любим – и люби, наконец!»

1 ноября 1914
Варшава

Последний путь...

Быть может, я в последний раз
Свою дорогу выбираю,
На дальней башне поздний час
Звенел. Что в путь пора, я знаю.

Мой новый путь, последний путь,
Ты вновь ведешь во глубь ущелий!
Не суждено мне отдохнуть
В полях весны, под шум веселий!

Опять голодные орлы
Над головой витают с криком,
И грозно выступы скалы
Висят в безлюдии великом;

Опять, шипя, скользит змея,
И барс рычит, пустынножитель;
Но шаг мой тверд, и снова я —
Охотник, странник и воитель.

Пусть годы серебрят висок,
Пусть в сердце тупо ноют раны; —
Мой посох поднят, путь далек,
Иду чрез горы и туманы.

На миг мне виден с высоты
Тот край, что с детства взоры манит.
Дойду ль до сладостной черты,
Иль Смерть мне на пути предстанет?

Но знаю, прежде чем упасть,
Чем вызов Смерти встретить дружно, —
Мне снова улыбнется страсть
Улыбкой ласково-жемчужной.

Последнем, роковой любви
Слова я прошепчу на круче,
И, – словно солнце, всё в крови, —
Пусть жизнь тогда зайдет за тучи!

18 ноября 1914

Всхождение

А лестница все круче...

Не оступлюсь ли я?

Urbi et Orbi

Как винт чудовищный, свиваясь вокруг стены,
Восходит лестница на высь гигантской башни.
Давно исчезло дно безмерной глубины,
Чтоб дальше сделать шаг, все должно быть бесстрашней.

За ярусом – другой; сквозь прорези бойниц
Я вижу только ночь да слабый отблеск звездный;
И нет огней земли, и нет полночных птиц,
И в страшной пустоте висит мой путь железный.

Направо к камням жмусь; налево нет перил;
Зловеще под ногой колеблются ступени.
Гляжу наверх – темно; взглянуть назад – нет сил;
Бессильный факел мой бросает тень на тени.

Кто, Дьявол или Бог, какой народ, когда
Взвел башню к небесам, как древле в Вавилоне?
И кто, пророк иль враг, меня привел сюда
На склоне злого дня и дней моих на склоне?

И что там, в высоте? божественный покой,

Где снимет предо мной Изида покрывало?
Иль черное кольцо и только свод глухой,
И эхо прокричит во тьме: «Начни сначала!»

Не знаю. Но иду; мечу свой факел ввысь;
Ступени бью ногой; мой дух всхождением хмелен.
Огонь мой, дослужи! нога, не оступись!..
Иль этот адский винт, и правда, беспределен?

8 декабря 1914

Варшава.

Когда смотрю в декабрьский сумрак ночи,
Все кажется, – под дальний гул пальбы:
Дрожит земля до самых средоточий
И падают огромные столбы.

Все кажется, под страшный ропот боя,
Что старый мир разрушиться готов.
Не волны ли, неукротимо воя,
Ломают стены древних берегов?

Не жаль сознанию новой Атлантиды!
Пусть покрывает ясность глубины
Всю ложь веков, предвечные обиды
И тщетные, не явленные сны!

Пусть новый мир встает из бездн безвестных,
Не знающий, что в прошлом были мы:
О нем мечтаю, в свете звезд небесных,
Под гул пальбы смотря в провалы тьмы!

12 декабря 1914

Варшава

Два врага

Над глубиью бездны перекинут,
Повис дрожащий узкий мост.
Над ним в холодном небе стынут
Лучи всегда бесстрастных звезд.

И здесь, на зыбкой середине
Моста, сошлись мы, два врага.
Сошлись одни в ночной пустыне:
Вкруг – бездна, звезды да снега!

Узнав друг друга в мгле неверной,
Мы стали: между нами – шаг;
И мост качается размерно,
Соперник третий, третий враг.

Я видел беглый блеск кинжала
В твоей, скользнувшей вбок, руке;
Моя рука револьвер сжала,
И замер палец на курке.

Молчим. Но не мелькнет минута,
И чья-то грудь, не знаю чья,
Покинув этот мост согнутый,
Прильнет на дне к струе ручья.

Вдруг глянул месяц серповидный.
О, как лицо твое бледно!
В нем страх и гнев! – Как мне завидно!
О почему – мне все равно!

12 декабря 1914

Варшава

Больше никогда

Когда Данте проходил по улице, девушки шептали: «Видите, как лицо его опалено адским пламенем!»

Летописец XIV века

Больше никогда на нежное свиданье
Не сойду я в сад, обманутой луной,
Не узнаю сладкой пытки ожидания
Где-нибудь под старой царственной сосной.

Лик мой слишком строгий, как певца Inferno,
Девушек смущает тайной прошлых лет,
И когда вдоль улиц прохожу я мерно,
Шепот потаенный пробегает вслед.

Больше никогда, под громкий говор птичий,
Не замру вдвоем у звонко-шумных струй...
В прошлом – счастье встречи, в прошлом – Беатриче,
Жизни смысл дающий робкий поцелуй!

В строфах многозвучных, с мировой трибуны,
Может быть, я вскрою тайны новых дней...
Но в ответ не встречу взгляд смущенно-юный,
И в толпе не станет чей-то лик бледней.

Может быть, пред смертью, я венок лавровый
Смутно угадаю на своем челе...
Но на нем не лягут, как цветок пунцовый,
Губы молодые, жаркие во мгле.

Умирают молча на устах признанья,
В мыслях скорбно тают страстные слова...
О, зачем мне снятся лунные свиданья,
Сосен мягкий сумрак ив росе трава!

1914

Германия

Отрывки

1

Германия! Германия!
Опять, как яростный поток,
Разрушивший плотины,
Ты рухнула на потрясенный мир,
Грозя залить окрестные долины,
Как древле,
В дни готов, франков, вандалов
И в дни Аггилы;
Как после,
Во дни твоих губительных походов
На беззащитную, усталую Италию;
И как недавно,
Во дни разгрома Франции несчастной.
Опять,
Сломав плотины,
Ты рухнула, как яростный поток,
Весь в брызгах пены.

Но вещая надежда в нас
Таится, что об эти наши стены,

На этот раз,
Ты разобьешь свои дерзания!
Что в третий раз
Ты не разрушишь Рима!
Германия! Германия!
Стремись волной неукротимой,
Влеку свой яростный поток.
Рок
Во имя Права, Красоты, Свободы
Вспять обратит бушующие воды!

2

Германия! Германия!
Почти поверил легковой мир,
Что по твоим полям прошла мечта —
Титания,
Что покорила тебя Орфей веков – Шекспир!

Что твой священный сын, богоподобный Гете,
В тебя сумел вдохнуть гармонию, что ты
В таинственном полете
Мечты
Достигла вдохновенной высоты...

Семейная картинка

Аллегория

*И вот в железной колыбели
В громах рождается новый год.*
Ф. Тютчев

Ты спишь «в железной колыбели»,
И бабка над тобой, Судьба,
Поет, но песнь ее – пальба,
И светит в детской – блеск шрапнелей.

Сейчас скончался старший брат.
Вот он лежит в одежде ратной...
Должник несчастный, неоплатный,
Он, кажется, был смерти рад.

Чу! соскочив поспешно с «бенца»,
Вошел отец, двадцатый век,
Сел, подписал огромный чек
И бросил на постель младенца.

Печально улыбнулась мать
Эпоха: ей знакомы эти
Подарки в люльке... Те же дети
Должны без гроша умирать!

И, на портреты предков глядя,
Она вперила взор в один:
Седой, поникший господин:
Век девятнадцатый, твой дядя!

Меж тем твой дед – бессмертный Рок
Угрюмо дремлет в старом кресле.
Былые дни пред ним воскресли:
Грозит Аттила, жив Восток...

Он спит... Внезапно, как химера,
Неведомая гостья в дом
Влетает... Шелестя крылом,
Вещает радостно: «Я – Эра».

А за дверями, как и встарь,
Меж слуг выходит перебранка.
История, как гувернантка,
Зовет ребенка за букварь;

Ему винтовку тащит Время,
Седой лакей; его жена,
Статистика, возмущена,
Кричит, что то младенцу – бремя.

Шум, крик. Но дряхлая Судьба,
Клонясь упрямо к колыбели,
При ночниках – огнях шрапнелей,

Поет, и песнь ее – пальба!

31 декабря 1914 – 1 января 1915

Витраж – триптих

Средняя часть

Рыцарь по отмели едет один.

Левая створка

Дева томится в молельне вечерней.

Правая створка

Ждет, притаясь за скалой, сарацин.

Рама

Алые розы в сплетении терний.

Рыцарь

Рыцарь по отмели едет один;
Взор, из-под шлема, уныло-спокоен;
Блещет в щите, посредине, рубин;
Конь златосбруйный, и мощен и строен.

Взор, из-под шлема, уныло-спокоен,
Смотрит в широкую синюю даль.
Что тебя мучит, задумчивый воин:
Слава и смерть иль любовь и печаль?

Блещет в щите, посредине, рубин, —
Золото справа и золото слева...
То талисман или память годин?
Нет, твой подарок, далекая дева!

Рыцарь по отмели едет один;
Конь златосбруйный, и мощен и строен,
Мерно ступает, взбивая песок...
Конь королевский! владеть им достоин
Только такой благородный ездок!

Что ж тебя мучит, задумчивый воин?..

Дева

Дева томится в молельне вечерней.
Образ мадонны и кроток и тих.
Грезы, что миг, все темней и неверней...
Где он, где твой нареченный жених!

Образ мадонны и кроток и тих,
Молча приемлет земные молитвы...
Где-то в горах и равнинах чужих
Длятся и длятся жестокие битвы!

Грезы, что миг, все темней и неверней...
Страшно, как в зеркало, глянуть в мечты:
Стрелы над шлемами свищут размерной,
Громче мечи дребезжат о щиты...

Дева томится в молельне вечерней:
Где он, где твой нареченный жених!
Может быть, сброшен коварным ударом,
Стынет, простертый на камнях нагих,
Ночью, под лунным таинственным паром,

Где-то в горах иль в равнинах чужих?

Сарацин

Ждет, притаясь за скалой, сарацин.
Рыцарь опасной дороги не минет!
Звон разнесется по глуби долин.
Кто-то кого-то в борьбе опрокинет!

Рыцарь опасной дороги не минет!
Враг неподвижен за серой скалой,
Прыгнет и крикнет, опустит и вынет,
Красный от крови, кинжал роковой!

Звон разнесется по глуби долин.
Радостный звон, – он друзей не обманет!
Алый, как красный от крови, рубин
К белой одежде красиво пристанет!

Ждет, притаясь за скалой, сарацин.
Кто-то кого-то в бою опрокинет!
Верный, как барс, поиграет с врагом,
Сзади копьё перелетное кинет,
И на седло, потрясая клинком,

Прыгнет, и крикнет, и лезвие вынет!

Рама

Алые розы в сплетении терний.
Алые розы – то рыцаря кровь;
Тернии – грезы в молельне вечерней;
Розы и тернии – наша любовь.

1914—1916

Варшава

Да, я безумец! я не спорю!
Воспоминанья заглуша,
Я жить умею лишь мгновеньем.
И, как река стремится к морю,
К любви спешит моя душа!

Неясным, тающим виденьем
Былое реет позади.
Но день, расцветший нынче, ярок.
Судьба с единственным веленьем
Мне предстает всегда: «Иди!»

Под сводом многоцветных арок,
По берегу поющих струй,
Иду, протягиваю руки,
И так томителен и сладок, —
Сегодня, – каждый поцелуй!

Он был иль нет, тот миг разлуки?
Не знаю! Верю правде встреч!
Да, я безумец! Я не спорю!
Но внятны мне лишь эти муки,
Лишь этот трепет детских плеч!

1914 – 4 января 1915

Мелькали мимо снежные поляны,
Нас увозил на запад sleeping-car⁶²,
В тот край войны, где бой, где труд, где раны,
Где каждый час – пальба, все дни – пожар.

А мы, склонясь на мягкие диваны,
В беседах изливали сердца жар,
Судили мы поэта вещей дар
И полководцев роковые планы, —

То Пушкин, Достоевский, Лев Толстой
Вставали в нашей речи чередой,
То выводы новейшие науки...

А там, вдали, пальба гремела вновь,
На белый снег лилась потоком кровь
И люди корчились в предсмертной муке...

26 января 1915

⁶² Спальный вагон (англ.)

Майский дождь

Дождь весенний, дождь веселый,
Дождь в умильный месяц май, —
На леса, луга и доли
Искры влаги рассыпай.

Солнце смотрит и смеется,
Солнце искры серебрит,
Солнце вместе с влагой льется,
Солнце зелень трав кропит.

Небо падает на землю
В нитях призрачных дождя,
Солнце шепчет (шепот внемлю),
То журча, то дребезжа;

Небо шепчет: «К жизни! к свету!
Все ростки, листки, трава!
Верьте вечному обету:
Жизнь прекрасна! жизнь жива!

Сгинь, клочок последний снега!
Речка, воды подымай!
Всюду – радость! всюду – нега!
Всюду – дождь и всюду – май!»

8 марта 1915

Варшава

(День пасмурный и. холодный)

Я устал от светов электрических,
От глухих гудков автомобилей;
Сердце жаждет снова слов магических,
Радостных легенд и скорбных былей.

Давят душу стены неизменные,
Проволоки, спутанные в сети,
Выкликают новости военные,
Предлагая мне газету, дети;

Хочется мне замков, с их царевнами,
Озирающих просторы с башни,
Менестрелей с лютнями напевными,
Оглашающими лес и пашни;

Позабиться вымыслами хочется, —
Сказками, где ведьмы, феи, черти;
Пусть, готовя снадобье, пророчица
Мне предскажет час грядущей смерти;

Пусть прискачут в черных шлемах рыцари,
Со щитами, в пятнах черной крови...
Ах, опять листок, в котором цидеро
Говорит про бой при Августове!

4 апреля 1915

Варшава

Ночью ужас беспричинный
В непонятной тьме разбудит;
Ночью ужас беспричинный
Кровь палящую остудит;
Ночью ужас беспричинный
Озирать углы принудит;
Ночью ужас беспричинный
Неподвижным быть присудит.

Сердцу скажешь: «Полно биться!
Тьма, и тишь, и никого нет!»
Сердцу скажешь: «Полно биться!»
Чья-то длань во мраке тронет...
Сердцу скажешь: «Полно биться!»
Что-то в тишине простонет...
Сердцу скажешь: «Полно биться!»
Кто-то лик к лицу наклонит.

Напрягая силы воли,
Крикнешь: «Вздор пустых поверий!»
Напрягая силы воли,
Крикнешь: «Постыдись, Валерий!»
Напрягая силы воли,
Крикнешь: «Встань, по крайней мере!»
Напрягая силы воли,

Вдруг – с постели прыгнешь к двери!

Ночь 10/11 апреля 1915

Польша есть!

В ответ Эдуарду Слонскому

Jeszcze Polska jest!
Edward Slonski

I

Да, Польша есть! Кто сомневаться может?
Она – жива, как в лучшие века.
Пусть ей грозила сильного рука,
Живой народ чья сила уничтожит?

И верь, наш брат! твой долгий искус про/кит!
Тройного рабства цепь была тяжка,
Но та Победа, что теперь близка,
Венца разбитого обломки сложит!

Не нам забыть, как ты, в тревожный час,
Когда враги, спеша, теснили нас,
Встал с нами рядом, с братом брат в отчизне!

И не скорби, что яростью войны
Поля изрыты, веси сожжены, —
Щедр урожай под солнцем новой жизни!

II

Да, Польша есть! Но все ж не потому,
Что приняла, как витязь, вызов ратный,
Что стойко билась, в распре необъятной,
Грозя врагу – славян и своему.

Но потому, что блещет беззакатный
Над нею день, гоня победно тьму;
Что слово «Польша», речью всем понятной,
Гласит так много сердцу и уму!

Ты есть – затем, что есть твои поэты,
Что жив твой дух, дух творческих начал,
Что ты хранишь свой вечный идеал,

Что ты во мгле упорно теплишь светы,
Что в музыке, сроднившей племена,
Ты – страстная, поющая струна!

22—23 мая 1915

Варшава

Я прошел пути и перепутья,
Мне искать безвестного наскучило.
Тщетно Жизнь, дряхлеющее чучело,
Вновь надела пестрые лоскутья.

Тщетно манит разными приманками
И в цветы наивно прячет удочки...
Я пою былую песнь на дудочке,
Я гуляю прежними полянками.

Хорошо без дум идти опушками,
В темень леса, в дебри не заглядывать...
Ах, весны довольно – сердце радовать!
Что мне тайны с хитрыми ловушками!

Правит путь по небу древний Гелиос,
О листву лучи как будто точатся...
Нет! мне петь, как в детстве, нынче хочется
Бабочек на дудке, на свирели – ос!

9 июня 1915

Завет Святослава

По знакомой дороге назад
Возвращались полки Святослава.
Потрясен был надменный Царьград,
Над героями реяла слава,
Близки были родимой земли
И равнины, и мощные реки...
Но в горах на пути залегли,
Поджидая, коварные греки.

И, шеломы врагов опознав,
По холмам и утесам соседним,
Так дружине сказал Святослав:
«Видно, день – биться боем последним!
Пусть враги нас порубят, побьют,
Пусть обратно добычу отымут, —
Но певцы про нас славу споют,
Ибо мертвые сраму не имут!»

И рубились они до конца,
Полегли до последнего в поле;
Не осталось в живых и певца,
Чтобы спеть о губительной доле.
Сгиб в траве Святослава скелет,
Вихрем выветрен, ливнями вымыт, —
Но поет ему славу поэт,

Ибо мертвые сраму не имут.

В наши грозные, тяжкие дни
Вспомним снова завет Святослава!
Как во тьме путевые огни,
Веку новому – прошлого слава!
Уступает народу народ
Города, и равнины, и реки, —
Только доблесть бессмертно живет,
Ибо храбрые славны вовеки!

Июль 1915

К стальным птицам

Я первые полеты славил
Пропеллером свистящих птиц,
Когда, впервые, Райт оставил
Железный рельс и бег направил
По воле, в поле без границ.

Пусть голос северного барда
Был слаб, но он гласил восторг
В честь мирового авангарда:
Того, кто грезу Леонардо
Осуществил и цепь расторг.

Казалось: мы у новой эры;
От уз плотских разрешены, —
Земли, воды и атмосферы
Владыки, до последней меры
В своих мечтах утолены!

Казалось; уничтожив грани
Племен, народов, государств,
Жить дружественностью начинаний
Мы будем, – вне вражды и брани,
Без прежних распрей и коварств.

И что же! меж царей лазури,

В свои владенья взявших твердь,
Нашлись, подсобниками фурий,
Опасней молний, хуже бури,
Те, что несут младенцам – смерть!

Не в честный бой под облаками
Они, спеша, стремят полет,
Но в полночь, тайными врагами,
Над женщинами, стариками
Свергают свой огонь с высот!

Затем ли (горькие вопросы!)
Порывы вихренных зыбей
Смиряли новые матросы,
Чтоб там шныряли «альбатросы»
И рой германских «голубей»?

1915

Зов старинный

Свет из небесных скважин
С лазури льется, нежен,
На степь и кровли хижин;
Миг – робко-осторожен
И с грустью чутко-дружен...

О! сколько тихой ласки
В речном далеком плеске!
Как тени сердцу близки!
В траве блестят полоски
На сонном темном спуске...

Дышу истомой странной,
Весь полн тоской смиренной,
Но где-то зов старинный,
Звон глухо-похоронный,
Звучит, как ропот струнный.

1915

Загробный призыв

Опять, опять я – близко, рядом!
Мои слова расслышь, узнай!
Тебя пугали в детстве адом,
Тебе сулили в смерти рай.

Не верь: мы – здесь! Погасло зренье,
Не бьется сердце, умер слух,
Но знаю, слышу приближенье
Твое, как духа слышит дух.

Твои мечты горят, как свечи
Во мгле; ищу невольно их;
Дышу тобой, в минуту встречи,
Как запахом цветов ночных.

Усилием последней воли
Качаю завес... видишь дрожь?
Мне страшно, жутко мне до боли,
Но нашей связи не тревожь!

Как под водой дышать нет силы,
Так в мире косном душно мне...
Но для тебя, мой брат, мой милый,
Я снова – здесь, я – в глубине!

Ты приходишь из страны безвестной,
Чужеземец! я – в родном краю.
Молод – ты, я – стар, так разве честно
Оскорблять святыню древнюю мою?

Я служу Перуну. В храме темном
Провожу, как жрец, свои часы,
Мою бога, на лице огромном
Золотые чищу я усы.

Я считаю десять пятилетий
С дня, как мальчиком вошел сюда, —
Старцы, мужи, женщины и дети
Чтут мои согбенные года.

Славишь ты неведомого бога, —
Я не знаю, властен он иль слаб.
Но всю жизнь у этого порога
Я склонялся, как покорный раб.

Или был безумен я все годы?
Иль вся жизнь моя – обман и стыд?
Но Перун царит из рода в роды,
Как и ныне над страной царит.

Удались отсюда, странник юный,
Унеси свой заостренный крест, —
Я пребуду данником Перуна,
Бога наших, мне родимых, мест.

Пусть ты прав, и бог мой – бог неправый...
В дни, когда покинут все наш храм,
Я, воспев Перуну песню славы,
Лягу умирать к его стопам.

В альбом

Многое можно прощать,
Многое, но ведь не все же!
Мы пред врагом отступать
Будем постыдно... О, боже!

Мы пред врагом отступать
Будем теперь... Почему же?
– Брошена русская рать
Там, на полях, без оружий!

Брошена русская рать.
Пушки грохочут все реже,
Нечем на залп отвечать...
Иль то маневры в манеже?

Нечем на залп отвечать,
Голые руки... О, боже!
Многое можно прощать,
Многое, но ведь не все же!

Все краски радуги

Все краски радуги – небесные цвета,
Все трепеты весны – земная красота,
Все чары помыслов – познание и мечта, —

Вас, пламенно дрожа, я восприемлю снова,
Чтоб выразить ваш блеск, ищу упорно слова,
Вас прославлять и чтить душа всегда готова!

Земля! поэт – твой раб! земля! он – твой король!
Пади к его ногам! пасть пред тобой позволь!
Твой каждый образ – свят! пою восторг и боль!

Пусть радость высшая пройдет горнило муки,
Пусть через вопль и стон в аккорд сольются звуки,
Пусть миг свидания венчает дни разлуки!

Все краски радуги – небесные цвета,
Все образы весны – земная красота,
Все чары помыслов – всё, всё прославь, Мечта!

Волны волос упали,
Щечки пылали огнем.
С отзвуком нежной печали
Речи любовью звучали,
Нега сквозила во всем.

Солнце, с весенней улыбкой,
Воды течения зажгло,
Мы над поверхностью зыбкой,
В лодочке утлой и зыбкой,
Медлили, бросив весло.

Милые детские грезы,
Вы не обманете вновь!
И тростники, и стрекозы,
Первые, сладкие слезы,
Первая в жизни любовь!

<1891—1915>

<Из Венка сонетов>

1

В моей душе, как в глубях океана,
Живой прибой зачатий и смертей, —
Стихийный вихрь неистовых страстей;
И им просторы водяные пьяны.

Здесь утро мира расцветало рано,
Земля здесь первых родила детей,
Отсюда сеть извилистых путей
Ко всем, кто дышит под лучом Титана.

Прародина живого! Как во сне,
Скользят в твоей безмерной глубине
Виденья тех явлений, что погасли;

Там, под твоим торжественным стеклом,
Еще жива, как в целом сонме Библий,
Несчетность жизней, прожитых в былом.

15

В моей душе, как в глубях океана,
Несчетность жизней, прожитых в былом:
Я был полип, и грезил я теплом;
Как ящер, крылья ширил средь тумана;

Меня с Ассуром знала Cordiana;
С халдеем звездам я воспел псалом;
Шел с гиксами я в Фивы напролом;
Гнал диких даков под значком Траяна;

Крест на плече, я шел в Иерусалим;
Как магу, Дьявол мне грозил сквозь дым;
Мара судил мне плаху гильотины;

И с Пушкиным я говорил как друг;
Но внятны мне звонки трамваев вокруг,
Как много всех, и все же я – единый!

<1915>

«С волнением касаюсь я пера...»

I

С волнением касаюсь я пера,
И сердце горестным раздумьем сжато.
Больших поэм давно прошла пора
(Как Лермонтов нам указал когда-то).
Но я люблю их нынче, как вчера!
Бессмертная, мне помоги, Эрато,
Мой скромный дар прияв, благослови
Рассказ в стихах о жизни и любви.

II

Я пережил дни искушений тайных,
И все равно мне, будет ли мой стих
В десятках или сотнях рук случайных...
Сам для себя люблю в стихах своих
Стеченье рифм, порой необычайных,
Я для себя пишу – не для других.
Читатели найдутся – сердце радо;
Никто не примет песни – и не надо!

III

Гремит война. Газетные столбцы
Нам говорят о взятых пулеметах;
На поле брани падают бойцы.
И каждый о своих родных в заботах,
Меж тем подводят в книгах мудрецы
Итоги бойни роковой на счетах...
Теперь ли время Музу призывать?
– Теперь, как и всегда! Шумела рать

IV

Аргиев на берегах, у древней Трои;
Прошли герои, но живет Омир!
И нашей жизни твердые устои
Падут во прах, вновь изменится мир,
Не встанут, может быть, сверкая, строи,
Но будет вечно звучен ропот лир,
Поэзия над славой и над тленьем
Останется сияющим виденьем...

«Пришли рассеяния годы...»

Тот в гробе спит, тот дальний сиротеет.
А. Пушкин

Пришли рассеяния годы,
Нам круг друзей не соединить:
Один уже сошел под своды,
Которых нам не сокрушить;
Тот роком самовластным брошен
В изгнание, на чужой гранит;
Тот в цвете дум болезнью скошен,
Не жив, не умер, – словно спит;
Тот бродит по далеким странам,
Тоской гоним, всегда один,
От нас отрезан, как туманом,
Чредой изменчивых картин;
Еще иные – в поле ратном,
В окопах, под дождем свинца;
Согласно при луче закатном
У нас забьются ли сердца?
Как знать? Но будь еще помянут
Один: он факел снов задул;
Не нами тайный враг обманут,
Нас друг неверный обманул.
Быть может, прежним идеалам
Остался верен только я:

Доныне не была причалом
Оскорблена ладья моя;
Но, жизни бурями испытан,
Таю глубины грез моих,
И ядом горечи напитан,
Нередко, мой вечерний стих.

29 июля. 1916

Верные лире

Истнит лабиринт...
Urbi et Orbi

К нам не была ль судьба скупа,
Нам не дары ль бросала щедро?
Пусть нашей жизни темная тропа
Не раз вела в глухие недра.

Пред нами был – весь ясный мир,
Мы шли сквозь грозные
Вверяя струнам вещих лир
Мечты, и души, и желанья.

Порой вступали в мглу пещер,
Где слышен грозный рев чудовищ,
Но к свету вновь, зажав химер,
Входили с грудями сокровищ.

И снова шли в цветах, в лучах,
Под щебет птиц, под рокот моря,
И нам был чужд пред долей страх,
Мы были рады мигам горя.

Но вновь во глубь тропа сошла,
Под черноту подземных сводов;

Кругом везде – слепая мгла,
Вой чудищ, призраки уродов.

Глядим назад, – но входа нет,
Вперед, – но выхода не видно.
Нам повстречать ли снова свет,
Луной дышать ли серповидной?

Вверх или вниз, но путь идет,,
Он с каждым шагом – безысходной...
Но все равно! вперед, вперед,
Поем и в недрах преисподней!

1916

Лев и свинья

Басня по Ф. Достоевскому

Однажды Лев
Свинью обидел,
Да так, что целый лес ее позор увидел.
Придя в великий гнев,
Свинья донельзя расхрабрилась
(Известно, что и гнев порой мутит, как хмель),
За оскорбление отметить решилась
И вызвала владыку на дуэль.
Однако, возвратясь к родным пенатам,
Задумалась Свинья
И, страха не тая,
Расхрюкалась пред умным братом:
«Ах, братец, вот - попала я в беду!
Ты знаешь Льва суровый норов!
Уж лучше я куда-нибудь уйду!»
Но Боров
(Он был писатель, с едкостью пера)
В ответ ей: «Погоди, сестра!
К чему бежать так прямо?
Поблизости помойная есть яма:
Получше вываляйся в ней,
А после выходи на бой с царем зверей».
Свинья послушалась совета.

Помоями вонючими кругом
Вся облепилась до рассвета
И так предстала пред врагом.
Свидетелями беспримерной брани
Был полон лес и ближний дол.
И вот явился Лев, как обещал заране, —
Пришел, понюхал и ушел...
И долго после свиньи все вопили:
«Лев струсил! мы-де победили!»

Так иногда завзятый полемист
К газетному нас требует барьеру,
Но трудно Льва не следовать примеру,
Когда противник наш уж чересчур нечист!

<1916>

Иногда хорошо и отрадно
Знать, что сжали четыре стены
Жизнь твою, с ее пылкостью жадной,
И твои, слишком буйные, сны.

За окном – тот же город стозвонный, —
Спешный бег неумолчных авто,
Но к тебе, в твой покой потаенный,
Не проникнет бесцельно никто.

Как утес, весь и в пене и в шуме,
Неподвижен, и строг, и высок, —
Ты, в приюте свободных раздумий,
В самой ярости толп, – одинок.

Светы полдня, полночные тени,
Ряд мечтами обвитых часов...
И скользят вереницы видений,
Лики бывших и жданных годов.

Это – памяти путь беспредельный,
Это – встреча всех тех, кто ушли,
Это – бред беспечально-бесцельный
О палящем восторге земли.

И спокойных раздумий зарницы
Озаряют крутящийся сон;
Совесьть судит; заплаканы лица;
Знаю: кто-то без слов осужден.

Кто-то... Может быть, я... Ну так что же!
Это час пересмотра годин.
Как тебе благодарен я, боже,
Что на время – в тюрьме и один!

1916

Лечебница доктора Постникова

Молитва

Отче! полмира объемлешь ты тенью,
Звезды ведешь и луну в небесах,
Даруй покой моему утомленью,
Дай успокоиться в сладостных снах.

Се – отрекаюсь от помыслов злобных,
Се – осуждаю все, в чем погрешил.
Дай мне во снах, тихой смерти подобных,
Ведать покой безмятежный могил.

Злое видение ложа да минет,
Да не предстанет мне облик в крови.
В час же, когда светы первые кинет
Солнце Твое, – Ты меня оживи!

1916

В круженье жизни многошумной,
В водовороте наших дел,
Я – ваш! и этот мир безумный —
Мной вольно избранный удел.
Люблю призывы телефонов,
Истлевшей проволоки блеск,
И над рекой гудков и звонов
Пропеллера внезапный треск;
Люблю я ослепленье сцены
И ресторанный пьяный свет,
Все эти вспышки, эти смены
Победно наступивших лет...
Люблю... Но что же сердце ранит,
Когда я вижу чаши роз,
Когда мечту, как сон, туманит
Над речкой свежий сенокос?
Зачем душа томленьем сжата
Здесь на отлогом берегу,
Когда вдали сереет хата
И стадо бродит на лугу?
Зачем так сладко в темной роще,
Где ландыш мраморный расцвел,
Где мыслям легче, думам проще,
Едва под сень ее вошел?
Кляните! прошлое мне мило,

Природа родины – близка...
Пусть скоро скажут: «Это было!» —
Люблю отшедшие века!
Гряди, что будет! Водопадом
Былую жизнь нещадно смой!
С неведомым пойду я рядом,
Но прошлый мир – он мой! он мой!

1916

Рдяность померкла за очерком гор,
Красок развеялся пестрый укор,
Все безразлично – восторг и позор...
В мире встречает уверенный взор
Только провалы да звездный узор,

Рано взлюбил я, люблю до сих пор
Строй беспредельных, незримых опор,
Держащих строго безмерный собор;
Мир беспросветен – как сумрачный бор,
Звезды-миры смотрят с неба в упор.

Чу! запеваet невидимый хор,
Дарохранитель десную простер...
Могi⁶³. То Роком решается спор...
Горе, что утра багряный костер
Бросит румянец на черный простор!

1916

⁶³ Умереть (*лат*)

Закат ударил в окна красные
И, как по клавишам стуча,
Запел свои напевы страстные;
А ветер с буйством скрипача
Уже мелодии ненастные
Готовил, ветвями стуча.

Симфония тоски и золота,
Огней и звуков слитый хор,
Казалась в миг иной расколота:
И такт, с певцом вступая в спор,
Выстукивал ударом молота
Незримый мощный дирижер.

То вал стучал в углы прибрежные,
Ломая скалы, дик и пьян;
И всё: заката звуки нежные,
Сверканье ветра, и фонтан,
Лепечущий рассказы снежные,
Крыл гулким стуком Океан!

<Декабрь> 1916

Баллада

Горит свод неба, ярко-синий;
Штиль по морю провел черты;
Как тушь, чернеют кроны пиний;
Дыша в лицо, цветут цветы;
Вас кроют плющ и сеть глициний,
Но луч проходит в тень светло.
Жгла вас любовь, желанье жгло...
Ты пал ли ниц, жрец, пред святыней?

Вы, вновь вдвоем, глухой пустыней
Шли – в глуби черной пустоты;
Месила мгла узоры линий;
Рвал ветер шаткие кусты.
Пусть горек шепот. Ты с гордыней
На глас ответил: «Все прошло!...»
Потом, один, подъяв чело,
Упал ты ниц, жрец, пред святыней?

Б саду блестит на ветках иней,
Льды дремлют в грезах чистоты.
Ряд фолиантов; Кант и Плиний;
Узоры цифр; бумаг листы...
Пусть день за днем – ряд строгих скиний,
Мысль ширит мощное крыло...
Познав, что есть, что быть могло,

Ты ниц упал, жрец, пред святыней?

Восторгов миг и миг уныний! —

Вас вяжут в круг одной мечты!

Всё – прах. Одно лишь важно: ты

Упал ли ниц, жрец, пред святыней?

1916

Вечерние пеоны

По широкому простору предвечерней синевы
Засияли, заблестали начертания созвездий,
И росинки задрожали по извилинам травы
Под зелеными огнями на задвинутом разезде.

Ты мелькнула, проскользнула, подошла и замерла...
И я видел, в полусвете, ослепительном и белом,
Как тревожно, осторожно ты поникла и легла
На протянутые рельсы странно вытянутым телом.

Все дышало, опьянялось наступлением весны
Под магическим мерцаньем углубленного простора,
Но роптанье нарушало неподвижность тишины,
И зловеще возвышались разветвления семафора.

И вонзался, и впивался неисчисленностью жал,
Доходя из отдаленья, ровно-вымеренный грохот,
Словно где-то, в океане, океан зарокотал,
Словно демоны сдавили свой невыдержанный хохот.

И два глаза, вырастая, словно молнии, прожгли,
И два глаза словно душу перерезали с разбега...
А Медведица сияла, непорочная, вдали,
И травинок трепетала опьянительная нега.

Римляне в Китае

166 г. Н. А.

Все улицы полны народом,
Бегут и торговцы и воины...
Лишь там, где дворец, перед входом
Прибои толпы успокоены.

В столице Срединного Царства
Прибывших из-за моря чествуют.
Со свитой послы государства
Далекого медленно шествуют.

Вдоль лестниц до самой вершины
Сверкают стоцветные фонарики;
Стоят наверху мандарины,
Качая почетные шарики;

По стенам – дракон над драконом,
Причудливо свитые в кольчики;
Смеются серебряным звоном
Из всех уголков колокольчики;

Там – золото, перлы, алмазы;
Там – лики, страшнее, чем фурии;
И высятся странные вазы,

Роскошней, чем вазы Этрурии.

Послы, величавы и строги,
Приблизились к трону заветному;
Их длинные белые тоги
Блистают меж блеска стоцветного...

<1916>

В том сером доме, в этом переулке,
Когда мне было двенадцать лет,
Мы играли, по воскресеньям, в жмурки:
Две девочки, я и хмурый кадет.
Нам было по-детски весело;
Когда же сумрак разливал свою муть,
Мы в старые кресла, —
Отдохнуть, —
Садись по двое:
Я и Манечка,
Он и Танечка, —
Создание кроткое...
И мы в темноте целовались...
Какой анализ
Сумеет решить:
Можно ли в двенадцать лет – любить?
В тихом свете
Белеет окно.
И, быть может, другие дети
Там играют, как мы – давно!
И поцелуи,
Как струи
Тысячелетий,
Плывут,
Обращаясь во всплески

Минут...

До последних им плыть мгновений

Земли...

За окном, к занавеске,

Вот две тени

Подошли.

15 февраля 1917

Еще недолгий срок тебе рыдать, река,
В оковах ледяных безжизненной зимы!
Вот-вот уже весна спешит издалека —
И твой умолкнет плач, ты выйдешь из тюрьмы!

Освобожденная от роковых оков,
Ты смело зазвенишь в зеленых берегах,
Тогда на песнь твою, на твой свободный зов,
Свободно отзвуки откликнутся в лесах.

И майская лазурь, без тучки, вся в огне,
С улыбкой, над тобой заблещет с высоты,
А солнце по твоей сверкающей волне
Разбросит дивные волшебные цветы.

Прохладный, утренний, весенний ветерок
Твою безгрешную взволнует нежно грудь,
И, скромно, лилия, невинности цветов,
Наклонится к тебе, чтоб в лоно вод взглянуть!

Еще недолгий срок тебе рыдать, река,
В оковах ледяных безжизненной зимы!
Вот-вот уже весна спешит издалека —
И вновь свободна ты, и нет твоей тюрьмы!

После неудачи

Надежды рухнули, как строй картонных домиков;
Желанья стелются, как с тусклых углей дым...
Мечты любимые, сонм трагиков и комиков,
Поспешно, в уголке, с лица стирают грим.

Душа затемнена, – пустой партер без зрителей!
Огни погашены, накинуты чехлы...
Статисты скромные, недавние воители,
Торопятся к дверям, мелькнув на миг из мглы.

Что ж дальше? Новые разыскивать трагедии,
Для новых mises-en-scene расчерчивать тетрадь?
Иль, выбрав наскоро в оставленном наследии
Все ценное, с узлом, как вору, убежать?

Был ясен приговор, и режиссер освищенный
Не должен ли сойти со сцены навсегда?
Над тем, что красотой, божественной и истинной,
Считал он, прозвучал холодный смех суда.

Да, надо уходить... Но дым желаний стелется,
По углям тлеющим взбегает огонек,
И кто-то, кажется, вот-вот сейчас осмелится
Дать знак, – и прозвучит сзывающий звонок!

Косцы в «Сфере огня»

Братцы, дружно! Свежи росы!
По росе так ходки косы!
Мерно восемь плеч заносим,
Косим, косим, косим, косим!

Свищут пули через покосы...
Но, как бог рыжеволосый,
Солнце встало! Страх отбросим!
День не ждет: косить, так косим!

Через поля мы под откосы
Сходим, бодры, сходим, босы,
Мы у пуль пощад не просим,
Под дождем свинцовым косим.

Вам пример, молокососы!
Свищут пули, словно осы,
Гонятся, как волк за лосем...
Древний долг свершая, косим!

Мы, как смелые матросы,
Правим парус на утесы,
С русским радостным «авосем»
Мы, как ветер, косим, косим!

Живы ль будем? Прочь вопросы!
Громче хор восьмиголосый!
Все, быть может, ляжем восемь,
Всё ж господень луг мы скосим.

1917

Via appia

Звучный, мерный стук копыт...
Кони бьют о камень плит,
Мчась вперед в усердьи пылком.
Мимо, с гиком, в две гурьбы,
Плети взвив, бегут рабы,
Путь в толпе деля носилкам.
Ропот, говор, шум шагов;
Пестрых столл и белых тог
Смесь и блеск; сплетенье линий,
Смена видов... Сном застыл
Через белый строй могил,
Темный свод роскошных пиний.
Кто-то крикнул...

<1916—1917>

Тот облик вековой огромных городов,
Который видим мы, – исчезнет неизбежно;
Наследье смутное мятущихся веков,
Отброшен будет он презрительно-небрежно.
Окончится война, и вступит мир опять
На твердую стезю исканий и открытий,
Чтоб над стихиями во всем торжествовать
И властелином быть явлений и событий.
Исполнится тогда жестокая мечта
Поэтов, видевших грядущее воочью.
Земля предстанет всем – Эдемом, залита
Огнем искусственным, как в полдень, так и ночью;
Стеклянным куполом прикроется она,
И общий город-дом, вместив все миллионы
Живых существ, начнет без отдыха и сна,
Покорно выполнять их строгие законы.
Машины загудят, сокрытые от глаз,
Всем разнося тепло, свет, воздух, веду, пищу,
Авто и аэро, раз тридцать каждый час,
Всех будут подвозить послушно к их жилищу:
Незримых проволок бесчисленная сеть
Всем явит новости и в звуках и в картине...
Но будет все вокруг: стекло, сталь, камень, медь,
Железо, золото, алмаз, орк, алюминий,
Не будет ни травы, ни зелени; ничто

Не сохранит следов отвергнутой природы,
Но о живых лесах решится вспомнить кто
В дни блага общего, блаженства и свободы?

Но я еще люблю вас, города...

<1917>

В ночь под Новый год

Минут годы. Станет наше время
Давней сказкой, бредом дней былых;
Мы исчезнем, как бывшее племя,
В длинном перечне племен земных.

Но с лазури будут звезды те же
Снег декабрьский серебрить во мгле;
Те же звоны резать воздух свежий,
Разнося призыв церквей земле;

Будет снова пениться в бокалах,
Искры сея, жгучее вино;
В скромных комнатах и пышных залах,
С боем полночи – звучать одно:

«С Новым годом! С новым счастьем!» – Дружно
Грянет хор веселых голосов...
Будет жизнь, как пена вин, жемчужна,
Год грядущий, как любовный зов.

Если ж вдруг, клоня лицо к печали,
Тихо скажет старенький старик:
«Мы не так восемнадцатый встречали!...»—
Ту беседу скроет общий клик.

Сгинет ропот неуместный, точно
Утром тень, всплывающая ввысь...
Полночь! Полночь! бьющая урочно,
Эти дни безвестные – приблизь!

1 декабря 1917 – 1 января 1918

Краткий дифирамб

Летайте, птицы, —
И мы за вами!
Нам нет границы.
И за громами,
Над чернью туч,
Челн Человека
Победу века
Гласит, летуч!
Прорезал небо
Руль моноплана.
Соперник Феба!
Глубь океана,
И волны рек,
И воздух горный
Тебе покорны,
О Человек!

<1910-1918>

Голос города

Ру-ру, ру-ру, трах, рк-ру-ру...
По вечерам, как поутру,
Трамвай гремит, дзинь-дзинь звонит...
И стук колес, и скок копыт,
И взвизги шин, взносящих пыль,
И-и гудит автомобиль.

Трамвай гремит: ру-ру, ру-ру...
По вечерам, как поутру.
Сквозь гул толпы – торговцев зов,
Мальчишек крик и шум шагов,
И говор, говор, говор, гул...
Но ветерокдохнул, подул...

Трамвай гремит: ру-ру, ру-ру...
По вечерам, как поутру.
Вон с высоты, как дальний всплеск,
Пропеллера жужжащий треск,
Но скок копыт, но стук колес,
Но гул толпы все <смял>, унес.

Ру-ру, ру-ру, трах, ру-ру-ру...
Трамвай гремит, как поутру.
И, гордым вздохом вознесен,
Над городом восходит звон:

Дон-дон, дон-дон, весь небосклон
Разносит зов иных времен!

3—4 января 1918

На дальней полке мирным строем стоя,
Спят с ранних лет любимые тома:
В них дремлет луч тропического зноя,
Глядит из них полярной ночи тьма.

Там – повести безумно-дерзких странствий:
То – к полюсу, где мир окован льдом,
Где солнца нет, а мгла горит, в убранстве
Сияний северных, над белым сном;

То – в страны страшных бурь и грозных ливней,
Где из песков крутит столбы самум,
Где путь в лесах проложен силой бивней,
Где львы рычат иль жуток выкрик пум.

Там – сказки о боях: пираты в давке,
В зубах с ножами в плен берут фрегат;
Иль дикари летят, взвив томагавки,
Под бранный клич на белых из засад!

Ряд буйных вымыслов, живых фантазий!
Из детских книг встают, в мечтах ожив,
Герои, битвы, земли; в каждой фразе —
Отважный подвиг, смелый жест, порыв.

И в наши дни, когда кругом – так смутно,
Отрадно вспомнить все, что Рок унес:
Пыл юности, былой восторг, минутно
Забыв действительность в причуде грез!

24 января, 1918

Табакерка

Наших предков табакерки!
Позабить я их могу ль,
Как шкапы, как шифоньерки,
Как диваны стиля Буль!

На роскошной табакерке
Часто изображены
Были «думы баядерки»,
Одалисок знойных сны.

Иль бывали табакерки,
Где под обликом сирен
Вы встречали, вскрывши дверки,
Ряд совсем интимных сцен!

Бонбоньерки, табакерки,
Вы из моды вышли все,
Как мотив былой венгерки,
Мушки, пудра на косе!

Золотые табакерки,
Вы в музее, под стеклом,
Расположены по мерке,
Чинно дремлете рядком.

Только в нашей табакерке
Жизнь, как прежде, молода.
Не окажется ль, по сверке,
Что – все собраны сюда?

Слава нашей табакерке!
Будем веселиться с ней,
Стоя, как на этажерке,
Пред глазами наших дней!

Пусть хотя бы в «Табакерке»
Стих живет! – Хотя б на час
Изуверы, изуверки
Наших дней, – щадите нас!

19 марта 1918

Скользящая терцина (Наброски)

Когда мечта, под волей господина,
Должна идти вперед, как выучный мул, —
Поможешь ты, скользящая терцина!

На высях гор закатный луч уснул,
В лазури звезды – крупны и алмазны,
Чуть слышен издали прибойный гул.

Все образы, что ярки и бессвязны,
Толпились быстро, в белом блеске дня,
Во мраке встали в строй однообразный.

Прочь все, что в жизни мучило меня,
Что мукой-счастьем волновало душу,
Томя надеждой, памятью казня.

Я тайны дум недавних не нарушу,
Вступаю в ночь видений и чудес,
Как путник сходит с корабля на сушу.

Я, тот, дневной, как призрак дня, исчез,
Иной, ночной, послушный воле тайной,
Стою я здесь, как пред лицом небес!

Нет, выпадает жребий не случайно;
Кому и славить нынче, как не мне,
Рим погибающий строфой бескрайней?

Я древность мира высмотрел вполне,
По всем ее дорогам, где возможно,
Бродил и помню все, как сон во сне.

И вот виденья вновь встают тревожно, —
Заклятьем вызваны вновь к бытию,
Как в синема, проходят фильмой сложной.

Знакомые картины узнаю:
То – древний Рим, его дворцы и храмы,
В лучах он нежит красоту свою.

Повсюду – мрамор, чисто, стены прямы;
Он, как бывало, светом осиян,
На алтарях курятся фимиамы...

Апрель 1918

Я – междумирок. Равен первым,
Я на собраньи знати – пэр,
И каждым вздохом, каждым нервом
Я вторю высшим духам сфер.

Сумел мечтами подсмотреть я
Те чувства, что взойти должны,
Как пышный сев, спустя столетья, —
Но ныне редким суждены!

Но создан я из темной глины,
На мне ее тяжелый гнет.
Пусть я достиг земной вершины, —
Мой корень из низин растет.

Мне Гете – близкий, друг – Вергилий,
Верхарну я дарю любовь...
Но ввысь всходил не без усилий —
Тот, в жилах чьих мужичья кровь.

Я – твой, Россия, твой по роду!
Мой предок вел соху в полях.
Люблю твой мир, твою природу,
Твоих творящих сил размах!

Поля, где с краю и до краю
Шел «в рабском виде» царь небес,
Любя, дрожа, благословляю:
Здесь я родился, здесь воскрес!

И там, где нивы спелой рожью
Труду поют хвалу свою,
Я в пахаре, с любовной дрожью,
Безвестный, брата узнаю!

18 июля 1911, 1918

Народные вожди! вы – вал, взметенный бурей
И ветром поднятый победно в вышину.
Вкруг – неумолчный рев, крик разъяренных фурий,
Шум яростной волны, сшибающей волну;

Вкруг – гибель кораблей: изломанные снасти,
Обломки мачт и рей, скарб жалкий, и везде
Мельканье чьих-то тел – у темных сил во власти,
Носимых горестно на досках по воде!

И видят, в грозный миг, глотая соль, матросы,
Как вал, велик и горд, проходит мимо них,
Чтоб грудью поднятой ударить об утесы
И дальше путь пробить для вольных волн морских!

За ним громады волн стремятся, и покорно
Они идут, куда их вал влечет идти:
То губят вместе с ним под твердью грозно-черной,
То вместе с ним творят грядущему пути.

Но, морем поднятый, вал только морем властен.
Он волнами влеком, как волны он влечет, —
Так ты, народный вождь, и силен и прекрасен,
Пока, как гребень волн, несет тебя – народ!

Слепой циклон, опустошив
Селенья и поля в отчизне,
Уходит вдаль... Кто только жив,
С земли вставай для новой жизни!

Тела разбросаны вокруг...
Не время тосковать на тризне!
Свой заступ ладь, веди свой плуг, —
Пора за труд – для новой жизни!

Иной в час бури был не смел:
Что пользы в поздней укоризне?
Сзывай работать всех, кто цел, —
Готовить жатву новой жизни!

Судьба меняет часто вид,
Лукавой женщины капризней,
И ярче после гроз горит
В лазури солнце новой жизни!

На души мертвые людей
Живой водой, как в сказке, брызни:
Зови! буди! Надежды сей!
Сам верь в возможность новой жизни.

Вешние воды

Импровизация

Есть ряд картин, и близких и далеких,
Таимых свято в глубине души;
Они, в часы раздумий одиноких,
Встают, как яркий сон, в ночной тиши:

Картина утра, – миги до восхода,
Когда весь мир – как в ожиданьи зал;
Явленья солнца жадно ждет природа,
И первый луч зеленовато-ал;

Картина вечера: луной холодной
Волшебно залит лес, балкон иль сад;
Все с фейной сказкой так чудесно сходно,
И губы ищут ласки наугад;

Картина первой встречи, и разлуки,
И страстной ласки, и прощальных слез;
Вот, в темноте, ломает кто-то руки...
Вот плечи жжет касанье черных кос...

Есть ряд картин, – банальных, но которых
Нельзя без. трепета увидеть вновь:
Мы любим свет луны, сирени шорох, —

За то, что наша в них влита любовь!

И вот в числе таких картин священных
Есть, в памяти моей, еще одна;
Как скромный перл меж перлов драгоценных,
В их ожерелье вплетена она:

Картина вешних вод, когда, как море,
Разлиты реки; всюду – синева;
И лишь вода отражена во взоре,
Да кое-где кусты, как острова.

То – символ вечного стремленья к воле,
Лик возрожденья в мощной красоте...
Но дали вод, затопленное поле
Иным намеком дороги мечте!

Мне помнится – безбрежная Волга...
Мы – рядом двое, склонены к рулю...
Был теплый вечер... Мы стояли долго,
И в первый раз я прошептал: «Люблю!»

О, этот образ! Он глубоко нежит,
Язвит, как жало ласковой змеи,
Как сталь кинжала, беспощадно режет
Все новые желания мои!

Он говорит о чувствах, недоступных
Теперь душе; об том, что много лет

Прошло с тех пор, мучительных, преступных;
Что оживет земля, а сердце – нет!

Пусть этот образ реет так, – далекий
И вместе близкий, в тайниках души,
Порой вставая, как упрек жестокий,
И в модном зале, и в ночной тиши!

30 апреля 1918

Парки бабье лепетанье
Жутко в чуткой тишине...
Что оно пророчит мне —
Горечь? милость? испытанье?
Темных звуков нарастанье
Смысла грозного полно.
Чу! жужжит веретено,
Вьет кудель седая пряжа...
Скоро ль нить мою с размаха
Ей обрезать суждено!

Спящей ночи трепетанье
Слуху внятно... Вся в огне,
Бредит ночь в тревожном сне.
Иль ей грезится свиданье,
С лаской острой, как страданье,
С мукой пьяной, как вино?
Все, чего мне не дано!
Ветви в томности трепещут,
Звуки страстным светом блещут,
Жгут в реке лучами дно.

Ночь! зачем глухой истомой
Ты тревожишь мой покой?
Я давно сжился с тоской.

Как бродяга в край искомый,
Я вошел в наш мир знакомый,
Память бедствий сохрани.
В шумах суетного дня
Я брожу, с холодным взглядом,
И со мной играет рядом
Жизни мышья беготня.

Я иду в толпе, ведомый
Чьей-то гибельной рукой, —
Как же в плотный круг мирской
Входит призрак невесомый?
Знаю: как сухой соломой
Торжествует вихрь огня,
Так, сжигая и казня,
Вспыхнет в думах жажда страсти...
Ночь! ты спишь! но чарой власти
Что тревожишь ты меня!

1918

Томные грезы

Вариация

Томно спали грезы;
Дали темны были;
Сказки тени, розы,
В ласке лени, стыли.

Сказки лени спали;
Розы были темны;
Стыли грезы дали,
В ласке лени, томны.

Стыли дали сказки;
Были розы-тени
Томны, темны... В ласке
Спали грезы лени.

В ласке стыли розы;
Тени, темны, спали...
Были томны дали, —
Сказки лени, грезы!

Тени розы, томны,
Стали... Сказки были,
В ласке, – грезы! Стыли

Дали лени, темны.

Спали грезы лени...

Стыли дали, тени...

Темны, томны, в ласке,

Были розы сказки!

1918

Ночное небо даль ревниво сжало,
Но разубрался в звездах небосклон.
Что днем влекло, томило, угрожало,
Слилось меж теней в монотонный сон.

Иные ночи помню. Страсти жало
Вздых исторгало трепетный, как стон;
Восторг любви язвил, как сталь кинжала,
И был, как ночь, глубок и светел он!

О почему бесцветно-тусклы ночи?
Мир постарел, мои ль устали очи?
Я онемел, иль мир, все певший, нем?

Для каждого свои есть в жизни луны,
Мы, в свой черед, все обрываем струны
На наших лирах и молчим затем.

Сонет

Отточенный булат – луч рдяного заката!
Твоя игрушка, Рок, – прозрачный серп луны!
Но иногда в клинок – из серебра и злата
Судьба вливает яд: пленительные сны!

Чудесен женский взгляд – в час грез и аромата,
Когда покой глубок. Чудесен сон весны!
Но он порой жесток – и мы им пленены:
За ним таится ад – навеки, без возврата.

Прекрасен нежный зов – под ропот нежный струй,
Есть в сочетаньи слов – как будто поцелуй,
Залог предвечных числ – влечет творить поэта!

Но и певучий стих – твой раб всегдашний, Страсть,
Порой в словах своих – певец находит власть:
Скрывает тайный смысл – в полустихах сонета.

1918

Октавы

I

Вот я опять поставлен на эстраде
Как аппарат для выделки стихов.
Как тяжкий груз, влечится в прошлом сзади
Бессчетный ряд мной сочиненных строф.
Что ж, как звено к звену, я в длинном ряде
Прибавить строфы новые готов.
А речь моя привычная лукаво
Сама собой слагается октавой.

II

Но чуть стихи раздались в тишине,
Я чувствую, в душе растет отвага.
Ведь рифмы и слова подвластны мне,
Как духи элементов – зову мага.
В земле, в воде, в эфире и в огне
Он заклинает их волшебной шпагой.
Так, круг магический замкнув, и я
Зову слова из бездн небытия.

III

Сюда, слова! Слетайтесь к кругу темы.
Она, быть может, не совсем нова.
Любовь не раз изображали все мы,
Исчерпав все возможные слова.
Но я люблю не – новые проблемы!
Узор тем ярче, чем бледней канва.
Благодарю тот парадокс, который
Мне подсказал затейные узоры.

IV

И вот во мгле, лучом озарена,
Встает картина: девушка поникла
Над милым маленьким письмом; она
В него вникать за эти дни привыкла.
Сидит задумчива, бледна, грустна,
Пред ней проходят все виденья цикла
Ее скорбей – и первый поцелуй,
Во тьме ветвей, как говор близких струй.

V

И первый вечер жгучей страстной встречи,
Тот страшный час, где двое лишь одно,
Когда бессвязны и безумны речи
И души словно падают на дно.
Упали вольно волоса на плечи,
И хочется, чтоб стало вдруг темно,
И нет стыда, а только трепет счастья
Впервые познанного сладострастья.

VI

Потом – письмо, и этот поздний час,
Когда она сидит одна в томленьи,
Давно известен и не нов рассказ!
Но вдумайтесь в жестокое значенье
Привычных образов, знакомых фраз!
Жизнь каждого – одни и те же звенья.
Но то, что просто в ряде слов звучит,
В действительности жизнь, как яд, мертвит.

VII

Что просто – странно! – этого завета
Не забывайте! он – жестоко прав!
Мне ж пусть концом послужит правда эта!
Составил я покорно шесть октав,
Теперь седьмая – мной почти допета,
Я, эту форму старую избрав,
Сказал, что по канве узоры вышью,
И нитку рву на узелок двустигию!

<1918>

В тихом блеске дремлет леска;
Всплеск воды – как милый смех;
Где-то рядом, где-то близко
Свищет дрозд про нас самих.
Вечер свеж – живая ласка!
Ветра – сладостен размах!
Сколько света! сколько лоска!
Нежны травы, мягок мох...
Над рекой – девичья блузка,
Взлет стрекоз и ярких мух...

Волшебство – весь мир окрестный;
Шелест речки, солнца свет...
Запах, сладко-барбарисный,
Веет, нежит и язвит.
Шепчет запад, ярко-красный,
Речи ласки, старый сват,
Кроя пруд зелено-росный,
Словно храм лазури свод,
И лишь ветер нежно-грустный
Знает: тени нас зовут.

После сенокоса

Цветы подкошенные,
Рядами брошенные,
Свой аромат,
Изнемогающие,
В лучах сторающие,
Дыша, струят.

С зенита падающий,
Паля, не радующий,
Нисходит зной,
Рожден бездонностями
Над утомленностями
Тоски земной.

Вздых ветра веющего,
Вдали немеющего,
Порой скользит,
И роща липовая,
Печально всхлипывая,
Листвой шумит.

Да птицы взвизгивающие,
Сноп искр разбрызгивающие,
Врезают гладь...
Цветы отпраздновали!

Не сна бессвязного ли
Теперь им ждать?

Зима придвинулася...
Уже раскинулася
Тоска вокруг...
И ночь застенчивая,
Борьбу увенчивая,
Покроет луг.

1918

Светоч мысли

Венок сонетов

І. Атлантида

Над буйным хаосом стихийных сил
Зажглось издревле Слово в человеке:
Твердь оживили имена светил,
Злак разошелся с тварью, с сушей – реки.

Врубаясь в мир, ведя везде просеки,
Под свист пращи, под визги первых пил,
Охотник, пастырь, плужник, кто чем был, —
Вскрывали части тайны в каждом веке.

Впервые, светоч из священных слов
Зажгли Лемуры, хмурые гиганты;
Его до неба вознесли Атланты.

Он заблистал для будущих веков,
И с той поры все пламенней, все шире
Сияла людям Мысль, как свет в эфире.

II. Халдея

Сияла людям Мысль, как свет в эфире;
Ее лучи лились через океан —
Из Атлантиды в души разных стран;
Так луч зенита отражен в надире!

Свет приняли Китай и Индостан,
Края эгейцев и страна Наири,
Он просверкал у Аймара и в Тире,
Где чтим был Ягве, Зевс и Кукулкан.

И ярко факел вспыхнул в Вавилоне;
Вещанья звезд прочтя на небосклоне,
Их в символы Семит пытливый влил.

Седмица дней и Зодиак, – идеи,
Пребудут знаком, что уже в Халдее
Исканьем тайн дух человека жил.

III. Египет

Исканьем тайн дух человека жил,
И он сберег Атлантов древних тайны,
В стране, где, просверлив песок бескрайный.

Поит пустыню многоводный Нил.

Терпенье, труд, упорный, чрезвычайный.
Воздвигли там ряд каменных могил,
Чтоб в них навек зов истины застыл:
Их формы, грани, связи – не случайны!

Египет цели благодной достиг,
Хранят поныне плиты пирамиды
Живой завет погибшей Атлантиды.

Бог Тот чертил слова гигантских книг,
Чтоб в числах три, двенадцать и четыре
Мощь разума распространялась в мире.

IV. Эллада

Мощь разума распространялась в мире —
Египет креп, как строгое звено,
Но было людям жизнь понять дано
И в радости: в резце, в палитре, в лире.

Влилась в века Эллада, как вино, —
В дворцовой фреске, в мраморном кумире,
В живом стихе, в обточенном сапфире,
Явя, что было, есть и суждено.

Но, строя храмы, вознося колонны,
Могла ль она забыть зов потаенный,
Что край Осириса ей повторил?

Шел Эллин к знанию по пути мистерий, —
Но дух народа блеск давал и вере,
Прекрасен, светел, венчан, златокрыл.

V. Эллинизм и Рим

Прекрасен, светел, венчан, златокрыл,
Цвел гений Греции. Но предстояло
Спать в одно – халдейские начала
И мысли эллинской священный пыл.

Встал Александр! Все ж Року было мало
Фалангой всюду созданных горнил;
И вот, чтоб Рим весь мир объединил,
Медь грозных легионов застонала.

В те дни, как Азия спешила взять
Дар Запада, и каждый край, как призма,
Лил, преломляя, краски эллинизма,

К завоеванью всей вселенной – рать
Вел Римлянин; при первом триумвире
Он встал, как царь, в торжественной порфире.

VI. Римская империя

Он встал, как царь, в торжественной порфире,
Укрыв под ней весь мировой простор,
От скал Сахары до Шотландских гор,
От врат Мелькарта до снегов Сибири.

Столетий и племен смиряя спор,
Сливая голоса в безмерном клире,
Всем дав участие на вселенском пире,
Рим над землей свое крыло простер.

Все истины, что выступали к свету, —
Под гул побед, под сенью римских прав,
Переплавлились властно в новый сплав.

Вела Империя работу эту,
Хоть вихрь порой величья не щадил,
Хоть иногда лампы Рок гасил.

VII. Переселение народов

Хоть иногда лампы Рок гасил,
Рим до конца исполнил труд владыки,

Он был свершен, когда, под вопль и крики,
Сонм варваров Империю свалил.

Народы хлынули, свирепы, дики;
Мрак разостлался, тягостен, уныл;
Казалось: луч наук навек почил;
И тщетно трон свой высил Карл Великий.

Но в мгле крушений отблеск золотой
Искал путей, везде сверкал мечтой,
Под стук мечей, под грозный скок валькирий.

Меж камней, бывших кесарских палат,
Под робкий свет монашеских лампад
Дух знанья жил, скрыт в тайном эликсире.

VIII. Средние века

Дух знанья жил, скрыт в тайном эликсире,
Поя целебно мутный мрак веков.
Пусть жизнь была сплошной борьбой врагов,
Пусть меч звенел в бою и на турнире, —

Искал алхимик камень мудрецов,
Ум утончался в пренях о вампире,
Познать творца пытался богослов, —
И мысль качала мировые гири.

Монах, судейский, рыцарь, менестрель, —
Все смутно видели святую цель,
Хоть к ней и шли не по одной дороге.

В дни ужасов, огня, убийств, тревоги,
Та цель сияла, как звезда: она
Во все века жила, затаена.

IX. Возрождение

Во все века жила, затаена,
И жажда светлых, благостных веселий.
Настали сроки: струны вновь запели,
И краски вновь зардели с полотна.

Из дряхлой Византии в жизнь – весна
Вошла, напомнив о любви, о теле;
В своих созданьях Винчи, Рафаэли
Блеск бытия исчерпали до дна.

Те плыли за Колумбом в даль Америк,
Те с Кортецом несли на чуждый берег
Крест, чтоб с ним меч победно пронести.

Стремилась все – открыть, изобрести,
Найти, создать... Царила в эти годы

Надежда – вскрыть все таинства природы.

X. Реформация

Надежда – вскрыть все таинства природы —
Мир к высшей тайне привела, – и бог
Восстал над бурей будничных тревог,
Над сном народов, над игрушкой моды.

За громом Лютера прошли походы
Густава, Тилли; снова сумрак, строг,
Окутал землю, и военный рог
К войне за веру звал из рода в роды.

Промчался Кромвель; прогремела Ночь
Варфоломея; люди в пытках гибли;
Стал дыбой – крест, костром – страницы Библий.

Но Истина, исканий смелых дочь,
Жива осталась в вихрях непогоды;
К великой цели двигались народы.

XI. Революция

К великой цели двигались народы.

Век философии расцвел, отцвел;
Он разум обострил, вскрыл глубины зол
И людям вспыхнул маяком свободы.

Упали с гулом вековые своды,
Был свергнут в бездну старый произвол,
Поток идей разлился, словно воды,
Что в марте затопляют луг и дол.

Гудели волны буйного потока,
Ученье братства разнеся широко,
Под знамя воли клича племени.

Бороться с правдой силился напрасно
Державный Север: под зарницей красной,
Шумя, Европу обняла война.

ХII. Наполеон

Шумя, Европу обняла война,
Глася: «Мир хижинам и гибель тронам!»
Пусть эта брань потом Наполеоном,
В дыму побед, была усмирена.

Навек осталась вскрытой глубина;
Над ней теперь гудело вещим звоном —
Все то, об чем шептали лишь ученым

Намеки книг в былые времена.

Ваграм и Дрезден, Аустерлиц и Иена,
Вы – двух начал таинственная смена;
Толпе открыли вы свободный путь.

Народ рванулся ветром тайн дохнуть...
Но не давал дышать им в полной мере
Все ж топот армий, гулы артиллерий.

XIII. Деятнадцатый век

Все ж топот армий, гулы артиллерий
Затихли; смолк войны зловещий звон;
И к знанью сразу распахнулись двери,
Природу человек вдруг взял в полон.

Упали в прах обломки суеверий,
Наука в правду превратила сон:
В пар, в телеграф, в фонограф, в телефон,
Познав составы звезд и жизнь бактерий.

Античный мир вел к вечным тайнам нить;
Мир новый дал уму власть над природой;
Века борьбы венчали всех свободой.

Осталось: знанье с тайной соединить.

Мы близимся к концу, и новой эре
Не заглушить стремленья к высшей сфере.

XIV. Мировая война XX века

Не заглушить стремленья к высшей сфере
И буре той, что днесь шумит кругом!
Пусть вновь все люди – злобный враг с врагом.,
Пусть в новых душах вновь воскресли звери.

На суше, в море, в вольной атмосфере,
Везде – война, кровь, выстрелы и гром...
Рок ныне судит неземным судом
Позор республик лживых и империй!

Сквозь эту бурю истина пройдет,
Народ свободу полно обретет
И сам найдет пути к мечте столетий!

Пройдут бессильно ужасы и эти,
И Мысль взлетит размахом мощных крыл
Над буйным хаосом стихийных сил!

XV. Заключение

Над буйным хаосом стихийных сил
Сияла людям Мысль, как свет в эфире.
Исканьем тайн дух человека жил,
Мощь разума распространялась в мире.

Прекрасен, светел, венчан, златокрыл,
Он встал, как царь в торжественной порфире.
Хоть иногда лампы Рок гасил,
Дух знанья жил, скрыт в дивном эликсире.

Во все века жила, затаена,
Надежда – вскрыть все таинства природы,
К великой цели двигались народы.

Шумя, Европу обняла война...
Все ж топот армий, громы артиллерий
Не заглушат стремленья к высшей сфере.

<1918>

«Пора! Склоняю взор усталый...»

*И утлый челн мой примет вечность
В неизмеримость черных вод...
Urbi et Orbi*

Пора! Склоняю взор усталый:
Компас потерян, сорван руль,
Мой утлый челн избит о скалы...
В пути я часто ведал шквалы,
Знал зимний ветер одичалый,
Знал, зноем дышащий, июль...

Давно без карты и магнита
Кручусь в волнах, носим судьбой,
И мой маяк – звезда зенита...
Но нынче – даль туманом скрыта,
В корму течение бьет сердито,
И чу! вдали гудит прибой.

Что там? Быть может, сны лагуны
Меня в атолле тихом ждут,
Где рядом будут грезить шкуны?
Иль там, как сумрачные струны,
Стуча в зубчатый риф, буруны
Над чьей-то гибелью взревут?

Не все ль равно! Давно не правлю,
Возьмусь ли за весло теперь,
Вновь клочья паруса поставлю?
Нет! я беспечность в гимне славлю,
Я полюбил слепую травлю,
Где вихрь – охотник, сам я – зверь.

Мне сладостно, не знать, что будет,
Куда влечет меня мой путь.
Пусть прихоть бури плыть принудит —
Опять к бродячим дням присудит
Иль в глуби вечных вод остудит
В борьбе измученную грудь!

Пора! спеши, мой челн усталый!
Я пристань встречу ль? утону ль? —
Пою, припав на борт, про скалы,
Про все, что ведал я, про шквалы,
Про зимний ветер одичалый,
Про, зноем дышащий, июль!

15 марта 1919

Вступление

Жизнь кончена, я это сознаю,
Нет больше целей, нет надежд свободных,
Пора пересказать всю жизнь свою
В стихах неспешных, сжатых и холодных.
Мне – сорок шесть. За эти годы я
Людей значительных встречал немало
(Меж ними были и мои друзья),
Судьба меня нередко баловала,
Я видел много стран, и сквозь окно
Три революции мог наблюдать я жадно,
Испить любовь мне было суждено
И все мученья страсти беспощадной.
И все прошло, и все я пережил,
И многих нет, с кем я сидел на пире...
Смотрю спокойно на ряды могил
И больше ничего не жду я в мире.

20 марта 1919

Праздник труда

Гимн Первого мая 1919 года

На сонных каналах Венеции
Колышут весло гондольеры;
С весной пробуждаются в Греции
Античных столетий Химеры;
Смеется беспечная Франция,
Сбор золота щедро посеяв;
Мне кажется: в пламенном танце я,
Взглянув за зубцы Пиренеев;
Грозясь, торжествует Британия,
По свету суда рассылая...
Как будто и кровь и страдания
Забыты пред праздником Мая!

Но лишь единому народу,
Ликуя, можно встретить Май:
Тому, кто новую свободу
Ввел радостно в свой старый край;
Тому, кто создал, первый в мире,
Свою Республику Труда, —
И мая Первого на пире
Он вправе первым быть – всегда!

Что день, исчезают бесследное

Безумства, царившие долго;
Прносятся залпы последние
Над Вислой, над Бугом, над Волгой;
Кончается бред неестественный,
Пять лет всех томивший сурово;
Выходят из пропасти бедственной
Заветные тени былого;
Вновь людям звучит все державнее:
«Свобода!—Равенство!—Братство!»
Кровавое время недавнее
Страшит, как в мечтах святотатство...

Но лишь единому народу,
Ликуя, можно встретить Май:
Тому, кто новую свободу
Ввел радостно в свой старый край;
Тому, кто создал, первый в мире,
Свою Республику Труда, —
И мая Первого на пире
Он вправе первым быть – всегда!

Из праха встает, что разрушено:
Селения, фабрики, школы.
Пусть море из слез не осушено:
Жизнь кличет на подвиг тяжелый.
Вот снова машины стогудные
Завыли в казармах стооких,
Воскресли часы многотрудные
Под взорами стражей жестоких;

И, хитро таясь, но уверенно,
Вновь частую сеть капитала
Незримые руки – размеренно
Бросают в толпу, как бывало...

И лишь единому народу,
Ликуя, встретить можно Май:
Тому, кто новую свободу
Ввел радостно в свой старый край;
Тому, кто создал, первый в мире,
Свою Республику Труда, —
И мая Первого на пире
Он вправе первым быть – всегда!

30 апреля 1919

Труд

В мире слов разнообразных,
Что блестят, горят и жгут, —
Золотых, стальных, алмазных, —
Нет священной слова: «Труд!»

Троглодит стал человеком
В тот заветный день, когда
Он, сошник повел к просекам,
Начиная круг труда.

Все, что пьем мы полной чашей,
В прошлом создано трудом:
Все довольство жизни нашей,
Все, чем красен каждый дом.

Новой лампы свет победный,
Бег моторов, поездов,
Монопланов лет бесследный,
Все – наследие трудов!

Все искусства, знания, книги —
Воплощенные труды!
В каждом шаге, в каждом миге
Явно видны их следы.

И на место в жизни право
Только тем, чьи дни – в трудах:
Только труженикам – слава,
Только им – венок в веках!

Но когда заря смеется,
Встретив позднюю звезду, —
Что за радость в душу льется
Всех, кто бодро встал к труду!

И, окончив день, усталый,
Каждый щедро награжден,
Если труд, хоть скромный, малый,
Был с успехом завершен!

1919

Первый привет

Николаю Минаеву

...а в миг паденья —

Взгляд, лишь взгляд один, без сожаленья!

Urbi et Orbi

Издревле сладостный союз...

Пушкин

Годы делят нас и поколения:
Дышишь ты весной, мгновенным маем, —
Я последние считаю звенья
Цепи той, что все мы не снимаем.

Но и ты, как я, на утре чистом,
Зов заветный слышал в полумраке.—
Голос Музы, – над путем росистым,
Там, где тени, тайны, сон и маки.

И пока ты – на тропе священной,
И твой взор надеждой вещей блещет, —
Над тобой скольжу я неизменно,
И в руке моей – венец трепещет.

3 августа 1919

Что день, то сердце все усталей
Стучит в груди; что день, к глазам —
Тусклей наряд зеленых далей
И шум и смутный звон в ушах;

Все чаще безотчетно давит,
Со дна вставая, душу грусть,
И песнь, как смерть от дум избавит,
Пропеть я мог бы наизусть.

Так что ж! Еще работы много,
И все не кончен трудный путь.
Веди ж вперед, моя дорога,
Нет, все не время – отдохнуть!

И под дождем лучей огнистых.
Под пылью шумного пути
Мне должно, мимо рощ тенистых,
С привала на привал идти.

Не смею я припасть к фонтану,
Чтоб освежить огонь лица,
Но у глухой судьбы не стану
Просить пощады – до конца!

Путем, мной выбранным однажды,
Без ропота, плетясь, пойду
И лишь взгляну, томясь от жажды,
На свежесть роз в чужом саду.

1919

У цели

Еще немало перекрестков,
И перепутий, и путей!
Я много схоронил подростков,
В могилу проводил детей.

Летами я не стар, но много
И видено и свершено,
И завела меня дорога
За цель, манившую давно.

Теперь ступил я за пределы
Своей младенческой мечты.
Что впереди? Мне скажут: целый
Мир, полный вечной красоты!

Но все, что будет, неизбежно,
Непрочны краски новизны,
И путнику с вершины снежной
Долины далеко видны.

Быть может, не скудеют силы,
Но повторенья мучат ум;
Все чаще тихий сон могилы
Пленительней, чем яркий шум.

Соблазн – последний срок исчислить
Душе порой неодолим,
И в жажде – не желать, не мыслить,
Я тайно упиваюсь им!

<1919>

Сложив стихи, их на год спрятать в стол
Советовал расчетливый Гораций.
Совет, конечно, не всегда тяжел
И не подходит для импровизаций.
Хотя б поэт был мощен, как орел,
Любимцем Аполлона, Муз и Граций, —
Не сразу же божественный глагол
Зажжет в нем силу мощных декламации!
Пусть он всю ловкость в рифмах приобрел
И в выборе картин для декораций;
Пусть он и чувство для стихов нашел,
Всем нужны образы для иллюстраций:
Диван и лампа иль холмы и дол,
Ряды гранитов иль цветы акаций...
Но я собрал с усердьем мудрых пчел,
Как мед с цветов, все рифмы к звуку «аций»,
Хоть не коснулся я возможных зол
И обошел немало разных наций.
Теперь мне предоставлен произвол
Избрать иную рифму вариаций.

Что скажете, когда возьмусь за ум
И дальше поведу свой стих с любовью?
Поэт, поверьте, не всегда угрюм,
И пишет он чернилами, не кровью.

Но все ж он любит голос тайных дум,
И их не предаёт он суесловью.
Но мир ведь призрак, объясняет Юм,
И вот, стихи слагая по словью,
Он смело отдаётся чувствам двум:
Веселью и душевному здоровью.
И рифмовать он может наобум
Стих за стихом, не шевельнувши бровью.
На нем надет охотничий костюм,
Он мчится на коне в леса, к становью,
За ним мечта спешит, как верный грум,
Через изгородь, по пашням или новью,
И метко бьёт львов, тигров или пум,
Гоня оленя к тайному низовью...
Но будет! Этим рифм тяжёлый шум
Терзать придёт с упреком к изголовью.

<1919 >

Мелькают дни, и с каждым новым годом
Мне все ясней, как эта жизнь кратка;
Столетия проходят над народом,
А восемьдесят лет – срок старика!

Чтоб все постичь, нам надобны века.
Мы рвемся к счастью, к тайнам и свободам,
И все еще стоим пред первым входом,
Когда слабеет смертная рука.

Нам призрак смерти предстает, ужасный,
Твердя, что все стремления напрасны, —
Отнять намерен горе и печаль.

Но нет! Он властен заградить дыханье,
Но мысль мою, мои мечты, сознание
Я унесу с собой – в иную даль!

<1919>

Знакомый стих

EXPOSITIO⁶⁴

Знакомый стих любимого поэта!
Он прозвучал, и вот душа – ясней,
Живым лучом властительно согрета,
Скользнувшим отблеском далеких, милых дней!

Слова поэта – магия печали:
В них мир таится мыслей и картин,
И часто словно разверзает дали
Мечтам – одна строфа иль стих один.

И как в зерне скрывается растение —
И стебель, и листья, и цветы, и плод,
Так и в стихе затаено виденье, —
Как семя, пав, оно в душе растет.

EXOUVIUM⁶⁵

⁶⁴ Тема (*лат.*)

⁶⁵ Развязка (*лат.*)

Вслед за картиной движется другая
И ряд еще, во, сладостно-слита
С мечтой поэта – (раня) и сверкая, —
Встает далекой юности мечта!

Я помню тот же стих; к знакомой книге
Приникли мы, счастливые, вдвоем.
И были полны вкрадчивые миги
Возникшим, как заклятие, стихом.

Он подсказал нам все, что мы таили,
Он объяснил, что в нас самих живет,
Нас подчинил своей чудесной силе,
Как Паоло с Франческой – Ланчелот!

Знакомый стих любимого поэта,
С тобой навек сплел эти миги я,
Диван высокий, тайны полусвета
И сладкий миг желанного ответа,
Крик радостный души: твоя! твоя!

1919

Набросок

Все роковое божественно,
Прав победитель всегда!
Пусть он ступает торжественно —
Пей упованье стыда!

С ней, с неизменной, с возлюбленной,
Вот он на ложе любви!
Дерзостно с жертвой погубленной
Жгучие нити не рви.

Ты диадемой венчаешься,
Алые розы надень.
Пусть от огней опьяняешься,
Нежит и хмурая тень.

Нежит мученье последнее —
Плакать растоптанной в прах...
Ты торжествуешь победнее
С черным моленьем в зрачках.

1917 или 1919

Я доживаю полстолетья,
И на события все ясней
Могу со стороны смотреть я,
Свидетель отошедших дней.

Мое мечтательное детство
Касалось тех далеких лет,
Когда, как светлое наследство,
Мерцал «Реформ» прощальный свет.

И, мальчик, пережил, как был, я
Те чаянья родной земли,
Что на последние усилья
В день марта первого ушли.

Потом упала ризой черной
На всю Россию темнота,
Сдавила тяжко и позорно
Всех самовластия пята.

Я забывал, что снилось прежде,
Я задыхался меж других,
И верить отвыкал надежде,
И мой в неволе вырос стих.

О, как забилося сердце жадно,
Когда за ужасом Цусим
Промчался снова вихрь отраднѣй
И знамя красное за ним!

Но вновь весы судьбы качнулись,
Свободы чаша отошла.
И цепи рабства протянулись,
И снова набежала мгла.

Но сердце верило... И снова
Гром грянул, молнии зажглись,
И флаги красные сурово

Взвились в торжественную высь.
Простой свидетель, не участник,
Я ждал, я верил, я считал...

1919

Я вырастал в глухое время,
Когда весь мир был глух и тих.
И людям жить казалось в бремя,
А слуху был ненужен стих.

Но смутно слышалось мне в безднах
Невнятный гул, далекий гром,
И топоты копыт железных,
И льдов тысячелетних взлом.

И я гадал: мне суждено ли
Увидеть новую лазурь,
Дохнуть однажды ветром воли
И грохотом весенних бурь.

Шли дни, ряды десятилетий.
Я наблюдал, как падал плен.
И вот предстали в рдяном свете,
Горя, Цусима и Мукден.

Год Пятый прошумел, далекой
Свободе открывая даль.
И после гроз войны жестокой
Был Октябрем сменен февраль.

Мне видеть не дано, быть может,
Конец, чуть блещущий вдали,
Но счастлив я, что был мной прожит
Торжественнейший день земли.

Март 1920

Пусть вечно милы посевы, скаты,
Кудрявость рощи, кресты церквей,
Что в яркой сини живут, сверкая, —
И все ж, деревня, прощай, родная!
Обречена ты, обречена ты
Железным ходом судьбы своей.

Весь этот мирный, весь этот старый,
Немного грубый, тупой уклад
Померкнуть должен, как в полдень брачный
Рассветных тучек узор прозрачный,
Уже, как громы, гудят удары,
Тараны рока твой храм дробят.

Так что ж! В грядущем прекрасней будет
Земли воскресшей живой убор.
Придут иные, те, кто могучи,
Кто плыть по воле заставят тучи,
Кто чрево пашни рождать принудят,
Кто дланью сдавят морской простор.

Я вижу – фермы под вязью кленов;
Извивы свежих цветных садов;
Разлив потоков в гранитах ярок,
Под легкой стаей моторных барок,

Лес, возвращенный на мудрых склонах,
Листвы гигантской стущает кров.

Победно весел в блистаньи светов,
Не затененных ненужной мглой,
Труд всенародный, труд хороводный,
Работный праздник души свободной,
Меж гордых статуй, под песнь поэтов,
Подобный пляске рука с рукой.

Ступив на поле, шагнув чрез пропасть,
Послушны чутко людским умам,
В размерном гуле стучат машины,
Взрывая глыбы под взмах единый,
И, словно призрак, кидают лопасть
С земли покорной ввысь, к облакам.

22 июля 1920

Бессонная ночь

За окном белый сумрак; над крышами
Звезды спорят с улыбкой дневной;
Вскрыты улицы темными нишами...
– Почему ты теперь не со мной?

Тени комнаты хищными птицами
Все следят, умирая в углах;
Все смеются совиными лицами;
Весь мой день в их костлявых когтях.

Шепчут, шепчут: «Вот – мудрый,
прославленный,
Эсотерик, кто разумом горд!
Он не гнется к монете заржавленной,
Не сидит он меж книг и реторт!

Юный паж, он в наивной влюбленности
Позабыл все морщины годов,
Старый Фауст, в зеркальной бездонности
Он das Weiblich⁶⁶ славить готов.

Любо нам хохотать Мефистофелем,
В ранний час поникая во мглу,

⁶⁶ Женственность (нем.)

Над его бледным, сумрачным профилем,
Что прижат к заревому стеклу!»

– Полно, тени! Вы тщетно насмешливы!
Иль для ваших я стрел уязвим?
Вами властвовать знаю! Не те ж ли вы,
Что склонялись пред счастьем моим?

Вновь ложитесь в покорной предельности, —
Тайте робко в улыбке дневной,
Вторьте крику свободной безвольности:
«Почему ты теперь не со мной!»

26—27 июля 1920

Гордись! я свой корабль в Египет,
Как он, вслед за тобой провлек;
Фиал стыда был молча выпит,
Под гордой маской скрыт упрек.

Но здесь мне плечи давит тога!
Нет! я – не тот, и ты – не та!
Сквозь огонь и гром их шла дорога,
Их жизнь сном страсти обвита.

Он был как бог входящий принят;
Она, предав любовь и власть,
Могла сказать, что бой он кинет, —
Гибель за гибель, страсть за страсть.

А мы? Пришел я с детской верой,
Что будет чудо, – чуда нет.
Нас мягко вяжет отсвет серый,
Наш путь не жарким днем согрет.

Те проплытали! Как завидны
Их раны: твердый взмах клинка,
Кровь с пирамиды, две ехидны,
Все, все, что жжет нас сквозь века!

А нас лишь в снах тревожит рана,
Мы мудро сроков тайны ждем.
Что ж даст нам суд Октавиана,
Будь даже мы тогда вдвоем!

Прощай! Я в чудо верил слепо...
Вот славлю смерть мечты моей.
И пусть в свой день с другим у склепа
Ты взнежишь яд священных змей!

6 августа 1920

Уныние

Уныние! твой берег скал безлесных
Глухим прибоем пленных пен омыт;
Зловеще рыжи срывы стен отвесных,
Сер низкий купол, в жутких тучах скрыт.

К уклону круч, где смутно вход обещан,
Свой снизив парус, легкий челн причаль.
Свистящим ветрам петь из влажных трещин,
По камням мчать, как смерч крутя, печаль.

Безлюдье; чаек нет; не взбрызнут рыбы;
Лишь с вихрем раковин чуть слышный вздох..
Прянь на утес, стань на нагие глыбы,
Ползи, сметая пыль, мни мертвый мох.

В очах темно, дрожь в груди, руки стынут,
Кровь под ногтями; скользок узкий путь...
Жди, там, с высот, где кряжа гребень минут,
На новый склон, в провал огня, взглянуть!

Верь, только верь, – есть пламенные доли!
Жди, вечно жди, – там в пальмах реет зной.
Всходи, всползай, ломай гранит тяжелый,
Славь сад надежд, вися над крутизной!

24 августа 1920

Паломничество в века

Как с камней пыль, мгновеньем свиты
Огни «Лито», темь «Домино».
Крута ступень в храм Афродиты,
Лицо, в знак страха, склонено!

Дианы светоч, тих и ярок,
Кидает дождь прозрачных пен
К снам колоннад, к раздумьям арок,
На гордый мрамор строгих стен.

Над зыбью крыш встал Капитолий;
Он венчан золотом, недвижим;
По Тибру с ветром негу соли
Вдыхает с моря вечный Рим.

Мы тайны ждем, воздев ладони,
Обряд молитв без слов твоя.
Тебе, рожденный в светлом лоне,
Наш скромный дар, цвет сентября.

Киприда, ты, чья власть нетленна,
Нас, падших ниц, благослови!
Не мы ль пришли сквозь мрак вселенной,
Века пробив тропой любви?

Не число, благая, в грозной славе,
Людских обид! Взгляни: как встарь,
Здесь вольный Скиф и дочь Аравии
Чтут, в сладкой дрожи, твой алтарь.

Дней миллион, разгром империй,
Внесенный дерзко к небу крест, —
Исчезло все! Нам к прежней вере
Путь указал блеск вещей звезд.

Слух напряжен. Смех благосклонный —
Богини отзыв нас достиг...
Спит Рим, Селеной окропленный;
Но третьей стражи слышен крик.

Пора! Всплывает пар тумана?
Тибр тмится, форум мглой повит.
Стрельчатый вход к мечтам Тристана,
Струя багряный свет, открыт.

Там строй колонн взвел Сансовино,
Здесь дом, где Гретхен длила сон...
Блестя, внесла нож гильотина...
Встал в свет окна Наполеон...

Спешим! веков и миг не метит;
Пусть чары крепки, ночь везде, —
Уже со стен, уголь жуткий, светит
Вязь четких букв: Эс-эр-ка-де.

28 августа 1920

Не лги, мечта! былого жгуче жаль,
Тех светлых ласк, тех нежных откровений,
Когда, дрожа в рассветной мгле мгновений,
Была любовь прекрасна, как печаль.

По нас влечет дыханьем дымным даль,
Пьяня огнем неверных дерзновений.
В наш бред воспоминаний и забвений
Вонзает время режущую сталь.

В какой стране очнемся мы, кто скажет?
Гудящий ток разлившейся реки
Меж прошлым сном и настоящим ляжет.

И эти дни томленья и тоски
Растают тенью заревых обманов,
Как там, за лесом, завеса туманов.

4 декабря 1920

Дворец Центромашин

Из тьмы, из бездн иных столетий,
Встает, как некий исполин,
Величествен в недвижимом свете,
Центродворец мотомашин.

Сталь ребер он согнул высоко,
До облаков внес два плеча;
Циклопа огненное око
Слепит неистовством луча.

Хребет залег, горе подобный,
Стеклянной чешуей повит;
Но днем и ночью жар утробный
Сквозь тело тусклое разит.

Растя до звезд, он в глуби вдвинут,
В земные недра тяжело врос,
И горны легких не остынут,
Дыша в просторы гулом гроз.

Кипит расплавленное чрево,
Дрожит натруженная грудь,
Крутясь, из алчущего зева
Исходит в дымном клубе муть.

Огромной грудой угля сытый,
Дракон бескрылый, не устань!
Над распрями стихий– гуди ты
Призыв на вековую брань!

Вращайтесь, мощные колеса,
Свистите, длинные ремни,
Горите свыше, впрямь и косо,
Над взмахами валов огни!

Пуды бросая, как пригоршни,
В своем разлете роковом,
Спешите, яростные поршни,
Бороться с мертвым естеством!

А вы, живые циферблаты,
Надменно-медленным перстом,
Безумьем точности объяты,
Вносите молча над числом!

Здесь – сердце города, здесь – в жилы
Столицы льются, вновь и вновь,
Незримо зиждущие силы,
Ее божественная кровь;

Чтоб город жил в огнях оконных,
В пылани лун на площадях;
Чтоб гром трамваев неуклонных
Не молк на спутанных путях;

Чтоб в кино быстрые картины
Сменялись в мерной чередѣ;
Чтоб дружно лязгали машины,
Пот нефтяной струя в труде!

Реви, зверь мощный, множь удары,
Шли токи воль, не ослабей,
Чтоб город, созидатель старый,
Дышал свободно грудью всей,

Чтоб он, тебе придав заботы,
Тобой храним на всем пути,
За грань, сквозь толщу тайн, в высоты,
Мог мысль победную взнести!

17 декабря 1920

Когда над городом сквозь пыль поют
Глухие сны лимонного заката,
И торсы дряблые сквозь тень снуют, —
В захламом сквере жалкая заплата.

Вновь ненавистны мне и дом и труд,
Мечта опять знакомой злобой сжата;
Над дряхлым миром я вершу свой суд,
И боль моя – за ряд веков расплата.

1920

Бунт

В огне ночном мне некий дух предрек:
«Что значит бунт? – Начало жизни новой.
Объято небо полосой багровой,
Кровь метит волны возмущенных рек.

Великим днем в века пройдет наш век,
Крушит он яро скрепы и основы,
Разверзта даль; принять венец готовый,
В сиянье братства входит человек.

Дни просияют маем небывалым,
Жизнь будет песней; севом злато-алым
На всех могилах прорастут цветы.

Пусть пашни черны; веет ветер горний;
Поют, поют в земле святые корни, —
Но первой жатвы не увидишь ты!»

1920

Мечта, внимай! Здесь, в полночи бездонной,
Где изнемог мрак, пологи стеля,
Как враг врагу, как другу брат влюбленный,
Тебе кричит, верша свой круг, Земля:

«Довольно, люди, грозных распрь! устала
Я дым вдыхать, кровь телом всем впивать!
Иль вам убийств, слав, дележей – все мало?
К оливе мира длань – вас молит мать.

Взрыт океан огнем эскадр бродячих,
Поля пальбой дрожат до тучных недр,
Пожаров буйный блеск слепит незрячих...
Смиритесь, дети! дар мой будет щедр.

Грызите грудь мне остро-тяжким плугом,
Вдвигайте в чрево камни стройных стен, —
Но пусть с востоком запад, север с югом
Признают вновь мой дружественный плен!»

– Нет, мать-Земля, молчи! ты миллиарды
Веков жила, чтоб встретить этот век;
Рождались черви, ящеры и парды,
Но смысл твоих рождений – человек!

Теперь он встал, чтоб жизнь твою осмыслить,
Твои дела венчать своим венцом.
Он смеет ныне мыслить, мерить, числить,
Он во вселенной хочет стать творцом.

Гул наших битв есть бой святой, последний,
Чтоб земли все связать в единый жгут,
Все силы слить в один порыв, победней
Взнести над миром мудро-дружный труд.

Земля, смотри! упор единой выи
Ввысь всюду взводит светлый ряд аркад:
Рабы нам воды, ветры, все стихии,
Ты вся – эдем, ты вся – поющий сад.

Мы челны шлем путем междупланетным,
Мы учим правде звездных мудрецов,
Твой мир несем мы, именем заветным
Твоим крестим мы жизнь иных миров.

Тебе, Земля, путь устроаем новый,
Твой, мощью знаний, оживляем прах,
Жуть вечных далей одолев, готовы
От солнца к солнцу плыть в эфирных днях!

Когда стоишь ты в звездном свете,
Смотря на небо, не забудь,
Что эти звезды, блески эти
И те, что слиты в Млечный Путь, —

Все это – солнца огневые,
Как наше солнце, и кругом
Плывут шары земель, – такие,
Как шар земной, где мы живем.

В просторном океане неба,
Как в жизни нашей, – тот же круг;
Там тот же бодрый труд для хлеба,
Та ж радость песен и наук!

1920

Современность грохочет, грозит, негодует,
Взрезом молний браздит наш уклончивый путь,
Сон грядущего в зорких зарницах рисует,
Валит слабых и сильных стремится столкнуть.

Но ведь ярусы розы по-прежнему красны,
Пестры бабочки в поле, легки облака,
Камни мертвых строений упруго-бесстрастны.
Быстро миги летят, собираясь в века.

Так стройте призрак жизни новой
Из старых камней давних стен.
Меня ж всегда закат багровый
Влечет, как узника, в свой плен.

Пройдут века, над вашим домом
Воздвигнут новые дома, —
Но будут жечь огнем знакомым
Все тот же блеск, все та же тьма.

Еще священной и чудесней
За ночью ночь воздвигнет храм,
Чтоб в нем по зову Песни Песней
Клонили зной уста к устам!

<1920>

Не довольно ль вы прошлое не жили,
К былому льнули, как дети?
Не прекрасней ли мир нынешний, нежели
Мертвый хлам изжитых столетий?

Иль незримо не скрещены радио,
Чтоб кричать о вселенской правде,
Над дворцами, что строил Палладио,
Над твоими стенами, Клавдий!

Не жужжат монопланы пропеллером,
Не гремят крылом цеппелины.
Над старым Ауэрбах-келлером,
Где пел дьявол под звон мандолины?

На дорогах, изогнутых змеями,
Авто не хохочут ли пьяно
Над застывшими в зное Помпеями,
Над черным сном Геркулана?

А там на просторе, гляньте-ка,
Вспенены китами ль пучины?
Под флотами стонет Атлантика,
Взрезают глубь субмарины!

<1920>

С тех пор как я долго в немом ожидании,
В тихом веселии,
Качался над пропастью смерти, —
Мне стали мучительны повествования
О невинной Офелии,
О честном Лаэрте,
И много таких же золотоволосых
Историй
О любви и о горе.

Волны у взморий
Стыдливо рокочут;
На зеленых откосах
Кузнечики сладко стрекочут;
Розы в стразовых росах
Влюбленным пророчат,
И та же луна
(О которой пела Ассирия),
«Царица сна»
(И лунатичек),

Льет с высоты
Свои древние, дряхлые чары
На круг неизменных привычек,
На новый, но старый,

Ах, старый по-прежнему свет.
Да, та же луна
Глядит с высоты,
Луна, о которой пела Ассирия,
Нет!
Иной красоты
Жажду в мире
Я.

<1920>

Снова сумрак леса зелен,
Солнце жгуче, ветер чист;
В яме, вдоль ее расселин,
Тянут травы тонкий лист.

Сквозь хвою неподвижных елей
Полдень реет, как туман.
Вот он, царь земных веселий,
Древний бог, великий Пан!

Здравствуй, старый, мы знакомы,
Много раз я чтил тебя.
Вновь пришел, мечтой влекомый,
Веря, радуясь, любя.

Я ль не славил, в вещи песне,
Запах листьев, ширь полян, —
Жажду петь еще чудесней:
Милый Пан! я счастьем пьян.

Старый, мудрый, стародавний,
Ты поймешь ли в этот день,
Что восторг любви – державной,
Чем высоких сосен тень?

Что лишь в час, когда ликуем
Мы от новых страстных ран,
Сладко метить поцелуем
Шерсть твою, Великий Пан!

<1920>

Всадник в городе

Дух наших дней свое величество
Являл торжественно и зло:
Горело дерзко электричество
И в высоте, и сквозь стекло;
Людей несметное количество
По тротуарам вдоль текло;

Как звери, в мире не случайные,
Авто неслись – глаза в огне;
Рисуя сны необычайные,
Горели кино в вышине;
И за углом звонки трамвайные
Терялись в черной глубине.

И вот, как гость иного времени,
Красивый всадник врезан в свет;
Носки он твердо держит в стремени,
Изящно, но пестро одет:
Ботфорты, хлыст, берет на темени,
Былой охотничий жакет.

Как этот конь исполнен грации!
Его копыт как звучен звон!
Он весь подобен иллюстрации
К роману рыцарских времен.

Но как неверны декорации,
Восставшие со всех сторон.

Здесь, где шумит толпа столичная,
Полна всесилья своего,
Здесь, где, дымя, труба фабричная
Стоит – немое божество, —
Где стук машин – игра привычная,
Ты, выходец, искал чего!

Ты нарушаешь тон торжественный
Всей современности. Гляди:
Толпа, смеясь, на зов естественный,
Играя, мчится впереди.
Что ж! как кентавр, как миф божественный,
В былых преданьях пропади!

1920

В вагоне

Душно, тесно, в окна валит
Дымный жар, горячий дым,
Весь вагон дыханьем залит
Жарким, потным и живым.

За окном свершают сосны
Дикий танец круговой.
Дали яркостью несносны,
Солнце – уголь огневой.

Тело к телу, всем досадно,
Все, как мухи, к стеклам льнут,
Ветер бега ловят жадно,
Пыль воздушную жуют.

Лица к лицам, перебранка,
Грубость брани, визглиый крик,
Чахлый облик полустанка,
В дым окутанный, возник.

Свет надежды; там, быть может,
Ковш воды, студен и чист!
Нет, напрасно не треножит
Паровоза машинист!

Прежний дым и грохот старый,
Духота, что раньше, та ж,
Караван в песках Сахары,
Быстро зыблемый мираж.

Все песок, пески, песчаник,
Путь ведет в песках, в песках.
Сон иль явь, ах, бедный странник,
Да хранит тебя Аллах!

1920

Болезнь

Демон сумрачной болезни
Сел на грудь мою и жмет.
Все бесплодней, бесполезней
Дней бесцветных долгий счет.

Ночью сумрак мучит думы,
Утром светы множат грусть,..
За окном все гулы, шумы
Знаю, помню наизусть.

То, что прежде так страшило,
Стало близким и простым:
Скоро новая могила
Встанет – с именем моим.

Что ж! Порвать давно готов я
Жизни спутанную нить,
Кончив повесть, послесловья,
Всем понятного, не длить.

Только жаль, мне не дожидаться
До конца тех бурь слепых,
Что гудят, летят, крутятся
Над судьбой племен земных.

Словно бывши на спектакле,
Пятый акт не досмотреть
И уйти... куда? – во мрак ли,
В свет ли яркий?.. Мысль, ответь!

1920

Возвращаясь

Возвращаясь, мечтать, что завтра,
В той комнате, где свалены книги,
Этих строк непризнанный автор
Опять будет длить повторенные миги
И, склоняясь у печки к остывающим трубам,
Следить, как полудетские губы
«Нет» неверно твердят,
Как лукавые веки упорно
Прикрывают наивно-обманный взгляд,
А около,
Из-под шапочки черной,
Вьются два маленьких локона.

Возвращаясь, мечтать, что снова
Завтра, под снежным дождем,
Как в повести старой,
Мы пройдем вдоль Страстного бульвара
Вдвоем,
Говоря о причудах маркиза де Сада,
Об том, что мудро таит Кама-Шутра,
Об чем иступленно кричал Захер-Мазах, —
И будет все равно – вечер, день или утро,
Так как вечность будет идти рядом,
Та вечность, где живы
Каждый лепет счастливый

И каждый вздох.

Возвращаясь, мечтать о простом,
Об том,
Что завтра, маленьким чудом,
Я снова буду, – я буду! —
Тем же и с ней же!
Смейся, февраль, колючий и свежий,
В лицо мне,
С насмешкой тверди о моем вчера!

Ничего не хочу я помнить!
В памяти, умирая, простерты
Все прежние дни и ночи,
И возле,
Окоченели и мертвы,
Все утра и все вечера.
Февраль! Чего ж ты хохочешь,
«А после?» твердя ледяным языком!
Что будет после,
Подумаем после об том.

14 февраля 1921

Дни для меня незамысловатые фокусы,
В них стройность математического уравнения.
Пусть звездятся по водам безжизненные лилий,
Но и ало пылают бесстыдные крокусы.
Лишь взвихренный атом космической пыли я,
Но тем не менее
Эти прожитые годы
(Точка в вечности вечной природы)
Так же полны значения,
Как $f(x, y) = 0$.
Богомольно сгибало страдание страсти,
К золотым островам уводили наркотики,
Гулы борьбы оглушали симфонией,
В безмерные дали
Провал разверзали,
Шелестя сцепленьями слов, библиотеки.
Но с горькой иронией,
Анализируя
Переменные мигнов и лет,
Вижу, что миру я
Был кем-то назначен,
Как назначены эллипсы солнц и планет.
И когда, умиленным безумьем охвачен
Иль кротко покорен судьбе,
Я целую чье-то дрожащее веко,

Это – к формуле некой
Добавляю я «а» или «b».

26 февраля 1921

Еще раз, может быть, в последний,
Дороги выбор мне дарован,
На высях жизни, здесь, где воздух
Прозрачной ясностью окован,
Где жуть волшебной, заповедней,
Где часто на порфирных скалах
В сны без надежд проснуться – роздых
Склоняет путников усталых.

Высок бесстрастно купол синий,
Внизу, как змей извивы, тучи,
Под ними грива острых сосен,
Чу! водопад с соседней кручи...
Я ль не над миром, на вершине?
И ропщет ветер с лживой лаской;
Усни! Довольно зим и весен,
Путь завершен, стань вечной сказкой!

Не верю! Посох мой не сломан,
И тропы вьют к иным высотам,
Чрез новый лог, былых – огромней,
Где шумен пчел разлет по сотам,
Где легких птиц певучий гомон,
Где высь безмерней, даль бескрайней,
Где, может быть, припасть дано мне

К твоей, Любовь, предельной тайне!

28 февраля 1921

В священной бездне мглы архангел мне предстал,
В его зрачках сверкал карбункул и опал.
И вестник вечности сказал мне строго: «Следуй!»
Я встал и шел за ним. Все стало сродно бреду.
Мы понеслись, как вихрь, меж огненных светил,
Внизу, у ног, желтел водой священный Нил,
Где ныне барка Ра уже не гнет папирус;
Потом меж гибких пальм Ганг многоводный вырос
Но спал на берегу осмеянный факир;
Мелькнул тот кругозор, где буйный триумвир
Бежал от Августа, в бою палим любовью;
И арки, давшие мечту средневековой,
Веселье, что творил свободный Рафаэль,
Конкистадоров гром и вдохновенный хмель,
Маркиз нарядных сон, под звуки менуэта,
Когда была вся жизнь беспечностью одета;
Кровавый блеск, где был нож гильотин взнесен,
Твой пламенный пожар меж битв, Наполеон,
Разгары новых войн и мятежей, стихии,
Зажегшие векам огни Ресеферии.

Все в диком хаосе взметалось подо мной,
И голос слышал я, катившийся волной:
«Внемли! Изведал я все таинства Изиды,
И то, как, бросив храм разящей Артемиды,

Бежали эллины туда, где деял чары Вакх;
Как возбуждал вражду в квиритах смелый Гракх,
Как с гибеллинами боролись яро гвельфы
В лесах, где при луне играли резво эльфы;
Как, океан браздя, Колумб едва не сгиб,
Как молча созерцал аутодафе Филипп,
И был Эскуриал весь дымами окутан,
Как в яблоке закон миров провидел Ньютон
И в лагере постиг сознанья смысл Декарт.
Как в дождевой апрель (по-старому – был март),
В светлице, где сидел недавно сторож царский,
Стихам Гюго внимал с улыбкой Луначарский».

Внимая, я дрожал, а вестник мне: «Гляди!»
И хартии тогда раскрылись впереди.
Гласила первая: я – истина Биона,
Чрез меру – ничего! вот правило закона!
Вторая: не забудь – я мыслю, ergo sum⁶⁷.
Но слишком много слов запутают и ум.
А третья: сам Гюго сказал: мне рек Всевышний —
Искусство в том, чтоб все зачеркивать, что лишне.

3 апреля 1921

⁶⁷ Следовательно, существую (лат.)

Эй, рабочие мира! ложь – все то сладкопенье!
Держите к ружьям примкнуты штыки!
Лишь в день, когда лопнет земное терпенье,
С ним цепь милитаризма разлетится в куски.

Чем орды гудели, даль тряся, при Саргоне,
Чем ухали пушки под топот Аттил, —
Нам вчера звенело с аппаратов Маркони,
Сегодня говор газет подхватил.

И бои, где за греком стоит англичанин, —
Перезвон под набатом исторических дат:
Что и сотый век на земле не причален
И к войне против войн вызван красный солдат.

Сентябрь 1922

А. К. Глазунову

Слава – властителю звуков! творцу вдохновенному —
слава!

Звуками нас ты прославил, мы звуками славного славим!

Стелется вольное *Море*;
раскинулся *Лес* на раздольи;
Веет *Весна* по просторам;
по Волге плывет *Стенька Разин*;
Чу! *Трубадура* припевы;
чу! стук костяков, – *Пляска Смерти*;
Нет, то *Мазурка* топочет!
нет, это – *Славянская Свадьба*!
Западный мари, честь Чикаго...
Причудливость *Грез о Востоке*...
Радостен взлет *Саломеи*;
но *Песня Судьбы* беспощадна.

Звуками мир ты прославил, мы звуками славного славим!
Слава – властителю звуков, творцу вдохновенному —
слава!

12 октября 1922

Странствующий рыцарь, Дон Кихот!
Чуден был, был вдумчив твой приход.
Двадцать пять столетий ждали мы;
Вдруг пробил Сервантес толщу тьмы.
С толстым Санчо Панса на осле,
Тощий, ты поехал по земле
Из родной Ламанчи вдаль и вдаль.
Ты поныне едешь, и едва ль
Ехать перестанешь где-нибудь.
Странствующий рыцарь, здесь побудь!

<1922>

Быть может, у египетских жрецов
Учился ты; кой-что познал, быть может,
Из тайн халдейских; споры в синагогах
Ты слушал; в строки Библии вникал
И много думал о вопросах вечных.
Твой ум был остр, но тесен кругозор
И замкнут гранью тесной Палестины.
Тир и Сидон, с их роскошью увядшей,
Тебе казались образцом богатств,
Лишь по бродячим греческим купцам
Ты знал Элладу, глух к стихам Гомера,
К виденьям Фидия, к мечтам Платона;
Рим – по солдатам, что привел Пилат,
Да по монетам, где представлен «Кесарь».
Шел грозный век, империя творилась,
В горниле римском плавилась культуры,
А ты в глуши своих родных пустынь,
Сын плотника, в затишьи Назарета,
Мечтал восстать учителем земли...

Земли?.. быть может... может быть, и нет.
Как разгадать мечты твои в пустыне,
Где Дьяволом ты искушаем был!
Ты вышел как соперник Иоанна,
Чтоб скромно поучать родной народ.

Но рыбаки со скал Генисаретских, —
Простой и грубый, неученый люд, —
Твоим словам восторженно дивились
И ужасались мудрости твоей.
Ты их учил – и представлял пророком;
Ты исцелял – казался чудотворцем,
И вот, успехом легким опьянен, —
Сначала тайно, после все открытей,
Ты дерзко объявлял себя Мессией,
И рыбаки поверили тебе...
Свою мечту запечатлел ты смертью,
Как тысячи пророков, и пошла
Молва глухая о тебе по свету...
И все бы кончилось глухой молвой.

<1922>

Люблю в закатном замираньи
Луча, над блестками зыбей,
На миг немое трепетанье
Пугливых, сизых голубей;

Они в предчувствии утраты
Дня, осенявшего их дрожь,
Скользят, – и вот уже трикраты
Я прошептал: «Снов не тревожь!»

Те сны! как паутиной нитью
Они над памятью давно,
Кружась, легли, и по наитью
Я сам вертел веретено.

Вот черный волос, вот багряный,
Зеленый, синий... света сны!
В клубке дыханья нитей пряны,
И ими полночи пьяны.

Но здесь, у плахи солнца! в силах
Еще я крикнуть вслух: убей!
Чтоб глубь дрожанья отразила
Пугливых сизых голубей.

17 января 1923

Ультиматум весны

Каждогодно все так же, из миллионолетия в новые,
В срочный день объявляет весна ультиматум,
Под широтами дальними на время основывая
Царство, где оборона отдана ароматам.

И поэты все так же, новаторы и старые,
Клянутся, что не могут «устоять при встрече»,
И церемониймейстер, с мебели бархат снега спарывая,
Расстилает парчу зелени вдоль поречий.

Каждое эхо, напролет не сутки ли,
Слушает клятвы возобновленных влюбленных,
Даже, глядя на город, в каменной суতোлке
Око синего неба становится ослепленным.

В этот век – черед мой; по жребию назначенный,
Должен я отмечать маятник мая,
{Повторять} в строфах, где переиначены,
Может быть, славословья Атлантиды и Майи.

Служить не стыдясь Весне, ее величеству,
Слагаю вновь, мимоходом, в миллионолетиях – году,
С травами, зеленью, небом, со всем, что приличествует
Придворному поэту, – очередную оду.

28 марта 1923

Республика последних снов

Республика последних снов на грани,
Где шелест нив и шум лесной к пустыне
Приносят гул надбрежных обмираний!

Предельные, где скат песков, святыни!
Убогий храм, прямя пальмовой колонны,
И нить бойниц, в простом, но тесном тыне.

Там, на крыльце, твой светлый лик, наклонный
К окну, где свет от светочей Кибелы;
Чу! хоры жриц – мне омен благосклонный!

Там, сзади, край, где, в битвах огрубелы,
Ввысь вызов мечут журавлям пигмеи,
Где склоны гор костями странных – белы;

Там тяжек путь, пустых ночей немее,
Самумов зов, за сушью сдвиг миража, —
А здесь, а здесь! твой взор, – черты камеи!

Был долог срок – искать возврат. Пора же
В тень памяти швырнуть Край Носорогов.
Слышней наш топот; копыя взносит стража.

Миг, разве миг? Я, пыльный, на порогах,

Мечта, стой здесь! Мечта, в день не гляди ты!
Что, кроме влажных губ к губам! С отрогов

Последних снов диск ранней Афродиты.

11 июня 1923

Развертывается скатерть, как в рассказе о Савле,
Десятилетия и страны последних эпох;
Что ни год, он сраженьем промочен, прославлен,
Что ни дюйм, след оставил солдатский сапог.

Война на Филиппинах; война в Трансваале;
Русско-японская драма; гром на сцене Балкан;
Наконец, в грозном хоре, – был трагичней едва ли,
Всеевропейский, всемирный кровавый канкан!

Но всхлип народов напрасен: «поторговать бы мирно!»
Вот Деникин, вот Врангель, вот Колчак, вот поляк;
Вот и треск турецких пулеметов под Смирной,
А за турком, таясь, снял француз шапокляк.

Жизнь, косясь в лихорадке, множит подсчеты
Броненосцев, бипланов, мортир, субмарин...
Человечество – Фауст! иль в музеях еще ты
Не развесил вдосталь батальных картин?

Так было, так есть... неужели так будет?
«Марш!» и «пли!» – как молитва! Первенствуй, капитал!
Навсегда ль гулы армий – музыка будней?
Красный сок не довольно ль поля пропитал?

Пацифисты лепечут, в сюртуках и во фраках;
Их умильные речи – с клюквой сладкий сироп...
Но за рынками гонка – покрепче арака.
Хмельны взоры Америк, пьяны лапы Европ!

<1923>

Шарманка

Не запела, застонала,
Заскрипела то, что знала,
И забыла, – быль иль сон?
Песня – вздохи, пляска – стон.
Скорбный вопль за блеском бальным,
Вальс в напеве погребальном...
Вздригнет, охнув, ржавый вал,
Кашель старческий обронит, —
И мазуркой вновь хоронит,
Плачем правит карнавал.

Наших бабушек приманка,
Как ты, шамкая, шарманка,
До трамваев дожила?
Краска с ящика сошла,
Доски гнилы, слева, справа;
Лишь на створке – немец бравый,
В шляпе длинное перо.
Петь ты хочешь дряхлым хрипом,
Но, под полинялым трипом,
Ох, скрипит, болит нутро!

Звуки, словно в стужу, дрогнули.
А старик, над старой согнут,
Вертит, вертит рукоять...

Эй, бедняк! чего стоять!
Все – кто в кино, кто на даче...
Или ты не ждешь подачи,
Нищий мейстер? – что пятак!
Только б стоном удлиненным
Жить в былом, в похороненном:
Плакать можно ведь и так!

1923

Германии

1923

Кошмар! Кошмар опять! Один из многих,
Историей являемых в бреду:
Сонм пауков, огромных, восьминогих,
Сосущих кровь близ мертвых клумб в саду.

Германия! Да, ты в былом повинна
За страшное, но – страшен твой расчет!
Раздавлена низринутой лавиной,
Ты знала казнь, вновь казнь, и казнь еще!
Нет ничего: ни стран – манить под тропик,
Ни стимеров – дробить в морях стекло,
Ни фоккеров – кричать, что век торопит,
Ни шахт, копивших уголь и тепло,
Ни золота, ни хлеба... Да! свидетель
Весь мир, как рок смеялся и казнил:
Твои богатства рвали все, а детям
Нет молока, и в школах нет чернил!

И тщетно те, кто зиждил это
Богатство, те, чей подвиг – труд,
Встают, чтоб мышцами атлета
Открыть блистанье лучших руд:
Им против – свой земляк-предатель,

Им против – звон чужих монет...
На Шпрее зажечься ль новой дате?
Мечтаешь: да! быть может: нет...
От Сен и Тибров до Миссурей
Следит строй мировых владык,
И, веря в помощь, твердо в Руре
Стоит француз, примкнув свой штык.

А те? – Веселятся и пляшут, ведь раны
Их бойни избытой – не им;
И золото, золото, – пряно, багряно, —
Поет им оркестром немым.
Им весело, весело, – золото в башни
Слагать, вить второй Вавилон.
Что день, их восторг удалей, бесшабашней:
Весь мир им достался в полон.
Там черный, там желтый, там парий, там кули:
Всех – в копи, к станкам, на завод!
«Недаром же в Руре штыки мы примкнули!» —
Поют, выводя свой гавот.
«Враг сломлен, мы вместе, теперь мы посмеем»,
«Нам власть над землей с этих пор!»
«Над толпами станем, пропляшем по змеям»,
«А в фасках фашистов – топор!»

Те пляшут, та исходит кровью,
Мир глухо ропщет под пятой...
Но с трона вдруг поводит бровью
Пугливо идол золотой.

На миг в рядах поющих смута,
И мысль, прожженная огнем,
Кричит невольно и кому-то:
«Не надо вспоминать об нем!»
А он, у грани их веселий,
С земли всходя до звездных сфер,
Стоит; и тучи вниз осели,
Чтоб людям вскрыть СССР.

Да, так. Старуха Клио хмурее
Глядит, как точит кровь земля;
Но внове ль ей? все ж от Лемурии
Был путь до Красного Кремля.
И все равно, опять прольются ли
Такие ж токи в тайну тьмы:
Из бурь войны, из революции
Мир стал двойным: они и мы.
Иных нет сил...

<1923>

На смерть вождя

Пред гробом Вождя преклоняя колени,
Мы славим, мы славим того, кто был Ленин
Кто громко воззвал, указуя вперед:
«Вставай, подымайся, рабочий народ!»

Сюда, под знаменем Советов,
Борцы из армии Труда!
Пусть умер он: его заветов
Мы не забудем никогда!

Он повел нас в последний
И решительный бой,
И к победе мы, Ленин,
Смело шли за тобой!
Мысль твоя твердо знала,
Где наш путь и какой:

С Интернационалом
Воспрянет род людской!

Мы стали вольны, стали сильны,
Нас к торжеству ведет судьба,
И мы кладем на прах могильный
Борца – его призыв: Борьба!

Он громко воззвал, указуя вперед:
«Вставай, подымайся, рабочий народ!»
Пред гробом Вождя преклоняя колени,
Мы славим, мы славим того, кто был Ленин!

1924

Реквием
На смерть В. И. Ленина
(Музыка Моцарта)

Все голоса.

Горе! горе! умер Ленин.
Вот лежит он, скорбно тленен.
Вспоминайте горе снова!
Горе! горе! умер Ленин!
Вот лежит он, скорбно тленен.
Вспоминайте снова, снова!
Ныне наше строго слово:
С новой силой, силой строй сомкни!
Вечно память сохрани!

Сопрано, тенор, бас.

Вечно память, память
вечно —

АЛЬТ.

Вечно память
Ленина —

Сопрано, тенор, бас.

Сохрани!

АЛТ.

Храни!

Все голоса.

Память!

24 января 1924

Свет обмер, тени наклонились,
Пространней запах слитых лип;
Последний звон заходит, сияясь
Во тьме сдержать надгробный всхлип.

И стала ночь, и снова стало
Пустынно-тихо. Грезит луг,
Спят люди, не вернется стадо,
Реке дано катиться вслух.

Века, века, века учили
Земное ночью никнуть в сон,
Мять думы дня в слепом точиле,
Закрыв глаза, пить небосклон.

Шныряют совы; шум летучих
Мышей; лет легких мотыльков...
Все это – искры звезд падучих,
Чей мертвый мир был далеко.

Нам солнца ждать! Нам тьма – граница,
Нам тишь – черта меж гулов дней.
Наш мозг в дыханьях трав гранится,
Нам в снах вся явь борьбы видней.

18 мая 1924

Трава весенняя допела
Свою живую зелень. Зной
Спалил сны мая, и Капелла
Кропит июньской белизной.

Вот ночи полночь, полдень года,
Вот вечер жизни, но, во мгле,
Вот утро, жгучий луч восхода,
Не к вышине, а по земле!

Зари, еще не возвещенной,
Вино пьяно, и я, взамен,
Готов, заранее прощенный,
Для всех безумств, для всех измен.

Пусть вечер! он же – полдень! – Где-то
Цветам процвеств, их пчелам пить, —
И стебли чьих-то рук воздеты,
Чтоб вечный полюс торопить.

Пусть август будет. Плод налитый
Спадет в корзину, мертв и жив.
За десять лет замшеют плиты,
Недавний гроб не обнажив...

Но нынче ночь. Кротка Капелла,
Кропя июньской белизной;
Трава сны зелени допела,
И всюду – только свет и зной!

1924

Dolce far niente⁶⁸

*Под столетним кедром тени...
Tertia Vigilia, 1900 г.*

И после долгих, сложных, трудных
Лет, – блеск полуденных долин,
Свод сосен, сизо-изумрудных,
В чернь кипарисов, в желчь маслин;

И дали моря, зыбь цветная,
Всех синих красок полукруг,
Где томно тонет сонь дневная,
Зовя уснуть – не вслух, не вдруг...

Расплавлен полдень; гор аркады,
Приблизясь, шлют ручьи огня...
Но здесь трещат, как встарь, цикады,
И древний кедр признал меня,

Щекой припасть к коре шершавой,
Вобрат в глаза дрожанья вод...
Чу! скрипнул ключ, издавна ржавый,
Дверь вскрыта в сон былой, – и вот,

⁶⁸ Сладкое безделье (*um.*)

Пока там, в море, лютятся ленты,
Пока здесь, в уши, бьет прибой,
Пью снова *doice far niente*
Я, в юность возвращен судьбой.

Алунка

8 июля 1924

Краткими складками взморщи,
Ветер, пугливую гладь,
Пленную пену на взморьи
К темным утесам приладь!

Ветер! мы вместе взбивали —
Вспомни, вершушки олив,
Где им любовь напевали
Волны, вбегая в залив;

Ветер, – припомни, – пьянели
Вместе мы в снах миндалей,
Ты на лету пел не мне ли:
«Первую кручь одолей!»

Выше, где смолы сквозь горный
Воздух плывут, как пары,
Рыли мы древние горны
Гномов третичной поры.

После, сронив ароматы,
Прянув за грани скалы,
Мчались мы с бурей косматой
Тмином и мятой яйлы!

Ветер с мохнатых магнолий,
Ветер, мой давний свояк,
Прошлое кануть могло ли —
Утром задутый маяк?

Ветер, лихой запевало,
Гладь синеватую брось!
Чтоб на яйлу, как бывало,
Нам закружиться не врозь!

17 июля 1924

Максимилиану Волошину

Наш Агамемнон, наш Амфитрион
И наш Орфей, царь области рубежной,
Где Киммерии знойный Орион
Чуть бросит взгляд и гаснет неизбежно!

Ты, ты изваял этих гор хребет,
Им оградил себя от горьких лавров,
И в тверди глыб, для казни и побед,
Свой лабиринт сокрыл для минотавров,

Ряд входов с моря ты открыл в Аид,
Чтоб доступ к Стиксу прост был; ты, по мраке,
Там души предков кличешь, но таит
Тьма недр виденья: голоса и зраки.

В расщепы гор вложил ты халцедон,
И аметист, и сердолик, – но ими,
Твоей волшебной, гремит лишь Посейдон,
Играя в мяч со скалами нагими.

К себе деревьям путь ты запретил,
Свой мир покрыв полынью и волчцами,
Чтоб был над степью ярче ход светил
В твоих волнах, дробящихся венцами.

Но по желанью смерч ты взводишь ввысь,
Иль тмишь Луну в багровом одеянии,
Иль чарой слов ей вновь велишь: явись —
Да небеса гласят твои даянья!

И тщетна баснь, что древний Карадаг
Изверженец давно былого мира:
Тобой творен он, и ты рад, о маг,
Скрыть божество в безликий столп кумира.

17 августа 1924

Портрет женщины

Он в старой раме, с блеклыми тонами,
В губах усмешка, взгляд лукав и строг,
И кажется, везде следит за нами,
Чуть в комнату вступаешь на порог.

Прическа старомодна, но в сверканьи
Зрачков – не тайна ль тайн затаена?
Чем пристальней глядишь на их мельканье,
Тем явственней, что говорит она:

«Нет, только нас поистине любили,
И дать любовь умеем только мы.
Пришла весна, и землю зазнобили
Холодные предвестники зимы.

Вы не любви, вы ищите победы,
Мужскую робость шумом слов прикрыв.
Каким презреньем встретили бы деды
Всю вашу страсть, весь жалкий ваш порыв!»

23 августа. 1924

Соломон

Что было? Вихрь тысячелетий
Качал весы, играл людьми, —
За ратью рать влачили плети
С полей Ашура в край Хеми.

На краткий век вставал прославлен
Крылатый бык иль коршун Гор.
И вновь металл племен, расплавлен,
Шел к новым формам в вечный горн.

Так с двух сторон мятущий молот
Дробил, кромсал обломки стран.
Казалось, в прах и в сон размолот,
В дым былей взвеев Ханаан.

Но мир двух сил в противоборстве
Сам жег себя, как скорпион,
Пал, ядом черн; и вот, в упорстве,
Сиять над ним ввысь встал Сион.

Простер от моря к морю длани,
С высот к высотам розлил хмель,
Как спрут, провлек сосцы желаний
В блеск Индий, в Пунт, за край земель.

Гром, чудо, слава Соломона,
Запруды сбив, одна река,
Смыв Вавилон, смыв храм Аммона,
Вся ярость, хлынула в века.

Чтоб в наши дни, врываясь ярко,
Нас спрашивать, нам отвечать,
Горя сквозь вязь колонн San Marco
На Соломонову печать.

25 августа 1924

Крым

Лестью солнца в лоск обласкан,
Берег вплел в меандр меандр, —
Франт во фраке! скалы – лацкан;
Ал в петлице олеандр;

Брижжи пен припали к шее;
Мат магнолий– галстук их...
Старых мод покрои свежее
Новых вымыслов тугих !

Солнце льстит; флиртует море;
Ветер – остр, ведет causeirie⁶⁹..
Берег, в полдень, спит в изморе.
Кипарисов тень – драпри.

Глянет вечер. Белой раной
Вскроет месяц тьму воды;
В лавр и в мирт блеск ресторана
Вдавит плавкие следы.

Эх! что тут вам, nereиды!
Мотор бьет: место взято...
Мертв сон пушкинской Тавриды...

⁶⁹ Беседа (*фр.*)

И ревут, идут авто!

«Где Мария? Где Зарема?
Кто нас песней обманул?»
Берег-франт к дверям гарема
Свой червонец протянул.

7 сентября 1924

Вот я – обвязан, окован
Пристальным глазом змеи очковой,
Над былинкой лесная газель;
Вновь тропу преградила Цель.

Здесь, в стране исканий,
Где века грохочут листвой,
Мысли гениев – реки, и с камней —
В непостижность водопад роковой;
Где направо – скалы в грядущее,
Где налево – пропасть в прошедшее,
Где ветры, над истиной дующие,
Кричат, как сумасшедшие;
В лесу исканий,
Без Энея Асканий,
Лань пред змеей очковой, —
Обвязан, окован.

Иду
По всем тропам;
Рублю топором череду,
Кожа мудрецов – барабан!
Сквозь лианы, шипы
На все тропы,
И будто —

Я Заратуштра, я Будда,
Я Христос, я Магомет,
Я – индейский сашем —
Курю калюмет...

И всюду —

Чудо:

«Почему» превращается странно в «зачем».

Глазом змеи очковой

Я очарован.

1924

Египетские ночи
Поэма в 6-ти главах
(Обработка и окончание
поэмы А. Пушкина)

1

Прекрасен и беспечен пир
В садах Египетской царицы,
И мнится: весь огромный мир
Вместился в узкие границы.
Там, где квадратный водоем
Мемфисским золотом обложен,
За пышно убраным столом
Круг для веселья отгорожен.
Кого не видно средь гостей?
Вот – Эллин, Римлянин, Испанец,
И сын Египта, и Британец,
Сириец, Индус, Иудей...

На ложах из слоновой кости
Лежат увенчанные гости.
Десятки бронзовых лампад
Багряный день кругом струят;

Беззвучно веют опахала,
Прохладу сладко наводя,
И мальчишки скользят, цедея
Вино в хрустальные фиалы;
Порфирных львов лежат ряды,
Чудовищ с птичьей головою,
Из клювов золотых, чредою,
Точа во глубь струю воды.
Музыка стонет сладострастно;
Дары Финикии прекрасной,
Блистают сочные плоды;
А вдалеке, где гуще тени,
На мозаичные ступени
Теснится толпами народ:
Завидуя, из-за ворот
Глядит на смены наслаждения.

Но что веселий праздник смолк?
Затихли флейты, гости немы;
В сверканьи светлой диадемы,
Царица клонит лик на шелк,
И тени сумрачной печали
Ее прозрачный взор застлали.
Зачем печаль ее гнетет?
Чего еще недостает
Египта древнего царице?
В своей блистательной столице
Спокойно властвует она,
И часто пред ее глазами

Пиры сменяются пирами;
Она хвалой упоена,
И величавые искусства
Ей тешат дремлющие чувства.
Горит ли африканский день,
Свежеет ли ночная тень,
Покорны ей земные боги;
Полны чудес ее чертоги;
В златых кадилах вечно там
Сирийский дышит фимиам.
Звучат тимпаны, флейты, лира
Певцов со всех пределов мира.
Чего желать осталось ей?
Весь мир царице угождает:
Сидон ей пурпур высылает;
Град Киликийский – лошадей;
Эллада – мрамор и картины;
Италия – златые вина,
И Балтика – янтарь седой.
Наскучил город ей? – Вдоль Нила,
Поставив пестрые ветрила,
Она в триреме золотой
Плывет. Ее взволнуют страсти?
Пойдет, с сознанием гордой власти,
В покои тайные дворца,
Где ключ угрюмого скопца
Хранит невольников прекрасных
И юношей стыдливо-страстных.
И все ж она невесела:

Ей скучен хор льстецов наемных
И страсть красавцев подъяремных;
Не сходит тень с ее чела.
Ей все послушно, все доступно,
И лишь любовью неподкупной
Ей насладиться не дано!
И долго, с думою глубокой,
Она сидела одиноко.
И стыло гретое вино.

2

Был снова праздник в пышном зале
Александрийского дворца.
На ложах гости возлежали;
Вокруг, при факелах, блистали
Созданья кисти и резца;
Чертог сиял. Гремели хором
Певцы при звуке флейт и лир.
Царица голосом и взором
Свой пышный оживляла пир.
Сердца неслись к ее престолу.
Но вдруг над чашей золотой
Она задумалась и долу
Поникла дивною главой...

И пышный пир как будто дремлет;

Безмолвны гости; хор молчит;
Но вновь чело она подымлет
И с видом ясным говорит:
«В моей любви для вас блаженство?
Блаженство можно вам купить...
Внемлите мне: могу равенство
Меж вами я восстановить.
Кто к торгу страстному приступит?
Свою любовь я продаю —
Скажите: кто меж вами купит
Ценою жизни ночь мою?»

Рекла, – и ужас всех объемлет.
И страстью дрогнули сердца...
Она смущенный ропот внемлет
С холодной дерзостью лица.
«Я жду, – вещает, – что ж молчите?
Или теперь бежите прочь?
Вас было много, – приступите,
Купите радостную ночь!»
И взор презрительный обводит
Кругом поклонников своих...

Вдруг из толпы один выходит,
Вослед за ним и два других:
Смела их поступь, ясны очи;
Навстречу им она встает.
Свершилось: куплены три ночи,
И ложе смерти их зовет.

Благословенные жрецами,
Теперь из урны роковой
Пред неподвижными гостями
Выходят жребии чредой.
И первый – Флавий, воин смелый,
В дружинах римских поседельный;
Снести не мог он от жены
Высокомерного презренья;
Он принял вызов наслажденья,
Как принимал во дни войны
Он вызов ярого сраженья.
За ним – Критон, молодой мудрец,
Рожденный в рощах Эпикура,
Критон, поклонник и певец
Харит, Киприды и Амура.
Любезный сердцу и очам,
Как вешний цвет едва развитый,
Последний – имени векам
Не передал; его ланиты
Пух первый нежно оттенял;
Восторг в очах его снял;
Страстей неопытная сила
Кипела в сердце молодом...
И с умилением на нем
Царица взор остановила.

«Клянусь, о мать наслаждений!
Тебе неслыханно служу:

На ложе страстных искушений
Простой наемницей всхожу!
Внемли же, мощная Киприда,
И вы, подземные цари,
И боги грозного Аида!
Клянусь, до утренней зари
Моих властителей желанья
Я сладострастно утомлю,
И всеми тайнами лобзанья
И дивной негой утолю!
Но только утренней порфирой
Аврора вечная блеснет,
Клянусь, под смертною секирой
Глава счастливцев отпадет!»

3

И вот уже сокрылся день,
И блещет месяц златорогий.
Александрийские чертоги
Покрыла сладостная тень.
Окончен пир. Сверкая золотом,
Идет царица в свой покой
По беломраморным палатам.
За ней – рабов покорный строй
И круг поклонников смущенных,
Вином и страстью утомленных.

Меж них, спокоен и угрюм,
Безмолвно выступает Флавий,
Речей внимая смутный шум...
Его судьбе и горькой славе
Дивятся гости, трепеща.
У всех, под складками плаща,
Сердца дрожат в глухой тревоге.
Но вот царица, на пороге,
Замедлила, и ясный лик
К смущенным лицам обратила:
В ее глазах – какая сила!
Как нежен стал ее язык!

«Я жду тебя, отважный воин:
Исполнить клятвы пробил час!
Я верю: будешь ты достоин
Обета, сблизившего нас!
Приди ко мне, желанный, смелый!
Я этой жертвы жду давно.
Мое прославленное тело
Тебе богами суждено!
С тобой хочу предаться страсти,
Неотвратимой, как судьба,
Твоей я подчиняюсь власти,
Как неподкупная раба!
Всего, чего возжаждешь, требуй:
Я здесь – для сладостных услуг!
Доколь не пробегут по небу
Лучи зари, ты – мой супруг!»

Сказала: и, простерши руки,
В объятия мужа приняла.
Раздались флейт поющих звуки
И хора стройная хвала.
И гости, сумрачны и бледны,
Боясь понять свою мечту,
Глядят, как полог заповедный
Скрывает новую чету.
И каждый, с трепетом желаний,
Невольно мыслит: «Мог и я...»
Но свисли пурпурные ткани,
Гимена тайны затая.

Фонтаны бьют, горят лампы,
Курится легкий фимиам,
И сладострастные прохлады
Земным готовятся богам;
В роскошном золотом покое,
Средь обольстительных чудес,
Под сенью пурпурных завес
Блится ложе золотое.
Что там? Свежительная мгла
Теперь каким признаньям внемлет,
Какие радости объемлет,
Лаская страстные тела?
Кто скажет! Только водомета
Струя, смеясь, лепечет что-то.

Замолк дворец. Устало спят
Рабы в своих каморках темных;
Безлюдны дали зал огромных;
Лишь сторожа стоят у врат.
В задумчивых аллеях сада —
Молчанье, сумрак и прохлада...
Но кто застыл в беседке роз?
Один, во власти мрачных грез,
Он смотрит на окно царицы,
И будет, молча, ждать денницы,
Прикован взором, недвижим,
Безумной ревностью томим,
Иль плакать вслух, как плачут дети!
Не он ли, хоть на краткий срок,
Царицы грустный взор привлек,
Не он ли вынул жребий третий?

4

Означились огни денницы;
Рабочий пробудился люд;
По узким улицам столицы
Ряды разносчиков снуют.
Глядяся в зеркала морские,
Встречает день Александрия.
Но тих торжественный дворец.
Еще угрюмый страж-скопец

Не отворял глухих затворов;
Еще, на беспощадный зов,
Во сне счастливый – сонм рабов
Не открывал в испуге взоров.
И лишь на ложе золотом
Царица гордая не дремлет,
Небрежно дальним шумам внимлет
И смотрит, с пасмурным челом,
На мужа, кто простерт на ложе.
Ах, не она ль вчера ему,
Всем сладострастьем женской дрожи,
Как властелину своему,
Вливала в жилы страсть? – И что же!
Ах, не она ль, среди затей,
Припоминала вдруг лукаво
События недавних дней
И Цезаря с бессмертной славой:
Как миродержец-исполин
Ее ласкал рукой могучей,
И прибавляла, с лестью жгучей,
Что он, пришлец, ей он один
Напомнил Цезаря? – И что же!
За мигом миг казался строже
Взор гостя странного, и он,
Вином как будто упоен,
Вдруг твердо отстранил царицу:
«Довольно, женщина! Пора
Пред дымом смертного костра
Мне сном приветствовать денницу!»

Он лег, заснул, и вот он спит.
Царица сумрачно глядит
На сон бестрепетно-спокойный,
И грудь ее – в тревоге знойной.

«Проснися, воин! близок день!»
И Флавий открывает очи.
Давно исчезла летней ночи
Прозрачно-голубая тень;
Свет, через пурпурные ткани
Проникнув, бродит на полу,
И светлый дым благоуханий,
Виясь, колеблет полумглу.
«Что, утро? Здравствуй, Феб-губитель!»
И, с ложа прянув, пояс свой
Гость надевает. Но, с мольбой,
К нему царица: «Мой властитель!
Еще есть время. Я – твоя!
Ужель и взгляда я не стою?
Я наслаждения утрою,
Пресьщу новой лаской я
Твои последние мгновенья!
Пади на ложе наслажденья,
Где ждет тебя любовь моя!»

Но странный гость, в ответ, сурово,
Бесстрастье гордое храня:
«Ужель ты думаешь, мне ново —
Все, чем прельщаешь ты меня?»

Ты прихотлива и затейна,
Но слаще вольная любовь,
В дубравах, за пределом Рейна!
Ты страстью распалаяешь кровь,
Но в ласке девушки испанской,
В объятьях пленницы британской
Есть больше неги и огня!
Во дни жестокие Фарсала,
Я вспомнил, как и ты, ласкала
Одна фракиянка меня;
Но я забыл ее лобзанья,
Ее приманчивый напев,
Храня всегда воспоминанья
О днях блаженного свиданья
С одной из гордых галльских дев!
Прощай!»
Она дрожит от гнева,
Ее изменены черты.
«Когда тебе любая дева
Милей, чем я, зачем же ты
Мой принял вызов? Посмеяться
Ты надо мной хотел? Тебе
Спокойно с жизнью не расстаться!
Твоей мучительной судьбе,
Твоей неумолимой казни
Все ужаснутся!»

Без боязни
Он смотрит на лицо ее.

«Ты надо мной властна, быть может,
И тело бедное мое
Безжалостный палач изгложет.
Но все ж я – прав. Что обещал,
Я, в эту ночь, исполнил честно:
С тобой я, как тебе известно,
До третьей стражи разделял
Твои, царица, вождельня,
Как муж, я насыщал твой пыл...
Что ж! Я довольно в мире жил,
А ты—свершай свои решенья!»

И он, суровый сын войны,
Клеврет Великого Помпея,
Спокойным взором, не бледнея,
Встречает гневный взор жены.
Безмолвно, ярость подавляя,
Та бьет по меди молотком,
И звуки, стражу призывая,
Звеня, разносятся кругом.
Раскрыты завесы у двери.
Рабы, как на веревках звери,
Вступают в золотой покой;
И, грозной стражей окруженный,
В свое раздумье погруженный,
Проходит воин через строй.
Палач у входа. Но царица
Уже зовет своих рабынь;
Бежит невольниц вереница,

Неся одежды, пух простынь,
Фиалы тонких умщений...
Бледнеет тень ночных видений...
И вновь, прекрасна и ясна,
На пир готовится она.

5

Все ограниченной, короче
Остаток малый новой ночи,
И снова первый робкий луч
Уже скользит меж завес окон
И трогает, огнист и жгуч,
Царицы сине-черный локон.
Не сонных в спальне луч застал!
Чу! говор, вздохи, поцелуи,
И звонко в искристый фиал,
Опенены, сбегают струи.

«Клянуся Вакхом! я – не сыт!
Царица! Ты – Андиомена,
Любимица молодых харит!
Мне кажется, морская пена
Доныне с ног твоих бежит.
Дай осушить ее устами!
Пред тем, как Феб, грозя лучами,
Блеснет-, – владычица любви,

Порыв жреца благослови!
Он здесь, коленопреклоненный,
Лобзает, весь горя огнем,
Святыни, спрятанные днем,
И каждый волос благовонный
На теле божеском твоём!»

Он – счастлив, он – безумен страстью,
Он медлить закликает тьму,
Чтоб до конца упиться властью,
На срок дарованной ему;
Не признавая утомлений,
Творит хотенье из хотений;
Но, пресыщенно холодна,
На свет зари глядит она.
Довольно! Пробил час. Аврора
Открыла дверь. Помчится скоро
По крутизне лазури Феб.
Она встает...

Но он ослеп,
Он ничего не видит, кроме
Прекрасной груди, рук и плеч,
Он молит, в трепетной истоме,
Опять на мягкий пух прилечь,
О близкой смерти забывая.
Он обречен, но ласки ждёт.
И, неохотно уступая,
Как милостыню подавая,

Царица снова предает
Свой стан объятьям распаленным;
Но, внемля клятвам исступленным,
Приемля зной палящих губ,
Она ненужных слов не тратит
И мыслит:

«Он – красив, не глуп,
Он жизнью эту ночь оплатит,
Но почему так чужд мне он?
Простой невольник и Критон,
Мудрец изнеженный, – меж ними
Какая разница? Своими
Лобзаннями, на краткий час,
Они развлечь умеют нас,
И только. В рощах Арголиды
Он воспринял завет Киприды;
Но той же страстью распалит
На рынке купленный Нумид!
Другие, нашими жрецами
Воспитанные в тайном храме,
Объятий странных новизной
На время изумить способны...
Но все – что листья, все – подобны,
Для ночи созданы одной!»
Очнулась, поднялась на ложе.
Он снова припадает к ней,
Он смотрит ей в глаза. Но строже,
Чем прежде, взгляд ее очей.
«Настало время расставанья».

«Еще, еще одно лобзание!»
«Пора. Сияет в окна день».
«Нет! Погляди! Повсюду тень!»
«Конец!» Она встает и властно
Идет, чтоб дать условный «знак»,
Но он влечется сладострастно
За ней, целуя каждый шаг.
«Помедли! Видишь, я не трачу
Ни мига даром! Пью до дна
Блаженство! Я от счастья плачу,
Что ты была мне суждена.
Что Зевс, с его безмерной силой!
За весь Олимп я не отдам
Того, что есть, того, что было,
И не завидую богам!»

Одета белым покрывалом,
Она стоит перед кимвалом,
Не отвечает и стучит.
Все ближе по порфиру плит
Шаги. «Пока они у двери,
Хоть поцелуй, по крайней мере!»
Молчит. «Хоть раз позволь взглянуть
Мне – на божественную грудь!»
Вошли. Рабы теснятся строем,
Влекут его, но, обратясь,
Он, сладко плача и смеясь,
Любуется ночным покоем...

На двор мощный за дворцом
Из храмины Критон выходит;
Палач с тяжелым топором
Его на лобный камень взводит.
Но юноша в последний раз
К рассвету простирает руки:
«Постой, палач! В свой смертный час,
За счастье принимая муки,
Хочу приветствовать зарю!
Тебя, о Феб, благодарю!
Ты вовремя на колеснице
Надел лучистый ореол!
Кто эту ночь, как я, провел,
Вдвоем с божественной царицей,
Не может и не должен жить:
Мне больше некого любить!
Пока ты светить в этом мире,
Глази сияньем, что нельзя
Блаженней быть, чем ныне я!»
И наклонился он к секире.
Палач ударил раз и два;
Упала наземь голова,
И струи алые помчались,
И кровью площадь залита...
Но все ж, казалось, улыбались
У мертвой головы – уста.

6

И третья ночь прошла. Он спит,
Ребенок, страстью истомленный.
Царица, с думой потаенной,
Печально на него глядит.
Так молод! Были так стыдливы
Его невольные порывы,
Так робки просьбы детских глаз!
В ответ на хитрые соблазны,
Он лепет повторял бессвязный,
И вспыхивал, и быстро гас.
Напрасно ласково учила
Она его игре страстей:
Его неопытная сила
Чуждалась пламенных затей.
Он плакал в буйстве наслаждений,
Страшась изысканных забав,
Потом, обняв ее колени,
Молчал, к возлюбленной припав,
И долго, счастьем умиленный,
Смотрел во взор ее бездонный.

Он спит. Но сонные уста
Так чисты! Так ресницы милы!
Ужели эта красота
Сегодня станет прах могилы?

Какая страшная мечта!

Царица вздрогнула невольно,
Как будто вдруг уязвлена,
Ей жутко, ей почти что больно.
Над спящим тихо склонена,
Касаньем ласковым она
Ребенка будит осторожно:
«Проснись, мой мальчик, рассвело!»
И на прекрасное чело
Кладет свой поцелуй тревожно.

Он пробуждается. Уже?
Все вспомнил. Так: чертог, царица,
И в окна бьющая денница,
И он стоит на рубеже...
Воспоминанья жгучей ласки
На миг лицо зажгли; потом
С его ланит сбежали краски:
Он бледен, страшен он лицом.
И сердце царственной блудницы
Внезапной болью стеснено,
И чувства, спавшие давно,
Оживлены в душе царицы,
И двое на лучи денницы,
Равно дрожа, глядят в окно.
И, голос понижая, словно
Кого-то разбудить страшась,
Лепечет быстро и любовно

Царица, к юноше склоняясь:
«Мой мальчик! встань, иди за мною!
Я тайный путь тебе открою!
Хочу спасти тебя! Беги!
Есть дверь за северной колонной.
Проход выводит потаенный
У Нила, в поле... Чу! шаги!
Нельзя нам медлить. Я не властна
Нарушить грозный свой обет.
Час минет, – и спасенья нет.
Беги!»

Он смотрит. Та – прекрасна;
Божественны ее черты.
И он с волнением ей: «А ты?»
«Что я? Беги, пока есть время!»
«Жить без тебя? Какое бремя!
И дни и годы пустоты!
Беги со мной!» – «Но ты безумен!
Твой зов нелеп и неразумен.
Послушай: дорог каждый миг!
Я всем скажу, что задремала,
Не догадалась, не слыхала,
Что ты в подземный ход проник...»

Она зовет, почти что молит,
Она его войти неволит
В дверь отворенную. Но он,
И слепо счастлив и смущен,
Противится, твердя упорно:

«Беги со мной!» Пред ними ход,
Ведущий вглубь, угрюмый, черный;
Она туда его влечет:
«Спеши! Иль ты себя погубишь!»
А он: «Нет, ты меня не любишь!»
«Ты позабыл, кто ты, кто я!
Есть у тебя отец, родные.
Живи для них! Сии края
Покинув, удались в чужие...»
И, новой грусти не тая,
Он возражает ей упрямо:
«Не любишь ты! Скажи мне прямо!
И я умру рабом твоим.
Но если... если я любим!
Какое дивное блаженство!
Любовь нам возвратит равенство;
Как боги счастливы, вдвоем
В другие страны мы уйдем!
Иль дорожишь ты багряницей?
Тебя пленяет пышный прах?
Ты будешь для меня царицей
В моей душе, не на словах!
Что знаешь ты? Притворство лести,
Обманы! Я, и день и ночь,
С тобой единой буду вместе,
Не отходя ни шагу прочь!
Подумай: видеть, просыпаясь,
Черты любимого лица
И жить вдвоем, не расставаясь,

До вожделенного конца!»

Что может отвечать царица
На детский, на бессвязный бред?
А за стеной шумит столица...
Он – обречен; спасенья нет.
Но юноша, не понимая,
Что значит складка роковая
На лбу царицы, шепчет вновь:
«Бежим! Нас позвала любовь!
Я понял: это – воля Рока!
Меня привел он издалека,
Чтоб вывести тебя!» И вот
Мечтатель, взорами сверкая,
Спешит, царицу побуждая
Сойти за ним в подземный ход.

Но та безумца отстранила.
Ее чело пробороzdило
Раздумье тайное. Потом,
Скользнув к своей постели гибко,
Она, с обманчивой улыбкой,
Наполнила бокал вином.
«Ты – прав! Мне вдруг понятно стало,
Что я тебя лишь ожидала!
Так! Мы бежим из этих зал!
Прочь, золото, ткани и каменья!
Но, уходя, в знак единенья,
Прощальный выпьем мы фиал!»

Он кубок пьет. Она руками
Его любовно обвила
И снова нежными устами
Коснулась детского чела.
Улыбкой неземного счастья
Он отвечает, будто вновь
Дрожит на ложе сладострастья...
Но с алых губ сбегает кровь,
Взор потухает отененный,
И все лицо покрыто тьмой...
Короткий вздох, – и труп немой
Лежит пред северной колонной.

Закрыв ненужную теперь
Над лестницей подземной дверь,
Царица долго любовалась,
Склонясь к недвижному лицу,
И долго странно улыбалась...
И вдруг далеко по дворцу
Пронесся медный звон кимвала.
Заслыша им знакомый звон,
Бегут рабы со всех сторон
И раскрывают опахала;
Рабыни выбрали давно
Наряд для утреннего часа;
Уже разубрана терраса,
Над ней алеет полотно...
Все приготовлено для пира:

Сегодня во дворце своем,
За пышно убранном столом,
Царица встретит триумвира.

И вот идет толпа гостей;
Сверкают шлемы, блещут брони;
И, посреди своих друзей,
Привыкший удивлять царей,
К царице близится Антоний.

1914 – 1916

Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам 1912—1918

Предисловия

Ремесло поэта Вступительная статья⁷⁰

Мое святое ремесло!
Каролина Павлова

I

Едва ли надобно разъяснять, что каждое искусство имеет две стороны: творческую и техническую.

Способность к художественному творчеству есть прирожденный дар, как красота лица или сильный голос; эту способность можно и должно развивать, но приобрести ее никаки-

⁷⁰ Вступительная лекция к курсу стихотворной техники в московской «Студии стиховедения», прочитанная 18/5 апреля 1918 г.

ми стараниями, никаким учением нельзя. Poetae nascuntur... Кто не родился поэтом, тот им никогда не станет, сколько бы к тому ни стремился, сколько бы труда на то ни потратил. Каждый, или почти каждый, за редкими исключениями, может, если приложит достаточно стараний, научиться стихотворству и достигнуть того, что будет писать вполне гладкие и «красивые», «звучные» стихи. Но такие стихи не всегда – поэзия.

Наоборот, технике стиха и можно и должно учиться. Талант поэта, истинное золото поэзии, может сквозить и в грубых, неуклюжих стихах, – такие примеры известны. Но вполне выразить свое дарование, в полноте высказать свою душу поэта – может лишь тот, кто в совершенстве владеет техникой своего искусства. Мастер стиха имеет формы и выражения для всего, что он хочет сказать, воплощает каждую свою мысль, все свои чувства в такие сочетания слов, которые скорее всего находят отклик в читателе, острее всех других поражают внимание, запоминаются невольно и навсегда. Мастер стиха владеет магией слов, умеет их заклинать, и они ему служат, как покорные духи волшебнику.

Что поэзия имеет свою техническую сторону, с этим вряд ли будет кто-нибудь спорить. Но многие склонны думать, что эта техника стиха или тоже прирожденный дар, как способность к творчеству, или, вне этого, – ограничена немногими, простейшими правилами, включенными в школьные курсы любой «теории словесности». Думаящие так полагают, что

достаточно будущему поэту узнать основные правила родного стихосложения, и все остальное или будет подсказано «вдохновением», или все равно останется недоступным. Рассуждение, напоминающее известные слова сочинителя од из сатиры И. Дмитриева «Чужой толк»:

Мы с рифмами на свет, он мыслил, рождены...

...Природа делает певца, а не ученье.

Он, не учась, учен, как придет в восхищенье.

Странно было бы допустить, что поэзия составляет исключение в ряду других искусств. Почему художники кисти и скульпторы учатся по несколько лет в Академиях художеств или школах живописи, изучая перспективу, теорию теней, упражняясь в этюдах с гипса и с натуры? Почему никому не приходит на мысль писать симфонию или оперу без соответствующих знаний, и почему никто не поручит строить собор или дворец человеку, незнакомому с законами архитектуры? Между тем, чтобы писать драму или поэму, многие считают достаточным знакомство с правилами грамматики. Неужели техника поэзии, и частности, стихотворства, настолько проще технической стороны в музыке, живописи, ваянии, зодчестве?

Правда, Академий поэзии и консерваторий для стихотворцев еще не существует. Между тем наши великие поэты, Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Фет, Некрасов и др., выказали себя мастерами стиха. Но значит ли это, что они приобре-

ли свое мастерство, не учась ему, что мастерами сделала их «природа, а не ученье»? Вовсе нет. Как слаб в техническом отношении первый сборник стихов Фета («Лирический Пантеон», 1840 г.), насколько слабее, технически, ранние стихи Некрасова («Мечты и Думы», 1840 г.), нежели его позднейшие поэмы, или как далеко «Лицейским стихотворениям» Пушкина от технического совершенства его зрелых созданий. И эти истинно «великие» поэты, одаренные гениальной способностью к творчеству, достигли технического мастерства лишь путем медленного искусства и долгой, терпеливой работы.

До последнего времени поэтам приходилось быть «самоучками». Каждому приходилось заново «открывать» законы и правила своего ремесла путем внимательного изучения классических образцов литературы, путем поисков почти осязательно, путем тысячи проб и ошибок. Но в чем же и состоит задача науки, которая «сокращает дам опыты быстро текущей жизни»? Не в том ли, чтобы избавить от отыскания того, что уже найдено раньше? Сколько драгоценного времени и труда было бы сэкономлено, если бы каждый поэт не был принужден вновь, для себя, воссоздавать теорию стиха, а мог бы знакомиться с ней из лекций профессора, как композитор знакомится с элементарной и высшей теорией музыки! «Академии поэтов» – это неизбежное учреждение будущего, ибо в этом будущем, каково бы оно ни было, конечно, найдется свое место поэзии. Эти «Академии», повторяю, будут

бессильны создавать поэтов (как и консерватории не создают Римских-Корсаковых и Скрябиных), но помогут поэтам легче и скорее овладеть техникой искусства.

II

Как аксиому, должно признать, что наука изучает все; все явления вселенной, начиная от движения солнц до строения атомов, от свойств амеб до исторических судеб человечества, составляют объект научного наблюдения. Нет ничего столь малого, чем могла бы пренебречь наука, как и нет ничего столь недостойного, мимо чего она могла бы пройти. Медицина не делает различия между болезнями красивыми и отвратительными, психология – между благородными и неблагородными аффектами, зоология – между животными интересными и неинтересными.

Стих – одно из явлений, занимающее немалое место в духовной жизни человечества. Едва ли не у всех народов во все времена мы находим свои молитвенные гимны; Эллада и Рим, создатели всей нашей европейской цивилизации, высоко чтили стих; Восток упивался стихами; современные дикари поют стихи, выражая ими и горе и веселье. По-видимому, стих «присущ» человеку, так как, независимо от подражаний, рождался на земле много раз, в различные эпохи, на разных концах мира.

Каким же образом стих может быть исключен из числа

объектов, изучаемых наукой? Не явно ли, что должна существовать наука о стихе, которая исследовала бы его свойства и устанавливала бы его общие законы. Рядом со «сравнительным языкознанием» должна существовать «сравнительная метрика». И надо думать, что сравнительное изучение свойств стиха в различных языках и в различные периоды истории даст не менее ценные выводы, нежели дает филология.

Разумеется, зачатки этой «науки о стихе» существуют, входя в системы «эстетик» и «поэтик», от работ Аристотеля вплоть до изысканий новейших мыслителей. Но все эти зачатки еще крайне скудны. «Сравнительная метрика» пока еще в зародыше. Философские обоснования метрики ограничиваются небольшим числом сочинений, иногда остроумных (например, известная теория Вундта), но почти всегда очень произвольных. Исследования по «частным» метрикам, то есть по стихосложению отдельных языков, сводятся к книгам типа школьного руководства, лишенным истинно научного значения. Наконец имеется небольшое количество чрезвычайно интересных, и порой очень удачных, работ по некоторым отдельным вопросам (вроде книги Кассанья о метрике Бодлера, статей Сент-Бёва, у нас – Андрея Белого и т. п.), но эти работы остаются, как говорится, каплями в море.

Да иначе и не может еще быть, потому что не исполнен необходимый подготовительный черновой труд: не собраны

и не систематизованы те факты, на которых могла бы быть основана научная метрика. Нужно еще несколько поколений научных работников, которые пожелали бы посвятить всю свою жизнь на это трудное и неблагодарное дело. Нужно составить словари к отдельным поэтам (помимо словарей к античным авторам, мне известны словари к Данте, Шекспиру, Шелли, и это – почти все); нужно составить таблицы метров, употребляемых всеми значительными поэтами; нужно систематизовать все особенности их просодии, проследить в их стихах все сочетания звуков, сделать то же самое для рифм и ассонансов и т. д. и т. д. Только тогда явится возможность, на научном основании, то есть на основании систематизованных фактов и наблюдений, писать сначала «частные» метрики и просодии, а затем и общую сравнительную метрику, и общую теорию рифмы и звукописи.

Все это еще настолько чуждо нам, что многие, вероятно, затруднятся назвать те науки, которые изучают и устанавливают свойства и законы стиха. Даже в тех самых «эстетиках» и «поэтиках», которые прямо трактуют этот вопрос, терминология настолько не установлена, что самое именование основных наук далеко не общепринято. В то время как никто не затруднится указать главные науки, выясняющие законы музыки и музыкального творчества, каковы: элементарная теория музыки, гармония, теория фуги и вообще композиция, инструментовка, – большинство, даже среди ученых филологов и философов, не сумеет указать, что этому соот-

ветствует в области наук о стихе.

По существу, однако, совершенно ясно, что эти науки распадаются на три дисциплины: одна изучает стих, как таковой, то есть собственно стихосложение, – те условия, в силу которых речь становится стихотворной; вторая изучает внутреннее строение стиха, его звуковую сторону, – то, что в разговорном языке называют «музыкальностью» или «певучестью» стиха; сюда же, естественно, относится учение о рифме; третья изучает сочетание стихов между собой, – в строфы и в традиционные формы, каковы: сонет, октава, терцина и т. д. Как бы ни были различны принципы, по которым данный теоретик предполагал бы рассматривать стихосложение, он неизбежно должен прийти к такому делению, лежащему в природе вопроса: учение о стихе, учение о стихотворной речи, учение о сочетании стихов.

Так как терминология, как мы указывали, еще не установилась, мы ничем не связаны в названии этих трех наук и предлагаем называть их в дальнейшем привычными греческими терминами:

1) Учение о стихе вообще может быть названо **метрика и ритмика**, так как оно явственно распадается на две части;

2) учение о стихотворной речи может быть названо **евфония**, так как задача состоит в установлении законов «хорошей» («музыкальной», «певучей», вообще отвечающей содержанию) речи; в употреблении уже существует термин «словесная инструментовка» или «звукопись», но он недо-

статочно широк для предмета; к евфонии, как ее часть, относится и учение о рифме; наконец,

3) учение о сочетании стихов может быть названо **строфика**, так как и все традиционные формы стихотворений должны рассматриваться как состоящие из строф или сами по себе образующие строфу (например, триолет).

Эти три науки, метрика и ритмика, евфония с учением о рифме и строфика, и суть те специальные науки, без изучения которых поэт не может быть признан знающим технику своего искусства, свое ремесло.

Но, очень вероятно, у некоторых еще остается сомнение, если не в необходимости для поэта ознакомиться с теми сведениями, какие дают эти науки, то, по крайней мере, в том, что это действительно «науки» и что они достаточно сложны. Некоторые, вероятно, готовы думать, что название «науки» слишком громко для собрания технических правил стихосложения, что эти правила не включают в себе элементов подлинной «научности» и что, во всяком случае, нужно весьма немного времени, чтобы изучить всю эту ремесленную сторону дела, так как она должна сводиться к ограниченному числу указаний, за которой тотчас начинается область пресловутого «вдохновения». Всё это – недоразумения, которые необходимо рассеять.

III

Существуют в разных языках разные метрики. Так, у древних эллинов и римлян было стихосложение метрическое, основанное на счете долгих и кратких слогов; у романских народов принято стихотворение силлабическое, основанное на счете слогов вообще; у северных народов, в том числе у нас, у русских (как у англичан, немцев и др.), ныне господствует стихосложение тоническое, основанное на счете ударных слогов; народная русская поэзия (былины, песни) пользовалась стихосложением смысловым, основанным на счете значащих образов в стихе; известны еще стихосложения, основанные на параллелизме образов (у древних евреев), на высоте звуков (у китайцев) и т. п.

Наша искусственная поэзия не случайно усвоила себе тоническое стихосложение: оно наиболее отвечает свойствам русского языка. Силлабическая метрика (во многих отношениях стоящая выше, уже потому, что допускает большее разнообразие ритмов) применима только в языках, где слоги (гласные звуки) произносятся отчетливо и где, следовательно, ухо может инстинктивно отмечать их количество в стихе. В языках, где отчетливо звучит только ударный слог в слове или даже в сочетании слов и где слоги неударные произносятся неясно, как в языках английском и русском, силлабическая метрика весьма неудобна; доказательство: неудачные

попытки всех слагателей русских «виршей» XVII и XVIII вв. вплоть до Кантемира. Такие языки, естественно, должны опираться свою метрику на счет ударений в стихе.

Известно, что основным элементом русского стиха являются стопы, то есть определенные сочетания ударных и неударных слогов; эти стопы, по аналогии со стопами античного (метрического) стихосложения, носят традиционные названия: ямба, хорей, пиррихий, спондей (двухсложные стопы), дактиль, анапест, амфибрахий, трибрахий, молосс, бакхий, амфимакр, антибакхий (трехсложные стопы), диямба, дихорей, дипиррихий, диспондей, антиспаст, хориямба, ионические стопы восходящая и нисходящая, пеоны 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, эпитриты 1-й, 2-й, 3-й, 4-й (четырёхсложные стопы),дохмий (пятисложная стопа).

Последовательное сочетание этих стоп и образует собою стих. Если стих состоит из одинаковых стоп, он называется чистым (чистый ямба, хорей и т. д.); если из различных, – сложным (например, гексаметр из дактилей и хореев). По числу стоп стихи бывают одностопные, двухстопные, трехстопные, четырехстопные (например, четырехстопный ямба, или ямбический диметр, считая два ямба за одну стопу диямба) и т. д.

Все это – еще довольно просто, хотя и самое построение стиха из стоп ставит длинный ряд вопросов, разрешить которые не так легко. Те, кто отрицает сложность «науки о стихе», действительно, и думают, что она начинается и конча-

ется учением о стопах. Но дело в том, что, если бы свойства стиха обуславливались только сочетанием стоп, наши стихи были бы до крайности, до нестерпимости однообразными. Мы только что перечислили около 30-ти разных стоп. Некоторые теоретики считают их больше, другие – меньше, считая все четырехсложные и пятисложные стопы комбинацией двухсложных. Возьмем наше среднее число – 20; будем иметь в виду, что свыше 8 стоп в стихе почти не употребляется, так как тогда стих неизбежно разлагается на два. Это дает возможность построить только 160 «чистых» метров, из которых многие возможны лишь теоретически, а на практике не употребляются и даже почти не осуществимы. Число возможных «сложных» метров также невелико, так как далеко не все стопы могут сочетаться между собой. Итак, одно «стопосложение» может дать только столько-то десятков, в лучшем случае небольшое число сотен, разных форм стиха.

Какую мучительную монотонность представляла бы поэзия, если бы в ней постоянно повторялись все одни и те же формы стиха! если бы какими-нибудь ста-двумястами или даже тремя-четырьмястами размеров исчерпывались все возможности поэта разнообразить свой напев! Кроме того, какую мучительную монотонность представляло бы каждое стихотворение, если бы в нем все стихи были одинаковы по своему напеву, в зависимости от избранного раз навсегда, то есть на всю поэму, размера! Поистине, при таких условиях предпочтительнее было бы писать прозой, и стихотворцы,

действительно, были бы, по выражению одного из героев Карамзина, «людьми, которые хотят прытко бегать в оковах»!

По счастью, дело обстоит совсем не так, но вместе с тем и наука о стихе значительно осложняется. Сочетание стоп образует основной размер, но, в сущности, этот размер почти всегда остается только условностью, той отвлеченной схемой (я намеренно не говорю: «тем идеалом»), к которой каждый отдельный стих более или менее приближается, почти никогда с ней не совпадая. Мы говорим, что такое-то стихотворение написано трехстопным хореем или четырехстопным ямбом, но в стихотворении обычно трудно бывает найти стих, который действительно состоял бы из трех хореических или четырех ямбических стоп. На деле каждый стих в стихотворении имеет свое строение, или, говоря терминами, свой ритм. Вот почему учение о стихе вообще и должно называться: метрика и ритмика.

IV

Мы назвали стопы основным элементом стиха. Рядом с ним существуют второстепенные элементы. Они-то и образуют ритм стиха, как стопы образуют его метр или размер. Эти второстепенные элементы суть **ипостаса** или **замена**, **цесура** или **пресечение**, **каталектика** или учение **об окончаниях**. Но далее существуют еще, так сказать, дополнительные элементы стиха, также придающие свой оттенок

ритму: **иперметрия и липометрия, синереса и диереса, систола и диастола, синкопа, элидия** и др.

Важнейший из второстепенных элементов есть ипостаса, или замена. Он состоит в том, что в чистом метре (мы будем говорить только о «чистых» метрах, то есть составленных из одинаковых стоп) каждая стопа может быть заменена другой, состоящей из того же количества слогов: например, ямбическая стопа – пиррихием, спондеем или хореем, амфибрахическая – любой из трехсложных стоп и т. п. Такая замена употребляется поэтами «на каждом шагу», и мало бывает стихов, где замены нет, например, в стихе:

Цыгане шумною толпой

(Пушкин),

третья стопа четырехстопного ямба заменена пиррихием; в стихе:

Смерть дочью тьмы не назову я

(Баратынский),

первая стопа заменена спондеем; в стихе:

Ты – тридцати веков кумир

(Пушкин),

первая стопа заменена хореем; в стихе:

Там ниже мох тощий, кустарник сухой

(Пушкин),

вторая стопа четырехстопного амфибрахия заменена антибакхием.

Понятно, насколько разнообразится ритм стиха от таких замен. В стихе может быть то одна, то несколько ипостас; заменяющие стопы могут быть разного характера, например, в ямбе то является пиррихий (наиболее обычно), то спондей, то хорей; заменяющих стоп может оказаться, и это случай вовсе не редкий, больше, нежели стоп основного метра, и т. д. Таким образом, благодаря только одним ипостасам, каждый размер получает множество видоизменений, или ритмов. Например, четырехстопному ямбу одни только ипостасы (без других второстепенных элементов стиха) дают около 40 ритмов.

Но и это число еще весьма невелико; учение о ритме еще гораздо сложнее. Ритм стиха зависит не только от ипостас, но и от цесур. Цесура есть разрез стиха по окончании слова или группы слов, произносимых с одним ударением. Различают цесуры большие в определенном месте размера, например, обычная цесура после 3-й стопы в шестистопном ямбе, обязательные цесуры в гексаметре и т. п., и цесуры малые, делящие каждый стих по числу находящихся в нем слов или групп слов с одним ударением. То или другое положение це-

сур значительно меняет ритм стиха. Как различны, например, по ритму стихи:

Не спи, казак! во тьме ночной

(Пушкин),

В небесах торжественно и чудно

(Лермонтов).

Мой дядя, самых честных правил

(Пушкин),

стихи, в которых ипостас нет и которые различаются именно цесурами (палыми). Легко сосчитать, что тот же четырехстопный ямб, благодаря одним малым цесурам, может иметь около 20 ритмов.

Сочетание ипостас и цесур есть могущественнейший прием ритма. В сущности, одна ипостаса еще не придает стиху определенного ритма: это происходит только через сочетание ипостас с малыми цесурами.⁷¹ Возьмем, как пример, два

⁷¹ Это чрезвычайно важное обстоятельство было упущено из виду Андреем Белым во всех его работах по ритму. Такое существенное упущение лишает, к сожалению, эти работы, во многих отношениях весьма замечательные и ценные, — решающего значения. Особенно это относится к выводам Андрея Белого, которые вес оказываются неправильными, так как неверна их исходная точка. Оценивая ритмы, Андрей Белый «подсчитывал» статистически только ипостасы, устраи-

стиха:

Щит, бурку, панцирь и шелом

(Пушкин).

Тиха украинская ночь

(Пушкин).

По ипостасам они тождественны (пиррихий в 3-й стопе), но различие малых цесур делает их совершенно различными по ритму. То же самое стихи:

Выхожу один я на дорогу

(Лермонтов).

Сестры-птицы громкими хвалами

(Мережковский).

Тем более различны по ритму стихи, где различны и ипостасы и цесуры, например:

Только ласточки поют в карнизе

няя влияние на них цесур: через это в подсчетах оказались занесенными в одну рубрику ритмы совершенно различные, и вообще все разнообразие ритмов ускользнуло таким образом от внимания наблюдателя. Подробнее об этом см. мою статью в «Аполлоне» 1910 г.

(Мережковский).

Адмиралтейская игла

(Пушкин).

Есть целый мир в душе твоей

(Тютчев).

Чтобы вычислить приблизительно число ритмов, получаемых от сочетания ипостас и цесур, должно перемножить число вариаций первого рода на число вариаций второго рода. Для четырехстопного ямба это дает около 800 теоретически возможных ритмов, если же допустить ипостасы четвертой стопе (что ранее мы не принимали в расчет), то и более 1000.

Однако вполне определяется ритм только при условии того или другого окончания (каталексия). Окончания могут быть: мужские (с ударением на последнем слоге), женские (на предпоследнем), дактилические (на третьем от конца), 4-сложные, 5-сложные и т. д. В русском языке окончания 4-сложные весьма распространены (например, выдержанность, истинами, лиственная, вкрадчивыми, радуется, выбросила), 5-сложные— не редки (радующийся, выброшенная), но встречаются и 6-и 7-сложные (свешивающиеся, отбрасываемыми, свидетельствованиями). Следовательно,

каждый ритм имеет еще до семи видоизменений, в зависимости от окончания стиха. Ямб с дактилическим окончанием звучит совершенно иначе, нежели с мужским. Таким образом для четырехстопного ямба мы получим уже несколько тысяч ритмов.

Правда, четырехстопный ямб, размер, который мы брали примером, стих исключительно гибкий. По числу возможных ритмов он превосходит все другие размеры, почему он был и остается любимейшим стихом поэтов, в частности, любимейшим стихом Пушкина. Другие размеры много беднее ритмами, хореи, например, потому, что избегают ипостасы пиррихией во 2-й стопе (кроме трехстопных метров), шестистопный ямб потому, что естественно распадается на два стиха (большею частью разделенных постоянной цесурой), трехсложные размеры потому, что неохотно допускают некоторые ипостасы (например, трибрахии и молосс). Вообще с четырехстопным ямбом, по разнообразию ритмов, может соперничать лишь хореодактилический гексаметр, измененный метр античной древности,⁷² да отчасти пятистопный ямб. Но все же большинство чистых метров имеют по несколько сот, другие по несколько тысяч ритмов. Так как самих чистых метров, как мы видели, около 160, то, хотя

⁷² Античный гексаметр был чистый дактилический метр с ипостасами дактиля равнозначущей (по числу «мор») стопой спондея. Русский гексаметр, каким его создали Гнедич, Дельвиг и др., есть сложный метр, образуемый 3-сложными стопами дактиля и 2-сложными стопами хорей. Явно, что метр изменен в самом своем существовании.

малостопные стихи имеют и мало вариаций, – общее число возможных в русском стихе ритмов должно быть исчислено десятками тысяч, может быть, и свыше 100 000 ритмов.

Но в этом беглом обзоре мы умолчали еще о том, что назвали выше «дополнительными» элементами стиха: иперметрия и липометрия, систола и диастола, синерееа и диереса, синкопа, элидия и др.⁷³ Некоторые, правда, в русском стихе встречаются крайне редко, как элидия, но другие довольно распространены, как иперметрия, то есть прибавление лишних слогов к метру, или липометрия, то есть пропуск слогов в метре, также систола и др. Возможность пользоваться этими средствами еще увеличивает число ритмов (вариаций) каждого метра.

После этого становится понятно, что содержание метрики и ритмики достаточно обширно. Чтобы хотя бегло рассмотреть эти 100 000 ритмов, указав на характерные особенности хотя бы важнейших из них, нужно положить достаточно труда и внимания, а, бесспорно, большинство этих ритмов имеет свои индивидуальные особенности. Можно целые страницы посвятить свойству пятистопного ямба с постоянной цесурой и без него, точно так же подобному же различию пятистопного хорей, своеобразным особенностям некоторых двухстопных ритмов, переходу ритмов – одного в дру-

⁷³ В русской метрике эти термины имеют иной смысл, нежели в античной, но выяснение их завело бы нас здесь слишком далеко в подробности. (Прим. Брюсова.)

гой, и т. д.

Между тем мы ничего не говорили о сложных метрах, которых по аналогии с античной метрикой можно (по крайней мере, теоретически) построить значительное число. Каждый из них тоже будет иметь свои ритмы, свои вариации. Далее, существуют еще смешанные метры, получившие за последние годы широкое распространение. Мы имеем в виду, во-первых, «свободный стих», а потом так называемые «дольники», метры, близкие по строению к немецкому народному стиху (Knittelvers). И «свободный стих», и «дольники» также – крайне разнообразны и имеют тысячи вариаций. Наконец не говорили мы о складе русских народных песен и былин, – предмет, несомненно относящийся к изучению русской метрики. Склад русских песен и русский былинный стих не менее других, тонических метров, сложны и многовидны.

Из всего сказанного видно, что поэту есть над чем поработать, чтобы усвоить себе в полном объеме те технические знания, которые вытекают из выводов «частной метрики и ритмики».

V

Если евфония не уступает метрике и ритмике по значительности материала, подлежащего ее рассмотрению, то значительно превосходит их по затруднительности ознакомиться с ней. Конечно, русская «частная метрика» еще не разра-

ботана, но она имеет много аналогий с другими частными метриками, античной, разработанной великолепно, с немецкой, с английской. Да и по самой русской метрике все же есть ряд заслуживающих внимания работ. Русская звукопись и учение о рифмах русского языка и не разработаны вовсе и почти ни в чем не могут опереться на работы иноязычные, так как произношение русского языка существенно отличается от других языков. Русского стиха в его звуках нельзя даже изобразить иностранными буквами. Попробуйте написать французской азбукой, сохраняя очарование звукописи, стихи Пушкина:

Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой!

Основу евфонии составляет собственно звукопись, или словесная инструментовка, учение об том, какими средствами достигается, чтобы звук слов соответствовал их значению и способствовал бы наибольшему впечатлению. Звукопись есть учение об том, как живописать словом. Известно, что величайшими мастерами в этом отношении были римские поэты. У Вергилия буквально каждый стих ло звукам строго соответствует тому, что в нем сказано изображает звуками слов то бурю, то скок коня, то свист змеи, то стук мечей о брони. По-русски тоже нетрудно привести примеры яркой звукописи:

На звонко скачущем коне

(Пушкин).

И скакал по камням конь Одинов

(Майков).

Знакомым шумом шорох их вершин

(Пушкин).

Где луна теплее блещет

В сладкий час вечерней мглы

(Пушкин).

Чтобы построить теорию звукописи, необходимо выяснить свойства звуков, то есть сочетаний гласных и согласных букв. Средствами звукописи служат: **аллитерация** внешняя и внутренняя, буквенная **анафора**, **антистрофа**, (**эпифора**), **параномасия**, **антитеса**, **дзевгма** и др. Каждый из этих приемов, – примеры которым нетрудно указать на каждой странице Пушкина, — заслуживает особого рода рассмотрения и изучения. Одно исследование этих средств звукописи уже составляет сложную систему знаний. Как крайний предел звукописи стоит наиболее известный прием – **звукоподражание**, как, например, в изображении мычания вола.

И мы Грешны

(Крылов).

Второй отдел евфонии составляет евритмия, или учение о музыкальности (певучести) стихотворной речи. Разумеется, абсолютных требований в этом отношении быть не может; та или иная задача; поставленная себе поэтом, может потребовать самых неожиданных сочетаний звуков. Понятия о «музыкальности» и «благозвучии» также могут быть до крайности различны. Но важно, чтобы поэт мог по своей воле давать ту или иную звучность стиху, а не зависел в этом отношении от случая, ибо случайности нет места в искусстве (что, конечно, не исключает элемента бессознательности в творчестве). Поэтому задача евритмии прежде всего предупреждать, где возможно, неблагозвучия, какофонию, то есть указывать все сочетания звуков, которые недопустимы. Далее евритмия рассматривает соединения слов между собой, то есть уясняет, какие звуки могут заканчивать одно и начинать другое слово, чтобы при сочетании их получалось «благозвучие». И, наконец, евритмия рассматривает звуковое строение самых слов и их форм по отношению к их звучности (например, особенность причастных окончаний на «вший», глагольных форм на «ал»).

Третий отдел евфонии разрастается в особую науку: учение о рифмах и ассонансах. Область эта более чем обшир-

на и в русском стихосложении почти совсем не исследована. До сих пор не определены еще все виды русской рифмы. Не имеется ни одного, сколько-нибудь сносного словаря рифм (хотя бы такого, какие имеются для языков французского, немецкого, английского). Теории рифмы нет и в зачатке. Никто не подумал уяснить, какие изменения падежей и глагольных форм ведут к тем и другим созвучиям. Еще меньше сделано для ассонанса, самое понятие которого до сих пор не определено точно. Таким образом, и области рифмы русскому поэту поневоле приходится быть самоучкой.

Правда и то, что русская рифма—одна из самых сложных, сравнительно с рифмами других языков. Разнообразие ударений в словах, доходящее до седьмого слога с конца, многообразие форм слова (в склонениях и спряжениях), наконец, часто встречающиеся группы согласных перед окончанием – придают русской рифме изумительное разнообразие, до которого далеко, например, французской. Зато и число возможных русских рифм очень велико. Если мы возьмем только рифму с ударной гласной на **а** и следующей согласной **б**, то, допуская все мыслимые окончания (и даже не принимая в расчет опорной согласной) **абб**, **абв**, **абг**, **абд** и т. д., потом **аба**, **абба**, **абваабга**, и т. д., мы найдем сотни тысяч теоретически возможных окончаний, из которых весьма многие действительно встречаются в языке, притом и из числа наименее ожидаемых, например, сабли (абл), зябнуть (абн), рабствующий (абств), канделябр (абр) и т. д. Какое же

число возможных окончаний получим мы, приняв во внимание все сочетания с **а**, то есть , **ав аг, ад** и т. д., и с другими гласными: много миллионов!

Не менее сложный результат получится, если мы подойдем к рифме иным путем, – через изменения слов. Простейшее существительное «дом» рифмуется в именительном падеже: 1) со сходными существительными, как «гром», 2) с родительным падежом множественного числа слов женского рода, например, «истом», 3) с творительным падежом единственного числа мужского рода, например, «моряком», 4) с формой прилагательного, например, «знаком», 5) с местоимениями, например, «о ком», «твоем», 6) с наречьями, например: «нипочем», «вдвоем». Существительное того же склонения с иным окончанием будет иметь иные рифмы, например: «стол» – «пришел», «меч» – «лечь», «сын» – «один», «дож» – «ложь», «уничтожь» – «кто ж», «палач» – «вскачь» и т. д. Косвенные падежи того же склонения представят ряд совершенно новых родов рифмы, например, «стола» – «мгла» – «пришла» – «колокола», или: «дома» – «истома»; далее: «столу» – «в углу», или «ужу» – «тужу», «столов» – «нов» – «обнов» —»зов», «столами» – «лабий», «даме» – «нами» и т. д. и т. д. Опять-таки мы сталкиваемся с таким многообразием даже не рифм, а типов рифмы, что становится понятным, почему до сих пор, в сущности, нет русского словаря рифм. Знакомство с рифмой русскому поэту приходится приобретать тяжелой ценой личного опыта.

Можно многое возражать против изысканности рифм. Без сомнения, истинно **хороша** вовсе не какая-нибудь непременно редкая, хитрая или новая рифма, а хороши те рифмы, которые естественно стоят на конце стиха и своим созвучием подчеркивают слова, имеющие особое значение в стихе. Это – неоспоримо. Но, с другой стороны, разве естественно и разве достойно оправдания, что у большинства наших поэтов на конце стиха попадают почему-то все одни и те же слова, непременно и «вновь» – «любовь», и «смерть» – «твердь», и «строго – много – тревога» и т. п., а другие слова почему-то упорно прячутся в середине стиха и ни за что не хотят оказаться на конце!

Евфония превращает речь в речь поэтическую. Если стих лишен евфонии, он остается прозой, хотя бы и был безукоризнен по метру. Античные поэты знали рифму лишь как случайную прикрасу; силами одной звукописи они достигали высочайшей музыкальности стихов. Это не значит, однако, что рифма – излишня. Она – новое могучее средство евфонии и, вместе с тем, лучшее средство изобразительности. Пушкин умел придавать исключительную выразительность слову только тем, что ставил его на конец стиха, как рифму. Поэт обязан внимательно изучить законы евфонии, звукопись и учение о рифмах. Только вполне владея их средствами, он становится полновластным хозяином поэтической речи.

VI

Наиболее разработана из наук о стихе – строфика, для всех языков – одна и та же, за малыми видоизменениями, обуславливаемыми той или другой метрикой. Несмотря на то, в русской поэзии строфика все еще остается в пренебрежении. Если простейшие формы, как сонет, терцины, октава, давно вошли в нашу поэзию, то давно ли стали наши поэты пользоваться секстиной, балладой, канцоной, и сколько форм еще ждут своего первого появления в русских стихах!

Строфика – необходимая часть науки о стихе. Каждое стихотворение (если оно не однострочное, примеры чего есть уже у римских поэтов) есть сочетание стихов. Как должно наилучшим образом сочетать стихи, об этом и учит строфика.

Разделяется строфика на два отдела: учение о простых строфах и учение об установленных формах стихотворений; отдельно стоит учение о темах.

Простые строфы естественно могут быть: двустишия или дистихи, трехстишия или терцины, четверостишия или кватрины, пятистишия, шестистишия и т. д. Известны строфы в 9 («Спенсера»), в 12 («Евгения Онегина»), в 15, 16 и более стихов. Одно расположение рифм и число их может придать этим строфам почти бесконечную разнообразность. Алгебраическая «теория соединений» дает огромные цифры

для всех возможных перемещений рифм в строфе из 10—12 стихов. Ограничивая это число условным числом рифм, мы все же получаем сотни возможностей расположить рифмы во многострочной строфе.

Но простые строфы могут быть двоякого рода: состоять из стихов одного размера («чистые» строфы) или из стихов разных размеров («сложные» строфы или собственно «метры»). В последнем случае количество возможных комбинаций почти неисчислимо: теоретически они достигают многих миллионов. Но не все такие комбинации уместны на практике, так как не все размеры способны сочетаться один с другим. Вот почему задача строфики – изучить те строфические построения, которые уже были испробованы выдающимися поэтами, выяснить их относительное достоинство и их характер, а также определить допустимость иных, еще не испробованных, комбинаций.

Таковы, например, строфы античной метрики, особенно принятые Горацием, которые почти все могут иметь аналогию по-русски. Таковы «чистые» и «сложные» строфы Спенсера, Пушкина, Эдгара По, Виктора Гюго, Теннисона и др. Построение их столь удачно, из бесчисленного числа возможных комбинаций избраны столь несомненно совершеннейшие, что к этим строфам поэты всегда будут обращаться вновь и вновь. Пока будет существовать поэзия, не перестанут, вероятно, пользоваться и дистихом из гексаметра и пентаметра, и терцинами Данте, и октавами Тассо, и сапфиче-

ской строфой, и Спенсеровой, и строфой «Ворона» Эдгара По. Трубадуры средневековья считали строфу собственно-стью того, кто ее изобрел, и не позволяли себе пользоваться чужими строфами. Современность снисходительнее в этом отношении: почему искать уже найденное или пользоваться худшим, когда есть лучшее?

То же самое должно сказать об установленных традицией формах целого стихотворения, каковы: сонет, триолет, секстина, баллада (французская), вириле, рондо, газелла, канцона, децима, танка (японская) и мн. др. Происхождение их различно. Одни формы пришли к нам из древности, другие из средневековья, третьи от эпохи Возрождения, четвертые – с Ближнего, пятые – с Дальнею Востока... Но все они освящены испытанием веков, признавшим их за совершеннейшие построения из определенного числа стихов и по внешней стройности, и по свойству – наиболее полно выражать известные чувства или раздумья. Как традиционные строфы, так и традиционные формы, конечно, останутся в мировой поэзии навсегда.

Ошибочно думать, что эти формы – только игрушка, головоломная забава, техническая задача для поэта. Можно доказать, что невозможно, например, более совершенным образом расположить 14 стихов, нежели то сделано в сонете; что есть цикл раздумий, который наиболее адекватным образом может быть выражен лишь секстиной, другой – лишь рондо, что маленькая японская танка есть идеальнейшее ис-

пользование 31 слога и т. д. Внимательный анализ показывает все значение этих построений не только для внешности стихотворения, но и для его содержания, но выяснение этого важного соображения завлекло бы нас здесь слишком далеко.

Поэт, желающий вполне владеть техникой своего искусства, обязан знать законы этих форм, – законы, которые, конечно, не установлены произвольно, но долгим опытом выведены из наиболее замечательных образцов. С более распространенными формами можно ознакомиться и теоретически, так как существуют, например, довольно подробно разработанные теории сонета, терцины, канцоны... Но, за пределами их, остается еще множество форм, узнать которые возможно лишь по образцам. Так, например, римские поэты III—IV в. по р. Х. сделали в этом отношении весьма много, но работа их до сих пор еще не теоретизована. То же относится к многим формам, найденным поэтами арабскими, персидскими, древнеармянскими. Область изучений и наблюдений и в этом отношении очень широка и требует от поэта опять много времени и труда.

Остается сказать о так называемых «темах» – формах, предусматривающих звуковое строение стихотворений, Темы стоят на границе между строфикой и евфонией. Таковы: акростих, месостих, телестих, метаграмма, палиндром буквенный и палиндром словесный (по латыни: *versus reccurentes*, по-русски: перевертень), ропалические стихи,

шарада и мн. др. Было бы неосторожно обращаться пренебрежительно и к этим техническим задачам. Палиндром, например, то есть стихи, которые можно читать от начала к концу и от конца к началу, безусловно, придает и особый ритм стиху. То же самое – метаграмма, то есть стихи, составленные из тех же букв; ропалические стихи, где каждое следующее слово на один слог длиннее предыдущего; «обращенные» (повторные) дистихи, где первое полустишие первого стиха повторяется как второе полустишие во втором, замечательные образцы чего нам оставил Пентадий; стихотворения, где многообразно комбинируется определенное число основных стихов, например, четырех, образец чего мы находим у Порфирия; стихи, где все слова начинаются с одной и той же буквы; акrostихи, азбучные стихи и т. д. Все это – приемы, с помощью которых поэт может достичь совершенно неожиданных, новых и глубоких эффектов.

Таким образом строфика оказывается наукой не менее сложной, нежели ее сестры, метрика с ритмикой и евфония с учением о созвучиях. Эти три области знания дают в руки поэта могущественнейшие средства изобразительности и выразительности. При знании технических законов своего ремесла поэт становится, действительно, господином своего языка. «Хочу и не могу», восклицание «мудреца в стихотворении Фета, недостойно поэта, который отвечает словами Пушкина:

О чем, прозаик, ты хлопчешь?
Давай мне мысль, какую хочешь...—

и т. д.

«О если б без слова – сказаться душой было можно!»— тосковал Фет. Разумеется, навеки останется незаполнимая пропасть между идеей (поэтической мыслью) и словом: слово навсегда останется не-адекватным переживанию, всегда будет выражать мысли и чувства лишь приблизительно. Но задача поэта – выразить себя именно в слове; поэзия есть искусство, материалом для которого служат слова. Поэтому поэт обязан владеть словом в совершенстве, иметь в своем распоряжении все средства, которые способны до известной степени заполнять эту пропасть между словом и душой.

В конце концов все средства в поэзии хороши, если служат своей цели – усилить выразительность слова, и нет средств «благородных» и «неблагородных». Поэтому неосторожно – высказываемое нередко пренебрежение к «темам». То, что сейчас нам кажется ничтожным, незначительным, под рукой гениального поэта может оказаться неожиданно одним из самых сильных средств – достичь желаемого впечатления. Чем именно воспользуется этот гениальный завершитель, теперь нельзя и предвидеть. Но, в ожидании его, поэты в дружном усилии должны разрабатывать, по возможности, все элементы стиха, все средства изобразительности, все технические приемы. Только такая совмест-

ная работа может раскрыть все тайны поэтической техники и сделать поэтов будущего истинными магами в области слова: их голосу слова будут подчиняться как властным заклинаниям, и осуществится мечта нашего поэта:

Крылатый сердца звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И темный бред души, и трав неясный запах!

(Фет)

Валерий Брюсов

От автора

Предпосылая собранию стихов, озаглавленному «Опыты», свою вступительную лекцию, прочитанную в московской «Студии стиховедения», я полагаю, что объясняю тем и назначение самой книги. В своей лекции я хотел бегло обозреть всю сложность поэтической техники и хотя бы только намекнуть на ее значение для искусства поэзии. Очень многих вопросов поэтической техники я не мог коснуться даже попутно; очень многие ее задачи, – задачи важные и трудные, – обойдены мною молчанием. Все, сказанное мною, только едва приподнимает край завесы над областью словесного мастерства. Тем не менее моя лекция, я надеюсь, показывает, как много еще предстоит сделать для русской поэзии

в области стихотворной техники.

Над разработкой этой техники трудились тысячелетия. Величайшие поэты всех веков и народов вносили свой вклад в это дело. Только на то, чтобы изучить совершенное ими, должно посвятить всю свою жизнь. Поэзия античной древности, европейского средневековья, Ближнего Востока, Дальнего Востока, новых литератур, даже народная поэзия полукультурных племен, – представляют множество образцов разного рода технических приемов, способствующих основной цели: победить слово. Иные из этих образцов широко известны; другие – забылись за далью столетий; на третьи – еще никто не обращал достаточного внимания. А сколько еще остается технических возможностей, никем не затронутых, не использованных, не испробованных! Теоретически их число, – как мы видели, – бессчетно: их столько же, сколько можно составить «сочетаний», «перемещений» и «размещений» (говоря языком алгебры) из тысяч элементов по сотням и по десяткам. И число мыслимых метров и ритмов и количество звуковых комбинаций, и ряд возможных строф и форм – несчетны.

Задача каждого поэта, – рядом со своим творческим делом, которое, конечно, остается главной задачей всей жизни, – по возможности способствовать и развитию техники своего искусства. Искать, повторять найденное другими, применяя к своему языку и своему времени, делать опыты, – вот одна из важных задач, стоящая перед поэтом, если он хо-

чет работать не только для себя, но и для других, и для будущего. Такими «опытами», вероятно, воспользуются другие, но они проложат им путь и облегчат им дело. Такие «опыты» – черновой труд, подобный труду инженера, ведущего дорогу в еще неизведанные края, куда за ним явятся пионеры культуры. Нечего добавлять, что такой труд особенно важен именно в русской поэзии, которая в разработке техники далеко отстала от своих западных сестер и для которой «неизведанными» остаются многие области, уже давно знакомые поэтам Запада и отчасти Востока.

Таково назначение и этой книги. В «примечаниях» я подробнее выясняю отдельные задачи, которые ставил себе. Там я точнее определяю, чему именно в разработке техники пытался содействовать тем или другим своим «опытом». Здесь достаточно сказать, что, сообразно с тремя отделами технических знаний, с тремя «науками» о стихе, книга разделена на три отдела: 1) опыты в области метрики и ритмики, 2) опыты в области евфонии и созвучий (рифм и ассонансов) и 3) опыты в области строфики.

Некоторое число стихотворений взято из моих предшествующих книг: я не видел надобности вторично производить опыт, если в прошлом он мне более или менее удался (все такие стихотворения отмечены в оглавлении).⁷⁴ Другие стихотворения перепечатаны из сборников, журналов и

⁷⁴ В данном издании под строкой указано, в каком томе помещены эти стихотворения.

газет. Но значительная часть (что также отмечено в оглавлении) появляется в печати впервые. Есть среди собранных здесь стихотворений – переводы, есть подражания, есть оригинальные пьесы. Но, хотя все стихи, вошедшие в эту книгу, представлены здесь, как образцы тех или иных технических приемов, хотя все они справедливо названы мною «опыты», все же здесь нет ни одного стихотворения, которое не было бы в то же время подлинным выражением моих внутренних переживаний. Если встречаются в книге стихотворения, которые, быть может, не удовлетворят взыскательную критику, то это уже – вина моего дарования или моей оценки, но отнюдь не сознательное с моей стороны допущение. В идеале я стремился к тому, чтобы включить в эту книгу лишь те стихи, которые являются подлинной поэзией. Я мог ошибиться в своем выборе, мог слишком снисходительно отнестись к своему произведению, но ни в коем случае не считал, что одно техническое исхищрение превращает стихи в создание искусства. Знаю, что среди помещенных далее стихотворений есть более слабые и менее удачные, но в каждом из них непременно есть «частица моей души», и мне самому каждое из них, помимо особенностей их техники, напоминает те или другие чувства, глубоко пережитые мною, то или другое раздумье, живо и остро волновавшее меня когда-то.

В заключение я должен оговорить, что в «опытах» отнюдь не предполагал – собрать образцы или примеры **всех**, или хотя бы всех важнейших, технических приемов поэзии. Во-

первых, для этого потребовалась бы не книга, а целый ряд томов, во-вторых, я не имею притязания соперничать с теми классическими образцами различных стихотворных размеров и форм, какие даны нашими поэтами за два века русской литературы. «Опыты» – не систематический учебник, в них собраны стихотворения, написанные мною в разные годы, под разными побуждениями, и лишь теперь объединенные с одной, определенной точки зрения. В этой книге – не те примеры, которые должно было бы дать в наше время для читателя, интересующегося стихотворной техникой, а те, которые я мог выбрать среди своих стихотворений последних лет. Это, может быть, придает книге несколько случайный характер, но зато избавляет ее от преднамеренности, для творчества губительной.

Апрель 1918

Валерий Брюсов

Опыты по метрике и ритмике (размеры и напевы)

Пляска дум

(Одностопные хорей)

Моря вязкий шум,
Вторая пляске дум,
Злится, – где-то там...
Мнится это – к нам
Давний, дальний год
В ставни спальни бьет.
Было то же: мы,
В милой дрожи тьмы,
Ждали страстных мук;
Далей властных звук
К счастью ближе звал,
Страстью движа вал!
В небе рдяный пыл —
Жребий данный был.
Ныне, бездны бед —
Синий звездный свет!

«Поздно!» – учит час...

Грозно мучит нас
Моря в пене шум,
Вторая смене дум.

1918

Вечная весна

(Одноstopные ямбы)

И ночи – короче, и тени – светлей,
Щебечет, лепечет весенний ручей,

Истомой знакомой пленяет апрель:
Он сладко, украдкой, вливает свой хмель,

И снова иного не надо! Мечта
С лучами, с ручьями усладой слита,

Нет горя! Не споря с порывом, душа
Вся – пенье! в волненьи счастливом спеша —

На воле, там, в поле, росточком восстать,
На склонах зеленых листочком дрожать!

9 января 1918

Веретена

(Пеон третий)

Застонали, зазвенели золотые веретена,
В опьяняющем сплетении упоительного звона.
Расстиляется свободно вырастающая ткань...
Успокоенное сердце! волноваться перестань!

Это – парки. Неуклонно неустанными руками
Довершают начатое бесконечными веками:
Что назначено, то будет! исполняется закон
Под звенящее жужжанье вдохновенных веретен!

1918

Буря с берега

(Пеон третий)

Перекидываемые, опрокидываемые,

Разозлились, разбесились белоусые угри.
Вниз отбрасываемые, кверху вскидываемые,
Расплетались и сплетались, от зари и до зари.

Змеи вздрагивающие, змеи взвизгивающие,
Что за пляску, что за сказку вы затеяли во мгле?
Мглами взвихриваемыми путь забрызгивающие,
Вы закрыли, заслонили все фарватеры к земле.

Тьмами всасывающими опоясываемые,
Заметались, затерялись в океане корабли,
С неударживаемостью перебрасываемые,
Водозмеи, огнезмеи их в пучину завлекли.

Чем обманываете вы? не стремительностями ли
Изгибаний, извинений длинно-вытянутых тел?
И заласкиваете вы не медлительностями ли
Ласк пьянящих, уводящих в неизведанный предел?

24 декабря 1914

На причале

(Ритмы 4-стопного ямба)

Удерживаемый причалом,

Не примиряется челнок
Ни с буреломом одичалым,
Ни с вытянутостью осок.

Челн рвет узлы: вдруг режет, взброшен,
Сеть лилий, никнет, полн воды,
Гнет тростники; вдруг прочь, непрошен,
Летит, – стал, словно вкован в льды...

И прыгнул вновь; вновь, дик, безумен,
Канат натягивает... Но
Ветер свирепствует, безумен...
Что суждено, то суждено!

Веревки перервались с треском.
Миг, – челн в просторе водяном!
Вот он, под беспощадным блеском
Небес, уже плывет вверх дном.

1918

Уединенный остров

(Женская цесура в 6-стопном ямбе)

Уединенный остров, чуть заметный в море,

Я неуклонно выбрал, – золотой приют,
Чтоб утаить в пустыне и мечты и горе
И совершить свободно над собой свой суд.

Немного пальм качалось над песком побережий:
Кустарник рос по склонам, искривлен и сер;
Но веял ветер с юга, просоленный, свежий,
Вдали, в горах, прельщала тишина пещер.

Я с корабля на берег был доставлен в лодке;
Как с мертвецом, прощались моряки со мной,
Казались в миг разлуки голоса их кротки,
И каждый стал как будто для меня – иной.

Над палубой взметнулось колыханье дыма,
Над голубым простором прозвучал свисток...
И вот судно помчалось вдаль невозвратно,
И на косе песчаной был я одинок!

О, как я страстно жаждал рокового мига,
Мечтал все пути жизни навсегда порвать...
Теперь природа вскрыта, как большая книга:
Леса на скалах, небо и морская гладь...

Но почему так страшен этот миг разлуки?
Иль я глубоко знаю, что напрасно жду?
Изменяются лишь краски, ароматы, звуки,
Но и в пустыне буду, как в толпе, – в аду!

16 марта 1918

Восход луны⁷⁵

(Ритмы 4-стопного хоря)

Алтарь страсти

(7-стопные хорей и др. ритмы)

1

Любовь и страсть – несовместимы.
Кто любит, тот любовью пьян.
Он не действительность, а мнимый
Мир видит сквозь цветной туман.
Он близости, а не сближений
С любимой ищет; в жданный миг
Не размеряет он движений
По указанию мудрых книг;
И все равно ему, чем страсти

⁷⁵ См. сб. «Девятая Камена»

Последний трепет побежден:
У темных чувств он сам во власти,
Но ими не владеет он.
То нежность, то восторг, то ревность
Его смущают и томят,
И сладострастья, во вседневность
Превращены, теряют яд.

2

Истинное сладострастие – самодержавно,
Как искусство, как религия, как тайный смысл
Вечного стремленья к истине, единой, главной,
Опирающейся в глубине на правду числ.

Сладострастие не признает ни в чем раздела.
Ни любовь, ни сострадание, ни красота,
Не должно ничто соперничать с порывом тела:
В нем одном на миг – вся глубина, вся высота!

Дивное многообразие жрецу открыто,
Если чувства все сумеет он перебороть;
Свят от вечности алтарь страстей, и Афродита
Божеским названием святит поныне плоть.

Но святыню сладострастия ищи не только
В наслаждении сплетенных рук и сжатых губ;

Пусть объятий триста тридцать три и дважды столько—
Их восторг – мгновенен, призрачен и слишком груб!

Истинное сладострастие – за гранью чувства,
В мигах ласк изменчивых всегда искажено,
Как религия, как смысл наук и как искусство,
В сфере вечных мировых идей царит оно!

3

Как музыка – не эти звуки,
Не этот или тот напев,
Мотив тоски, мотив разлуки,
Хор юношей, детей и дев;
И не – симфония, соната,
Романс иль опера, – не то,
Что композитором когда-то
В гармонию из нот влито!
Как, в музыке, – все исполненья,
Рояль, песнь, скрипка и орган,
Лишь – отраженья, приближенья,
Лишь – созерцанья сквозь туман —
Неведомых, непостижимых
Напевов, слышанных в тиши,
В минуты грез неповторимых
Не слухом тела, но души;
Так, в сладострастьи, все земное —

Лишь отблеск страсти неземной,
И все дневное, все ночное,
Лобзанья, нега, томный зной,
Сближенья, ласки, быстрый трепет
Объятий гибких формы все, —
Все это – только слабый лепет,
Хотящий подражать грозе!
Искусство гейш и одалисок,
И баядерок и гетер,
Все это – только бледный список,
Как звук пред музыкою сфер!

4

Страсть, святыня вечная,
Страсть, священный зов,
Ты – связь бесконечная
Зиждемых миров!

Страсть животворящая,
Древний жезл чудес,
Нас во мгле роднящая
С глубями небес,
Ты – всегда божественна,
Дивна – каждый час,
Ты – во всех тождественна,
В ангелах и в пас!

Сила неизменная
В сменах мировых, —
Держится вселенная
Властью уз твоих!

Страсть, мечту очисти нам!
На своем пути
Нас вселенским истинам
Тайно причасти!

8 апреля 1918

Из мениппей Варрона (*Ямбический триметр*)

Внезапно ночью, близко от полуночи,
Когда прозрачный воздух теплый пламенно
Далеко в небе хоры звезд показывал, —
Равно холодным кровом тучи зыбкие
Златую бездну в небесах задернули,
Струя на смертных воду подземельную
И с хладной оси ветры вдруг низринулись,
Неистовые порожденья Севера,
Неся с собою ветки, крыши, остовы...
И мы, бедняги слабые, как аисты,
Чьи крылья пламень молниями зубчатыми

Спалил, упали на землю в унынии.

<1917?>

В условный час

(Ионический диметр)

«Приходи!» – страстно мечта стонет,
Но его ль тайный призыв - тронет!
Как ответ, ива чело клонит.

Тишина; речка внизу плачет;
Миновал избранный час... Значит, —
Для тебя горестный круг начат!

Суждено всем испытать то же:
Пережить сладкие дни дрожи,
Исчерпать страсть на ночном ложе,

А потом – горечь разлук, вскоре
Наблюдать скорбь в дорогом взоре
И испить, все до конца, горе!

Пред тобой черная здесь вежа,
Ты зовешь, плачешь... на плач эхо

Прозвенит легкой волной смеха,

Лишь с тобой речка внизу плачет.

Роковой час миновал, значит, —

Для тебя горестный круг начат.

1918

Из песен Сапфо⁷⁶

(Античные ритмы)

Из Венка⁷⁷

(Дактиле-хореические дистиха)

⁷⁶ См. сб. «Сны человечества».

⁷⁷ См. сб. «Сны человечества» под заглавием «Из Александрийской антологии»

В духе латинской антологии⁷⁸

(Гендикасиллабы)

Памятник

(1-й асклепиадов стих Горация)

Вековечной воздвиг меди я памятник,
Выше он пирамид царских строения,
Ни снедающий дождь, как и бессильный ветр,
Не разрушат его век, ни бесчисленных
Ряд идущих годов или бег времени.
Нет, не весь я умру, большая часть меня
Либитины уйдет; славой посмертною
Возрастать мне, пока по Капитолию
Жрец верховный ведет деву безмолвную.
Буду назван, где мчит Авфид неистовый
И где бедный водой Давн был над сельскими
Племенами царем, из ничего могущ.
Первым я перевел песни Эолии

⁷⁸ См. сб. «Сны человечества», под заглавием «В духе Катулла».

На Итальянский лад. Гордость заслуженно
Утверди и мою голову Дельфийским
Благосклонно венчай лавром, Мельпомена.

<1912—1918>

Рок

(Гексаметры Авсония)

Все непрочное в мире родит, и ведет, и крушит Рок,
Рок, неверный и зыбкий, но манит нас лъстивых
надежд рой,
Рой, что с нами всю жизнь, и с кем разлучит
нас одна смерть,
Смерть ненасытная, кою адская кроет в свой мрак ночь.
Ночь в свой черед умирает, едва воссияет златой свет,
Свет, этот дар богов, пред кем впереди предлетит Феб,
Феб, от кого не укрылся с Кипридой одетый в доспех
Марс,
Марс, что рожден без отца; его чтит фракийцев слепой
род,
Род проклятый мужей, что свой в преступлениях зрит
долг,
Долг убивать, как жертву, людей; таков той страны нрав,

Нрав свирепых племен, что законов признать не хотят
власть.

Власть, что в мире возникла из вечных природы людской
прав,

Прав благочестия дочерей, прав, где сказался богов ум,
Ум этот чувством небесным кропит достойный того дух,
Дух подобие мира, всей жизни начало, упор, мощь,
Мощь, бессильная, впрочем: затем, что все – шутка,
ничто все!

1911

Пророчество мечты

(Ропалические стихи)

Пусть мечта рыдает горестными восклицаньями.
Даль горит, сверкает радостными ожиданиями!
Ты, опять доверясь обольщенью вековечному,
Жизнь предать согласен сновиденью бесконечному,
Вновь сожмешь объятия, трепетные, обольщенные!
Ах, тая проклятья, истинные, освященные!
Миг страстей настанет, совершится невозможное,
И любовь обманет, – повторится непреложное!
Мгла тебя отметит трепетами сладострастными,
И, губя, приветит лепетами полуясными...

Даль – свята, пылает радостными обещаньями,
Лишь мечта рыдает горестными восклицаньями.

1914

ГНОМ О ЖИЗНИ

(Ропалические стихи XIV в.)

Жизнь – игра желаний мимолетных,
Есть – пора мечтаний безотчетных,
Есть, потом, – свершений горделивых,
Скук, истом, томлений прозорливых;
Есть года жестоких испытаний,
Дни суда, глубоких ожиданий;
Страсть везде незримо торжествует,
Льстит в нужде; гонима, знаменует
Дни побед холодным беспристрастьем...
Мир согрет бесплодным сладострастьем!

1918

После скитаний⁷⁹

(Разложение дактилического гексаметра)

Весной⁸⁰

(Двух-трехдольники)

Клинопись⁸¹

(Параллелизм)

⁷⁹ См. сб. «Семь цветов радуги».

⁸⁰ См. сб. «Семь цветов радуги».

⁸¹ См. сб. «Сны человечества».

Из китайской поэзии⁸²

(Параллелизм)

Вечер после свиданья

(Силлабические стихи.)

Вода едва качает
Абрисы темных ив;
День, убывая, тает;
Свет вечерний пуглив.
Словно лестницей длинной,
За ступенью ступень,
Лишь дрожа беспричинно,
Идет ночная тень.
Вот воцарились всюду
Тишина, темнота;
Верит невольно чуду,
Опьянена, мечта.
Кажется, все вернется,

⁸² См. сб. «Сны человечества».

Что было час назад;
Склонится, улыбнется
Близко – желанный взгляд!
И будет миг свиданья
Дивен, сладок вдвойне,
В святом кругу молчанья,
При встающей луне.
Сознавая невольно
Власть ее волшебства,
Качнулась богомольно
Под ветерком трава.
И не жаль, что утрачен
Миром – колдуний дар,
Когда встает, прозрачен,
За лесом лунный шар!

1918

Ночная песнь странника

(Свободный стих Гете)

На всех вершинах —
Покой.
В листве, в долинах,
Ни одной

Не вздрогнет черты...
Птицы дремлют в молчании бора.
Погоди только: скоро
Уснешь и ты!

<1915>

Друзья⁸³

(Ритм)

Дождь

(Свободный стих Верхарма)

Как длинные нити, нетихнувший дождь
Сквозь серое небо, и полон и тощ,
Над квадратами луга, над кубами роц
Струится нетихнувший дождь,
Томительный дождь,
Дождь...

⁸³ См. сб. «Сны человечества».

Так он льет со вчера,
Так он мокрые тянет лоскутья
С тверди серой и черной;
Терпеливый, упорный,
Так он льет со вчера
На перепутья,
Необорный.

По путям,
Что ведут от полей к городам,
По дорогам, безмерно скривленным,
Шагом сонным,
Монотонным,
Утомленным,
Словно дроги путем похоронным,

Проезжают возы, в колеях,
Для того без конца параллельных,
Что они исчезают в ночных небесах,
И сливаются в далях предельных...
А вода,
Час за часом, струится всегда;
Плачут травы, деревья и дома
В бесконечности краткой истомы...
Перейдя за гнилые плотины,
Разливаются реки в долины
Серой пеной,
И плывет унесенное сено;

Ветер хлещет орешник и ивы;
И, хвостами в воде шевеля,
Стадо черных быков наполняет мычаньем поля;
Вечер близится; тени – пугливы,
И неслышно ложатся вдоль сумрачных роц;
Твердь – все та же;
Так же льется нетихнувший дождь,
Долгий дождь,
Дождь густой и прозрачный, как сажа.
Долгий дождь
Нити вытянул ровно и прямо;
Ткет ногтями своими упрямо, —

Петля за петлей, стежок за стежком
Одеянье,
Закрывая в свой плащ каждый дом,
Каждое зданье,
В плащ изодранный, жалкий,
Что виснет тряпьем,
Как на палке...
Голубятня под крышей зубчатой;
Слуховое оконце, бумагой заткнутое грубо;
Водосточные трубы,
Что крестом стоят над коньком;

На мельницах крылья с заплатой;
Крест над родной колокольной, —
Под долгим дождем,
Непрерывным дождем

Умирают зимой в агонии безбольной...
О, нетихнувший дождь,
В серых нитях, в морщинах, с большой
бородой

Водяной!
О, нетихнувший дождь
Старых стран,
Многодневный, седой, облеченный в туман!

<1915>

Присловья

(Склад народных песен)

1

Да притихнут щекоты славие,
Да примолкнут говоры галичьи,
Да не грают вороны черные,
Да сороки не стрекочут, пестрые!
Сокол правит путь в поднебесье,
По чистым полям громок конский скок,
На червленый щит взвыл голодный волк,

Далеко по земле слышен орлий клект.

2

Высоко, высоко до поднебесья,
Глубоко, глубоко до морского дна,
Кто, богатырь, сошел во глубь земли,
Кто, ведун, возлетел под облаки?
Чудеса вместил в себя божий мир,
Ни сказать, ни спеть, что на свете есть.

3

Как по морю, морю синему,
Мимо ль острова неведомого,
Выплывали, выгребали в ширь
Ровно тридцать три кораблика,
А на первом па кораблике
На корме беседа – рыбий зуб...

4. Колыбельная

Кто пришел, кто стоит

Там у притолки?
Кто кивнул головой
Нам из сумрака?
Это – сон, он пришел
Да за дитяткой,
Спи, мой милый, усни,
Я баюкаю...

<1918>

Частушки

(Склад новонародных песен)

1

Я присела на крылечко,
Вася подарил колечко.
Я прошлася на лужочек,
Федя мне принес платочек.
Я вечер гоняла кошку,
Митрий преподнес мне брошку,
А когда я вышла в сени,
Подзатыльник дал мне Сеня.
Как подарки позабыть?

Буду каждого любить.

2

Мою милку не забуду,
Потому что хороша.
Разопью я с ней посуду,
Гуляй, вольная душа!
Буду верен две недели,
Приходи на сеновал!
Засмеют меня соседи,
Дескать, паренек пропал,
Не хочу только жениться,
Душе воля дорога.
Будешь в омуте топиться,
Туда и дорога!

3

Ворожила мне маменька:
Не быть тебе старенькой,
Слишком милого любишь,
Свою душу загубить.
Я же маменьке ответила:
Проживу жизнь весело,

Ежели подчас тоскую,
Зато милого целую.
Говорила я маменьке,
Сидя на заваленке,
А сама была не своя:
Бросил милый мой меня.

18 декабря 1914

Опыты по евфонии (звукопись и созвучия)

Закатный театр

(Укороченные рифмы)

В небе – яркость повечерия:
Реют птиц волшебных перья,
Гривы странного зверья...

Словно вырос там, над городом,
Пред владыкой грозно-гордом
Некий дивный ипподром.

Как в торжественной базилике,
Всюду – облики и лики,
Толпы дивно велики;

Все скамьи людьми унизаны;
По одеждам жемчуг ризный
Блещет с темной крутизны.

Ждут ли толпы гладиатора
В рдяной алости театра,
В круге синего шатра?

Вот и он, боец невиданный!
Меч возносит серповидный,
В тучах руки чуть видны...

Решена борьба заранее:
Полетит на стон страданья
Черный облак воронья.

Крыльев, кровью отороченных,
Ляжет взмах, в углах урочных,
Точно сотня створ ночных.

И лишь звезды сквозь расщелины,
Озирая мрак земельный,
Будут искриться, хмельны.

Да вверху над стихшим городом
Будет спать в молчаньи гордом
Нам незримый ипподром.

1918

На пруду

(Омонимические рифмы)

Ты белых лебедей кормила,
Откинув тяжесть черных кос...
Я рядом плыл; сошлись кормила;
Закатный луч был странно-кос.

По небу полосы синели,
Вечеровой багрец края;
В цветах черемух и синели
Скрывались водные края.

Все формы были строго-четки,
Миг ранил сердце сотней жал...
Я, как аскет сжимает четки,
В руке весло невольно жал.

Вдруг лебедей метнулась пара...
Не знаю, чья была вина...
Закат замлел за дымкой пара,
Алея, как поток вина.

Была то правда ли, мечта ли, —

Уста двоих слились в одно.
Две лодки, как и мы, мечтали,
Как будто вонзены во дно.

Я свято помню эту встречу:
Пруд, берег, неба яркий плат...
Миг тот же если вновь я встречу, —
И жизнь ничтожная из плат!

12 декабря 1914

На берегу⁸⁴

(Омонимические рифмы)

Восторг женщины

(Разноударные омонимические рифмы)

Я – под синим пологом
На холме пологом.

⁸⁴ См. сб. «Зеркало теней».

Все вокруг так зелено;
Шум – в траве зеленой.

Вот – ромашка белая;
Как она, бела я.

Сосенки! вы в горе ли?
Мы, как вы, горели.

Но изжита, минута
Страшная минута!

В сердце – радость виденья:
Сгнули виденья.

Счастья нужно ль большего?
Будет и большого.

1914, 1918

Пожар

(Глубокие рифмы)

Рвется ветер одичалый,
Буря знак дала погонь...

С бурен споря, родич алый,
Машет сотней лап огонь.

Рамы трески, двери скрежет,
Балок грохот, гуд и рев...
Буря с боя вереск режет,
Гнет стволы в дуги дерев!

Страшен ты, Кашей летучий!
Но, как светлый сердолик,
Месяц вниз, сквозь щели тучи,
Клонит милосердо лик.

1918

Она – прелестна...

(Глубокие рифмы)

Она прелестна, как весной лился,
Как ель стройна, как серна сложена;
А дряхлый муж, ее плечо лелея,
Лукаво говорит: «Моя жена!»

Давно ль она, в мечты погружена,
С других кудрей вдыхая хмель еля,

Дрожа, шептала клятву Галилея:
«Я все ж люблю! я счастьем сожжена!»

Тому не быть! что было – миновало,
И больше ей не целовать овала
Того лица, твердя: «О милый мой!»

Здесь на груди, сокрытое глубоко,
Чтоб на него не посягнуло б око,
Лежит посланье с траурной каймой.

<1918>

На льдинах

(Богатые рифмы)

Задумчиво я слушаю
Хруст снега под ногой.
Над морем и над сушею
Мучительный покой.

Иду один вдоль берега,
Везде лишь снег да лед,
И профилем Тиберика
Далекий холм встает.

Мне кажется, смеется он,
Качая головой.
Кончая свой симпозион
Насмешкой роковой.

«Как жаль, что не единая
У мира голова!»
Один иду на льдины я.
Пустынна синева.

Все тихо. Тщетно слушаю:
Лед хрустнет под ногой, —
И над водой и сушею
Опять глухой покой.

19 ноября 1914

Ты – что загадка...

(Семисложные рифмы)

Ты – что загадка, вовек не разгадывающаяся!
Ты – что строфа, непокорно не складывающаяся!
Мучат глаза твои душу выведывательностями,
Манят слова твои мысль непоследовательностями.

Ты – словно нить, до сверканья раскаливающаяся,
Ты – как царица, над нищими сжаливающаяся.
Небо полно золотыми свидетельствованиями
Всех, кто твоими был жив благодетельствованиями!

Ноябрь 1914

Ночь⁸⁵

(Уменьшающиеся рифмы, от 7 слогов до 1)

Холод⁸⁶

(5-сложные рифмы)

⁸⁵ См. сб. «Семь цветов радуги»

⁸⁶ См. сб. «Все напевы».

С губами, сладко улыбающимися

(Рифмы 5 и 4-сложные)

С губами, сладко улыбающимися,
Она глядит глазами суженными,
И черны пряди вокруг чела;
Нить розоватыми жемчужинами
С кораллами перемежающимися
Ей шею нежно облегла.

Она как будто не догадывается,
Движеньем легким грудь показывая,
Как странно-мутны взоры всех.
И лишь ее накидка газовая
В причудливые складки складывается,
Дрожа под затаенный смех.

Она встает, и зыбко свешиваются
Алмазы, искрами утроенные,
Горящих в локонах серег;
Порывы, у тигриц усвоенные,
С газельей медленностью смешиваются
При каждом шаге легких ног.

И меж изгибов, жадно впитываемых
Глазами, жалко не ответственными,
Безумцев, ведающих страсть,
Нет, что не дышат снами девственными!
То над толпой рабов испытываемых
Владычица являет власть!

3 января 1916

Длитесь, мгновенья!

(4-сложные рифмы)

Реет река, лиловеющая
В свете зари предвечерней,
Даль, неоглядно темнеющая,
Тянется дивно безмерней.

Радости вечера длительного,
Вас всей душой я впиваю!
Яркость заката слепительного —
Двери к последнему раю!

Нет, не чета новоявленная
Встала здесь, – Ева с Адамом:
Сзади – дорога оставленная,

Ночь – за торжественным храмом.

Путь с его рвами и рытвинами
Пройден: не будет возврата!
Жажду с мечтами молитвенными
Медлить во храме заката!

Длитесь, мгновенья темнеющие!
Даль, разрастайся безмерней!
Струи скользят лиловеющие
В свете зари предвечерней.

1913. 4 января 1915

Как дельфин (Начальные рифмы)

*Как дельфин тропических морей...
Вордсворд*

Как дельфин тропических морей,
Тишь глубин я знаю, но люблю
Выплывать под знойный меч луча,
Режа гладь морскую на бегу.

Хороши сквозь воду светы дня!
Там, в тиши, все – чудо; груды, стаи рыб
Там плывут, как призрачная рать;
Страшный спрут, как царь, таится там;

Бел и ал, со дна растет скалой
Там коралл, и тысячью цветов
Анемон гнездится меж камней,
Окружен живым кольцом медуз.

Но свой взор насытив странным сном,
На простор спешу я снова всплыть,
От чудес безмерных глубей я
В глубь небес опять хочу смотреть.

Мир объят пожаром заревым,
И закат кровавит сини вод:
Я, волну чуть зыбля на лету,
Тишину дневную жадно пью.

16 марта 1918

Реет тень

(Начальные рифмы)

Реет тень голубая, объята
Ароматом нескошенных трав;
Но, упав на зеленую землю,
Я объемлю глазами простор.

Звездный хор мне поет: аллилуя!
Но, целуя земную росу,
Я несу мой тропарь умиленный
До бездонной кошницы небес.
Не исчез дольний мир. Сердцем чую
Голубую, как сон, тишину
И весну, воплощенную в мае
Легкой стаей ночных облаков.
Но готов все забыть, всем забыться,
Я упиться хочу тихим сном;
Здесь, в ночном упоеньи над бездной, —
К тайне звездной земная ступень...
Реет тень...

29 апреля 1914

Меж развалин

(Серпантин)

Я, печален, блуждаю меж знакомых развалин,
Где, давно ли, рыдал я от ласкательной боли!
Камни те же, и тот же ветер, медленный, свежий,
Мглу колышет, и берег маргаритками вышит...
Но иное томленье душу режет в покое:
Вместо жгучей печали – сон, как осень, тягучий!

Эти камни так тверды! и уныло близка мне
Эта башня под мхами, с ее думой всегдашней
О далеком, отшедшем, дорогом, хоть жестоком!

1918

Усни, белоснежное поле!⁸⁷

(Рифма предпоследнего слова)

Монопланы

(Рифмы дактиле-хореические)

Высоко над городом,
В перелете гордом,
Словно птицы странные,
Реют монопланы.

А под ними, парами,
Грязным тротуаром,
Словно тени жуткие,

⁸⁷ См. сб. «Семь цветов радуги».

Бродят проститутки.

Может быть, воочию,
Этой самой ночью,
Тем же девам – летчики
Поднесут цветочки;

И в позорных комнатах
Волю неба вспомнят,
Ах! склоняясь ласково
Над застывшей маской!

Первый, в лете сниженном,
Кажется недвижимым...
Не к земной улике ли
Монопланы сникли?

1918

Вечером в дороге⁸⁸

(Рифмы дактиле-хореические)

⁸⁸ См. сб. «Семь цветов радуги».

Две головки⁸⁹

(Рифмы дактиле-хореические)

На лыжах⁹⁰

(Сплошные рифмы)

Мгновенья мгновеннее⁹¹

(Сплошные рифмы)

⁸⁹ См. сб. «Семь цветов радуги».

⁹⁰ См. сб. «Семь цветов радуги».

⁹¹ См. сб. «Семь цветов радуги»

Как неяркие бутоны⁹²

(Внутренние постоянные рифмы)

Лесные тропинки⁹³

(Внутренние постоянные рифмы)

Две малайских песни⁹⁴

(Ассонансы)

⁹² См. сб. «Семь цветов радуги»

⁹³ См. сб. «Девятая Камена».

⁹⁴ См. сб. «Сны человечества»

Две испанских песенки⁹⁵

(Романские ассонансы)

Вербная суббота⁹⁶

(Ассонансы)

Сухие листья⁹⁷

(Звукопись)

⁹⁵ См. сб. «Сны человечества» под заглавием «Испанские народные песни».

⁹⁶ См. сб. «Семь цветов радуги».

⁹⁷ См. сб. «Семь цветов радуги».

Лишь безмятежного мира...⁹⁸

(Перезвучия)

Это – надгробные нении...⁹⁹

(Перезвучия)

Утренняя тишь¹⁰⁰.

(Однозвучия)

⁹⁸ См. сб. «Девятая Камена»

⁹⁹ См. сб. «Девятая Камена»

¹⁰⁰ См. сб. «Девятая Камена»

Последний спор¹⁰¹

(Однозвучия)

Мой маяк¹⁰²

(Триолет-анафора)

Слово

(Стихи с созвучиями)

Слово – событий скрижаль, скиптр серебряный
созданной славы,

Случая спутник слепой, строгий свидетель сует,

Светлого солнца союзник, святая свирель серафимов,

Сфер созерцающий сфинкс, —стены судьбы стережет!

¹⁰¹ См. сб. «Девятая Камена»

¹⁰² См. сб. «Семь цветов радуги»

Слезы связуя со страстью, счастье сплетая со скорбью,
Сладостью свадебных снов, сказкой сверкая сердцам, —
Слово—суровая сила, старое семя сомнений!
Слыша со стонами смех, сверстник седой Сатаны,
Смуты строитель, снабдивший сражения скрежетом,
Слово
Стали, секиры, стрелы, сумрачной смерти страшней!

1918

В дорожном полусне

(Палиндром буквенный)

Я – идиллия?.. Я – иль Лидия?..

.....

Топот тише... тешит топот...

Хорош шорох... хорош шорох...

Хаос елок... (колесо, ах!)

Озер греза... озер греза...

Тина манит... ,

Туча... чуть...

А луна тонула...

И нет тени!

.....

Еду... сани... на суде...

.....

Топот тише; тешит топот;
Хорош шорох; хорош шорох...
Темь опять; я – память!
Ель опять; я – поле!
О, мимо! мимо!
А город? а город? о, дорога! дорога!

<1918>

Голос луны

(Палиндром буквенный)

Я – око покоя,
Я – дали ладья,
И чуть узору розу тучи,
Я, радугу лугу даря!
Я – алая,
Я – и лилия,
Веду, Сильвана, в лесу дев,
Я, еле лелея
Небес эбен.

1915

Шутки

(Палиндромы)

Я – арка края.

—

Атака заката.

—

О, лета тело!

—

Ала зола.

<1918>

Виденья былого

(Словесный палиндром)

Жестоко – раздумье. Ночное молчанье
Качает виденья былого;
Мерцанье встречает улыбки сурово;

Страданье —
Глубоко-глубоко!
Страданье сурово улыбки встречает...
Мерцанье былого – виденья качает...
Молчанье, ночное раздумье, – жестоко!

1918

Из латинской антологии

(Словесный палиндром)

Волн колыхание так наяд побеждает стремленье,
Моря Икарова вал, как пламенеющий Нот.
Нот пламенеющий, как вал Икарова моря, – стремленье
Побеждает наяд так колыхание волн.

<1918>

Из латинской антологии

(Стихи обращенные)

Нежный стихов аромат услаждает безделие девы:
Кроет проделки богов нежный стихов аромат.

<1913?>

(Античные ассонансы)

Грушу с яблоней в саду я деревцами посадил,
На коре пометил имя той, которую любил.
Ни конца пет, ни покою с той поры для страстных мук:
Сад все гуще, страсть все жгучей, ветви тянутся из букв.

1911

Характеристика Вергилия

(Топология Пентадия)

Пастырь, оратай, воин, пас, возделывал, низил,
Коз, огород, врагов – веткой, лопатой, мечом.

1907

Восточное изречение

(Метаграмма)

Что нам весной или за ней дано?
Одна мечта: знай сон и лей вино!

1918

Опыты по строфике (строфы и формы)

Рим

(Моностих Авсония)

Рим золотой, обитель богов, меж градами первый,

1911

О императорах

(Моностихи его же)

Первый Юлий раскрыл чертоги царские Цезарь;
Августу он передал и власть над градом, и имя;
Правил потом Тиберий, сын его сводный; за этим
Кай, получивший прозвание Калигулы в лагере ратном;
Клавдий воспринял потом правленье; а после жестокий

В роде Энея последний Нерон; за ним, не в три года,
Трое: Гальба, старик, напрасно веривший в друга,
Слабый Отон, по разврату позорный выродок жизни,
И недостойный ни власти, ни смерти мужа Вителий;
Веспасиан, за ними десятый, судьбой был поставлен;
Далее Тит, счастливый краткостью власти; последним
Брат его, тот, кого звали римляне Лысым Нероном.

О приближении весны

(Повторные дистихи Пентадия)

Да, убегает зима! оживляют землю зефиры.
Эвр согревает дожди. Да, убегает зима!
Всюду чреваты поля; жары предчувствует почва.
Всходами новых семян всюду чреваты поля.
Весело пухнут луга, листвой оделись деревья.
По обнаженным долам весело пухнут луга.
Плач Филомелы звучит – преступной матери пени,
Сына отдавшей во снедь, плач Филомелы звучит.
Буйство потока в горах стремится по вымытым камням.
И на далеко гудит буйство потока в горах.
Тысяча тысяч цветов творит дыханье Авроры.
Дышит во глуби долин тысяча тысяч цветов.
Стонет в ущельях пустых овечьим бляньем Эхо.

Звук, отраженный скалой, стонет в ущельях пустых.
Вьется молодой виноград, меж двух посаженный вязов.
Вверх по тростинкам лозой вьется молодой виноград.
Клеит под крышей опять говорливая ласточка утром,
Строя на лето гнездо, клеит под крышей опять.
Где зеленеет платан, в тени, услаждает дремота;
Там надевают венки, где зеленеет платан.
Сладко теперь умереть! нити жизни, сорвитесь с прялки!
В милых объятьях любви сладко теперь умереть!

1 мая 1907

Подражание Горацию¹⁰³

(Алкаический метр)

К Лидии

(Сапфическая строфа Горация)

Реже всё трясут запертые двери,
Вперебой стуча, юноши лихие,

¹⁰³ См. сб. «Сны человечества» под заглавием «Ода в духе Горация».

Не хотят твой сон прерывать, и любит
Дверца порог свой,

Легкие, в былом двигавшая часто
Петли. Слышишь ты реже все и реже:
«Ты, пока всю ночь по тебе страдаю,
Лидия, спишь ли?»»

Дерзких шатунов, жалкая старуха,
Ты оплачешь вновь, в темном переулке,
Фракийский когда буйствует под ново-
Лунием ветер.

Пусть тебе любовь ярая и жажда
(Бесятся какой часто кобылицы)
Неотступно жжет раненую печень,
Пусть ты и плачешь, —

Пылкая, плющом молодежь зеленым
Тешится всегда, как и темным миртом,
Мертвые листья предавая Эвру,
Осени другу.

5 апреля 1914

К Лидии

(Сапфический малый метр Горация)

Лидия! мне, во имя
Всех богов, скажи,
Почему
Любо тебе, что сгибнет

Сибарис наш от страсти?
Стал чуждаться он
Всех арен.
Солнца страшась и пыли,

Сверстников между смелых
Он скакать не стал
На коне;
Галльских уздой зубчатой

Он скакунов не колет;
Тело в желтый Тибр
Погрузить
Страшно ему; елея

Яда виперы словно

Стал он избегать;
На руках
Стер синяки доспехов

Тот, кто копье, бывало,
Кто, бывало, диск
Зашвырнуть
Мог через мету ловко!

Что он таится? прежде
Как таился сын
(Говорят)
Фетиды, нимфы моря,

Чтоб у несчастной Трои,
Мужа вид храня,
Не лететь
В ликийский строй и в сечу!

1916

На брэнность

(Сапфический метр Сульпиция Луперка)

Суждена всему, что творит Природа

(Как его ни мним мы могучим), гибель.
Все являет нам роковое время
Хрупким и бренным.

Новое русло пролагают реки,
Путь привычный свой на прямой меняя.
Руша перед собой неуклонным током
Берег размытый,

Роем толщу скал водопад, спадая;
Тупится сошник, на полях, железный;
Блещет, потускнев, – украшенья пальцев, —
Золото перстня...

7—8 апреля 1911

Из Андре Шенье

(Александрейский стих)

Заслушались тебя безмолвные наяды,
О муза юная, влюбленная в каскады,
У входа в темный грот, что нимфам посвящен,
Плющом, шиповником, акантом оплетен.
Амур внимал тебе в тени листвы укромной;
Потом приветствовал сирену роци темной

И, золото волос твоих сдавив рукой,
Сплел гиацинт и мирт с душистою косой.
«Твой голос для меня, —сказал он, —был утешней,
Чем для медовых пчел сок медуницы вешней!»

1912

Умирающий день¹⁰⁴

7(Терцины)

Сонеты

(Мисака Мицарэнца)

1

В горах, в монастыре, песнь колокола плачет;
Газели на заре на водопой спешат;
Как дева, впившая мускатный аромат,
Пьян, ветер над рекой и кружится и скачет;

¹⁰⁴ См. сб. «Семь цветов радуги»

На тропке караван по склону гор маячит,
И стоны бубенцов, как ночи песнь, звучат;
Я слышу шорохи за кольями оград
И страстно солнца жду, что лик свой долго прячет.

Весь сумрачный ландшафт, – ущелье и скала, —
Похож на старого гигантского орла,
Что сталь когтей вонзил в глубины без названья.

Пьянящий запах мне бесстрастно шлет заря;
Мечтаю меж деревьев, томлюсь, мечтой горя,
Что пери явится – венчать мои желанья!

<1918>

2

(Сонет с кодою)

Цветы роняют робко лепестки,
Вечерний ветер полон ароматом,
И в сердце, грезой сладостной объятom,
Так сумерки жемчужны и легки.

Акации, опьянены закатом,

Льют нежный дух, клоня свои листки,
К ним ветер льнет, и вихрем беловатым,
Как снег, летят пахучие цветки.

Как гурии неведомого рая,
Сребристых кудрей пряди распуская,
Их белый сонм струится в водомёт;

Вода фонтана льется, бьется звонко,
Чиста, прозрачна, как слеза ребенка,
Но сладострастно песнь ее зовет...

Чу! осыпается коронка за коронкой...

<1918>

Николаю Бернеру¹⁰⁵

(Сонет-акrostих)

¹⁰⁵ См. сб. «Семь цветов радуги».

Oblat¹⁰⁶

(Рондо)

Кто сожалеет о прекрасных днях,
Мелькнувших быстро, тот печаль лелеет
В дневных раздумьях и в ночных слезах;
Былое счастье мило и в мечтах,
И память поцелуев нежно греет,

Но о случайном ветерке, что веет
Весенним вечером в речных кустах
И нежит нас, свежая пыльный прах,
Кто сожалеет?

Земное меркнет в неземных лучах,
Пред райской радостью любовь бледнеет,
Меж избранных нет места тем, о снах
Кто сожалеет!

20 марта 1918

¹⁰⁶ Oblat – молодой послушник, человек, готовящийся стать монахом.

Ее колени...¹⁰⁷

(Рондо)

Три символа

(Риторнель)

Серо

Море в тумане, и реет в нем рея ли, крест ли;
Лодка уходит, которой я ждал с такой верой!

Прежде

К счастью так думал уплыть я. Но подняли якорь
Раньше, меня покидая... Нет места надежде!

Кровью

Хлынет закат, глянет солнце, как алое сердце:
Жить мне в пустыне отныне – умершей любовью!

¹⁰⁷ См. сб. «Все напевы».

Ф. Сологубу¹⁰⁸

(Триолет)

Сон мгновенный¹⁰⁹

(Виланель)

О женщинах былых времен¹¹⁰

(Баллада Франсуа Вийона)

¹⁰⁸ См. сб. «Семь цветов радуги».

¹⁰⁹ См. сб. «Сны человечества», под заглавием «Виланель».

¹¹⁰ См. сб. «Сны человечества», под заглавием «Баллада о женщинах былых времен».

О любви и смерти¹¹¹

(Баллада)

К даме¹¹²

(Канцона)

Безнадежность¹¹³

(Секстина)

¹¹¹ См. сб. «Семь цветов радуги», под заглавием «Баллада о любви и смерти».

¹¹² См. сб. «Сны человечества», под заглавием «Канцона к Даме».

¹¹³ См. сб. «Семь цветов радуги», под заглавием «Секстина».

Песня из темницы¹¹⁴

(Строфы с однозвучными рифмами)

Дворец любви¹¹⁵

(Средневековые строфы)

В ту ночь¹¹⁶

(Газелла)

¹¹⁴ См. сб. «Сны человечества».

¹¹⁵ См. сб. «Сны человечества».

¹¹⁶ См. сб. «Сны человечества», вместе с стихотворением «Пылают розы, как жгучий костер» под общим заглавием «Газели», № 1.

Твой взор¹¹⁷

(Газелла)

Персидские четверостишия¹¹⁸

Песнь норманнов в Сицилии

(Припев)

Здесь в рощах помавают лавры,
Здесь ярки дни и ночи темны,
Здесь флейты ропщут, бьют литавры, —
Но ты суровый север помни!

Здесь белы во дворцах колонны,
Покои пышны и огромны,

¹¹⁷ См. сб. «Сны человечества», «Газели», № 2.

¹¹⁸ См. сб. «Сны человечества».

В саду – фонтан, что ключ бессонный,
Но ты суровый север помни!

Здесь девы гибки, девы статны,
Их взгляды и слова нескромны,
А ночью косы ароматны,
Но ты суровый север помни!

Здесь люди дремлют в пьяной неге,
Ведут войну рукой наемной,
Им чужды вольные набеги,
Но ты суровый север помни!

Здесь обрели, в стране богатой,
Мы, род скитальный, род бездомный,
Дворцы, коней, рабынь и злато...
Но ты родимый север помни!

15 декабря 1914

Армянская песня¹¹⁹

(Арутюн Туманьян)

¹¹⁹ См. сб. «Сны человечества», под заглавием «Армянская народная песня».

Джан-гюлюмы

(Армянские народные песни)

1

Белый конь! Тебе ль подкова!
– Роза моя, джан! джан!
Родинка что чернобровой?
– Цветик светлый, джан! джан!
Если милой вижу взоры,
– Роза моя, джан! джан!
Поведу ли разговоры?
– Цветик светлый, джан! джан!

2

Как у нас за домом – старый склад,
– Роза моя, джан! джан! джан!
Парни были – и пошли назад,
– Цветик светлый, джан! джан! джан!
Протянула руку и поймала,

– Роза моя, джан! джан! джан!
Стали все вокруг – лалы и кораллы!
– Цветик светлый, джан! джан! джан!

3

Дождь прошел и просверкал,
– Роза моя! джан! джан!
Ивы лист поколебал,
– Цветик милый! джан! джан!
Вот мой братец проскакал,
– Роза моя! джан! джан!
Алый конь под ним играл,
– Цветик милый! джан! джан!

<1916>

Армянская песня

(Саят-Нова, XVIII в.)

Твоих грудей гранат – что меч!
Самшит¹²⁰ твоих бесценен плеч!

¹²⁰ Самшит – род сосны, обычное сравнение для плеч и рук.

Хочу у двери милой – лечь!
Там прах целую и пою.

Я, твоего атласа звук!
Дай мне испить из чаши рук,
Молю целенья в смене мук,
Люблю, ревную и пою!

Я не садовник в эту ночь,
Как тайну сада превозмочь?
О – соловей, где роза? «Прочь!»—
Шипу скажу я и пою.

Ты – песня! И слова звучат!
Ты – гимн! И я молиться рад!
Саят-Новы ты – светлый сад!
Вот я тоскую и пою.

Армянская песня

(Саят-Нова, XVIII в.)

Я в жизни вздоха не издам, доколе джан¹²¹ ты для меня!

¹²¹ Джан – слово, означающее и душу и тело, вообще нечто самое дорогое, любимое.

Наполненный живой водой златой пинджан¹²² ты для меня!

Я сяду, ты мне бросишь тень, в пустыне – стан ты для меня!

Узнав мой грех, меня убей: султан и хан ты для меня!

Ты вся – чинарный кипарис; твоё лицо – пранги-атлас;¹²³

Язык твой – сахар, мед – уста, а зубы – жемчуг и алмаз;

Твой взор – эмалевый сосуд, где жемчуг, изумруд, топаз.

Ты – бриллиант! бесценный лал индийских стран ты для меня!

Как мне печаль перенести? иль сердце стало как утес?

Ах! я рассудок потерял! в кровь обратились токи слез!

Ты – новый сад, и в том саду, за тыном из роскошных роз

Позволь мне над тобой порхать: краса полян ты для меня!

Любовью опьянен, не сплю, но сердце спит, тобой полно:

Всем миром пусть пресыщен мир, но алчет лишь тебя оно!

С чем, милая, сравню тебя? – Все, все исчерпано давно.

Конь-Раш¹²⁴ из огненных зыбей, степная лань ты для меня!

¹²² Пинджан – особый сосуд, фиал.

¹²³ Пранги-атлас – фряжский, заморский атлас.

¹²⁴ Конь-Раш – конь Рустема из персидской эпопеи.

Поговори со мной хоть миг, будь – милая Саят-Новы!
Ты блеском озаряешь мир, ты солнцу – щит средь
синевы!

Ты – лилия долин, и ты – цветок багряный среди травы:
Гвоздика, роза, сусамбар¹²⁵ и майоран ты для меня!

<1916>

Армянская песня любви

(Степаннос, XVII в.)

Нежная! милая! злая! скажи,
Черные очи, яр!¹²⁶ черные очи!
Что, хоть бы раз, не придешь ты ко мне
В сумраке ночи, яр! в сумраке ночи!

Много тоски я и слез перенес,
Полон любви, яр! полон любви!
Лоб у тебя белоснежен, дугой
Черные брови, яр! черные брови!

Взоры твои – словно море! а я —

¹²⁵ Сусамбар – пахучая трава.

¹²⁶ Яр – милая, возлюбленная (см. выше).

Кормщик несчастный, яр! кормщик несчастный!
Вот я в тревоге путей не найду
К пристани ясной, яр! к пристани ясной!

Ночью и днем утомленных очей
Я не смыкаю, яр! я не смыкаю.
Выслушай, злая! тебя, как твой раб,
Я умоляю, яр! я умоляю!

Все говорят ты – целитель души...
Вылечи раны, яр! вылечи раны!
Больше не в силах я этот сносить
Пламень багряный, яр! пламень багряный!

Ночью и днем, от любви, все – к тебе,
В горести слез я, яр! в горести слез я!
Злая, подумай: не камень же я!
Что перенес я, яр! что перенес я!

Сна не найти мне, напрасно хочу
Сном позабыться, яр! сном позабыться!
Плача, брожу и назад прихожу —
Снова томиться, яр! снова томиться!

Ночью и днем от тоски по тебе
Горько вздыхаю, яр! горько вздыхаю!
Имя твое порываюсь назвать, —
И замолкаю, яр! я замолкаю!

Более скрытно я жить не могу,
Произнесу я, яр! произнесу я! .
Злая, подумай: не камень же я!
Гибну, тоскуя, яр! гибну, тоскуя!

Ах, Степаннос! думал ты, что умен, —
Все же другим занялся ты, как видно!
Бога оставил и девой пленен...
Будет на Страшном суде тебе стыдно!

<1916>

Японские танки и хай-кай¹²⁷

Треугольник

Я,
еле
качая
веревки,
в синели
не различая
синих тонов
и милой головки

¹²⁷ См. сб. «Сны человечества»

летаю в просторе,
крылатый как птица,
меж лиловых кустов!
но в заманчивом взоре,
знаю, блещет, алая, зарница!
и я счастлив ею без слов!

1918

Терем мечты

(Повторные рифмы.)

Как девушки скрывались в терем,
где в окнах пестрая слюда,
В Мечте, где вечный май не вянет,
мы затворились навсегда.

Свою судьбу мы прошлым мерим:
как в темном омуте вода,
Оно влечет, оно туманит,
и ложь дневная нам чужда!

Пусть за окном голодным зверем
рычит вседневная вражда:
Укор минутный нас не ранит, —

упреков минет череда!

Давно утрачен счет потерям,
но воля, как клинок, тверда,
И ум спокойно делом занят
в святой обители труда.

Мы пред людьми не лицемерим,
мы говорим: «Пускай сюда
Судьи взор беспристрастный взглянет,
но – прочь, случайная орда!

Мы правду слов удостоверим
пред ликом высшего суда,
И торжество для нас настанет,
когда придут его года!

Мы притязаний не умерим!
Исчезнут тени без следа,
Но свет встающий не обманет,
и нам заря ответит: «Да!»

Мы ждем ее, мы ждем и верим,
что в тот священный час, когда
Во мрак все призрачное канет, —
наш образ вспыхнет, как звезда!

20 марта 1918

Вечеровое свидание

(Бесконечное рондо)

Наступают мгновенья желанной прохлады,
Протянулась вечерняя тишь над водой,
Улыбнулись тихонько любовные взгляды
Белых звезд, в высоте замерцавших чредой,

Протянулась вечерняя тишь: над водой
Закрываются набожно чашечки лилий;
Белых звезд, в высоте замерцавших чредой,
Золотые лучи в полумгле зарябили.

Закрываются набожно» чашечки лилий...
Пусть закроются робко дневные мечты!
Золотые лучи в полумгле зарябили,
Изменяя волшебный покой темноты.

«Пусть закроются робко дневные мечты!»
Зароптал ветерок, пробегая по ивам,
Изменяя волшебный покой темноты...
Отдаюсь ожиданиям блаженно-пугливым.

Зароптал ветерок, пробегая по ивам,

Чу! шепнул еле слышно, как сдержанный зов...
Отдаюсь ожиданиям волшебного-пугливого
В изумрудном шатре из прозрачных листков.

Кто шепнул еле слышно, как сдержанный зов!
«Наступили мгновенья желанной прохлады!»
– В изумрудном шатре из прозрачных листков
Улыбнулись тихонько любовные взгляды!

<1918>

Вечерний пан¹²⁸

(Строфы)

Итак, это – сон...¹²⁹

(Строфы)

¹²⁸ См. сб. «Семь цветов радуги».

¹²⁹ См. сб. «Семь цветов радуги», без заглавия («Итак, это – сон, моя маленькая...»)

Городская весна...

(Строфы,)

Городская весна подошла, растопила
Серый снег, побежали упрямо ручьи;
Солнце, утром, кресты колоколен слепило;
Утром криком встречали тепло воробьи.
Утреню года
Служит природа:
С каждой крыши незримые брызжут кропила.
Шум колес неумолчно поет ектеньи.

Вот и солнце выходит, священник всемирный,
Ризы – пурпур и золото; крест из огня.
Храм все небо; торжественен купол сапфирный,
Вместо бледных лампад – светы яркие дня,
Хоры содружных
Тучек жемчужных,
Как на клиросах, в бездне лазури эфирной
Петь готовы псалом восходящего дня!

Лед расколот, лежит, грубо-темная груда;
Мечет грязью авто, режет лужи трамвай;
Гулы, топоты, выкрики, говоры люда.

Там гудок, там звонок, ржанье, шелканье, лай...
Но, в этом шуме
Бедных безумий,
Еле слышным журчаньем приветствуя чудо,
Песнь ручьев говорит, что приблизился Май!

1—2 марта 1918

Закатная алость

(Строфы)

Закатная алость пылала,
Рубиновый вихрь из огня
Вращал ярко-красные жала.
И пурпурных туч опахала
Казались над рдяностью зала,
Над пламенным абрисом Дня.

Враги обступили Титана,
В порфире разодранной, День
Сверкал, огнезарно-багряный...
Но облик пунцово-румяный
Мрачили, синея, туманы
И мглой фиолетовой – тень.

Там плавилась жарко металлы, —
Над золотом чермная медь;
Как дождь, гиацинты и лалы
Спадали, лучась, на кораллы...
Но в глубь раскаленной Валгаллы
Все шло – лиловеть, догореть.

Взрастали багровые злаки,
Блистая под цвет кумача;
Пионы, и розы, и маки
Вжигали червонные знаки...
Но таяли в вишневом мраке,
Оранжевый отсвет влача.

Сдавались рудые палаты:
Тускнел позлащенный багрец;
Желтели шафраном гранаты;
Малиновый свет – в розоватый
Входил... и червлёные латы
Сронил окровавленный жрец.

Погасли глаза исполина,
И Ночь, победившая вновь,
Раскрыла лазурь балдахина...
Где рдели разлитые вина,
Где жгли переливы рубина, —
Застыла, вся черная, кровь.

Голос иных миров¹³⁰

(Строфы)

Молитва

(Строфы)

Благодарю тебя, боже,
Молясь пред распятием,
За счастье дыханья,
За прелесть лазури,
Не будь ко мне строже,
Чем я к своим братьям,
Избавь от страданья,
Будь светочем в буре,

Насущного хлеба
Лишен да не буду,
Ни блага свободы,
В железах, в темнице;

¹³⁰ См. сб. «Последние мечты».

Дай видеть мне небо
И ясному чуду
Бессмертной природы
Вседневно дивиться.

Дай мужество – в мире
Быть светлым всечасно,
Свершать свое дело,
И петь помощи мне,
На пламенной лире,
Все, все, что прекрасно,
И душу и тело,
В размеренном гимне!

Сентябрь 1917

Примечания

Часть I

Опыты по метрике и ритмике

«Оригинальность, – говорит Эдгар По (в статье „Философия творчества“), – отнюдь не является, как это полагают некоторые, делом простого побуждения или интуиции... Чтобы быть найденной, она должна быть тщательно отыскиваема». Эдгар По говорит это именно об оригинальности ритмов, сказав ранее: «Возможные разнообразия размера и строфы абсолютно бесконечны. Однако же в течение целых столетий ни один человек не сделал или никогда, по-видимому, не стремился сделать в стихах что-нибудь оригинальное». Последнее сказано слишком резко: и до Эдгара По все лучшие поэты и стремились «сделать» и «делали» оригинальное в области ритма: прежде всего – прямые предшественники Эдгара По, романтики начала XIX века, Шелли, Ките, Кольридж, раньше них Блэк, еще раньше Спенсер и мн. др. В двух других своих утверждениях автор «Ворона» прав безусловно: возможные разнообразия стихотворных форм абсолютно бесконечны, но, чтобы найти что-либо оригинальное, надо его искать. Несправедливый упрек, брошенный Эдгаром По поэтам «в течение целых столетий»,

должно принимать поэтому в следующем смысле: возможно бесконечно разнообразить форму, надо только искать, а вы искать не хотели и довольствовались шаблонами и в размерах, и в построении строф! Известно, что сам Эдгар По в таком грехе неповинен: почти каждое его стихотворение оригинально и по метру, и по строфе.

Оригинальность, в области размеров, может быть двоякая: поэт может пользоваться или новыми элементами, еще не испробованными (или мало распространенными) в поэзии его страны, или новой комбинацией элементов обычных, широко распространенных; то и другое может дать и новые, оригинальные метры, и новые, оригинальные ритмы. Эдгар По, в частности, обращался обычно, как он и сам признается, ко второму из этих приемов, то есть брал привычные элементы, но комбинирует их по-новому: так построен и метр «Ворона».

Как ни велико число возможных элементов метра (стоп), оно, для стихосложения каждого языка, все же есть величина конечная. Можно построить тысячи разных метров, чистых и сложных, но все же в конце концов все мыслимые сочетания стоп окажутся исчерпанными. Кроме того, оригинальное в этом отношении – относительно Размеры, еще оригинальные для наших дней (так как ранее не пользовались ими), легко могут стать банальными через десятилетия, если ими начнут широко пользоваться. Дактилический гексаметр по-русски был оригинален под пером Н. Гнедича, но

для нас это – один из обыкновеннейших метров.

То же самое должно сказать и о совершенно «новых» ритмах, под чем можно разуметь только ритмы нового, еще не испробованного метра. Каждый вновь введенный в поэзию метр приносит с собою огромное количество новых ритмов этого стиха. Гнедич обогатил русскую поэзию дактилическим гексаметром (как известно, испробованным раньше того В. Тредьяновским и др., но без успеха); гексаметр представляет сотни различных ритмов этого стиха, среди которых многие найдены лишь позже Н. Гнедича. Точно так же введение в русскую поэзию ямбического триметра (Вяч. Ивановым и пишущим эти строки, хотя и у нас были свои предшественники) обогатило русский стих **одним метром и сотнями** его ритмов, которые, в свое время, все были «новыми». И все же число таких «новых» ритмов настолько же конечно, как и число возможных метров.

Другое дело – оригинальность, основанная на новых комбинациях уже знакомых элементов, то есть создание новых ритмов в уже знакомых метрах. Здесь, действительно, открываются математически-бесконечные возможности. Если могут быть исчерпаны, например, все ритмы двухстопного ямба (по нашему счету их, теоретически, около 300), то число ритмов многостопных стихов исчисляется десятками и даже сотнями тысяч; всех вообще мыслимых ритмов в чистых метрах – миллионы, а в сложных – неопределенное количество, ибо никак нельзя исчислить все возможные соче-

тания из длинного ряда элементов: стона, ипостаса, цесура, каталектика, анакруса, синереса, диереса, систола, диастола, синкопа, элидия и др. Возможностей здесь много больше, нежели возможного распределения фигур при шахматной игре или возможного сочетания карт при игре в вист или винт; иначе говоря, все эти возможности заранее предусмотрены быть не могут, – это область «творчества», индивидуальных исканий поэта.

Пляска дум. (Одноstopные хорей). Двухstopные стихи встречаются в русской поэзии сравнительно часто. Таковы двухstopные ямбы у Пушкина («Роза», «Пробуждение», «Адели»), его же двухstopный анапест («Старый муж, грозный муж») и др., двухstopные хорей Полежаева («Вот мрачится...»), его же двухstopные ямбы («Я погибал») и др., двухstopные хорей Фета («Сны и тени...») и т. д. Напротив, одноstopные стихи представляют исключение и встречаются только как часть стихотворений, написанных иным размером (у Пушкина в эпиграммах, в баснях Крылова и т. п.). Причина такого пренебрежения к одноstopным стихам, конечно, не в их «трудности», а в бедности этих метров. Так как при окончаниях ипердактилических и даже дактилических эти метры теряют свой характер ямба, хорей, амфибрахия, становясь тождественными, то число ритмов каждого одноstopного метра крайне ограничено. Например, одноstopный хорей имеет лишь три основных ритма, характеризуемых стихами: 1) «Вторя», 2) «Шум», 3) «Где же» (или, бо-

лее четкий пример, «Жаль мне!»). Впрочем, возможно значительно большее число вариаций этих ритмов. Соображения типографской эстетики побудили нас соединить в печати каждые три стиха в один; правильнее было бы печатать стих за стихом:

Моря
Вязкий
Шум,
Вторая
Пляске
Дум,
Злится,
Где-то
Там... — и т. д.

Вечная весна. (Одностопные ямбы). См. примеч. к предыдущему стихотворению. Приведенный пример также правильнее было бы печатать стих за стихом:

И ночи —
Короче,
И тени
Светлей.
Щебечет,
Лепечет
Весенний
Ручей... — и т. д.

Веретена. (Пеон 3-й). См. примеч. к следующему стихотворению.

Буря с берега. (Пеон 3-й). Пеон—четырёхсложная стопа из трех неударных и одного ударного слога, по положению которого различают: пеон 1-й, 2-й, 3-й и 4-й. Следовательно, пеоны по строю очень близки: первый и третий – к дихореям, второй и четвертый – к диямбам. В приведенных примерах строго выдержан пеонический строй. Но было бы ошибкой всегда уклоняться в пеонах от близости к ямбическим и хореическим метрам, путем педантичного избегания второстепенных ударений на неударных слогах. Как в ямбах и хорях ошибочно избегать ипостас, то есть замены ямбической или хореической стопы пиррихием и спондеем, так ошибочно избегать ипостас и в пеонах; пеонические стопы могут и должны заменяться диямбами и дихореями, а также другими четырехсложными стопами, без чего пеонические метры были бы лишены ритмического разнообразия.

На причале. (Ритмы четырехстопного ямба). Во вступительной статье сказано, что четырехстопный ямб, по ритмам, самый разнообразный из всех русских размеров. Причины этого следующие: 1) Метры из трехсложных стоп допускают гораздо меньше ипостас, нежели из двухсложных стоп. 2) В хореических метрах первая стопа почти всегда требует ипостасы, чем число их ритмов уменьшается. 3) Ямбы одно-, двух- и трехстопные естественно имеют меньшее число

ритмов, нежели четырехстопный. 4) Ямб пятистопный неизбежно разлагается на два стиха: двухстопный и трехстопный или четырехстопный и одностопный. 5) Ямб шестистопный также разлагается на два стиха, обычно на два трехстопных ямба. 6) Тем более надо это сказать о ямбах семистопных и высших по числу стоп: эти метры обязательно разлагаются на два (или три) стиха. Это объясняет, почему четырехстопный ямб всегда был наиболее распространенным русским стихом, которым, предпочтительно пред всеми другими размерами, писал Пушкин. По той же причине четырехстопный ямб особенно применим к длинным стихотворным произведениям (поэмам), в которых большинство других размеров звучат слишком однообразно. В приводимом стихотворении («На причале») представлено, разумеется, лишь небольшое число ритмов четырехстопного ямба, который имеет их (теоретически) свыше 100 000.

Уединенный остров. (Женская цесура в шестистопном ямбе). Ямб шестистопный неизбежно распадается на два стиха (как все многостопные стихи, которые не могут быть произнесены с одним ударением). Исторически утвердился тип шестистопного ямба с постоянной цесурой после третьей стопы, как писались и русские александрийские стихи XVIII—XIX вв. Возможны, однако, и иные типы этого метра, как с постоянной цесурой иного положения (после второй стопы, после четвертой, после пятой и тому подобное), так и с передвижной цесурой (в последнем случае размер,

на практике, теряет обычно свое единство). В приведенном примере выдержана постоянная цесура после тесиса четвертой стопы, что делает метр как бы сложным, состоящим из двух полустиший: ямбического и хореического.

Восход луны. (Ритмы четырехстопного хорея). См. выше примеч. к стихотворению «На причале».

Алтарь страсти. (Семистопный хорей и др. ритмы). См., что сказано выше в примеч. к стихотворению «Уединенный остров». Исторически у нас утвердился тип семистопного хорея с женской цесурой после четвертой стопы, разлагающей метр как бы на два хореических стиха: четырехстопный и трехстопный. При таком делении стих теряет свое единство. Семистопным хореем с передвинутой цесурой написано другое стихотворение того же автора – «Конь блед» (в сборнике «Венок») и одно стихотворение А. Блока. В приведенном примере выдержана постоянная цесура после тесиса пятой стопы, что делает метр как бы сложным, состоящим из двух полустиший: пятистопного хорея и двухстопного ямба.

Из Мениппей Варрона. (Ямбический триметр). Ямбический триметр есть метр, образованный четырехсложной стопой: диямбом, повторенной три раза. Поэтому строение ямбического триметра существенно отлично от строения шестистопного ямба. Теория ямбического триметра подробно разработана метриками античной древности, для которой этот ритм служил обычным размером диалога в трагедиях. Между прочим, ямбический триметр избегает цесуры по-

сле шестого слога и предпочитает в последней стопе замену диямба вторым пеоном. По-русски первые образцы ямбического trimetra были даны Холодковским в переводе второй части «Фауста», потом Вяч. Ивановым в трагедии «Тантал» и пишушим эти строки в трагедии «Протесилай умерший». Желательно, чтобы переводчики античных трагедий передавали диалогические части именно этим метром, вполне применимым на русском языке.

В условный час. (Ионический диметр). Ионическая восходящая стопа состоит из двух неударных слогов, за которыми следуют два ударных, или, иначе, из соединения пиррихия с спондеем. Так как в одном слове рядом двух ударений стоять не может, то ионическая стопа может быть построена, по-русски, лишь искусственно: после третьего слога непременно должна находиться цесура. Это придает метру однообразие и закрывает ему широкое распространение.

Из песен Сапфо. (Античные ритмы). Приведенные образцы переданы размером подлинника также В. Вересаевыми Вяч. Ивановым в их переводах песен Сапфо.

Из Венка. (Дистихи). Элегическим дистихом называется строфа, состоящая из двух (по-русски) сложных метров; дактиле-хореического гексаметра и такого же пентаметра. См. Вступительную статью. Личное мнение автора этих строк, — что русский гексаметр и пентаметр не обязаны подчиняться теориям античного стиха, ввиду разности языков и их свойств.

В духе Катулла. (Гендекасиллаб). Фалехов гендекасиллаб есть сложный пятистопный метр из четырех хореев' и одного дактиля, занимающего второе место. Этот стих, широко распространенный в античной поэзии, излюбленный размер Катулла, вполне применим на русском языке. Античная метрика требовала в фалеховом гендокасиллабе большой постоянной цесуры после арсиса третьей стопы, что выдержано в приводимых примерах. Порусски этот стих получает гораздо больше свободы, если большая цесура стоит в нем перед арсисом третьей стопы; но тогда метр обращается как бы в два трехстопных хореев, приближаясь по ритмам к стихам К. Павловой:

Колыхается океан ненастный,
Высь небесную кроет сумрак серый, —

и т. д.

В духе Луксория. (Гендекасиллаб). См. примеч. к предыдущему стихотворению.

Памятник. (Первый асклепиадов стих). Античные метрики строили первый асклепиадов стих из двух полустихий, как сложный метр. На русском языке этому вполне соответствует сложный метр из двух анапестов, за которыми следуют два дактиля.

Рок. (Гексаметр Авсония). Тип гексаметра, в котором последний слог образован односложным словом, начинаю-

щим следующий стих. Так как такие слова имеют самостоятельное ударение, стих получает в последней стопе как бы ипостасу хоря спондеем, придающую метру своеобразный ритм.

Пророчество мечты. Гном о жизни. (Ропалические стихи) Ропалические стихи относятся скорее к темам, но, вместе с тем, придают и особый ритм метру. Сущность ропалического стиха в том, что в нем каждое слово длиннее предыдущего на один слог. Лучшие образцы даны Авсонием (поэт IV в. по р. X.).

После скитаний. (Разложение гексаметра). Каждые три стиха образуют один полный дактиле-хореический гексаметр; рифмы усиливают цесурное деление на третьестишия. Стихотворение перепечатывается из сборника «Семь цветов радуги».

Весной. (Двух-трехдольники). См. Вступительный очерк. Стихотворение – из того же сборника.

Клинопись. (Параллелизм). См., что сказано во вступительном очерке о системах стихосложения. Система параллелизма состоит в том, что каждое двустишие образует одно целое, причем второй стих состоит из образов, параллельных образам первого. Так, между прочим, сложена «Калевала» и многие песни скандинавского Севера. Приведенный образец – перевод ассирийской надписи.

Из китайской поэзии. См. примеч. к предыдущему стихотворению. Вечер после свиданья. (Силлабические сти-

хи). Во Вступительном очерке объяснено, что силлабическое стихосложение свойственно языкам, где все гласные выговариваются одинаково отчетливо. По-русски силлабические стихи можно строить из слов, имеющих такое же произношение. Преимущество силлабических стихов в том, что каждый стих может иметь свой, индивидуальный метр.

Ночная песнь странника. (Гете). Стихи, известные по недостижимо-прекрасному переводу Лермонтова: «Горные вершины». В приведенном переводе сделана попытка сохранить ритм подлинника. Более определенно пользовался Гете свободным стихом в отрывке «Прометей» и некоторых других стихотворениях. Приемы Гете у нас были повторены Андреем Белым в стихах книги «Золото в лазури»; в последнее время в той же манере развивают свободный стих наши футуристы, В. Маяковский и др. Этот стих существенно отличается от французского свободного стиха (*vers libre*), как он был основан М. Крысинской, Лафоргом и др., и мастерски развит Э. Верхарном, Ф. Вьеле-Гриффином и др. Во французском *vers libre* каждый стих сохраняет свою ритмическую целостность; в немецком (также у Андрея Белого и футуристов) отдельные стихи – лишь элементы ритма, образуемого всем стихотворением или его частями. От свободного стиха должно отличать вольные стихи, то есть определенного метра, но разных стон; так, «в простоте и вольности», слагал свою «Душеньку» И. Богданович и басни – И. Крылов.

Друзья. (Ритм). Дождь. (Свободный стих). Силлабиче-

ское стихосложение имеет мерою стиха число гласных, цесуру и рифму, независимо от ритма стих' в. Только при таком строе и возможны подлинные «свободные стихи», то есть стоящие между собою по величине в произвольных отношениях. При тоническом стихосложении, где стопы метра являются в то же время мерою стиха, свободный стих переходит или 1) в сочетание неравностопных стихов, или 2) в сочетание стихов разного метра, чистых и сложных. Приведенный пример – перевод поэмы Верхарна и перепечатывается из второго издания «Собрания стихов» Э. Верхарна в переводе автора этой книги. Стихи «Друзья» были ранее напечатаны в «Сборнике Сирина» и в «Русской мысли».

Присловья. Частушки. (Склад народных песен). См. Вступительный очерк. Русское древненоародное стихосложение основано на числе образов (значимых выражений) в стихе. Склад новых народных песен (частушек) – почти тонический, но со смелыми ипостасами, анакрусами, синересами и т. д., переходящий иногда в склад двух– и трехдольников.

Часть II

Опыты по евфонии

Евфония русского стиха – наименее разработанная область науки о стихе. Небольшое число, весьма неполных и весьма несовершенных, «словарей рифм», несколько глав в книге Н. Шульговского «Теория и практика поэтического

творчества» (СПб., 1914 г.) да разрозненные замечания Андрея Белого, С. Боброва и других теоретиков – вот все, что сделано в этом направлении.

Все же более разработанной оказывается, в евфонии, теория рифмы, видимо, в силу потребности в практических пособиях. Однако существующие «словари» вряд ли содержат и 1/10 всех русских созвучий. Во Вступительном очерке показано, почему составление полного словаря русских рифм – задача почти неисполнимая. Но если и невозможно собрать все рифмы, то вполне достижима другая цель: выяснить все типы русской рифмы. Во Вступительном очерке показано, например, как изменяются типы рифмы для существительных муж. рода склонения на *ъ*, с ударением на последнем слоге (*oxytona*), при изменениях по падежам. Таблицы таких изменений для разных склонений, для спряжений глаголов, для степеней сравнения прилагательных и тому подобное, оказали бы огромную пользу технике стихотворства. Обратим, например, внимание на таблицы рифм для существительных с ударением (в имен. падеже) на предпоследнем слоге. Такие слова муж. рода на *ъ* рифмуют в зависимости от 1) конечной согласной, 2) совпадения ударной гласной и промежуточных (между ней и флексией) согласных. Так, слова **надъ, тъ**, то есть на **едъ, етъ, адъ, атъ (ядъ, ятъ), удъ, утъ (юдъ, ютъ)** и т. д. рифмуют с глагольной формой наст. и буд. времени, третьего лица, ед. и мн. числа; на **ель, аль, уль** и т. д. — с формой прошедшего времени; кроме того – на

едь, одь, ань и т. д. с формой причастия. Пример первого типа: «кречеть – мечеть», «скрежеть – режеть», «скареть – варить», «лепеть – сцепить»; второго типа: едьяволь – плаваль», «идоль – выдаль», «дятьель – утратиль», «петель – заметиль»; третьего типа: «савань – оплавань», «ладапъ—угадань», «холодь – расколоть», «городь – распороть». Такие же слова жен. рода на **ь** рифмуют с неопред. наклон. глаголов. Независимо от того, все эти слова имеют свои «естественные» рифмы, то есть рифмуются со словами того же типа, например: «холодь – голодь», «городь – вороть», и имеют рифмы разных других типов, например, рифмуют со словами жен. рода, в их род. падеже мн. числа и др., например, «иголь – прыгаль», «ворогъ – сорокъ», «воронь – сторонь», «голосъ – полосъ» и т. д. Наконец, при изменении этих слов получают новые типы рифм, дактилических и иных, например: «пажити – ляжете», «саване —гавани», «падали (от „падаль“) – задали» и т. д. Еще другие таблицы необходимы для выяснения типов рифм, происходящих от флективных приставок, **как б, бы, ли, ж, же** а др. Такие и подобные таблицы типов рифм будут гораздо полезнее и для выработки теории русской рифмы, и даже для практических надобностей, нежели обычные «Словари», где бессмысленно и бессистемно подобраны ряды созвучий. Затем одной из очередных задач теории рифмы является установление точной терминологии. Мы в дальнейшем пользуемся определенными терминами, которые поэтому и считаем нужным объяснить

здесь. Рифмы можно делить: 1) по их отношению к стиху (с метрической точки зрения), 2) по их взаимному отношению (с евфонической точки зрения), 3) по их положению в строфе (со строфической точки зрения). Такое деление дает три типа рифм.

I. Метрически рифмы бывают: 1) по числу слогов в окончании: а) мужские, б) женские, с) дактилические, d) ипердактилические, то есть четырехсложные, пятисложные и т. д.; 2) по форме: а) открытые (кончающиеся на гласную), Б) смягченные (на и) и с) закрытые (на согласную).

II. Евфонически рифмы бывают; 1) собственно рифмы или вообще верные рифмы, которые разделяются на: а) точные и приблизительные (в зависимости от того, насколько совпадает написание и произношение слов); б) сочные и обыкновенные (в зависимости от совпадения опорной согласной и других звуков, предшествующих ударной гласной); особый вид сочных составляют рифмы глубокие', с) составные и простые (первые – составлены из двух или более слов); d) богатые и бедные; особый вид бедных составляют рифмы флективные; е) естественные (слова в одинаковой грамматической форме); f) коренные (рифмующие корень слова); g) омонимические (при одинаковом написании разных по значению слов); h) тавтологические (при рифмовке двух одинаковых слов в несколько измененном значении); особый вид тавтологических составляют рифмы повторные (слова, различающиеся лишь приставками); i) уко-

роченные. От собственно рифм (верных) отличаются: 2) ассонансы двух типов: а) романского (где тождественны лишь ударные гласные) и б) нового (вообще сходные по произношению слова); 3) диссонансы – созвучия, где одинаковы конечные согласные, но различны ударные гласные; 4) полурифмы. – созвучие слов до ударной гласной (как написаны некоторые песни скандинавов). Наконец, стихи без конечной рифмы называются белые.

III. Строфически рифмы бывают: 1) по месту положения в стихе: а) конечные, б) начальные, с) срединные, d) внутренние двух видов: постоянные и случайные; 2) по месту положения в строфе: а) смежные (стоящие рядом), б) перекрестные (чередующиеся через одну), с) тернарные (через две) и охватные (если два средних стиха рифмуются между собой), кватернарные (через три) и т. д., а также двойные, тройные и т. д. (в зависимости от того, сколько раз повторяется одно созвучие).

Примеры почти всех этих типов и видов рифмы включены в эту книгу и объяснены в дальнейших примечаниях к отдельным стихотворениям.

Закатный театр. (Укороченные рифмы). Укороченными рифмами называются созвучия, имеющие неодинаковое число слогов после ударной гласной. При этом возможна рифмовка окончаний: мужского с женским, женского с дактилическим, дактилического с четырехсложным и т. д., а также рифмовка через два-три и т. д. слога, то есть одно-

сложного с трехсложным, двухсложного с четырехсложным или пятисложным и т. д. Разумеется, рифмы такого рода приближаются к ассонансу, отличаясь от него, однако, точностью совпадения рифмующихся слогов. Один из первых примеров укороченных рифм был дан автором этих строк в книге «Все напевы».

На пруду. (Омонимические рифмы). Омонимические рифмы имеют одинаковую форму слова при разном содержании (омонимы). Примеры таких рифм есть еще у Пушкина:

А что же делает супруга
Одна в отсутствии супруга?

(«Граф Нулин»),

Будет вам по калачу...
А не то – поколочу.

(«Утопленник»),

А. также еще: «слезы точит – нож точит» («Жених»), «полбу – полбу» («Сказка о Балде»), «мира – мира» («Безверие» и «Руслан и Людмила»), Стихотворение, сплошь написанное с омонимическими рифмами, дано было автором этих строк в книге «Все напевы» и перепечатано здесь («На берегу»). От омонимических рифм должно отличать тавтологические, в которых повторяется одно и то же слово, хотя бы в изменен-

ном значении, например, у Пушкина:

Вот на берег вышли гости,
Царь Салтан зовет их в гости.

(«О царе Салтане»),

– Женка, что за сапоги?.. —
Где ты видишь сапоги?

(«Сцены из рыцарских времен»).

Также: «до них – их» («Евгений Онегин») и др.

На берегу. (Омонимические рифмы). См. примеч. к предыдущему стихотворению.

Восторг женщины. (Разноударные омонимические рифмы). Особый тип омонимических рифм составляют созвучия, тождественные по написанию, но имеющие ударение на разных слогах. В приведенном примере, являющемся, кажется, первым в русской поэзии, использованы между прочим и рифмы составные («белая – бела я»), образцы которых есть у всех наших поэтов (например, у Пушкина: «разбирай-ка – хозяйка» и выше приведенный пример: «по калачу – поколочу»).

Пожар. (Глубокие рифмы). Согласная, предшествующая ударной в рифме, называется опорной (*consonne d'appui*). Рифмы, в которых тождественна (или сходна по произношению) опорная согласная, называются сочными. В мужских

открытых рифмах совпадение опорной согласной необходимо для того, чтобы рифма была точной, например: «любви – зови», «они – огни», хотя даже у Пушкина встречаются такие рифмы с различными опорными согласными, как «колеи – земли», «она – сошла» и т. п. (см. мою статью «Стихотворная техника Пушкина», в VI т. сочинений Пушкина, под ред. Венгерова). Некоторое исключение составляют такие рифмы на ю и я, потому что это звуки йотированные, и j (йот), звучащий перед окончанием (ja, ju), как бы заменяет опорную согласную, чем и объясняются рифмы Пушкина, как: «меня – моя», «пою – молю» и т. п. В мужских рифмах смягченных, то есть на и, совпадение опорной согласной также менее обязательно, но все же весьма желательно; подлинно точными рифмами будут: «зной – волной», «чей – ручей», но не; «зной – пустой», «чей – огней», хотя у Пушкина есть даже рифма: «землей – пустой», а у Андрея Белого попытки рифмовать смягченное мужское окончание с несмягченным (как бы, например, «мглой – могло», что приближается к рифмам укороченным). Образцов сочных рифм немало у Пушкина и других поэтов, особенно в глагольных рифмах («забывает – открывает» и т. п.). Почти исключительно сочными рифмами писал Херасков. Если в рифмах тождественны (или сходны по произношению) не только опорная согласная, но и предшествующие слоги, то рифма называется глубокой.

Она—прелестна... (Глубокие рифмы). См примеч.

к предыдущему стихотворению.

На льдинах. (Богатые рифмы). Богатыми рифмами (la rimeriche, die reiche Reime) называются созвучия, образованные словами разных грамматических видов и форм: глагола с именем, имени с предлогом, союзом, существительных в разных падежах и т. д. Примеров богатой рифмы много у Пушкина («Гарольдом – со льдом», «лапоть – капать»); пристрастие к богатым рифмам было у К. Павловой.

Ты – что загадка... (Семисложные рифмы). На дактилические рифмы указывал еще Кантемир, но они редко применялись раньше Жуковского; даже у Пушкина их немного. Есть у Пушкина,; как исключение, и четырехсложные рифмы («покрюкивает – вскакивает», «библейского – монархического» и др.); позднее пользовался ими Я. Полонский («Старая няня»), еще позже – Ф. Сологуб, автор этой книги и др. Ипердактилические рифмы с окончанием более, чем в четыре слога, пока – очень редки; между тем в русском языке слов с ударением на пятом слоге от конца немало.

Ночь. (Уменьшающиеся рифмы). Приведенный пример написан со смежными рифмами, постепенно уменьшающимися от семисложного окончания до мужского. Стихи перепечатываются из сборника «Семь цветов радуги».

Холод. (Пятисложные рифмы). См. выше. Стихотворение перепечатывается из сборника «Все напевы».

С губами, сладко улыбающимися. (Рифмы). Стихотворение написано с тернарными рифмами, то есть чередую-

щимися через два стиха. Примеры такой рифмовки есть уже у Пушкина («Не розу пафосскую...»).

Длитесь, мгновенья! (Четырехсложные рифмы). См. выше.

Как дельфин. (Начальные рифмы). Начальными рифмами называются созвучия, стоящие в начале стиха. При этом стих может или оставаться без рифмы на конце (белые стихи), как в приведенном примере, или иметь самостоятельную рифму. В последнем случае начальная рифма становится просто постоянной внутренней рифмой (примеры см. ниже.) Образцы начальных рифм дала 3. Гиппиус.

Реетень. (Начальные рифмы). Особый тип начальной рифмы представляет созвучие конца стиха с началом следующего (или одного из следующих). Точно выдержанная, такая рифмовка дает, так называемые, «бесконечные» (или «змеиные») строфы («серпантин»), как в приведенном примере.

Меж развалин. (Серпантин). См. примеч. к предыдущему стихотворению.

Усни, белоснежное поле! (Рифма предпоследнего слова). Стихи перепечатаются из сборника «Семь цветов радуги».

Монопланы. Вечером в дороге. Две головки. (Рифмы). См. выше. Два последних стихотворения – из того же сборника.

На лыжах. Мгновенья мгновенное. Как неяркие butto-

ны. Лесные тропинки. (Сплошные и внутренние постоянные рифмы). Стихами со сплошными рифмами называются те, где рифмуется каждое слово; с постоянными внутренними рифмами те, где внутренние рифмы стиха стоят на определенном месте, например, в полустушиях, перед постоянными цесурами и т. д. Пример постоянных внутренних рифм представляют переводы Пушкина из Мицкевича. Кроме последнего, другие три стихотворения – из того же сборника.

Две малайских песни. Две испанских песенки. Вербная суббота. (Ассонансы). См. выше об ассонансах. «Песни» были напечатаны в «Сборнике Сирина», «Вербная суббота» – в сборнике «Семь цветов радуги».

Сухие листья. (Звукопись). См. выше. Из того же сборника.

Лишь безмятежного мира... Это – надгробные нении... Утренняя тишь. Последний спор. (Перезвучья). Примеры различного размещения конечных и срединных рифм. Стихи были ранее напечатаны в «Русской мысли» и «Летописи».

Мой маяк. Слово. (Анафоры). Форма анафоры, стихов, где все слова начинаются с одной и той же буквы, относится к так называемым темам. «Темы» приближаются к «формам», так как определяют строение всего стихотворения, но в то же время дают и своеобразие его звуковой стороны, почему могут рассматриваться и как приемы евфонии. Анафоры были сравнительно обычны в поэзии последних периодов

Рима и монастырской средневековой. Стихи «Мой маяк» – из сборника «Семь цветов радуги».

Июльская ночь. (Азбука). Как бы особый вид анафоры составляют стихи, где каждое слово начинается или кончается определенной буквой. Образцы такого рода стихов были даны в те же периоды, как анафоры.

В дорожном полусне. Голос луны. (Палиндром буквенный). Палиндромом называется стихотворение, которое можно читать от начала к концу и от конца к началу, по буквам (буквенный палиндром) или по словам (словесный). Известны палиндромы Порфирия Оптациана (IV в. по р. X.) и, у нас, Державина:

Я иду с мечем, судия.

(Другой известный палиндром: «А роза упала на лапу Азора»). В последнее время писал палиндромы В. Каменский («перевертни»).

Виденья былого. Из антологии. (Палиндромы словесные). См. примеч. к предыдущему стихотворению. Второй пример – точный перевод с латинского.

Из латинской антологии. (Стихи обращенные и др.). Римская поэзия III—IV вв. по р. X. представляет много образцов мастерски выполненных тем в поэзии Пентадия, Порфирия, Авсония и др. По приведенным примерам (переводы) ясно видны задачи отдельных тем. «Эпитафия Верги-

лия» намекает на три его основных труда: «Буколики», «Георгики», «Энеиду». Поэт, как пастырь, пас коз веткой, как орадай, возделывал огород лопатой, и как воин, низил врагов мечом. Ср. стих Пушкина:

Швед, русский колет, рубит, режет.

Восточное изречение. (Метаграмма). Метаграммой называются слова или стихи, составленные из одних и тех же букв, но в различном порядке.

Некоторые др. темы см. в отделе «Опыты по строфике».

Часть III

Опыты по строфике

Рим. (Моностих Авсония). Моностихи (стихотворения в одну строку) встречаются в греческой и латинской антологиях. Приведенный образец – перевод моностиха Д. М. Авсония (IV в. по р. Х.) – был напечатан в «Русской мысли» и в брошюре «Великий ритор», М., 1911, как и др., следующие далее, переводы стихов Авсония.

О императорах. (Моностихи Авсония). См. примеч. к предыдущему стихотворению.

О приближении весны. (Повторные дистихи Пентадия). Элегический дистих—сочетание гексаметра и пентаметра, любимая форма античных элегиков. Повторным на-

зывается дистих, в котором первое полустишие гексаметра повторяется, как второе полустишие пентаметра. Приведенный образец – перевод повторных дистихов Пентадия (III в. по р. X.) – был напечатан в «Русской мысли», как и другие, следующие далее, переводы стихов Пентадия.

Подражание Горацию. (Алкеев метр). Алкеев метр, или алкеева строфа – четверостишие, в котором третий стих – чистый четырехстопный ямб, а остальные три стиха – сложные метры: первый и второй – два ямба с женским окончанием перед цесурой и два дактиля, четвертый – два дактиля и два акаталектических хорей (логаедический метр). Такой характер алкеева строфа принимает в русской метрике, в античной – характер ее несколько иной. Вообще, по условиям русской метрики, античные сложные метры (логаеды и др.) в русской поэзии подвергаются различным изменениям, выяснять подробно которые здесь – не место. В русской поэзии есть длинный ряд попыток воссоздать сложные античные метры в переводах и подражаниях: А. Востокова, Вяч. Иванова, В. Вересаева, М. Гофмана, Семенова-Тяншанского, пишущего эти строки и др.

К Лидии. (Сапфическая большая строфа). К Лидии. (Сапфическая меньшая строфа) .На бренность. (Сапфическая строфа Сульпиция Луперка). См. примеч. к предыдущему стихотворению. Два первых образца – переводы од Горация, которые были напечатаны в журнале «Гермес», 1916—1917 гг.; третий – перевод оды Сульпиция Луперка (III в. по

р. X.), напечатанный там же.

Из Андре Шенье. (Александрийский стих). Александрийский стих, во французской поэзии, – двустишия (дистихи) с чередующимися смежными рифмами, женскими и мужскими. Условие принято передавать французский двенадцатисложный стих – шестистопным ямбом, хотя характер этих двух метров далеко не одинаков.

Умирующий день. (Терцины). Терцин» – итальянская форма трехстиший (трестихов), наиболее распространенная. Теория терцин – общеизвестна. Их преимущество в связности строф порядком рифм. Условно принято итальянский десятисложный стих, в терцинах, передавать по-русски пятистопным ямбом, впрочем, близким по характеру метра.

Сонеты. Теорию сонета, подробно разработанную итальянскими и французскими теоретиками, можно найти во всех популярных руководствах по стихосложению. В идеальном сонете содержание должно быть расположено соответственно с внешним построением стихотворения: первая кватрина – вводит основную мысль; вторая кватрина развивает ее; первая терцина – противопоставляет основной мысли новую; вторая терцина дает синтез обеих мыслей. Ввиду такого построения, сонеты с кодою (с «хвостом», то есть с добавочными стихами), обращенные сонеты (где терцины стоят раньше кватрин) и тому подобное являются извращением идеи сонета. Сонет-акростих, стр. 516, есть видоизменение акро-

стиха вообще и, следовательно (как телестих и месостих, в которых определенный смысл дают крайние, последние, или средние буквы), относится столь же к «формам», как и к «темам».

Oblat. Ее колени. (Рондо). Теорию рондо см. там же, где теорию сонета. Сущность рондо – трижды повторенный припев: в начале, в середине и в конце стихотворения, причем традиция предпочитает в рондо две рифмы. Развитие идеи рондо приводит к сложным рондо и тому подобное. Рондо «Ее колени» взято из сборника «Все напевы».

Три символа. (Риторнель). **Ф. Сологубу.** (Триолет). **Сон мгновенный.** (Виланель). Риторцель, триолет и виланель – «формы», дошедшие из старофранцузской, староитальянской и провансальской поэзии, где зародились рондо и сонет. Поэтому теории этих форм также достаточно разработаны и помещаются во всех учебниках стихосложения. Менее других известна риторнель, обычно – трехстишия, где два стиха, более длинных, развивают мысль первого, более короткого. Триолет был написан уже Карамзиным, а К. Фофанов прославил «царевича Триолета» триолетами же; позже Ф. Сологуб дал целую книгу триолетов. Достоинство триолета, конечно, в том, чтобы повторяющиеся стихи (два первых в конце, как седьмой и восьмой, и первый еще, как четвертый) не были только припевом, но появлялись каждый раз с видоизмененным значением. Форма виланели следует из приведенного образца.—Триолет Ф. Сологубу (ответ на

его триплет, обращенный к автору) взят из сборника «Семь цветов радуги».

О женщинах былых времен. (Фр. Вийона).

О любви и смерти. (Баллады). Термин «баллада» имеет два значения. Немецкие романтики называли так небольшую эпическую поэму в строфах; эта форма хорошо у нас известна по балладам Шиллера и Гете, в переводах Жуковского, гр. А. К. Толстого, новых – С. Соловьева и др. Автор этой книги написал две баллады такого рода: «Похищение Берты» («Сборник Сирина», II) и «Прорицание» («Одесский листок» 1914 г.). В старофранцузской поэзии термин «баллада» имел иной смысл: так называлось лирическое стихотворение из трех строф по восьми стихов с заключительной «посылкой» (envoi) в четыре стиха, при трех рифмах на всю пьесу, из которых одна встречается четырнадцать раз, другая – восемь, третья – шесть, и с повторением одного и того же стиха (припева) в конце всех строф, не исключая «посылки». Достоинство баллады в том, чтобы повторяющийся стих естественно входил в состав строфы. В последние годы ряд баллад был написан М. Кузминым, Н. Гумилевым и др. Баллада «О женщинах» (перевод баллады Франсуа Вийона) была напечатана в «Сборнике Сирина», II, а баллада «О любви и смерти» взята из сборника «Семь цветов радуги».

К Даме. (Канцона). Канцона, — любимая форма провансальских и староитальянских поэтов, – лирическое стихотворение в строфах, построение которых предоставлялось

изобретательности поэта. (См. Вступительную статью) Лучшие канцоны на русском языке написаны Вяч. Ивановым. Канцона «К Даме» была напечатана в «Сборнике Сирина», II.

Безнадежность. (Секстина). Секстина – стихотворение из шести строф по шести стихов каждая, причем конечные слова первой строфы (которые могут между собою рифмовать, по могут и не рифмовать) повторяются во всех строфах на заранее определенных местах, осуществляя все возможные алгебраические «перемещения» шести элементов. Достоинство секстины – в естественности этих повторений и в том, чтобы повторяющиеся слова появлялись каждый раз в видоизмененном значении. Едва ли не первая, по-русски, секстина была написана Л. Моем; позже ряд секстин был написан М. Кузминым и др. Секстина «Безнадежность» взята из сборника «Семь цветов радуги».

Песня из темницы. (Строфы). Род канцоны (см. выше).

Дворец Любви. (Строфы). Перевод французских стихов XIV в. Метр – шестистопный ямб с женской цесурой

В ту ночь. Твой взор. (Газеллы). Газелла – двустишия персидской поэзии, где особенности этой формы были вызваны свойствами языка. Сущность газеллы (правильнее – газели) – в повторении заключительных слов первого стиха в конце второго стиха и в конце каждого двустишия; все остальное – украшения, которые для данной формы не обязательны. Достоинство газеллы – в том же, как и в других

формах с повторением слов (рондо, триолет, баллада, виланель, секстина и др.). Ряд газелл, – переводы Гафиза, – дал А. Фет; много газелл написано М. Кузминым, Вяч. Ивановым и др. Газелла «В ту ночь» была напечатана в «Сборнике Сириа», II.

Персидские четверостишия. Свойства языков персидского и арабского побудили поэтов Ближнего Востока (в том числе староармянских и др.) употреблять многостопные стихи, разделенные постоянной цесурой на два самостоятельных полустишия. В передаче на европейские языки каждый такой стих разлагается на два. Так называемые «персидские четверостишия» (зародыш, из которого развилась газелла) суть, собственно, двустишия с постоянной внутренней рифмой перед первой большой цесурой; вот почему третий стих (в сущности – полустишие) остается без рифмы. «Персидские четверостишия» были напечатаны в «Сборнике Сирина», II.

Песнь норманнов. (Припевы). О припевах см. выше.

Армянские песни. (Народные, Саят-Новы и др.). Армянская поэзия восприняла многие приемы, обычные во всей восточной поэзии: персидской, арабской и др. Эти приемы мастерски применены авторами монастырской лирики XV—XVII вв. и позднейшими «ашугами» (народными бродячими певцами), среди которых талантливейшим был Саят-Нова (XVIII в.). Припевы, обязательные повторения слов, много раз повторяющаяся рифма и тому подобное, все это,

только изредка встречающееся в европейской поэзии, разработано староармянскими поэтами, как основные приемы музыкальности стихов. Так как вместе с тем армянская лирика XV—XVII вв. достигает предельных высот искусства, содержит истинные перлы мировой поэзии, то изучение этой лирики обязательно для каждого поэта, наравне с провансальской поэзией, с античной и т. под. Подробнее об этом см. наши статьи в книгах: «Поэзия Армении с древнейших времен» (под ред. Валерия Брюсова, изд. М. Армянского комитета, М., 1916 г.), откуда взяты и приводимые здесь образцы, и Валерий Брюсов, «Летопись исторических судеб армянского народа от VI в. до р. X. по наше время» (изд. того же комитета, М., 1918). Джан-гюлюмы – народные весенние обрядовые песни.

Танки и хай-кай. Танка, любимая форма старояпонских поэтов, стихотворение в тридцать один слог, расположенных в пяти стихах, по характеру японского языка – без рифм. Хай-кай – как бы укороченная танка, ее три первых стиха. Японские поэты умели вкладывать в тридцать один слог танки выражение сложных и многообразных чувств. Для европейца танка кажется вступительным стихом к ненаписанному стихотворению... Г. А. Рачинский остроумно указал, что тридцать один слог танки совпадают с тридцать одним слогом античного элегического дистиха; первые три стиха (пять, семь и пять слогов) образуют семнадцать слогов полного гексаметра, два последних стиха (семь и семь слогов)

– четырнадцать слогов пентаметра. Много танок и хайкай, по-русски, написано К. Бальмонтом. Приводимые здесь были напечатаны в «Сборнике Сирина», II.

Треугольник. Стихотворения, которые расположением стихов образовывали разные фигуры, были распространены уже в римской поэзии III—IV вв. по р. X. Само собой понятно, что такое расположение придает и своеобразие ритмам стихов. «Фигурные» стихотворения должно отнести поэтому к разряду «тем».

Вечерное свидание. (Бесконечное рондо). Бесконечное рондо – форма, в которой каждая следующая строфа повторяет, как стихи первый и третий, стихи второй и четвертый предыдущей строфы. Известный пример бесконечного рондо дан Ш. Бодлером.

Терем мечты. (Повторные рифмы). **Вечерний Пан** и др. (Строфы). Образцы различного построения строф, с внутренними постоянными рифмами и без таких рифм. Число возможных построений строфы, как указано во Вступительном очерке, — бесконечно. В частности, в стихах «Итак, это – сон...» использованы четырехсложные рифмы, в стихах «Закатная алость» – все выражения, означающие оттенки красного цвета, и под.

В. Брюсов